

С.С.Григорцевич

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ
ПОЛИТИКА
ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ
ДЕРЖАВ
В 1906 – 1917 гг

Томск – 1965

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. В. КУЙБЫШЕВА

С. С. ГРИГОРШЕВИЧ

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ
ПОЛИТИКА
ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ
ДЕРЖАВ В 1906 — 1917 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск — 1965

Редактор профессор К. П. Ярошевский

ВВЕДЕНИЕ

Вступление капитализма в его высшую и последнюю стадию — империализм привело к серьезным экономическим и политическим последствиям во всем мире. В. И. Ленин писал, что империализм порождает «...рост милитаризма, учащение войн, усиление реакции, упрочение и расширение национального гнета и колониального грабежа»¹). Империализм характеризуется обострением борьбы великих держав за передел колоний, сфер влияния и рынков сбыта. Победа Японии над царизмом в русско-японской войне укрепила позиции японского империализма и изменила соотношение сил на Дальнем Востоке. Основными противоречиями в этом районе (вместо англо-русских и русско-японских) стали японо-американские.

Два фактора обуславливали особую остроту японо-американского соперничества: во-первых, Соединенные Штаты Америки и Япония, как указывал В. И. Ленин, принадлежали к быстро растущим империалистическим государствам, активно участвовавшим в борьбе за передел мира²), во-вторых, как американский, так и японский империализм в силу географических и других факторов претендовал на гегемонию на Дальнем Востоке. Япония и США, стоявшие в стороне от борьбы великих держав в Европе, концентрировали свои силы в зоне Тихого океана. В. И. Ленин неоднократно отмечал агрессивные устремления финансового капитала Соединенных Штатов Америки и Японии на Дальний Восток. Американские миллиардеры, — писал В. И. Ленин, — «...держат в своем финансовом кулаке всю Америку, готовят удушение Мексики и неизбежно придут к войне с Японией из-за раздела Тихого океана. Эта война уже несколько десятилетий подготавливается. О ней говорит вся литература»³).

1) В. И. Ленин. Соч., т. 22, изд. 4, стр. 132.

2) Там же, т. 21, стр. 310.

3) В. И. Ленин. Соч., т. 24, изд. 4, стр. 381.

В новом соотношении сил, сложившемся на Дальнем Востоке после 1905 г., доминирующим фактором был англо-японский союз. В нем сочетались английская финансовая мощь и японское военное преобладание в Восточной Азии. Используя последствия русско-японской войны, английская дипломатия добилась соглашения с царской Россией, что усиливало позиции британского империализма как в Европе, так и на Дальнем Востоке. Две мировых коалиции, оформившиеся в Европе, — блок стран Антанты и германо-австрийский союз — оказывали большое влияние на развитие международных отношений в Восточной Азии.

В период от Портсмутского мира до Великой Октябрьской социалистической революции все великие державы (за исключением Австро-Венгрии и Италии) принимали более или менее активное участие в борьбе за экономическое и политическое преобладание на Дальнем Востоке. Круг проблем, порождавшихся империалистическим соперничеством, был весьма обширен. Это, прежде всего, противоречия, вызывавшиеся колониальным проникновением в Китай, захват Кореи Японией, экспансия иностранного капитала на русском Дальнем Востоке, а также весьма сложный комплекс дипломатических взаимоотношений великих держав, связанный с их дальневосточными интересами. Одной из основных целей данной работы является выяснение роли и значения дальневосточного узла империалистических противоречий в общей системе союзов и государств того времени. В данном случае автор руководствовался указанием В. И. Ленина о том, что для правильного понимания сути дипломатических взаимоотношений и уяснения причин, вызвавших первую мировую войну, следует рассматривать весь комплекс международных отношений В. И. Ленин писал: «...надо взять всю политику всей системы европейских государств в их экономическом и политическом взаимоотношении, чтобы понять, каким образом из данной системы неуклонно и неизбежно вытекла данная война»⁴).

В работах советских и зарубежных авторов взаимозависимость двух районов межимпериалистических противоречий — европейского и дальневосточного в достаточной степени не исследована. Несомненно, что главную роль в развитии международных отношений накануне первой мировой войны играли противоречия европейских империалистических государств, прежде всего — англо-германские. Рассматривая внешнюю политику и дипломатию империалистических государств в тесной взаимосвязи с экономическими и политическими интересами господствующих классов, мы можем проследить влияние европейских интересов великих держав на их дальневосточную политику и, наоборот, влияние дальне-

⁴) В. И. Ленин. Соч., т. 24, изд. 4, стр. 365.

восточных интересов на взаимоотношения Японии, Англии, царской России, Франции, Германии и США.

Буржуазная историография пытается затушевать эксплуататорскую сущность колониалистской политики западных государств, однако изучение конкретного исторического материала дает возможность проследить зависимость между корыстными интересами крупных монополий на Дальнем Востоке и дальневосточной политикой империалистических правительств. Важным вопросом политики империалистических держав на Дальнем Востоке было соперничество в Китае. Борьба за экономическое и политическое господство в Китае, за «право» на эксплуатацию китайского народа, за рынки сбыта, железнодорожные и иные концессии этой густонаселенной и обширной страны не затихала ни на один день. Экономическое преобладание в Китае в течение значительного времени принадлежало Англии, Германии и Франции, которые, кроме того, закрепили за собой определенные зоны влияния. Царская Россия и Япония поделили Северо-Восточный Китай на сферы влияния. Соединенные Штаты Америки, вступившие в борьбу за колонии на Дальнем Востоке с некоторым запозданием, стремились оттеснить своих конкурентов и, используя различные методы, установить собственную гегемонию в Китае. Продолжалось острое соперничество в Северо-Восточном Китае. Американский империализм прилагал серьезные усилия к тому, чтобы подорвать там позиции Японии и царской России и, превратив Маньчжурию в международную колонию, использовать ее для проникновения в Центральный Китай, Сибирь и Монголию. Японские империалисты в годы первой мировой войны пытались установить в Китае политическое господство.

Начало XX в. ознаменовалось подъемом революционного и национально-освободительного движения народов Востока. «Мировой капитализм и русское движение 1905 года, — писал В. И. Ленин, — окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию»⁵⁾). Буржуазные авторы, как правило, игнорируют влияние национально-освободительного движения народов Востока на развитие международных отношений. Этот вопрос не нашел должного освещения и в советской исторической литературе. Между тем исследование конкретной истории международных отношений этого периода свидетельствует о том, что остро враждовавшие между собой империалистические государства шли на временные соглашения для того, чтобы объединить свои силы с целью борьбы

⁵⁾ В. И. Ленин. Соч., т. 19, изд. 4, стр. 66.

против революционного и национально-освободительного движения в Китае, Корею и других странах Азии.

Включение в работу разделов, касающихся политики царского правительства на русском Дальнем Востоке, объясняется тем, что наличие порто-франко, русско-японская рыболовная конвенция и усиленная экспансия иностранного капитала сделали его ареной межимпериалистической борьбы, превратив в объект международных соглашений. После заключения Портсмутского мира царизм стал уделять русскому Дальнему Востоку значительно больше внимания. Меры царского правительства, направленные на экономическое освоение Приамурья и Южно-Уссурийского края, объяснялись не только внутренними, но также стратегическими и внешнеполитическими соображениями.

Географический район данного исследования распространяется на Восточную Азию и северо-западное побережье Тихого океана, которые объединяются под условным названием — Дальний Восток. Политики великих держав в Юго-Восточной Азии, а также события, вызванные действиями империалистов на южных и западных границах Китая, затрагиваются лишь в той мере, в какой это необходимо для освещения дальневосточной политики империалистических государств.

Стремясь решить поставленные проблемы на основе самостоятельного анализа документов, автор в то же время ставил задачу подвести итог исследованиям советских и зарубежных историков по названной теме. В монографии наибольшее внимание уделено вопросам слабо изученным, а проблемы достаточно разработанные в советской исторической литературе освещены сжато, в той мере, в какой это было необходимо для того, чтобы сохранить непрерывность изложения и правильно проанализировать события международной жизни в их взаимосвязи.

В наши дни идет острая борьба коммунистической и буржуазной идеологий, которая распространяется и на историю международных отношений. Реакционная буржуазная историография извращает историю прошлого и стремится скрыть тот факт, что «для империалистических государств дипломатия была и остается инструментом навязывания своей воли другим народам, орудием подготовки войн. В период безраздельного господства империализма вопрос о войне и мире решался финансово-промышленной олигархией в глубокой тайне от народов»⁶⁾. Изучение международных отношений дает возможность не только восстановить истинный смысл и антинародный характер внешней политики империалистических государств в прошлом, но помогает понять суть и причины агрессивной политики империализма в настоящее время.

⁶⁾ Программа Коммунистической партии Советского Союза. «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1962, стр. 361.

ИСТОЧНИКИ, ИСТОРИОГРАФИЯ И ЛИТЕРАТУРА

Для написания настоящей работы важным источником явились неопубликованные материалы архивов. Из Архива внешней политики России использованы депеши и телеграммы русских послов и посланников из Токио, Пекина, Вашингтона, Лондона, Парижа и Берлина, письма и инструкции министра иностранных дел, а также другая дипломатическая и междуведомственная переписка. Большой и разнообразный материал по исследуемому вопросу содержит донесения русских дипломатических представителей в Японии и Китае. Следует особо отметить содержательные и интересные депеши посла в Токио Малевского-Малевича. Последний, будучи монархистом и реакционером, принадлежал к верхушке царской бюрократии. Он занимал свой пост в Токио около 10 лет. Малевский-Малевич хорошо знал политическую жизнь Японии, поддерживал связи с ее государственными деятелями и оказал определенное влияние на развитие русско-японских отношений. Донесения Малевского-Малевича дали возможность компенсировать недостаточное количество японских источников, которыми располагал автор.

В Ленинградском Центральном историческом архиве значительные материалы по дальневосточной политике России и других империалистических держав содержатся в фонде Совета министров. Важные проблемы внешней политики царской России так или иначе обсуждались либо на заседании Совета министров, либо в «особых совещаниях», созывавшихся для рассмотрения конкретных вопросов. Обычно каждое обсуждение тщательно готовилось. Составлялась справка, содержащая характеристику и историю возникновения данного вопроса; запрашивались мнения заинтересованных министров и ведомств, иногда излагалась точка зрения других правительств и т. д. В журналах Совета министров и «особых совещаний» содержится краткая запись выступлений участников заседаний и принятые решения с последующей резолюцией царя. Из подобных документов, в данном случае, особый

интерес представляют материалы, связанные с русско-японскими, русско-китайскими и русско-американскими отношениями.

В Центральном государственном архиве Дальнего Востока (г. Томск) хранятся документы дальневосточных учреждений. В фондах. Канцелярии приамурского генерал-губернатора (дипломатический отдел), Канцелярии военного губернатора Приморской области, пограничного комиссара Южно-Уссурийского края и других имеются документы по экспансии иностранного капитала на русском Дальнем Востоке, консульские донесения из Японии, Китая, Кореи и США, содержатся интересные материалы по антияпонской борьбе корейского народа. Материалы местных органов власти дают возможность установить слабость военно-экономических позиций царизма на Дальнем Востоке и проследить бессилие царской администрации в борьбе с хищничеством и засилием иностранного капитала. Громадный документальный материал архивов требует критического анализа, так как авторы тех или иных документов, как правило, оправдывают реакционную политику царизма. Исключительно ценные материалы по данной теме содержатся в советской публикации «Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1878—1917 гг.». В 1928 г. советское правительство создало при ЦИК СССР комиссию по изданию документов эпохи империализма под председательством М. Н. Покровского. В 30-х годах было опубликовано 10 томов третьей серии этого издания, в которые включены документы с января 1914 г. по апрель 1916 г. В 1938—1940 гг. были изданы три тома второй серии, в которых опубликованы документы с мая 1911 г. по октябрь 1912 г.

Советское издание «Международные отношения в эпоху империализма» построено по хронологическому принципу и день за днем отражает внешнюю политику царского правительства. Переписка министерства иностранных дел с русскими представителями за границей содержит интересный материал о дальневосточной политике Японии, США, Англии и других государств. В издание включены телеграммы иностранных дипломатических представителей в России, расшифрованные в царском министерстве иностранных дел. В связи с тем, что в Англии и Франции до сих пор не опубликованы архивные материалы периода первой мировой войны, третья серия советской публикации является единственным изданием, содержащим систематизированную дипломатическую переписку между членами блока Антанты в этот период.

Между советской публикацией и соответствующими официальными изданиями дипломатических документов кануна первой мировой войны, опубликованных в Германии, Англии, Франции и США, есть принципиальная разница. Докумен-

тальные публикации в западных странах создавались с определенной целью — оправдать империалистическую политику правительств своих государств и возложить ответственность за возникновение первой мировой войны на бывшего противника, в то время как составители советской публикации стремились, прежде всего, разоблачить империалистическую политику царского правительства. В научно-редакционной подготовке и комментировании данной публикации принимали активное участие видные советские историки М. Н. Покровский, Н. М. Лукин, Ф. А. Ротштейн, А. С. Ерусалимский и другие. Исключительная полнота в подборке публикуемого материала и хороший справочный аппарат делают советскую публикацию незаменимой при изучении международных отношений. Следует отметить, что в советской публикации документов содержатся обширные материалы по колониальной политике империалистических государств в Азии.

Несколько подборок документов, содержащих материалы по истории международных отношений на Дальнем Востоке, было опубликовано в журнале «Красный Архив». В частности, следует отметить публикацию А. И. Попова «Китайская революция», в которой имеются документы, характеризующие империалистическую политику держав в период Синьхайской революции⁷⁾. В публикации А. С. Ерусалимского и А. Л. Попова «Царская Россия и Монголия в 1913—1914 гг.» приведено много важных документов, характеризующих политику царского правительства во Внешней Монголии⁸⁾. В «Сборнике договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925)», составленном Э. Д. Гриммом, опубликованы тексты наиболее важных договоров и соглашений великих держав с Китаем и некоторые другие документы, относящиеся к взаимоотношениям государств на Дальнем Востоке. В сборник «Русско-китайские отношения 1689—1916» включены официальные документы, характеризующие развитие русско-китайских связей и политику царизма в Китае. В качестве источника в работе использованы стенографические отчеты Государственной думы и некоторые издания царского министерства иностранных дел.

Официальные публикации государственного департамента США «Foreign Relations of the United States» издаются по годам и составлены по тематическому принципу. Разделы, посвященные дипломатической переписке по отдельным вопросам взаимоотношений с Китаем, Японией или другими странами по делам дальневосточной политики, довольно обширны и имеются в каждом томе. Однако пользоваться ими довольно трудно, потому что исследователю приходится обра-

⁷⁾ «Красный Архив», 1926, т. 5 (18), стр. 63—73.

⁸⁾ Там же, 1929, т. 6 (37), стр. 3—68.

щаться к различным разделам публикаций для того, чтобы выяснить взаимосвязь одного вопроса с другим. Некоторые важные документы не включаются совсем или публикуются с сокращениями. В 1939—1940 гг. были опубликованы два тома архива Лансинга «Lansing Papers 1914—1920», в которых содержится обширная переписка государственного секретаря Лансинга с президентом Вильсоном, американскими представителями за границей и другими должностными лицами. Здесь имеется много документов об экспансионистской политике США в Китае, американо-японских отношениях и других вопросах дальневосточной политики Соединенных Штатов Америки во время первой мировой войны.

В 1961 году профессор Д. Гебель опубликовала сборник документов, посвященный внешней политике Соединенных Штатов Америки в период с 1776 по 1960 гг. Документы этого сборника подобраны тенденциозно с целью представить американскую внешнюю политику с лучшей стороны и замаскировать ее империалистический характер. В разделе сборника «Соединенные Штаты и Дальний Восток 1900—1917 гг.» приводится сравнительно небольшое количество документов, которые уже ранее были опубликованы⁹⁾.

Важным источником по внешней политике США являются протоколы американского конгресса «Congressional Record». В работе использованы ежегодные послания американских президентов конгрессу, в которых содержится общая характеристика внешней политики Соединенных Штатов, а в некоторых посланиях особо выделяется и разъясняется дальневосточная политика. По вопросам американо-японских и американо-китайских отношений в конгрессе происходили бурные дебаты, на основе которых можно судить как о целях правительственной политики, так и о внутренней борьбе, происходившей среди правящих кругов США по вопросам дальневосточной политики. Ценным изданием по вопросам политики империалистических государств в Китае является обширный двухтомный сборник документов, составленный работником американской дипломатической службы Д. Макмерреем «Treaties and Agreements with and concerning China 1894—1919», опубликованный в 1921 г. В сборник включены договоры, заключенные между различными государствами и Китаем, а также почти все известные в то время соглашения между центральным правительством Китая или провинциальными властями, с одной стороны, и различными иностранными монополиями, фирмами или частными предпринимателями об «арендованных» территориях, различных концессиях, займах и т. д. — с другой. Пользование сборником затрудняет то, что некоторые документы включены в него без должной науч-

⁹⁾ D. Goebel. American Foreign Policy. A Documentary Survey 1776—1960, New York, 1961, p. 185—197.

но-редакционной подготовки и не снабжены необходимыми комментариями.

Важнейшим источником по данной теме являются германские, английские и французские официальные публикации дипломатических документов. В Германии в 1922—1927 гг. было опубликовано 40 томов дипломатической переписки о политике европейских правительств «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914». Это издание осуществлялось со специальной целью — снять с германского империализма ответственность за развязывание первой мировой войны, которая возлагалась на Германию по условиям Версальского мира. Немецкая публикация составлена по хронологически-тематическому принципу. Документы о политике Германии и других держав на Дальнем Востоке по интересующему нас периоду сосредоточены в основном в 25 и 32 томах. Первая часть 25 тома озаглавлена: «Англо-русское соглашение и Восток». Здесь собрана дипломатическая переписка за 1907 и 1908 гг., посвященная политике Германии в Китае, германо-японским отношениям и попыткам правительства Вильгельма II сблизиться с Соединенными Штатами Америки для того, чтобы совместно противостоять странам Антанты на Дальнем Востоке.

32-й том германской публикации «Державы и Восточная Азия 1909—1914 гг.» содержит документы о политике Германии и других государств в Китае, о сотрудничестве и противоречиях империалистов в связи с созданием консорциума и революцией в Китае, а также о германо-японских и американо-германских отношениях.

Из немецкой публикации следовал вывод, что в развязывании первой мировой войны повинна не Германия, а другие империалистические государства. В связи с этим правительства Англии и Франции предприняли собственные издания дипломатической переписки. В 1927—1938 гг. в Англии было опубликовано 11 томов документов о происхождении мировой войны «British Documents on the Origins of the War 1898—1914». Английское издание составлено по тематическому принципу. В 4-м томе публикации, посвященном англо-русским отношениям в 1903—1907 гг., имеются материалы, характеризующие политику Великобритании на Дальнем Востоке после русско-японской войны. Наиболее обширные материалы по дальневосточной политике Англии содержатся в 8-м томе. В 10 и 11 томах опубликовано англо-японская переписка в связи с началом первой мировой войны.

Французские дипломатические документы «Documents diplomatiques français 1871—1914» состоят из 41 тома. Интересующая нас вторая серия этого издания (1901—1911 гг.) содержит 14 томов, опубликованных в 1930—1955 гг.; третья серия (ноябрь 1911—1914 гг.), опубликованная в 1929—1936 гг.,

состоит из 11 томов. Публикуемые документы расположены в хронологическом порядке.

Франция принимала участие в борьбе империалистических держав на Дальнем Востоке, стремясь сохранить свое господство в Индо-Китае и обеспечить капиталовложения французских монополий в Китае. С целью вовлечения царской России в активную борьбу против Германии французская дипломатия, как об этом свидетельствуют материалы 7 и 8 томов второй серии, активно содействовала русско-японскому «примирению» после заключения Портсмутского мира. В 1 и 2 томах третьей серии французской публикации имеются интересные документы о политике держав в Китае в связи с революцией, о стремлении Франции стабилизировать положение на Дальнем Востоке в связи с обострением международной обстановки в Европе и др.

Следует отметить, что в официальных публикациях Германии, Англии и Франции сравнительно мало материалов по дальневосточной политике империалистических государств. Поводом к первой мировой войне явился конфликт на Балканах, поэтому составители сборников, руководствовавшиеся стремлением снять со своих правительств ответственность за возникновение первой мировой войны, опубликовали больше всего документов о взаимоотношениях на Ближнем Востоке и европейских конфликтах великих держав. Характерной чертой трех вышеназванных изданий, а также официальных публикаций США является то, что в них почти не включаются документы о колониальной политике и колониальном соперничестве великих держав. Подлинные причины обострения международной обстановки — борьба магнатов финансового капитала за раздел и передел мира — остаются замаскированными. Документальные публикации, как и другие источники по международным отношениям периода империализма, требуют самого критического отношения при их использовании.

Газеты и журналы исследуемого периода содержат большое количество материалов по международным отношениям на Дальнем Востоке. Материал этот весьма неоднороден как по достоверности излагаемых фактов, так и по значению обсуждавшихся вопросов. Однако именно в прессе нашли наиболее полное отражение борьба, происходившая по вопросам внешней политики внутри каждой страны, межимпериалистическое соперничество и колониальная политика великих держав. Следует учитывать, что шумные кампании, которые поднимали газеты и журналы различных направлений по тому или иному вопросу, часто инспирировались правительством, политическими партиями или определенными группировками финансового капитала из политических или экономических соображений.

Для изучения внешней политики России существенное значение имеет газета «Новое время», являвшаяся полуофициозом правительства и часто публиковавшая статьи, отражавшие правительственную точку зрения или написанные в министерстве иностранных дел. Значительное количество материалов по вопросам внешней политики помещал орган кадетов — газета «Речь» и газеты крайне правого, черносотенного направления — «Земщина» и «Московские ведомости». Большое количество материалов по международным отношениям на Дальнем Востоке содержится в русской дальневосточной периодической печати. Из газет прежде всего следует отметить солидно и квалифицированно издававшиеся «Харбинский вестник» и «Дальний Восток».

Журнал «Вестник Азии» издавался в 1909—1917 гг. в Харбине Обществом русских ориенталистов. Всего вышло 43 номера. Учредителями Общества русских ориенталистов были выпускники восточного факультета Петербургского университета и Владивостокского восточного института. В качестве авторов журнала часто выступали профессора и преподаватели Восточного института и работники русских дипломатических учреждений в странах Дальнего Востока. Наряду с историческими, этнографическими и лингвистическими статьями в журнале публиковались материалы о текущей политической, международной и экономической жизни Дальнего Востока и политике великих держав в Китае, Корее и т. д. «Вестник Азии» являлся одним из наиболее серьезно поставленных изданий подобного типа в то время.

Еженедельный журнал «Китай и Япония» содержал обзор периодической печати. Он издавался в Хабаровске штабом Приамурского военного округа в 1910—1917 гг. В журнале помещались переводы статей из китайских, японских, корейских, американских, английских и других газет и журналов и некоторые материалы из русской прессы. Для исследования международных отношений на Дальнем Востоке журнал «Китай и Япония» является очень важным источником, так как в настоящее время собрать материалы, опубликованные в нем, другим путем практически невозможно. К изданиям подобного типа относятся журналы «Дальний Восток» и «Сводка сведений о государствах Дальнего Востока», издававшиеся штабом Иркутского военного округа, однако последние значительно уступают журналу «Китай и Япония» по объему опубликованного материала и тщательности его отбора.

При написании монографии использованы японские журналы: «The Japan Financial and Economic Monthly» (за 1909—1914 гг.), «The Far East» (за 1912—1916 гг.), «The Japan Magazine» (за 1913—1914 гг.), которые издавались в Токио на английском языке. Журналы помещали значительное количество материалов по вопросам японской политики в Китае,

взаимоотношениям Японии с другими великими державами и т. д. Кроме того, использованы отдельные номера и неполные комплекты газет и журналов, издававшихся в США, а также в Китае и Японии на английском языке. К депешам русских дипломатических представителей за границей часто прилагались вырезки из газет и переводы из иностранной прессы, которые дали возможность значительно расширить круг использованной иностранной периодики.

В обширной мемуарной литературе, вышедшей из-под пера государственных деятелей, занимавших высокие посты накануне и в период первой мировой войны, вопросам дальневосточной политики уделяется сравнительно мало внимания¹⁰). А. П. Извольский, который был министром иностранных дел России в 1906—1910 гг., в своих воспоминаниях стремится оправдать внешнюю политику царизма и разрекламировать себя как дальновидного государственного деятеля, проводившего единственно возможный и разумный внешнеполитический курс. Извольский явно преувеличивает свою роль в деле сближения с Великобританией, которое определялось не только желанием царского правительства, но и конкретной исторической обстановкой. Он фактически признает это, когда пишет: «Если бы Россия повернулась спиной к Франции и Англии и пошла бы по пути завоевания гегемонии в Азии, она оказалась бы вынужденной отказаться не только от ее исторической роли в Европе, но также от своей экономической и моральной независимости *vis—à—vis* с Германией, становясь вассалом германской империи»¹¹). Если Извольский приводит хотя и небольшой материал по дальневосточной политике, то его преемник С. Д. Сазонов, который был министром иностранных дел России в 1910—1916 гг., обходит этот вопрос в своих воспоминаниях полным молчанием.

В воспоминаниях С. Ю. Витте содержатся интересные факты, которые дают возможность лучше понять причины, в силу которых царская Россия после 1905 г. вынуждена была пойти на сближение с Великобританией и Японией. Воспоминания военного министра Николая П. В. Сухомлинова подчинены одной цели — доказать, что военное поражение царской армии во время мировой войны явилось следствием неправильного внешнеполитического курса. Сухомлинов выступает как сторонник сближения с Германией. Явно преувеличивая, он пишет, что после русско-японской войны царская Россия была настолько ослаблена, что в политическом отношении с ней «можно было не считаться»¹²). Сухомлинов приводит некоторые факты о дальневосточной политике России и о военном

¹⁰) За исключением мемуаров, написанных японскими и американскими авторами.

¹¹) А. П. Извольский. Воспоминания, Пг.—М., 1924, стр. 6.

¹²) В. Сухомлинов. Воспоминания, Берлин, 1924, стр. 6.

бессилии царизма на Дальнем Востоке. Издатель «Нового времени» А. С. Суворин отрицает, что его газета являлась правительственным, официозным органом. Однако записи его «Дневника» свидетельствуют о том, что Извольский подерживал связи с Сувориным с целью популяризации своего внешнеполитического курса через газету «Новое время»¹³).

Книга японского дипломата Кикудзиро Исии «Дипломатические комментарии» носит историко-мемуарный характер. Описывая события начала XX в., автор оперирует не только историческими фактами, но и личными воспоминаниями о событиях, активным участником которых он был. Исии защищает агрессивную политику японского империализма в Китае и Корее. Он утверждает, что к 1911 г. Япония «заняла господствующее положение на Дальнем Востоке» и особо порочит значение англо-японского союза в возвышении Японии. «В течение многих лет, — пишет К. Исии, — англо-японский союз был основой японской дипломатии. Договоры с другими странами такие, как, например, русско-японское и франко-японское соглашения, были лишь второстепенными мероприятиями»¹⁴). Значительный интерес для историка представляет описание американо-японских переговоров в 1917 г., которые закончились подписанием нот, известных под названием соглашения Лансинг-Исии. К. Исии стремится приписать себе решающую роль в достижении договоренности с Соединенными Штатами Америки о признании «специальных интересов» Японии в Китае.

П. Рейнш написал воспоминания, посвященные своему пребыванию на посту американского посланника в Пекине в 1913—1919 гг. Рейнш стремится дать общий обзор внутриполитического положения в Китае и анализ «китайской политики» Соединенных Штатов Америки и других великих держав. Он превозносит экономическую и «культурную» деятельность агентов американского капитала на Дальнем Востоке и ратует за преобразование Китая по «западным образцам». Рейнш выступает как убежденный сторонник политики «открытых дверей» в Китае, доказывая, что подобная политика соответствует как интересам США, так и интересам китайского народа. Он приводит материал о проникновении американских монополий в Китай. Рейнш считает, что правительство США не должно было идти на уступки Японии в Китае и, в связи с этим, критикует соглашение Лансинг-Исии, доказывая, что признание «специальных прав» Японии в Китае может в конечном итоге закрыть американскому капиталу путь на Дальний Восток, породив азиатский вариант доктрины Монро, которая приведет к японской гегемонии на Дальнем

¹³) Дневник А. С. Суворина, М.—Пг., 1923, стр. 353, 372, 376.

¹⁴) К. Исии. Дипломатические комментарии, М., 1942, стр. 46—47.

Востоке и нанесет ущерб интересам американского капитала¹⁵).

Четырехтомный «Архив полковника Хауза», ближайшего советника президента Вильсона, издан в переводе на русский язык в 1937—1944 гг. В нем опубликованы: дневник Хауза, его переписка с Вильсоном и другими государственными деятелями, официальные и другие документы. Здесь имеются документы, необходимые для понимания мировой политики Соединенных Штатов и их взаимоотношений со странами Антанты в период первой мировой войны. В «Архиве полковника Хауза» помещено несколько интересных документов об американо-японских отношениях в 1914—1917 гг.

Из английской мемуарной литературы следует отметить воспоминания министра иностранных дел Великобритании Э. Грея, английского посла в России Д. Бьюкенена и «Дневник британского посла в Париже лорда Берти». В вышеназванных мемуарах вопросам международных отношений на Дальнем Востоке отводится крайне мало места, но тем не менее они имеют существенное значение для правильного понимания некоторых важных вопросов. В воспоминаниях французского государственного деятеля Р. Пуанкаре есть материал о попытках французского правительства привлечь японские войска на франко-германский фронт.

Воспоминания канцлера Германии Б. Бюлова дают возможность проследить зависимость дальневосточной политики Германии от характера ее взаимоотношений с Великобританией и Россией. А. Тирпиц, который был главой военно-морского ведомства Германии в 1897—1916 гг. в своих воспоминаниях восхваляет экономическую и «культурную» деятельность немцев в Китае и заявляет, что Германия сыграла «одну из главных ролей в деле приобщения Китая к мировой торговле»¹⁶). В то же время Тирпиц критикует германское правительство за то, что оно не попыталось избежать войны с Россией и не смогло достигнуть соглашения с Японией по вопросу о нейтрализации Восточной Азии.

Советские историки пока не создали обобщающих работ по историографии международных отношений на Дальнем Востоке. Нет подобных работ и в зарубежной исторической литературе. Те или иные историографические вопросы, связанные с изучением дальневосточной политики империалистических держав, рассматриваются лишь в очерках, включенных в специальные монографические исследования, в некоторых общих работах и отдельных статьях. Во введении к моногра-

¹⁵) P. Reinsh. An American Diplomat in China, London, 1922, p. 217—229, 308—315.

¹⁶) А. Тирпиц. Воспоминания. М., 1957, стр. 109—124.

фии А. Л. Нарочницкого, посвященной исследованию колониальной политики капиталистических держав на Дальнем Востоке в 1860—1895 гг., анализируется значительный круг английской, американской, французской и немецкой исторической литературы, посвященной изучению международных отношений на Дальнем Востоке. Автор устанавливает общие закономерности и тенденции, характерные для реакционной буржуазной исторической науки, стремящейся оправдать колониалистскую политику капитализма¹⁷). В статье А. Л. Нарочницкого «Реакционная американская литература о дальневосточной политике США (1938—1945 гг.)» дается обстоятельная характеристика основных направлений американской буржуазной историографии, занимающейся изучением истории международных отношений на Дальнем Востоке, и устанавливается взаимосвязь между антисоветским курсом внешней политики Соединенных Штатов Америки после второй мировой войны и «новыми концепциями» реакционных американских историков¹⁸).

А. А. Фурсенко рассматривает взгляды американских буржуазных авторов на происхождение доктрины Хэя относительно политики «открытых дверей» в Китае. В его статье дан анализ той эволюции, которая наблюдается в трактовке вопроса о причинах провозглашения доктрины Хэя и ее роли в дальневосточной политике США. Автор раскрывает приемы, при помощи которых буржуазные историки пытаются прикрыть империалистический характер принципа «открытых дверей» и доказать якобы «неколониальный» характер политики Соединенных Штатов Америки в Китае¹⁹).

Во второй том коллективного труда советских историков: «Очерки новой и новейшей истории США» включен интересный и содержательный историографический очерк, написанный Г. Н. Севостьяновым, И. П. Деметьевым, В. Л. Мальковым, С. М. Аскольдовой²⁰). Наряду с другими вопросами, авторы рассматривают взгляды американских буржуазных историков, занимающихся изучением внешней политики, и устанавливают общие тенденции, проявляющиеся в работах, посвященных дипломатической истории. В очерке подчеркивается, что большинство буржуазных историков трактует внешнюю политику в апологетическом духе. Авторы отводят значительное место анализу доктрины Монро и взглядов

¹⁷) А. Л. Нарочницкий. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке (1860—1895), М., 1956, стр. 26—52.

¹⁸) См. «Вопросы истории», 1954, № 4, стр. 132—148.

¹⁹) А. А. Фурсенко. Американская буржуазная историография о происхождении доктрины Хэя. Сб. «Критика новейшей буржуазной историографии», М.—Л., 1961, стр. 311—334.

²⁰) «Очерки новой и новейшей истории США», т. II, М., 1960, стр. 605—632.

американских авторов на политику США в Латинской Америке, но вопросам историографии внешней политики Соединенных Штатов накануне первой мировой войны и, в частности, дальневосточной политике этого времени уделяют очень мало внимания.

А. Кунина, Б. Марушкин, Л. Слезкин в статье «Фальсификация истории по заданию американских монополий» дают острую принципиальную оценку презентизма как реакционной методологии буржуазной историографии и вскрывают прямую связь между правящими кругами США и буржуазной исторической наукой. Авторы статьи особо останавливаются на критике тех реакционных историков (Д. Перкинс, Д. Пратт и др.), которые пытаются отрицать империалистический характер внешней политики Соединенных Штатов Америки²¹).

К. Б. Виноградов в книге о буржуазной историографии первой мировой войны дает всесторонний анализ взглядов французских, английских, германских, американских и итальянских историков на характер и происхождение первой мировой войны. Однако автор не ставил задачу рассмотреть литературу о соперничестве держав на Дальнем Востоке²²). В главах, посвященных изучению современной историографии, К. Б. Виноградов показывает, как реакционные буржуазные историки пытаются снять ответственность за развязывание первой мировой войны с капиталистической системы и, в целях укрепления агрессивного Северо-Атлантического союза, фальсифицируют историю возникновения войны. Он критикует апологетов «атлантического единства», которые из политических соображений извращают историю и замалчивают противоречия между империалистическими государствами, ныне являющимися членами агрессивного блока НАТО, показывает влияние политики «с позиции силы» на взгляды реакционных американских историков²³).

В статье И. А. Латышева дается аргументированная критика взглядов тех американских авторов, которые пытаются снять ответственность за агрессивную политику Японии с японского монополистического капитала и оправдать возрождение японского милитаризма после второй мировой войны²⁴).

В монографических работах по истории международных отношений, издающихся в западных странах, как правило, не даются историографические очерки. Правда, в некоторых монографиях в библиографию включаются краткие аннотации

²¹) «Коммунист», 1960, № 13, стр. 105—114.

²²) К. Б. Виноградов. Буржуазная историография первой мировой войны. Происхождение и международные отношения 1914—1917 гг., М., 1962, стр. 22.

²³) Там же, стр. 312, 316, 320, 341, 346, 365—367.

²⁴) И. А. Латышев. Японский милитаризм и его тенденциозное освещение в американской литературе. «Вопросы истории», 1954, № 9, стр. 131—140.

на использованную литературу. В работах историографического характера, изданных в США, рассматриваются некоторые вопросы изучения истории внешней политики американскими авторами. Г. Виш в книге «Американский историк. Социально-интеллектуальная история написания американского прошлого» в главе, посвященной рассмотрению взглядов известного американского историка Ч. Бирда, дает анализ взглядов последнего относительно решающего фактора «борьбы экономических интересов» на развитие человеческого общества. Г. Виш стремится сохранить буржуазную объективность и внешне беспристрастно излагает вульгарную экономическую теорию Ч. Бирда, враждебную марксистскому пониманию истории. Однако обширные выдержки из работ Бирда, которые добросовестно цитирует автор, дают возможность сделать вывод о решающем влиянии американских монополий на формирование внешней политики США в период империализма²⁵).

В «Очерках американской историографии», изданных «в честь» известного апологета американского капитализма А. Невинса — автора ряда книг, посвященных истории американского бизнеса и монополий, помещено несколько работ, в которых в той или иной форме рассматриваются вопросы историографии международных отношений. Д. Роули пытается установить влияние американской исторической науки на политику американского правительства. Автор переоценивает влияние общественного мнения на формирование внешнеполитического курса США и не учитывает того факта, что правящие классы, а особенно американские монополии, используя зависимую от них прессу и другие формы пропаганды, искусственно создают нужное им «общественное мнение»²⁶). Д. Шентон в статье «Империализм и расизм» приводит высказывания многих американских историков о том, что «американский империализм появился без активной помощи американского народа». Рассмотрев взгляды А. Вайнберга и других авторов на возникновение американского империализма, Д. Шентон становится на сторону тех из них, которые считают, что агрессивные и расистские устремления правящих кругов США носили «кратковременный характер», являлись как бы «заблуждением» и не изменили в общем «добропорядочной» внешней политики Соединенных Штатов Америки²⁷).

Американский историк Б. Шмитт — известный специалист по истории международных отношений кануна первой мировой войны — в 1961 г. опубликовал статью, в которой пытался подвести итог изучения дипломатической истории XX в. в странах

²⁵) H. W i s h. The American Historian. A Social—Intellectual History of the Writing of the American Past, New York, 1960, p. 280—284.

²⁶) «Essays in American Historiography», New York, 1960, p. 99—102.

²⁷) Ibid, p. 232—245.

Запада. Б. Шмитт отмечает тот факт, что официальные публикации дипломатических документов в европейских капиталистических государствах после первой мировой войны носили в значительной степени «пропагандистский» характер и были предприняты в связи со спорами об ответственности за развязывание первой мировой войны. Он отмечает агрессивность и «необычайную бестактность» германской дипломатии²⁸⁾. Несмотря на ряд интересных высказываний, Б. Шмитт не смог нарисовать цельной и правильной картины степени изученности истории международных отношений кануна первой мировой войны, так как он игнорирует исследования советских историков по этому вопросу.

**
*

Работы по международным отношениям начала XX в., опубликованные в России до 1918 г., в большинстве случаев имеют публицистический характер и носят явный отпечаток межпартийной борьбы, которая велась по вопросам внешней политики. В эти годы о дальневосточной политике писали политические деятели, журналисты и востоковеды²⁹⁾.

Научное изучение международных отношений на Дальнем Востоке началось после Великой Октябрьской социалистической революции, когда в нашей стране, раньше чем в любом государстве Запада, для исследователей были широко открыты архивы, публиковались тайные договоры и другие дипломатические документы. Неоценимую помощь историкам, занимающимся вопросами международных отношений, оказывает ленинское учение об империализме и конкретные указания В. И. Ленина об основных особенностях внешней политики империалистических государств, а также глубокие оценки важнейших международных конфликтов.

В. И. Ленин гневно клеймил колониальную и агрессивную политику империалистических государств. «Капитализм, —

²⁸⁾ В. Schmitt. «With How Little Wisdom». «The American Historical Review», 1961, vol. 66, Nr. 2, p. 302—303.

²⁹⁾ См. Л. М. Болховитинов. Россия на Дальнем Востоке. Сб. «Великая Россия», кн. 1, М., 1910.

В. И. Денисов. Россия на Дальнем Востоке, СПб, 1913.

В. Панов. Кризис. К дальневосточному положению, Владивосток, 1913.

Д. И. Субботич. Амурская железная дорога и наша политика на Дальнем Востоке, СПб, 1908.

Н. В. Кюнер. Новейшая история стран Дальнего Востока. Владивосток, 1912.

Н. В. Кюнер. Современный Китай и современная Япония в истории нашего времени. М., 1917.

П. Унтербергер. Приамурский край (1906—1910). СПб, 1912.

М. П. Федоров. Реальные основы современной международной политики. Доклад в обществе востоковедения, СПб, 1909.

писал В. И. Ленин, — перерос во всемирную систему колониального угнетения и финансового удушения горстью «передовых» стран гигантского большинства населения земли. И дележ этой «добычи» происходит между 2—3 всемирно могущественными, вооруженными с ног до головы хищниками (Америка, Англия, Япония), которые втягивают в *свою* войну из-за дележа *своей* добычи всю землю»³⁰). В. И. Ленин также неоднократно отмечал реакционный и захватнический характер внешней политики Германии, царской России и Франции³¹).

Советские историки проявляют значительный интерес к истории международных отношений на Дальнем Востоке. В монографических исследованиях В. Я. Аварина, А. Л. Гальперина, А. Доброва, А. С. Ерусалимского, П. И. Кабанова, Л. Н. Кутакова, А. Л. Нарсчицкого, Б. А. Романова, Г. Н. Севостьянова, П. П. Севостьянова, В. М. Хвостова и др. получили глубокое освещение и марксистско-ленинскую оценку важнейшие вопросы дальневосточной политики великих держав. Однако специальных работ, посвященных изучению дальневосточной политики империалистических держав в 1906—1917 гг., до последнего времени не было. Правда, имеются книги, статьи и диссертации, в которых рассматриваются те или иные вопросы этой общей проблемы. В данном случае следует указать на второй том «Истории дипломатии», написанный академиком В. М. Хвостовым, в котором кратко рассматриваются международные отношения на Дальнем Востоке накануне первой мировой войны.

Коллективный труд «Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949)», написанный группой известных советских историков: Г. Н. Войтинским, А. Л. Гальпериным, А. А. Губером, А. М. Дубинским, Е. М. Жуковым, Л. И. Зубоком, А. Л. Нарочницким и изданный под редакцией академика Е. М. Жукова³²), дает в общей форме научное освещение главных вопросов указанной проблемы. Периоду 1906—1917 гг. в монографии отводится всего 87 страниц, но, несмотря на это, авторы смогли на ограниченном фактическом материале дать четкий анализ ряда событий истории международных отношений на Дальнем Востоке.

В работе А. Л. Гальперина «Англо-японский союз 1902—1921 годы» дается всестороннее исследование англо-японских отношений. Автор показывает, как правящие круги Великобритании использовали ударную силу японского империализма в целях сохранения колониальной империи в Азии и борьбы против своих противников. В свою очередь, империалистическая Япония, опираясь на союз с Англией, добилась победы

³⁰) В. И. Ленин. Соч., т. 22, изд. 4, стр. 179.

³¹) Там же, т. 24, стр. 370—371.

³²) Первое издание этой книги вышло в 1951 г., второе — в 1956 г.

над царской Россией в русско-японской войне, поработила Корею и усиленно закабаляла Китай. В работе А. Л. Гальперина вопросы англо-японских отношений рассматриваются на широком фоне мировой политики того времени. Известный английский историк А. Тэйлор назвал монографию А. Л. Гальперина «лучшей книгой» по истории международных отношений на Дальнем Востоке³³).

В 1935 году была опубликована монография А. Канторовича «Америка в борьбе за Китай», в которой автор рассматривал американо-китайские отношения и анализировал пути и методы, при помощи которых американский империализм стремился установить свое господство в Китае. В работе П. П. Севостьянова «Экспансионистская политика США на Дальнем Востоке (В Китае и Корее в 1905—1911 гг.)» исследуется колониальная политика Соединенных Штатов Америки на Дальнем Востоке. Автор собрал и умело проанализировал обширный фактический материал, на основе которого вскрыл империалистическую сущность экономических и дипломатических комбинаций американских правящих кругов, добивавшихся установления своей гегемонии в Китае.

Б. А. Романов написал капитальные исследования, посвященные изучению дальневосточной политики России и русско-японским отношениям. В последней главе монографии «Россия в Маньчжурии (1892—1906)» Б. А. Романов рассматривает последствия Портсмутского мира для царской России и делает вывод о том, что царизм после 1905 г. вынужден был временно отказаться от «активной политики на Дальнем Востоке»³⁴). В другой работе Б. А. Романова «Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1895—1907»³⁵) на обширных и разнообразных источниках воссоздана сложная картина русско-японских и международных взаимоотношений, вызванных империалистическим соперничеством на Дальнем Востоке. В двух последних главах автор анализирует политические последствия русско-японской войны и устанавливает основные причины, обусловившие создание Антанты на Дальнем Востоке.

В. Я. Аварин в монографии «Империализм в Маньчжурии» исследует экспансионистскую политику Японии, царской России и частично США в Северо-Восточном Китае, вскрывает причины агрессивных устремлений империалистов различных стран в этот обширный и богатый район Китая³⁶). Однако

³³) А. Тэйлор. Борьба за господство в Европе (1848—1918), М., 1958, стр. 606.

³⁴) Б. А. Романов. Россия в Маньчжурии (1892—1906), Л., 1928, стр. 546.

³⁵) Первое издание этой книги опубликовано в 1947 г., второе — в 1955 г.

³⁶) В. Аварин. Империализм в Маньчжурии, т. 1, М., 1934, стр. 103—180.

автор не ставил задачу проследить ход дипломатической борьбы за господство в Маньчжурии в 1906—1917 гг.

Л. Н. Кутаков в работе «Портсмутский мирный договор» в специальной главе анализирует влияние Портсмутского мира на развитие русско-японских отношений в 1906—1917 гг. Автор показывает, как царизм под давлением японского империализма вынужден был отступать и «поступаться как своими империалистическими интересами в Китае и Монголии, так и русскими национальными интересами на Дальнем Востоке»³⁷).

И. В. Бестужев в исследовании, посвященном изучению борьбы, которая шла в России по вопросам внешней политики в 1906—1910 гг., выявляет экономические и политические причины, обусловившие отказ царизма от наступательной политики на Дальнем Востоке. Автор не только исследует межпартийную борьбу по внешнеполитическим вопросам, но также приводит значительный фактический материал, характеризующий дальневосточную политику царского правительства³⁸).

Историки Китайской Народной Республики создали ряд исследований по вопросу о колониальной политике империалистических держав в Китае³⁹). Они особое внимание уделяют разоблачению агрессивной политики США и других империалистических держав, добивавшихся экономического и политического закабаления Китая. В статистико-экономическом исследовании «История экономического развития Китая 1840—1948 гг.» китайскими авторами собран и систематизирован большой статистический материал, который характеризует не только экономическое развитие страны, но и проникновение иностранного капитала в экономику Китая⁴⁰).

Историки Корейской Народно-Демократической Республики опубликовали работы, в которых освещается агрессивная политика Японии и других империалистических держав в Корее и исследуется справедливая освободительная борьба корейского народа против колонизаторов⁴¹).

³⁷) Л. Н. Кутаков. Портсмутский мирный договор. (Из истории отношений Японии с Россией и СССР. 1905—1945 гг.), М., 1961, стр. 134.

³⁸) И. В. Бестужев. Борьба в России по вопросам внешней политики (1906—1910), М., 1961, стр. 156—178, 354—381.

³⁹) Вэй Цзы-чу. Капиталовложения империалистов в Китае (1902—1945), М., 1955.

Лю Да-нянь. История американской агрессии в Китае, М., 1953.

Ху Шен. Агрессия империалистических держав в Китае, М., 1951.

Цинь Бэнь-ли. История экономической агрессии американского империализма в Китае, М., 1951.

⁴⁰) См. «История экономического развития Китая (1840—1948). Сборник статистических материалов», М., 1958.

⁴¹) «Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа», М., 1953.

Ли Чен Вон. Очерки новой истории Кореи, М., 1952.

Литература по истории международных отношений на Дальнем Востоке, изданная на европейских языках, особенно на английском, весьма обширна. Современные реакционные буржуазные историки Запада при изучении конкретных вопросов международных отношений руководствуются субъективно-идеалистическими теориями прагматизма, позитивизма и неопозитивизма. В историографии международных отношений проявляются общие тенденции, характерные для буржуазной исторической науки: борьба против марксистско-ленинской концепции исторического процесса, идеализм, субъективизм, релятивизм, отсутствие или почти полное отсутствие анализа классового характера внешней политики империалистических государств и влияния крупных монополий на ее формирование, извращение целей и роли колониальной политики и национально-освободительного движения. В наши дни реакционные буржуазные историки активно включились в поход против Советского Союза и других социалистических стран. Обширный фактический материал, собранный буржуазными авторами, не дает им возможности сделать правильные выводы и обобщения либо в силу предвзятых классовых позиций, либо в силу неверных исходных методологических и политических установок.

После второй мировой войны буржуазная историография Запада развивалась под влиянием теорий, обосновывающих особую роль «атлантической» или «западной» цивилизации в истории человечества и презентизма, сложившегося в США. В создании и развитии «атлантической школы» реакционной буржуазной историографии большую роль сыграли взгляды английского историка А. Тойнби и американского историка и социолога Г. Кона.

А. Тойнби, исходя из циклической концепции развития человечества, попытался доказать общность интересов стран «западной цивилизации», основанной якобы на христианской религии⁴²). Он считает, что не классовые и материальные интересы, а борьба цивилизаций и религий, а также традиции определяют внешнюю политику государств⁴³). По его мнению, Россия, Китай и другие «незападные» государства использовали технические достижения стран Запада, но отказались принять «западный образ жизни» и его религию что, по утверждению Тойнби, явилось источником конфликта между Западом и Востоком⁴⁴).

⁴²) См. Е. А. Косминский. Реакционная историософия Арнольда Тойнби. Сб. «Против фальсификации истории» М., 1959, стр. 67—139.

⁴³) А. Тоунбее. A. Study of History, v. VII, London, New York, Toronto, 1955, p. 38—39.

⁴⁴) А. Тоунбее. The World and the West, London, New York, Toronto, 1957, p. 60—61.

Идеи Тойнби о том, что основное содержание истории нового времени составляет борьба народов и идей Запада с народами и идеями Востока, были подхвачены и развиты дальше Г. Коном и другими американскими авторами⁴⁵⁾. Выход в свет десяти томов «Исследования истории», написанных А. Тойнби, американский профессор М. Савель оценил, как «одно из главных событий в интеллектуальной истории XX столетия»⁴⁶⁾. Следует отметить, что первые шесть томов «Исследования истории» Тойнби вышли в свет в 1934—1939 гг., однако тогда это не вызвало особого резонанса. Буржуазная пропаганда подняла Тойнби на пьедестал «величайшего историка современности» после второй мировой войны, когда идеологи империализма использовали идеи об «общности судеб и интересов народов Запада» для того, чтобы подвести теоретическую и историческую базу под агрессивный Северо-Атлантический союз. Противники мирного сосуществования и разоружения пытаются оправдать свой милитаристский курс ссылками на извечность и неизбежность борьбы Запада с враждебным ему Востоком, причем в качестве главы последнего называется Советский Союз. Защитники капитализма используют псевдонаучные концепции исторического процесса для того, чтобы затушевать классовый характер борьбы, происходящей на международной арене и парализовать выступления народов западных стран против агрессивной политики империализма.

Идеи об общности интересов стран «атлантической» цивилизации применяются для обоснования притязаний американского империализма на мировое господство. Г. Кон пишет, что «исходным пунктом и образцом» для создания «современного западного общества» явилась Великобритания. Однако Соединенные Штаты Америки, по утверждению Кона, «являются наиболее чистым выражением политических идеалов и силы этого общества» и его самым «западным» членом⁴⁷⁾. Из последних положений делается вывод, что именно США должны возглавлять военные союзы, созданные западными державами.

В последних работах реакционных буржуазных авторов так называемой «атлантической школы» наблюдается сильное влияние идей «западной солидарности». Это проявляется в замалчивании противоречий, имевшихся накануне первой мировой войны между государствами, входящими сейчас в Северо-Атлантический союз. В то же самое время всячески подчеркиваются и выпячиваются противоречия между царской

⁴⁵⁾ H. Kohn. The Twentieth Century. The Challenge to the West and its Response, New York, 1957, p. 39, 250.

⁴⁶⁾ M. Savelle. The Philosophy of the General: Toynbee versus the Naturalists. «The Pacific Historical Review», 1956, Nr. 1, p. 55.

⁴⁷⁾ H. Kohn. The Twentieth Century, New York, 1957, p. 250.

Россией и ее союзниками из противогерманской коалиции — Англией и Японией. Американский историк профессор К. Бусс пишет, что «торговые державы — Соединенные Штаты, Великобритания, Франция, Германия проводили политику сотрудничества и мирного проникновения в Китай, что прямо противоречило постоянной политике силы и специальных привилегий, преследовавшихся Японией и Россией»⁴⁸). Западно-германский автор О. Хаузер написал работу, посвященную взаимоотношениям Германии, Англии и России в 1900—1914 гг. с целью «доказать», что англо-германское соперничество не являлось основной причиной, приведшей к первой мировой войне; тот факт, что Германия и Великобритания оказались в противоположных лагерях, по мнению Хаузера, был следствием ошибок германской дипломатии и различных случайностей. О. Хаузер утверждает, что на Дальнем Востоке Великобритания сотрудничала с Германией и имела острые противоречия с царской Россией. По всем вопросам дальневосточной политики,— пишет Хаузер,— Англия и Россия, «несмотря на существование Антанты, были всегда на противоположных сторонах»⁴⁹).

Во многих работах американских историков отмечается общность целей и интересов США и Германии на Дальнем Востоке, а Э. Мэй даже пишет, что если бы германское правительство после начала войны приняло предложение Вильсона о мирном посредничестве, то тем самым оно «могло бы оторвать Соединенные Штаты от союзников и создать базу для германо-американского сотрудничества»⁵⁰). После того, как США и Япония заключили в 1951 г. «пакт безопасности», реакционные буржуазные историки этих стран стали усиленно подчеркивать дружественные взаимоотношения двух государств в прошлом и замалчивать имевшиеся между ними противоречия. К. Бусс пишет, что Япония, освободившись в конце XIX в. от неравноправных договоров, успешно модернизировалась, «подражая Великобритании и Соединенным Штатам», и избегала войн с Западом, но затем она допустила «роковой шаг», развязав войну против США и Англии в 1941 г.⁵¹). Директор Восточно-Азиатского института Колумбийского университета профессор Х. Бортон написал историю Японии за последние сто лет с заранее поставленной целью выяснить «останется ли Япония на стороне демократии или же экономическое соперничество, затаенный национализм и

⁴⁸) C. B u s s. The Far East. A History of Recent and Contemporary International Relations in East Asia, New York, 1955, p. 113.

⁴⁹) O. H a u s e r. Deutschland und der Englisch-Russische Gegensatz 1900—1914, Cöttingen, Berlin, Frankfurt, 1958, S. 81.

⁵⁰) E. M a y. The World War and American Isolation 1914—1917. Cambridge, 1959, p. 90.

⁵¹) C. B u s s. Op. cit., p. 173.

склонность к централизованному контролю вынудят ее перейти к крайне правому или к коммунистическому лагерю?»⁵²). Подспудная мысль автора заключается в том, что Япония должна пойти по пути стран Запада. Бортон переоценивает роль буржуазных партий и японского парламента в борьбе против агрессивной политики японского империализма в 1915—1917 гг. Он делает вывод, что будущее капиталистической Японии зависит от правильного развития парламентарной системы⁵³). Японские авторы Нобитака Ике и Масамичи Рояма, исследуя влияние Запада на политическую жизнь Японии, также склоняются к выводу, что как в прошлом, так и в настоящем Япония развивалась под большим воздействием западной культуры и цивилизации⁵⁴).

Презентизм является итогом развития прагматизма в буржуазной исторической науке США в новейшее время. По своей политической направленности он тесно взаимосвязан с другими реакционными концепциями в историографии. Презентисты отрицают законы общественного развития и считают невозможным установление объективной истины в истории. Они доказывают, что итоги исследования отображают не результаты протекавших в прошлом исторических процессов, а взгляды и симпатии автора⁵⁵). Г. Кон в книге «Двадцатое столетие» в главе «Историк в наше время» делает вывод о том, что «объективный фактический материал» и «субъективные элементы — характер и личность историка» оказывают тождественное влияние на историческое исследование любого автора⁵⁶). К. Бусс пишет, что в исторических сочинениях «интерпретация отражает точку зрения комментатора, несмотря на его усилия быть беспристрастным и объективным»⁵⁷). Из данного положения делается вывод о невозможности написания научной истории развития человеческого общества, поэтому «каждое поколение пишет свою собственную историю прошлого»⁵⁸). Презентизм пытается дать теоретическое обоснование реакционной буржуазной историографии, которая защищает устои капитализма и превращается в оружие империализма в холодной войне. Господствующие классы буржуазного общества поддерживают и субсидируют только те

⁵²) H. Borton. *Japan's Modern Century*, New York, 1955, p. 6—7.

⁵³) *Ibid.*, p. 281—282.

⁵⁴) N. Ike. *The Beginnings Political Democracy in Japan*, Baltimore, 1950, p. XIX, 211; M. Royama. *Asian Nationalism and Japan*. «Asian Affairs», 1956, Nr. 4, p. 331—332.

⁵⁵) Подробнее о взглядах презентистов см. Е. Б. Черняк. «Американская историческая ассоциация, «Вопросы истории», 1955, № 6, стр. 179—186.

⁵⁶) H. Kohn. *The twentieth Century*, New York, 1957, p. 239—247.

⁵⁷) C. Buss. *Op. cit.*, p. V—VI.

⁵⁸) N. Ike. *Op. cit.*, p. 211.

исторические школы и направления, работы которых соответствуют их интересам.

Буржуазные авторы при освещении проблем международных отношений часто ставят перед собой определенные политические задачи. Так, например, американский историк Д. Смитт написал работу, посвященную изучению внешней политики России в 1914—1917 гг. для того, чтобы «найти ключ» к внешней политике Советского Союза, который он видит «в исторических стремлениях Российского государства до 1917 г.»⁵⁹). Д. Смитт извращает внешнюю политику Советского Союза в 1941—1948 гг., совершенно не заботясь о том, чтобы найти конкретные доказательства в обоснование своих измышлений. Д. Пратт, С. Бемис, П. Топкинс, К. Бусс и другие реакционные американские историки в своих работах, посвященных проблемам международных отношений на Дальнем Востоке, неизменно оправдывают политику США и извращают внешнюю политику Советского Союза⁶⁰).

В результате изучения работ буржуазных авторов по истории международных отношений на Дальнем Востоке, опубликованных в течение последних пятидесяти лет, выясняется, что обострение международной обстановки порождало повышенный интерес к проблемам международных отношений и увеличивало выпуск книг, посвященных этим вопросам. Затем в исторической литературе ярко проявляется влияние политической конъюнктуры. Почти на каждом исследовании лежит отпечаток характера взаимоотношений великих держав тех лет, когда была написана и издана книга. Многие авторы, писавшие о международных отношениях на Дальнем Востоке в первые годы после русско-японской войны, особое внимание уделяли выяснению причин возвышения Японии и изучению ее внешней политики. Английский исследователь Л. Ловтон отмечал, что возвышение Японии открывает «новую эру» в истории стран Дальнего Востока⁶¹). Американский профессор П. Рейнш, ставший позже посланником США в Китае, также отмечал возрастающую роль Японии на международной арене и особо освещал перестройку «японской политической жизни на западной основе»⁶²).

В работах американских авторов, опубликованных накануне первой мировой войны, неизменно отмечалось падение роли царской России в делах дальневосточной политики, а

⁵⁹) D. Smith. *The Russian Struggle for Power 1914—1917*, New York, 1956, p. IX—XII.

⁶⁰) S. Bemis. *The United States as a World Power. A Diplomatic History 1900—1950*, New York 1951, p. 463; C. Buss. *Op. cit.*, p. 286; J. W. Pratt. *A History of United States Foreign Policy*, New York, p. 780—781.

⁶¹) L. L a w t o n. *Empires of the Far East. II*, London, 1912, p. 800.

⁶²) P. R e i n s h. *Intellectual and Political Currents in the Far East*. Boston and New York, 1911, p. 356.

главным противником Соединенных Штатов Америки в этом районе провозглашалась Япония. Известный американский публицист того времени, занимавшийся проблемами Дальнего Востока, Т. Миллард в работе, опубликованной в 1909 г., указывает на обострение японо-американских отношений, пишет о «желтой опасности», которую якобы порождало превращение Японии в великую державу. Миллард предсказывал возможность военного столкновения США и Японии в ближайшем будущем. Он считал, что из этой войны победителем выйдут Соединенные Штаты Америки, и будущее Дальнего Востока окажется в их руках. В то же время Миллард критиковал американское правительство за то, что оно якобы действовало в Восточной Азии недостаточно решительно⁶³).

В книге К. Каваками «Японо-американские отношения», изданной в США в 1912 г., оправдывается деятельность японского империализма на Дальнем Востоке и колонизаторская политика Японии в Корее. Каваками пишет, что «сенсационные выкрики», которые повторяли американские «алармисты и джингоисты», гонявшиеся «за призраком японо-американской войны», не были спровоцированы Японией⁶⁴).

Новое обострение японо-американских отношений в 20-х и 30-х годах находит яркое отражение в исторических и публицистических работах того времени. Т. Миллард в книге, вышедшей в свет в 1924 г., осуждает агрессивную японскую политику в Китае и требует от правительства США большей активности в Восточной Азии. Миллард писал: «Тенденция всемирной эволюции придавала вопросам, сконцентрированным на Дальнем Востоке и на Тихом океане, первое место во внешней политике Соединенных Штатов Америки. Доктрина Хэя вытеснила доктрину Монро по неотложности и значению»⁶⁵). В 1920 г. в Японии вышла книга К. Сато, носившая ярко выраженный антиамериканский характер. Автор призывал к материальной и «моральной мобилизации ввиду надвигающейся войны с Америкой». К. Сато писал, что США стараются «подрезать японские корни и строить свою империалистическую политику на Востоке за счет Японии»⁶⁶).

Американские авторы П. Клайд, Э. Прайс, Янг, Д. Рид, Г. Вильдес, А. Грисуолд пишут об агрессивной политике Японии на Дальнем Востоке и защищают политику американского империализма. Клайд считает, что японское правительство ответило чёрной неблагодарностью за помощь, которую

⁶³) Т. Millard. The Far Eastern Question. London—Leipsic, 1909, p. IV, V, 59, 503.

⁶⁴) «The Far East», Tokio, 1912, Nr. 23, p. 609.

⁶⁵) Т. Millard. Conflict of Policies in Asia, New York and London, 1924, p. 3.

⁶⁶) К. Сато. Япония и Америка в их взаимных отношениях. М., 1923, стр. 15—16.

Соединенные Штаты оказали ей во время русско-японской войны, и не оценило благосклонную по отношению к Японии политику США в последующие годы⁶⁷⁾. Г. Вильдес писал, что Япония, долго развивавшаяся по пути Запада, свернула с правильного курса и повела наступление «против западничества и либеральных идей»⁶⁸⁾. П. Трит, писавший в 1918 г. о сердечности «официальных отношений» между США и Японией, в работе, опубликованной в 1928 г., сделал вывод о том, что после 1905 г. появилась реальная угроза японо-американской войны⁶⁹⁾. Английский автор Ф. Фокс в книге, опубликованной в 1928 г., критиковал тихоокеанскую политику Соединенных Штатов Америки, как противоречащую интересам Великобритании, и предсказывал неизбежность военного столкновения Англии, США и Японии из-за господства на Тихом океане⁷⁰⁾. Типичным примером антинаучной пропагандистской литературы может служить книга Э. Пустау и Ононоэ Хирота, изданная в 1936 г. Авторы преследуют цель найти оправдание складывавшемуся агрессивному японо-германскому военному союзу. Из этих соображений они пишут о духовной и даже биологической близости двух народов. Много внимания уделяют японо-германскому сотрудничеству в прошлом, а вступление Японии в войну против Германии в 1914 г. считают ошибкой⁷¹⁾.

В работах американских историков, написанных во время второй мировой войны, чувствуется сильная антияпонская направленность. Например, Э. Фальк в книге «От Перри к Пирл-Харбору. Борьба за господство на Тихом океане», изданной в 1943 г., утверждает, что японские правительства в течение столетия планировали нападение на США, а американский «идеализм» в делах дальневосточной политики «был фактически умиротворением Японии»⁷²⁾. Однако после окончания войны антияпонская направленность в работах большинства американских авторов постепенно ослабевает. Более того, часть из них много пишет о традициях многолетней японо-американской дружбы и замалчивает противоречия и конфликты, имевшиеся между США и Японией в прошлом, реабилитирует агрессивную политику японского империализма. Некоторые из американских реакционных историков (напри-

⁶⁷⁾ P. Clyde. *International Rivalries in Manchuria 1689—1922*. Columbus, 1926, p. 109, 176.

⁶⁸⁾ H. Wildes. *Aliens in the East. A new History of Japan's Foreign Intercourse*, Philadelphia—London, 1937, p. 333—334.

⁶⁹⁾ P. Treat. *Japan, America and the Great War*. «A League of Nations», 1918, Nr. 8, p. 431; P. Treat. *Japan and the United States 1853—1921*, Stanford, 1928, p. 191.

⁷⁰⁾ F. Fox. *The Mastery of the Pacific, Can the British Empire and the United States Agree?* London, 1928, p. 90—93, 105.

⁷¹⁾ E. Pustau und Okanoye Kirota. *Japan und Deutschland die beiden Welträtsel*, Berlin, 1936, S. 46—48, 149—163.

⁷²⁾ «The Pacific Historical Review», 1943, Nr. 2, p. 205, 206.

мер, Э. Забриски) пересматривают ранее сложившуюся в американской литературе точку зрения о том, что в 1905—1917 гг. основными противоречиями на Дальнем Востоке были японо-американские, и начинают выдвигать на первое место русско-американское соперничество⁷³). Другие авторы изображают империалистическую политику царской России не как результат экспансионистских устремлений российских капиталистов и помещиков, а как проявление некоей «традиционной русской экспансии»⁷⁴). Более того, Г. Кон и К. Бусс, прибегая к грубой фальсификации и извращениям, пытаются поставить знак равенства между внешней политикой царской России и внешней политикой Советского Союза⁷⁵).

Буржуазные историки признают, что экспансия держав на Дальнем Востоке порождалась материальными интересами — стремлением захватить новые территории, рынки сбыта и т. д. Но, признав этот факт, многие из них пытаются доказать, что колониальная политика империалистов в конечном итоге пошла на пользу народам Востока, ускорив их приобщение к благам европейской культуры и техники. Г. Кон и К. Бусс утверждают, что западный колониализм «принес угнетенным народам больше добра, чем зла»⁷⁶), при этом особо подчеркивается «цивилизаторская роль» Великобритании и влияние «демократических идеалов Запада» на формирование «гуманной» колониальной политики⁷⁷). Известный французский историк П. Ренувен пишет, что проникновение европейцев в страны Дальнего Востока «преобразовало более или менее быстро, более или менее полно социальную и экономическую жизнь и одновременно с этим политическое устройство» восточных государств⁷⁸). П. Ренувен считает основной причиной колониальной политики и национально-освободительного движения борьбу за рынки сбыта. Будет ли «дальневосточный рынок, — пишет Ренувен, — эксплуатироваться белыми, которые его организуют с учетом интересов своей торговли и промышленности, или желтыми после того, как они испытали доминирующее влияние белых, — эта проблема уже стоит в течение целого столетия»⁷⁹).

Буржуазные авторы, как правило, защищают колонизаторскую политику своих правительств в странах Востока и осуж-

⁷³) E. Z a b r i s k i e. *American—Russian Rivalry in the Far East*, Philadelphia, 1946.

⁷⁴) A. M a l o s e m o f f. *Russian Far Eastern Policy 1881—1904*, Berkeley and Losangeles, 1958.

⁷⁵) C. B u s s. *Op. cit.*, p. 97—98; H. K o h n: *Op. cit.*, p. 130—132.

⁷⁶) H. K o h n. *Op. cit.*, p. 230.

⁷⁷) C. B u s s. *Op. cit.*, p. 149, 249.

⁷⁸) P. R e n o u v i n. *La Question D'extreme—Orient 1840—1940*, Paris, 1946, p. 1.

⁷⁹) P. R e n o u v i n. *Op. cit.*, p. 7.

дают антиимпериалистическую борьбу угнетенных народов⁸⁰). Английский историк Сутхилл в книге, посвященной изучению англо-китайских отношений, отрицает империалистический характер британской политики в Китае, изображает ее как развитие торговых и экономических связей между двумя странами. Сутхилл превозносит деятельность представителей английского капитала, по его мнению, направленную на распространение европейской культуры в Китае⁸¹). Авторы «Кембриджской истории Британской империи» утверждают, что в начале XX века Великобритания отказалась от активной колониальной политики и не захватывала новых территорий⁸²).

С. Бемис описывает американскую колониальную политику в восторженно-хвалебных тонах. «Филиппинские острова, — пишет Бемис, — стали памятником американскому доброму делу и доброй воле, образцом колониального владычества и правления в мире»⁸³). Пратт пишет о большом «положительном влиянии американской цивилизации на Филиппинах»⁸⁴). Другой известный американский историк Ф. Даллес в работе «Китай и Америка. История их отношений с 1784 г.» утверждает, что взаимоотношения США и Китая в течение более чем 150 лет были дружественными. Правда, он здесь же вынужден признать, что «американский народ не может избежать своей доли ответственности за полуколониальный статус, который до очень недавнего времени навязывался Китаю западным миром»⁸⁵).

Реакционные буржуазные историки при объяснении причин внешнеполитической активности и колониальных захватов империалистических держав широко используют антинаучные взгляды Г. Кона и его предшественников о том, что «главной движущей силой истории» является национализм⁸⁶). Эта теория весьма удобна, так как она дает возможность объяснить агрессивную политику великих держав не интересами господствующих классов, а интересами данной нации, стремящейся распространить свое влияние и культуру на другие народы. Тем самым делается попытка снять ответственность за агрессивную политику с финансового капитала и переложить ее на народ, на ту или иную нацию. Американский историк М. Брус видит причины обострения международной обстанов-

⁸⁰) См. С. Buss. Op. cit., p. 159.

⁸¹) W. Soothill. China and England, London, 1928, p. 56, 147—164.

⁸²) «The Cambridge History of the British Empire», v. III, Cambridge, 1959, p. 339—341.

⁸³) S. Bemis. The United States as a World Power, p. 30—31.

⁸⁴) J. W. Pratt. America's Colonial Experiment, New York, 1950, p. 201—202.

⁸⁵) F. Dulles. China and America. The Story of their Relations since 1784, Princeton 1946, p. V.

⁸⁶) Ю. Карякин, Е. Плимук. Мистер Кон исследует «русский дух». М., 1961, стр. 39—40.

ки накануне первой мировой войны в росте «нового национализма» в России и других странах⁸⁷). Ф. Даллес считает, что «новый национализм», распространявшийся в США, оказывал большое влияние на рост внешнеполитической активности правительства Теодора Рузвельта⁸⁸). Р. Сторри пытается найти причины агрессивности Японии и деятельности ультранационалистических и шовинистических обществ, но не пытается выяснить их классовую природу и особенности японского империализма⁸⁹).

Идеологи американского империализма, опираясь на «теорию национализма», пытаются обосновать притязания правящих кругов США на мировое господство. Корыстные цели экспансии маскируются разговорами о том, что вторжение в другие страны предпринимается во имя осуществления «американской исторической миссии — способствовать развитию свободы и справедливости» в тех странах, которые становились объектом агрессии со стороны Соединенных Штатов Америки⁹⁰). А. Линк безоговорочно утверждает, что президент В. Вильсон и государственный секретарь Брайан стремились «дать другим народам блага» американской «демократии и христианства»⁹¹).

Для обоснования колониальной политики империализма используется формула о национальных интересах. В 1934 г. была опубликована книга Ч. Бирда «Идея национального интереса: Аналитическое исследование американской внешней политики». Автор пришел к выводу, что правительство Соединенных Штатов Америки в своей внешнеполитической деятельности вынуждено все больше и больше защищать «материальную базу национальных интересов: концессии, капиталовложения и различные привилегии, полученные американскими предпринимателями за границей». С этой целью правительство создавало военно-морской флот, давало субсидии капиталистам и т. д.⁹²). Реакционные буржуазные авторы часто пишут о национальных интересах для оправдания экспансионистской политики империалистических государств в странах Дальнего Востока.

По истории международных отношений на Дальнем Востоке наиболее обширная литература создана в США. Повышен-

⁸⁷) M. Bruce. The Shaping of the Modern World 1870—1914, New York, 1958, p. 695.

⁸⁸) F. Dulles. America's Rise to World Power 1898—1954, New York, 1955, p. 83.

⁸⁹) R. Storry. The Double Patriots. A Study of Japanese Nationalism, London, 1957.

⁹⁰) F. Dulles. The Imperial Years, New York, 1956, p. VII.

⁹¹) A. Link. Woodrow Wilson and Progressive Era 1910—1917, New York, 1953, p. 83.

⁹²) H. Wish. The American Historian. A Social—Intellectual History of the Writing of the American Past., New York, 1960, p. 286.

ный интерес американских историков к дальневосточным проблемам не случаен. После Латинской Америки это район наиболее высокой экономической и политической активности американского империализма. В начале XX в. острые междунациональные конфликты, в которых приходилось участвовать Соединенным Штатам Америки (до вступления в первую мировую войну), происходили на Дальнем Востоке и породили японо-американским соперничеством. После доктрины Монро доктрина Хэя являлась вторым «краеугольным камнем» американской внешней политики. Вторая мировая война для США началась с нападения Японии на их тихоокеанские владения и флот. В 1949 г. в Китае победила народная революция, что означало провал пятидесятилетних усилий американского империализма, направленных на установление своего господства в Восточной Азии. Вышеуказанные обстоятельства побудили американских авторов заняться поисками причин, в силу которых агрессивная политика США в этом районе окончилась крахом.

Работы американских историков весьма разнообразны по проблематике, научному уровню, методологическим основам и объему привлеченного фактического материала. Следует отметить, что документальная база большинства книг, опубликованных после 1938 г., расширилась. Последнее обстоятельство объясняется тем, что лишь с 1938 г. исследователям было разрешено использовать неопубликованные документы государственного департамента для освещения событий, происшедших после 1905 г. Известный американский историк Д. Прайт попытался определить цели внешней политики США, которые он видит в том, чтобы оградить «безопасность данной страны», обеспечить «приобретение» новых территорий, защитить экономические и идеологические интересы, способствовать «распространению американской демократии», и особо подчеркивает роль Соединенных Штатов в «защите западной цивилизации» и борьбе против коммунизма⁹³).

Большинство американских буржуазных авторов прямо не отрицают того факта, что США с конца XIX в. проводили на Дальнем Востоке империалистическую политику. Начало империалистического курса они обычно относят к испано-американской войне и захвату Филиппин. В частности, об этом пишут Ф. Даллес, А. Гриссуолд, С. Бемис, Л. Баттистини и другие⁹⁴). Но, признав факт вступления Соединенных Штатов на путь агрессивной политики, буржуазные историки сразу же начинают выдвигать «смягчающие обстоятельства», которые

⁹³) J. Pratt. A History of United States Foreign Policy, New York, 1955, p. 1—4.

⁹⁴) F. Dulles. The Imperial Years, p. VII; L. Battistini. The Rise of American Influence in Asia and the Pacific, Michigan, 1960, p. 211—212.

предназначены для того, чтобы замаскировать агрессивную сущность американского империализма и обосновать якобы имевшееся принципиальное отличие американской политики на Дальнем Востоке от политики Японии и европейских держав в этом районе. Ф. Даллес, Д. Пратт, А. Вайнберг считают, что империалистическая политика США продолжалась лишь несколько лет и американское правительство вскоре отказалось от захвата колоний⁹⁵). А. Вайнберг пишет о коренном отличии американского экспансионизма до 1898 г. от экспансионизма, который имел место в последующие годы. Первый, по его мнению, был «естественным избытком сил национальности», а второй — «великим национальным заблуждением» и «нарушением американских традиций»⁹⁶).

Американские историки при описании дальневосточной политики США много внимания уделяют анализу доктрины «открытых дверей» в Китае, провозглашенной в 1899 г. государственным секретарем Хэем, и «дипломатии доллара», которая явилась естественным порождением принципов, заложенных в доктрине Хэя. Доктрина «открытых дверей» и «равных возможностей» служила предлогом для домогательств американского финансового капитала на участие в железнодорожном строительстве, различных предприятиях и займах в Китае. Е. Бусс пишет: «Когда правительство обратило свое официальное внимание на другую сторону Тихого океана, это было мотивировано не альтруизмом или филантропией, но справедливой и надлежащей заботой об интересах нации и ее граждан. Каждое правительство стремилось к наиболее эффективной тактике для осуществления своих целей или сильными словами и сильным действием, или мягкими словами и международным сотрудничеством. Никакой единой или последовательной линии действия не было связано с той или иной политической партией и никакие президентские выборы не отмечали внезапной или резкой перемены в американских позициях и действиях»⁹⁷). Д. Пратт пишет, что цели политики «открытых дверей» заключались в том, чтобы «открыть Дальний Восток американской торговле и американскому влиянию»⁹⁸).

Отмечая тот факт, что политика США на Дальнем Востоке преследовала прежде всего экономические, а не политические цели, американские буржуазные историки, как правило, стремятся доказать, что подобная политика не представляла опасности для народов Дальнего Востока и даже должна была способствовать сохранению независимости Китая. «Соединенные Штаты в течение многих лет, — писал А. Деннис, —

⁹⁵) J. Pratt. *America's Colonial Experiment*, New York, 1950, p. 312.

⁹⁶) «*Essays in American Historiography*», New York, 1960, p. 232, 245.

⁹⁷) C. Buss. *Op. cit.*, p. 117.

⁹⁸) J. Pratt. *A History of United States Foreign Policy*, p. 4.

выступали за установление и сохранение устойчивых и сильных национальных государств на Дальнем Востоке. С этой целью они поддерживали идеал существования Китая, сохранения его целостности и политики «открытых дверей». С развитием американской торговли и интересов на Дальнем Востоке появилась идея, что эти интересы могут лучше всего поддерживаться благодаря существованию устойчивого правительства в Китае»⁹⁹). Р. Кари также отмечает, что американская политика в Восточной Азии преследовала цель «поддерживать политику открытых дверей, для которой требовался независимый Китай, как условие равновесия сил в Азии и оппозиция японской гегемонии»¹⁰⁰).

Американская буржуазная историография стремится доказать, что США защищали независимость Китая и отстаивали свои интересы на Дальнем Востоке «не интервенцией, а дипломатией»¹⁰¹). Подобная точка зрения не выдерживает серьезной критики. Во-первых, правительство Соединенных Штатов в своей политике в Азии не раз прибегало к вооруженной интервенции, а, во-вторых, те меры противодействия по отношению к экспансии других держав в Китае, к которым прибегало американское правительство, порождались не заботами правящих кругов США о независимости Китая, а межимпериалистическим соперничеством, стремлением защитить интересы американского финансового капитала. Попытки экономического закабаления Китая, предпринимаемые американским капиталом, представляли для китайского народа не меньшую опасность, чем агрессивная политика других империалистических государств. Поэтому позиция историков официального направления — С. Бемиса, Д. Пратта, Т. Биссона, Т. Бейли, Ф. Танненбаума и др., которые восхваляют внешнеполитический курс США и утверждают, что американское правительство проводило по отношению к народам Дальнего Востока доброжелательную политику и защищало неприкосновенность Китая, противоречит историческим фактам¹⁰²).

Одним из методов осуществления политики «открытых дверей» была «дипломатия доллара», в основе которой лежит тезис о том, что задача американской дипломатии заключается прежде всего в защите интересов американского капитала за границей. Основные цели и задачи «дипломатии доллара» были изложены в послании президента Тафта конгрессу от

⁹⁹) A. Dennis. *Adventures in American Diplomacy 1896—1906*, New York, 1928, p. 14—15.

¹⁰⁰) R. Curry. *Woodrow Wilson and Far Eastern Policy 1913—1921*, New York, 1957, p. 187.

¹⁰¹) A. Dennis. *Op. cit.*, p. 15.

¹⁰²) S. Bemis. *The United States as a World Power*, p. 210; F. Tannenbaum. *The American Tradition in Foreign Policy*, Norman, 1955, p. 101—102; T. Bissón. *America's Far Eastern Policy*, New York, 1945, p. 20.

3 декабря 1912 г. «Огромный рост экспортной торговли Соединенных Штатов, — писал Тафт, — уже сделал эту торговлю очень реальным фактором в промышленном и коммерческом процветании страны. С развитием нашей промышленности внешняя торговля Соединенных Штатов должна стать еще более существенным фактором их экономического благосостояния... Дипломатия настоящего правительства стремилась откликнуться на современные идеи коммерческих связей. Эта политика характеризовалась, как политика, заменяющая долларами пули... Это усилие, откровенно направляемое к расширению американской торговли на само собою разумеющемся принципе, что правительство Соединенных Штатов окажет всяческую надлежащую поддержку каждому законному и полезному американскому предприятию за границей»¹⁰³). В исследуемые годы наибольшую активность в проведении политики доллара проявляли правительства Тафта и Вильсона, что находило свое выражение в попытках правящих кругов США подорвать позиции других империалистических держав в Китае, используя американское финансовое могущество.

Формирование внешнеполитического курса США в изучаемый период связано с деятельностью президентов Т. Рузвельта, В. Тафта и В. Вильсона. Американская буржуазная историография много внимания уделяет изучению политики президентов. В Соединенных Штатах сложился особый вид литературы—биографии президентов, в том числе имеется несколько работ, специально посвященных исследованию внешнеполитического курса Т. Рузвельта и В. Вильсона.

Годы президентства Т. Рузвельта (1901—1908 гг.) были временем значительного роста внешнеполитической активности американского империализма. Американские историки признают экспансионистский характер политики Т. Рузвельта на Дальнем Востоке, а Д. Гебль даже отмечает его «агрессивное руководство» и «глубоко укоренившийся национализм»¹⁰⁴). Ф. Даллес пишет: «Т. Рузвельт был убежден, что Америке предназначено напрягать силы для решающего влияния в будущем мировом политическом равновесии. Он пытался обеспечить уверенную и сильную внешнюю политику в Латинской Америке, в Восточной Азии и даже в Европе...»¹⁰⁵). Однако буржуазные авторы объясняют причины усиления внешнеполитической экспансии американского империализма не ростом агрессивных устремлений финансового капитала США, а энергией и настойчивостью Т. Рузвельта, который, по словам Ф. Даллеса, «действовал в качестве своего собственного

¹⁰³) «Congressional Record», vol. 49, part 1, p. 8—9.

¹⁰⁴) D. G o e b e l. American Foreign Policy. O Documentary Survey 1776—1960, New York, 1961, p. 186.

¹⁰⁵) F. D u l l e s. The Imperial Years, New York, 1956, p. VII.

государственного секретаря» и сыграл большую роль в становлении США в качестве великой державы¹⁰⁶). Такой же точки зрения придерживаются Г. Биль, написавший книгу «Теодор Рузвельт и возвышение Америки до мировой державы», и Г. Моури в работе «Эра Теодора Рузвельта 1900—1912 гг.». В. Харбах восхваляет яркого империалиста Рузвельта как прогрессивного деятеля и реформатора¹⁰⁷).

Г. Биль показывает интересы американского финансового капитала в Китае, освещает сотрудничество правительства с монополиями в деле осуществления внешнеполитической экспансии, а также политику Т. Рузвельта по вопросу об увеличении военно-морских сил США¹⁰⁸). Новые факты включены в разделы, посвященные описанию политики американского правительства и действий Соединенных Штатов против Китая в 1905—1907 гг. в связи с происходившим там антиамериканским бойкотом¹⁰⁹). Г. Биль и Г. Моури отмечают, что правительству Т. Рузвельта не удалось осуществить свои политические цели — установление равновесия сил на Дальнем Востоке путем противопоставления Японии России. Русско-японские соглашения 1907 и 1910 гг. разрушили планы правящих кругов США в этом направлении¹¹⁰).

Американские авторы подчеркивают дружелюбную политику Т. Рузвельта по отношению к Японии. Ф. Даллес пишет, что Рузвельт готов был прийти на помощь Японии, «если бы европейские державы вмешались» в русско-японскую войну на стороне России¹¹¹). В работе Г. Билия проводится идея о том, что Т. Рузвельт был лучшим другом Японии¹¹²). Т. Деннет и Г. Биль положительно оценивают политику правительства Т. Рузвельта, стремившегося достигнуть соглашения с Японией относительно раздела Дальнего Востока на сферы влияния между США и Японией. Именно из этих соображений Т. Рузвельт оказал содействие японскому империализму в закабалении Кореи¹¹³). Т. Деннет пишет, что тем самым Т. Рузвельт установил прецедент, согласно которому «Соединенным Штатам надлежит расплачиваться за свои привилегии на Азиатском материке», расплачиваться, конечно, за

¹⁰⁶) F. Dulles. *America's Rise to World Power 1898—1954*, New York, 1955, p. 67.

¹⁰⁷) W. Harbach. *Power and Responsibility. The Life and Times of Theodore Roosevelt*, New York, 1961.

¹⁰⁸) H. Beale. *Theodore Roosevelt and the Rise of America to the World Power*, Baltimore, 1956, p. 200—203, 207.

¹⁰⁹) *Ibid.*, p. 211—251.

¹¹⁰) G. Mowry. *The Era of Theodore Roosevelt 1900—1912*, New York, 1958, p. 191; H. Beale. *op. cit.*, p. 332.

¹¹¹) F. Dulles. *America's Rise to World Power 1898—1954*, New York, 1955, p. 70.

¹¹²) H. Beale. *Op. cit.*, p. 269, 325.

¹¹³) *Ibid.*, p. 326.

счет интересов и прав народов Востока¹¹⁴). Т. Деннет осуждает В. Тафта за то, что последний отказался от согласованной с другими державами политики в Китае и неудачно попытался укрепить там позиции американского империализма путем «самостоятельного и изолированного действия». Президента В. Тафта Ч. Бирд называет основателем «дипломатии доллара»¹¹⁵). Д. Гебль подчеркивает, что Тафт стремился «расширить доктрину открытых дверей для того, чтобы она охватывала равенство всех видов экономических возможностей в Китае»¹¹⁶). С. Бемис безоговорочно берет под защиту экспансионистскую политику Тафта и Нокса на Дальнем Востоке, утверждая, что их политика преследовала цель защитить «территориальную целостность и политическую независимость Китая»¹¹⁷).

Американская официальная историография изображает В. Вильсона как «идеалиста» и моралиста в вопросах внешней политики. А. Линк, один из его историографов, пишет, что В. Вильсон и государственный секретарь Брайан «оба были преданы демократическому идеалу, по крайней мере теоретически», и имели высокое представление об американской роли в мире. «Наконец они оба были по существу миссионеры, евангелисты, уверенные, что они понимают мир и благополучие других стран лучше, чем лидеры этих стран. Это стремление приносить добро, оказывать бескорыстную услугу было таким настоящим, что это обуславливало вмешательство во внутренние дела других наций в таком масштабе, в каком Соединенные Штаты никогда не пытались осуществить ранее»¹¹⁸). Чувствуя, что подобными рассуждениями нельзя объяснить политику правительства Вильсона, которое вовлекло США в мировую войну и организовало антисоветскую интервенцию на русском Дальнем Востоке, Линк вскользь отмечает «экономические интересы и империалистические устремления», которые «подсознательно» оказывали влияние на президента¹¹⁹). Р. Кари в специальной работе, посвященной исследованию дальневосточной политики президента Вильсона, пишет, что она существенно не отличалась от политики предшествующих правительств, только эта «традиционная политика» осуществлялась более «гибкими методами»¹²⁰). Р. Кари придерживается официальной версии американской историо-

¹¹⁴) T. D e n n e t. President Roosevelt and the Russo—Japanese War, New York, 1925, p. 332.

¹¹⁵) Ch. B e a r d. The Presidents in the American History. New York, 1958, p. 110.

¹¹⁶) D. G o e b e l. Op. cit., p. 186.

¹¹⁷) S. B e m i s. The United States as a World Power, p. 25.

¹¹⁸) A. L i n k. Op. cit., p. 81.

¹¹⁹) I b i d., p. 82.

¹²⁰) R. C u r r y. Woodrow Wilson and Far Eastern Policy 1913—1921, New York, 1957, p. 7—8.

графии о том, что США своей активностью в Китае стремились защитить его «территориальную целостность», однако большой фактический материал об экономической и политической деятельности американских официальных и неофициальных представителей на Дальнем Востоке, включенный автором в работу, сам по себе свидетельствует об агрессивности внешнеполитического курса Соединенных Штатов Америки¹²¹).

В последние годы дальневосточная политика Соединенных Штатов Америки подвергается резкой критике с позиций крайнего милитаризма. С. Бемис, Т. Биссон, Ф. Грин, В. Брайстед и др. критикуют предшествующие правительства США за то, что они не обеспечили должной военной готовности и необходимой военно-морской мощи для того, чтобы добиться успеха внешнеполитических действий американского правительства. Делается вывод, что лишь политика с позиции силы могла бы обеспечить американскому империализму господствующую роль на Дальнем Востоке. Реакционно настроенные авторы утверждают, что «миролюбие» Соединенных Штатов и отсутствие сильных союзников обрекали дипломатические акции государственного департамента на неудачу. Т. Биссон пишет, что в период с 1895 по 1941 гг. «Методы, которыми Соединенные Штаты стремились поддерживать равенство коммерческих возможностей в Китае, а также и их важный вывод о целостности Китая, текли по оппортунистическим каналам испытаний и заблуждений. Они нигде не были ясно сформулированы. Всегда тщательно декларировалось сохранение американских прав в дипломатических меморандумах или нотах протеста. Заметное нежелание выйти за пределы этого шага затем вызывало отрицательное состояние пассивности и очевидной бездеятельности. Даже меры «близкие к войне», если их можно было истолковывать как провокационные, избегались»¹²²). Биссон считает, что в целях укрепления американского положения на Тихом океане США должны были усилить свой флот и действовать более активно, привлекать на свою сторону союзников. Книга Биссона получила высокую оценку в американской исторической литературе¹²³).

С. Бемис считает, что США в 1915—1917 гг. вынуждены были отступать под нажимом Японии потому, что не были подготовлены к войне на Тихом океане¹²⁴). В. Брайстед осуждает правительство Соединенных Штатов за то, что оно не последовало настойчивым советам главного командования

¹²¹) Ibid., p. 148—154, 168.

¹²²) T. B i s s o n. *America's Far Eastern Policy*, New York, 1945, p. 13—14.

¹²³) «*The Pacific Historical Review*», 1945, Nr. 4, p. 465—466.

¹²⁴) S. B e m i s. *The United States as a World Power*, p. 210.

военно-морского флота, которое дважды, в 1906 и 1909 гг., решительно настаивало на увеличении тихоокеанской эскадры¹²⁵). С. Ливермор считает, что неудачные попытки американского адмиралтейства (которые, по его мнению, не были должным образом поддержаны правительством США) получить военно-морские базы на побережье Китая ослабили позиции Соединенных Штатов на Тихом океане во время первой мировой войны¹²⁶).

Ф. Грин в статье «Военный аспект американской национальной политики» доказывает, что в прошлом внешнеполитическая слабость Соединенных Штатов порождалась разрывом между военным и гражданским руководством. То, что с мнением генералов и адмиралов, которые в 1908, а затем в 1912—1922 гг. предлагали создать комитет, «координирующий национальную и военную политику»¹²⁷), не посчитались, он считает большой ошибкой. Неудачи американской дальневосточной политики Грин объясняет отсутствием достаточной военной силы¹²⁸). Дж. Кеннан, критикует американское правительство за уступки Японии на Дальнем Востоке накануне первой мировой войны и непоследовательное проведение политики «открытых дверей» в жизнь¹²⁹). Выводы авторов, проповедующих политику «с позиции силы», вполне соответствуют интересам холодной войны и американской военщины, которая в настоящее время поставила под свой контроль внешнюю политику Соединенных Штатов Америки.

Часть американских историков с позиций буржуазного объективизма критикует внешнеполитический курс правительства США и его защиту сторонниками так называемой официальной историографии. В этом плане следует остановиться на работах В. Вильямса. Он, прежде всего, отмечает противоречие между «американскими идеалами» в области внешней политики — «помощь другим народам» и признание принципа «самоопределения», провозглашавшихся правительством США на словах, и империалистическим внешнеполитическим курсом правящих кругов Соединенных Штатов Америки¹³⁰). В. Вильямс называет политику «открытых дверей» империалистической и подчеркивает, что этой политики США придержи-

¹²⁵) W. Br' aisted. The United States Navy's Dilemma in the Pacific 1906—1909. «The Pacific Historical Review», vol. VI, 1957, Nr. 3, p. 235—244.

¹²⁶) S. Livermore. American—Base Policy in the Far East 1850—1914. «The Pacific Historical Review». 1944, Nr. 4, p. 113—136.

¹²⁷) F. Greene. The Military View of American National Policy 1904—1940. «The American Historical Review», January, 1961, vol., 66, Nr. 2, p. 356—362.

¹²⁸) Ibid., p. 362, 368.

¹²⁹) G. Kennan. American Diplomacy 1900—1950, Chicago, 1952, p. 44.

¹³⁰) W. Williams. The Tragedy of American Diplomacy, Cleveland and New York, 1959, p. 13.

живались как на Дальнем Востоке, так и в других районах земного шара. Он пишет, что президенты Т. Рузвельт и В. Вильсон проводили активную экономическую и идеологическую экспансию, прикрываясь тезисом «открытых дверей»¹³¹). Государственные деятели США рассчитывали, что подобным путем, — пишет Вильямс, — удастся, используя «преобладающую экономическую мощь Америки», направить экономическое и политическое развитие «более слабых, неразвитых стран по американскому образцу»¹³²).

Вильямс в своих работах отмечает тот факт, что американская дипломатия в Азии в начале XX в. была направлена на то, чтобы утвердить американское господство на Дальнем Востоке и Тихом океане¹³³). В то же время он пытается обосновать якобы имевшееся принципиальное отличие американской политики от политики других империалистических держав. Соединенные Штаты Америки не «стремились завоевать, оккупировать или колонизировать» территорию Дальнего Востока. «Американские политики, — пишет Вильямс, — осознавали, что в век индустриализма экономическое проникновение и контроль — как более эффективная форма влияния — заменили устаревший колониализм»¹³⁴).

В. Вильямс в книге «Трагедия американской дипломатии» признает, что после 1890 г. США потерпели крупные неудачи на международной арене и не добились осуществления своих целей на Дальнем Востоке. Одну из причин, которые в прошлом приводили американскую дипломатию к неудачам, В. Вильямс видит в том, что правительство Соединенных Штатов всегда выступало против революционного движения, считая его «баррикадой на американском пути к внутреннему благосостоянию и руководству миром». Он призывает правительство США открыть двери «для революции», утверждая, что это даст возможность «американцам справиться со многими еще неизвестными революциями» и поднять авторитет Соединенных Штатов на международной арене¹³⁵). В. Вильямс не может или не хочет понять того факта, что США в прошлом и настоящем, будучи империалистической державой, проводили и проводят экспансионистскую, агрессивную политику, и, в силу своей классовой природы, не могут искренне поддерживать революционное движение.

В. Вильямс в статье «Тезис о границе и американская внешняя политика» подвергает критическому рассмотрению

¹³¹) Ibid., p. 16.

¹³²) Ibid., p. 43.

¹³³) W. Williams. American—Russian Relations 1781—1947, New York, Toronto, 1957, p. 50; «The Shaping of American Diplomacy», Chicago, 1956, p. 440.

¹³⁴) Ibidem.

¹³⁵) W. Williams. The Tragedy of American Diplomacy, p. 212.

одну из важнейших исторических теорий, которая преследовала цель обосновать положение об «исключительности» американского пути развития. Странники экспансионистского курса во внешней политике США для оправдания своей программой используют историческую концепцию Ф. Тэрнера «О расширяющихся границах», согласно которой американская буржуазная политическая система сложилась и укрепилась благодаря колонизации «свободных» земель на западе Соединенных Штатов Америки¹³⁶). В. Вильямс пишет, что после того, как в начале XX века заселение «свободных» западных земель было в основном завершено, историк и публицист Брукс Адамс, имевший влияние на президента Т. Рузвельта, стал доказывать, что единственный путь к сохранению американской демократии — это внешнеполитическая экспансия. Б. Адамс рекомендовал использовать «экономическую и военную мощь для расширения границы Соединенных Штатов на запад до внутреннего Китая»¹³⁷). В. Вильямс отмечает, что подобный план установления американского господства в Азии был выдвинут в соответствии с интересами финансовых магнатов. «Экспортёры хлопка, капитала и керосина, — пишет Вильямс, — все требовали, чтобы правительство открыло двери потребителям по всему миру. Протестанты и популисты хотели экспортировать свои соответствующие сорта американизма на эмоциональные и интеллектуальные рынки колониальных областей»¹³⁸). Так обосновывалась программа установления американского мирового господства. В. Вильямс писал, что «взятые вместе идеи Ф. Тэрнера и Б. Адамса снабдили создателей американской империи взглядом на мир, его объяснением и специфической программой действий с 1893 до 1953 гг.»¹³⁹).

Ф. Даллес в работах, опубликованных до второй мировой войны, довольно реалистически характеризует «дипломатию доллара» и называет Тафта и Нокса «агрессивными борниками» внешней торговли и финансовых интересов своей страны¹⁴⁰). Причину поражения «долларовой дипломатии» Даллес видит в том, что американский народ ее не поддержал¹⁴¹). А. Гриссуолд и Ч. Вивьер стоят на той точке зрения, что авантюристическая агрессивность американской дипломатии далеко опережала интересы американского капитала в Китае. Они доказывают, что американское финансовое про-

¹³⁶) См. «Очерки новой и новейшей истории США», т. 1, М., 1960, стр. 589.

¹³⁷) W. Williams. The Frontier Thesis and American Foreign Policy. «The Pacific Historical Review», 1955, Nr. 4, 380—387.

¹³⁸) Ibid., p. 387.

¹³⁹) Ibid., p. 380.

¹⁴⁰) F. Dulle s. Forty Years of American—Japanese Relations, New York, London, 1937, p. 85.

¹⁴¹) Ibid., p. 101.

«фикновение в Китай было предпринято после русско-японской войны по инициативе государственного департамента, который «навязал» группе американских банкиров участие в финансовых аферах в Китае¹⁴²). Сторонники этой точки зрения утверждают, что «дипломатия доллара» явилась отклонением от американской традиционной политики на Дальнем Востоке и поэтому она окончилась неудачей.

В работах американских марксистов и прогрессивных авторов У. Фостера, В. Перло, С. Ниринга, Д. Фримэна, Д. Мариона и других на основе фактического материала делаются правильные выводы об агрессивном характере внешней политики американского империализма. В. Перло показывает, что внешнеполитическая экспансия США в начале XX в. развивалась под прямым воздействием американских монополий, автор дает характеристику методам американской империалистической агрессии¹⁴³). Д. Марион анализирует империалистическую сущность «дипломатии доллара», характеризует американских дипломатов как приказчиков Уолл-стрита¹⁴⁴). Виднейший деятель коммунистической партии США У. Фостер дает яркую характеристику «воинствующему империализму янки», показывает причины вступления Соединенных Штатов Америки в первую мировую войну, устанавливает взаимосвязь между ростом экономической мощи американского империализма и усилением его агрессивной внешней политики¹⁴⁵).

Количество работ японских буржуазных авторов, опубликованных на европейских языках, сравнительно невелико. Х. Акаги и Т. Такеути излагают официальную интерпретацию внешней политики японского империализма. Х. Акаги пишет, что он взялся за перо с целью разъяснить характер внешней политики Японии в связи с тем, что военное выступление японского империализма в Северо-Восточном Китае в 1931 г. вызвало отрицательный резонанс во всем мире¹⁴⁶). Автор пытается оправдать вторжение Японии в Корею и Маньчжурию в 1905 г. интересами «японской национальной безопасности»¹⁴⁷). Акаги рассматривает японскую агрессию в Китае в 1905—1917 гг. как вполне «закономерный» результат исторически развившихся японских интересов на Азиатском кон-

142) A. Griswold. The Far Eastern Policy of the United States, New York, 1938, p. 135—136; Ch. Vevier. The United States and China 1906—1913, New Brunswick, 1955, p. VII, VIII, 88, 91.

143) В. Перло. Американский империализм, М., 1951, стр. 11—13.

144) Д. Марион. Базы и империя. Карта американской экспансии. М., 1948, стр. 116—119.

145) У. Фостер. Очерк политической истории Америки. М., 1953, стр. 360—363, 500—503.

146) Н. Акаги. Japan's Foreign Relations 1542—1936. A Short History, Tokio, 1936, p. V.

147) Ibid., p. 265.

тиненте. В то же время Акаги стремится затушевать остроту японо-американских противоречий и пишет, что в прошлом взаимоотношения между США и Японией были добрососедскими. В частности, Акаги отмечает тот факт, что Корея была превращена в колонию Японии с благословения президента Т. Рузвельта, а Япония, в свою очередь, учитывая интересы Соединенных Штатов Америки, соблюдала политику «открытых дверей» в Китае¹⁴⁸).

Т. Такеути восхваляет агрессивную политику Японии в Корею и Китае¹⁴⁹). Автор довольно подробно рассматривает обстоятельства, при которых Япония вступила в первую мировую войну, якобы «выполняя свои союзнические обязательства» перед Великобританией¹⁵⁰). Такеути пишет о преимуществах, полученных Японией вследствие вступления в войну на стороне стран Антанты, и дает характеристику внутривнутриполитической борьбы, которая шла в Японии в связи с началом первой мировой войны¹⁵¹). Главная идея, которую проводит Такеути в своей книге, заключается в следующем: в прошлом Япония стремилась решать внешнеполитические вопросы прежде всего дипломатическими средствами, однако она, когда этого требовали обстоятельства, прибегала к силе оружия и должна проводить и впредь подобную политику.

К. Хамада в работе, имеющей характер политической биографии виднейшего государственного деятеля Японии — Хиробуми Ито, приводит интересный фактический материал, характеризующий борьбу, которая шла в Японии по вопросам внешней политики в 1906—1909 гг.¹⁵²). Автор осуждает японское правительство за то, что оно после 1905 г. пошло на обострение взаимоотношений с Соединенными Штатами и Великобританией¹⁵³). В целом работа К. Хамада носит апологетический характер: Х. Ито изображается в качестве образцового государственного деятеля — миролюбивого, дальновидного и мудрого.

К. Каваками начинал свою политическую деятельность в Японии как правый социалист. С 1901 г. он жил в Соединенных Штатах Америки, являясь корреспондентом японских газет. К. Каваками написал несколько книг о международных отношениях на Дальнем Востоке, в которых неизменно защищал внешнеполитический курс японского империализма и пропагандировал японо-американское сближение¹⁵⁴). В рабо-

¹⁴⁸) Н. Акаги. *Op. cit.*, p. 272, 294.

¹⁴⁹) Т. Такеучи. *War and Diplomacy in the Japanese Empire*, London, 1935, p. 161, 165.

¹⁵⁰) *Ibid.*, p. 168—169.

¹⁵¹) *Ibid.*, p. 181—182.

¹⁵²) К. Хамада. *Prince Ito*, Tokio, 1936, p. 216—218.

¹⁵³) *Ibid.*, p. 212.

¹⁵⁴) К. Каваками. *Japan in World Politics*, New York, 1919, p. 295—296; К. Каваками. *Japan's Pacific Policy*, New York, 1922,

те, изданной в 1932 г., Каваками выступает в качестве прямого апологета агрессивной политики японского империализма в Китае. Он утверждает, вопреки историческим фактам, что ответственность за японо-китайские конфликты, происходившие в начале XX в., должен нести Китай, а не Япония¹⁵⁵).

Накануне второй мировой войны в среде правящей верхушки Японии шла борьба по вопросу о том, в каком направлении Япония должна развивать свою экспансию и против кого, Советского Союза или колониальных западных стран, следует в первую очередь развязать войну. Надо отметить, что империалистическая пропаганда стремилась подчеркнуть антисоветскую и антикоммунистическую направленность японских военных приготовлений для того, чтобы усыпить бдительность США и Великобритании. Последнее обстоятельство оказало влияние на характер работ японских авторов, многие из которых выступают как сторонники западной ориентации. И. Куно в книге «Японская экспансия на Азиатском континенте» пишет, что с конца XVIII в. царская Россия представляла угрозу безопасности Японии. «Россия всегда рассматривалась, — пишет Куно, — как нация, которая угрожала самому существованию Японии»¹⁵⁶). Это совершенно не соответствующее исторической действительности утверждение потребовалось Куно для того, чтобы заострить антисоветскую направленность своей работы и сделать антисоветский выпад, заявив, что Советский Союз, якобы, также угрожал Японии путем «распространения коммунизма»¹⁵⁷).

После второй мировой войны японские прогрессивные историки внесли свой вклад в разоблачение агрессивного характера внешней политики Японии. Хани Горо показывает влияние милитаристских кругов на гонку вооружений и направление военно-политической экспансии японского империализма в 1910—1914 гг.¹⁵⁸). Японские авторы в работе, посвященной истории второй мировой войны на Тихом океане, осуждают агрессию в Северо-Восточном Китае и делают правильные выводы о целях японского империализма во время первой мировой войны¹⁵⁹).

Английские, французские и немецкие историки уделяют проблемам международных отношений на Дальнем Востоке сравнительно немного внимания. Их усилия сосредоточены, прежде всего, на изучении европейского узла международных

р. 4—5; K. Kawakami. Japan Speaks on the Sino—Japanese Crisis, New York, 1932.

¹⁵⁵) Ibid., p. 15—16.

¹⁵⁶) Y. Kuno. Japanese Expansion of the Asiatic Continent, v. II, Berkeley and Losangeles, 1940, p. 216—217.

¹⁵⁷) Ibid., p. 216.

¹⁵⁸) Х. Горо. История японского народа, М., 1957, стр. 112—114.

¹⁵⁹) «История войны на Тихом океане» (перевод с японского), т. 1, М., 1957, стр. 23, 25—27.

противоречий. Английский автор Д. Т. Пратт критикует японскую агрессивную политику в Китае. Он отмечает, что при помощи «21 требования» Япония стремилась не только укрепиться в Маньчжурии, но и превратить Китай в «вассальное государство»¹⁶⁰). В то же время Пратт изображает британскую политику на Дальнем Востоке как якобы соответствовавшую интересам Китая¹⁶¹). Он пишет об общности целей Великобритании и США на Дальнем Востоке¹⁶²). В «Кембриджской истории Британской империи» также затушевывается экспансия британского империализма в Китае в начале XX в. В данной работе содержится интересный материал о методах, при помощи которых английская дипломатия после русско-японской войны стремилась принудить царскую Россию к отказу от «стремлений морской державы» и вовлечения царизма в фарватер внешней политики Великобритании¹⁶³).

Книга Аллена об англо-американских отношениях написана с целью обоснования «общности интересов» англо-саксонских народов. Автор утверждает, что имевшиеся в прошлом конфликты между Соединенными Штатами и Великобританией порождались не серьезными экономическими и политическими противоречиями, а вызывались только взаимным непониманием и являлись «семейными ссорами»¹⁶⁴). Аллен преднамеренно обходит те вопросы, по которым между США и Англией происходила острая борьба, и делает вывод о том, что «сердечность англо-американских отношений в XX столетии прочно основывается на фундаменте сходной и даже общей политики»¹⁶⁵).

В вышецитированной работе французского автора П. Ренувена дано систематическое изложение международных отношений на Дальнем Востоке за сто лет (1840—1940 гг.). Американский историк Фэрбенк назвал книгу Ренувена «наиболее яркой» и значительной из всех сочинений, имеющихся по этому вопросу¹⁶⁶). В работе Ренувена показано соперничество великих держав на Дальнем Востоке. Особое внимание автор уделяет выяснению причин, в силу которых Япония быстро поднялась до «статуса великой державы». Ренуven одобряет коллективную колониалистскую политику западных держав в Китае, которая осуществлялась при помощи консор-

¹⁶⁰) J. T. Pratt. *China and Japan*, London, 1944, p. 4—5.

¹⁶¹) J. T. Pratt. *China and Britain*, London, 1948.

¹⁶²) J. T. Pratt. *The Expansion of Europe into the Far East*, London, 1947, p. 155.

¹⁶³) «The Cambridge History of the British Empire», v. III, Cambridge, 1959, p. 548—549.

¹⁶⁴) H. Allen. *The Anglo—Amerikan Relationship since 1783*, London, 1959, p. 20—21.

¹⁶⁵) *Ibid.*, p. 207.

¹⁶⁶) «The American Historical Review». 1948, vol. 53, Nr. 2, p. 339.

циума. «Надежда видеть пробуждение Китая в экономической жизни,—пишет Ренувен, под руководством европейской технической силы и с помощью европейских капиталов была уже на пути к реализации... Вопрос уже стоял не о разделе Китая, а о совместной эксплуатации китайского рынка»¹⁶⁷). Автор сожалеет, что война, начавшаяся в 1914 г., «парализовала действия европейских держав» и дала возможность Японии укрепить свои позиции в Китае. Он пишет, что политика Японии на Дальнем Востоке во время первой мировой войны была направлена против интересов всех западных держав, несмотря на то, что Япония «ловко представляла себя» союзником стран Антанты¹⁶⁸). При описании революционного движения в Китае после 1917 г. Ренувен выступает с антисоветских и антикоммунистических позиций, пишет о «происках» Коминтерна и т. д.

В годы первой мировой войны в Германии были опубликованы работы К. Флоренца, П. Освальда и других авторов, посвященные проблемам Дальнего Востока¹⁶⁹). Как правило, эти работы носили пропагандистский характер и преследовали цель доказать, что вступление Японии в войну против Германии ничем не мотивировано и не соответствует японским национальным интересам. Книга О. Франке, опубликованная в 1923 г., посвящена исследованию политики великих держав в Восточной Азии в 1894—1914 гг. Автор ставит своей задачей показать экспансию стран Антанты в Азии и в то же время разрекламировать Германию в качестве государства, проводившего миролюбивую и дружественную политику по отношению к народам Востока¹⁷⁰).

В работе современного западногерманского историка О. Хаузера мало оригинального материала, а имеющиеся факты подобраны тенденциозно. В главах, посвященных дальневосточной политике, усиленно подчеркивается общность интересов Великобритании и Германии в Китае. Автор вопреки историческим фактам утверждает, что Англия, США и Германия во время революции 1911—1913 гг. в Китае выступали против интервенции и были заинтересованы в создании сильного и независимого китайского государства¹⁷¹). Хаузер стремится доказать, что основными противоречиями на Дальнем Востоке накануне первой мировой были не японо-американские противоречия, а англо-русское соперничество. С этой целью он всячески преувеличивает экспансионистские устрем-

¹⁶⁷) P. Renouvin. Op. cit., p. 284.

¹⁶⁸) Ibid., p. 285.

¹⁶⁹) K. Florenz. Deutschland und Japan, Hamburg, 1915; P. Ostwald. Japans Expansionspolitik 1900—1914, Berlin, 1916.

¹⁷⁰) O. Franke. Die Crossmächte in Ostasien von 1894 bis 1914, Hamburg, 1923, S. 343—344, 361—362.

¹⁷¹) O. Hauser. Op. cit., S. 72—73.

ления царской России, а империалистическую политику Германии, Великобритании и США оправдывает¹⁷²⁾.

В капитальной монографии Г. Хальгартена приводится громадный фактический материал, показывающий роль финансового капитала в формировании внешнеполитического курса германского империализма. Правда, автор уделяет очень мало внимания характеристике политики Германии на Дальнем Востоке в начале XX в. Хальгартен справедливо указывает, что политика Германии в Китае определялась объединением монополистического капитала «Дисконтогезельшафт», которое использовало для проникновения в Восточную Азию Немецко-Азиатский банк¹⁷³⁾. Однако он преувеличивает степень сотрудничества английских и германских монополий в Китае и не показывает острого экономического соперничества английского и германского империализма на Дальнем Востоке.

Историки-марксисты Германской Демократической Республики проводят большую работу по выяснению подлинной роли германского империализма в международных отношениях. В этом плане следует назвать книгу А. Шрайнера о внешней политике Германии в 1871—1918 гг. Автор вскрывает роль борьбы за рынки сбыта и сферы приложения капитала во взаимоотношениях великих держав и в возникновении первой мировой войны¹⁷⁴⁾. Одним из районов острого колониального соперничества являлся Дальний Восток. В исследовании В. Бартеля о борьбе левого крыла социал-демократической партии Германии против милитаризма и войны дан очерк развития германского империализма и обзор некоторых проблем германской дальневосточной политики¹⁷⁵⁾.

¹⁷²⁾ Ibid., S. 262—263.

¹⁷³⁾ Г. Хальгартен. Империализм до 1914 г. Социологическое исследование германской внешней политики до первой мировой войны, М., 1961, стр. 469.

¹⁷⁴⁾ A. Schreiner. Zur Geschichte der Deutschen Außenpolitik, Erster Band: 1871—1918, Berlin, 1955, S. 218, 220—228.

¹⁷⁵⁾ В. Бартель. Левые в германской социал-демократии в борьбе против милитаризма и войны, М., 1959, стр. 58—62.

ЯПОНСКАЯ И АМЕРИКАНСКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ЭКСПАНСИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1906—1907 гг.

1. Агрессия японского империализма в Южной Маньчжурии и Корее

После русско-японской войны на Дальнем Востоке сложилось новое соотношение сил, выразившееся в возросшей роли Японии и Соединенных Штатов Америки и ослаблении влияния и позиций царской России. В делах дальневосточной политики Япония стала играть роль великой державы. Подобное положение Японии создано прежде всего в результате ее союза с Англией, которая держала в своих руках ключевые позиции Тихоокеанского бассейна и имела наибольшие капиталовложения в Китае. В августе 1905 г. был подписан второй англо-японский союзный договор, по которому Япония получила поддержку Великобритании в деле закабаления Кореи и, в свою очередь, обязалась защищать интересы английского империализма в Китае и Индии.

Рост военно-политического значения Японии не определялся уровнем ее экономической мощи. Японский военно-феодальный империализм не имел развитой материальной базы для осуществления внешнеполитических авантур, так как Япония продолжала оставаться в экономическом отношении отсталой, аграрной страной, скованной пережитками феодализма. Отмечая этот факт, В. И. Ленин указывал, что «...Япония имела возможность грабить восточные, азиатские страны, но она никакой самостоятельной силы, финансовой и военной, без поддержки другой страны иметь не может...»¹⁾. В 1906 году в Японии было добыто 13 млн. тонн угля, выплавлено 145 тыс. тонн чугуна и 69 тыс. тонн стали (прокат)²⁾. В этом же году в Англии было добыто 251 млн. тонн угля, выплавлено 10,2 млн. тонн чугуна и 6,5 млн. тонн стали, а в США соответственно — 369,8; 25,3 и 23,4³⁾. Таким образом, тяжелая промышленность Японии давала в десятки раз меньше продукции, чем промышленность развитых капиталистических

1) В. И. Ленин. Соч., т. 31, изд. 4, стр. 202.

2) «Мировые экономические кризисы 1848—1935», М., 1937, стр. 510.

3) Там же, стр. 494—498.

держав. В легкой промышленности преобладали мелкие, технически слабо оснащенные предприятия.

Поставки на армию и флот во время войны с Россией принесли большие барыши японским монополиям. Захват новых рынков в Китае и Корее стимулировал развитие промышленности, торговли и образование акционерных компаний. В 1905—1912 гг. на строительство новых промышленных предприятий и на расширение старых было затрачено 3,8 млрд. иен, что означало увеличение капиталовложений в промышленности на 100%⁴⁾. Определенную роль в развитии японской промышленности сыграли иностранные капиталовложения. В течение первых четырех лет после окончания русско-японской войны в экономику Японии было вложено 100 млн. иен иностранного капитала⁵⁾.

Путем таможенных ограничений, казенных заказов и субсидий правительство поддерживало развитие промышленности. Весной 1906 г. был утвержден новый таможенный тариф, по которому значительно были повышены ввозные пошлины на промышленные товары и введены ограничения для экспорта из стран, не предоставивших Японии права наибольшего благоприятствования по торговле.

Война 1904—1905 гг. потребовала напряжения всех сил и ресурсов Японии и легла тяжелым бременем на финансы страны. Расходы на войну составили 1986 млн. иен⁶⁾. Государственный долг Японии вырос за годы войны в четыре раза и составил в 1906 г. 2420 млн. иен⁷⁾.

Внешнеторговый баланс Японии складывался неблагоприятно. В 1905 г. экспорт из Японии равнялся 321,5 млн. иен, а импорт в Японию достиг 488,5 млн. иен, т. е. превышение ввоза над вывозом достигло громадной суммы в 167 млн. иен. В 1906 г. было достигнуто небольшое превышение вывоза над ввозом, исчислявшееся примерно в пять миллионов иен. Но в 1907 г. внешнеторговый баланс Японии в связи с начавшимся экономическим кризисом вновь стал отрицательным: экспорт равнялся 432 млн. иен, а импорт — 494 млн. иен⁸⁾. Несмотря на узость внутреннего рынка, Япония, в силу своей технической и экономической отсталости, вынуждена была ввозить многие виды промышленного оборудования и сырья.

4) Д. И. Гольдберг. К вопросу о характерных чертах становления монополистического капитала в Японии. «Вестник Ленинградского университета», 1957, № 8, Серия истории, языка и литературы, вып. 2, стр. 186.

5) Ш. Лиф. Война и экономика Японии. М., 1940, стр. 41.

6) Г. И. Болдырев. Финансы Японии. М., 1946, стр. 156.

7) И. Я. Бедняк, А. Л. Гальперин, Я. Д. Гришелева, Г. И. Подпалова, В. А. Попов, П. П. Топеха, Х. Т. Эйдус. Очерки новой истории Японии (1640—1917), М., 1958, стр. 421.

8) «The Twenty-Eight Financial and Economic Annual of Japan», Tokio, 1928, p. 118.

Превышение ввоза над вывозом в Японии, не имевшей значительных золотых запасов, приводило к увеличению задолженности по иностранным кредитам и займам и усилению зависимости экономики страны от Англии и США.

Борьба за рынки сбыта и источники сырья и выгодное географическое положение Японии по отношению к Китаю и Корее определили как особую агрессивность японского империализма, так и направление его экспансии. Милитаризация страны, продолжавшаяся после русско-японской войны, вела к резкому увеличению налогов и ухудшению положения трудящихся масс. Более 1/3 японского бюджета уходило на содержание армии, военно-морского флота и гонку вооружений. Победа над царизмом укрепила в Японии позиции крайних шовинистов и милитаристов. Сэн-Катаяма писал, что «Русско-японская война не дала победившей Японии ничего, кроме проклятия нищеты, тяжелых налогов, общей деморализации и господства милитаризма»⁹⁾.

Увеличение армии и флота Японии рассматривалось правящими классами страны, как необходимое условие сохранения за японским империализмом той роли, которую он получил на Дальнем Востоке в результате русско-японской войны. Милитаристская пропаганда объясняла рост вооружений Японии ухудшением взаимоотношений с Соединенными Штатами Америки, возможностью реванша со стороны царской России и необходимостью осуществления колониальных замыслов в Китае и Корее. Усиливалась пропаганда паназиатской доктрины. Лозунгом «Азия для азиатов» японские империалисты стремились замаскировать свои захватнические планы по отношению к Китаю.

В декабре 1906 г. подполковник японского генерального штаба Танака в доверительной беседе с русским военным атташе в Токио Самойловым, отвечая на вопрос последнего о причинах усиленного вооружения Японии, ответил: возможно «у нас что-нибудь будет с Китаем»¹⁰⁾. Русский дипломат Розен выражал опасения, что Япония может «решиться на новую авантюру против Китая» или России¹¹⁾.

Сразу же после окончания войны, несмотря на тяжелое финансовое положение страны, японское правительство выработало пятнадцатилетний (1907—1921) план чрезвычайных мероприятий, направленных на перевооружение армии и флота. Сумма в 502,6 млн. иен, отпущенная военному и военно-морскому министерствам по этому плану, была израсходова-

⁹⁾ Сэн Катаяма. Статьи и мемуары, М., 1959, стр. 52.

¹⁰⁾ АВПР. Японский стол, д. 910, л. 125. Бахметьев Извольскому, 28/15 декабря 1906 г.

¹¹⁾ Там же. Канцелярия, 1906, д. 143, т. 1, л. 190. Розен Извольскому, 26/13 декабря 1906 г.

на к концу 1909 г. почти на пятьдесят процентов¹²⁾. К 1912 г. численность японской армии мирного времени составляла 233 тыс. человек, а в случае войны могла быть увеличена до 1,5 млн. человек¹³⁾. Япония разместила крупные заказы на артиллерийские орудия и другие виды вооружения в Германии, Австро-Венгрии и Франции. Японский военный флот к концу 1909 г. был увеличен по сравнению с 1904 г. почти в 2 раза и состоял из 11 первоклассных броненосцев, 4 второклассных броненосцев и 12 броненосных крейсеров, не считая более мелких судов¹⁴⁾. В ноябре 1906 г. в Японии вступил в строй первый броненосец типа дредноут «Сацума», построенный на японских верфях.

5 сентября 1905 г. в Портсмуте был подписан мирный договор между Россией и Японией. Поражение царизма в войне и поддержка Японии Англией и США позволили японскому империализму добиться выгодных условий мира. Важнейшими из них были: 1) к Японии переходила арендная территория Ляодунского полуострова с Порт-Артуром и Дальним, ЮМЖД с ветками и принадлежащими ей правами; 2) Россия признавала японское преобладание в Корее; 3) Япония получала южную половину острова Сахалина; 4) царское правительство обязалось войти в соглашение с Японией и предоставить японским поданным право рыбной ловли в русских дальневосточных водах¹⁵⁾. Следует отметить, что ряд пунктов в Портсмутском договоре не был конкретизирован и рассматривался правящими кругами Японии как начальный этап в борьбе за господство Японии на Дальнем Востоке и прежде всего в Китае и Корее. Японский историк Акаги считает, что русско-японская война была «поворотным пунктом в континентальной политике Японии» и что с этого времени Корея и Маньчжурия стали «жизненным фактором во внешней политике Японии»¹⁶⁾.

По условиям Портсмутского мира Россия и Япония обязались вывести свои войска из Северо-Восточного Китая не позднее марта 1907 г. Статья о выводе войск не распространялась на арендованную Ляодунскую территорию, переходившую к Японии. Кроме того, Россия и Япония сохраняли за собой «право» содержать охранную стражу на КВЖД и ЮМЖД, но не свыше 15 человек на километр железнодорожного пути. В статье V договора отмечалось, что Россия усту-

¹²⁾ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, д. 721, л. 73. Краткий очерк деятельности Японии по развитию своих вооруженных сил и по усилению своего положения в Корее и Маньчжурии.

¹³⁾ Самойлов. Вооруженные силы Японии, СПб, 1913, стр. 83, 85.

¹⁴⁾ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, д. 721, л. 73.

¹⁵⁾ «Сборник договоров России с другими государствами» (1856—1917). М., 1952, стр. 337—344.

¹⁶⁾ Н. Акаги. Op. cit., p. 282.

нает Японии свои арендные права и собственность в Южной Маньчжурии с согласия Китайского правительства. Закрепление полученных по Портсмутскому договору железной дороги, прав и привилегий в Маньчжурии и их расширение путем соответствующих соглашений с Китаем стало предметом особых забот японского империализма.

В ноябре 1905 г. в Пекин была направлена японская дипломатическая миссия во главе с министром иностранных дел бароном Комура. Во время переговоров японская делегация добивалась продления договора об аренде ЮМЖД и Ляодунской территории на более длительный срок, чем 18 лет, которые оставались по договору с Россией, а также проведения реформ в Южной Маньчжурии под руководством Японии¹⁷). Цинское правительство отвергло эти притязания. Тем не менее под нажимом японских дипломатов Китай вынужден был пойти на значительные уступки, и Япония не только закрепила за собой права и привилегии, полученные ранее царской Россией, но добилась новых и открыла пути для дальнейшего наступления на Китай. 22 декабря 1905 г. был подписан японо-китайский Пекинский договор¹⁸), по которому китайское правительство признавало «все уступки, сделанные Россией Японии по 5 и 6 статьям Портсмутского мира» (ст. 1). Японское правительство не согласилось безоговорочно признать обязательства России по договорам с Китаем относительно арендованной территории и строительства железных дорог и обязалось придерживаться их в той мере, «в какой позволяют обстоятельства», а в случае «возникновения в будущем каких-либо вопросов» Япония должна была урегулировать их «по обсуждению с китайским правительством» (ст. 2)¹⁹). Одновременно с японо-китайским договором было подписано дополнительное соглашение и секретный протокол.

По условиям дополнительного соглашения Китай обязался открыть для внешней торговли 16 городов Северо-Восточного Китая. Включая этот пункт в текст японо-китайского соглашения, правящие круги Японии делали широкий жест в адрес США и Англии и стремились показать свои «заботы» о проведении политики «открытых дверей» в Китае, Япония получила разрешение на организацию своих селтльментов в Аньдуне, Мукдене (Шэньяне) и Инкоу, концессию на перестройку и эксплуатацию железнодорожной линии Аньдун-Мукден, которая была построена японцами как узкоколейная линия для обслуживания нужд своей армии в период русско-японской войны. Сейчас ставилась задача переделать дорогу на широкую колею, соединить ее с железной дорогой в Корею и

¹⁷) «D. D. F.», Serie 2, t. VIII, p. 242. Посланник Франции в Пекине Любейль министру иностранных дел Рувье.

¹⁸) J. M a s t u g a u. Op. cit., v. 1, p. 549—550.

¹⁹) Ibidem.

сделать таким образом Аньдунь-Мукденскую линию важнейшим экономическим и стратегическим путем. Кроме того, предусматривалось учреждение смешанного японо-китайского общества для эксплуатации лесов на правом берегу реки Ялуцзян.

Весьма существенные для японского империализма условия, навязанные Китаю Японией, были зафиксированы в секретном протоколе, по которому китайское правительство обязалось не строить железных дорог параллельно ЮМЖД или «какой-либо боковой ветви, которая наносила бы ущерб ЮМЖД»²⁰). Кроме того, Китай взял обязательство построить железную дорогу от Чанчуня до Гирина и перестроить линию Мукден-Синьминьтунь, используя для этой цели японское оборудование и японские капиталы. Данные соглашения закрепили контроль Японии над территорией всей Южной Маньчжурии и создавали условия для проникновения во Внутреннюю Монголию. Было зафиксировано, что вопросы об эксплуатации Японией угольных шахт и постройке телеграфных линий, а также о выплате возмещения Китаю и китайским гражданам за ущерб, причиненный японской армией во время оккупации Маньчжурии или за полученные материалы и продовольствие, будут рассмотрены позднее. Текст секретного протокола Япония сообщила правительствам Англии и США²¹). Япония укрепилась в наиболее развитой в экономическом отношении и заселенной части Северо-Восточного Китая. Через порты Дайрен (Дальний) и Инкоу велась обширная внешняя торговля, а также поддерживалось регулярное пароходное сообщение с Тяньцзинем, Чифу (Яньтаем), Шанхаем и другими портами Китая.

25 января 1906 г. премьер-министр Японии маркиз Сайондзи, выступая с программной речью в японском парламенте, особо остановился на внешнеполитических вопросах, подчеркнув в качестве «самой важной и главной» задачи своего правительства «не забывать наших прав в Маньчжурии и не переставать заботиться о развитии Кореи» под японским протекторатом. «Немаловажно для нас также и просвещение Китая»²²). Сайондзи говорил, что для осуществления этой программы потребуются крупные расходы, а народу придется нести «тяжелое бремя».

Для выработки программы действий, направленных на осуществление колониальной политики японского империализма, был создан специальный комитет из представителей основных министерств под председательством премьера²³). До эвакуации своей армии из Маньчжурии японское правитель-

²⁰) Н. А k a g i. Op. cit., p. 286.

²¹) Ibidem.

²²) АВПР. Японский стол, д. 909, л. 16. Перевод речи Сайондзи.

²³) Н. А k a g i. Op. cit., p. 286.

ство создало учреждения, которые стали осуществлять управление и эксплуатацию ЮМЖД и Ляондунской территории. 7 июня 1906 г. был издан правительственный указ об учреждении компании Южно-Маньчжурской железной дороги «с целью эксплуатации железных дорог в Маньчжурии»²⁴). Капитал компании, установленный в 200 млн. иен, разделялся на две равных части. Компания должна была работать под полным контролем государства. С этой целью половина акций компании была передана правительству, причем, правительственным взносом считались железные дороги и угольные шахты, которые передавались компании.

Акции компании ЮМЖД на 100 млн. иен были выпущены в сентябре 1906 г. для свободной продажи японским и китайским гражданам. Так как китайцы отказались покупать акции компании, то они были распространены только среди японских капиталистов²⁵). Компания ЮМЖД начала свои операции в апреле 1906 г. Под ее контроль перешла основная линия ЮМЖД от Чанчуня до Дайрена с ветками к Порт-Артуру, Инкоу, угольным копиям Фушунь и Янтай, а также железная дорога Аньдун — Мукден²⁶). Длина всех этих линий превышала одну тысячу километров. Председателем правления компании стал видный японский политический деятель барон Гото.

В мае 1906 г. состоялось заседание кабинета министров Японии совместно с генералами и руководителями армии и флота, на котором были доложены выводы колониального комитета по вопросам политики Японии в Маньчжурии и Корее. Выступая на этом заседании, генеральный резидент Японии в Сеуле Х. Ито говорил, что господство в Корее является вопросом «жизни или смерти для Японии», а в Маньчжурии, по мнению Ито, следовало создать японскую «военную и коммерческую гегемонию»²⁷). Однако Ито опасался, что меры «военной интервенции», к которым прибегала Япония в Маньчжурии, и несоблюдение там «политики открытых дверей» могут обострить взаимоотношения Японии с Англией и США, что попытаются использовать корейские патриоты для борьбы против японского империализма. Здесь же Ито отмечал, что милитаристская антирусская пропаганда в Японии создала в Европе убеждение, что Япония готовится ко второй войне с Россией, считая Портсмутский договор «временным перемирием» и поэтому, как заявил Ито, Россия задержала эвакуацию своих войск из Маньчжурии. По мнению Ито, подобная политика Японии на Дальнем Востоке заводит ее в «глухой тупик». Он предлагал немедленно восстановить нормальный

²⁴) J. Mac Murragh. Op. cit., v. I, p. 557.

²⁵) H. Akagi. Op. cit., p. 287.

²⁶) J. Mac Murragh. Op. cit., v. I, p. 559.

²⁷) K. Hamada. Prince Ito, Tokio, 1936, p. 213.

режим мирного времени в Маньчжурии и соблюдать там принцип «открытых дверей»²⁸⁾.

Против предложения Х. Ито выступила группа военных лидеров: военный министр Тэраути, начальник генерального штаба Кодама, адмирал Ямамото, маршал Ямагата, генерал Кацура. Эта группа крайних милитаристов, по словам Хамада, считала высшим принципом политики установление гегемонии Японии на Дальнем Востоке. К ним фактически присоединился премьер Сайондзи, сказавший что правительство должно соблюдать условия договора с Китаем и быть готовым на случай «возможного реванша со стороны России. ...Духом наших людей в Маньчжурии — заявил Сайондзи, — нельзя пренебрегать; фактически правительство придерживается того же самого духа»²⁹⁾.

Японская милитаристская пресса разжигала шовинистические настроения и угрожала войной тем, кто попытается сопротивляться Японии. В декабре 1906 г. газета «Дзи-дзи» писала о попытках Китая вмешиваться в дела Маньчжурии и требовала «во имя национальных интересов занять угрожающую позицию по отношению к Китаю»³⁰⁾.

Правящие круги Японии открыли в Южной Маньчжурии отделения японских банков, которые выпускали банкноты, вытеснявшие из обращения китайские деньги. В 1900 г. Иокогама-Спешти банк открыл свое отделение в Нючжуане. После русско-японской войны этот банк создал сеть отделений, охватывавших не только Южную Маньчжурию, но и другие районы Китая. Получив правительственную субсидию в 3 млн. иен, Иокогама-Спешти банк кредитовал японскую торговлю в Южной Маньчжурии, давал ссуды под залог земли и т. д.³¹⁾. Иокогама-Спешти банк на выгодных для себя условиях в 1910 г. скупил обязательства японского казначейства, которыми «расплачивались» японские власти с китайцами в период русско-японской войны.

В июле 1906 г. в Нючжуане открыл свои операции японский коммерческий банк. Однако наиболее влиятельным японским банком в Южной Маньчжурии стал Чосен-банк, отделения которого появились в Маньчжурии после 1906 г. Позднее Чосен-банк получил право эмиссии и стал центральным японским банком в Маньчжурии, выдававшим долгосрочные кредиты промышленникам, он непосредственно подчинялся действовавшей под контролем правительства Восточной компании развития³²⁾. В Южной Маньчжурии были также открыты отделения других японских банков. Целью финансовой по-

²⁸⁾ Ibid., p. 214—216.

²⁹⁾ Ibid., p. 217—218.

³⁰⁾ «Peking and Tiensing Times», December 5, 1906.

³¹⁾ «Annual of Japan», Tokio, 1928, p. 255.

³²⁾ Ibidem.

литики японского капитала являлось извлечение высоких доходов за счет эксплуатации китайского народа и превращение Южной Маньчжурии в колонию Японии.

1 августа 1906 г. был опубликован указ японского императора о создании Квантунского генерал-губернаторства, в состав которого включалась арендованная территория Ляодунского полуострова. Квантунский генерал-губернатор, которым мог быть только высший офицер, был наделен обширными полномочиями. Он являлся главой гражданской администрации на арендованной территории, командовал японскими войсками, расположенными в Маньчжурии, контролировал деятельность компании ЮМЖД и осуществлял полицейскую власть на арендованной территории и в зоне ЮМЖД. Кроме того, генерал-губернатору был вверен контроль над «всеми политическими делами под руководством премьер-министра кабинета» и под надзором министра иностранных дел «в вопросах, относящихся к дипломатии»³³). Наделенный обширными полномочиями, генерал-губернатор Квантунской провинции играл большую роль в осуществлении, колонизаторских замыслов японского империализма в Северо-Восточном Китае.

Японские власти в Токио и Маньчжурии проводили таможенную и тарифную политику на Ляодунском полуострове и ЮМЖД так, чтобы создать наилучшие условия для японских предпринимателей и торговцев и прежде всего концерна Мицуй, который имел крупные капиталовложения в Южной Маньчжурии. Япония получила право самостоятельно определять ввозные и вывозные таможенные ставки на арендованной территории. В 1906 г. японские власти, используя свой оккупационный режим в Южной Маньчжурии, попытались вытеснить оттуда товары, ввозимые из других стран. В то время, как японские товары ввозились беспошлинно, товары из других стран подвергались таможенному обложению дважды: при ввозе на арендованную территорию (Дайрен) и (в случае перевоза этих товаров по ЮМЖД в другие районы Китая) в Мукдене.

В то же время единственный открытый Китаем для иностранной торговли маньчжурский порт Нючжуан (Инкоу) был фактически закрыт японскими оккупационными властями. Кроме того, порт Нючжуан тогда еще не имел железнодорожных путей сообщения с внутренними районами Северо-Восточного Китая, и только летом грузы отсюда можно было перевозить по реке Ляохэ, а зимой лишь гужевым путем. В связи с протестами Англии и США против несоблюдения политики

³³) C. Young. The International Relations of Manchuria, Chicago, 1929, p. 65—66.

«открытых дверей»³⁴⁾ 5 декабря 1906 г. было подписано японо-китайское соглашение о режиме порта Инкоу (Нючжуан), по которому японская военная администрация передала контроль над портом китайским властям. Он был открыт для иностранной торговли, и там была восстановлена китайская морская таможня³⁵⁾.

Инкоу стал быстро восстанавливать свою роль важнейшего торгового порта, через который шло значительное количество экспортных и импортных грузов Китая. Это отвлекало грузы от Дайрена и снижало грузооборот ЮМЖД, сокращая ее доходы. Японское правительство вынуждено было пересмотреть свою таможенную политику на арендованной территории. Дайрен и арендованная территория Ляодунского полуострова были открыты для беспошлинной иностранной торговли. 30 мая 1907 г. было подписано соглашение о создании морской таможни в Дайрене, штат которой комплектовался только из японцев. Пошлинами облагались иностранные товары, ввозившиеся через Дайрен за пределы японской арендованной территории³⁶⁾. Дайрен быстро стал одним из крупнейших торговых портов на побережье Китая и по грузообороту уступал лишь Шанхаю, Тяньцзиню и Кантону. Японскому капиталу удалось сохранить свое полное преобладание в экспорте и импорте товаров, которые шли через Дайрен.

Правящие круги Японии принимали энергичные меры к тому, чтобы сохранить рынки Северо-Восточного Китая за собой и выдержать конкурентную борьбу с американскими, английскими и немецкими монополиями. В Японии было учреждено специальное общество для поддержания и развития торговли в Маньчжурии. Плата за перевозки по Южно-Маньчжурской железной дороге взималась с таким расчетом, чтобы дать преимущества японским капиталистам по сравнению с капиталистами других стран. Даже такие крупные монополии как «Стандарт ойл компани» и Британо-американская табачная компания, оперировавшие в Маньчжурии, теряли часть своих доходов в связи с тарифной политикой ЮМЖД.

По данным китайской таможни Япония в 1908 г. ввезла через Дайрен товаров без оплаты пошлины почти на 14 млн. иен, что намного превышало потребности арендованной Ляодунской территории. Большая часть японских товаров, ввезенных беспошлинно на арендованную территорию, переправлялась в глубь Маньчжурии³⁷⁾. Беспошлинный ввоз повышал конкурентоспособность японских товаров и вызвал недовольство капиталистов США и Англии.

³⁴⁾ P. Clyde. Op. cit., p. 117.

³⁵⁾ J. Mac Murgay. Op. cit., v. I, p. 612.

³⁶⁾ Ibid., p. 634.

³⁷⁾ «Вестник Азии», 1910, № 3, стр. 236.

В конце 1907 г. японские оккупационные войска были в основном выведены из Южной Маньчжурии, и на ее территории была восстановлена китайская администрация. Следует отметить, что японские империалисты полностью не выполнили обязательств по эвакуации своих войск из Маньчжурии, так как, кроме арендованной территории, японские гарнизоны были оставлены в Аньдуне, Фушуне, Бэньси и Дзяньдао (Канто). Япония открыла в Северо-Восточном Китае 14 консульств, вице-консульств и консульских агенств, которые по любому поводу вмешивались во внутренние дела Китая.

Усиленная экспансия Японии вызывала растущее сопротивление китайского народа и внушала серьезные опасения цинскому правительству. В 1907 г. в Китае был издан правительственный указ о передаче Северо-Восточного Китая, считавшегося до этого доменом императорской семьи под управление китайской администрации³⁸). На его территории были созданы три провинции с центрами в Мукдене (Шэньян), Цицикаре и Гирине (Цзилинь). Провинциями управляли губернаторы, подчинявшиеся непосредственно вице-королю. Реформа управления и меры по заселению территории нынешнего Дунбэя китайцами предпринимались в связи с теми верхушечными реформами, которые проводились цинским правительством с целью задержать назревавшую в Китае революцию.

Одновременно с укреплением в Южной Маньчжурии японский империализм осуществлял закабаление Кореи. Японское правительство сразу же после начала русско-японской войны нарушило объявленный корейским правительством нейтралитет и оккупировало территорию Кореи своими войсками. Опираясь на англо-японский союзный договор 1902 г., по которому Англия признавала особые политические и торговые интересы Японии в Корее, а также используя благожелательную по отношению к агрессивным устремлениям японского империализма в Корее позицию США, Япония стала превращать Корею в свою колонию.

Путем давления и угроз японское правительство добилось подписания японо-корейского протокола от 23 февраля 1904 г., по которому Япония получала «право» использовать территорию Кореи для войны против России и «право» вмешиваться во внутренние дела Кореи³⁹). В августе 1904 г. Ито Хиробуми навязал Корее новое неравноправное соглашение, обязывавшее Корею приглашать по рекомендации Японии японских советников по финансовым и иностранным делам. По этому соглашению внешняя политика Кореи ставилась под контроль

³⁸) J. Reid. Op. cit., p. 11.

³⁹) См. «Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа», М., 1953, стр. 143.

Японии⁴⁰). Японцы начали более интенсивно захватывать в свои руки важные отрасли хозяйства и управления страны, ее природные богатства и земли корейских крестьян. Одновременно с этим японское правительство стремилось использовать ресурсы Кореи и ее людские силы для войны против России.

Правительство США не препятствовало японской агрессии в Корее, рассчитывая, что Япония, в свою очередь, не будет мешать американской экспансии в Китае. В январе 1905 г. Т. Рузвельт заявил: «Мы возможно не сможем вмешаться в защиту корейцев против Японии»⁴¹). Некоторые из влиятельных политических деятелей США фактически подталкивали Японию на дальнейшую агрессию против Кореи. Так, близкий к Т. Рузвельту публицист Д. Кеннан после посещения Кореи в 1905 г. писал в одной из своих статей: «Я без колебаний утверждаю, что на мой взгляд Япония прежде всего не должна больше обращаться с Кореей как с независимым суверенным государством»⁴²).

Япония по соглашениям, заключенным в июле и августе 1905 г., получила от правительства Соединенных Штатов Америки и Англии признание своего господства в Корее. Это облегчило задачу японских дипломатов, которые на Портсмутской мирной конференции добились признания японских притязаний на Корею от царского правительства. В статье второй Портсмутского мирного договора отмечалось: «Российское императорское правительство, признавая за Японией в Корее преобладающие интересы политические, военные и экономические, обязуется не вступаться и не препятствовать тем мерам руководства, покровительства и надзора, кои императорское японское правительство могло бы почтить необходимым принять в Корее»⁴³). Правда, по настоянию русской делегации в протоколе конференции было отмечено, что «меры, которые Япония может признать необходимыми принять в Корее в будущем и которые наносят ущерб суверенитету этой страны, будут приняты в соглашении с правительством Кореи»⁴⁴). Впоследствии японские империалисты легко обходили эту оговорку, оформляя установление колониального режима в Корее соглашениями, силой навязанными корейскому правительству.

Заручившись согласием других империалистических держав на установление своего господства в Корее, правящие

⁴⁰) См. «Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа», М., 1953, стр. 145.

⁴¹) G. M o w g u. Op. cit., p. 186.

⁴²) А. Г р а ж д а н ц е в. Корея, М., 1948, стр. 147.

⁴³) «Сборник договоров России с другими государствами» (1856—1917 гг.), М., 1952, стр. 338.

⁴⁴) П. П. Севостьянов. Экспансионистская политика США на Дальнем Востоке, 1958, стр. 206.

круги Японии стремятся как можно быстрее формально закрепить свое господство над корейским народом. Японские империалисты серьезно опасались, что международная обстановка может измениться в неблагоприятную для Японии сторону. Хаяси, посланный в сентябре 1905 г. со специальной миссией в Сеул, в докладе от 25 сентября, направленном на имя министра иностранных дел, сообщал об антияпонских настроениях корейского двора и попытках императора Кореи установить более тесные связи с Россией⁴⁵).

17 ноября 1905 г., опираясь на поддержку Англии и США, Япония ввела в Корею режим протектората. Корейское правительство потеряло право самостоятельных сношений с иностранными государствами⁴⁶). Контроль за положением в стране перешел в руки японского генерального резидента и его обширной администрации, которая была создана в Корею. Акаги считает, что договор о протекторате был «наиболее далеко идущим немедленным результатом» победы Японии в русско-японской войне⁴⁷).

Для японского правительства чрезвычайно важно было получить признание протектората над Кореей со стороны великих держав. С этой целью Япония обещала уважать договоры, заключенные между Кореей и иностранными державами, и не наносить никакого ущерба «законным торговым и промышленным интересам держав в Корею»⁴⁸). В специальном меморандуме, переданном правительствам других государств, японское министерство иностранных дел лицемерно ссылалось на то, что «неосторожный и непредвиденный характер действий Кореи, особенно в области международных отношений, являлся в прошлом источником всякого рода осложнений и поэтому Япония в интересах всеобщего мира на Дальнем Востоке» взяла на себя ответственность за внешние сношения Кореи⁴⁹).

Империалисты других стран были удовлетворены японскими обещаниями относительно свободы торгово-предпринимательской деятельности для иностранного капитала в Корею и согласились с ее дальнейшим закабалением Японией. Попытки корейского императора, направившего специального представителя в Вашингтон, добиться того, чтобы США выполнили свои обязательства по американо-корейскому договору 1882 г., который предусматривал возможность оказания помощи со стороны США на случай внешней угрозы для Кореи,

45) Н. Сонгоу. *Op. cit.*, p. 333.

46) См. Ли Чен Вон. *Очерки новой истории Кореи*, М., 1952, стр. 137.

47) Н. Акаги. *Op. cit.*, p. 275.

48) «D. D. F.», Serie 2, t. VIII, p. 154. Вербальная нота от 22 ноября 1905 г., переданная японским посланником в Париже Мотоно министру иностранных дел Франции Рувье.

49) *Ibid.*, p. 154—155.

окончились безрезультатно. Т. Рузвельт даже не принял представителя корейского императора⁵⁰⁾.

В конце ноября 1905 г. США, Англия и Германия признали превращение Кореи в японский протекторат, отозвали своих посланников из Кореи и учредили там генеральные консульства⁵¹⁾. Представители этих государств в Сеуле получили указания вести дипломатические сношения через японского генерального резидента.

Японское правительство официально не сообщило в Петербург о японо-корейском договоре от 17 ноября 1905 г.⁵²⁾. Японские дипломаты тем самым хотели избежать обсуждения вопроса о том, соответствует ли этот договор соглашениям, принятым на Портсмутской конференции. В связи с изменившимся статусом Кореи царское правительство своим представителем в Корее в январе 1906 г. назначило также генерального консула, но дало ему указание и документы, из которых следовало, что он назначается представителем России при корейском правительстве и должен получать разрешение на представительство в Корее от корейского императора. Япония потребовала, чтобы экзекватура выдавалась от имени японского правительства и отказалась допустить в Сеул назначенного туда русским генеральным консулом Плансона. Тогда министерство иностранных дел России обратилось с нотами к великим державам, в которых доказывало, что Корея как суверенное государство должна иметь право самостоятельных сношений с иностранными государствами и что иностранные представители в Корее должны сноситься непосредственно с корейским правительством и получать экзекватуру от корейского императора. Если бы предложение России было принято, то это ограничило бы безраздельное хозяйничанье Японии в Корее и свидетельствовало бы о признании державами Кореи в качестве суверенного государства.

Правительство Соединенных Штатов Америки в ответ на меморандум царского правительства от 2 марта 1906 г. дало уклончивый ответ, но по существу поддержало Японию, заявив о своем признании сложившегося там положения⁵³⁾. Министр иностранных дел Англии Э. Грей прямо ответил, что положение Кореи как независимого государства изменилось в силу второй статьи Портсмутского договора, а поэтому право на выдачу экзекватур консулам в Корее принадлежит Япо-

⁵⁰⁾ См. П. Севостьянов. Указ. соч., стр. 209—214.

⁵¹⁾ Францию в Корее представлял не посланник, а генеральный консул.

⁵²⁾ АВПР. Японский стол, д. 171, л. 178. Плансон Извольскому, 26/13 мая 1906 г.

⁵³⁾ АВПР. Японский стол, д. 171, л. 164. Ответ государственного департамента на меморандум российского правительства.

ний⁵⁴). Данное заявление Э. Грея было необоснованным, так как с точки зрения международного права условия Портсмутского договора не могли быть обязательными для Кореи, как стороны, не подписывавшей договор. Правительство Германии также не поддерживало Россию. Статс-секретарь министерства иностранных дел фон Чиршки заявил русскому послу, что «германское правительство приняло точку зрения Японии и со своей стороны не намеревается делать препятствий выдаче экзекватуры германским консулам в Корее от имени микадо»⁵⁵).

После того, как великие державы отказались поддержать точку зрения России, царское правительство дало согласие на то, чтобы генеральный консул России в Корее получил экзекватуру от японского императора. Но правительство Японии эта уступка уже не удовлетворяла, оно стало добиваться отказа царского правительства от русско-корейских договоров (хотя японское правительство ранее заявило, что оно признает договоры Кореи с другими государствами) и признания свободы рук Японии в Корее⁵⁶). Переговоры по этим вопросам длились несколько месяцев, и Плансон, находившийся с апреля 1906 г. в Токио, до конца июля не мог получить разрешения японского правительства на отъезд к месту своего назначения в Сеул.

В донесении из Токио русский посланник Бахметьев после бесед с министром иностранных дел Японии предлагал отказаться от дипломатических отношений России с Кореей и заявлял, что «пока мы не признаем господство Японии в Корее» до тех пор «не установим нормальных экономических и политических отношений с ней»⁵⁷). В японской прессе в связи с обсуждением вопроса о представительстве в Корее появились воинственные заявления⁵⁸), русско-японские отношения были также напряжены в связи с переговорами о рыболовной конвенции. В таких условиях царское правительство пошло на уступки Японии по корейскому вопросу. 22 июля 1906 г. Извольский в телеграмме на имя Плансона указал, чтобы по приезде в Корею он все сношения вел через японского резидента и чтобы все его действия, заявления и сношения с теми или другими лицами ясно и определенно указывали на то, что «Россия не питает никаких скрытых замыслов на Корею»

⁵⁴) АВПР. Японский стол, д. 171, лл. 159—160. Копия с ноты министра иностранных дел Англии, 22/9 апреля 1906 г. на имя русского посла в Лондоне.

⁵⁵) АВПР. Канцелярия, 1906, д. 26, л. 111. Остен-Сакен Ламздорфу. Берлин, 6 апреля/24 марта 1906 г.

⁵⁶) Там же. Японский стол, д. 171, лл. 179—184. Плансон Извольскому. Токио, 26/13 мая 1906 г.

⁵⁷) АВПР. Японский стол, д. 909, лл. 103—104. Бахметьев Извольскому, 15/2 июня 1906 г.

⁵⁸) «The Japan Times», May 24, 1906.

и признает там господствующее положение Японии⁵⁹). Вопрос о сохранении русско-корейских договоров в силе был оставлен открытым.

Корейский народ не желал мириться с иноземным империалистическим господством и усилил сопротивление японским захватчикам, которое ярче всего проявилось в росте освободительной вооруженной партизанской борьбы Армии справедливости (Ыбён), в восстаниях в Сеуле и других городах, в росте патриотических и просветительных организаций.

Русский генеральный консул в августе 1906 г. сообщал из Сеула, что «возбуждение народное усиливалось.... В январе стали повсюду появляться прокламации с требованием уничтожения протектората... Весь май и часть июня прошли в упорной борьбе японских и отчасти корейских войск с инсургентами»⁶⁰). Операции партизан против японских захватчиков в Корее и, в частности, в районах, пограничных с Маньчжурией и Россией, усиливаются с конца 1906 г. Этого не могли скрыть даже газеты, находящиеся под контролем Японии. Так, в декабре 1906 г. в газете «Кореа дейли ньюс» появляются заметки о том, что участвовали свои набегу партии конных партизан, «появившихся в числе 300 человек в Сунсане и на реке Ялу (Ялуцзян), где портят сообщение и телеграф»⁶¹). Позднее сообщалось о действии других отрядов волонтеров.

С помощью репрессий, с одной стороны, и различных форм пропаганды — с другой, японские империалисты стремились сломить сопротивление корейского народа. В корейской прессе, находившейся под контролем колонизаторов, пропагандировались идеи о том, что «истые корейские патриоты должны деятельно помогать японцам», а не делать так, как некоторые публицисты, которые восстанавливают корейцев против Японии, поддерживая в них надежду на международное вмешательство⁶²). В другом номере этой газеты указывалось, что «Япония, занявшая Корею с согласия всех держав, имеет право на роль учителя»⁶³). Однако вопреки этим предательским голосам движение за независимость росло.

Русский народ сочувственно относился к национально-освободительной борьбе корейских патриотов. Мнение русских людей нашло известное отражение в прессе того времени. Сообщая о событиях развернувшейся в Корее освободительной борьбы, газета «Даль», издававшаяся в Чите, в июне

⁵⁹) АВПР. Японский стол, д. 171, л. 238. Цитируется у Аварина с указанием, что телеграмма была направлена русскому посланнику в Токио. См. В. Аварин. Империализм в Маньчжурии, т. 1, М.—Л., 1934, стр. 101.

⁶⁰) АВПР. Японский стол, д. 171, л. 250.

⁶¹) «The Korea Daily News», December 17, 1909.

⁶²) «The Seoul Press», December 13, 1906.

⁶³) «The Seoul Press», December 31, 1906.

1906 г. писала: «После заключения японо-корейской конвенции 17 ноября 1905 г. население Кореи убедилось, что при условиях, вырабатываемых победителем, жить невозможно», поэтому начались восстания, и «японцы вынуждены вести регулярную войну против корейского народа»⁶⁴).

Корейская феодальная верхушка предала интересы своей страны и стала сотрудничать с японскими империалистами. Но часть дворянства, группировавшаяся вокруг Кочжона, и некоторые буржуазные элементы, настроенные патриотически, надеялись, оперевшись на стихийно возникшее народное движение, отстаивать независимость Кореи и полностью восстановить свое былое господство. Дворянство и буржуазные элементы (пролетариат в то время еще не выступал в качестве самостоятельной политической силы), стоявшие во главе антияпонского движения в Корее, не имели сколько-нибудь ясной программы национального освобождения. Активное антияпонское движение широких масс трудящихся развивалось стихийно.

Антияпонски настроенная часть господствующих классов Кореи надеялась на иностранную помощь, в частности, на поддержку царской России и с этой целью установила связь с царскими властями через пограничного комиссара Южно-Уссурийского края⁶⁵). Но царизм, занятый подавлением революцией 1905 г., не смог оказать противодействия захватническим планам Японии в Корее. Тогда антияпонские круги, рассчитывавшие на вмешательство извне, попытались использовать межимпериалистические противоречия, в частности, рост американско-японского антагонизма. Японские монополии, опираясь на поддержку своего правительства, успешно вытесняли американских предпринимателей из Кореи. В таких условиях американская компания «Боствик и Кольбран», оперировавшая в Корее, действуя через одного из крупных своих акционеров Хальберта, имевшего связи при корейском дворе, начала антияпонскую кампанию в Соединенных Штатах. Хальберт, выступая на заседании торговой палаты в Сан-Франциско в 1907 г., заявил, что дальнейшее укрепление Японии в Корее будет «означать не только уничтожение американского влияния в самой Корее, но и в Китае». Затем Хальберт сказал, что американские товары, облагающиеся пошлиной в 7%, будут обложены пошлиной в 40—50% от стоимости товара, а Япония, использовав плодородные земли Кореи, станет сильным конкурентом США в производстве и продаже хлопка и пшеницы⁶⁶).

⁶⁴) «Даль», 10 июня 1906 г.

⁶⁵) Пограничный комиссар Южно-Уссурийского края кроме обязанностей по охране границы выполнял консульские функции в пограничных сношениях с Китаем и Кореей.

⁶⁶) Н. Сонгоу. *Op. cit.*, p. 348—349.

Император Кореи Кочжон все еще надеялся получить поддержку великих держав в деле восстановления суверенитета Кореи и с этой целью тайно направил посольство на Гаагскую международную конференцию. Делегация Кореи прибыла в Гаагу в июне 1907 г. Ее деятельностью руководил вышеупомянутый Хальберт. Представитель Японии в Гааге Судзуки выражал опасения, как бы Корею не поддержали представители малых государств, принимавших участие в работе Гаагской международной конференции. Однако великие державы, проводившие колониалистскую политику в странах Востока, не допустили обсуждения корейского вопроса на конференции в Гааге. Государственный департамент отказался поддержать корейскую делегацию, а газета «Нью-Йорк трибюн» обвиняла Кочжона в том, что он послал делегацию в Гаагу без согласия Японии. Лондонская газета «Таймс» советовала японскому правительству использовать опыт английских колонизаторов в Египте и добиться успокоения Кореи⁶⁷). Таким образом, великие державы не оказали поддержки Кореи, а японское правительство, используя этот факт для дальнейшего закабаления корейского народа, добилось отречения императора Кочжона от престола и 24 июля 1907 г. навязало Кореи новый неравноправный договор, по которому корейское правительство было полностью подчинено японскому генерал-резиденту. Во все министерства и учреждения были назначены японские советники, без санкции которых местные власти не могли принять и осуществить ни одного важного решения⁶⁸). Усилилось экономическое закабаление Кореи японскими империалистами, которые захватывали земли и горно-рудные богатства, строили железные дороги и т. д.

В связи с этим новым актом насилия японских империалистов газета «Дальний Восток» в статье «Что есть право?», сообщая о событиях, происходивших в Кореи, писала, что державы не оказали помощи Кореи, а ослабленная Россия ограничивается «платоническими сожалениями» и в такой обстановке «совершается акт возмутительного насилия над человеческой личностью и главой независимого государства⁶⁹). В газетах «Новое время», «Россия» и других был помещен ряд статей, осуждавших политику Японии в Кореи.

В августе 1907 г. в Сеуле вспыхнуло восстание, вызванное тем, что японские власти стали разоружать и распускать корейскую армию. Известие о кровопролитных боях в столице широко распространилось по стране и привело к повсеместному возмущению населения. В течение августа-сентября в различных городах Кореи произошли солдатские волнения. Сол-

⁶⁷) Ibid., 348—350.

⁶⁸) См. «Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа», М., 1953, стр. 157—158.

⁶⁹) «Дальний Восток», 11/25 июля 1907 г.

даты бывшей корейской армии вливались в движение «Армии справедливости», создавали новые партизанские части.

С этого же времени усиливается антияпонское движение среди корейцев, проживавших на русском Дальнем Востоке. Здесь начали формироваться и вооружаться партизанские отряды. Через своих представителей они установили связь с корейскими повстанцами. Летом 1906 г. во Владивосток бежал из Сеула бывший товарищ министра внутренних дел Кореи Ли Шан Шер, связанный с корейскими антияпонскими кругами. Он установил контакт с деятелями антияпонского движения Маньчжурии и русского Дальнего Востока. 9 августа 1906 г. пограничный комиссар Южно-Уссурийского края Смирнов писал в штаб Приамурского военного округа: «Кроме Ли Бом Юна⁷⁰⁾, с которым я нахожусь в сношениях, в Ново-Киевское проживает бежавший из Сеула бывший товарищ корейского министра внутренних дел Ли Шан Шер. Оба эти лица стоят во главе корейских эмигрантов-патриотов, мечтающих о свержении японского ига при нашей помощи»⁷¹⁾.

Необходимо отметить отношение русских властей к антияпонской борьбе корейцев. После того, как борьба приняла широкий размах, пограничный комиссар Смирнов, получивший информацию о движении и его целях, в отношении на имя военного губернатора Приморской области сообщил, что конечная цель корейских патриотов — «организация против японцев всеобщей народной войны»⁷²⁾. Далее Смирнов писал, что по имеющимся у него сведениям японские власти через своих агентов ведут наблюдения за деятельностью корейских патриотов и спрашивал указаний как быть, на случай официальных японских запросов. Со своей стороны пограничный комиссар предлагал смотреть на антияпонское движение «сквозь пальцы» и не препятствовать ему, ссылаясь на то, что между Россией и Японией нет конвенции о выдаче «политических преступников»⁷³⁾. В апреле 1908 г. временно исполняющий обязанности приамурского генерал-губернатора генерал Мартос дал по этому поводу следующее распоряжение: «не оказывать официально корейским инсургентам никакой поддержки, не препятствовать их деятельности, пока таковою не нарушаются наши законы»⁷⁴⁾.

Основную силу корейского антияпонского движения на русском Дальнем Востоке составляли трудящиеся — крестья-

⁷⁰⁾ Ли Бом Юн в период русско-японской войны 1904—1905 гг. вначале командовал корейской дружиной (добровольческий отряд), сражавшейся в Северной Корее, а затем в Маньчжурии в частях генерала Анисимова. В последующем Ли Бом Юн — активный участник антияпонской борьбы.

⁷¹⁾ ЦГАДВ, ф. 128, оп. 2, д. 173, л. 59.

⁷²⁾ ЦГАДВ, ф. 1, оп. 3, д. 1160, л. 2.

⁷³⁾ ЦГАДВ, ф. 1, оп. 3, д. 1160, лл. 2—4.

⁷⁴⁾ Там же, л. 172.

не, рабочие, батраки. Подавляющее большинство из них, в том числе и те, которые родились и выросли в России, включились в активную антияпонскую борьбу. Активное участие в движении приняли офицеры регулярной корейской армии, бежавшие от преследований японских властей в Россию. С 1907 г. в корейских селах Южно-Уссурийского края началось формирование и военное обучение боевых партизанских отрядов. Среди корейцев производился сбор средств и оружия, необходимого для вооружения партизан. На собранные средства ружья и боеприпасы закупались на русском Дальнем Востоке и в Маньчжурии⁷⁵).

Национально-освободительная борьба корейского народа, длившаяся несколько лет, оказала значительное влияние на внешнюю политику Японии. Налуганные ростом антияпонской борьбы в Корее, правящие круги Японии стремились к соглашению с другими империалистическими державами по вопросам дальневосточной политики.

2. Экспансия США на Дальнем Востоке и рост американо-японских противоречий

Соединенные Штаты Америки в период формирования империализма по мощи своего производственного аппарата вышли на первое место в мире. Усилилась экспансия американского капитала в странах Латинской Америки и Дальнего Востока. В 1908 г. иностранные капиталовложения США достигли 2,5 млрд. долларов⁷⁶). Американский империализм начал претендовать на господствующее положение в бассейне Тихого океана. В 1903 г. президент Теодор Рузвельт в речи, произнесенной в Сан-Франциско, говорил о грядущей «тихоокеанской эре» и о том, что географическое положение США на Тихом океане может обеспечить господство Соединенных Штатов Америки в его водах в будущем, если «американцы воспользуются с достаточной решимостью преимуществами этого положения»⁷⁷). Американский империализм усиленно проникал в Китай. В 1905 г. президент Рузвельт писал: «Я считаю, что наша дальнейшая история будет в большей степени определяться нашим положением на Тихом океане лицом к Китаю, чем нашим положением на Атлантическом океане лицом к Европе»⁷⁸). В послании к конгрессу от 5 декабря 1905 г. Т. Рузвельт призывал к укреплению Гавайских островов и

⁷⁵) Подробнее об этом см. С. Григорьевич. Участие корейцев русского Дальнего Востока в антияпонской национально-освободительной борьбе (1906—1916 гг.). «Вопросы истории», 1958, № 10, стр. 139—151.

⁷⁶) A Statistical Abstract Supplement Historical Statistics of the U. S. Colonial Times to 1957, Washington, 1960, p. 565.

⁷⁷) J. Bland. Recent Events and Present Policies in China, Philadelphia—London, 1912, p. 301.

⁷⁸) A. Dennis. Op. cit., p. 406.

намечал другие мероприятия, которые должны были упрочить положение США на Тихом океане⁷⁹⁾.

Правящие круги США для защиты своих империалистических интересов ускоренными темпами создавали мощный военно-морской флот. В 1903 г. в морском министерстве США было принято решение добиваться постройки такого флота, который был бы «равным, или превосходил флот предполагаемого противника». В соответствии с этим министерство считало необходимым ввести в строй до 1920 г. 48 броненосцев⁸⁰⁾.

Республиканское правительство Теодора Рузвельта последовательно и настойчиво защищало интересы магнатов финансового капитала. Т. Рузвельт умело сочетал антитрестовскую демагогию во внутренней политике с открыто шовинистическим и империалистическим курсом во внешней, и то и другое соответствовало интересам правящих классов Соединенных Штатов Америки. Многие американские историки считают, что становление США как мировой державы было обеспечено внешнеполитическим курсом правительства Т. Рузвельта. На выборах 1904 г. Гульд, Морган, Гарриман и другие финансовые короли истратили сотни тысяч долларов для того, чтобы добиться избрания Т. Рузвельта президентом США на второй срок⁸¹⁾.

Расходы американского морского министерства, составлявшие в 1900 г. 55,9 млн. долларов, выросли к 1906 г. до 110 млн. долларов⁸²⁾. Правда, до 1908 г. основные силы американского флота были расположены в портах Атлантического побережья, но наиболее воинственно настроенные представители правящих кругов США, связанные с Т. Рузвельтом, вскоре после русско-японской войны выдвинули новую морскую программу, известную под именем «стандарта двух флотов», т. е. они добивались создания мощного флота на Тихом океане наряду с имевшимся Атлантическим флотом. Японо-американское соперничество в гонке морских вооружений являлось существенным фактором, ухудшавшим японо-американские отношения. В 1906 г. во время подготовки Гаагской конференции по разоружению Т. Рузвельт, ссылаясь на ухудшение взаимоотношений США с Японией, заявил, что США «не смогут уменьшить свои морские и сухопутные вооруженные силы»⁸³⁾. Президент Рузвельт форсировал строительство военно-морского флота, указывая, что от боевой мощи флота будет зависеть положение США на Тихом океане, кроме того,

⁷⁹⁾ «Congressional Record», vol. 40, part 1, p. 99—104.

⁸⁰⁾ O. Clinard. Op. cit., p. III.

⁸¹⁾ Ф. Ландберг. 60 семейств Америки, М., 1948, стр. 102—103.

⁸²⁾ «Expenditures of the United States Government 1791—1907», Washington, 1908, p. 34, 36.

⁸³⁾ O. Clinard. Op. cit., p. 56—57.

он призывал укреплять «коммерческие связи» американского капитала со странами Азии⁸⁴).

Наиболее остро японо-американское соперничество проявлялось в борьбе за господство в Китае. Во время русско-японской войны США поддерживали Японию, надеясь, что ее победа откроет американскому капиталу свободный путь в Китай. Американский автор Тарсон писал, что «русско-японская война 1904—1905 гг. знаменовала расцвет золотой эры японо-американских отношений»⁸⁵). Профессор Рейнш, ставший впоследствии американским посланником в Китае, писал в сентябре 1905 г., что «Япония сражалась столько же за нас, как и за себя»⁸⁶).

Правящие круги США готовы были и после войны продолжать сотрудничество с Японией при условии, что Япония не будет посягать на американскую колонию — Филиппины и не будет препятствовать экспансии США в Китае. Летом 1905 г. правительство Соединенных Штатов послало в Японию военного министра Тафта с поручением «поздравить японцев» с победой и достигнуть договоренности относительно политики двух государств на Дальнем Востоке. В ходе японо-американских переговоров премьер-министр Японии Кацура предложил заключить союз, но Тафт отверг это предложение, заявив, что президент США без утверждения сената не может заключить союзный договор⁸⁷). Переговоры окончились 29 июля 1905 г. подписанием соглашения, оформленного в виде протокола беседы. По соглашению Тафта—Кацура США признавали господство Японии в Корее, а Япония — американское управление на Филиппинах. От имени президента Тафт заверил японского премьера, «что при любых обстоятельствах Япония и Англия могут рассчитывать на согласованные действия со стороны США, как если бы Соединенные Штаты вынуждены были принять их по договорным обязательствам»⁸⁸).

Однако проникновение американского империализма в Южную Маньчжурию вызвало резкое противодействие японского правительства и ухудшение японо-американских отношений. Японский автор Акаги пишет, что после русско-японской войны усилилось «желание других государств эксплуатировать еще не тронутую Маньчжурию. Так началось новое международное соперничество за экономический контроль в Маньч-

⁸⁴) «Congressional Record», vol. 41, part. 1, p. 31—35. Послание президента Рузвельта конгрессу от 3 декабря 1906 г.

⁸⁵) W. T h o r s o n. American Public Opinion and the Portsmouth Peace Conference. «The American Historical Review», 1948, Nr. 3, p. 439.

⁸⁶) А. Гражданцев. Корея. М., 1948, стр. 143.

⁸⁷) R. M i n g e r. Taft's Mission to Japan. «The Pacific Historical Review», 1961, Nr. 3, p. 279—281.

⁸⁸) Н. А к а г и. Op. cit., p. 291—292.

журии, в котором Япония и США вынуждены были занять ведущие, но, к сожалению, враждебные роли»⁸⁹⁾.

Япония, укрепившись в Южной Маньчжурии и Корее, закрывала туда доступ американским капиталистам. Рядом политических и финансовых мер японские монополии добились увеличения своей торговли с Китаем и значительно потеснили американских и других конкурентов. Доля Японии во внешней торговле Китая увеличилась с 14% в 1905 г. до 15,3% в 1908, а доля США упала с 15% в 1905 г. до 9,9% в 1908⁹⁰⁾.

Попытки американского империализма укрепиться в Южной Маньчжурии встретили активное сопротивление Японии. Северо-Восточный Китай в связи с его заселением становился крупным потребителем промышленных товаров. По данным китайских таможен ввоз товаров в Маньчжурию в 1906 г. составил 36,6 млн. рублей, а в 1908 г. достиг суммы в 65,8 млн. рублей: из них китайских товаров ввозилось на 11,5 млн. рублей, а иностранных на 54,3 млн. рублей⁹¹⁾. Выгодное географическое положение и быстрый рост рынка явились основными причинами повышенного интереса американского капитала к Северо-Восточному Китаю. Кроме того, монополии США стремились использовать Маньчжурию и КВЖД для вывоза своих товаров в Сибирь⁹²⁾.

Серьезная попытка воспользоваться плодами победы Японии над царской Россией и укрепиться в Южной Маньчжурии была предпринята правящими кругами Соединенных Штатов Америки в 1905 г., когда японское правительство, нуждавшееся в поддержке США во время русско-японской войны, вынуждено было считаться с требованиями американских империалистов. В марте 1905 г. американский посланник в Пекине Конжер выдвинул проект выкупа маньчжурских железных дорог международным объединением капиталистов и превращения Северо-Восточного Китая в буфер между Россией и Японией⁹³⁾. Некоторое время спустя американский железнодорожный король Гарриман при поддержке правительства США попытался получить «право» на совместную японо-американскую эксплуатацию железных дорог в Южной Маньчжурии⁹⁴⁾. Американский историк Моури отмечает, что уже в то время существовали «тесные связи между правительством и корпорациями, действовавшими за границей», и «правительство

⁸⁹⁾ Ibid., p. 282.

⁹⁰⁾ А. Добров. Дальневосточная политика США в период русско-японской войны, М., 1952, стр. 357.

⁹¹⁾ АВПР. Миссия в Пекине, д. 35, л. 557. Записка Харбинского биржевого комитета министру финансов.

⁹²⁾ D. Munro. American Commercial Interests in Manchuria. «The Shaping of American Diplomacy», Chicago, 1956, p. 467.

⁹³⁾ В. Аварин. Империализм в Маньчжурии, т. 1, М.—Л., 1934, стр. 104.

⁹⁴⁾ См. П. П. Севостьянов. Указ. соч., стр. 20—30.

пользовалось политической силой Соединенных Штатов с целью получения контрактов для частных предпринимателей»⁹⁵).

Э. Гарриман с группой капиталистов по приглашению американского посланника в Токио Грискома предпринял поездку в страны Дальнего Востока для того, чтобы «расширить там американскую торговлю». С этой же целью возглавляемый Э. Гарриманом синдикат американских банкиров выдвинул проект создания кругосветного транспортного пути для перевозки товаров, который должен был проходить через Японию, Северо-Восточный Китай, Сибирь (с железнодорожными ветками в Среднюю Азию) и европейскую Россию до Балтийского моря. Этот обширный план был прежде всего использован для обоснования американских притязаний на железные дороги Северо-Восточного Китая. Американские финансисты хотели установить контроль над ЮМЖД, перестроить ее на американские деньги и сделать ЮМЖД восточной частью предполагаемого трансконтинентального пути, одновременно с этим была сделана попытка купить КВЖД у царской России⁹⁶).

Э. Гарриман прибыл в Японию 31 августа 1905 г. Он совместно с американским посланником вел переговоры с японским правительством и японскими банкирами, был на приеме у императора, кроме того совершил поездку по Корею и Северо-Восточному Китаю. 9-го октября Гарриман вернулся в Токио, а 12 октября 1905 г. премьер Японии граф Кацура с одной стороны и Э. Гарриман с другой подписали «предварительный» меморандум о создании на паритетных началах японо-американской компании для покупки Южно-Маньчжурской железной дороги у японского правительства. Половина акций компании принадлежала бы японским капиталистам, а вторая половина акций — американским. Компания должна была действовать, подчиняясь японскому законодательству и получала право эксплуатировать ЮМЖД и горные богатства в Южной Маньчжурии⁹⁷). Американские монополисты считали данное соглашение отправным пунктом для дальнейшего проникновения в Северо-Восточный Китай.

Соглашение Гарриман — Кацура вызвало недовольство военной партии в Японии и было расторгнуто японской стороной в январе 1906 г., несмотря на то, что «японские государственные деятели конечно хорошо знали, — пишет американский автор Клайд, — что Рузвельт оказал японской нации неоценимую услугу во время русско-японской войны»⁹⁸).

⁹⁵) G. Mowry. Op. cit., p. 150.

⁹⁶) P. Clyde. Op. cit., p. 108—109.

⁹⁷) H. Akagi. Op. cit., p. 283.

⁹⁸) P. Clyde. Op. cit., p. 110.

В 1905—1906 гг. правящие круги США вели упорную борьбу за концессию на постройку железной дороги Кантон-Ханькоу протяжением более 800 миль. Контракт на постройку дороги в 1898 г. получила Американско-китайская компания развития. В числе ее акционеров были представители крупнейших монополий и видные политические деятели: бывший вице-президент США Л. Мортон, железнодорожный король Э. Гарриман, банкиры Морган и Я. Шифф, глава стальной компании Карнеги и др.⁹⁹⁾. Строительство дороги велось очень медленно и к концу 1904 г. было построено всего 28 миль. К этому времени $\frac{2}{3}$ акций дороги купила бельгийская компания, связанная с французскими капиталистами. Проникновение капиталистов других стран в бассейн реки Янцзы, сфере влияния Великобритании, вызвало недовольство в Англии. Под влиянием последней 23 декабря 1904 г. китайское правительство объявило об аннулировании концессии.

Аннулирование концессии привело к падению стоимости акций компании, строившей железную дорогу Кантон-Ханькоу. Используя это, Морган купил 1200 акций у бельгийского короля Леопольда и, таким образом, большая часть капитала компании вновь перешла в руки американцев, которые обратились в государственный департамент с просьбой заставить китайское правительство отказаться от ликвидации концессии¹⁰⁰⁾.

Государственный секретарь Хэй дал указание посланнику США в Китае заявить протест против ликвидации концессии на постройку дороги. «Мы не можем допустить,—писал Хэй,—чтобы такое действие могло быть принято по отношению к компании, которую мы по праву считаем американской¹⁰¹⁾». 26 января 1905 г. президент Рузвельт писал Хэю: «Мне было бы очень жаль отказаться от проекта строительства этой дороги»¹⁰²⁾. Правящие круги США не случайно стремились сохранить концессию за собой. Железная дорога Кантон-Ханькоу должна была пройти по наиболее густо населенным районам Китая и открыть американскому капиталу обширные рынки сбыта. Кроме того, в связи с русско-японской войной назревало новое перераспределение сфер влияния в Китае, и правительство США стремилось укрепить свои позиции к этому времени.

Американская компания для того, чтобы воспрепятствовать ликвидации концессии, запросила чрезвычайно высокую компенсацию в сумме 18,1 млн. долларов. В августе 1905 г. после длительных переговоров было подписано предваритель-

⁹⁹⁾ H. Beale. Theodore Roosevelt and the Rise of America to World Power, Baltimore, 1956, p. 200.

¹⁰⁰⁾ Ibid., p. 202.

¹⁰¹⁾ Ibidem.

¹⁰²⁾ Ibidem.

ное соглашение, по которому китайское правительство соглашалось выплатить компенсацию акционерам компании в 6,75 млн. долларов¹⁰³). Нью-Йоркский коммерческий журнал отмечал, что «Китай дал компании чрезвычайно хорошую цену за двадцать миль железной дороги, съемки и за концессию, которую при любом правильном толковании ее условий компания уже давно потеряла»¹⁰⁴). Морган и его компаньоны готовы были удовлетвориться компенсацией, сулившей им большие прибыли, но против выступил Т. Рузвельт, считавший, что отказ США от концессии был бы истолкован в Китае как победа развернувшегося там антиамериканского движения.

7 августа 1906 г. состоялась встреча Т. Рузвельта с Морганом, после которой последний заявил, что он согласен сохранить концессию в своих руках, «если американские интересы в Китае извлекут из этого выгоду»¹⁰⁵). Однако, в конечном итоге, США пришлось уйти из сферы английского влияния в Китае, а деньги цинскому правительству для выплаты компенсации американской компании дал взаймы английский Гонконг-Шанхайский банк. Рокхилл, бывший в те годы посланником США в Пекине, позже заявил, что потеря концессии на железную дорогу Кантон-Ханькоу была «сильнейшим ударом, который США когда-либо потерпели в Китае»¹⁰⁶). Отказ японского правительства допустить американский капитал к эксплуатации Южной Маньчжурии и неудача других попыток американского империализма использовать русско-японскую войну для укрепления на Дальнем Востоке значительно ухудшили японо-американские отношения. Следует отметить, что охлаждение японо-американских взаимоотношений началось в конце русско-японской войны, когда выявилась победа Японии над царской Россией. Правительство США во главе с Т. Рузвельтом опасалось значительного усиления Японии. Американский историк Даллес пишет, что «Япония, укрепленная таким эффективным поражением России, могла оказаться не таким самоотверженным другом мира на Дальнем Востоке, как ожидалось первоначально. С запозданием было признано, что Япония может поставить собственные интересы на Востоке выше интересов Запада»¹⁰⁷).

Дальнейшее обострение японо-американских отношений было связано с торговлей соперничеством капиталистов этих двух стран в Китае и, в частности, в Южной Маньчжурии. Ввоз иностранных товаров в Северо-Восточный Китай происхо-

¹⁰³) J. Mac Murray. Op. cit., vol. I, p. 519—520.

¹⁰⁴) H. Beale. Op. cit., p. 203.

¹⁰⁵) H. Beale. Op. cit., p. 206.

¹⁰⁶) H. Beale. Op. cit., p. 211.

¹⁰⁷) F. Dulles. Forty Years of American—Japanese Relations, New York—London, 1937, p. 71—72.

дил главным образом через южные порты Маньчжурии. Для того, чтобы повысить конкурентоспособность японских товаров на рынках Северо-Восточного Китая, японские власти, как уже отмечалось, пропускали свои товары беспошлинно через Ляодунскую арендованную территорию и корейскую границу, а также ограничивали въезд американских торговцев через Дайрен. После соответствующей проверки сложившегося положения, сделанного комиссией, состоявшей из английских и американских коммерсантов, государственный департамент в феврале и марте 1906 г. дважды протестовал против дискриминации в отношении американской торговли и потребовал создания соответствующих условий для американской коммерческой деятельности в Маньчжурии. 24 марта 1906 г. государственный секретарь Рут в телеграмме на имя поверенного в делах США в Токио Вильсона предлагал последнему заявить протест против установления «японских преимущественных интересов» в Южной Маньчжурии и добиваться сохранения там политики «открытых дверей»¹⁰⁸).

Политика Японии и Южной Маньчжурии, направленная на вытеснение оттуда английского и американского капитала, вызывала недовольство и в Англии. В 1906 г. представитель Великобритании в Токио Макдональд передал в адрес руководящих деятелей Японии письмо, в котором указывалось, что Япония своими действиями в Маньчжурии закрыла этот район для иностранной торговли, а купцы США и Великобритании подвергаются «особенной дискриминации», несмотря на то, что эти две страны «морально и финансами» помогли Японии во время войны с Россией¹⁰⁹). Однако Япония продолжала политику, направленную на установление своего монопольного господства в Маньчжурии. В ноябре 1906 г. газета «Washington Post» в статье «Соединенные Штаты и Япония» писала, что Япония вытесняет США из Китая, нанося большой ущерб американцам¹¹⁰).

В Соединенных Штатах все больше убеждались, что политика президента Рузвельта, направленная на поддержание «равновесия сил» в Восточной Азии с целью «поощрения там американских коммерческих интересов», оказалась неудачной вследствие укрепления позиций Японии в Китае и нарушения политики «открытых дверей» в Корею и Южной Маньчжурии¹¹¹).

Значительную роль в ухудшении японо-американских отношений сыграли дискриминационные действия американских

¹⁰⁸) A. Dennis. Op. cit., p. 418—419.

¹⁰⁹) K. Hamada. Prince Ito, Tokio, 1936, p. 213—214.

¹¹⁰) «Washington Post», November 11, 1906; АВПР, Канцелярия, 1906, д. 143, т. 1, л. 137. Приложение к донесению русского посла из Вашингтона.

¹¹¹) G. Mowry. The Era of Theodore Roosevelt 1900—1912. New York, 1958, p. 190—191.

властей против японских школьников в Сан-Франциско и мероприятия по ограничению японской иммиграции в Калифорнии. В американском конгрессе и японском парламенте, в прессе двух стран шла резкая взаимная полемика, которая иногда доходила до угроз войной. Сенатор от Калифорнии Перкинс доказывал, что конфликт между «двумя непримиримыми расами» был неизбежен¹¹²). Президент Т. Рузвельт говорил Тафту об очевидном «намерении японцев навязать нам (США — С. Г.) войну»¹¹³). Правящие круги США раздували антияпонскую пропаганду также с целью оправдать увеличение военно-морских сил Соединенных Штатов. Летом 1906 г. американская охрана обнаружила на Алеутских островах японских охотников, занимавшихся хищническим промыслом котиков. В результате перестрелки было убито 5 японцев и 12 арестовано. Этот инцидент усилил антиамериканскую пропаганду в японской прессе¹¹⁴).

Осенью 1906 г. власти штата Калифорния приняли решение не допускать в общественные школы детей японцев, китайцев и корейцев. Расовая дискриминация вызвала протест японского правительства, которое заявило, что исключение японских детей из американских школ и антияпонская пропаганда в штатах тихоокеанского побережья США противоречат японо-американскому договору 1894 г. Правительство США дало заверение, что оно примет меры для защиты японских переселенцев. В декабре 1906 г. в послании к конгрессу Рузвельт осудил антияпонские выступления. Однако при обсуждении этого вопроса в сенате раздавались расистские заявления. Сенатор Гириг говорил о «расовом антагонизме между белыми и желтыми» и о том, что американцы «никогда не смогут принять в свою социальную жизнь» азиатов¹¹⁵).

Правительство США опасалось, как бы Япония не использовала «калифорнийский инцидент» для антиамериканского военного выступления, к которому США в то время еще не были подготовлены. В беседе с Лоджем Т. Рузвельт заявил, что «с глупым безрассудством люди западного побережья относятся к созданию военно-морского флота и в то же время раздражают это грозное новое государство (Японию — С. Г.), государство завистливое, обидчивое и воинственное, которое если будет завзярено, смогло бы сейчас же захватить у нас как Филиппины, так и Гавайи, если бы оно получило перевес на морях»¹¹⁶).

¹¹²) G. Mowry. Op. cit., p. 188.

¹¹³) Ibidem.

¹¹⁴) АВПР, Японский стол, д. 909, л. 184. Бахметьев Извольскому, 7 сентября/25 августа 1906 г.

¹¹⁵) «Congressional Record», vol 41, part 1, p. 680—681.

¹¹⁶) H. Beale. Op. cit., p. 327.

Т. Рузвельт вызвал в Вашингтон мэра Сан-Франциско и представителей школьной администрации штата Калифорнии, во время совещания с которыми было достигнуто компромиссное соглашение: калифорнийские власти обязались допустить в общественные школы японских детей, знающих английский язык, а президент обязался ограничить въезд японских рабочих в США. В связи с дискриминацией японцев в США японское правительство по своей инициативе прекратило выдачу паспортов на въезд в Соединенные Штаты, но японские рабочие в поисках работы въезжали в США через Гавайские острова, Мексику, Канаду и Филиппины. Для того, чтобы закрыть и этот путь, американский конгресс в феврале 1907 г. включил в иммиграционный закон дополнительный пункт, который уполномочивал президента высылать с территории США лиц, имеющих паспорта, выданные иностранным правительством на въезд в любую страну, кроме США и их владений. Данное решение правительства Соединенных Штатов не могло удовлетворить японское общественное мнение, которое считало, что антияпонские выступления в США вызваны не экономическими, а расовыми соображениями. Японское правительство было весьма чувствительно к антияпонскому законодательству Соединенных Штатов, считая, что оно подрывает престиж Японии как великой державы.

Правящие круги США все еще надеялись использовать Японию для осуществления своих экспансионистских планов в Китае. Американский посол в Токио Райт, выступая на банкете, организованном в его честь обществом «Друзей Америки» в 1906 г., говорил о необходимости укрепления дружеских связей между США и Японией и выразил надежду, что в Маньчжурии между американцами и японцами будет только «дружественное соревнование», а создание японцами в Маньчжурии «прочного и сильного правления привлечет туда иностранный капитал». Здесь же Райт говорил о «возрождении Китая с дружественной помощью Японии», которое устранил «необходимость частых вмешательств посторонних держав во внутренние дела империи»¹¹⁷). Таким образом, американские империалисты поощряли агрессию Японии против Китая, надеясь извлечь из этого выгоды для себя.

В декабре 1910 г. Теодор Рузвельт в письме к новому президенту Тафту изложил суть своей дальневосточной политики, которую он проводил будучи президентом. Рузвельт писал, что он стремился ни при каких обстоятельствах не допускать обострения взаимоотношений с Японией, а признанием особых японских интересов в Маньчжурии пытался достичь соглашения с Японией, которое «могло бы служить как безопасности

¹¹⁷) АВПР, Японский стол, д. 909, лл. 127—128. Депеша русского посланника в Японии Бахметьева Извольскому от 5 июля/22 июня 1906 г.

американских владений на Тихом океане, так и обеспечению открытых дверей в собственно Китае»¹¹⁸). Особенностью его политики, указывал Т. Рузвельт, было стремление «не принимать каких-либо мер относительно Маньчжурии, которые дадут японцам повод чувствовать обоснованно или без оснований, что мы враждебны к ним или угрожаем в какой бы то ни было малой степени их интересам». Подобную политику правительства США нельзя расценивать иначе, как стремление достичь соглашения с Японией за счет Китая и тем самым обеспечить американские империалистические интересы на Дальнем Востоке. Деннет отмечает, что Т. Рузвельт считал возможным добиться осуществления целей американской политики в Китае лишь при условии правильного учета соотношения сил великих держав в Европе и готовности США проводить на Дальнем Востоке политику, согласованную с другими заинтересованными странами¹¹⁹).

Стремление двух империалистических держав достигнуть договоренности на основе совместной эксплуатации народов Востока не могло скрыть того факта, что японо-американские противоречия стали главными межимпериалистическими противоречиями на Дальнем Востоке. Стало вполне очевидным, что правительство Японии, опираясь на союз с Англией, проводит антиамериканскую политику и что правящие круги США ничего не выиграли от победы Японии в русско-японской войне. Американский автор Д. Рид писал: «Президент Рузвельт, который на протяжении войны с Россией поддерживал Японию, как борца за американскую политику в Китае, и который даже оказал любезность, разрешив Японии контролировать Корею и Южную Маньчжурию... понял в 1906—1907 гг., что положение несколько изменилось»¹²⁰).

Тем не менее правительство США не решалось проводить ярко выраженную антияпонскую политику, что объяснялось относительной слабостью военных позиций США на Дальнем Востоке, наличием англо-японского союза и ростом революционного и антиамериканского движения в Китае. Следует отметить, что антиимпериалистические выступления в Китае начались в 1905 г. с антиамериканского бойкота.

Первая русская революция оказала большое влияние на подъем революционного и национально-освободительного движения в странах Азии. Антиамериканские выступления в Китае в 1905—1907 гг. были ярким проявлением возросшего национального самосознания китайского народа. Причиной, вызвавшей антиамериканский бойкот, было грубое и оскорбительное обращение американских властей и бизнесменов

¹¹⁸) F. Dulles. The Imperial Years, New York, 1956, p. 286.

¹¹⁹) T. Dennet. President Roosevelt and the Russo—Japanese War, New York, 1925, p. 332, 335.

¹²⁰) J. Reid. Op. cit., p. 11.

с китайцами как в США, так и в Китае, а также ограничение на въезд китайских рабочих в Соединенные Штаты. Пропаганда идеи антиамериканского бойкота усилилась в Китае весной 1905 г. Стремясь не допустить бойкота, президент Т. Рузвельт в мае 1905 г. дал указание американскому поверенному в Пекине Джону Кулиджу потребовать от китайского правительства, чтобы оно подавило антиамериканское движение¹²¹). В июне 1905 г. американский посланник в Китае Рокхил вторично протестовал против бойкота¹²²).

Официальные протесты правительства США не дали должных результатов. Студенты и представители национальной буржуазии в Шанхае и в провинциях Цзянсу, Чжэцзян, Гуандун, Цзянси, Фуцзянь и др. проводили антиамериканские митинги и выработывали программу бойкота, которая предусматривала отказ от покупки американских товаров: китайцы не должны были перевозить грузы на американских кораблях, посылать детей в американские школы и работать у американцев. Бойкот причинял не только убытки американским бизнесменам, но также наносил серьезный ущерб деятельности американских миссионеров и школ, которые были наиболее активными проводниками американского влияния в Китае. По данным Ремера, в начале XX века в Китае было около тысячи американских миссионеров, а из 30 тысяч китайских школьников, учившихся в христианских школах, половина приходилась на американские учебные заведения¹²³).

12 июня 1905 г. делегация от Америко-азиатской ассоциации представила президенту Рузвельту обращение, подписанное руководителями Экспортной ассоциации США, представителями южных текстильных фабрикантов, Пенсильванской стальной компании, Национального банка Филадельфии. Лидеры американского бизнеса требовали принятия мер против бойкота. Делегаты заявили президенту, что положение в Китае «угрожает продолжению прибыльной и весьма существенной части нашей торговли». Рузвельт ответил, что он намерен занять «твердую позицию по отношению к Китаю» и обещал поддержать американских предпринимателей. «Я с вами, — заявил Т. Рузвельт, — без всяких ограничений в любом и всяком усилии расширять торговлю и способствовать благосостоянию промышленности, которую вы представляете»¹²⁴).

20 июля 1905 г. в Шанхае состоялся митинг, на котором присутствовало 1500 человек. Единодушно было решено начать антиамериканский бойкот, который быстро распространился на порты южного побережья Китая. Часть компрадор-

¹²¹) Н. Веале. *Op. cit.*, p. 223.

¹²²) *Ibidem.*

¹²³) С. Ремер. *Foreign Investments in China*, New York, 1933, p. 259.

¹²⁴) Н. Веале. *Op. cit.*, p. 218—219.

ской буржуазии, терпевшей убытки, готова была отказаться от бойкота, но движение продолжалось под руководством передовой части интеллигенции. Бойкот распространился на китайские поселения в США, Японии и на Гавайских островах. Американской торговле на Дальнем Востоке был нанесен чувствительный удар.

31 августа 1905 г. под давлением США китайское правительство издало декрет, осуждавший бойкот и призывавший провинциальные власти добиться его прекращения. Но декрет не дал сколько-нибудь существенного эффекта. Представители американских монополий добивались от правительства новых мер. В частности, руководители «Стандарт ойл компани» требовали, чтобы президент направил в Кантон военного министра Тафта, который находился с миссией в Японии¹²⁵). Тафту были даны инструкции посетить Кантон, но во время переговоров с вице-королем не связывать себя никакими определенными обещаниями.

В октябре 1905 г. антиамериканское движение в Китае усилилось. В Южной Маньчжурии были убиты пять американских миссионеров. В связи с этим американское правительство решило воздействовать на китайских патриотов угрозой применения силы. 15 ноября 1905 г. Т. Рузвельт приказал военноморскому министру направить к китайскому побережью военные корабли, «чтобы быть подготовленными к любой случайности там»¹²⁶). Корреспондент «Чикаго трибюн» О'Лафлин сообщил, что президент хочет направить в китайские воды четыре линейных корабля, кроме двух американских крейсеров, имевшихся в дальневосточных водах¹²⁷).

В декабре 1905 г. произошел ряд новых антиамериканских выступлений в Китае. В частности, американский адмирал подвергся нападению группы китайцев. Нападение было вызвано тем, что адмирал во время охоты выстрелил в китайку. Антиамериканский бойкот продолжался. 2 января 1906 г. на заседании американского кабинета министров было решено послать на Филиппины два полка пехоты и две батареи полевой артиллерии для того, чтобы быть готовыми к возможным дальнейшим осложнениям в Китае¹²⁸). Увеличив военные силы Соединенных Штатов на Филиппинах, Рузвельт предъявил китайскому правительству требование принять «действенные меры» против антиамериканских выступлений в Китае¹²⁹).

Цинское правительство оказалось бессильным в своих попытках помешать подъему антиимпериалистического движе-

¹²⁵) Ibid., p. 235.

¹²⁶) H. Veale. Op. cit., p. 239.

¹²⁷) Ibid., p. 240.

¹²⁸) Ibid., p. 241.

¹²⁹) К 1908 г. на Филиппинах были сосредоточены американские регулярные войска численностью в 12 тыс. человек.

ния. В южный портах Китая антиамериканский бойкот продолжался до 1907 г. включительно. В декабре 1906 г. в японской печати сообщалось, что в Кантоне активно действует «Общество бойкота американских товаров», которое проводит собрания своих членов и избирает агитаторов. Общество призывало продолжать бойкот и создавать китайскую национальную промышленность¹³⁰). В результате бойкота американский экспорт в Китай сократился с 57 млн. юаней в 1905 г. до 44 млн. юаней в 1906 г. и до 26 млн. в 1907 г.¹³¹). Антиамериканский бойкот ослабил позиции американского империализма в Китае и заставил правящие классы США проводить более осторожную политику в странах Дальнего Востока.

Антиамериканский бойкот в Китае хронологически совпал с резким обострением японо-американских отношений. Осенью 1906 г. по заданию президента Рузвельта разрабатывались планы военно-морских операций на случай войны с Японией. Американские адмиралы утверждали, что в случае войны США перебросят на Тихий океан Атлантическую эскадру и смогут противопоставить 5 линейным кораблям и 6 броненосцам японского флота 15 линкоров и 6 броненосцев американского флота и добьются господства на Тихом океане через три месяца после начала войны¹³²). Однако американский автор Ливермор считает, что США не могли прибегнуть к силе в борьбе против Японии в связи с отсутствием военно-морских баз у японского и китайского побережья¹³³).

В конечном итоге обе стороны пошли на некоторые временные уступки друг другу, тем не менее японо-американские противоречия продолжали нарастать. Правительство Т. Рузвельта считало, что если США не будут оказывать противодействия экспансии Японии в Китае и Корее, то Япония не нападет на тихоокеанские владения Соединенных Штатов. В декабре 1905 г. американский генерал Вуд предупреждал Рузвельта о том, что если США не будут иметь сильного флота и не укрепят Гавайские острова, то Япония захватит Гавайи и отрежет путь к Филиппинам. Т. Рузвельт поддержал Вуда в вопросе об усилении военно-морского флота и укреплении Гавайских островов, но одновременно с этим писал Вуду: «Я ни на мгновение не согласен однако с тем, что Япония имеет какие-то непосредственные намерения выступить против нас на Филиппинах. Ее глаза на некоторое ближай-

¹³⁰) ЦГАДВ, ф. 128, оп. 2, д. 173, л. 164. Переводы из иностранных газет тихоокеанской прессы.

¹³¹) Ли Шу. Первая русская революция и Китай. «Первая русская революция и международное революционное движение», ч. II, М., 1956, стр. 356.

¹³²) W. Braisted. The United States Navy's Dilemma in the Pacific, 1906—1909. «The Pacific Historical Review», 1957, Nr. 3, p. 237.

¹³³) S. Livermore. American—Base Policy in the Far East 1850—1914. «The Pacific Historical Review», 1944, Nr. 2, p. 130.

шее время будут направлены на Корею и Южную Маньчжурию»¹³⁴).

Т. Рузвельт надеялся на продолжение борьбы Японии с царской Россией на Дальнем Востоке и стремился к ухудшению русско-японских отношений, считая, что таким путем можно восстановить равновесие сил на Дальнем Востоке и укрепить там позиции Соединенных Штатов Америки. Осенью 1906 г. в письме министру иностранных дел Англии Э. Грею Рузвельт затронул вопросы русско-японских отношений и причины роста японских вооружений. «Мне самому ясно, — писал американский президент, — что Россия постоянно держит в уме свое намерение еще раз попытаться воевать с Японией за верховенство в самой восточной части Азии. Революция могла бы помешать этому.... Но если Россия останется единой империей, тогда, я полагаю, Японии будет необходимо быть сильной, если она не желает, чтобы ее сокрушили в Маньчжурии. Я склонен думать, что Япония знает об этом и что это одна из причин, которые побудили ее продолжать готовиться к войне»¹³⁵).

Подобное письмо, направленное в Англию, имевшую союз с Японией в период русско-японских и русско-английских переговоров, могло преследовать лишь одну цель — вызвать недоверие к дальневосточной политике России, затруднить заключение русско-японского и англо-русского соглашений и тем самым сохранить американской дипломатии свободу рук для лавирования. В октябре 1906 г. Т. Рузвельт, отвечая сенатору Хэйлу, вновь высказал мысль о том, что если США сумеют урегулировать взаимоотношения с Японией, то это приведет к ухудшению русско-японских отношений и улучшит положение Соединенных Штатов на Дальнем Востоке. «Я не думаю, что [Япония] хочет войны как таковой, — заявил Рузвельт, — и я сомневаюсь, чтобы она начала сейчас воевать, но я полностью уверен, что, если она будет сильно озлоблена и унижена нами, она вынуждена будет принять нас вместо России за национальных врагов, с которыми она в конечном счете должна будет сражаться, и при таких обстоятельствах ее сосредоточенность и неизменность цели, чрезвычайно грозный характер ее армии и флота вызывают необходимость считаться с ней очень серьезно»¹³⁶).

Суть взглядов президента Т. Рузвельта сводилась к тому, что надо отстаивать американские империалистические интересы на Дальнем Востоке путем уступок Японии, разжигания японо-русской вражды и различными дипломатическими комбинациями. «Открытые двери в Азии, — говорил Рузвельт, —

¹³⁴) Н. Beale. Op. cit., p. 325.

¹³⁵) Ibid., p. 325—326.

¹³⁶) Н. Beale. Op. cit., p. 327.

были хорошей политикой до тех пор, пока ее можно было поддерживать чем-то меньшим, чем военная сила»¹³⁷).

Развитие японо-американских противоречий не шло прямо по восходящей. С обеих сторон время от времени предпринимались попытки урегулирования тех или иных вопросов или поисков компромиссных соглашений. Соединенные Штаты Америки в названные годы не были готовы к войне на Дальнем Востоке, поэтому защищали свои империалистические интересы прежде всего дипломатическими средствами. С этой целью правительство США стремилось направить экспансию Японии в Корею и на русский Дальний Восток, рассчитывая подобным путем сохранить господство на Филиппинах, ухудшить русско-японские отношения и обеспечить благоприятные условия для укрепления позиций американского капитала в Китае.

Что касается Японии, то ее временно удовлетворяло согласие правительства Соединенных Штатов на японское господство в Корее, поэтому японское правительство считало невыгодным для себя доводить борьбу с Соединенными Штатами до войны. В октябре 1907 г. военный министр США Тафт после переговоров с японскими государственными деятелями телеграфировал из Токио в Вашингтон о том, что японское правительство весьма озабочено тем, чтобы избежать войны с Соединенными Штатами¹³⁸). Надо учитывать также и тот факт, что рост национально-освободительного движения в странах Дальнего Востока вызывал стремление двух империалистических держав к объединению сил с целью сохранения своих колониальных владений.

**

*

В начале XX века значительно возрастает экспансия американского капитала на русском Дальнем Востоке. Правящие круги США пытались использовать ослабление России в период русско-японской войны для территориальных приобретений на Сахалине. В апреле 1905 г. посол России в Вашингтоне дважды сообщал в министерство иностранных дел о том, что в Соединенных Штатах Америки ходят упорные слухи о намерении американских компаний получить от России или при «изменившемся положении от Японии» концессии на Сахалине¹³⁹). Предложение о продаже Сахалина американским монополиям было передано русскому правительству через гласного петербургской думы Лихачева. Магнаты американского капитала заявляли, что они не хотят, чтобы остров пе-

¹³⁷) G. Mowry. Op. cit., p. 186.

¹³⁸) A. Griswold. Op. cit., p. 126.

¹³⁹) АВПР. Японский стол, д. 2016, лл. 14—16. Телеграмма Кассини из Вашингтона от 16/3 апреля 1906 г. и депеша Кассини от 19/6 апреля 1906 г.

решил Японии, и предлагают купить его «частным путем», минуя правительство США, за 85—90 млн. рублей¹⁴⁰).

20 мая 1905 г., отвечая на запрос министра иностранных дел, наместник царя на Дальнем Востоке Алексеев высказался решительно против продажи Сахалина американским капиталистам, заявив, что в случае приобретения Сахалина Соединенными Штатами сильная военно-морская держава получит базу, которая «даст ей господство на восточных берегах Азии, окончательно закрыв для всей Сибири и Приамурского края выход в океан»¹⁴¹). Алексеев считал, что для интересов России безопаснее передать Сахалин Японии, чем продать США. Предложение американских капиталистов о продаже Сахалина было отвергнуто царским правительством¹⁴²).

Во время русско-японской войны правящие круги США сделали другую попытку отторгнуть часть территории русского Дальнего Востока. Как писала газета «Новое время», американские дипломаты обратились к России с предложением содействовать заключению «почетного немедленного мира между воюющими сторонами» при условии, если Россия откажется от Приморской области в пользу США. Из Приморской области американские империалисты предполагали «устроить независимую территорию» по типу одного из американских штатов¹⁴³). Данное предложение было передано представителями США через члена Государственного совета, академика П. П. Семенова¹⁴⁴).

В то же время американский финансовый капитал предпринял серьезные попытки получить крупные железнодорожные и иные концессии в азиатской части России. В связи с этим между американскими монополистическими группировками развернулось острое соперничество. Американский автор В. Вильямс пишет, что между группой Моргана, с одной стороны, и группой Гарримана-Шиффа, с другой, «развернулась энергичная борьба за контроль над обширным российским рынком для сбыта промышленных товаров и за огромное поле в России для потенциальных прямых капиталовложений и за возможность контроля над российскими железными дорогами, страхованием жизни, шахтами и другими концессиями»¹⁴⁵).

В 1903 г. группа Гарримана выдвинула предложение о постройке железной дороги Аляска—Сибирь и образовала для этой цели специальный синдикат из американских финан-

¹⁴⁰) Там же, л. 24. Письмо министра иностранных дел на имя наместника царя на Дальнем Востоке Алексеева от 28/15 мая 1905 г.

¹⁴¹) АВПР. Японский стол, д. 2016, л. 24.

¹⁴²) См. Б. А. Романов. Очерки дипломатической истории русско-японской войны, М.—Л., 1955, стр. 639—640.

¹⁴³) «Новое время», 8/21 мая 1906 г.

¹⁴⁴) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 2, д. 716, л. 31.

¹⁴⁵) W. Williams. American—Russian Relations 1781—1947, p. 52.

систов¹⁴⁶). Уполномоченный синдиката Лойк де-Лобель передал царскому правительству ходатайство о предоставлении концессии на 90 лет для постройки железной дороги протяжением в 5000 км от станции Канск Сибирской железной дороги через Якутск и Верхне-Колымск до мыса Дежнева, а затем тоннелем под Беринговым проливом на Аляску¹⁴⁷). Американский империализм стремился воспользоваться ослаблением царской России для проникновения в Сибирь. В связи с этим военный министр писал министру иностранных дел Ламсдорфу о том, что «возбуждение вопроса о соединении Сибирской и американской железных дорог в настоящее время представляется несвоевременным»¹⁴⁸).

Основным условием, которое выдвигали американские концессионеры, было требование отвода 24-верстной полосы на всем протяжении железнодорожного пути «с целью предоставления компании разработки в пределах этого отвода недр и поверхности»¹⁴⁹). В заявлении, поданном министру торговли и промышленности 25 ноября 1905 г., Лойк де-Лобель сообщил, что представляемый им синдикат ходатайствует лишь о том, «чтобы Совет министров признал в принципе возможным осуществление железнодорожной линии от Канска до Берингова пролива» и чтобы «Совет министров постановил, что правительством будет образована особая комиссия для изучения и установления, по соглашению с представителем синдиката, условий осуществления указанного проекта. Та же комиссия должна установить порядок уступки компании земель»¹⁵⁰). 1 декабря 1905 г. Особое совещание под председательством С. Ю. Витте при участии председателя Совета государственной обороны великого князя Николая Николаевича начало обсуждение американского предложения. В выступлении на заседании Особого совещания Витте не выдвигал принципиальных возражений против предоставления концессии, но высказал сомнение в возможности осуществления проекта ввиду его «грандиозности и, по-видимо-

¹⁴⁶) В числе основателей синдиката ж. д. Аляска—Сибирь были американские миллионеры Э. Гарриман и Хилл. Для оказания поддержки домогательствам синдиката был учрежден «Комитет содействия», в который входили министр финансов США и директор Национального банка в Нью-Йорке. См. М. Я. Гефтер. Проникновение американского капитала в царскую Россию до 1914 г. «Исторические записки», 1950, № 35, стр. 79.

¹⁴⁷) «Красный Архив», 1930, т. 6 (43), стр. 175.

¹⁴⁸) АВПр. Тихоокеанский стол, д. 473, л. 33. Военный министр Ламсдорфу, 31/18 мая 1904 г.

¹⁴⁹) «Красный Архив», 1930, т. 6 (43), стр. 175.

¹⁵⁰) Там же, стр. 175. Основная цель американского синдиката и заключалась в захвате полосы отвода вдоль предполагаемой железной дороги. Полоса отвода должна была составить территорию более 120 тысяч кв. км. См. С. Славин. Американская экспансия на северо-восток царской России в начале XX в. «Летопись севера», № 1, 1949 г.

му, недостаточной кредитоспособности предпринимателей»¹⁵¹). Особое совещание постановило образовать комиссию по изучению вопроса о железнодорожной концессии, в состав которой вошли министр иностранных дел, министр внутренних дел, министр финансов и военный министр.

В Соединенных Штатах Америки в 1906 г. правление синдиката железной дороги Аляска—Сибирь создало технический комитет из известных специалистов и объявило о выделении 6 млн. долларов, предназначенных для внесения залога и расходов на предварительные изыскания¹⁵²). Во время переговоров выяснилось, что американский синдикат предлагал начать строительство железной дороги на территории России от Берингова пролива, что дало бы возможность установить полное экономическое господство США на Чукотском полуострове и в Якутии и подготовить отторжение этих областей от России. Царское министерство иностранных дел положительно относилось к проникновению американского капитала на русский Дальний Восток, считая, что это поведет к улучшению русско-американских отношений¹⁵³). Но в конечном итоге после длительных переговоров американский проект был отклонен царским правительством в 1907 г.¹⁵⁴).

В сентябре 1905 года представитель американских капиталистов Джексон, действовавший от имени группы Моргана, подал заявление в министерство финансов с просьбой о предоставлении концессий на постройку железных дорог в Сибири, Средней Азии и на Урале. Джексон предлагал построить следующие железные дороги: 1) от Ташкента до станции Поломошной¹⁵⁵) на Сибирской железной дороге. Эта дорога протяжением 2500 верст должна была пройти через Верный (Алма-Ату), Семипалатинск и Барнаул; 2) от Уральска до Семипалатинска через Тургай и Атбасар (или Акмолинск) протяжением в 2350 верст с веткой от Тургая до Магнитной¹⁵⁶). Концессия испрашивалась сроком на 99 лет. Концессионеры обещали построить предполагаемые железные дороги

¹⁵¹) Приамурский генерал-губернатор Унтербергер высказался против предоставления концессии, заявляя, что американцы и так установили свое господство на Чукотке и что дальнейшее внедрение иностранного капитала на дальневосточной окраине России «опасно с общегосударственной точки зрения». См. ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 1, д. 127, лл. 349—351. Унтербергер Коковцову, 14/1 декабря 1906 г.

¹⁵²) «New York Herald», Oktober 26, 1906.

¹⁵³) АВГР. Тихоокеанский стол, д. 473, л. 121.

¹⁵⁴) Американский ж.-д. синдикат Аляска—Сибирь, потерпев неудачу с проектом постройки дороги от Аляски до Канска, выступил затем с предложением построить Амурскую железную дорогу. См. А. Добров. Дальневосточная политика США в период русско-японской войны, М., 1952, стр. 77.

¹⁵⁵) Поломошная (сейчас станция Тутальская) расположена у места пересечения Сибирской железной дорогой реки Томи.

¹⁵⁶) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 1, д. 134, лл. 12—16; д. 129, лл. 3—7.

за 10 лет. Максимальная стоимость строительства определялась в 484 млн. 188 тыс. руб. Необходимый капитал предполагалось создать путем выпуска акций. $\frac{8}{9}$ из них должны были представлять гарантированные правительством 4,5% облигаций.

Кроме сравнительно высоких доходов на вложенный капитал, которые должно было гарантировать царское правительство за счет налогоплательщиков, т. е. трудящихся России, американские капиталисты претендовали на получение обширных территорий в районах, известных большими залежами полезных ископаемых и плодородными почвами. Джексон писал: «Я испрашиваю концессию и уступку мне навсегда прав на все государственные земли на пространстве 50 верст с каждой стороны железных дорог и их ветвей... право занимать, владеть и разрабатывать все никому не принадлежащие земли и основывать склады на свободных площадях в тех областях, по которым будут проходить проектируемые железные дороги»¹⁵⁷). Таким образом, под контроль американской компании должна была перейти площадь около 600 тыс. км², причем на условиях, обычно практиковавшихся в договорах монополий США с латиноамериканскими странами.

Джексон брал обязательство размежевать уступленные ему земли и передать половину их русским переселенцам, которых он должен был перевозить к месту поселения за свой счет, а также устроить образцовые фермы, сельскохозяйственные и горнопромышленные школы, выставку, ярмарки и т. д.¹⁵⁸). Руководить осуществлением всех этих мероприятий должна была администрация, составленная из американцев. Витте, установивший связь с магнатами американского капитала во время своего пребывания в США в 1905 г., быстро вынес данное предложение на обсуждение Особого совещания, которое состоялось под его председательством 1 декабря 1905 г. Характерно, что Витте, всегда выступавший как сторонник привлечения иностранного капитала, высказался против предоставления концессии Джексону, заявив, что «едва ли в настоящее смутное время возможно было бы даровать правительственную гарантию столь громадному облигационному капиталу, уже не говоря о других чрезмерных домогательствах предпринимателя»¹⁵⁹). Особое совещание высказалось против предоставления концессии Джексону.

В 1905—1906 гг. Кокцов вел переговоры с уполномоченным группы американских капиталистов Ч. Меером относительно строительства железных дорог в Сибири и на Дальнем Востоке¹⁶⁰). Американские монополисты рассчитывали, что

¹⁵⁷) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 1, д. 134, л. 16.

¹⁵⁸) Там же, д. 129, л. 6.

¹⁵⁹) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 1, д. 129, лл. 6—7.

¹⁶⁰) W. Williams. American—Russian Relations 1781—1947, p. 55.

железнодорожное строительство в России откроет обширный рынок сбыта для железнодорожного оборудования и эксплуатации природных богатств Сибири. В связи с этим В. Вильямс пишет, что «американские финансовые гиганты», боровшиеся за контроль над железными дорогами США, перенесли эту войну в Россию, где «они пытались получить новые прибыли и добиться большего могущества посредством заокеанской экономической экспансии»¹⁶¹).

В это же время усилилась хищническая деятельность представителей американского капитала на побережье и в водах Чукотки и Охотско-Камчатского края. Американский капитал предпринимал серьезные попытки укрепления на Чукотке. Базой для проникновения американских предпринимателей на побережье крайней северо-востока Сибири стала Аляска, которую отделяет от Чукотки Берингов пролив шириною около 90 км. Идеологи американского империализма доказывали, что через Берингов пролив и Чукотку лежит ближайший путь в Сибирь, Южное Приморье и Северо-Восточный Китай. В начале XX века на Аляске происходил золотопромышленный бум в связи с разработкой богатых месторождений золота на полуострове Сьюард (у Берингова пролива) и в бассейне реки Тананы (центральная Аляска). В 1907 г. стоимость добытого на Аляске золота оценивалась в 18 489 тыс. долларов¹⁶²). Быстро росла добыча меди, продукция которой в 1907 г. оценивалась в 1 407 тыс. долларов. Важной отраслью хозяйства стало рыболовство и промысел морских животных: котиков, тюленей, китов и т. д. В 1902 г. продукция рыбоконсервных заводов оценивалась в 12 млн. долларов, а в 1907 г. стоимость всей добычи лососевых на Аляске была определена в 8 500 тыс. долларов¹⁶³). В результате хищнической эксплуатации природных богатств Аляска быстро истощалась. Численность коренного населения — индейцев и эскимосов — с 1867 по 1910 гг. держалась на одном уровне и составляла 27 тыс. человек. Белое население за эти же годы увеличилось с двух тыс. человек до 36 тыс. человек¹⁶⁴). Американское правительство содержало на Аляске 1500 солдат и офицеров.

Американский капитал беспощадно эксплуатировал индейцев, эскимосов и американских рабочих. На Аляске действовало несколько крупных монополистических компаний. Еще в 1870 г. образовалась Аляскинская коммерческая компания (Торговый дом Гутчинсон, Коль и К^о), которая получила от правительства США в долгосрочную монопольную аренду пушной промысел на Аляске, котиковый промысел на

¹⁶¹) Ibid., p. 52.

¹⁶²) «Statesman's Year—Book», 1909, Nr. 46, p. 543.

¹⁶³) Ibidem.

¹⁶⁴) J. W. Pratt. America's Colonial Experiment, p. 173.

Прибыловых островах и содержала там свою стражу. В 1871—1890 г. Аляскинская компания арендовала у царского правительства котиковые промыслы на Командорских островах и острове Тюленьем, получив за 20 лет за счет продажи котиковых шкурок, добытых на русских островах, не менее 11 млн. рублей¹⁶⁵). После расторжения договора предприниматели, связанные с Аляскинской компанией, продолжали хищнический промысел в водах северо-востока Сибири. В 1890 г. аренда промыслов на Прибыловых островах, котиковые стада на которых были крайне истощены неправильной эксплуатацией, перешла к Северо-американской коммерческой компании.

Экономика Аляски попадает под контроль крупных финансовых групп Моргана и Гугенгейма, которые в 1906 г. образовали Аляскинский синдикат. С Морганом был связан крупный капиталист — миллионер Джон Розин¹⁶⁶) — глава Северо-Западной коммерческой компании, которому было также подчинено Северо-восточное сибирское общество, развернувшее свои операции по всему побережью Чукотки и Охотско-Камчатского края. Аляска, расположенная недалеко от крупных экономических центров США, стала базой для экспансии американского капитала на крайнем северо-востоке Сибири.

В 1899 г. появились сведения о том, что американские золотоискатели, работавшие на Аляске, переезжают пролив и ведут добычу золота на Чукотском полуострове. Известия об этом заинтересовали крупных английских золотопромышленников, представитель которых Ф. Бекер в 1900 г. прибыл в Петербург с рекомендательным письмом лорда Солсбери к великобританскому послу в России Скотту. Для того, чтобы быстрее получить разрешение на добычу золота на Чукотке, Бекер вступил в контакт с близким (в то время) ко двору отставным полковником и типичным дельцом и грюндером В. М. Вонлярлярским. Между Бекером и Вонлярлярским было достигнуто соглашение о создании Восточно-сибирского синдиката с основным капиталом в 100 тыс. фунтов стерлингов. Бекер вносил 30 тыс. фунтов стерлингов и получал право представлять синдикат в Англии и Соединенных Штатах Америки. Вонлярлярский становился председателем правления синдиката на первые 5 лет. Дело с образованием Восточно-сибирского синдиката продвинули очень быстро. Бекер

¹⁶⁵) См. С. С. Григорьевич. Экспансия иностранного капитала на русском Дальнем Востоке во второй половине XIX в. «Ученые записки Томского пед. института», т. XIII, 1955, стр. 81—82.

¹⁶⁶) В 1905 г. тихоокеанская консервная и мореходная компания обанкротилась, и ее 11 рыбоконсервных заводов на Аляске были куплены компанией Д. Розина. См. ЦГАДВ, ф. 702, оп. 2, д. 206, л. 34. Аляска и ее отношение к Чукотскому полуострову, отчет врача Н. Кириллова, 1906 г.

приехал в Петербург в марте, а 10 апреля уже состоялось постановление Комитета министров о предоставлении Вонлярлярскому исключительного права разведки и добычи ископаемых на Чукотском полуострове к востоку от рек Амгуема и Энненаколь сроком на 5 лет¹⁶⁷). Общая площадь полученной концессии превышала 100 тыс. квадратных километров.

Необычайно быстрое решение вопроса о предоставлении синдикату монопольных прав на добычу золота на Чукотке объяснялось тем, что акционерами общества стали: великий князь Николай Николаевич, генерал-адъютант князь Н. С. Долгорукий и другие близкие ко двору лица¹⁶⁸).

В 1902 г. Вонлярлярский передал свои права Северо-восточному сибирскому акционерному обществу¹⁶⁹). Во главе общества стал уже известный Джон Розин, формально получивший право представлять интересы общества в Соединенных Штатах¹⁷⁰). Розин, проживавший в Сиэтле, назначил управляющим делами общества Перкинса с местопребыванием в городе Номе на Аляске.

С этого времени на Чукотке бесконтрольно хозяйничают представители американского капитала. Северо-восточное сибирское общество сдавало в аренду американским золотоискателям золотоносные участки, вело добычу графита, организовало на побережье торговые склады, развернуло рыбный промысел и т. д. Отмечая укрепление позиций американского капитала на Чукотке, приамурский генерал-губернатор в отчете за 1906—1907 гг. писал: «Если это не прекратится, то нам в самом ближайшем будущем придется считаться с крупными материальными интересами США на Чукотке»¹⁷¹). Представители американских монополий захватили в свои руки не только разведку и добычу золота, но и всю торговлю на Чукотке и закупку пушнины на Камчатке. Американские авантюристы спаивали и разоряли чукчей, коряков и камдачалов.

Особенно укрепились позиции американского капитала на северо-востоке Сибири в период русско-японской войны, когда царское правительство на Чукотке представляли 3 неграмотных казака, проживавших на факториях компании.

¹⁶⁷) ЦГИАЛ, ф. 917, оп. 1, д. 6, лл. 34—37. Вонлярлярский. Чукотский полуостров. Экспедиции Вонлярлярского и открытие нового золотоносного района близ устья р. Анадырь, СПб, 1912 г. Издано на правах рукописи.

¹⁶⁸) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 2, д. 254, лл. 1—2.

¹⁶⁹) См. С. Славин. Американская экспансия на северо-востоке царской России в начале XX в., «Летопись севера», № 1, 1949 г.

¹⁷⁰) Капитал общества был установлен в 3 млн. рублей.

¹⁷¹) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 2, д. 336, л. 4. Правление Северо-восточного общества захватило большую власть на Чукотке. Для высадки на побережье концессионной зоны требовалось разрешение правления общества.

Правление Северо-восточного сибирского общества брало разрешение у русских властей для высадки на побережье в течение лета 50—75 американских рабочих и инженеров, но обычно продавало американским золотоискателям значительно большее количество пропусков на Чукотку. В 1905 г. горный инженер Тульчинский, посетивший Чукотский полуостров, представил доклад, в котором вполне обоснованно утверждал, что Северо-восточное сибирское общество — предприятие «чисто американское», что оно нарушает условия договора (продажа спирта, недозволенная торговля и т. д.)¹⁷²⁾. Однако царское правительство под влиянием придворных, являвшихся акционерами общества, и из опасений ухудшить взаимоотношения с Соединенными Штатами не решилось на аннулирование договора с обществом, и контракт с ним был продлен еще на 5 лет.

В конце 1906 г. один из золотоискателей открыл богатое месторождение золота на притоке реки Волчьей (недалеко от устья р. Анадырь). Затем в этом же районе был открыт ряд новых золотых россыпей. Здесь начали добычу золота американские компании «Pioneer Mining Company» и «Siberian Development Company», которые вели разработки с разрешения Северо-восточного сибирского общества по речкам Надо и Ветлесону¹⁷³⁾.

Сообщения о богатых россыпях золота, открытых на Чукотке, появились в мировой печати¹⁷⁴⁾. Вице-председатель комиссии по иностранным делам палаты депутатов французского парламента предложил от имени англо-французских капиталистов разместить дополнительный выпуск акций общества на 1 млн. рублей в Англии и Франции. Д. Розин и стоявшие за ним американские финансисты были против допуска англо-французского капитала к добыче чукотского золота. Однако, после того как Д. Розин в начале 1908 г. побывал в Петербурге, было достигнуто компромиссное соглашение о том, что из дополнительного выпуска акций на 1 млн. рублей 1/3 часть будет передана английским и французским капиталистам, а оставшиеся 2/3 акций будут размещены в США и России¹⁷⁵⁾.

Против внедрения американского капитала на Чукотке активно выступили влиятельные круги русской буржуазии и представители царской администрации.

¹⁷²⁾ ЦГАДВ, ф. 702, оп. 2, д. 206, лл. 63—70. Журнал Особого совещания от 18/6 и 26/13 февраля 1906 г.

¹⁷³⁾ П. Полевой. Золото Анадырско-Чукотского края, Петроград, 1916, стр. 1.

¹⁷⁴⁾ Количество золота, вывезенного американскими золотоискателями с Чукотки, осталось неизвестным. По показаниям русских рабочих, только за две недели второй половины июля 1907 г. на прииске «Дисковери» было добыто 3 пуда золотого песка. См. ЦГАДВ, ф. 702, оп. 2, д. 285, л. 8.

¹⁷⁵⁾ ЦГИАЛ, ф. 917, оп. 1, лл. 47—48.

14 января 1909 г. приамурский генерал-губернатор писал министру внутренних дел: «Чукотский полуостров, благодаря своей отдаленности и отрезанности от остальной части Приморской области, отсутствию русского населения и совершенной недостаточности правительственного надзора, в значительной степени подпал под влияние близкой к нему Америки, китобойные и торговые суда которой ежегодно посещают наше побережье, эксплуатируя всевозможными способами местное население. При этом в последнее время, ввиду передачи Чукотского полуострова полуамериканской акционерной компании и открытия золотых россыпей, опасность американизации страны еще увеличилась¹⁷⁶⁾».

24 марта 1909 г. вопрос о деятельности Северо-восточного сибирского общества рассматривался на заседании Совета министров, где было отмечено, что «Общество является предприятием чисто американским... Общество является всецело проводником американского влияния в лице своих многочисленных распорядителей, уполномоченных и агентов». Тем не менее Совет министров не решился на немедленное расторжение договора с Северо-восточным сибирским обществом, по мнению членов Совета министров «за компанию могли бы вступить американские власти, усложнив этим международные отношения России с вашингтонским правительством». Совет министров постановил: «Признать деятельность Северо-восточного сибирского общества вредною для отечественных интересов и заключенного с ним договора, истекающего в апреле 1910 г., не возобновлять, приняв к этому времени решительные меры к полной ликвидации означенного предприятия»¹⁷⁷⁾.

Ликвидация Северо-восточного сибирского общества¹⁷⁸⁾ не положила предела американской экспансии на Чукотку.

Активную деятельность по захвату горно-рудных богатств русского Дальнего Востока развил американский предприниматель Давид Кларксон. В конце девяностых годов XIX века им было открыто во Владивостоке отделение фирмы «Кларксон и К^о». Эта фирма занималась продажей различных товаров, ввозившихся из США, главным образом, машин. В 1903 г. годовой оборот фирмы «Кларксон и К^о» на русском Дальнем Востоке достигал 2 млн. рублей¹⁷⁹⁾. В 1900 г. фирма «Кларксон и К^о» купила первый каменноугольный рудник в Южно-

¹⁷⁶⁾ ЦГАДВ, ф. 702, оп. 2, д. 229, л. 4.

¹⁷⁷⁾ АВПР. Тихоокеанский стол, д. 1460, лл. 3—7. Особый журнал Совета министров от 24 марта/6 апреля 1909 г.

¹⁷⁸⁾ Американские предприниматели отказались выполнить условия договора, по которому они должны были передать русской администрации документацию на эксплуатировавшиеся участки и вновь открытые месторождения золота и других полезных ископаемых. См. ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 651, л. 28.

¹⁷⁹⁾ ЦГАДВ, ф. 702, оп. 2, д. 46, л. 177.

Уссурийском крае. Фирма организовала работы по изысканию залежей каменного угля, железной руды и золота, истратив на это только в Южно-Уссурийском крае в течение трех лет 200 тыс. рублей¹⁸⁰). В 1903 г. Кларксон уже владел или арендовал более 10 каменноугольных шахт и железных рудников, не считая золотых приисков. Препятствием к дальнейшей деятельности Кларксона по захвату горнорудных богатств Дальнего Востока, особенно на побережье, был закон о закрытии стоверстной полосы Приморской области для иностранного капитала. Но это не остановило предприимчивого дельца. Заручившись поддержкой военного губернатора Приморской области Чичагова, Кларксон основал акционерное общество для разработки горных богатств на русском Дальнем Востоке с основным капиталом в 6 млн. рублей. В 1906 г. Николай II утвердил постановление Кабинета министров, по которому Кларксону было разрешено разрабатывать горные рудники в стоверстной прибрежной полосе Приморской области при условии, что иностранный капитал в организованной им акционерной компании не будет превышать $\frac{3}{4}$ основного капитала¹⁸¹).

Однако крупных горнорудных предприятий акционерным обществом Кларксона создано не было. Его каменноугольные рудники были оборудованы весьма примитивно. Как и многие другие иностранные и русские предприниматели, он, закрепив за собой участки с залежами полезных ископаемых, выжидал более выгодной конъюнктуры для того, чтобы или начать разработку в крупных масштабах, или перепродать их с большим барышом. Создание крупных горнорудных предприятий требовало больших предварительных затрат. Поэтому фирма «Кларксон и К^о»¹⁸²) направила свою деятельность в те отрасли торговли и промышленности, которые быстро приносили высокую прибыль. Фирма Кларксона имела на Дальнем Востоке лесопильный и кирпичный заводы, механические мастерские, угольные шахты. Она брала подряды на строительство домов, поставку различных товаров и т. д. На предприятиях Кларксона в Приморской области было занято более 1000 рабочих¹⁸³). В октябре 1906 г. на предприятиях Кларксона были волнения рабочих, вызванные жестокой эксплуатацией и задержкой заработной платы¹⁸⁴).

Американские монополии организовали ряд горных экспедиций. В 1907 г. министр финансов Коковцов разрешил груп-

¹⁸⁰) Там же, д. 161, л. 176.

¹⁸¹) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 2, д. 46, л. 195.

¹⁸²) Фирма «Кларксон и К^о» имела отделения в Порт-Артуре, Дайрене, Шанхае, Нагасаки и других городах Дальнего Востока.

¹⁸³) ЦГАДВ, ф. 87, оп. 1, д. 781, л. 3.

¹⁸⁴) Там же, л. 20. См. статью «Осада Сибири иностранцами». «Сибирские вопросы», 1907, № 13.

не американских капиталистов отправить своих представителей на Урал, Сибирь и в Приморский край для сбора сведений о горнорудных богатствах с целью получения концессий¹⁸⁵). В 1907 г. представители американских капиталистов вели переговоры о покупке крупных Ниманских и Верхнеамурских золотых приисков¹⁸⁶). Отмеченные факты экспансии американского капитала не были единичными. В погоне за легкой наживой магнаты финансового капитала США стремились захватить в свои руки важнейшие отрасли народного хозяйства Дальнего Востока и Сибири. Проникновение американского капитала на русский Дальний Восток вызывало недовольство в Японии, наиболее агрессивные круги которой надеялись использовать победу в войне над Россией для отторжения Сахалина, Камчатки и установления японского господства на побережье русского Дальнего Востока.

¹⁸⁵) См. «Дальний Восток», 16 мая 1907.

¹⁸⁶) См. «Сибирские вопросы», 1907, № 17.

ГЛАВА II

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ И РУССКО- ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1906—1907 гг.

I. Царская дипломатия и великие державы в первые месяцы после заключения Портсмутского мира

В годы русско-японской войны и первой русской революции произошел серьезный сдвиг во взаимоотношениях великих держав, который выразился в создании блока стран Антанты, ослаблении царизма и падении его роли на международной арене. В. И. Ленин писал, что в период с 1898 г. по 1916 г. «Царизм заведомо и бесспорно перестал быть главным оплотом реакции, во-1-х, вследствие поддержки его международным финансовым капиталом, особенно Францией, во-2-х, в силу 1905-го года»¹). Русско-японская война ухудшила экономическое и финансовое положение России²), легла тяжелым бременем на плечи трудящихся масс и ускорила наступление первой русской революции. Революция 1905—1907 гг. была событием всемирно-исторического значения. Она оказала большое влияние на подъем рабочего движения в капиталистических государствах, рост национально-освободительного движения в колониальных и полуколониальных странах, а также на взаимоотношения царского правительства с другими державами.

Поражение царизма в войне с Японией значительно ослабило позиции России на Дальнем Востоке и создало угрозу для русских дальневосточных владений. В Портсмутском мирном договоре ряд важных пунктов не был конкретизирован, и русско-японские переговоры в 1906—1907 гг. протекали в обстановке острой борьбы. В связи с этим Япония и Россия стремились спешно укрепить свои политические и военно-стратегические позиции. Господствующие классы России боялись дальнейшего усиления Японии, представители военной партии которой грозили России войной, добиваясь но-

¹) В. И. Ленин. Соч., т. 22, изд. 4, стр. 327.

²) Чрезвычайные расходы царского правительства на финансирование войны с Японией составили 2,3 млрд. рублей. См. А. Л. Сидоров. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917), М., 1960, стр. 20.

вых уступок царского правительства при разрешении вопросов, не уточненных в Портсмутском договоре. Периодическая печать, отражавшая интересы буржуазии и помещиков уделяла много внимания дальневосточным делам. Вопросы дальневосточной политики рассматривались как проблемы первостепенного значения, в этом отношении сказывался и психологический фактор — недавнее поражение в войне с Японией делало общественность особенно чувствительной к проблемам Дальнего Востока. В рассматриваемые годы общее направление дальневосточной политики России было тесно связано с хозяйственными и военно-стратегическими мероприятиями царского правительства на русском Дальнем Востоке, которые в значительной степени были вызваны внешнеполитическими соображениями.

Для укрепления своих позиций в стране и для борьбы против революции царизм нуждался в мире. Поэтому в 1906—1907 гг. царское правительство стремилось особенно не обострять взаимоотношения ни с одной из великих держав. Однако царизм, нуждавшийся во внешних займах и поддержке других империалистических государств в борьбе против революции и продолжавшегося нажима Японии, не мог долго оставаться вне двух империалистических блоков, сформировавшихся к этому времени во главе с Англией и Германией.

Изменившееся международное положение России и дальнейший рост межимпериалистических противоречий привел к тому, что Англия добивалась привлечения России как возможного союзника в борьбе против Германии на свою сторону, а Германия стремилась не допустить этого и в свою очередь хотела достигнуть союза с Россией. Следует отметить, что внешняя политика царского правительства была активной и определялась не только зависимостью царизма от франко-английского капитала, но прежде всего интересами господствующих классов — буржуазии и помещиков. Российский империализм создавал свою собственную программу внешнеполитической экспансии. Дальневосточная политика России определялась как внутренними, так и внешнеполитическими соображениями и была тесно связана с формированием основных империалистических группировок кануна первой мировой войны.

Ослабленная войной с Японией, царская Россия тем не менее оказалась в центре внимания великих держав. Посол Франции в Петербурге Бомпар писал, что в иностранной прессе широко обсуждался вопрос о том, куда направит острие своей внешней политики «Россия, отброшенная или почти отброшенная от Тихого океана». Бомпар отмечал, что Россия утратила свое доминирующее положение в восточной и центральной Азии. Французский посол считал чрезвычайно важным для интересов Франции добиться восстановления

«международного престижа» Российской империи в Европе и сближения России с Великобританией³⁾). Правящие классы Франции прилагали большие усилия для того, чтобы сохранить франко-русский союз и использовать царизм для борьбы против Германии. Французский военный атташе в Петербурге генерал Мулен писал: «Я все больше убеждаюсь, что пройдут по меньшей мере три года, прежде чем Россия снова займет на своих границах в Европе то положение, которое она имела до войны, и хотя оно было и не блестящим, но все же удовлетворительным и достаточным для того, чтобы заставить Германию относиться с уважением к Франции»⁴⁾).

Попытку привлечь Россию на свою сторону Германия сделала еще в период русско-японской войны летом 1905 г., когда Вильгельм II во время встречи с Николаем II в Бьёрке убедил последнего подписать договор о взаимопомощи на случай войны в Европе. Договор должен был вступить в силу после русско-японской войны. Этот договор встретил серьезную оппозицию в русских правительственных кругах, так как его утверждение означало бы разрыв союза с Францией. В таких условиях германская дипломатия в сентябре 1905 г. стала усиленно пропагандировать идею создания союза континентальных государств: Германии, Франции и России в противовес англо-японскому союзу⁵⁾). Вильгельм II беседовал по этому вопросу с Ю. Витте, который посетил Берлин, возвращаясь с Портсмутской мирной конференции⁶⁾). 26 сентября 1905 г. в письме к Николаю II кайзер писал: «Континентальный союз, пользующийся содействием Америки, является единственным средством закрыть путь к тому, чтобы весь мир стал частной собственностью Джона Буля, который его эксплуатирует по своему усмотрению, после того как он при помощи бесконечных интриг и лжи, перессорил между собою все остальные цивилизованные народы»⁷⁾). Слухи о том, что идею континентального союза, направленного против Англии и Японии, якобы поддерживают США, заставили президента Т. Рузвельта выступить с опровержением. Последний в беседе с французским послом в Вашингтоне Жусераном заявил, что он видит в англо-японском союзе «залог мира» на Дальнем Востоке⁸⁾).

Идея континентального союза встретила сильную оппозицию в правительственных кругах царской России, и этот проект был сорван при активной поддержке французской и ан-

3) «D. D. F.», Serie 2, t. VII, p. 544—546. Бомпар Рувье, 9 сентября 1905 г.

4) «D. D. F.», Serie 2, t. VII, p. 567. Письмо Мулена в генеральный штаб Франции от 23 сентября 1905 г.

5) Ibid., p. 590—591.

6) С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 2, М., 1960, стр. 460.

7) «Переписка Вильгельма II с Николаем II». М., 1923, стр. 119.

8) «D. D. F.», Serie 2, t. VII, p. 139. Жусеран Рувье, 1 сентября 1905 г.

тлийской дипломатии. В дальнейшем русско-германские отношения постепенно ухудшались, несмотря на наличие в России сильной прогерманской партии, отражавшей интересы аграриев и связанной с придворными кругами. В немецкой прессе стала усиливаться антирусская и антиславянская пропаганда. В марте 1906 г. «Берлинер тагеблатт» указывала на «ослабление России, лишаящее ее на долгие годы возможности играть роль активного политического фактора в Европе»⁹). Германская дипломатия стремилась, как и накануне русско-японской войны, направить острие внешней политики России на Дальний Восток, что усиливало положение Германии как европейской державы. Однако, как правильно подчеркивал М. Н. Покровский, Портсмутский мирный договор, остановивший продвижение царской России на Дальний Восток, сделал невозможным русско-германский союз¹⁰).

Среди правящих кругов Германии была влиятельная политическая группировка, к которой принадлежал глава военно-морского ведомства адмирал Тирпиц. Эта группировка считала необходимым сближение не только с Россией, но и с Японией¹¹). Однако Тирпиц и его сторонники, выражавшие интересы монополистической буржуазии, встречали острое сопротивление со стороны немецкого юнкерства, добивавшегося захвата новых земель на востоке, прежде всего за счет Российской империи.

Дипломатия Франции и Англии с осени 1905 г. согласованно и целенаправленно работала над тем, чтобы стабилизировать русско-японские отношения и на этой основе вовлечь Россию в активную борьбу против Германии и Австро-Венгрии в Европе и на Ближнем Востоке. Задача англо-русского сближения была довольно трудной. Правящие классы царской России не забыли о той большой помощи, которую оказала Японии Великобритания во время русско-японской войны. В правительственных кругах России были недовольны англо-японским союзным договором 1905 г. Витте прямо заявлял, что этот договор направлен против России¹²).

Английская дипломатия, действуя через Францию и непосредственно в Петербурге, стремилась успокоить царское правительство. Министр иностранных дел Великобритании Ленсдаун говорил послу Франции в Лондоне П. Камбону: «Нам очень желательно, чтобы русское правительство не рассматривало бы новый союз как враждебный акт с нашей стороны». Здесь же Ленсдаун сказал, что союз с Японией «ни

⁹) АВПР. Канцелярия, 1906, д. 26, л. 79. Остен-Сакен Ламздорфу. Берлин, 23/10 марта 1906 г.

¹⁰) М. Н. Покровский. Империалистская война. М., 1934, стр. 400.

¹¹) А. Тирпиц. Воспоминания. М., 1957, стр. 203.

¹²) «В. Д.», в. IV, р. 205. Гардинг Ленсдауну, 4 октября 1905 г.

в коем случае не исключает мысли о дружественном соглашении с Россией»¹³). В данном случае это было действительно так. Более того, английский правительством считало, что наличие англо-японского союза явится гарантией относительно возможных попыток гегемонизма дать реванш Японии и в конечном итоге принудит Россию пойти на соглашение с Великобританией. Именно так расценивал политику Англии германский поверенный в делах в Лондоне Бернсторф. «Английские политики, — писал Бернсторф, — хотят так зажать Россию при помощи англо-японского союза, что она сделается нерешительной и податливой и будет испытывать большое желание положить конец такому угрожающему положению путем широкого соглашения с Англией»¹⁴).

Активную роль в англо-русском и русско-японском сближении сыграла Франция, правительство которой еще в ходе русско-японской войны выдвинуло предложение об англо-русском соглашении¹⁵). После войны Франция подобно Англии начинает оказывать финансовую поддержку Японии для того, чтобы получить возможность влиять на политику последней. Осенью 1905 г. французское правительство дало согласие на участие парижских банков (совместно с лондонскими) в предоставлении займа Японии. Царское правительство, не желая обострять взаимоотношения с Японией, дало указание послу в Париже не чинить препятствий размещению японского займа¹⁶).

Вскоре выяснилось, что японское правительство намерено использовать часть займа на дальнейшее вооружение. В связи с этим Ламздорф в письме на имя председателя Совета министров Витте писал: «Не имея возможности препятствовать данной финансовой операции, мы в то же время не должны скрывать от французского правительства сути дела и учитывать, что подобная операция в будущем может затруднить на парижском рынке осуществление подобной же русской операции»¹⁷). По указанию Витте соответствующее представление было сделано французскому правительству русским послом в Париже Нелидовым.

В ответном письме премьер-министр Франции Рувьё указал, что он уже сообщил японскому посланнику о согласии России и подчеркнул важное значение сделанной Россией «любезности»¹⁸). Таким образом, Рувьё специально подчеркнул тот факт, что французское правительство рассматривает

¹³) «D. D. F.», Serie 2, t. VII, p. 522—533. Письмо П. Камбона от 8 сентября 1905 г.

¹⁴) «G. P.», Bd. 19, t. II, S. 639. Бернсторф Бюлову, 8 сентября 1905 г.

¹⁵) «D. D. F.», Serie 2, t. VII, p. 540.

¹⁶) «D. D. F.», Serie 2, t. VII, p. 178—179. Рувьё поверенному в делах Франции в Петербурге, 13 ноября 1905 г.

¹⁷) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 1, д. 121, лл. 1—2.

¹⁸) Там же, л. 6. Телеграмма Нелидова из Парижа от 19/6 ноября 1905 г.

предоставление Японии займа как меры, которая должна содействовать сближению Японии с Францией и Россией. В то же время Рувье дал заверение, что участие Франции в японском займе будет скрыто от общественности. С этой целью, сообщал Рувье, в соглашении о займе, которое будет подписано в Лондоне, от Франции примет участие только банкирский дом Ротшильдов и публичной продажи облигаций нового японского займа во Франции производиться не будет¹⁹⁾. Подобная секретность объяснялась желанием французского правительства скрыть от русской общественности факт участия Франции в субсидировании недавнего врага России — Японии. Как сообщал Нелидов, японский посланник в Париже настаивал на крайней необходимости для Японии получить деньги по займу в связи с тяжелым финансовым положением страны и желанием японского правительства путем получения займа «оправдаться в том, что с России не было получено контрибуции»²⁰⁾.

Взаимный зондаж о путях развития русско-японских отношений после войны начался в Париже, где в феврале 1906 г. находился вновь назначенный японский посланник в Петербурге Мотоно²¹⁾. В беседе с послом России в Париже Нелидовым Мотоно говорил о желании Японии сблизиться с Россией. Когда Нелидов заметил, что этому может помешать англо-японский союз, то Мотоно заявил, что «правительство Англии проникнуто самыми дружелюбными намерениями к России». В свою очередь Нелидов сказал, что «со стороны России не существует никаких враждебных против Англии замыслов...», а опасение возможности нападения России на Индию — «плод воображения». Мы хотим только оградить в Средней Азии наши владения. «Соглашение на этой почве мне кажется вполне возможным». Содержание беседы свидетельствует о том, что Мотоно был осведомлен о начинавшихся англо-русских переговорах и вопросах, которые намечались к урегулированию в англо-русском соглашении. В частности, Мотоно интересовался русско-английскими отношениями в Иране.

Относительно перспектив русско-японских отношений Мотоно особо подчеркнул стремление Японии к гегемонии в Китае и сказал, что во взаимоотношениях Японии, Англии и России «главным связующим звеном будет служить Китай». «Мы исконные соседи и друзья Китая, и для нас чрезвычай-

¹⁹⁾ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 1, д. 121, л. 6.

²⁰⁾ Там же, л. 8. Копия с секретной телеграммы Нелидова из Парижа от 28/15 ноября 1905 г.

²¹⁾ Мотоно — известный японский дипломат был посланником в России, а с 1908 г. послом (в связи с преобразованием японской миссии в Петербурге в посольство) в течение 10 лет. В сентябре 1916 г. стал министром иностранных дел Японии.

но важно, заявил Нелидов, чтобы на огромной нашей общей границе были спокойствие и безопасность». Отвечая Нелидову, Мотоно сказал: «Наша прямая задача способствовать мирному развитию Китая, где все свободно могли бы заниматься своими делами и где мы имели бы главные выгоды»²²⁾). Таким образом, Мотоно предлагал избрать Китай объектом межимпериалистической сделки.

Царское правительство не могло играть большой роли в мировой политике до подавления революции в России, а для борьбы с революционным движением нужны были крупные средства, которых царизм не имел. Осенью 1905 г. царское правительство находилось на грани финансового банкротства. Ставился вопрос о прекращении размена кредитных билетов на золото²³⁾). Французское правительство спасло царизм от немедленной финансовой катастрофы, дав указание своим банкирам предоставить России аванс в 100 млн. рублей в счет будущего займа²⁴⁾). Полученный аванс и обещание большого займа заставили царское правительство поддерживать Францию и Англию против Германии и Альхесирасской конференции, что продолжало ухудшать русско-германские отношения.

17 апреля 1906 г. в Париже между уполномоченным царского правительства Коковцовым и представителями банков был подписан контракт о предоставлении России 5% займа сроком на 50 лет. Причем французские банкиры обязались разместить 1 200 млн. франков, русские — 500 млн., английские — 330 млн., австро-венгерские — 165 млн. и голландские — 55 млн. франков²⁵⁾). Объясняя причины, обеспечившие царскому правительству заключение крупного международного займа, русский посол в Париже особо отмечал содействие правительства Франции и особенно министра финансов Пуанкаре, а также большую помощь Англии, которая не почиталась с противодействием Германии²⁶⁾).

Условия займа были весьма выгодны для банкиров. При подписке сразу же выплачивалось 5% дохода с суммы приобретенных облигаций. В Париже в несколько дней сумма подписки была перекрыта более чем в 20 раз. Для Франции было выпущено облигаций займа на 1,2 млрд. франков, а за явок при подписке поступило на 25 млрд. франков²⁷⁾).

Мировая реакция материально и морально поддерживала царизм в борьбе против революции. Крупнейший магнат фи-

²²⁾ АВПР. Канцелярия, 1906, д. 107, т. I, лл. 29—33.

²³⁾ Э. Розенталь. Дипломатическая история русско-французского союза в начале XX века. М., 1960, стр. 170—173.

²⁴⁾ Э. Розенталь. Указ. соч., стр. 180.

²⁵⁾ Там же, стр. 214.

²⁶⁾ АВПР. Канцелярия, 1906, д. 107, т. I, лл. 100—101. Нелидов Ламздорфу, Париж, 19/6 апреля 1906 г.

²⁷⁾ Там же, л. 112. Нелидов Ламздорфу. 29/16 апреля 1906 г.

нансового капитала США Пирпонт Морган вскоре после подписания контракта на заем посетил Нелидова в Париже и просил довести до сведения русского правительства, что американские банкиры не смогли принять участия в займе лишь в силу неблагоприятных условий американского денежного рынка²⁸). Американская буржуазная пресса положительно оценивала политику правительства Столыпина, направленную на удушение революции. Так, газета «Нью-Йорк таймс» с похвалой отзывалась о правительственной программе, изложенной Столыпиным в заседании Государственной думы 19/6 марта 1907 г., и отмечала, что Россия «модернизируется и трансформируется»²⁹). Американский автор В. Вильямс пишет, что во время революции 1905 г. в России президент Т. Рузвельт и его советник Адамс «делали все, что могли, чтобы поддержать старый режим», опасаясь, что победа революции «задержит американскую экспансию» в Российской империи³⁰).

Усиление финансовой зависимости России от франко-английского капитала создало условия, облегчавшие сближение Великобритании с Россией. Министр иностранных дел Англии Э. Грей в своих воспоминаниях отмечает, что Великобритания нуждалась в соглашениях с царской Россией для того, чтобы «контролировать русское продвижение» к индийской границе и укрепить союз с Францией. «Россия была союзником Франции, — пишет Э. Грей, — мы не могли преследовать в одно и то же время политику соглашения с Францией и политику контрсоюзов против России»³¹). В сентябре 1905 г. Великобритания обратилась к царскому правительству с предложением о переговорах по спорным вопросам, однако в то время царские дипломаты отвергли это предложение, опасаясь, что сближение с Англией ухудшит русско-германские отношения³²).

Французская дипломатия весьма энергично содействовала сближению России с Англией. В мае 1906 г. министр иностранных дел Франции в беседе с Нелидовым рекомендовал рассмотреть предложения Э. Грея о достройке Багдадской железной дороги, которые, по мнению французского минист-

²⁸) АВПР. Канцелярия, 1906, д. 107, т. I, л. 101. В сентябре 1905 г. во время пребывания Витте в США Морган выразил желание принять участие в русском займе. См. С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 2, М., 1960, стр. 443.

²⁹) «New York Times», March, 1907; АВПР. Канцелярия, 1907, д. 136, л. 74, приложение к донесению русского посла в Вашингтоне.

³⁰) W. Williams. The Frontier Thesis and American Foreign Policy. «The Pacific Historical Review», 1955, Nr. 4, p. 387.

³¹) Grey. Twenty-Five Years 1892—1916, v. I, London, 1925, p. 152—153.

³²) См. А. Ф. Остальцева. К вопросу о влиянии русско-японской войны и революции 1905 г. на перегруппировку европейских империалистических держав. Ученые записки Саратовского университета, т. 55, стр. 246—304.

ра, могли бы явиться исходной точкой «для сближения между Россией и Англией относительно Персии»³³⁾.

В начале мая 1906 г. французский посол в Лондоне П. Камбон, приехавший в Париж, заявил Нелидову, что английское правительство готово сделать России «весьма широкие уступки, лишь бы обеспечить мирное развитие политических дел»³⁴⁾. Вскоре министр иностранных дел Франции довел до сведения представителя Великобритании в Париже о «желании» Извольского достичь соглашения с Англией по политическим вопросам³⁵⁾. После того, как с помощью французских дипломатов была выяснена готовность царского правительства пойти на переговоры с Великобританией, посол последней в Петербурге Никольсон в конце мая 1906 г. сообщил Извольскому о том, что английское правительство желает вступить в переговоры с Россией относительно Тибета и других важных вопросов. Царское правительство пыталось некоторое время лавировать между Англией и Германией, что объяснялось как стремлением добиться наиболее выгодных условий при подписании соглашения с Англией, так и борьбой среди правящих классов России по вопросу о том, с кем сближаться — с Англией или Германией. Перевес получили сторонники англо-французской ориентации, что выяснилось в апреле—мае 1906 г. после подписания контракта о русском займе в Париже и приходом на пост министра иностранных дел России Извольского. Однако потребовалось еще более года, в течение которого шла борьба по условиям англо-русского соглашения и урегулировались русско-японские отношения. Соглашение с Англией, означавшее вступление России в блок Антанты, должно было оказать решающее влияние на развитие русско-японских отношений, так как Япония в то время еще не имела сил и возможностей открыто выступить против Великобритании.

Для развития дальневосточной политики царизма большое значение имели взаимоотношения России с Соединенными Штатами Америки. Царские дипломаты стремились сохранить ставшие традиционными хорошие отношения с США. Несмотря на поддержку Японии Соединенными Штатами в период русско-японской войны, царское правительство надеялось восстановить дружеские русско-американские отношения. Политика царского правительства по отношению к США была изложена в инструкции, составленной 20 мая 1905 г. для вновь назначенного русского посла в Вашингтоне барона Розена. В этом документе отмечалось: «Данные Ва-

³³⁾ АВПР. Канцелярия, 1906, д. 107, т. I, лл. 121—122. Нелидов Ламздорфу. 3 мая/20 апреля 1906 г.

³⁴⁾ Там же, л. 122.

³⁵⁾ «В. Д.», в. III, р. 355—356. Листер Грегу, Париж, 21 мая 1906 г.

шему предшественнику инструкции...³⁶⁾ в общих чертах могут служить руководством [для] предстоящей Вам деятельности, которая должна быть направлена прежде всего к поддержанию возможно доверчивых отношений между Россией и Соединенными Штатами, связанными преданиями более чем столетней, ничем, до последнего времени, не омрачавшейся дружбы, и в действительности не разделяемыми соперничеством на почве торговых и политических интересов».

Затем в инструкции Розену указывалось на ухудшение русско-американских отношений (после испано-американской войны), вызванное политикой Англии, пропаганда которой доказывала «общность интересов англо-саксонской расы» и на угрозу создания американо-англо-японского союза, который, по мнению составителей инструкции, «сосредоточил бы в своих руках морское могущество, обеспечивающее ему преобладание над всеми морями на земном шаре, которое могло бы стать весьма грозной опасностью для всех континентальных держав и в особенности имеющих внеевропейские интересы и владения»³⁷⁾. Затем делался вывод о неизбежности обострения японо-американских отношений на почве торгового и военно-морского соперничества на Тихом океане.

Царские дипломаты и русская пресса после русско-японской войны неоднократно выражали пожелание опереться на США для того, чтобы противостоять продолжавшемуся нажиму Японии. В конце 1905 и в 1906 гг. в некоторых русских газетах появились статьи, авторы которых выступали за союз с Соединенными Штатами Америки. Американский посол в Петербурге информировал об этом государственный департамент и даже переслал перевод статьи «Необходимость русско-американского сближения» из газеты «Биржевые ведомости» от 12 декабря 1905 г.³⁸⁾. Отмечая попытки царского правительства улучшить взаимоотношения с США, В. Вильямс пишет, что со времени русско-японской войны и до 1912 г. «Россия стремилась к экономическому и политическому взаимопониманию с Соединенными Штатами для того, чтобы объединенно противостоять постоянному давлению Токио на Азиатский материк»³⁹⁾. Однако президент Т. Рузвельт все еще надеялся достичь соглашения с Японией и заигрывал с японскими милитаристами. В феврале 1906 г. президент обратился с письмом к военному и морскому министрам, которое было опубликовано в виде приказа по армии

³⁶⁾ В инструкции, составленной в 1898 г., перед русским послом в Вашингтоне ставилась задача: «Поддерживать и укреплять дружеские узы (двух стран — С. Г.), сложившиеся историческим путем». См. АВПР. Тихоокеанский стол, д. 1477, л. 7. Проект инструкции графу Кассини, 23 февраля 1898 г.

³⁷⁾ См. АВПР. Тихоокеанский стол, д. 1477, л. 12—13.

³⁸⁾ E. Zabriskie. Op. cit., p. 133.

³⁹⁾ W. Williams. American — Russian Relations, p. 52.

и флоту. В приказе почти полностью приводилось послание адмирала Того к японскому флоту по случаю окончания войны и победы над Россией. Рузвельт рекомендовал армии и флоту США брать пример с «японского мужества», проявленного в войне с Россией. Даже в американской печати поступок Т. Рузвельта был назван «бестактным по отношению к русским»⁴⁰).

В апреле 1906 г. Бахметьев, назначенный посланником России в Японии, по пути в Токио проездом посетил Вашингтон. Ознакомившись с обстановкой в США и Японии и убедившись в ухудшении японо-американских отношений, Бахметьев высказал мысль о возможности сближения России и Соединенных Штатов против Японии. «По моему мнению, ... самым главным и, может быть, единственным... нашим полезным негласным союзником могло бы быть правительство Соединенных Штатов»⁴¹). Отвечая на высказывание Бахметьева о том, что «в настоящее время единственно американцы могли бы оказать на Японию некоторое давление с целью удержать ее от новых (агрессивных) замыслов», царский посол в Вашингтоне Розен пришел к выводу, что на это трудно рассчитывать. Розен сообщал Извольскому, что США не будут выступать против захвата Кореи Японией, а что касается политики Японии в Южной Маньчжурии, то, по мнению Розена, отношение к этому вопросу американского правительства должно зависеть от того, пострадают ли там американские интересы. Однако «посягательства на наши тихоокеанские владения, — писал Розен, — если бы таковые действительно замышлялись японцами, не встретили бы здесь ни потворства, ни сочувствия»⁴²). В декабре 1906 г. Розен высказал свои опасения Извольскому по поводу того, что США «по любому вопросу избегают конфликта с Японией»⁴³).

Американское правительство, выражавшее интересы магнатов финансового капитала, могло поддерживать царское правительство в борьбе против японского империализма лишь при условии получения соответствующих компенсаций для американского капитала в Маньчжурии или России. Определенный отпечаток на развитие русско-американских отношений в это время накладывали неудачные попытки представителей американского капитала получить крупные железнодорожные концессии в азиатской части Российской империи.

Правящие круги империалистических государств опасались, что дальнейший рост революционного движения в Рос-

⁴⁰) «The Army and Navy Register», March 3, 1906; АВПР. Канцелярия, 1906, д. 143, л. 26. Приложение к донесению русского посла в Вашингтоне.

⁴¹) АВПР. Японский стол, д. 171, л. 191. Секретная депеша Бахметьева. Токио 31/18 мая 1906 г.

⁴²) АВПР. Канцелярия, 1906, д. 143, т. I, лл. 82—83. Розен Извольскому. 4 сентября/22 августа 1906 г.

⁴³) Там же, л. 190. Розен Извольскому. 26/13 декабря 1906 г.

сии может подорвать их господство как в колониях, так и в собственных странах. Это явилось основной причиной, в силу которой финансовый капитал Франции, Англии и других государств оказал помощь царизму путем предоставления большого займа для подавления революции. Усиление финансовой зависимости царской России от франко-английского капитала, а также обострение русско-германских и русско-австрийских отношений явилось важным фактом, предопределившим вступление России в лагерь Антанты, где ведущая роль принадлежала Великобритании. Последнее обстоятельство оказало решающее влияние на развитие русско-японских отношений в 1906—1917 гг. Англия, стремившаяся иметь Россию и Японию в качестве союзников для борьбы против Германии, приложила серьезные усилия для урегулирования русско-японских отношений.

2. Политика царского правительства на Дальнем Востоке

Потерпев поражение в войне с Японией, царизм вынужден был временно отказаться от расширения сферы своего влияния на Дальнем Востоке, а царская дипломатия перешла здесь от наступательной к оборонительной политике. После Портсмутского мира перед правящими классами России встала задача выработать дальнейшее направление дальневосточной политики. Это была сложная проблема, задевавшая взаимоотношения царской России со всеми великими державами и, в первую очередь, с Японией и Китаем. Необходимо было также наметить мероприятия, которые следовало осуществить на русском Дальнем Востоке в связи с изменившейся обстановкой.

При рассмотрении вопросов внешней политики России следует учитывать специфику российского империализма. Преобладающие экономические интересы российского капитала лежали на Ближнем Востоке. В Китае имелись значительные государственные вложения (КВЖД и принадлежавшие ей предприятия), кроме того, русская буржуазия упорно боролась за укрепление на рынках Северной Маньчжурии и Монголии и за вытеснение иностранного капитала с русского Дальнего Востока. Интересы помещиков и экспортеров сельскохозяйственной продукции были сосредоточены в Европе (преимущественно в Германии и Англии). Противоречивые интересы господствующих классов заставляли царское правительство лавировать и в соответствии с обстоятельствами отдавать предпочтение то требованиям помещиков, то требованиям капиталистов.

Решающее влияние на внешнюю политику царского правительства после русско-японской войны стали оказывать интересы финансового и монополизированного торгового

промышленного капитала. Это можно проследить на примерах политики царской России на Дальнем Востоке. Определение курса дальневосточной политики после русско-японской войны оказалось для царизма нелегким делом. В этом отношении нельзя согласиться с утверждением Витте, который считает, что если бы послушали его советов во время портсмутских переговоров и дополнили бы мирный договор с Японией обязательствами по взаимной защите прав двух государств, то сразу же между Россией и Японией установились бы добрососедские отношения. Витте пишет: «Заклучив мирный договор с Японией, мы разехались не как друзья, которые бы обязались поддерживать то, что каждой стороне доставалось, а как лица, договорившиеся, чтобы прекратить войну, но будет ли это прекращение на долгое время или это является более или менее продолжительным антрактом военных действий — вопрос этот остался на весу»⁴⁴).

Установление союзнических отношений с Японией, с которой только что окончилась война, было бы трудно оправдать перед лицом общественного мнения в России, особенно в связи с революцией. Кроме того, подписание подобного соглашения немедленно ухудшило бы взаимоотношения России с Германией, Соединенными Штатами Америки и Китаем, ограничило бы возможности царской дипломатии для лавирования и еще больше ослабило позиции царской России на мировой арене.

Витте также преувеличивает значение деятельности рваншистов в России, поднимавших шумиху о новой войне с Японией. Правда, сам Витте бросил фразу о том, что «шумиха эта многими принималась совершенно всерьез»⁴⁵), и тем самым как бы подчеркнул бесперспективность подобной пропаганды в то время. В данном случае, как и во многих других, Витте стремился опорочить политику своих политических противников, которые в свое время не послушали его советов. Не лишен интереса тот факт, что сам Витте, будучи председателем Совета министров, поддерживал и осуществлял мероприятия, направленные на укрепление обороноспособности русских дальневосточных владений. Характерно, что в Совете Государственной обороны, который возглавлял политический противник Витте великий князь Николай Николаевич, считали, что в случае новой войны с Японией она развернется в основном на территории Южно-Уссурийского края, а русская армия сможет вести лишь оборонительные бои. В этом отношении в то время не было особых разногласий среди правящих классов России. Не следует забывать, что борющиеся за влияние буржуазные партии и монархи-

⁴⁴) С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 3, М., 1960, стр. 521.

⁴⁵) С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 3, М., 1960, стр. 522.

сты часто использовали внешнеполитические вопросы для критики политических противников и вербовки сторонников.

Вопросы дальневосточной политики несколько раз обсуждались в Совете Государственной обороны, Совете министров, особых совещаниях и министерстве иностранных дел. В феврале 1906 г., в связи с сообщением военного министерства об увеличении японских вооруженных сил в Маньчжурии, этот вопрос был поставлен на рассмотрение в Совете Государственной обороны. Присутствовавший на заседании министр иностранных дел Ламздорф, располагавший донесениями русских представителей из Токио и Пекина, которые отрицали возможность военного выступления Японии в ближайшее время, тем не менее считал необходимым принять меры к укреплению военного положения России на Дальнем Востоке. «Я нашел нужным решительно высказаться в пользу упрочения нашего положения на Дальнем Востоке, — писал Ламздорф Витте, — никоим образом не допуская несоответственного ослабления русских военных сил в этой части Азии, хотя бы по соображениям простой осторожности, не говоря о тех крайне неблагоприятных политических последствиях, которые повлекла бы за собою недостаточность нашей подготовки»⁴⁶). Ламздорф высказывал опасение, что новое поражение в случае войны с Японией может повести к крушению монархии в России.

Авантюристическая политика царизма привела к тому, что русские земли на Дальнем Востоке оказались почти полностью незащищенными, и в 1906 г. в печати и правительственных кругах России высказывалось мнение, что России придется уйти с берегов Тихого океана⁴⁷).

Подобная точка зрения не имела широкого распространения среди представителей царского правительства, однако сам факт ее появления говорит о той неуверенности и опасениях, которые имелись в среде господствующих классов России.

11 марта 1906 г. Совет Государственной обороны по указанию царя рассматривал вопрос о военном положении на Дальнем Востоке⁴⁸). После потери Порт-Артура и Дальнего царское правительство стало уделять больше внимания Приамурью и Южно-Уссурийскому краю, на территории которых создавались военно-оборонительные сооружения. Совет Государственной обороны постановил оборудовать базы в Забайкалье, Уссурийском крае и Сибири «для войск, подлежащих в военное время сосредоточению на этих театрах военных

⁴⁶) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 2, д. 471, лл. 10—11. Ламздорф Витте, 4 марта/19 февраля 1906 г.

⁴⁷) См. «Новое время», 24 апреля/7 мая 1906 г.

⁴⁸) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 2, д. 425, л. 5. Великий князь Николай Николаевич С. Ю. Витте. 29/16 марта 1906 г.

действий»⁴⁹). Кроме того, признавалось необходимым «широкое развитие переселенческого движения для заселения районов, важных в военном отношении; развитие в них земледелия, коневодства и скотоводства; образование продовольственных и иных запасов; создание частной промышленности для удовлетворения войсковых потребностей и развития местных путей сообщения». Решением Совета Государственной обороны начальнику генерального штаба было предложено представить свои соображения о развитии железнодорожных и водных путей сообщения, связывавших Забайкалье с Европейской Россией и Уссурийский край с Забайкальем. С этого времени стал конкретно решаться вопрос о создании Амурской речной флотилии и строительстве Амурской железной дороги.

Осенью 1906 г. в связи с усилившейся напряженностью во взаимоотношениях с Японией, вызванной японским нажимом в ходе русско-японских переговоров (причем, дипломатический нажим был подкреплен демонстративными мероприятиями военного характера в Корее и Маньчжурии), вновь остро стал вопрос об оборонительных мероприятиях на Дальнем Востоке⁵⁰). 24 декабря 1906 г. Николай II утвердил постановление Совета Государственной обороны «О приведении Приамурского военного округа в полную боевую готовность». Этот документ, получивший столь громкое название, ярко демонстрирует крайнюю слабость военных позиций царизма на Дальнем Востоке. Русский флот был уничтожен во время русско-японской войны, создать новый в короткий срок было невозможно, поэтому предусматривались лишь меры по укреплению сухопутной обороны и то весьма ограниченные. Их сущность вполне характеризует следующая выдержка из постановления Совета Государственной обороны:

«В виду того, что в случае войны на Дальнем Востоке, войска Приамурского военного округа будут предоставлены на продолжительное время своим собственным силам, без возможности получить какое-либо укомплектование и поддержку, вследствие чего эти войска обречены на тяжелую, до потери последнего человека борьбу, борьбу с превосходным противником, — привести ныне же в полный военный состав все полевые и крепостные войска и их управление, учреждения и заведения, имея артиллерию в полной запряжке, и снабдив их для возможности продолжительной и самостоятельной борьбы всеми необходимыми запасами в надлежащем количестве и подготовив для них театр действий в инженерном и дорожном отношениях; вместе с тем предоставить войскам округа в мирное время вполне хорошие

⁴⁹) Там же.

⁵⁰) См. И. В. Бестужев. Указ. соч., стр. 164.

удобства расквартирования и обставить условия их внутреннего быта по возможности наилучшим образом»⁵¹).

Военное министерство для выполнения этого плана предполагало довести численность войск Приамурского военного округа до 51—56 тысяч солдат и офицеров «с соответствующим обеспечением и вооружением», для чего, по составленным расчетам, надо было одновременно затратить 75—84 млн. рублей, а затем ежегодно расходовать 11—16 млн. рублей⁵²). Ярким сторонником увеличения вооруженных сил России на русской дальневосточной окраине был командующий войсками Приамурского военного округа и приамурский генерал-губернатор Унтербергер. Он считал, что намеченных мероприятий по обороне русского Дальнего Востока недостаточно.

23 декабря 1906 г. Унтербергер представил в Совет министров записку «Наше положение на Дальнем Востоке в данное время», в которой утверждал, что положение там все более и более обостряется. «Лихорадочная поспешность, с которой Япония готовится к войне, — писал Унтербергер, — подтверждает это... Во всяком случае нам предстоит новая война с Японией, и у нас нет никаких гарантий, что разрыв не совершится в ближайшем будущем»⁵³).

Унтербергер доказывал неподготовленность царской России к защите русских дальневосточных владений, которые Япония, по его мнению, могла захватить в случае новой войны с Россией. Он, как и многие другие монархисты, боялся, что «новая неудачная война вызовет взрыв народного негодования, которым воспользуются революционные элементы». Унтербергер предлагал осуществить ряд мер военно-стратегического характера и быстрее заселение Амурской и Приморской области русскими переселенцами. «Одни войска и пушки, — писал он, — не в сила окончательно закрепить за нами край».

Записка Унтербергера вызвала новое обсуждение вопросов военного положения на Дальнем Востоке в Совете Государственной обороны. Вероятно, известное влияние на столь острую постановку дальневосточных проблем оказывали интриги германской агентуры и деятельность пронемецкой партии, укрепившейся при дворе Николая Второго. Однако преувеличивать этот фактор не следует, так как председатель Совета Государственной обороны великий князь Николай Николаевич был известен как противник прогерманской пар-

⁵¹) АВПР. Тихоокеанский стол, л. 754, л. 13.

⁵²) Там же, лл. 23—24.

⁵³) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 2, д. 425, лл. 40—45. См. также И. В. Бестужев. Указ. соч., стр. 164.

тии, что явилось одной из причин его смещения с поста главнокомандующего в 1915 г.⁵⁴).

Мероприятия по обороне Приамурского края обсуждались на четырех заседаниях Совета Государственной обороны в феврале 1907 г. На заседании Совета 5-го марта были подведены итоги. Начальник генерального штаба Палицин считал, что все полевые войска Приамурского военного округа следует «сосредоточить в Южно-Уссурийском крае и поставить им задачу: воспрепятствовать противнику утвердиться в этом крае и не допустить или замедлить действия противника с суши против крепости Владивостока». Для обороны низовьев Амура и его течения Палицин предлагал полевых войск не назначать⁵⁵). Рассматривался также вопрос об укреплении Николаевска-на-Амуре и создании Амурской речной флотилии. Причем и на этот раз генеральный штаб считал, что русские войска на Дальнем Востоке могут держиваться лишь оборонительной тактикой⁵⁶). Несмотря на это, намеченные мероприятия по укреплению военных сил России на Дальнем Востоке требовали громадных затрат в несколько сот миллионов рублей.

Кроме укрепления вооруженных сил, начальник генерального штаба царской армии на заседании Совета Государственной обороны 5 марта 1907 г. предложил ряд других мер, которые, с точки зрения генерального штаба, должны были укрепить положение России на Дальнем Востоке. В том числе предлагалась: 1. «Выяснить наши отношения к Китаю и стремиться к установлению их на твердых и доброжелательных началах». 2. «Всеми средствами стремиться к развитию наших торговых отношений и связей с Монголией и к упрочению этим путем нашего влияния в этой стране, важное значение которой вытекает из ее флангового положения относительно Иркутского округа и Маньчжурии и из богатства ее скотом». Кроме того, генеральный штаб рекомендовал энергичнее осуществлять переселение на Дальний Восток, ускорить проложение второй колеи транссибирской железной дороги и содействовать быстрейшему экономическому развитию областей Сибири, расположенных вдоль железнодорожных линий⁵⁷).

Были приняты меры по быстрейшему переселению на

⁵⁴) В. Семенников. Романовы и германские влияния во время мировой войны. Л., 1929, стр. 33—43.

⁵⁵) АВПР. Тихоокеанский стол, д. 754, л. 27.

⁵⁶) 8 марта/23 февраля 1907 г. Унтербергер в телеграмме на имя царя писал, что он может противопоставить двумстам японским батальонам лишь 20. «Ходатайство мое об увеличении войск не уважено». См. ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, д. 889, л. 4.

⁵⁷) АВПР. Тихоокеанский стол, д. 754, л. 28.

Дальний Восток переселенцев из европейской России⁵⁸). С этой целью переселение в Приамурский край разрешалось без предварительной посылки ходоков. В марте 1906 года было принято постановление, по которому «в особо уважительных случаях» перевоз переселенцев на Дальний Восток мог осуществляться за счет казны, а ссуда «на домообзаводство» повышалась со 165 рублей до 200 рублей на семейство⁵⁹). Однако суммы, отпускавшиеся на переселение, были недостаточными и не приносили должного эффекта. В это же время началось создание Амурской речной флотилии и строительство Амурской железной дороги, но большая часть намечавшихся военно-оборонительных мероприятий осталась на бумаге, а осуществление других затянулось на много лет.

В 1906 г. при Совете Государственной обороны было создано Особое совещание по вопросу о создании Амурской речной флотилии и организации обороны низовьев Амура под председательством генерал-адъютанта Дикова. Считалось, что оборона бассейна Амура сухопутными войсками потребует больших средств, кроме того, сосредоточение значительных сил русской армии на левобережье Амура могло вызвать осложнения во взаимоотношениях с Китаем и Японией. Поэтому Совет Государственной обороны принял решение к навигации 1907 г. создать на Амуре речную военную флотилию из 10 канонерских лодок, а к навигации 1909 г. закончить создание всей флотилии верхнего и среднего Амура⁶⁰). Для этой цели отпускалось 18 млн. рублей.

Вопрос о формировании Амурской военной флотилии был поставлен еще в 1902 г. приамурским генерал-губернатором Гродековым⁶¹). Особая комиссия при генеральном штабе к концу 1903 г. утвердила типы военных речных судов для Амура, заказ на сооружение которых был передан Сормовскому заводу. Летом 1906 г. на Волге состоялось испытание предназначенных для Амура канонерских лодок⁶²). Кроме того, бронированные канонерские лодки для Амура были построены на Балтийском военном заводе, а посыльные катера — на Путиловском. К концу 1910 г. было истрачено 16,7 млн. рублей. Однако обычная междуведомственная неразбериха,

⁵⁸) В докладе, составленном в министерстве земледелия и землеустройства в 1906 г., отмечалось: «При той лихорадочной деятельности, которую в настоящее время проявляют на берегах Тихого океана другие государства, пренебрегать использованием колоссальных природных богатств Приморской области значит предрешить вопрос об утрате для России названного района в недалеком будущем». См. ЦГАДВ, ф. 702, оп. 5, д. 658, л. 2.

⁵⁹) Там же, л. 3.

⁶⁰) АВПр. Тихоокеанский стол, д. 754, л. 3. Диков Извольскому. 25/12 ноября 1906 г.

⁶¹) ЦГАДВ, ф. 702, оп. I, д. 429, лл. 1—2.

⁶²) Там же, л. 10.

плохая организация постройки судов на заводах привели к тому, что и в 1910 г. формирование флотилии не было завершено.

В июле 1910 г. Совет министров обсуждал вопрос о выделении дополнительных средств для Амурской флотилии. На заседании выяснилось, что как военный, так и морской министры отказываются принять в свое ведение флотилию после завершения ее формирования. В связи с этим государственный контролер Харитонов поставил вопрос о «целесообразности дальнейших значительных затрат» на ее организацию⁶³).

На соответствующий запрос председателя Совета министров Столыпина морской министр Воеводский ответил, что флотилия может быть полезна для обороны летом, а зимой она окажется в очень опасном положении, так как ее базы у Хабаровска и Благовещенска были «лишены каких-либо укрытий»⁶⁴). Военный министр Сухомлинов высказался за сохранение флотилии. Но и на этот раз ни один из министров не соглашался принять Амурскую военную флотилию в свое ведение. В конечном итоге она была подчинена командующему войсками Приамурского военного округа.

При строительстве Сибирской железной дороги первоначально планировали провести ее восточную часть от Забайкалья до Хабаровска по левому берегу Амура. Но в 1896 г. в связи со строительством КВЖД от этого варианта отказались. Китайско-Восточная железная дорога, проведенная по территории Китая, соединила кратчайшим путем Забайкалье с Владивостоком. В конце девяностых годов была завершена постройка Уссурийской ж. д. от Владивостока до Хабаровска. После русско-японской войны Япония, укрепившаяся в Южной Маньчжурии и Северной Корее, сравнительно легко могла занять участок КВЖД и перерезать сухопутную связь Владивостока и Хабаровска с Россией, так как речной путь от Сретенска (где оканчивалась Забайкальская железная дорога) до Хабаровска, который шел по Шилке и Амуру, действовал только в период навигации. Совет Государственной обороны и военное министерство настаивали на быстрейшем сооружении железной дороги от Сретенска до Хабаровска по левобережью Амура, доказывая, что без этого невозможна оборона русских дальневосточных владений в случае военного выступления Японии.

Идею постройки Амурской ж. д. активно поддерживала сибирская и дальневосточная буржуазия, надеявшаяся нажатиться на поставках и подрядах и расширении торговых операций. Представители торгово-промышленных кругов русско-

⁶³) АВПр. Тихоокеанский стол, д. 754, л. 69. Харитонов Столыпину. 11 ноября/30 октября 1910 г.

⁶⁴) АВПр. Тихоокеанский стол, д. 754, лл. 70—71.

то Дальнего Востока доказывали, что сооружение Амурской железной дороги даст возможность оживить Приамурский край, который «захирел» после постройки КВЖД, так как «все то немногое, чем он располагал в смысле капитала, предприимчивости и даже рабочих рук покинуло его и перекочевало к югу...»⁶⁵). Здесь же указывалось, что постройка железной дороги даст возможность остановить японскую экспансию на русском побережье Тихого океана⁶⁶). Вопрос о постройке Амурской ж. д. много раз обсуждался в правительственных учреждениях⁶⁷), прессе, на различных собраниях и совещаниях. Были предложены различные варианты направления дороги, выявилось несколько подрядчиков, готовых взять на себя подряд на строительство в случае, если дело окажется выгодным и доходным⁶⁸).

13-го июня 1906 г. состоялось решение Совета министров, по которому было отпущено 700 тыс. руб. для «производства изысканий» на трассе будущей ж. д. между Сретенском и Хабаровском. В журнале заседания Совета министров Николай II написал: «Настоятельно необходимо скорее приступить к сооружению Амурской ж. д.»⁶⁹). Межведомственная комиссия, рассматривавшая вопросы, связанные со строительством дороги, рекомендовала с целью сокращения расходов строить ее «по кратчайшему» расстоянию между Сретенском и Хабаровском и одновременно с основной магистралью построить ветку к Благовещенску. Из стратегических соображений рекомендовалось проложить линию железнодорожной магистрали так, чтобы она проходила не ближе 15 верст от берега Амура, но и не далее 150 верст от него.

Межведомственная комиссия также решила построить в первую очередь участок ж. д. в 360 верст от Сретенска, расположенного на Шилке, до станции Покровской на Амуре для того, чтобы получить железнодорожную связь с Амурским водным путем. Что касается второго участка в 1300 верст от Покровской до Хабаровска, то комиссия считала не-

⁶⁵) «О необходимости сооружения железной дороги в Приамурском крае». Записка составлена: П. В. Мординым, военным инженером А. Д. Донченко, генерал-лейтенантом в отставке А. А. Березовским, коммерции советником Н. М. Молчановым, кандидатом прав владивостокским купцом Меркуловым. СПб, 1906, стр. 12.

⁶⁶) Там же, стр. 16.

⁶⁷) См. «Предварительный проект Амурской ж. д. барона фон Розенберга. СПб, 1905. И. Д. Субботич. Амурская железная дорога и наша политика на Дальнем Востоке, СПб, 1908.

⁶⁸) См. Б. С. Жигалов. Вопрос о строительстве Амурской железной дороги в дальневосточной политике царизма. «Сборник научных работ кафедр всеобщей истории и истории СССР». Труды ТГУ, т. 150, Томск, 1961, стр. 31—32.

⁶⁹) АВПР. Тихоокеанский стол, д. 470, л. 98. Столыпин Коковцову. 29/16 июля 1906 г.

возможным построить его за государственный счет, так как требовались большие затраты (около 130 млн. рублей), что «было бы в настоящее время, — писал министр финансов Коковцов, — совершенно непосильно для Государственного казначейства»⁷⁰).

Решение междудомственной комиссии не удовлетворило генералов, добивавшихся быстрее решения вопроса о строительстве всей Амурской магистрали. Командующий войсками Приамурского военного округа Унтербергер подал в высшие правительственные инстанции доклад «О необходимости безотлагательной постройки Амурской железной дороги». В докладе он в мрачных тонах рисовал военное положение России на Дальнем Востоке, указывал на рост вооруженных сил Японии и ее агрессивные замыслы. «Цель Японии в предстоящую войну, — писал Унтербергер, — отбросить Россию от берегов Тихого океана и, став прочной ногой во Владивостоке и Николаевске, овладеть обширной береговой полосой от северной границы Кореи до берегов Ледовитого океана»⁷¹). Унтербергер требовал немедленно приступить к строительству железной дороги. «Всякое промедление с нашей стороны..., — писал он, — равносильно сознательному отказу от наших обширных владений на берегах Тихого океана»⁷²).

Военный министр Редигер поддержал Унтербергера. В письме Столыпину Редигер писал, что «потребность в названной ж. д. линии настолько настоятельна, что потеря для ее сооружения и одного года» весьма опасна «и за естественное стремление сберечь при сооружении линии миллионы — можно будет поплатиться потерей миллиардов и даже всего Приморского края»⁷³). Начальник генерального штаба Палицин в письме Извольскому также указывал, что обстановка на Дальнем Востоке является «слишком грозной»⁷⁴).

Столь решительный нажим военных, боявшихся нового поражения в случае войны с Японией, ускорил решение вопроса о строительстве Амурской ж. д. 8 ноября 1906 г. Совет министров постановил привлечь к строительству Амурской ж. д. частных предпринимателей как русских, так и иностранных, однако с такой оговоркой, что если к апрелю 1907 г. выяснится невозможность постройки участка дороги от Сретенска до Покровской путем передачи строительства част-

⁷⁰) Там же, лл. 106—107. Коковцов Столыпину 9 августа/27 июля 1906 г.

⁷¹) Там же, лл. 76—78. Копия докладной записки Унтербергера, июль 1906 г.

⁷²) Там же, л. 83.

⁷³) АВПР. Тихоокеанский стол, д. 470, л. 109. Редигер Столыпину. 9 августа/27 июля 1906 г.

⁷⁴) Там же, л. 75. Начальник генерального штаба Извольскому. 22/9 августа 1906 г.

ным предпринимателям, то приступить к строительству «средствами и распоряжением казны»⁷⁵⁾.

Попытка привлечь частный капитал для строительства Амурской дороги окончилась безрезультатно, так как дорога, строящаяся из военно-политических соображений, не сулила значительных прибылей. Поэтому довольно многочисленные соискатели концессии, в том числе и иностранные, требовали высоких правительственных гарантий и добивались обширных льгот. В мае 1907 г. Совет министров принял решение строить Амурскую ж. д. «в порядке казенного железнодорожного строительства». Всего надо было построить 2150 верст железнодорожного пути. Проектная стоимость дороги вместе с подвижным составом была определена в 350,5 млн. рублей⁷⁶⁾.

С весны 1907 года было приступлено к строительным работам на первом участке дороги⁷⁷⁾. В апреле 1908 г. законопроект о сооружении Амурской ж. д. был утвержден Думой большинством голосов правых и октябристов. Против голосовали кадеты, трудовики и социал-демократы⁷⁸⁾. Довольно острое обсуждение вопросов, связанных со строительством Амурской ж. д., было не случайным. Лидеры кадетов опасались, что строительство дороги может вызвать осложнения с Японией и сковать силы царской России на Дальнем Востоке. А. Бранчанинов в статье «К вопросу о третьем томе Маньчжуриады», опубликованной в газете «Слово», писал, что Амурская ж. д. будет убыточной в финансовом отношении и опасной в стратегическом⁷⁹⁾.

Следует отметить, что правящие круги Великобритании прилагали усилия для того, чтобы строительство Амурской ж. д. не привело к значительному ухудшению русско-японских отношений. В Лондонской газете «Таймс» была опубликована специальная статья по этому вопросу, в которой утверждалось, что строительство дороги не нарушит интересов Японии и будет содействовать развитию экономики русского Дальнего Востока⁸⁰⁾.

Разногласия среди буржуазно-помещичьих партий царской России по вопросу о строительстве Амурской ж. д. были вызваны различием взглядов на задачи и методы осуществления внешней политики царизма. Кадеты считали, что на Дальний Восток не следует отвлекать значительные силы и средства, а надо положиться там на заключенные к этому

⁷⁵⁾ АВПР. Тихоокеанский стол, д. 470, л. 202.

⁷⁶⁾ Б. С. Жигалов. Указ. соч., стр. 33.

⁷⁷⁾ Строительство Амурской железной дороги было завершено в годы первой мировой войны.

⁷⁸⁾ И. В. Бестужев. Указ. соч., стр. 174.

⁷⁹⁾ «Слово». 28 мая 1908 г.

⁸⁰⁾ См. «Петербургская газета». 6 апреля 1908 г.

времени соглашения с Японией и Англией, и сосредоточить усилия для укрепления позиций России в Европе и на Ближнем Востоке. Лидеры октябристов и верхушка правящей бюрократии придерживались той точки зрения, что Россия не сможет играть роль великой державы в Европе, не восстановив, хотя бы частично, своих позиций на Дальнем Востоке.

Одним из важных вопросов дальневосточной политики России был вопрос о политике царизма в Северной Маньчжурии, что в первую очередь было связано с деятельностью Китайско-Восточной ж. д. То или иное решение этой проблемы в значительной степени определяло отношения России с Китаем и влияло на взаимоотношения царского правительства с Японией, Соединенными Штатами Америки и другими великими державами. После русско-японской войны царская Россия сохранила за собой основную магистраль КВЖД от Забайкалья до Владивостока протяжением в 1389 верст и ее южный участок от Харбина до Куаньченцзы длиной в 222 версты.

Китайско-Восточная ж. д. до ввода в эксплуатацию Амурской ж. д. рассматривалась прежде всего как наиболее удобный путь, связывающий Восточную Сибирь с Южно-Уссурийским краем⁸¹⁾. Кроме того, КВЖД была важным средством продвижения русских промышленных товаров на рынки Северо-Восточного Китая. Правовое положение и условия эксплуатации Китайско-Восточной ж. д. определялись контрактом, подписанным 28 августа 1896 г. между Русско-Китайским банком и китайским правительством. По условиям контракта для постройки и эксплуатации дороги банк учреждал «Общество Китайско-Восточной ж. д.»⁸²⁾. Общество КВЖД не было частным акционерным предприятием, так как дорога была построена на государственные средства. Правление КВЖД подчинилось непосредственно Министерству финансов.

В министерстве иностранных дел России придерживались того мнения, что соглашения между правительством Китая и Обществом КВЖД являются частными по своему характеру и поэтому «было бы неосторожно опираться на эти соглашения для поддержания или распространения нашего влияния в Маньчжурии; следует, напротив, признать, что они мало гарантируют нам существующее положение, в особенности

⁸¹⁾ Следует отметить, что в торгово-промышленных кругах русского Дальнего Востока деятельность КВЖД подвергалась серьезной критике. Указывалось, что дорога ежегодно приносит убыток в 30 млн. рублей и наносит вред Приамурью, отвлекая от него грузы и задерживая развитие торговли и промышленности. Газета «Двадцатый век» писала, что «КВЖД паразит, живущий за счет родного края». См. «Двадцатый век», 8/21 мая 1906 г.

⁸²⁾ «Русско-китайские отношения 1689—1916». Официальные документы, М., 1958, стр. 74.

приняв во внимание пробудившееся самосознание китайцев и их стремление освободиться от иностранной опеки»⁸³). В этом же документе приводились факты успешного и усиленного проникновения Японии в Северо-Восточный Китай и делался вывод о том, что России, «как слабойшей стране, придется уступить даже в Северной Маньчжурии».

Царское правительство прилагало все усилия к тому, чтобы сохранить свое влияние в Северной Маньчжурии. Однако царизм вынужден был отказаться здесь от наступательной политики и действовать весьма осторожно. В 1906 г. царское правительство объявило о своем намерении по отношению к Китаю «вернуться к мирным принципам 1896 г.»⁸⁴). В августе 1906 г. Совет министров специальным постановлением, утвержденным Николаем II, потребовал от местных властей «принять все меры к предотвращению каких-либо столкновений с японцами в полосе отчуждения КВЖД, которые могли бы повести к международным осложнениям»⁸⁵).

Для того, чтобы продемонстрировать отсутствие агрессивных замыслов против Китая и Японии, царское правительство 4 декабря 1906 г. пришло к решению досрочно, не дожидаясь предельного срока эвакуации 2 апреля 1907 г., вывести русские войска из Маньчжурии. В декабре 1906 г. министр иностранных дел Извольский писал Столыпину «о необходимости использовать скорейшую полную эвакуацию Маньчжурии, как шаг с нашей стороны к укреплению дружеских и нормальных отношений с Китаем»⁸⁶). Русский посланник в Пекине Покотиллов сообщал, что его переговоры с китайским правительством относительно урегулирования маньчжурских вопросов развиваются успешно и мирно⁸⁷). В марте 1907 г. был завершен вывод русских войск из Северной Маньчжурии. Правда, в полосе отчуждения КВЖД остались части корпуса Заамурской пограничной стражи из расчета 15 человек на 1 км железнодорожного пути, как это было предусмотрено Портсмутским мирным договором.

23 мая 1907 г. было подписано русско-китайское соглашение, по которому Китаю передавались все телеграфные линии в Северной Маньчжурии вне зоны КВЖД, принадлежавшие царскому правительству, за что Китай платил компенсацию в 120 тысяч мексиканских долларов⁸⁸). 7 октября 1907 г. бы-

⁸³) АВПР. Миссия в Токио, д. 660, л. 32. Справка о сферах влияния в Маньчжурии, 1907 г.

⁸⁴) Б. А. Романов. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М.—Л., 1955, стр. 648.

⁸⁵) АВПР. Китайский стол, д. 1582, л. 490.

⁸⁶) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 2, д. 485, л. 1.

⁸⁷) Там же, л. 2. Телеграмма Покотилова из Пекина от 20/7 декабря 1906 г.

⁸⁸) С. Young. The International Relations of Manchuria, Chicago, 1929, p. 102.

ло подписано второе русско-китайское телеграфное соглашение, по которому правление КВЖД обязывалось использовать свои телеграфные линии лишь для обслуживания ж. д. и должно было руководствоваться положением, что «передача или разрешение другим передавать правительственные телеграфные послания в пределах Китайской империи является прерогативой китайского правительства»⁸⁹⁾.

Русская буржуазия после русско-японской войны вновь стала расширять свои торговые операции в Северо-Восточном Китае. Крупные московские торгово-промышленные фирмы «Товарищество Знаменской мануфактуры», «Коновалов и сыновья», «Никольская мануфактура Саввы Морозова», «Келлер и К^о» по соглашению с правлением КВЖД построили в Харбине в 1907 г. большое здание торговых рядов для хранения товаров и торговли⁹⁰⁾. В августе 1907 г. правление КВЖД подписало договор с властями Хэйлуцзянской провинции и получило право на разработку угольных месторождений для нужд дороги⁹¹⁾. Из европейской России в Северную Маньчжурию сбывались хлопчато-бумажные ткани, стекло, обувь, сахар, посуда, металлические и скобяные изделия. В 1908 г. в Северо-Восточном Китае было продано русских товаров на 17,2 млн. рублей⁹²⁾.

Следует отметить, что царское правительство не решалось использовать КВЖД для ограничения ввоза иностранных товаров в Китай и на русский Дальний Восток из соображений внешнеполитических и экономических, так как многие из этих товаров не производились в России, а потребность в них была большая. Поэтому Коковцов советовал русским предпринимателям в целях конкурентной борьбы с иностранной торговлей улучшить качество своих изделий.

В 1906—1907 г. вопрос о деятельности Общества КВЖД несколько раз обсуждался на заседаниях Особого совещания под председательством Столыпина. В феврале 1907 г. министр финансов Коковцов представил Особому совещанию свои соображения «О коммерческой и тарифной политике КВЖД», которые были в основном одобрены и проводились в жизнь. Коковцов предложил правлению КВЖД всемерно содействовать «сбыту предметов русской промышленности на рынках Северного Китая» и способствовать «доставке маньчжурского и монгольского сырья в пределы соседних русских областей в целях насаждения и развития в них обрабатывающей промышленности»⁹³⁾. Министр финансов ука-

⁸⁹⁾ Ibid., p. 102—103.

⁹⁰⁾ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, д. 225, л. 43—44.

⁹¹⁾ Э. Д. Г р и м м. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке. М., 1927, стр. 170—171.

⁹²⁾ АВПР. Миссия в Пекине, д. 35, л. 558. Записка Харбинского биржевого комитета Коковцову.

⁹³⁾ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, д. 225, л. 44.

зывал, что японское экономическое влияние стало распространяться на Северную Маньчжурию, а ЮМЖД стремится отвлечь грузы с северного направления на Дайрен и Инкоу. Однако Коковцов предостерегал «против излишнего увлечения» в деле борьбы с конкуренцией ЮМЖД, так как это, по его мнению, могло вовлечь Россию в «нежелательные осложнения с Японией»⁹⁴).

Принимались меры к тому, чтобы восстановить и сохранить значение КВЖД как составной части большого сухопутного пути, связывавшего страны Западной Европы со странами Дальнего Востока. Переезд из Китая или Японии во Францию или Германию через Сибирь занимал на 16—18 дней меньше времени, чем если бы этот переезд был совершен морем. Транссибирский путь имел особое значение для перевозки экстренных грузов, пассажиров и почты.

В 1906—1907 гг. царское правительство в своей дальневосточной политике, в первую очередь, предпринимало меры, имевшие целью сохранить и укрепить те позиции, которые остались за Россией после заключения Портсмутского мира. Поражение в войне, потеря ЮМЖД и Порт-Артура, а также признание японского господства в Корее ослабили роль царизма на Дальнем Востоке. Ослабление позиций в Северо-Восточном Китае царизм стремился компенсировать за счет военно-стратегического и экономического укрепления Приамурья и Южно-Уссурийского края.

3. Взаимоотношения Японии и России. Русско-японские соглашения 1907 г.

В 1906 г. русско-японские отношения продолжали оставаться напряженными. Урегулирование даже незначительных вопросов достигалось с большим трудом. Участились случаи нарушения русских территориальных вод японскими рыболовными и другими судами. В декабре 1906 г. газета «Осака Майници симбун» предлагала быстрее соорудить железную дорогу между Гензаном и Пхеньяном, которая, по мнению газеты, имела бы «громадное значение на случай второй войны с Россией»⁹⁵).

Ослабленный войной и революцией царизм не располагал в это время реальными силами, которые могли бы противостоять Японии. В конце октября 1906 г. министр иностранных дел Извольский, посетивший проездом Берлин, заявил германским дипломатам, что «опасность агрессивных намерений со стороны Японии» заставляет его стремиться к соглашению с Англией относительно Тибета, Афганистана и Персии⁹⁶).

⁹⁴) Там же, л. 47.

⁹⁵) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 608, л. 15.

⁹⁶) «Г. Р.», Вд. XX, S. 39.

Царское правительство не имело ни средств, ни объективных возможностей для того, чтобы решиться на новую войну с Японией. Об отсутствии подобных планов свидетельствует то, что основные силы русской сухопутной армии были демобилизованы и выведены с Дальнего Востока. В 1906 г. в городах русского Дальнего Востока и Восточной Сибири остались лишь небольшие гарнизоны. Принятые царским правительством решения об укреплении военных сил России на Дальнем Востоке много лет оставались на бумаге. Поэтому можно согласиться с И. В. Бестужевым в том, что выступление влиятельных придворных и военно-бюрократических кругов России и их органов печати в этот период за идею реванша против Японии являлись лишь спорами об определении будущего направления внешней политики царской России⁹⁷). Для борьбы против Японии надо было бы сблизиться с Германией, а соглашение с Англией облегчило бы урегулирование взаимоотношений с Японией. В конце концов в правящих кругах царской России победил курс на сближение с Англией и урегулирование взаимоотношений с Японией, хотя бы ценой дальнейших уступок в пользу японского империализма.

Внутреннее положение Японии, а также давление на Японию со стороны Англии и Франции, которые, нуждаясь в помощи России для борьбы против Германии, требовали от японского правительства сближения с Россией, заставили японских империалистов временно отказаться от развязывания войны против России. Однако Япония продолжала гонку вооружений и концентрацию своих сил на границах с Россией. Это объяснялось, с одной стороны, неуверенностью правящих кругов Японии в своей победе и боязнью реванша со стороны царской России, а с другой стороны — стремлением создать перевес сил и добиться возможно больших уступок от царизма по вопросам рыболовства и мореплавания в русских водах, а также отказа России от противодействия японской экспансии в Китае и Корее.

Военное превосходство Японии на Дальнем Востоке после окончания русско-японской войны царское правительство пыталось парализовать как дипломатическим путем, так и путем укрепления обороноспособности. В мае 1906 г. министром иностранных дел России стал А. П. Извольский, который вместе с другими влиятельными русскими дипломатами пришел к выводу, «что иностранная политика России должна оставаться на неизменной базе ее союза с Францией, но что этот союз должен быть укреплен и расширен соглашениями с Англией и Японией»⁹⁸). Подобное направление внешней ис-

⁹⁷) И. В. Бестужев. Указ. соч., стр. 158—159.

⁹⁸) А. П. Извольский. Воспоминания. Пг.-М., 1924, стр. 61.

литики было одобрено Николаем Вторым. Царская дипломатия стремилась добиться установления дружеских взаимоотношений с Японией и отказывалась примкнуть к антигерманскому блоку до урегулирования японо-русских взаимоотношений. Извольский считал, что до стабилизации положения на Дальнем Востоке Россия не сможет играть активной роли в европейской политике. «Если бы Россия продолжала быть связанной неопределенным положением на Дальнем Востоке,— говорил он,— и не могла поднять своего голоса в такой момент решения европейских вопросов, она сошла бы на уровень второстепенной державы»⁹⁹).

Нормальные дипломатические отношения между Россией и Японией были восстановлены в январе 1906 г.¹⁰⁰). Но последние войны давали себя знать. Спешные военные мероприятия Японии на границах с Россией вызвали беспокойство русского военного министерства, которое требовало увеличения военных сил в русских дальневосточных владениях. Однако министр иностранных дел Извольский и многие влиятельные русские дипломаты считали, что необходимо пойти на дальнейшие уступки Японии, чтобы обезопасить Россию от угрозы японского военного выступления.

Русский посланник в Токио Бахметьев, соглашаясь с мнением Извольского о необходимости уступок Японии по вопросам, неурегулированным Портсмутским договором, писал, что безопасность наша на Дальнем Востоке была утеряна в результате войны и может быть восстановлена миром. Если «мы не хотим потерять и Приморский край, с японцами надо согласиться и столкнуться, а не посылать во Владивосток дивизию с артиллерией, как предлагает Унтербергер... И плавание по Сунгари и некоторые уступки в Охотском море не представляют, по моему скромному мнению, особой важности при настоящих обстоятельствах», ибо эти уступки, по мнению Бахметьева, не затрагивали достоинств России¹⁰¹).

⁹⁹) Э. М. Розенталь. Указ. соч., стр. 253.

¹⁰⁰) Временный поверенный в делах России в Японии Казаков прибыл в Токио 6 января 1906 г. В мае 1906 г. приступил к исполнению своих обязанностей назначенный посланником в Японию Бахметьев.

¹⁰¹) АВПР. Японский стол, д. 911, лл. 50—51. Деша Бахметьева Извольскому от 22/9 февраля 1907 г. В письме от 19/6 октября Бахметьев сорбшил Извольскому об отрицательной реакции японских официальных кругов на статьи относительно японской политики на Дальнем Востоке, которые появились в «Новом времени» и других русских газетах. В частности Бахметьев писал, что если сближение с Россией «желательно для Японии, оно для нас необходимо и все попытки поддерживать неприязнь и подозрение должны считаться не только не патристическими, а даже преступными ввиду того положения, в котором мы временно находимся и при котором наши интересы на Дальнем Востоке могут быть охраняемы только при величайшей осторожности и осмотрительности, не подавая ни малейшего предлога к обвинению в неоткровенности и отказе примириться с совершившимися фактами». См. АВПР. Японский стол, д. 910, л. 13.

По условиям Портсмутского мира Россия передавала Японии Южно-Маньчжурскую железную дорогу от станции Куаньченцзы (Чанчунь) до Порт-Артура, однако вопрос о том, кому будет принадлежать станция Куаньченцзы, в договоре не был определен¹⁰²⁾. Не достигли по этому вопросу соглашения и представители командования русской и японской армии, которые 17 (30) октября 1905 г. в Сьпингае подписали соглашение об эвакуации своих войск из Маньчжурии.

24 мая (4 июня) 1906 г. японская миссия в Петербурге направила памятную записку министру иностранных дел России, в которой, ссылаясь на приближающийся срок передачи последнего участка ЮМЖД Японии «во избежание недоразумений», предлагала подписать соглашение, по которому станция Куаньченцзы и службы последней должны отойти к Японии¹⁰³⁾. В ответ на требование Японии царское правительство ответило, что если станцию Куаньченцзы с ее службами передать японским властям, то России пришлось бы немедленно приступить к сооружению новой конечной станции, может быть, в нескольких километрах от прежней, а это могло бы осложнить выработку и подписание конвенции о соединении русских и японских железных дорог в Маньчжурии, как это было предусмотрено Портсмутским миром¹⁰⁴⁾.

В продолжавшейся дипломатической переписке японское правительство упорно настаивало на том, чтобы еще до подписания конвенции Россия признала притязания Японии на Куаньченцзы. Для разрешения этого вопроса была создана специальная русско-японская комиссия. После длительных переговоров было принято японское предложение от 10 февраля (28 января) 1907 г., по которому признавались равные права России и Японии на данную станцию с условием, что сторона, получившая станцию целиком, выплатит компенсацию другой¹⁰⁵⁾. 13 июня (31 мая) 1907 г. была подписана временная конвенция о соединении русских и японских железных дорог в Маньчжурии, одновременно был подписан протокол, по которому станция Куаньченцзы отходила к России, но за это последняя выплачивала Японии компенсацию в сумме 560393 рубля¹⁰⁶⁾. Данная сделка, несомненно, была выгодна Японии.

Одновременно с подписанием Сьпингайского соглашения об эвакуации русских и японских войск из Маньчжурии был

¹⁰²⁾ См. «Сборник договоров России с другими государствами» (1856—1917 гг.). М., 1952, стр. 339.

¹⁰³⁾ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, д. 715, лл. 167—168.

¹⁰⁴⁾ Там же, стр. 171.

¹⁰⁵⁾ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, д. 715, лл. 181—182.

¹⁰⁶⁾ Там же, лл. 198—203.

подписан меморандум, по которому японским подданным запрещался свободный проезд в Северную Маньчжурию, а русским — в Южную Маньчжурию. В апреле 1906 г. японское правительство предложило отменить вышеназванный меморандум и установить свободный проезд. И хотя военное министерство из соображений безопасности возражало против этого, а русские торговые круги считали, что с отменой меморандума в Северную Маньчжурию хлынут японские торговцы, что подорвет там «русскую неокрепшую торговлю». Особое совещание, созванное 12 июля 1906 г., высказалось за отмену меморандума и решило передать данный вопрос на разрешение Совета министров¹⁰⁷). Решение Совета министров об отмене Сынгайского меморандума было утверждено царем 9 сентября (27 августа) 1906 года¹⁰⁸).

Острая дипломатическая борьба между Японией и Россией развернулась при выработке рыболовной конвенции. По статье XI Портсмутского мирного договора Россия обязалась «войти с Японией в соглашение в видах предоставления японским подданным прав по рыбной ловле вдоль берегов русских владений в морях Японском, Охотском и Беринговом»¹⁰⁹). Японское правительство тщательно готовилось к переговорам о заключении рыболовной конвенции и внесло предложение о начале переговоров почти через год после заключения Портсмутского мира. Переговоры шли в Петербурге и затянулись на 11 с половиной месяцев. Главой японской делегации был назначен посланник Японии в России Мотоно. Русскую делегацию возглавлял товарищ министра иностранных дел Губастов.

Первое заседание состоялось 1-го августа 1906 г. На этом заседании Мотоно передал Губастову японский проект рыболовной конвенции и предложил держать ход переговоров в «строжайшей тайне», дабы «избежать нескромностей печати, вмешательства которой, — по словам Мотоно, — уже появилось»¹¹⁰). Стремление японского правительства хранить ход переговоров в тайне объяснялось боязнью общественного мнения, которое могло бы выступить против необоснованных притязаний Японии. Царское правительство, бесславно проигравшее войну с Японией и боявшееся своего народа, соглашалось сохранить ход переговоров в тайне.

¹⁰⁷) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 2, д. 477, л. 1.

¹⁰⁸) Там же, лл. 11—12. Особый журнал Совета министров от 14/1 и 30/17 августа 1906 г.

¹⁰⁹) См. «Сборник договоров России с другими государствами» (1856—1917 гг.). М., 1952, стр. 341.

¹¹⁰) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, д. 715, л. 27. «Сборник дипломатических документов, касающихся переговоров по заключению рыболовной конвенции между Россией и Японией». МИД, 1907 г.

По японскому проекту рыболовной конвенции, состоявшему из 13 статей, предусматривалось предоставление японским подданным тех же прав, что и русским для лова рыбы, морских животных и сбора морских растений в территориальных водах Японского, Охотского и Берингова морей, за исключением тех рек и бухт, которые были предоставлены туземному населению. Японские рыбопромышленники должны были получить право строить на русской территории склады, магазины и другие постройки для обработки рыбы и иметь полное равноправие с русскими в отношении условий работы, найма рабочей силы и т. д.¹¹¹⁾ Конвенцию предлагалось заключить сроком на 15 лет. Принятие этого проекта открыло бы для японских предпринимателей ничем не ограниченные пути для проникновения и эксплуатации не только территориальных вод, но и всего дальневосточного побережья России, что могло повести к экономическому захвату японским капиталом русского Тихоокеанского побережья. Пойти на подписание подобной конвенции не могло даже царское правительство.

23 августа русская делегация представила свой контрпроект рыболовной конвенции, по которому царское правительство было готово предоставить «японским подданным право ловить и обрабатывать рыбу, морских беспозвоночных и водоросли вдоль русского побережья морей Охотского, Японского и Берингова, за исключением губ и рек», которые предлагалось изъять из сферы действия конвенционных вод¹¹²⁾. Кроме того, русский проект конвенции предоставлял японцам право заниматься рыбным промыслом не по всему побережью указанных морей, а лишь «на особо предназначенных для сей цели рыболовных участках, водных и земельных, сдаваемых в аренду с торгов». Предусматривалось, что японские рыбаки будут пользоваться во всех отношениях одинаковыми правами с русскими рыбопромышленниками, арендуящими участки в конвенционных водах. Конвенцию предлагалось заключить сроком на 10 лет.

Таким образом, русский проект исключал из зоны действия конвенционных вод бухты и реки и устанавливал принцип сдачи рыболовных участков в аренду, отвергая предложения Японии о возможности повсеместного японского промысла вдоль русского побережья; кроме того, русская делегация не согласилась предоставить японцам право бить морских млекопитающих в русских территориальных водах, что могло привести к истреблению котиков.

На следующих заседаниях японская делегация настойчиво отстаивала свои притязания, соглашаясь лишь на исклю-

¹¹¹⁾ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, д. 715, лл. 28—31.

¹¹²⁾ Там же, л. 33.

чение из сферы действия конвенции рек¹¹³). Переговоры затягивались. На заседании 12 октября 1906 г. Губастов зачитал заявление, в котором указывалось, что российское правительство, «сообразуясь с истинными нуждами рыболовного промысла», сделало добровольно ряд существенных уступок. В заявлении отмечалось также, что для России «рыболовная проблема является вопросом первостепенной государственной важности, и то или иное разрешение ее будет иметь последствия для всех русских владений на Дальнем Востоке», а принятие японских требований явилось бы препятствием для русской колонизации тихоокеанского побережья России¹¹⁴). Однако и на этом заседании Мотоно отстаивал ранее выдвинутые притязания Японии и отказался принять предложение русской стороны об образовании подкомиссии для определения местностей, которые не войдут в конвенционные воды. Была образована лишь подкомиссия для точного определения слова «губа» и слова «залив»; обе стороны вкладывали в эти понятия различное содержание¹¹⁵).

Стремясь оказать давление на ход переговоров в пользу Японии, японское правительство 25 октября 1906 г. направило русскому правительству ноту (промемотию), составленную в весьма резких выражениях. Отмечая досадное замедление в ходе переговоров, японское правительство заявляло, что «Япония должна оградить себя с точки зрения своих прав по рыбной ловле на русском побережье Тихого океана, так как предоставление этих прав было одним из существенных условий Портсмутского трактата». Затем в ноте отмечалось широкое толкование слова «губа» русской делегацией, которая стремится исключить из конвенционных вод не только маленькие заливы, но и большие бухты вроде Посъета, Святой Ольги, Императорской гавани, Де-Кастри, Амурского лимана и т. д. В ноте вновь подтверждалось согласие Японии на запрещение лова рыбы в реках, но выдвигалось притязание на лов рыбы во всех заливах и бухтах. Что касается охоты на морских млекопитающих, то японское правительство соглашалось не настаивать на разрешении бить бобров и котиков, если японским промышленникам будет разрешено бить в русских водах китов. Японская нота оканчивалась недвусмысленной угрозой: «Нельзя в достаточной мере предвидеть те плачевные последствия, которые может повлечь за собой разрыв настоящих переговоров для будущей политики обеих стран на Дальнем Востоке»¹¹⁶).

¹¹³) Русская делегация на заседании 30 сентября указала японской, что после исключения из сферы конвенционных вод рек и бухт японским подданным будут доступны для промысла 2865 миль русского побережья из 7 400 миль.

¹¹⁴) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, д. 715, лл. 57—60.

¹¹⁵) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, д. 715, л. 62.

¹¹⁶) Там же, лл. 69—73.

Несмотря на угрозы, царское правительство не соглашалось принять японские притязания, так как Япония требовала от России односторонних уступок, не давая никаких гарантий того, что японское правительство не исползует права и преимуществ, полученные Японией по рыболовной конвенции, для борьбы против России и прекратит антирусскую политику на Дальнем Востоке.

Поворот в переговорах наступил после того, как в январе 1907 г. японское правительство приняло предложение министра иностранных дел Извольского заключить общеполитическое соглашение. Япония, как и Россия, нуждалась в улучшении японо-русских отношений. Правительство Японии стремилось сохранить перевес сил на Дальнем Востоке и путем угроз добиться серьезных уступок от царского правительства, однако решиться на новую войну с Россией правящие круги Японии не могли.

В 1905—1907 гг. в Японии под влиянием революции в России наблюдается подъем рабочего движения, напугавший господствующие классы. Усиливалось антияпонское движение в Китае и Корее. Внешнеполитическая обстановка складывалась так, что Япония не могла решиться на новую войну против России. Англия совместно с Францией готовилась к войне против Германии и нуждалась в России как в союзнике, но рассчитывать на помощь России в борьбе против Германии можно было лишь при условии улучшения русско-японских взаимоотношений и устранения угрозы нападения на Россию с Востока. Поэтому Англия и Франция оказывали на Японию дипломатическое и финансовое давление, добиваясь урегулирования русско-японских отношений.

Внутренние трудности, международное положение, а также те уступки, которых к этому времени добилась Япония от России, привели к тому, что в правящих кругах Японии победило мнение о необходимости нормализации взаимоотношений с Россией. 10 февраля (28 января) 1907 г. японское правительство ответило, что оно относится положительно к выдвинутой Извольским идее соглашения между Японией и Россией «в целях сохранения мира на Дальнем Востоке»¹¹⁷). 13 февраля (31 января) 1907 г. Извольский телеграфировал Бахметьеву в Токио о том, что «Токийский кабинет заявил об искреннем желании своем восстановить вполне дружественные отношения с императорским правительством, а равно о готовности пойти навстречу сделанному нами шагу и ознакомиться с нашими конкретными предложениями»¹¹⁸). Внешне поворот во взаимоотношениях между Россией и Японией

¹¹⁷) «Документы, касающиеся заключения между Россией и Японией общеполитического соглашения 17/30 июля 1907 г.». СПб, 1907, стр. 5.

¹¹⁸) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, д. 715, л. 13.

проявился в выступлениях японской печати, которая приветствовала досрочный вывод русских войск из Маньчжурии и перестала временно помещать воинственные выступления против России. Министр иностранных дел Японии Хаяси, отвечая на запрос члена нижней палаты японского парламента, почему переговоры с Россией о заключении рыболовной конвенции и торгового договора идут медленно, заявил, что «это дело сложное», но переговоры идут нормально¹¹⁹⁾.

16 января 1907 г. на частном заседании у Губастова русская и японская делегации достигли соглашения по основным вопросам рыболовной конвенции. Был предварительно согласован список из 38 бухт и заливов, которые исключались из сферы действия конвенций¹²⁰⁾. Правда, после этого предварительного соглашения еще в течение 3-х месяцев шли переговоры по отдельным вопросам конвенции. Японская делегация продолжала добиваться ограничения числа бухт, исключенных из сферы действия конвенции, и т. д. Наконец, 4 мая (21 апреля) 1907 г. был подписан протокол, устанавливающий принятие основных положений рыболовной конвенции. Протокол отмечал решение обоих правительств подписать «конвенцию в самом непродолжительном времени и, в силу этой конвенции, японским подданным будет разрешено ловить, собирать и обрабатывать всякого рода рыбу и продукты моря, кроме котиков и морских бобров, вдоль русского побережья морей Японского, Охотского и Берингова, за исключением рек и бухт (inlets), причем последние определены и перечислены» в специальных списках¹²¹⁾. Конвенция была заключена сроком на 12 лет. Устанавливались равные права для японских и русских подданных в отношении условий лова, налогов и аренды рыболовных участков. Японские предприниматели получали право строить склады, сушилки и другие сооружения на русском побережье для обработки рыбы и других продуктов морского промысла.

Несмотря на то, что японское правительство вынуждено было отказаться от части своих притязаний, права, полученные японскими рыбопромышленниками, были слишком обширными¹²²⁾. Царское правительство пошло на значительные уступки в пользу Японии по сравнению с Портсмутским договором, в котором предусматривалось только «предоставление прав по рыбной ловле», а по рыболовной конвенции

¹¹⁹⁾ АВПр, Японский стол, д. 911, л. 25. Деша Бахметьева Извольскому от 8 февраля/26 января 1907 г.

¹²⁰⁾ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, д. 715, лл. 100—101.

¹²¹⁾ Там же, л. 118.

¹²²⁾ Извольский в беседе с А. С. Сувориным заявил, что рыболовная «конвенция с Японией невыгодна, но она определена Портсмутским миром». Извольский также подчеркнул, что во время переговоров о рыболовстве с Японией «Приходилось отстаивать всякую запятую». См. «Дневник А. С. Суворина», М.—Пг., 1923, стр. 376.

японские промышленники получили возможность заниматься промыслом рыбы, китов, устриц, добычей морской капусты и т. д. И что еще более существенно, японские предприниматели получили право создавать на русском побережье предприятия по переработке и засолке рыбы, консервные заводы, оборудовать места для ремонта судов. На всех этих предприятиях, как правило, работали японские рабочие. Основываясь на рыболовной конвенции и используя крайне слабую морскую охрану русского Тихоокеанского побережья, японцы бесконтрольно хозяйничали в русских территориальных водах и на побережье.

Рыболовная конвенция была подписана 15 (28) июля 1907 г., одновременно с этим был подписан договор о торговле и мореплавании между Россией и Японией, заключенный сроком на четыре года.

По статье XII Портсмутского договора, включенной по настоянию Японии, предусматривалась замена русско-японского договора 1895 г. о торговле и мореплавании новым. Переговоры о заключении торгового соглашения шли в Петербурге с 22 июля 1906 г. по 15 июля 1907 г. С русской стороны непосредственно переговоры вел сенатор, гофмейстер Н. А. Малевский-Малевич (с 1908 г. посол в Японии), хотя кроме него уполномоченными для ведения переговоров были назначены Извольский и министр торговли и промышленности Философов. Японскую делегацию возглавлял посланник Японии в России Мотоно. В течение переговоров состоялось 7 совместных заседаний уполномоченных двух сторон.

На первых заседаниях Мотоно предложил свой проект договора, ряд пунктов которого русская делегация считала неприемлемым. Японская делегация добивалась: 1) права на беспошлинный ввоз японских товаров из Маньчжурии в Сибирь через сухопутную границу; 2) гарантий царского правительства, что в случае отмены порто-франко на русском Дальнем Востоке таможенные сборы на границе с Маньчжурией не будут установлены более высокими, чем таможенные сборы в портах Сибири; 3) согласия России на плавание японских судов по реке Сунгари¹²³).

Если бы Японии удалось добиться права беспошлинного ввоза товаров из арендованной территории Ляодунского полуострова по сухопутной границе¹²⁴), то это открыло бы перед японским капиталом благоприятные возможности для

¹²³) АВПР. Японский стол, д. 1418, лл. 63—69. Журнал совещания для обсуждения вопросов, возбужденных японским посланником проектом нового договора о торговле и мореплавании между Россией и Японией. Заседание 9 сентября/27 августа 1906 г.

¹²⁴) Фактически Япония добивалась того, чтобы на японский ввоз в пределы России были распространены льготы, установленные для русско-китайской торговли по сухопутной границе.

захвата рынков русского Дальнего Востока и Восточной Сибири от Уссурийского края до Иркутска¹²⁵). Японские товары, доставляемые морским путем в Дайрен, перевозились бы затем по ЮМЖД и далее по КВЖД: либо в западном направлении в Забайкалье, либо в восточном на станцию Пограничная и оттуда по Уссурийской железной дороге до Хабаровска. Полученные преимущества дали бы японским товарам возможность успешно конкурировать на рынках Восточной Сибири как с русскими товарами, так и с товарами, ввозимыми из США, Англии и Германии. Правда, Малевский-Малевиц вполне обоснованно заявлял, что если предоставить Японии требуемые последней льготы и преимущества по торговле, то Англия и Соединенные Штаты Америки, имеющие право наибольшего благоприятствования по договорам с Россией, потребуют этого же¹²⁶).

Согласно тогда действовавшим договорам между Китаем и Россией право плавания по Сунгари принадлежало только подданным двух названных стран. В это время по Сунгари перевозили грузы несколько пароходов Общества КВЖД и имелось значительное количество китайских парусных джонок, плававших по Сунгари и ее притокам. Получив право плавания по реке Сунгари, японские капиталисты смогли бы перевозить на собственных пароходах товары от железной дороги в Южный Китай, а по притоку Сунгари Нонни (Нуньцзян) к границам Внутренней Монголии. Кроме дальнейшего проникновения в Северо-Восточный Китай и внутреннюю Монголию, Япония, развив свое судоходство по Сунгари, могла проникнуть на Амур, чего серьезно опасались в России. Если бы царское правительство без согласования с Китаем, который выступал против предоставления Японии права плавания по Сунгари, в одностороннем порядке пошло на уступки Японии, то это неизбежно вызвало бы ухудшение русско-китайских отношений.

В ноябре 1906 г. японский посланник направил в министерство иностранных дел России ноту, в которой японское правительство, ссылаясь на Портсмутский договор и принципы «открытых дверей» в Китае, требовало открытия Сунгари для плавания японских судов. 3 декабря (20 ноября) 1906 г. под председательством Извольского было созвано совещание, на котором присутствовали министры заинтересованных ведомств и представители Совета Государственной обороны для рассмотрения японского притязания на плавание по Сунгари. Во время обсуждения высказывались опасения, что

¹²⁵) Право беспошлинного ввоза иностранных товаров (порто-франко) до его отмены в 1909 г. распространялось от берегов Тихого океана до Иркутска.

¹²⁶) АВПР. Японский стол, д. 1418, л. 65.

Япония, в подкрепление своих притязаний, может предпринять военно-морскую «демонстрацию». Представители царской армии и флота предлагали срочно усилить вооруженные силы России на Дальнем Востоке, однако большинство участников совещания поддержало точку зрения Извольского, что Россия не обладает реальными силами, которые можно было бы противопоставить Японии. Было решено, что министерство иностранных дел примет «все доступные меры к устранению притязаний Японии на плавание по Сунгари»¹²⁷).

До января 1907 г. русско-японские переговоры по торговому договору не сдвинулись с мертвой точки. Кроме уже отмеченных разногласий не был согласован ряд других вопросов: 1) японская делегация предлагала уменьшить на 1/2 паспортные сборы с японских граждан, проживающих в азиатской части России; 2) Япония настаивала на открытии японских консульств во Владивостоке, Николаевске-на-Амуре и консульского агентства в Петропавловске-на-Камчатке. В свою очередь русская делегация предложила распространить на Ляодунскую арендованную территорию те льготы, которыми пользовались русские торговцы в Маньчжурии по договорам с Китаем¹²⁸). 20 (7) января 1907 г. Малевский-Малевиц писал Извольскому о том, что в ходе русско-японских переговоров прогресса почти не отмечается. «Портсмутский трактат, — писал Малевский-Малевиц, — не обеспечивает нам сохранения прочного мира на Дальнем Востоке. По содержанию своему Портсмутский договор является как бы предварительным, прелиминарным, в нем многое осталось невыясненным... и переговоры в Петербурге следует рассматривать как продолжение мирных переговоров. В Петербурге приходится выяснять и ликвидировать то, что было там намечено»¹²⁹). Малевский-Малевиц считал, что из сложившейся ситуации есть два выхода: либо готовиться к войне с Японией, либо пойти ей на уступки. Сам он высказывался за уступки и мирное разрешение спорных вопросов.

После того, как начались переговоры по общеполитическому соглашению и была достигнута договоренность по ряду важных пунктов рыболовной конвенции, японская делегация отказалась от наиболее неприемлемых для России условий. В феврале 1907 г. Мотоно сообщил о согласии своего правительства не настаивать на включении в текст торгового договора пункта о плавании японских судов по реке Сунгари, а обсудить этот вопрос отдельно. Японская делегация от-

¹²⁷) АВПР. Миссия в Токио, д. 247, лл. 3—11. Журнал совещания 3 декабря/20 ноября 1906 г. По вопросу о плавании по Сунгари. См. также И. В. Бестужев. Указ. соч., стр. 163.

¹²⁸) АВПР. Японский стол, д. 1418, л. 179.

¹²⁹) АВПР. Японский стол, д. 1420.

казалась от требования о понижении сборов с паспортов японских граждан, въезжающих в пределы России¹³⁰).

Царское правительство по внутривластным соображениям стремилось быстрее завершить переговоры с Японией. Председатель Совета министров Столыпин предложил министру иностранных дел и министру торговли и промышленности завершить переговоры по заключению торгового договора до открытия сессии Государственной думы. «В противном случае правительство может оказаться в затруднительном положении», указывал Столыпин, боявшийся, что оппозиционные партии могут поднять данный вопрос в Думе. В связи с этим решили отказаться от притязаний на льготы для русских торговцев и предпринимателей на арендованной Японией Ляодунской территории и согласиться на открытие японского консульства в Николаевске-на-Амуре, связав последнее с ходом переговоров по рыболовной конвенции¹³¹).

К июню 1907 г. спорные вопросы были урегулированы. Японское правительство добилось значительных преимуществ для своих торговцев и предпринимателей, действовавших в пределах России. Правда, по одному из важнейших своих требований, относительно беспошлинного ввоза японских товаров из Южной Маньчжурии, Япония вынуждена была пойти на уступки и получила право беспошлинного ввоза только в две области: Приморскую и Амурскую. Следует отметить, что эта статья не вошла в основной текст договора, а была приложена к нему в виде протокола и сформулирована следующим образом: «Продукты или изделия заарендованной Лиантонгской территории при ввозе их в русские области: а) Амурскую и б) Приморскую, через сухопутную границу с Маньчжурией, и продукты или изделия названных русских областей при ввозе в заарендованную Лиантонгскую территорию через сухопутную границу, будут соответственно поставлены во всем, что касается льгот и таможенных пошлин, в одинаковые условия с продуктами или изделиями Маньчжурии»¹³²). Здесь полученные Японией привилегии были завуалированы, в чем было заинтересовано царское правительство, боявшееся критики со стороны буржуазных партий.

Формально полученные Японией льготы распространялись лишь на товары, изготовлявшиеся на арендованной Японией Ляодунской территории, но практически было невозможно установить, где эти товары произведены — в Японии или

¹³⁰) Царское правительство опасалось, что чрезмерно низкие паспортные сборы могут повести к колонизации русских дальневосточных владений японскими поселенцами.

¹³¹) АВПР. Японский стол, д. 1418, л. 196—197.

¹³²) Договор о торговле и мореплавании между Россией и Японией. См. «Собрание узаконений и распоряжений правительства». СПб, 1907, стр. 1858.

Южной Маньчжурии, да и таможенный досмотр на границах России с Китаем отсутствовал. В протоколе было указано, что царское правительство имеет право облагать пошлинами японские товары, ввозившиеся в Амурскую и Приморскую области через сухопутную границу, но при условии, если такими же пошлинами будут облагаться и маньчжурские товары, а так как до 1-го января 1913 г. сохранялось в силе русско-китайское соглашение о беспошлинной торговле в пределах пятидесятиверстной полосы вдоль русско-китайской границы, то ввести в силу это положение было нельзя. Что касается права русских торговцев ввозить на подобных же льготных условиях товары из двух названных областей на Ляодунскую территорию, то оно попросту не использовалось, так как промышленных предприятий, которые могли дать товары на экспорт, почти не было, а сырье скупали сами японцы.

Что касается японского требования относительно того, чтобы таможенные сборы на границах с Маньчжурией не превышали аналогичных сборов в портах русского Дальнего Востока, то по предложению Японии была подписана секретная декларация, по которой царское правительство обязалось не нарушать равенства в таможенном обложении по морской и сухопутной границе, а японское правительство, в свою очередь, обещало сохранить выгодный для русских экспортеров учет и очистку керосина не по весу, а по объему¹³³).

Новый договор был заключен на принципах наибольшего благоприятствования во внешней торговле и мореплавании двух стран. Договором предусматривалось взаимное уравнивание прав японских подданных в России и русских подданных в Японии с гражданами данной страны в предпринимательской деятельности, торговле, владении землей и недвижимым имуществом, судебной защите и т. д.¹³⁴). Однако взаимность в данном случае является мнимой, так как русские капиталисты не имели своих предприятий в Японии. Для японского же капитала права, полученные японскими гражданами на территории России по торговому договору, наряду с правами, предоставленными рыболовной конвенцией, открывали широкое поле деятельности для эксплуатации природных богатств крайне слабо освоенных территорий русского Дальнего Востока. Некоторые русские газеты выражали

¹³³) АВПР. Японский стол, д. 1419, л. 154; там же, д. 1420, л. 52. Малевский-Малевич Извольскому, 20 мая 1907 г. Основным конкурентом русских нефтепромышленников по продаже керосина в Японии были американские нефтяные тресты, а так как американский керосин был легче русского, то данное соглашение было выгодно русским предпринимателям.

¹³⁴) Договор о торговле и мореплавании между Россией и Японией. См. «Собрание узаконений и распоряжений правительства», СПб, 1907, стр. 1844.

опасение, что Япония, основываясь на данных соглашениях, начнет колонизацию русского тихоокеанского побережья. Срок действия русской визы на японских паспортах был установлен в 6 месяцев. Царские власти за визы, прописки и паспорта не могли взимать более 50 копеек.

Влиятельные группы японских капиталистов были заинтересованы в использовании русского Дальнего Востока как рынка сбыта и источника сырья, хотя товарооборот между Японией и Россией в то время был сравнительно незначительным и почти полностью приходился на дальневосточные области и Восточную Сибирь. В 1906 г. импорт из азиатской части России в Японию оценивался в 1,4 млн. иен, а из европейской России — в 41 тыс. иен; в 1907 г. соответственно — 1,6 млн. иен и 175 тыс. иен¹³⁵). Экспорт из Японии в азиатскую часть России в 1906 г. оценивался в 10,5 млн. иен, а в европейскую Россию — в 78 тыс. иен; в 1907 г. соответственно — 5 млн. иен и 441 тыс. иен¹³⁶). В общем товарообороте японской внешней торговли торговля с Россией составляла около 1%. Правда, торговля с Россией Японии была выгодна, так как она была для Японии всегда активной, т. е. японский вывоз в Россию всегда превышал ввоз из России. До начала первой мировой войны роста товарооборота в русско-японской торговле не было, наоборот, отмечалось некоторое сокращение, которое объяснялось для экспорта из России тем, что американские нефтепродукты окончательно вытеснили русские с японских рынков; сократился также вывоз рыбы, потому что японцы, на основе рыболовной конвенции, сами развернули рыбный промысел в русских дальневосточных водах. В отношении сокращения японского ввоза сыграла роль отмена порто-франко и конкуренция германских и американских товаров¹³⁷).

К русско-японскому договору о торговле и мореплавании были приложены так называемые отдельные статьи, в которых оговаривались некоторые исключения из принципа наибольшего благоприятствования в торговле двух стран. В частности, на Японию не распространялись льготы, предоставленные Россией Китаю в пятидесятиверстной полосе вдоль сухопутной границы (ст. 1) и вообще «Постановления, относящиеся до торговли России с сопредельными азиатскими странами» (ст. 4), а также «Льготы, которые предоставлены или могут быть предоставлены по привозу или вывозу жителям Архангельской губернии, а также северному побережью азиатской России (Сибири)» (ст. 2).

¹³⁵) «Statesman's Year — Book», v. 46, London, 1909, p. 986.

¹³⁶) Ibidem.

¹³⁷) См. К. Куртеев. Русско-японский товарообмен и экономическое сближение. «Записки Приамурского отдела императорского общества востоковедения», вып. III, Хабаровск, 1915, стр. 109—120.

В свою очередь японское правительство настояло на том, чтобы на Россию не распространялись: «Ст 1. Постановления, касающиеся особых отношений между Японией и Кореей по торговле, промышленности и мореплаванию.

Ст. 2. Постановления, относящиеся до торговли Японии с соседними с Японией странами Восточной Азии, расположенными на восток от Малаккского пролива»¹³⁸).

Японское правительство в особой ноте обещало, что оно использует выговоренные преимущества в отношении Кореи и стран Восточной Азии только после 1911 г., когда истекали сроки торговых договоров Японии с другими государствами¹³⁹). Японские дипломаты рассчитывали использовать согласие царского правительства по этим двум пунктам как исходную точку для переговоров с другими державами. Весьма показательным является устремление японского империализма в страны Восточной и Юго-Восточной Азии, где, как следует из второй статьи, Япония уже в то время рассчитывала добиться исключительных прав и привилегий. Попытки Японии проникнуть в Тайланд (Сиам), Индокитай и приморские провинции Китая должны были неизбежно вызвать обострение отношений Японии с Англией и Францией.

Царские дипломаты настойчиво отнеслись к предложению Японии включить в договор статью об «особых отношениях между Японией и Кореей». Малевский-Малевич опасался, как бы Япония «под флагом коммерческого трактата... не заручилась нашим молчаливым согласием на устройство с Кореей каких-либо новых политических комбинаций» или решила в свою пользу вопрос о действии корейских торговых договоров, поэтому он настоял, чтобы в текст статьи была включена оговорка о том, что «особые отношения касаются лишь торговли, промышленности и мореплавания»¹⁴⁰).

В ходе переговоров о заключении общеполитической конвенции выяснилось стремление Японии открыто объявить о разделе Северо-Восточного Китая на сферы влияния между Японией и царской Россией. Однако царское правительство опасалось, что это ухудшит русско-китайские отношения, и настояло на включении пунктов, касавшихся Маньчжурии, Кореи и внешней Монголии, в текст секретного соглашения¹⁴¹).

Русско-японская общеполитическая конвенция была подписана 30/17 июля 1907 г. и состояла из гласной и секретной

¹³⁸) Договор о торговле и мореплавании между Россией и Японией. См. «Собрание узаконений и распоряжений правительства». СПб, 1907, стр. 1858.

¹³⁹) АВПР. Японский стол, д. 1420, лл. 52—53. Малевский-Малевич Извольскому, 2 июня/20 мая 1907 г.

¹⁴⁰) АВПР. Японский стол, д. 1420, л. 52.

¹⁴¹) См. В. Аварин. Империализм в Маньчжурии, т. I, М.—Л., 1934, стр. 11.

частей. В опубликованной части соглашения отмечалось желание «упрочить мирные и добрососедские отношения» между Россией и Японией. Обе стороны взаимно обязались «уважать существующую территориальную целостность другой» и соблюдать все соглашения, заключенные двумя сторонами с Китаем. Россия и Япония признавали «независимость и целостность территории Китайской империи» и принцип «общего равноправия по отношению к торговле и промышленности всех наций в этой империи и обязуются поддерживать и защищать сохранение статус кво и означенный принцип всеми мирными средствами, имеющимися в их распоряжении».

В секретной части соглашения Маньчжурия делилась на японскую и русскую сферы влияния. Обе стороны приняли обязательство не искать и не поддерживать железнодорожных и телеграфных концессий в зоне, отошедшей под влияние другой стороны, Россия и Япония также взаимно обязались не препятствовать друг другу в деле железнодорожного и телеграфного строительства, предпринятого договаривающейся стороной в своей зоне влияния. Кроме того, по секретному соглашению Россия согласилась не чинить препятствий действиям Японии в Корее, а Япония признавала специальные интересы России во внешней Монголии и обязалась воздерживаться от «всякого вмешательства, способного нанести ущерб этим интересам»¹⁴²). Таким образом, конвенция носила явно империалистический характер. О содержании секретной конвенции Япония поставила в известность Великобританию, а Россия — Францию¹⁴³).

Следует отметить, что при разграничении сфер влияния в Маньчжурии, царское правительство пошло на новую уступку Японии, не предусмотренную Портсмутским договором, признав отошедшим в японскую сферу район, прилегавший к южной ветке КВЖД от станции Куаньченцзы до реки Сунгари¹⁴⁴). В период первой мировой войны японское правительство домогалось передачи Японии этой ветки КВЖД (протяженностью в 96,5 верст), ссылаясь на то, что она проходит в японской сфере влияния.

Несомненно, заключенные соглашения были более выгодны Японии, которая добилась значительных уступок от царской России. Японский империализм усиливал свою агрессивную политику в странах Дальнего Востока, а общеполитическое соглашение с Россией укрепляло его позиции в этом районе земного шара. Но царское правительство в тех конкретных условиях не видело других путей, которые хотя бы

¹⁴²) Э. Д. Гримм. Указ. соч., стр. 169—170.

¹⁴³) АВПР. Японский стол, д. 203, л. 3.

¹⁴⁴) См. «Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949)», М., 1956 г., стр. 208.

на время могли обезопасить русские дальневосточные владения. Деятели царского правительства не без основания считали, что поражение царизма в случае войны с Японией привело бы к новому революционному взрыву в России. Это была одна из существенных причин, объяснявших большую уступчивость царских дипломатов в период переговоров 1906—1907 гг. с Японией.

После подписания соглашений с Японией министр иностранных дел Извольский в «циркулярном письме российским представителям за границей» указывал, что «положение вещей, созданное Портсмутским договором с точки зрения мирного развития интересов России на Дальнем Востоке, представлялось весьма неопределенным и далеко невыгодным и даже небезопасным». Затем Извольский, кратко изложив политику Японии в Корею, Китае и по отношению к России, писал: «Вышеописанные обстоятельства начали скоро сказываться на характере и образе действий Японии, создавая на Дальнем Востоке весьма тревожное настроение, доходившее у местных русских властей до опасения открытого на нас нападения. Вместе с тем, переговоры по специальным торговым, рыболовным и железнодорожным вопросам встречали со стороны токийского кабинета существенные затруднения. Становилось очевидным, что обеспечить насущные жизненные интересы России одною настойчивостью не удастся, не изменив общей постановки наших отношений к Японии. В эту сторону и были направлены по высочайшему повелению все мои старания, увенчавшиеся после продолжительного труда успехом. Убедив Японию в отсутствии с нашей стороны затаенных замыслов, в готовности установить на будущее время прочные добрососедские отношения и, наконец, в обоюдной выгоды такого порядка вещей, мы могли довести до благополучного конца начатые переговоры...»¹⁴⁵).

В ноябре 1907 г. правительство России уплатило Японии почти 46 млн. рублей за содержание русских военнопленных в период войны¹⁴⁶). Таким образом, к концу 1907 г. было в основном завершено урегулирование главных вопросов, вызванных последствиями русско-японской войны. Следует отметить, что царское правительство пошло на уступки и удовлетворило основные притязания Японии, однако японское правительство отказалось возратить захваченные во время войны три русских госпитальных судна («Ангара», «Казань» и «Орел») и тянуло с выплатой компенсации русским гражданам за убытки, причиненные передачей Южного Сахалина Японии и с возмещением ущерба, нанесенного японскими

¹⁴⁵) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, д. 715, л. 2.

¹⁴⁶) Л. Н. Кутаков. Портсмутский договор в русско-японских отношениях (1905—1917). «Китай и Япония, история и филология», ИВЛ. М., 1961, стр. 209.

войсками собственности русских предпринимателей и торговцев в Южной Маньчжурии. Эти вопросы остались неурегулированными.

В марте 1908 г. при обсуждении вопроса о преобразовании русской миссии в Токио в посольство в Думе развернулось обсуждение русско-японских соглашений 1907 г. Лидер октябристов Гучков и лидер кадетов Милюков одобрили политику правительства и высказались против идей реванша относительно Японии¹⁴⁷).

Подписание русско-японских соглашений отмечалось в Японии как большое достижение японской дипломатии, по этому случаю организовывались празднества¹⁴⁸). За успешное завершение переговоров с Россией и Францией японские представители в Петербурге и Париже — Мотоно и Курино получили баронские титулы, министр иностранных дел Хаяси — титул графа, премьер Сайондзи и министры были награждены орденами. В Токио было опубликовано распоряжение премьер-министра, призывавшее правительственные учреждения разъяснять народу «необходимость забыть вражду и подозрительность к русским» в связи с восстановлением «старинных дружественных отношений с Россией» и подписанием соглашения¹⁴⁹).

Правительство Сайондзи попыталось использовать урегулирование взаимоотношений с Россией для сокращения военных расходов и улучшения крайне тяжелого финансового положения Японии. В английских газетах появилось сообщение о том, что Совет министров Японии решил пересмотреть принятую после русско-японской войны чрезвычайную программу перевооружения армии и флота и в течение 6 лет сокращать военный бюджет на 20 млн. иен ежегодно¹⁵⁰). Министр финансов Японии в беседе с русским посланником в Токио Бахметьевым подтвердил это сообщение, заявив, что в принципе решено сократить военные расходы в течение 6 лет на 120 млн. иен¹⁵¹). Однако под давлением военной партии правительству пришлось отказаться от первоначальных намерений, и расходы на вооружение на 1908 г. были сокращены только на 11 млн. иен¹⁵²).

¹⁴⁷) «Стенографические отчеты Думы», 3-й созыв, сессия 1, ч. 2, стб. 104—105, 119.

¹⁴⁸) АВПР. Японский стол, д. 203, лл. 107—108. Деша Бахметьева из Токио, 22/9 сентября 1907 г.

¹⁴⁹) АВПР. Японский стол, д. 203, л. 92. Секретная телеграмма Бахметьева из Токио, 2 сентября/20 августа 1907 г.

¹⁵⁰) «Daily Telegraph», Desember 17, 1907; АВПР, Японский стол, д. 204, л. 21, приложение к бюллетеню Санкт-Петербургского агентства печати.

¹⁵¹) АВПР. Японский стол, д. 204, л. 25. Деша Бахметьева из Токио от 25/12 декабря 1907 г.

¹⁵²) Там же, л. 34. Телеграмма Бахметьева из Токио от 4 января 1908 г./22 декабря 1907 г.

Министр иностранных дел России Извольский рассчитывал, что русско-японское соглашение (наряду с франко-японским соглашением и англо-японским договором) стабилизирует положение на Дальнем Востоке, исключит возможность сепаратных действий Японии в Китае и развяжет царской России руки для более активной политики в Европе и на Ближнем Востоке. Выступая в Государственной думе, Извольский подчеркнул, что «сила и значение» русско-японского договора «усугубляется тем обстоятельством, что он является как бы звеном целой цепи других международных соглашений, преследующих те же мирные цели, и что он вполне гармонирует с общей системой наших международных договоров»¹⁵³). В этом же выступлении Извольский призвал не переоценивать роли русско-японского соглашения, подчеркнув, что оно, «как и всякий дипломатический акт... является лишь бумажной гарантией поддержания мира». В беседе с редактором газеты «Новое время» А. С. Сувориным Извольский говорил, что Россия воевать на Дальнем Востоке не может и поэтому пошла на соглашение с Японией, которая, по его мнению, в течение ближайших десяти лет не должна была напасть на Россию¹⁵⁴).

Русско-японские соглашения 1907 г. урегулировали ряд спорных вопросов, но одновременно с этим повели к появлению новых разногласий, которые были вызваны рыболовной конвенцией и договором о торговле и мореплавании, открывших путь японскому капиталу для экспансии на русский Дальний Восток.

Договор о торговле и мореплавании и рыболовная конвенция, подписанные в 1907 г., были чрезвычайно выгодны для Японии, так как они открывали русский рынок для беспрепятственного ввоза японских товаров и предоставляли широкие возможности для развития японского рыбного промысла в русских дальневосточных водах. Кроме того, японские капиталисты добивались сохранения беспошлинной торговли (порто-франко) в портах русского тихоокеанского побережья. Газета «Биржевые ведомости», выражая интересы торгово-промышленных кругов, характеризуя положение на Дальнем Востоке, писала: «Окончательный удар русскому делу на Дальнем Востоке нанес торговый договор с Японией, создавший для этой державы такую удобную обстановку для беспрепятственных экономических завоеваний, что русским остается только во всем уступить на своей земле и отказаться от попыток с ними конкурировать»¹⁵⁵).

Французский путешественник Лаббэ, посетивший русский

¹⁵³) «Стенографические отчеты Думы», 3-й созыв, сессия I, ч. 2, стб 117.

¹⁵⁴) «Дневник А. С. Суворина», М.—Пг., 1923, стр. 376.

¹⁵⁵) «Биржевые ведомости», 25 октября 1907 г.

Дальний Восток во второй половине 1907 г., писал, что новый торговый договор является «тяжким поражением русской дипломатии», а рыболовная конвенция является для России «несчастьем большим, чем потеря половины Сахалина»¹⁵⁶).

После опубликования рыболовной конвенции в японской прессе появились заметки, выражавшие недовольство теми мерами контроля, которые предусматривались по отношению к японскому рыбному промыслу в русских водах¹⁵⁷).

В рыболовной конвенции некоторые пункты о правах японских граждан на рыбную ловлю в русских водах не были сформулированы достаточно точно. Используя это, японское правительство, начиная с 1907 г., стало требовать новых прав и привилегий для своих рыбопромышленников. Удовлетворение всех этих притязаний японского империализма в конечном итоге могло бы привести к японской колонизации русской территории и отрезать Россию от побережья Тихого океана.

Летом 1907 г. впервые в русских дальневосточных водах начали легальный промысел японские рыбопромышленники. Русский Тихоокеанский флот во время русско-японской войны был в основном уничтожен, а так называемый рыболовный надзор существовал только на бумаге¹⁵⁸). Поэтому установилось бесконтрольное хищничество японцев в русских водах и на побережье. Японские торговцы, конкурируя с американскими, развернули торговые операции в Охотско-Камчатском крае. Японские рыбопромышленники систематически и безнаказанно нарушали рыболовную конвенцию. Но царское правительство, боявшееся обострения отношений с Японией, требовало от командиров охранных судов «быть снисходительными и избегать резких столкновений с японцами»¹⁵⁹).

По условиям рыболовной конвенции стоянка японских промысловых судов разрешалась только против арендуемых японскими рыбопромышленниками морских участков. Но еще до официального подписания конвенции группа японских рыбопромышленников при поддержке своего правительства 1 июня 1907 г. возбудила ходатайство о разрешении якорной стоянки японским рыболовным судам в гаванях и бухтах, закрытых по условиям конвенции для японского рыболовного промысла. Царское правительство в виде исключения дало

¹⁵⁶) «Биржевые ведомости», 25 октября 1907 г.

¹⁵⁷) АВПР. Японский стол, д. 203, л. 101. Копия секретной депеши Бахметьева, Токио. 18/5 сентября 1907 г.

¹⁵⁸) Наблюдение за рыбным промыслом было возложено на «лесных объездчиков береговой стражи» в составе 6 человек на Камчатке, 4 человек на Сахалине и 5 человек на побережье от Николаевска-на-Амуре до Посыета. Охранную службу в открытом море несли два крейсера и несколько старых кораблей. См. ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 4, д. 630, л. 347. Особый журнал Совета министров 31/18 марта 1908 г.

¹⁵⁹) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 221, л. 95.

разрешение на стоянку японских судов в 7 бухтах сроком на год¹⁶⁰).

В январе 1908 г. представитель Японии в Петербурге Мотоно обратился в министерство иностранных дел России с предложением отменить ряд «стеснительных» для японских рыбопромышленников ограничений, связанных с размерами площади рыболовных участков, запрещения лова хищническими орудиями, условиями аренды и т. д.¹⁶¹). Это было по сути дела требование пересмотреть рыболовную конвенцию в сторону дальнейших уступок в пользу Японии. Предложение японского правительства обсуждалось в особом междуведомственном совещании и было в основном отклонено. Правда, русское правительство отказалось от ряда ограничений, связанных с техникой организации лова рыбы¹⁶²).

Главноуправляющий землеустройством и земледелием Васильчиков, обосновывая необходимость усиления охраны русского побережья, писал: «Правильная организация надзора за эксплуатацией наших рыбных богатств на Дальнем Востоке представляется настоятельной государственной потребностью, вызванной не одними экономическими интересами, но и общим политическим положением нашим на побережье Тихого океана, серьезно угрожаемым неудержимо развивающейся в этих местностях промышленной деятельностью предприимчивых иноземцев»¹⁶³).

В 1907 г. японское правительство добилось разрешения царских властей послать свой военный крейсер в русские воды Охотского и Берингова морей под предлогом спасения японских рыбаков в случае кораблекрушения. Японские военные корабли, находясь в русских водах, поддерживали незаконные домогательства японских рыбопромышленников, вели разведку в виде топографических съемок побережья, промера глубины бухт и т. д.¹⁶⁴). Сведения об усиленном про-

¹⁶⁰) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 4, д. 630, л. 47. Справка управляющего гос. имущ., 23/10 февраля 1908 г.

¹⁶¹) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 4, д. 630, л. 11.

¹⁶²) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 4, д. 630, л. 64. Извольский Столыпину, 14/1 мая 1908 г.

¹⁶³) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 4, д. 630, л. 348. Особый журнал Совета министров, 31/18 марта 1908 г. В 1908 г. с целью защиты домогательств японских капиталистов в Токкио при участии японского правительства был организован «Союз японских рыбопромышленников Приморской области». Председателем союза стал отставной лейтенант Гундзи, известный в Японии как организатор хищнического лова рыбы в русских дальневосточных водах накануне русско-японской войны. Летом 1904 г. Гундзи организовал вооруженное нападение японского отряда на Камчатку с целью ее захвата, но был разбит русской добровольческой дружиной. См. ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, д. 716, лл. 62—63. Делеша Малевского-Малевича, 13 ноября/31 октября 1908 г. См. также «Приамурские ведомости», 24 апреля 1905 г.

¹⁶⁴) См. «Новое время», 17 ноября 1909 г. В апреле 1908 г. японские промышленники, занимавшиеся хищнической охотой на котиков, с оружи-

никновении японского капитала на русский Дальний Восток вновь привлекли внимание общественности и прессы к дальневосточной политике. Монархисты, прогерманская партия и реваншисты пытались использовать дальневосточный вопрос для борьбы против своих противников.

Осенью 1907 г. приамурский генерал-губернатор Унтербергер дал телеграмму на имя Николая II, в которой сообщал о том, что Япония «продолжает усиленно вооружаться, усиливает свой флот, увеличивает свою сухопутную армию и подготавливает базы для военных операций как в Южной Маньчжурии, так и в Северной Корее»¹⁶⁵). Унтербергер просил ускорить отпуск ассигнований для проведения оборонительных мероприятий. Отвечая на запрос Столыпина относительно телеграммы Унтербергера, Извольский отверг точку зрения последнего о возможности нового военного выступления Японии. «Не имеется никаких данных, — писал Извольский, — свидетельствующих о близком намерении Японии начать новую войну. Стремление же Японии поддерживать, или даже увеличивать свою боевую готовность объясняется вступлением этой страны в число великих держав и желанием иметь решающий голос в случае возникновения осложнений на Дальнем Востоке»¹⁶⁶). Далее Извольский указывал, что изменившееся международное положение Японии не позволит ей решиться на войну, и выступал против увеличения вооруженных сил России на Дальнем Востоке, так как, по его мнению, в деле военной готовности Россия не могла соревноваться с Японией.

Наступательная политика японского империализма на Дальнем Востоке внушала серьезные опасения господствующим классам России, что нашло отражение в периодической печати того времени. В 1906—1907 гг. в печати шла острая полемика по вопросам дальневосточной политики. Черносотенцы, октябристы, кадеты взаимно обвиняли друг друга в неудачах русской политики на Дальнем Востоке¹⁶⁷).

Только партия большевиков во главе с В. И. Лениным правильно определила, что в русско-японской войне «...самодержавие пришло к позорному поражению»¹⁶⁸). Большевики организовали трудящихся России на борьбу за победоносную пролетарскую революцию, которая должна была покончить с властью помещиков и капиталистов и их антинародной политикой.

ем напали на алеутское селение Глинки (расположено на острове Медном), жители которого пытались воспрепятствовать незаконной охоте. См. ЦГАДВ, ф. 702, оп. 2, д. 229, л. 191.

¹⁶⁵) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, д. 716, л. 5. Телеграмма Унтербергера Николаю II от 8 октября/25 сентября 1907 г.

¹⁶⁶) Там же, лл. 8—9. Извольский Столыпину, 20/7 октября 1907 г.

¹⁶⁷) Подробнее об этом см. И. В. Бестужев. Указ. соч., стр. 170—179.

¹⁶⁸) В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 37.

Черносотенные и монархические газеты различных толков пытались возложить ответственность за поражение России в русско-японской войне на революцию 1905 г. и призывали правительство покончить с «конституционным увлечением», укреплять самодержавие, доказывая, что это якобы усилит обороноспособность страны. Газета «Свет» 19 октября 1907 г. требовала от правительства провести «основательную чистку» Владивостока от революционеров. «Петербургские ведомости» призывали все классы России объединиться для защиты русского Дальнего Востока. «В вопросе обороны Дальнего Востока нет ли левого, ни правого; тут есть лишь пушки, рубли, иены, броненосцы...»¹⁶⁹). Газета «Дальний Восток» писала, что японцы работают в Корее не покладая рук над созданием «колоссальной и надежной базы для своего дальнейшего наступательного движения на нас»¹⁷⁰).

Газеты либерально-монархического направления во главе с «Новым временем» возлагали надежду на Государственную думу и призывали ее не жалеть средств на оборону русского Дальнего Востока и его заселение. «Только спешное создание русской мощи, — писало «Новое время», — может еще спасти далекую русскую окраину»¹⁷¹).

В конце 1907 г. многие русские газеты, в связи с обострением японо-американских отношений, призывали царское правительство искать соглашения с Соединенными Штатами для того, чтобы восстановить нарушенное равновесие на Тихом океане и «поставить Японию в должные рамки»¹⁷²). Однако другие газеты вполне обоснованно указывали, что если Россия поддержит США, то это еще больше ухудшит русско-японские отношения, а в случае нападения Японии на Россию трудно рассуждать, что США окажут помощь России¹⁷³).

После поражения в русско-японской войне царское правительство проводило на Дальнем Востоке более осторожную политику, был принят ряд мероприятий по заселению и экономическому развитию русских дальневосточных владений, укреплению военно-стратегических позиций России на Дальнем Востоке, урегулированию взаимоотношений с Японией и Китаем. Одной из причин, содействовавших ослаблению русско-японской борьбы, было стремление двух держав общими силами противостоять американской экспансии в Китае. Американский историк Забриски писал, что после Портсмутского мира «Россия и Япония, несмотря на непрерывное соперничество между ними, должны были вскоре объеди-

¹⁶⁹) «Петербургские ведомости», 4 ноября 1907 г.

¹⁷⁰) «Дальний Восток», 10 октября 1907 г.

¹⁷¹) «Новое время», 1 ноября 1907 г.

¹⁷²) См. «Петербургские новости», 8 декабря 1907 г. «Далекая окраина», 3 и 9 октября 1907 г.

¹⁷³) См. «Петербургские ведомости», 30 ноября 1907 г.

ниться в их борьбе против экспансионистских планов США в Маньчжурии»¹⁷⁴). Однако стремление объединить свои силы для борьбы против американской экспансии не снимало острых русско-японских противоречий.

Царизм, ослабленный поражением в русско-японской войне и революционным движением в России, не отказался от империалистической внешней политики. Урегулировав взаимоотношения с Японией, царское правительство активизировало свою политику на Ближнем Востоке, куда были отвлечены основные силы России, что развязывало руки Японии для новых авантур в Китае и Корее. Японские империалисты извлекли из договоров с Россией большую выгоду. Япония продолжала увеличивать свои вооруженные силы на границах с Россией, а японский капитал усиленно проникал в экономику русского Дальнего Востока.

4. Усиление дальневосточных позиций Англии, Франции и Германии

После русско-японской войны английское правительство считало опасным для британских интересов дальнейшее ослабление позиций России на Дальнем Востоке. Здесь, как и в Европе, Великобритания придерживалась традиционной политики равновесия сил, поэтому дальнейшее усиление Японии за счет царской России не могло встретить поддержки Англии. Более того, цели английской дипломатии заключались в том, чтобы примирить Россию с Японией и после этого использовать последнюю для защиты интересов британского империализма в Азии, а царскую Россию вовлечь в активную борьбу против Германии. Именно из данных соображений правительство Великобритании настояло на том, чтобы русско-японские и русско-английские переговоры 1907 г. шли параллельно. Причем Англия в ходе переговоров оказывала давление на Японию, добиваясь уступок от последней, либо поддерживая ее притязания, в зависимости от обстоятельств¹⁷⁵). Английская дипломатия настойчиво подталкивала Россию и Японию к заключению общеполитического соглашения якобы в целях «укрепления мира» на Дальнем Востоке¹⁷⁶).

В апреле 1906 г. министр иностранных дел Англии Э. Грей писал британскому послу в Петербург: «Важно, чтобы наши переговоры были завершены практически одновременно с японскими переговорами. Я повлиял на Комуру, чтобы эти переговоры сейчас происходили одновременно, хотя в них ни-

¹⁷⁴) E. Zabriskie. Op. cit., p. 132.

¹⁷⁵) «В. Д.», v. IV, p. 273, 277—279.

¹⁷⁶) Ibid., p. 268—269. Никольсон Грею, 19 января 1907 г.

чего не должно быть трехстороннего»¹⁷⁷). Как будет показано ниже, Англия совместно с Францией оказывали финансовое давление на Японию, добиваясь урегулирования русско-японских отношений.

Правящие круги Англии были весьма довольны заключенными в 1907 г. русско-японскими договорами. Английская газета «Морнинг пост» писала: «Текст русско-японского соглашения является документом первостепенной важности. Вполне понятно, что оно во многом схоже с предшествовавшими англо-японским и франко-японским соглашениями. Все четыре державы, стремления и интересы которых могли вызвать столкновение, ныне обязались сохранить статус кво и поддерживать друг друга в этом... Остается только напомнить, что гарантии мира на Дальнем Востоке будут дополнены и укреплены заключаемым ныне англо-русским соглашением по средне-азиатским вопросам»¹⁷⁸). Газета «Таймс» писала: «Русско-японское соглашение, за которым, как мы надеемся, вскоре последует формальное соглашение России с Великобританией, основано на решимости обеих держав считать создавшееся положение на Дальнем Востоке за окончательное»¹⁷⁹).

Англо-русское соперничество на Дальнем Востоке после русско-японской войны значительно ослабело. Тем не менее, конвенция между Россией и Англией по делам Персии, Афганистана и Тибета, подписанная 18/31 августа 1907 г., по которому Россия фактически примыкала к Антанте, имела чрезвычайно большое значение для Дальнего Востока. Отныне страны Антанты, так или иначе, должны были согласовывать свою дальневосточную политику¹⁸⁰).

Решающей силой на Дальнем Востоке были Англия и Япония, связанные союзническими отношениями. Главенствующая роль Англии в этом районе определялась обширными колониальными владениями в Азии мощью ее флота, базами и опорными пунктами, которые простирались от берегов Китая до Новой Зеландии и Индии, а также прочными экономическими позициями. В 1907 г. товарооборот Великобритании с Китаем, включая Гонконг¹⁸¹), исчислялся в 341,4 млн. хугуанских таэлей, тогда как товарооборот других пяти великих держав вместе взятых (США, Германии, Франции, России и Японии), с Китаем составлял 234,4 млн. хугуанских

¹⁷⁷) E. Grey, Op. cit., p. 163. Грей Никольсону, 1 апреля 1907 г.

¹⁷⁸) АВПР. Японский стол, д. 203, л. 64. Телеграммы С.-Петербургского агентства печати. Утренний бюллетень, 2 августа 1907 г.

¹⁷⁹) Там же, стр. 63.

¹⁸⁰) Э. Грей считал, что урегулирование англо-русских противоречий на Ближнем Востоке было необходимым условием англо-русского сближения. См. E. Grey, Op. cit., p. 152—153.

¹⁸¹) Следует учитывать, что через английский порт Гонконг Китай вел торговлю не только с Англией, но и с другими странами.

таэлей¹⁸²). Британский империализм располагал на территории Китая важными военно-морскими базами — Гонконгом и арендованной территорией в порту Вэйхайвей (Вэйхай). Особенно большую роль играл Гонконг — британская колония на территории Южного Китая, которая вместе с арендованной территорией занимала площадь в 376 квадратных миль. Гонконг, превращенный в военную и военно-морскую базу первого класса, был в то же время крупнейшим центром английской торговли с Китаем и Японией. В 1907 г. в Гонконг было ввезено товаров на 155,6 млн. хугуанских таэлей, а вывезено на 97,2 млн. хугуанских таэлей¹⁸³).

Экономические интересы британского империализма в Китае представлял Гонконг-Шанхайский банк (Гонконг энд Шанхай бэнкинг корпорейшин) — один из крупнейших банков Великобритании, связанный с банкирским домом Н. Ротшильда. В 1895 г. Гонконг-Шанхайский банк достиг соглашения с Немецко-Азиатским банком о проведении согласованной финансовой политики в Китае¹⁸⁴). В этом англо-германском банковском картеле решающая роль принадлежала английским банкирам¹⁸⁵). Гонконг-Шанхайский банк действовал в тесном контакте с министерством иностранных дел Великобритании и часто английское правительство вынуждено было поддерживать интересы могущественной банковской корпорации, хотя бы это и не соответствовало общим задачам британской внешней политики. В связи с этим Блэнд писал: «Банк первоначально организованный, чтобы представлять и развивать британские имперские интересы в Китае, начал выражать законные (экономические — С. Г.) интересы, скорее чем патриотические принципы... За прошедшие шесть лет (1906—1912 гг. — С. Г.) в той мере, в какой это касается экономических и промышленных интересов, можно справедливо сказать — дело началось и закончилось финансовыми операциями Гонконг-Шанхайской банковской корпорации»¹⁸⁶). Английские торговые палаты, имевшиеся в Гонконге, Шанхае и Тяньцзине, и отделения «Китайской ассоциации» координировали торгово-промышленную деятельность английского капитала в Китае и других странах Дальнего Востока.

Англия значительно укрепила свои позиции в Китае в период русско-японской войны, а после ее окончания навязала Китаю ряд новых неравноправных соглашений, имевших це-

¹⁸²) «Statesman's Year — Book», v. 46. London, 1909, p. 692.

¹⁸³) Ibidem.

¹⁸⁴) J. B l a n d. Op. cit., p. 273.

¹⁸⁵) Интересный материал о первых соглашениях между Гонконг-Шанхайским и Немецко-Азиатским банками содержится в статье А. С. Ерусалимского. «Проникновение германских монополий в Китай на рубеже XIX—XX веков. См. «Вопросы истории», 1960, № 9, стр. 76—77.

¹⁸⁶) J. B l a n d. Op. cit., p. 271—272.

лью закрепить господство Великобритании в ее сферах влияния — южных и юго-восточных китайских провинциях, наиболее густо населенных и экономически развитых. В течение ряда лет английские коммерсанты упорно добивались постройки железной дороги от Гонконга до Кантона¹⁸⁷). Наконец, 7 марта 1907 г. объединение английских финансистов «Британско-Китайская корпорация» подписало соглашение о выпуске и регулировании займа для постройки дороги Кантон-Цзюлун (Коулун). Эта железная дорога должна была связать крупнейший торговый и промышленный город Китая Кантон с портом Цзюлуном, расположенным в английском владении Гонконге, и содействовать продвижению промышленных товаров Великобритании во внутренние области Китая. По условиям соглашения «Британско-Китайская корпорация» предоставляла Китаю пятипроцентный заем в 1,5 млн. фунтов стерлингов для постройки дороги. Кроме процентов корпорация получала одновременно 35 тыс. фунтов стерлингов и по 1 тыс. фунтов стерлингов ежегодно в период эксплуатации железной дороги. За корпорацией сохранялось преимущественное право в предоставлении займов для постройки веток указанной дороги¹⁸⁸). 6 марта 1908 г. Британско-Китайская корпорация предоставила Китаю пятипроцентный заем (обеспеченный доходами с государственных железных дорог Китая) в 1,5 млн. фунтов стерлингов для постройки железной дороги от Шанхая до Ханчжоу и от Ханчжоу до Нинбо; экономическое значение этой дороги было трудно переоценить¹⁸⁹).

Правящие классы Англии не отказались от своей антикитайской политики в Тибете. Правда, вооруженная интервенция Великобритании в Тибете в 1903—1904 гг. не привела к установлению там английского господства. 27 апреля 1906 г. правительство Великобритании вынуждено было подписать конвенцию с Китаем, по которому Англия обязалась не вмешиваться в управление Тибетом¹⁹⁰). Англо-русское соглашение 1907 г. подтверждало сюзеренные права Китая над Тибетом. Великобритания и Россия обязались «уважать территориальную целостность Тибета и воздерживаться от всякого вмешательства в его внутреннее управление»¹⁹¹). Однако английское правительство, используя оккупационные войска,

¹⁸⁷) E—ty Zen Sun. Chinese Railways and British Interests 1898—1911, New York, 1954, p. 84.

¹⁸⁸) J. Mac Millan. Op. cit., p. 619—625. Железная дорога Кантон-Цзюлун была построена в 1908—1911 гг., ее протяженность составила 143 км.

¹⁸⁹) Ibid., p. 702—709.

¹⁹⁰) В. П. Леонтьев. Иностранная экспансия в Тибете в 1888—1919 г., М., 1956, стр. 119.

¹⁹¹) «Сборник договоров России с другими государствами». М., 1952 г., стр. 391.

расположенные в Тибете (в долине Чумби), навязало Китаю 20 апреля 1908 г. соглашение относительно торговли в Тибете, по которому подданные Великобритании получили право экстерриториальности и другие льготы, использовавшиеся для экономического и политического проникновения английского империализма в Тибет¹⁹²⁾.

После 1907 г. острое англо-японского союза было направлено не против царской России, а против Китая, Индии и других колониальных стран Азии. Япония располагала на Дальнем Востоке наиболее сильным военно-морским флотом, но в финансовом отношении она продолжала зависеть от Англии и Франции. В 1907 г. Япония разместила на биржах Лондона и Парижа долгосрочный заем в 23 млн. фунтов стерлингов, который был использован для погашения краткосрочных военных займов¹⁹³⁾. Японская экспансия в Северо-Восточном Китае и Корее в значительной степени оплачивалась английскими банкирами, и английские монополии получали свою долю прибылей не только от британских предприятий, действовавших в Китае, но и от японских, которые в значительной степени работали на английские деньги. За период с 1907 по 1914 г. общество ЮМЖД разместило в Англии займов на 117 млн. иен¹⁹⁴⁾.

Для правящих классов Англии союз с Японией был чрезвычайно важным, так как он, известным образом, гарантировал английские колониальные владения от покушений других империалистических держав и давал возможность держать основные силы британского флота наготове для борьбы против Германии. Англия предоставила Японии свободу рук для колониальной агрессии в Южной Маньчжурии и Корее и тем самым платила своему союзнику за поддержку британской политики на Дальнем Востоке. Следует отметить, что наличие союза не отменяло, а лишь смягчало англо-японские противоречия, которые постепенно нарастали, особенно в связи с попытками Японии отказаться от политики «открытых дверей» в Китае и проникнуть в британские сферы влияния. В этом отношении британская дипломатия считала весьма выгодным для своих интересов продолжавшиеся русско-японские трения и сдерживала их лишь тогда, когда они могли нарушить созданную под главенством Англии мировую коалицию. В Лондоне вполне обоснованно считали, что наличие русско-японских противоречий заставит и Японию и Россию искать поддержки в Великобритании и сделает их как союзников Англии более покорными.

Английские предприниматели имели значительные капиталовложения в различных отраслях хозяйства Сибири и

¹⁹²⁾ В. П. Леонтьев. Указ. соч., стр. 121.

¹⁹³⁾ А. Гальперин. Англо-японский союз. М., 1947, стр. 267.

¹⁹⁴⁾ Там же, стр. 268.

русского Дальнего Востока. Английские монополии захватили в свои руки значительную часть добычи золота на Дальнем Востоке, которая быстро возрастала. В 1906 г. в золотосплавочные лаборатории Приамурского края было сдано 704 пуда золота, в 1907 г. — 850, 1908 — 1047, 1909—1173, 1910—1249 пудов золота¹⁹⁵). Английские капиталисты стали пайщиками многих золотопромышленных предприятий¹⁹⁶), их капиталовложения в горную промышленность были наиболее значительными.

Крупный владивостокский купец и предприниматель Ю. Бриннер, связанный с английскими и немецкими монополиями, организовал разведку полезных ископаемых в Южно-Уссурийском крае, Ольгинском и Гижичинском округах, где были обнаружены золотоносные площади и другие рудные богатства. В связи с этим в 1899 г. в Лондоне было образовано для разработки полезных ископаемых в Приморской области общество изысканий в Северо-Восточной Сибири с основным капиталом в 200 тысяч фунтов стерлингов, оно было допущено к деятельности в России в апреле 1901 г.¹⁹⁷).

В 1901 г. образовалось Нерчинское золотопромышленное общество с основным капиталом в 1 100 тыс. фунтов стерлингов для добычи золота в восточной части Нерчинского округа, в основном на землях кабинета. Правление общества находилось в Лондоне¹⁹⁸).

В мае 1901 г. лорд П. Ш. Дуглас, маркиз Квинсберри получил исключительное право на разведку и добычу золота на 15 лет в Охотском крае, по реке Яне с притоками¹⁹⁹). Первая экспедиция, снаряженная лордом Дугласом, шла по пустынному побережью зимним путем из Николаевска-на-Амуре через Чумикан и Аян. Глава экспедиции немецкий инженер Лоуренц вернулся с дороги. Вторую экспедицию возглавлял американский инженер Мерлет. Экспедиция была доведена до устья реки Яны на японском пароходе²⁰⁰).

В декабре 1907 г. лорд Дуглас продал свой участок лорду В. Г. Монтегю, маркизу Винчестерскому²⁰¹). Уполномоченные последнего вели работы по добыче золота и разведке до-

¹⁹⁵) ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 5, д. 601, л. 212. Справка о современном положении золотопромышленности в Приамурье. 1913 г.

¹⁹⁶) Накануне первой мировой войны в России, в основном в Сибири и на Урале, было 26 золотопромышленных английских компаний с капиталом в 88 067 630 руб. См. А. Шиша. Роль иностранного капитала в экономической жизни Сибири. Новониколаевск. 1922 г., стр. 48.

¹⁹⁷) «Указатель действующих в империи акционерных предприятий». Под ред. В. А. Дмитриева-Мамонова. СПб, 1903, стр. 1633.

¹⁹⁸) См. «Указатель действующих в империи акционерных предприятий». Под ред. В. А. Дмитриева-Мамонова. СПб, 1903, стр. 1652.

¹⁹⁹) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 2, д. 176, лл. 15—16.

²⁰⁰) Там же, д. 223, лл. 2—5. Докладная записка окружного инженера Уссурийского горного округа. 1907 г.

²⁰¹) Там же, л. 168.

конца 1909 г. На прииске лорда Монтегю работало 150 рабочих, они жили и работали в крайне тяжелых условиях. На прииске не было даже бани²⁰²). Разведочные работы здесь не были доведены до конца, так как требовали крупных затрат.

В 1908 г. лорд Монтегю создал акционерное общество «Новая центральная Сибирь» с основным капиталом в 1,5 млн. рублей. Общество получило в аренду золотые прииски в Нерчинском округе на землях кабинета, где в первый же год было добыто значительное количество золота.

В 1908 г. акционерное общество ленских золотых приисков (из 16 500 тыс. рублей основного капитала общества — 10 500 тыс. принадлежало англичанам) получило разрешение на добычу золота в Приамурском крае, включая и стоверстную полосу²⁰³). Иностраный капитал проявлял большой интерес к горнорудным и нефтяным залежам северного Сахалина. В 1910 г. образовалось Сахалинское нефтепромышленное и каменноугольное общество с основным капиталом в 4,5 млн. рублей²⁰⁴). Основателями общества были русские дельцы, которые вскоре уступили свои права образовавшемуся в Лондоне акционерному обществу, называвшемуся «Второй Сахалинский синдикат». Его учредители собирались начать эксплуатацию нефтяных залежей на Сахалине²⁰⁵), но к операциям общество не приступило. Значительные разведочные работы по поискам нефти на Сахалине в 1909—1913 гг. провел Ф. Н. Клейе, получивший субсидии от немецких капиталистов. Английские предприниматели организовали несколько предприятий для разработки и вывоза леса.

Интересы французского империализма на Дальнем Востоке были сосредоточены преимущественно в Китае. В 1907 г. экспорт из Франции в Китай оценивался в 3,1 млн. хугуанских таэлей, а импорт Франции из Китая — в 30,6 млн. хугуанских таэлей²⁰⁶). Французские банкиры вложили значительные суммы в правительственные займы и железные дороги Китая. Зоной политических интересов Франции являлись юго-западные провинции Китая, примыкавшие к Индо-Китаю. Французское правительство стремилось укрепить свои позиции в юго-западном Китае прежде всего для того, чтобы оградить свои владения в Индо-Китае от проникновения других держав. С этой целью Франция в 1898 г. под видом аренды захватила у Китая залив Гуанчжоувань, где была устроена французская военно-морская станция. В это же время Франция получила право строить железную дорогу от границ Индо-Китая в провинцию Юньнань.

²⁰²) Там же, л. 258.

²⁰³) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 2, д. 157, л. 27.

²⁰⁴) Там же, д. 205-а, л. 364.

²⁰⁵) Там же, д. 210, л. 237. Телеграмма Клейе Гондати, 29 мая 1911 г.

²⁰⁶) «Statesman's Year — Book», London, 1909, v. 46, p. 692.

При поддержке правительства Франции была создана компания с капиталом в 101 млн. франков для строительства железной дороги Хайфон—Юньнань²⁰⁷). Контракт о постройке этой дороги был подписан в 1903 г. представителем китайского правительства и французским посланником в Пекине²⁰⁸). Сооружение дороги протяжением около 450 км было завершено в 1910 г.

Стоимость ее постройки определялась в 264 млн. франков²⁰⁹). Постройка дороги осуществлялась под контролем генерал-губернатора Индо-Китая, которому также подчинялось управление военно-морской базы в Гуанчжоувань.

Французское правительство активно поддерживало своих финансистов, имевших капиталовложения в странах Азии, но в то же время в своей дальневосточной политике оно стремилось к тому, чтобы быстрее урегулировать взаимоотношения России с Японией. Россия, как союзник Франции, не могла выполнить своей роли в борьбе против Германии до тех пор, пока не был обеспечен ее тыл на Дальнем Востоке, со стороны Японии. Осенью 1906 г. японское правительство, нуждавшееся в деньгах, направило известного японского финансиста Такахаси в США и европейские страны с заданием добиться заключения нового займа. Потерпев полную неудачу в Соединенных Штатах, Такахаси обратился к Англии, но лондонские банкиры заявили, что они смогут вести переговоры о займе не ранее весны 1907 г.²¹⁰). Когда Такахаси прибыл в Париж, то министр иностранных дел Франции Пишон прямо заявил японскому послу Курино, что французские банкиры дадут новый заем лишь после того, как будет заключено русско-японское соглашение²¹¹).

В январе 1907 г. министерство иностранных дел Франции завершило русское поверенного в делах в Париже в том, что Япония не получит денег ранее благополучного завершения русско-японских переговоров²¹²). В июне 1907 г. Извольский на Особом совещании заявил, что «проектируемый политический договор с Японией является одним звеном сети соглашений с Англией и Францией»²¹³).

Одновременно с русско-японскими и русско-английскими переговорами шли переговоры между Францией и Японией. Французское правительство стремилось гарантировать свои

²⁰⁷) P. Kent. Railway Enterprise in China, London, 1907, p. 162—163.

²⁰⁸) Ibid., p. 163.

²⁰⁹) «Китай и Япония», 1914, № 186, стр. 17.

²¹⁰) АВПР. Канцелярия, 1906, д. 143, т. 1, л. 189. Розен Извольскому, 26/13 декабря 1906 г.

²¹¹) Э. М. Розенталь. Указ. соч., стр. 255.

²¹²) АВПР. Канцелярия, 1906, д. 170, л. 82. Телеграмма Неклюдова из Парижа, 12 января 1908 г./30 декабря 1907 г.

²¹³) В. Аварии. Империализм в Маньчжурии. М.—Л. т. I, 1934, стр. 112.

колониальные владения в Индо-Китае и сферы влияния в Юго-Западном Китае. Достижение франко-японского соглашения не представляло особых трудностей, так как противоречия между Японией и Францией на Дальнем Востоке в то время еще не достигли значительной остроты. Кроме того, и Франция, и Япония были в союзе с Англией. Японское правительство, вступив в переговоры с Францией, стремилось прежде всего пробиться на французский денежный рынок, а также получить признание японских сфер влияния в Китае со стороны французской республики. В ответ на это Япония готова была пойти навстречу пожеланиям Франции. В феврале 1906 г., перед отъездом в Петербург, Мотоно в беседе с корреспондентом парижской газеты отрицал наличие каких-либо завоевательных планов Японии в Индо-Китае и выразил пожелания поддерживать и развивать дружественные отношения между Францией и Японией²¹⁴).

10 июня 1907 г. было подписано франко-японское соглашение, в котором отмечалось, что «правительства Франции и Японии одинаково согласны уважать независимость и целостность Китая, а равно и принципы равенства для торговли... и специально заинтересованные в том, чтобы порядок и мирное состояние было гарантировано в частности в областях китайской империи, соседних с территориями, в которых они имеют право суверенитета, протектората или оккупации, взаимно обязуются поддерживать друг друга в целях обеспечения мира и безопасности в этих областях, в видах сохранения соответствующего положения и территориальных прав двух договаривающихся сторон на Азиатском материке»²¹⁵).

Одновременно с опубликованным соглашением был произведен обмен секретными нотами, в которых сферой интересов Франции признавались провинции Гуандун, Гуанси и Юньнань, а сферой интересов Японии провинция Фуцзянь и те области Маньчжурии и Монголии, в которых Япония имела «специальные права»²¹⁶). Данным соглашением два империалистических государства взаимно обязались поддерживать позиции, захваченные ими в Китае²¹⁷). По сообщению английской газеты «Таймс» китайское правительство 3 августа 1907 г. вручило французской и японской миссиям в Пекине ноты протеста против нарушения суверенных прав Китая франко-японским соглашением²¹⁸). Франция, подписав

²¹⁴) АВПР. Канцелярия, 1906, д. 107, т. 2, л. 531.

²¹⁵) Э. Д. Гримм. Указ. соч., стр. 170.

²¹⁶) «Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949)». М., 1956, стр. 206.

²¹⁷) Как сообщал русский посланник в Пекине, франко-японское соглашение произвело «крайне неблагоприятное впечатление» в Китае и подверглось резкой критике в китайской печати. См. АВПР. Японский стол, д. 203, л. 29.

²¹⁸) Там же, л. 82. Телеграммы С.-Петербургского агентства печати.

соглашение с Японией, получила гарантию безопасности своих владений в Юго-Восточной Азии и возможность сосредоточить основные силы в Европе против Германии. Подписание франко-японского соглашения облегчило заключение русско-японских договоров, что было немаловажно для Франции.

К началу XX века германский империализм захватил ряд владений на Дальнем Востоке и Тихом океане, из которых наибольшее значение имели: арендованная Цзяочжоуская область с крепостью Циндао, Земля императора Вильгельма на Новой Гвинее, архипелаг Бисмарка, Маршалские, Марианские и Каролинские острова. Особые владения Германии на Тихом океане в то время служили в основном морскими опорными пунктами. Наиболее серьезное экономическое и военно-стратегическое значение для германского империализма имела военно-морская база Циндао с прилегающей арендованной территорией площадью в 200 квадратных миль²¹⁹). Порт Циндао и арендованная территория, находившиеся в управлении военно-морского ведомства Германии, служили опорной базой, используя которую германский империализм превратил Шаньдунскую провинцию в свою сферу влияния.

По договору с Китаем, заключенному в 1898 г., Германия получила «права» на постройку железных дорог в Шаньдунской провинции и на разработку горных богатств, залегающих вдоль железнодорожной линии.

В Китае действовали крупнейшие германские монополии — «Дисконтгоезельшафт» и «банковский консорциум», интересы которых представлял Немецко-Азиатский банк. В 1899 г. было образовано Общество шаньдунских железных дорог с основным капиталом в 54 млн. марок и Общество Шаньдунской горной промышленности с капиталом в 12 млн. марок. Затем данные общества перешли под контроль «банковского консорциума», возглавлявшего эксплуатацию Шаньдунской провинции²²⁰). Германский капитал при активной поддержке военно-морского ведомства сразу же приступил к интенсивному железнодорожному строительству. В 1904 г. было в основном завершено строительство железной дороги протяженностью в 394 километра, которая соединила Циндао с главным городом Шаньдунской провинции — Цзинань²²¹). Адмирал Тирпиц считал, что постройка этой железной дороги сделает Циндао портом, обслуживающим Пекин и даже линию на Москву²²²).

²¹⁹) Захвачена Германией у Китая при помощи вооруженной силы в 1897 г. См. А. С. Ерусалимский. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М., 1951, стр. 370, 391.

²²⁰) См. А. С. Ерусалимский. Проникновение германских монополий в Китай на рубеже XIX и XX веков. «Вопросы истории», 1960, № 9, стр. 78—79.

²²¹) Р. Кент. Op. cit., p. 144.

²²²) А. Тирпиц. Воспоминания. М., 1957, стр. 117.

Используя железную дорогу, германский капитал превратил густонаселенную Шаньдунскую провинцию в обширный рынок сбыта своих товаров. В 1906—1907 финансовом году ввоз товаров различных государств через Циндао исчислялся в 82,4 млн. марок, а вывоз — в 34,2 млн. марок²²³). Порт Циндао и прилегающая к нему арендованная территория были объявлены зоной свободной торговли, но с товаров, ввозившихся через Циндао на территорию Китая, взимались обычные пошлины. Характерно, что правительство Германии стремилось переложить на Китай часть расходов, вызванных оборудованием и содержанием германского торгового порта. С этой целью Германия в декабре 1905 г. заключила с Китаем договор, по которому Китаю было разрешено открыть таможен на арендованной территории при условии, чтобы он передавал в распоряжение германских властей 20% от всей суммы импортных пошлин, взимавшихся в таможнях Циндао²²⁴). В апреле 1907 г. было подписано новое германо-китайское соглашение, облегчавшее немецкому капиталу торговую и предпринимательскую деятельность в районе Киао-Чао (Цзяочжоу)²²⁵).

Правительство Германии тратило крупные средства на военное укрепление своей колонии в Шаньдуне. Там был построен военный порт, доки, форты, обширные казармы²²⁶). Только в 1906—1907 гг. германское казначейство затратило на нужды Циндао и арендованной территории 27,5 млн. марок²²⁷). Правящие классы Германии рассматривали Циндао как важнейшую опорную базу для дальнейшего проникновения в Китай и другие страны Дальнего Востока, Тирпиц, один из идеологов германского империализма, осуществлявший захват, а затем и укрепление бухты Киао-Чао, писал: «Перед нами открывались неограниченные возможности хозяйственного расцвета... Немцы, проживавшие в Китае, стали селиться в Циндао и привыкли рассматривать этот город, как центр германизма»²²⁸).

Германские монополии стремились соединить свою Шаньдунскую железную дорогу с другими железнодорожными линиями Китая. С этой целью они приняли активное участие в постройке железной дороги Тяньцзинь-Пукоу. В январе 1908 г. Немецко-Азиатский банк в компании с англо-французскими капиталистами подписал соглашение с цинским правительством о предоставлении Китаю пятипроцентного займа в 5 млн. фунтов стерлингов сроком на 30 лет для

²²³) «Statesman's Year — Book», v. 46, London, 1909, p. 862.

²²⁴) J. Mac Murray. Op. cit., v. 1, p. 192—194.

²²⁵) Ibid., p. 199—203.

²²⁶) Гарнизон крепости Циндао составлял в 1905 г. 1225 человек.

²²⁷) «Вестник Азии», 1909, № 1, стр. 173—174.

²²⁸) А. Тирпиц. Воспоминания, М., 1957, стр. 117.

сооружения железной дороги Тяньцзинь-Пукоу (протяжением в 1085 км), которая должна была соединить северные провинции Китая с районом Нанкина²²⁹). Для обеспечения займа передавались правительственные доходы с провинций Чжили, Шаньдун, Цзянсу и города Нанкина. Северная половина названной дороги финансировалась и снабжалась оборудованием германским синдикатом; строительство ее осуществлялось под руководством немецкого главного инженера. Южный участок дороги финансировался и снабжался английским синдикатом, главным инженером его назначался англичанин.

После завершения постройки дорога поступала в собственность и управление китайской администрации²³⁰). Кредиторы, кроме ежегодных процентов, получали компенсацию в 200 тыс. фунтов стерлингов при заключении договора, однако они отказывались от получения прибылей от эксплуатации дороги. Последнее обстоятельство было вызвано стремлением германского и английского капитала облегчить получение концессии, которая и так сулила большие доходы за счет поставок железнодорожного оборудования, а затем должна была обеспечить продвижение иностранных товаров в глубь Китая. Германские капиталисты вкладывали капиталы в добычу железной руды и угля в Шаньдунской и Чжильской провинциях.

Экономические позиции Германии в Китае, по сравнению с другими великими державами, были несколько слабее. По сумме товарооборота с Китаем Германия в 1907 г. занимала четвертое место, уступая Великобритании, США, Японии и Франции. Германский экспорт в Китае в этом году исчислялся в 16,1 млн. хугуанских таэлей, а импорт из Китая в 6,1 млн. хугуанских таэлей²³¹), однако в годы, предшествующие первой мировой войне, германские монополии смогли сильно потеснить своих конкурентов.

Немецкие монополии открыли на русском Дальнем Востоке ряд филиалов и контор своих предприятий. Крупнейшими предприятиями немецкого капитала был торговый дом «Кунст и Альберс», годовой оборот которого в 1914 г. достиг 15 млн. рублей²³²). Кроме многочисленных магазинов, разбросанных почти по всем более или менее крупным населенным пунктам, «Кунст и Альберс» владела каменноугольными рудниками на Сахалине. Как было установлено после начала первой мировой войны, фирма «Кунст и Альберс» была

²²⁹) J. Mac Millan. Op. cit., v. 1, p. 684—692.

²³⁰) Строительство железной дороги было завершено в 1912 г. См. А. Кантарович. Иностраный капитал и железные дороги Китая. М.—Л., 1926, стр. 32.

²³¹) «Statesman's Year — Book», v. 46, London, 1909, p. 692.

²³²) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 1215, л. 45.

одним из центров немецкой разведки на Дальнем Востоке. Общество «Электрическая энергия» в Хабаровске, созданное в 1907 г. с основным капиталом в 200 тыс. рублей, было основано немецкой Всеобщей компанией электричества²³³).

Крупным немецким предприятием было акционерное горно-промышленное общество «Тетюхе» по добыче и экспорту серебро-свинцовой и цинковой руды, открывшее свои действия в Приморье в 1909 г. на базе рудников Ю. Бриннера. Общество эксплуатировало 4 рудника и производило на месте обогащение руды. Содержание металла в руде было исключительно высоким. В 1909 г. общество вывезло за границу, в основном в Германию, 667 тыс. пудов руды, а в 1912 г. уже более 1,5 млн. пудов²³⁴). Акционерное общество «Тетюхе» зависело от немецкого торгового дома «А. Гирш и Сын» из Гальберштадта. На предприятиях «Тетюхе» было занято в 1910 г. около 1200 рабочих²³⁵). Рабочий день продолжался 12 часов, низкая заработная плата выплачивалась не деньгами, а товарами, рабочих систематически обсчитывали. В ответ на это рабочие в марте — апреле 1910 г. организовали забастовку²³⁶).

Договоры 1907 г., распространившие деятельность Антанты на Дальний Восток, ослабили германские позиции в Восточной Азии. Особенно неблагоприятно на международном положении Германии сказалось англо-русское и русско-японское соглашения, которые лишили германскую дипломатию надежды на привлечение России для борьбы против Англии. Кроме того, урегулирование противоречий в Азии дало возможность Англии, Франции и России сконцентрировать свои силы в Европе. Царское правительство стремилось поддерживать мирные отношения с Германией и обеспечить благосклонное отношение последней к заключенным соглашениям. С этой целью Извольский попытался использовать встречу Николая II и Вильгельма II 3—6 августа 1907 г. в Свинемюнде.

31 июля 1907 г. Извольский сообщил «строго секретно» германскому послу в Петербурге о подписании общеполитического соглашения с Японией, добавив, что он ознакомит рейхсканцлера Германии Бюлова с текстом соглашения во время предстоящей встречи в Свинемюнде, после чего с приглашением будут ознакомлены другие державы²³⁷). Вероятно, с этой целью опубликование русско-японского соглашения

²³³) См. В. З и в. Иностранные капиталы в русских акционерных предприятиях, вып. 1, Германские капиталы, Петроград 1915 г., стр. 17.

²³⁴) См. В. З и в. Указ. соч., стр. 40.

²³⁵) ЦГАДВ, ф 702, оп. 2, д. 205-а, л. 105.

²³⁶) Там же, оп. 4, д. 553, лл. 67—69.

²³⁷) «G. P.», Bd. XXV, T. 1, S. 62. Телеграмма Шёна из Петербурга, 31 июля 1907 г.

по договоренности между Извольским и Мотоно было отложено до 2-го августа²³⁸). Германская пресса не подвергла критике русско-японское соглашение, однако в газетах высказывалось мнение, что Россия развязала руки на Дальнем Востоке и вновь становится важным фактором мировой политики²³⁹). Во время свидания в Свиномюнде Извольский имел несколько продолжительных бесед с Бюловым, который, по словам Извольского, заявил, что русско-японское соглашение «вполне соответствует целям, преследуемым Германией на Дальнем Востоке и... может лишь содействовать упрочению общего мира в этих краях»²⁴⁰). Извольский стремился успокоить Бюлова по поводу англо-русских переговоров, указывая, что «они имеют в виду отнюдь не цели общеполитические, а разрешение конкретных вопросов на почве азиатских дел»²⁴¹). Бюлов отмечал, что беседа с Извольским в Свиномюнде дала довольно удовлетворительные результаты»²⁴²).

После заключения франко-японского соглашения германская дипломатия стала обсуждать вопрос о возможности подписания аналогичного соглашения между Германией и Японией. 16 июня 1907 г. германский посол в Токио Мумм фон Шварценштейн сообщил в ведомство иностранных дел, что, по его мнению, подобное соглашение между Германией и Японией уже имеется, так как Япония 29 октября 1900 г. примкнула к англо-германскому соглашению о Китае, подписанному 16 октября 1900 г.²⁴³). Статс-секретарь по иностранным делам Германии Чиршки согласился с подобной точкой зрения, но особо подчеркнул, что германское правительство не может взять в свои руки инициативу относительно заключения соглашения с Японией по дальневосточным делам, а о том, что Япония желает войти в соглашение с Германией, писал Чиршки, в Берлине нет «никаких признаков»²⁴⁴).

Германское правительство сделало попытку достичь соглашения с Соединенными Штатами для того, чтобы блоку Антанты на Дальнем Востоке противопоставить американо-германский блок. Германский посланник в Пекине Рекс еще

²³⁸) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, д. 715, л. 1.

²³⁹) АВПр. Японский стол, д. 203, л. 8. Деша Булацеля из Берлина, 23/10 августа 1907 г.

²⁴⁰) АВПр. Японский стол, д. 203, л. 58. Конфиденциальное письмо Извольского российским представителям при великих дворах от 15/2 августа 1907 г.

²⁴¹) Там же, л. 59.

²⁴²) Б. Бюлов. Воспоминания. М.—Л., 1935, стр. 328.

²⁴³) «G. P.», Bd. XXV, T. I, S. 63. По договору от 16 октября 1900 г. Англия и Германия обязались поддерживать политику открытых дверей в Китае на той территории, «на которой обе державы имеют возможность осуществить свое влияние». См. А. Гальперин. Указ. соч., стр. 90.

²⁴⁴) «G. P.», Bd. XXV, T. I, S. 63. Чиршки Мумм фон Шварценштейн, Берлин, 5 августа 1907 г.

4 июля 1907 г. сообщил статс-секретарю, что, по его мнению, соглашение Англии, Франции и Японии «угрожает экономическим стремлениям остальных стран в Китае» и предлагал попытаться в противовес англо-франко-японскому союзу заключить соглашение между Германией, Россией и Соединенными Штатами²⁴⁵). Так как Россия вскоре достигла соглашения с Японией и Англией, то германская дипломатия стала искать путей сближения с Соединенными Штатами Америки. Статс-секретарь ведомства иностранных дел Чиршки в сентябре 1907 г. писал германскому послу в Вашингтоне, что если обстоятельства не позволят заключить политическое соглашение между США и Германией о Восточной Азии, «то может быть все же удалось бы найти путь, чтобы отстоять от перевеса трех держав Антанты наши однородные хозяйственные интересы в Китае»²⁴⁶). Так, по инициативе Германии начались американо-германские переговоры по вопросам политики в Китае²⁴⁷). Правительство Германии выдвинуло идею заключения германо-американо-китайского «союза с целью сохранения равновесия сил на Дальнем Востоке»²⁴⁸). Однако в Пекине и Вашингтоне предложение Германии первоначально не вызвало особого интереса.

Соглашения 1907 г., которые подвели итог изменениям, происшедшим во взаимоотношениях великих держав после русско-японской войны, не привели к стабилизации на Дальнем Востоке. Созданное там положение было шатким и неустойчивым. Оно подрывалось как борьбой противоречивых интересов внутри блока стран Антанты, так и наступательной политикой США и Германии, стремившихся оттеснить своих конкурентов с занятых ими позиций.

²⁴⁵) Ibid., S. 71. Чиршки послу Германии в Вашингтоне Штернбергу, 15 сентября 1907 г.

²⁴⁶) Ibidem.

²⁴⁷) См. Главу III.

²⁴⁸) Feng Djen Djang. The Diplomatic Relations between China and Germany since 1898, Shanghai, 1936, p. 172.

**УСИЛЕНИЕ АГРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ
АМЕРИКАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА НА ДАЛЬНЕМ
ВОСТОКЕ В 1908—1910 гг.
КОЛОНИАЛЬНАЯ ЭКСПАНСИЯ ЗАПАДНЫХ
ДЕРЖАВ В КИТАЕ**

**1. Взаимоотношения Соединенных Штатов Америки
с Германией и Японией. Соглашение Рут-Такахира**

Политика равновесия сил на Дальнем Востоке, которую проводило правительство Т. Рузвельта, не оправдала себя. Равновесие было подорвано соглашениями 1907 г. и дальнейшим укреплением позиций Японии. Американский историк Бейль считает, что решающую роль в этом отношении сыграло соглашение между Россией и Японией, которые договорились «вместо того, чтобы уравнивать друг друга для выгод других». «Еще до того, как Рузвельт ушел со своего поста, — пишет Бейль, — равновесие Японии против России, которое, как он думал, он обеспечил в Портсмуте и на которое он рассчитывал, чтобы держать Азию открытой, было нарушено»¹).

Японо-американские отношения в 1907—1908 гг. продолжали оставаться напряженными в связи с соперничеством в Китае и ограничениями против японской иммиграции в США. Антиамериканская пропаганда в Японии и антияпонская в Соединенных Штатах достигли большой остроты. В таких условиях американские предприниматели, действовавшие в Китае, обратились к правительству с просьбой послать к берегам Китая эскадру американского военного флота. Это был желанный предлог для демонстрации американской военной мощи, которую давно задумал президент Т. Рузвельт. Решение правительства о предстоящем походе американского флота на Дальний Восток было опубликовано 16 марта 1907 г.²).

В июне 1907 г. группа расистов-хулиганов разгромила небольшой японский ресторан в Сан-Франциско, что вызвало взрыв японо-американского антагонизма. Положение стало настолько острым, что президент Т. Рузвельт послал шифрованную телеграмму командующему американскими войсками на Филиппинах с указанием быть готовым к защите островов от «с минуты на минуту ожидаемого японского нападения»³).

¹) Н. Beale. *Op. cit.*, p. 332.

²) E. Zabriskie. *Op. cit.*, y. 135.

³) *Ibidem.*

Основной причиной ухудшения японо-американских отношений была борьба двух империалистических держав за господство на Дальнем Востоке и Тихом океане.

Крайнее обострение японо-американских отношений нашло свое отражение в исторических и историко-публицистических сочинениях того времени. Особенно сильно это проявилось в работах Т. Милларда и Г. Ли. Т. Миллард писал, что рост рынков сбыта на Востоке и промышленный подъем в США «вызывают рост американской активности на Тихом океане, бассейн которого признается многими как вероятный будущий центр наибольших действий в мире»⁴). Здесь же Миллард указывает, что американские интересы на Востоке не ограничиваются Филиппинами, а носят всеобъемлющий характер. Г. Ли в книге «Если Америка будет сражаться с Японией», опубликованной в США в 1909 г., писал о неподготовленности Соединенных Штатов к большой войне с Японией за владычество на Тихом океане и требовал увеличить вооруженные силы США к тому времени, «когда эта республика возьмется остановить экспансию европейских империй и попытается без надлежащей военно-морской и военной силы сохранить целым для себя Тихий океан и Западное полушарие»⁵).

Прямым следствием ухудшения японо-американских отношений явилось увеличение американского флота и меры по быстрейшему вводу в строй Панамского канала. В мае 1908 г. было принято решение расширить военно-морскую станцию Пирл-Харбор на Гавайских островах, и для этой цели был выделен 1 млн. долларов⁶). Укрепление военных, политических и экономических позиций американского империализма на Дальнем Востоке и Тихом океане стало первостепенной задачей внешней политики США.

В декабре 1907 г. американская эскадра в составе 16 боевых кораблей, которые сопровождалась вспомогательными судами, вышла из портов Атлантического побережья и к весне 1908 г. появилась на Тихом океане. Президент США заявил, что он решил отправить эскадру в кругосветное путешествие для того, чтобы «внушить американцам мысль, что их флот великая и важная вещь», а также для того, чтобы «показать другим народам силу Северо-американских Соединенных Штатов — ибо мы, американцы, — говорил Т. Рузвельт, — никогда не забываем правила: говори мягко, но не выпускай

⁴) T. Millard. The Far Eastern Questions. London — Leipsic, 1909, p. 503.

⁵) Цит. по сокращенному изданию. H. Lea. If America fights with Japan. Australia, 1942, p. 63.

⁶) O. Clinard. Op. cit., p. 61.

из рук палки»⁷). Впоследствии Т. Рузвельт называл кругосветный рейс американской эскадры одним из наиболее крупных достижений США в начале XX в.⁸). Главной целью посылки флота на Дальний Восток было желание правительства Соединенных Штатов продемонстрировать американскую военно-морскую мощь перед лицом Японии и укрепить позиции США на Дальнем Востоке. В послании президента конгрессу США от 3 декабря 1907 г. отмечалось, что посылка Атлантического флота в Тихий океан вызвана, главным образом, стремлением дать возможность американским морякам получить навыки морской службы в длительном плавании. Правда, здесь же отмечалась необходимость защиты американских путей сообщения в Тихом океане и интересов тихоокеанских штатов. В этом же послании конгрессу Т. Рузвельт подчеркивал успехи Японии в развитии экономики и культуры и отмечал дружеские взаимоотношения США и Японии⁹). Это не было случайным, несмотря на обострение борьбы за господство в Китае, ни США, ни Япония не собирались в то время доводить дело до войны и искали компромиссного соглашения. В подобном соглашении были прежде всего заинтересованы правящие круги США, так как военно-политические позиции Японии в Восточной Азии были более сильными по сравнению с американскими.

Взаимный зондаж о возможности достижения американо-японского соглашения проходил на протяжении 1907 г., причем в нем с обеих сторон принимали участие представители высокого ранга. В мае 1907 г. Соединенные Штаты посетил генерал Куроки, которому, по словам русского посла в Вашингтоне Розена, были оказаны «необычайные почести»¹⁰). В июле этого же года США проездом из Лондона посетил адмирал Ямомото, имевший встречу с президентом Т. Рузвельтом. В официальном сообщении, опубликованном по этому случаю, отмечалось, что свидание «во всех отношениях было удовлетворительным»¹¹). Русский посол в Вашингтоне, внимательно следивший за развитием японо-американских отношений, отмечал стремление правительства США сгладить антияпонский характер перевода большей части Атлантического флота к западным берегам США и писал, что войны «между США и Японией не будет, так как японская экспансия направлена не на Филиппины, а на Китай и русское Приморье»¹²).

7) «Дальний Восток», 19 сентября 1908 г.

8) T. Bailey. The World Cruise of the American Battleship Fleet, 1907—1909. «The Pacific Historical Review», 1932, Nr. 4, p. 389.

9) «Congressional Record», vol. 42, part 1, p. 83—84.

10) АВГР. Канцелярия, 1907, д. 136, лл. 91—92. Розен Извольскому, 29/16 мая 1907 г.

11) Там же, л. 113.

12) АВГР. Канцелярия, 1907, д. 136, лл. 115, 162, 174.

В сентябре 1907 г. военный министр США Тафт посетил Японию. Тафт вел переговоры с премьер-министром и министром иностранных дел Японии, был на приеме у императора. Тафт отказался взять какие-либо обязательства относительно отмены дискриминационных мер против японских иммигрантов в США, но обещал, что американское правительство не будет препятствовать «реформаторской деятельности» Японии в Корее¹³). Таким образом, Тафт заявил о согласии правительства США на дальнейшее закабаление Кореи Японией.

25 октября 1907 г. японский посол в Вашингтоне Аоки обратился к президенту США с предложением принять декларацию о дружественных отношениях и сотрудничестве между Соединенными Штатами и Японией для того, чтобы разрядить обстановку и покончить с разговорами о близости японо-американской войны. В частности, Аоки предлагал сохранить статус кво на Тихом океане и в Китае. Несколько дней спустя министр иностранных дел Японии Хаяси говорил американскому послу в Токио, что предложение Аоки соответствует намерениям японского правительства¹⁴). Государственный департамент изъявил готовность вести переговоры по вопросам политики в Китае и на Тихом океане¹⁵). Однако вскоре правительство Сайондзи отклонило предложение, сделанное Аоки, и отозвало его из Вашингтона. Данный акт японского правительства скорее всего объяснялся стремлением выиграть время и добиться уступок в вопросе о положении японских иммигрантов в США. Хаяси, бывший в то время министром иностранных дел, в своих мемуарах писал, что принятие декларации «о взаимном признании привилегий дружественных держав» было излишним, так как это признавалось обычным делом в этике международных отношений¹⁶). По мнению Хаяси, подобный договор был ненужным и мог лишь посеять подозрения о наличии конфликта между двумя странами.

Убедившись в том, что Япония стремится сохранить независимость своих действий и не желает считаться с интересами американских империалистов, правительство США решило оказать на Японию дипломатическое давление и с этой целью вступило в переговоры с британскими доминионами, кроме того использовало попытки германской дипломатии создать антиантантовскую группировку на Дальнем Востоке в составе США, Германии и Китая. В начале 1908 г. Т. Рузвельт выдвинул идею создания «общего фронта наций, гово-

¹³) R. Minger. Taff's Missions to Japan: A Study in Personal Diplomacy. «The Pacific Historical Review», 1961, Nr. 3, p. 289—292.

¹⁴) T. Bailey. The Root Takahira Agreement of 1908. «The Pacific Historical Review», 1940, Nr. 1, p. 19—20.

¹⁵) G. Mowry. Op. cit., p. 189.

¹⁶) E. Price. Op. cit., p. 40—41.

рящих на английском языке», путем подписания соответствующего соглашения, на основе которого во всех этих странах было бы запрещено поселение иммигрантов из Азии. Американская дипломатия обосновывала данное предложение расовыми соображениями и доказывала, что его осуществление приведет к улучшению англо-американских отношений. Правительство США вело переговоры через Канаду. Предложение Т. Рузвельта встретило крайне отрицательное отношение в Лондоне, где решили, что американское правительство стремится таким путем укрепить свои позиции в британских доминионах. Министр иностранных дел Англии Э. Грей иронически заявил: «Великодушное предложение миролюбивого президента расширить доктрину Монро и установить американский протекторат над Канадой и Австралией в качестве результата канадского договора является занимательным и, я надеюсь не будет иметь серьезных результатов»¹⁷⁾. Как уже отмечалось, в сентябре 1907 г. германский посол в Вашингтоне получил инструкцию своего правительства относительно переговоров о германо-американском соглашении о политике в Китае и установил по этому вопросу контакт с государственным департаментом. Президент Т. Рузвельт считал целесообразным привлечь к переговорам Китай. Американский автор Д. Рид пишет, что Рузвельт «был готов рассмотреть соглашение с Китаем и Германией для того, чтобы сохранить Китайскую империю и открытые двери для американской торговли в Китае»¹⁸⁾. Американские дипломаты считали, что к предлагаемому соглашению впоследствии могли бы присоединиться Великобритания и Россия, что дало бы возможность «изолировать» Японию и Францию, а китайская «империя, как единое, целое и независимое, но нейтральное государство, служило бы для международной торговли»¹⁹⁾.

Правительство США в целях сохранения и укрепления своего влияния в Китае в июне 1907 г. уведомило китайского посланника в Вашингтоне о том, что президент предложил конгрессу освободить Китай от части «боксерской контрибуции», сверх суммы в 11 665 тыс. долларов, которая, по утверждению государственного департамента, была установлена в результате подсчета убытков американских граждан во время восстания и правительственных расходов на его подавление²⁰⁾. Объясняя причины подобной «щедрости» амери-

¹⁷⁾ D. Gordon. Roosevelt's «Smart Yankee Trick». «The Pacific Historical Review», 1961, Nr. 4, p. 351—358.

¹⁸⁾ J. Reid. Op. cit., p. 11.

¹⁹⁾ Ibid., p. 12.

²⁰⁾ АВГР. Канцелярия, 1907, д. 136, л. 99. Всего в счёт «боксерской контрибуции» Китай должен был уплатить Соединенным Штатам 24 млн. долларов. В американском заявлении относительно «отказа» США от по-

канского правительства, русский посол в Вашингтоне писал, что данная «мера рассчитана на то, чтобы произвести хорошее впечатление в Китае и создать благоприятные условия для американских торговых интересов после недавнего бойкота американских товаров»²¹).

Тафт во время пребывания в Китае произнес в октябре 1907 г. речь в Шанхае, в которой говорил, что политика США по китайскому вопросу состоит в поддержании принципа «открытых дверей», сохранения административной и территориальной целостности Китая, обеспечении прав, принадлежащих иностранным державам на основе договоров и в уважении к лозунгу Китая для китайцев²²). Это было откровенное заявление о твердом намерении американского империализма не допустить своего отстранения от эксплуатации китайского народа. Но в то же время уверения американских официальных лиц в том, что США выступает против дальнейшего раздела Китая на зоны влияния, сеяло обманчивые надежды среди китайских националистов на возможность опереться на США в борьбе против агрессии японского империализма.

В начале 1908 г. газета «Нью-Йорк геральд» (владелец которой миллионер Г. Беннет только что вернулся из путешествия на Дальний Восток) начала кампанию за заключение американо-китайского союза. Идея союза была положительно встречена американскими торгово-промышленными кругами²³). По инициативе Юань Ши-кая, надеявшегося путем сближения с Соединенными Штатами укрепить свои позиции в правительстве, была намечена поездка губернатора Мукденской провинции Тан Шао-и в США²⁴).

Германская дипломатия прилагала максимум усилий для использования японо-американского соперничества в своих интересах и с этой целью побуждало правительство Китая выступить инициатором предполагаемого соглашения трех государств. 17 октября 1907 г. рейхканцлер Бюлов телеграфировал германскому послу в Вашингтоне о том, что, по сведениям германского посланника в Пекине Рекса, китайское правительство по предложению Юань Ши-кая дало указание своим представителям в Вашингтоне и Берлине зондировать

ловицы причитавшейся им контрибуции (около 12 млн. долларов) было указано, что Китай обязан использовать эту долю американской контрибуции исключительно на нужды народного образования. Значительная часть ее расходовалась на субсидирование американских учебных заведений, открывшихся в Китае.

²¹) АВГР. Канцелярия, 1907, д. 136, л. 100. Розен Извольскому, 19/6 июня 1907 г.

²²) АВГР. Китайский стол, д. 1486, л. 9. Делеша Крупенского из США, 1 сентября/19 августа 1908 г.

²³) Там же, л. 2. Письмо Крупенского, Манчестер, 18/5 августа 1908 г.

²⁴) С Тан Шао-и вел переговоры известный американский делец и дипломат В. Стрейт, представлявший интересы американских монополий в Китае.

почву относительно союза с Соединенными Штатами и Германией. Бюлов предлагал Штернбургу сообщить содержание данной телеграммы «строго секретным образом» президенту Рузвельту и государственному секретарю Руту²⁵⁾.

В начале ноября 1907 г. состоялась встреча между послом Германии в Вашингтоне Штернбургом и президентом Т. Рузвельтом, во время которой обсуждались вопросы дальневосточной политики. Т. Рузвельт высказал опасения относительно политики Японии, которая, по его мнению, могла использовать свои соглашения с Англией, Францией и Россией для того, чтобы добиться раздела Китая. Причем в случае раздела, — говорил Рузвельт, — Япония захватит «львиную долю», а затем окончательно вытеснит из Китая другие державы. Президент сказал германскому послу, что не получал сообщения китайского посланника относительно предполагаемого германо-американо-китайского союза и считает подобный союз «не созревшим, так как для него не хватает достаточного повода»²⁶⁾. Как писал Штернбург, Рузвельт опасался, что «публичное заявление относительно соглашения Германии и Соединенных Штатов Америки для сохранения независимости» Китая и открытых дверей там «вызвало бы сейчас только зависть и могло бы повредить»²⁷⁾. Однако Рузвельт положительно отнесся к идее дальнейших переговоров по поднятому вопросу и заявил, что подходящим моментом для объявления согласованной политики Германии и США на Дальнем Востоке может явиться предполагаемая «морская экспедиция» военного флота Соединенных Штатов на Дальний Восток. «Сообщите его величеству (Вильгельму II — С. Г.), — сказал Рузвельт Штернбургу, — что я в отношении больших восточно-азиатских вопросов как раньше, так и сейчас пойду с ним рука об руку. Я был бы благодарен его величеству за предложения о сохранении статус кво и укреплении Китая, мне хотелось бы также услышать мнение императоров о союзе, которого добивается Китай с Германией и Соединенными Штатами»²⁸⁾.

Характерно, что американский президент говорил о «независимости и целостности Китая» лишь тогда, когда это соответствовало интересам американских империалистов. В этой же беседе со Штернбургом, на вопрос последнего относительно «арендованного» Германией у Китая порта Циндао, Рузвельт ответил: «Я вижу вероятность совместного действия флотов Германии и Соединенных Штатов против Японии. Однако, без наличия сильного военного порта наше наступление имело бы только малый успех». Таким образом, Рузвельт

²⁵⁾ «G. P.», Bd. XXV, T. I, S. 74

²⁶⁾ Ibid., S. 78.

²⁷⁾ «G. P.», Bd. XXV, T. I, S. 78.

²⁸⁾ Ibidem.

обещал содействовать сохранению германского господства в Циндао и Шаньдунской провинции. Рузвельт считал, что в случае японо-американской войны Великобритания не решится поддержать Японию, боясь потерять Канаду, которую могли бы занять США. Президент отрицательно отнесся к предложению Штернбурга о возможной помощи со стороны немецких войск на случай, если японо-американская война развернется на суше. Вообще возможность вторжения японских войск на побережье США была маловероятной, однако Рузвельт выдвинул другой аргумент в обоснование своего отказа от германской помощи. «Я пришел к уверенности, — заявил Рузвельт, — что дисциплинированная, по-современному вышколенная армия может быть создана лишь после того, как наша теперешняя армия понесла бы большое поражение, которое здесь уничтожило бы суеверие, что наша нынешняя армия непобедима»²⁹).

Правительство Соединенных Штатов в период обострения японо-американских отношений стремилось опереться на Германию. В этом аспекте не лишен интереса тот факт, что Т. Рузвельт советовался с адмиралом Тирпицем о посылке американского флота на Дальний Восток и получил одобрение Тирпица³⁰). Вильгельм II, получив донесение Штернбурга с изложением записи беседы последнего с Рузвельтом, поручил статс-секретарю ведомства иностранных дел Шённу сообщить американскому президенту о том, что он согласен с его точкой зрения на возможность тройственного соглашения. «Его величество держится того мнения, — писал Шён Штернбургу, — что предложение Китая заключить союз с Германией и США следует благожелательно взвесить, но что следует обождать, чтобы Китай обратился с таким желанием в наш адрес. Этого до сих пор еще не было»³¹).

Американское правительство затягивало переговоры и не хотело брать на себя твердых обязательств, надеясь на соглашение с Японией. Однако, когда Штернбург 4 декабря 1907 г. сообщил Т. Рузвельту о том, что германскому послу в Пекине Рексу удалось добиться благоприятного отношения правительства Китая к предполагаемому союзу, то Рузвельт ответил довольно определенно, что при существующих в США «взглядах и принципах, формальный союз исключается, но соглашение о совместных действиях трех держав могло бы быть достигнуто»³²). Император Германии требовал от своих дипломатов быстрее заключения соглашения с Соединенными Штатами и Китаем. Вильгельм II на донесении посланника

²⁹) «G. P.», Bd. XXV, T. I, S. 79.

³⁰) А. Тирпиц, Воспоминания, М., 1957, стр. 211.

³¹) «G. P.», Bd. XXV, T. I, S. 79—80. Шён Штернбургу, 22 ноября 1907 г.

³²) «G. P.», Bd. XXV, T. I, S. 80.

в Китае Рекса писал, что «Мы до сих пор в этом направлении ничего не сделали. Но сейчас это будет сделано! Сейчас же»³³).

Правительство Германии шло на все уступки для того, чтобы достигнуть соглашения с Соединенными Штатами, подобное соглашение не только упрочило бы позиции германского империализма в Китае, но и укрепило международное положение Германии. Рейхканцлер Бюлов в январе 1908 г. писал германскому посланнику в Пекине, что союзное соглашение между Германией, Китаем и США невозможно, так как правительство США не смогло бы добиться согласия сената на подписание союзного договора. Поэтому придется «довольствоваться декларациями», писал Бюлов. Здесь же он уточнял, что собой должно представлять проектируемое соглашение. Китай должен «просить нас и Соединенные Штаты, — инструктировал Бюлов Рекса, — о поддержке его политики, которую Китай должен уточнить в том направлении, что он не сделает никаких территориальных уступок в пользу какой-либо державы и сохранит открытые двери для торговли всех наций; в свою очередь Германия и Соединенные Штаты должны будут заявить Китаю о своем согласии с этой политикой и в то же время заверить его в том, что они направят свои усилия для сохранения неприкосновенности и независимости Китая»³⁴).

Подобное предложение не могло вызвать энтузиазма у китайского правительства. По-видимому, даже Юань Ши-кай, бывший сторонником сближения с Германией и Соединенными Штатами, колебался, так как в течение длительного времени цинское правительство не давало определенного ответа на предложение США и Германии. При пекинском дворе опасались, как бы Китай не был вовлечен в борьбу между двумя империалистическими группировками. Кроме того, в ответ на весьма неопределенные обязательства относительно «поддержки неприкосновенности и независимости» Китай должен был гарантировать проведение политики «открытых дверей», что в некоторых районах страны, превращенных в сферы влияния империалистических государств, например, в Южной Маньчжурии, китайское правительство было не в состоянии осуществить. Примкнув к американо-германскому блоку, Китай нарушил бы ставшую традиционной внешнеполитическую линию цинского правительства, направленную на то, чтобы сохранять нейтралитет и лавировать между великими державами с целью защиты интересов китайской империи. Приняв германо-американское предложение в формулировке Бюлова, китайское правительство должно было бы согласиться на контроль двух

³³) Ibid., S. 86.

³⁴) «G. P.», Bd. XXV, T. I, S. 89. Бюлов Рексу, 3 января 1908 г.

держав над его внешней политикой, т. е. на введение своеобразного протектората. Было вполне очевидно, что империалисты Соединенных Штатов и Германии заботятся не о независимости Китая, а добиваются его дальнейшего закабаления в своих интересах.

Обсуждение вопроса о возможности заключения американо-китайского союза вызвало серьезное беспокойство среди правящих кругов Японии, которые расценивали политику США как попытку занять особое положение в Китае. Когда посланник Китая в Вашингтоне, положительно относившийся к идее американо-китайского союза, изложил этот план в беседе с корреспондентом одной из газет, то японский посланник в Пекине заявил протест китайскому правительству³⁵), а японский посол в Вашингтоне посетил президента Т. Рузвельта и официально просил последнего опровергнуть слух о возможности заключения союза между Соединенными Штатами Америки и Китаем³⁶). Правительство США считало американо-германские переговоры полезной для интересов Соединенных Штатов мерой давления на Японию и затягивало их. В американской прессе появились сообщения о возможности заключения американо-германского соглашения в случае развития «внутренних смут» в Китае³⁷). В конце лета 1908 г. в воды Китая прибыла германская военно-морская эскадра³⁸), что, по замыслам германских дипломатов, должно было подтвердить серьезное отношение Германии к идее тройственного соглашения на Дальнем Востоке.

В августе 1908 г. Тан Шао-и доверительно сообщил германскому послу в Пекине о своей предстоящей поездке в Вашингтон и Берлин для переговоров с целью «сближения с Германией и Америкой»³⁹). Слухи о поездке Тан Шао-и для переговоров о заключении «тройственной антанты» в целях «сохранения целостности Китайской империи» проникли в печать⁴⁰). Сведения о переговорах между США, Германией и Китаем произвели впечатление не только на Японию, но вызвали серьезное беспокойство в Англии и Франции, где прекрасно понимали, что германская дипломатия стремится использовать обострение японо-американских противоречий для вовлечения Соединенных Штатов в союз, противостоящий странам Антанты. Заключение проектировавшегося соглашения укрепило бы позиции Германии, которая готовилась к решительной схватке со своими империалистическими конкурен-

³⁵) «Дальний Восток», 11 сентября 1908 г.

³⁶) «Дальний Восток», 16 сентября 1908 г.

³⁷) «Новое время», 19 февраля 1908 г.

³⁸) «Дальний Восток», 17 сентября 1908 г.

³⁹) «G. P.», Bd. XXV, T. I, S. 96. Рекс в ведомство иностранных дел Германии, Пекин 5 августа 1908 г.

⁴⁰) J. Reid. Op. cit., p. 16.

тами. В таких условиях английское правительство начинает оказывать нажим на свою союзницу Японию, добиваясь того, чтобы последняя быстрее урегулировала взаимоотношения с США. С этой целью была использована финансовая зависимость Японии от Англии⁴¹).

В апреле 1908 г. (по пути в Лондон и Париж) Соединенные Штаты посетила группа японских банкиров во главе с бывшим министром финансов Сакатани⁴²). Японские газеты писали, что поездка финансистов была предпринята с целью заключения займа на 80 млн. иен. Сакатани заявил, что состояние японо-американских отношений не дает возможности надеяться на заключение займа в США и что поэтому японское правительство рассчитывает заключить заем в Англии и Франции⁴³). Однако в Париже Япония встретила безусловный отказ и лишь с трудом смогла разместить краткосрочный заем (по март 1909 г.) на 20 млн. иен в Лондоне⁴⁴). Без финансовой поддержки более мощных империалистических держав Япония не могла затевать новые большие авантюры на Дальнем Востоке: государственный бюджет составлялся с большим напряжением. В 1908—1909 финансовом году японскому правительству удалось разместить в самой Японии государственных займов только на 2,5 млн. иен⁴⁵).

Финансово-экономическая слабость и давление стран Антанты вскоре заставили японское правительство пойти на соглашение с Соединенными Штатами Америки по вопросам политики в Китае и на Тихом океане. К началу 1908 г. закончились оформление «джентльменского соглашения» длительные переговоры между США и Японией о японской иммиграции в Соединенные Штаты. По данному соглашению правительство США обязалось не запрещать въезд в Соединенные Штаты японцам, снабженным японскими заграничными паспортами. В свою очередь японское правительство обязалось ограничить число выдаваемых паспортов на въезд в США и не давать заграничных паспортов чернорабочим⁴⁶).

США продолжали оказывать давление на Японию, добиваясь признания своих интересов в Китае. В феврале 1908 г.

⁴¹) Государственный секретарь США Бэкон (в 1908 г. он был заместителем государственного секретаря) считал, что одной из причин подписания соглашения Рут-Такахира была «нужда Японии в деньгах», так как возможные кредиторы боялись столкновения Японии со США и отказывали Японии в займах. См. АВПР. Японский стол, д. 205, л. 116. Доверительная депеша Розена из Вашингтона, 16/3 февраля 1909 г.

⁴²) Сакатани был принят Т. Рузвельтом.

⁴³) АВПР. Канцелярия, 1908, д. 139, лл. 161—162. Крупенский Извольскому, Вашингтон, 13 мая/30 апреля 1908 г.

⁴⁴) АВПР. Японский стол, д. 205, л. 55. Донесение Малевского-Малевича из Токио, 5 декабря/22 ноября 1908 г.

⁴⁵) L. Lawton. Empires of the Far East, v. II, London, 1912, p. 899.

⁴⁶) Л. И. Зубок. Очерки истории США (1877—1918), М., 1956, стр. 416.

газета «Вашингтон пост», в связи с приездом в США нового японского посла барона Такахира, поместила статью, в которой выражалось недовольство действиями Японии в Китае и прежде всего несоблюдением политики «открытых дверей»⁴⁷⁾. В апреле президент Т. Рузвельт обратился к конгрессу со специальным посланием, в котором требовал разрешения на постройку четырех новых броненосцев, доказывая, что США должны обладать необходимой силой, чтобы «молчаливо не сносить нанесенную обиду». При обсуждении этого вопроса некоторые из сенаторов прямо заявили, что увеличение флота необходимо для борьбы с Японией⁴⁸⁾. Конгресс разрешил постройку двух броненосцев вместо четырех, но лидеры сената обещали президенту ежегодно отпускать средства на сооружение двух броненосцев, что давало возможность США сохранить второй по мощи военно-морской флот после Великобритании.

6 мая 1908 г. американская эскадра, отправлявшаяся на Дальний Восток, прибыла в Сан-Франциско, куда к этому времени приехал морской министр Меткаф, устроивший смотр флоту. К этому времени торгово-промышленные круги, имевшие интересы на Тихом океане и в Китае, подготовили петицию на имя президента, подписанную представителями тихоокеанских штатов, с просьбой оставить в водах Тихого океана эскадру в составе 12 броненосцев и 8 броненосных крейсеров. На банкете, который был дан в Сан-Франциско в честь морского министра, милитаристски настроенные ораторы говорили о том, что Тихий океан вскоре явится ареной грядущей мировой борьбы и что США должны готовиться к этой борьбе⁴⁹⁾.

В Японии хорошо понимали антияпонский характер военно-морской демонстрации США. Японское правительство ко времени прибытия американской эскадры стянуло в свои территориальные воды 70 военных кораблей различного класса⁵⁰⁾. Но японские дипломаты считали опасным для интересов японского империализма дальнейшее ухудшение японо-американских отношений. В середине марта японский посол в США Такахира от имени своего правительства пригласил американскую эскадру посетить Японию, а правительство США приняло это приглашение. В дальнейшем оба правительства стремились показать, что тихоокеанский поход американской эскадры носит характер дружественного визита и послужит улучшению отношений между США и Японией. Следует отметить, что между американскими и японскими монопо-

⁴⁷⁾ «Washington Post», February 18, 1908; АВПР. Канцелярия, 1908, д. 139, л. 53. Приложение к донесению русского посла в Вашингтоне.

⁴⁸⁾ Там же, л. 122. Крупенский Извольскому, 29/16 апреля 1908 г.

⁴⁹⁾ Там же, л. 158. Крупенский Извольскому, 13 мая/30 апреля 1908 г.

⁵⁰⁾ П. П. Севостьянов. Указ. соч., стр. 84.

лиями установились довольно тесные торговые связи, сказывавшиеся на взаимоотношениях двух государств. США во внешней торговле Японии занимали второе место после Англии. В 1907—1908 финансовом году товарооборот между Соединенными Штатами и Японией исчислялся в 109,5 млн. долларов, а товарооборот между США и Китаем за этот же год достиг лишь 48,3 млн. долларов⁵¹).

5 мая 1908 г. между США и Японией была заключена арбитражная конвенция⁵²), по которой оба государства обязались в случае возникновения конфликтов между ними, которые не удастся урегулировать путем взаимных переговоров, обращаться к Гаагскому третейскому суду. Правда, в тексте конвенции имелась оговорка, что обращение к третейскому суду может последовать лишь в том случае, если спор не касается «жизненных интересов, независимости и чести договаривающихся сторон и если не является заинтересованной третья держава». В донесении русского посла из Вашингтона отмечалось, что заключение арбитражных соглашений между США и европейскими государствами прошло незамеченным. Однако японо-американскому соглашению американские газеты посвящали передовые статьи, в которых подчеркивались дружественные взаимоотношения двух держав и критиковались имевшие место алармистские выступления по отношению к Японии⁵³).

Неразрешенным вопросом японо-американских отношений долгое время был вопрос об охране фабричных торговых марок и изобретений в Китае. Японские фирмы и торговцы широко практиковали подделку иностранных фабричных знаков и клейм на японских товарах низкого качества для того, чтобы обеспечить их лучший сбыт. Подделка фабричных марок наносила значительный ущерб американским, английским и немецким торгово-промышленным предприятиям. В начале 1908 г. британский посол в Токио Макдональд заявил, что он за полчаса ходьбы в столице Японии нашел бы от десяти до двадцати поддельных британских фабричных клейм на японских товарах⁵⁴). В 1905—1906 гг. Соединенные Штаты Америки подписали соглашение с Францией, Нидерландами, Бельгией, Германией, Великобританией, Италией и Россией о взаимной охране фабричных торговых марок в Китае⁵⁵). К 1907 г. аналогичные соглашения были подписаны почти между всеми государствами, имевшими торговые интересы в Китае.

⁵¹) «Statesman's Year — Book», v. 46, London, 1909, p. 384.

⁵²) Конвенция была подписана в Вашингтоне государственным секретарем Руттом и японским послом Такахира.

⁵³) АВПР. Канцелярия, 1908, д. 139, лл. 164—165. Крупенский Извольскому, 13 мая/30 апреля 1908 г.

⁵⁴) L. L o w t o n. Op. cit., p. 978.

⁵⁵) J. M a c M u r r a y. Op. cit., v. 1, p. 538—549.

Японо-американские переговоры по этому вопросу длились более трех лет и, наконец, во второй половине мая 1908 г. между США и Японией были заключены две конвенции о взаимной охране патентов и торговых марок в Китае и Корее. Насколько серьезное значение придавала американская дипломатия этим конвенциям, свидетельствует тот факт, что они были ратифицированы сенатом на следующий день после их подписания⁵⁶). Японское правительство обязалось принять меры против фальсификации американских изобретений и товаров. В соответствии с соглашением, японские суды в Китае, в пределах своей юрисдикции, должны были поставить под «защиту японского закона» американские патенты и изобретения⁵⁷), что имело большое значение для деятельности американских предпринимателей в Южной Маньчжурии.

В ответ на уступки, касавшиеся американских торговых интересов в Китае, правительство США пошло на признание японского господства в Корее. На основании заключенной конвенции японское правительство обязалось ввести и применять к американским торговцам и предпринимателям в Корее законы и правила о патентах и торговых марках, одинаковые с действовавшими в Японии. Со своей стороны США согласились в вопросах, трактованных конвенцией, приравнять корейских подданных к японским и подчинить исключительной юрисдикции японских судов и американских граждан в Корее, нарушавших законы о патентах и марках. Таким образом, США отказались от своих экстерриториальных прав (по вопросам, включенным в конвенцию) в Корее в пользу Японии и косвенным путем, еще за два с лишним года до аннексии Японией Кореи, признали превращение Кореи в колонию Японии.

Подъем антиимпериалистического движения в Китае и Корее явился основным фактором, ускорившим достижение соглашения между США и Японией по вопросам дальневосточной политики. Оба империалистических хищника поторопились объединить свои усилия для того, чтобы совместно противостоять национально-освободительной борьбе народов Востока.

Рост антиимпериалистического движения в Китае напугал империалистов. Правительство США, еще недавно афишировавшее свое «дружелюбное отношение» к Китаю, стало бить отбой. Срочно был отменен визит американской эскадры в китайский порт Чифу. Как писали американские газеты, посланник США в Пекине телеграфировал в государственный департамент, что приход флота в Чифу «китайцы могли бы счесть за выражение намерения Соединенных Штатов оказать им поддержку в их сопротивлении японской агрессивной по-

⁵⁶) АВПР. Японский стол, д. 1429, л. 19. Дешета Крупенского из Вашингтона, от 27/14 мая 1908 г.

⁵⁷) J. Mac Murray. Op. cit., v. I, p. 735—736.

литике в Маньчжурии»⁵⁸). Поэтому лишь часть американской эскадры в конце октября 1908 г. посетила порт Амой⁵⁹).

8 октября 1908 г. между США и Китаем была подписана арбитражная конвенция⁶⁰), но она не имела серьезного значения для Китая, связанного системой неравномерных договоров. Газета «Нью-Йорк геральд», ратовавшая за заключение американско-китайского союза, изменила курс и стала писать, что для Америки выгоднее решить тихоокеанскую проблему путем покупки Восточной Сибири у России, чем доводить дело до войны с Японией⁶¹). Двойная игра американской дипломатии кончилась. Государственный департамент вступил в секретные переговоры с Японией, о которых китайское правительство не было поставлено в известность⁶²). Когда 30 ноября 1908 г. Тан Шао-и, направленный в США китайским правительством для переговоров о возможности заключения американско-китайского союза, прибыл в Вашингтон, то в этот же день представители США и Японии обменялись тождественными нотами по вопросу дальневосточной политики, т. е. заключили соглашение, известное как соглашение Рут-Такахира⁶³). Японо-американские переговоры происходили в обстановке строгой секретности, и обмен нот был неожиданным для Китая и Германии. Тан Шао-и не знал о достигнутом соглашении до его официального опубликования. Подобная практика государственного секретаря США Рута была оскорбительной для Китая. Объясняя причины пренебрежительного отношения правительства США к китайским представителям, американский автор Д. Рид писал, что целью правительства Рузвельта было «предотвратить войну с Японией», а Китай игнорировался, так как переговоры с ним имели «второстепенное значение»⁶⁴). Т. Рузвельт, объясняя германскому послу причины, в силу которых США отвергли предложения Германии и пошли на соглашение с Японией, заявил, что осуществление проекта Германии о совместных гарантиях «неприкосновенности Китая» могло бы толкнуть Китай к более решительному сопротивлению против Японии и вызвать японо-китайскую войну, в которой ни Германия, ни Соединенные Штаты не могли бы оказать помощи Китаю⁶⁵).

2 января 1909 г. Т. Рузвельт в письме Вильгельму II, как бы оправдываясь за свое дипломатическое вероломство, об-

⁵⁸) АВПР. Канцелярия, 1908, д. 139, л. 159. Крупенский Извольскому, Вашингтон, 13 мая/30 апреля 1908 г.

⁵⁹) «Дальний Восток», 13 ноября 1908 г.

⁶⁰) J. Mac Murray. Op. cit., v. I, p. 759.

⁶¹) См. «Дальний Восток», 17 октября 1908 г.

⁶²) Инициатором переговоров выступила Япония, напуганная слухами об американско-китайских переговорах.

⁶³) J. Reid. Op. cit., p. 17.

⁶⁴) J. Reid. Op. cit., p. 20.

⁶⁵) «G. P.», Bd. XXV, T. I, S. 97.

винял китайское правительство в срыве американско-германо-китайских переговоров. «Китайцы так беспомощны в проведении какой-либо твердой политики внутренней или внешней, — писал американский президент, — что трудно иметь с ними дело»⁶⁶). Причина, конечно, не в том, что китайское правительство колебалось и действовало нерешительно, а в том, что соглашение с Японией, которая располагала на Дальнем Востоке большими силами, чем Германия, было выгоднее американскому империализму. Для сближения Германии и Соединенных Штатов не было реальной базы, хотя бы в виде общего врага. Соглашение США с Германией немедленно ухудшило бы англо-американские отношения. Следует учитывать и то, что Соединенные Штаты Америки и Германия к этому времени стали самыми мощными в экономическом отношении державами, что делало неизбежным обострение их борьбы за главенство в мировых делах и колониях.

Уже в то время наиболее дальновидные представители господствующих классов США указывали на неизбежность обострения американско-германских отношений в ближайшем будущем. Так, известный американский историк Генри Адамс писал в 1906 г. в связи с Алжирской конференцией: «Мы должны поддержать Францию против Германии и укрепить атлантическую систему за ее пределами, ибо если Германия разобьет Англию или Францию, она станет центром военного мира, и мы погибли»⁶⁷).

В соглашении Рут-Такахира определялись основные принципы политики Соединенных Штатов Америки и Японии на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана. Обе стороны договорились способствовать свободному развитию торговли на Тихом океане, сохранять там статус кво и защищать принципы «равных возможностей для торговли и промышленности в Китае». Кроме того, США и Япония взаимно обязались «уважать территориальные владения, принадлежащие каждой из них в названной области», поддерживать «независимость и неприкосновенность Китая». Особенно большое значение имела последняя (пятая) статья соглашения, в которой предусматривалась возможность согласованного выступления двух держав в случае угрозы статус кво или «принципу равных возможностей», без указания, какой характер могло бы иметь это выступление — дипломатический или военный⁶⁸).

Соглашение Рут-Такахира было заключено за счет Китая и против китайского народа. Империалисты США и Японии устанавливали общую линию поведения в закабалении на-

⁶⁶) J. Reid. Op. cit., p. 23.

⁶⁷) Цит. по F. Dulles. *America's Rise to World Power 1898—1954*, New York, 1955, p. 62.

⁶⁸) Э. Д. Гримм. Указ. соч. стр. 173.

родов Дальнего Востока. Пункт о независимости и неприкосновенности Китая носил декларативный характер и был внесен для того, чтобы поддержать там условия, необходимые империалистам для эксплуатации китайского народа. В то же время США признавали территориальные захваты, концессии и привилегии Японии в Корее и Китае, которые она успела осуществить к этому времени. Американские и японские империалисты надеялись использовать соглашение для дальнейшего внедрения в страны Восточной Азии. В послании конгрессу от 8 декабря 1908 г. Т. Рузвельт приветствовал Японию с ее «необычайным прыжком на самое первое место среди наций мира» и одновременно с этим говорил о грядущем «упадке Китая». Общественность и даже правительство Китая выражали недовольство японо-американским сговором за счет китайского народа. В министерстве иностранных дел Китая считали, что Япония использует соглашение с Соединенными Штатами для укрепления своих позиций на Дальнем Востоке.

Заклучив соглашение с Японией, правительство США наносило удар по национально-освободительному движению китайского народа и приняло активное участие в дальнейшем закабалении Китая. Обязательства поддерживать статус кво в Китае трактовались как дружественные по отношению к японским интересам и враждебные по отношению к Китаю⁶⁹⁾. Русский посол в Париже Нелидов писал, что в результате американо-японского соглашения «обеспеченные со стороны Соединенных Штатов японцы перестанут обращать взоры на юг и будут присматриваться к Китаю и Сибири»⁷¹⁾. Некоторые американские дипломаты считали, что соглашение Рут-Такахира имеет сходство с англо-японским союзным договором⁷²⁾, а многие американские газеты шли еще дальше, считая, что оно «равнозначно оборонительному и наступательному союзу между США и Японией»⁷³⁾. Не лишен интереса тот факт, что были слухи о наличии секретного соглашения между США и Японией как в отношении политики в Китае, так и распределении сфер влияния в Восточной Азии⁷⁴⁾.

В американской прессе и общественном мнении не было единства в оценке соглашения Рут-Такахира. В то время как одни газеты приветствовали соглашение как «практическое урегулирование существовавших американо-японских разногласий, мудрый акт государственных деятелей и значитель-

⁶⁹⁾ J. Reid. Op. cit., p. 22.

⁷⁰⁾ Ibid., p. 19.

⁷¹⁾ АВПР. Японский стол, д. 205, л. 65. Депеша Нелидова из Парижа, 10 декабря/27 ноября 1908 г.

⁷²⁾ E. Price. Op. cit., p. 42.

⁷³⁾ АВПР. Японский стол, д. 205, л. 61. Депеша Крупенского из Вашингтона, 9 декабря/26 ноября 1908 г.

⁷⁴⁾ J. Reid. Op. cit., p. 19.

ный вклад в дело мира на Дальнем Востоке», другие резко критиковали президента за то, что он заключил соглашение в форме, не требующей утверждения сената и тем самым сумел избежать обсуждения этого вопроса в конгрессе⁷⁵). Нью-Йоркские газеты критиковали Т. Рузвельта за то, что он отказался от принципа не заключать договоров с неамериканскими странами и тем самым допустил «насильственное отклонение от курса, дарованного нации мудрыми отцами»⁷⁶). Соглашение было подвергнуто серьезной критике в сенатском комитете по иностранным делам⁷⁷).

Противоречивость в оценке соглашения со стороны правящих кругов США не была случайной. Данное соглашение удовлетворяло интересы наиболее милитаристски настроенных кругов, так как Соединенные Штаты Америки взяли на себя обязательства, распространявшиеся на всю зону Тихого океана и тем самым взяли курс на дальнейшее распространение американского влияния в этом районе. Реальные же выгоды были невелики. Правда, Япония гарантировала неприкосновенность американского господства на Филиппинах, и на следующий день после подписания соглашения американский флот вышел из Манилы по направлению к берегам Америки. Но признание японских захватов на Дальнем Востоке ограничивало возможности американских монополий в проникновении в Китай. Американские буржуазные историки Т. Бейли, Д. Пратт и некоторые другие считают соглашение Рут-Такахира успехом американской дипломатии, который, по их мнению, стал возможным благодаря политике с позиции силы, проявлением которой был поход американской военно-морской эскадры в дальневосточные воды⁷⁸).

Официозная печать в Японии восхваляла соглашение Рут-Такахира. Однако газеты оппозиции, как сообщал Малевский-Малевич, отнеслись к соглашению критически. Крайние милитаристы были недовольны. Газета «Осака майници» 5 декабря 1908 г. подвергла соглашению резкой критике. В газете отмечалось, что «Япония отказалась от своего первенствующего положения, которое она занимала по отношению к Китаю, и обещала впредь спрашивать мнение Америки»⁷⁹). Газета делала вывод, что японское правительство вступило в невыгодную сделку. Определенные опасения в Японии вызывал тот факт, что Т. Рузвельт подписал соглашение

⁷⁵) F. Dull es. The Imperial Years, New York, 1956, p. 285.

⁷⁶) Ibidem.

⁷⁷) T. Bailey. The Root Takahira Agreement of 1908. «The Pacific Historical Review», 1940, Nr. 1, p. 26.

⁷⁸) T. Bailey. The World Cruise of the American Battleship Fleet, 1907—1909. «The Pacific Historical Review», 1932, Nr. 4, p. 416; J. Pratt. A History of United States Foreign Policy, New York, 1955, p. 446.

⁷⁹) АВПР. Миссия в Пекине, д. 703, л. 95. Донесение Малевского-Малевича из Токио от 11 декабря/28 ноября 1908 г.

с Японией накануне своего ухода с поста президента и было не ясно, какую политику по отношению к Японии будет проводить правительство вновь избранного президента Тафта.

Сделка носила временный, империалистический характер и не могла надолго удовлетворить ни ту, ни другую сторону. Американский автор Моури писал, что вскоре после заключения соглашения Рут-Такахира Т. Рузвельт мотивировал перед конгрессом свое требование на постройку двух новых линейных кораблей «воинственной позицией Японии», а во взаимоотношениях между США и Японией продолжало существовать «подчеркнутое напряжение»⁸⁰).

Правительства Великобритании и Франции приветствовали соглашение Рут-Такахира, так как оно сближало США со странами Антанты и срывало попытки Германии сблизиться с Соединенными Штатами Америки на почве дальневосточных интересов. Английская дипломатия, заинтересованная в сохранении позиций, захваченных Англией на Дальнем Востоке и Тихом океане, что удобно было осуществлять под прикрытием тезиса о сохранении там статус кво, выражала полное удовлетворение. Урегулирование американо-японских разногласий давало возможность Великобритании сохранить англо-японский союз и в то же время поддерживать дружественные взаимоотношения с Соединенными Штатами Америки, что являлось одним из принципов английской внешней политики того времени.

23 ноября 1908 г. американский посол в Лондоне сообщил министру иностранных дел Англии Э. Грею текст выработанной к этому времени японо-американской декларации. В связи с этим Э. Грей 30 ноября 1908 г. писал американскому послу: «Правительство его Величества узнало с искренним удовлетворением о предстоящем заключении такого соглашения, цели которого, как Ваше превосходительство замечает, находятся в полном соответствии с условиями англо-японского соглашения, заключенного в августе 1905 г., а также политикой сердечного понимания между Великобританией и Соединенными Штатами, которая проводилась так долго с выгодой для интересов обеих стран. Информация, переданная Вашим превосходительством, наиболее желанна для правительства его величества и оно уверено, что заключение рассматриваемого соглашения не может не иметь благоприятных результатов не только для соответствующих интересов Соединенных Штатов и Японии, но и для общего мира на Тихом океане и Дальнем Востоке»⁸¹).

Э. Грей в письме на имя английского посла в Токио Макдональда приветствовал достигнутое соглашение и считал

⁸⁰) G. Mowry. Op. cit., p. 189.

⁸¹) «B. D.», v. VIII, p. 463. Грей великобританскому послу в Соединенных Штатах Америки Брайсу, 4 декабря 1908 г.

необходимым его опубликовать, что, по мнению Грея, было бы подходящим ответом на европейские слухи о японо-американском конфликте. «Как союзник Японии, — писал Грей, — мы были очень удовлетворены этим. Потому что мы сами желаем быть в хороших взаимоотношениях с Соединенными Штатами»⁸²). В беседе с японским поверенным в делах в Лондоне Грей говорил о том, что известие о заключении японо-американского соглашения «исключительно приятно для нас и я буду рад, если Вы передадите наше мнение и поздравления графу Комура»⁸³). Правящие круги Великобритании надеялись привлечь как Японию, так и Соединенные Штаты к борьбе против Германии.

Соглашение между США и Японией означало провал попыток германской дипломатии создать союз, который бы противостоял странам Антанты. Однако в силу того, что правящие круги Германии еще надеялись достичь соглашения с Соединенными Штатами по вопросам дальневосточной политики, официальная реакция правительства Германии на соглашение Рут-Такахира была положительной. Оно приветствовалось как «новая гарантия мира на Востоке», которая даст возможность немцам использовать принцип «открытых дверей» в интересах Германии, хотя германский посланник в Пекине Рекс назвал это соглашение «вооруженным перемирием»⁸⁴).

Царская дипломатия с большим вниманием отнеслась к японо-американскому соглашению. Русский посол в Токио Малевский-Малевиц считал, что соглашение Рут-Такахира «крупный успех Японии в постепенном развитии японского влияния на Азиатском материке»⁸⁵). В правящих кругах царской России высказывались мнения, что Япония, укрепив свои позиции соглашением с Соединенными Штатами, усилит нажим на Россию. Выражались опасения, «не развязала ли Япония руки для действий против России»⁸⁶).

28/15 ноября 1908 г. министерство иностранных дел России телеграфно предложило русскому посланнику в Пекине Коростовцу и послу в Токио Малевскому-Малевицу сообщить свои соображения относительно возможности присоединения России в той или иной форме к японо-американскому соглашению. «Подобная тройственная комбинация, как отмечалось в телеграмме, укрепила бы равноправие в бассейне Тихого океана и собственное наше положение на берегах последнего»⁸⁷). Отвечая на запрос министерства иностранных дел, Малевский-Малевиц писал, что присоединение России к япо-

⁸²) J. Reid. Op. cit., p. 18.

⁸³) «B. D.», v. VIII, p. 463.

⁸⁴) J. Reid. Op. cit., p. 18, 23.

⁸⁵) АВПР. Японский стол, д. 205, л. 39.

⁸⁶) «Русское слово», 6 декабря 1908 г.

⁸⁷) АВПР. Японский стол, д. 205, л. 18.

но-американскому соглашению «дало бы новую и притом двойную гарантию нашим владениям на Тихом океане как со стороны Японии, так и со стороны Америки», а участие России в «Тихоокеанской комбинации» подняло бы ее престиж на Дальнем Востоке. Одновременно с этим Малевский-Малевич указывал, что японо-американское соглашение в статьях о Китае идет значительно дальше русско-японского и русско-французского соглашений 1907 г., предусматривая общность действия договаривающихся сторон в Китае в случае нарушения там принципа «открытых дверей», причем даже без указания на мирный характер мер, которые могли бы быть предприняты США и Японией, что вызывает недовольство в Китае. В случае присоединения России к японо-американскому соглашению, — писал Малевский-Малевич, — Китай оказался бы изолированным, а русско-китайские отношения ухудшились бы⁸⁸⁾.

Коростовец также высказывался в том смысле, что присоединение России к японо-американскому соглашению вызовет «недовольство Китая»⁸⁹⁾. Царское правительство в это время стремилось не допустить ухудшения взаимоотношения с Китаем⁹⁰⁾. Поэтому в министерстве иностранных дел было принято следующее решение, одобренное в январе 1909 г. Николаем II: ограничить «переговоры с Америкой вопросаами об охране коммерческого равноправия и территориальной неприкосновенности на Тихом океане, совершенно исключив попечение над Китаем», кроме того, к переговорам предлагалось привлечь и Китай «как равноправную тихоокеанскую державу»⁹¹⁾. Данное предложение было поддержано посланником России в Китае Коростовцем, который писал, что «абсолютная слабость России на Тихом океане и необходимость оградить себя хотя бы дипломатическим путем от возможного покушения сильных соседей создают такое положение, при котором соглашение с ними представляется безусловно желательным». Коростовец также предлагал привлечь к соглашению китайское правительство, что по его мнению «связало бы руки Японии в Китае»⁹²⁾.

Царскому правительству не удалось осуществить свои планы, так как его предложения не нашли поддержки у пра-

⁸⁸⁾ Там же, л. 40. Секретная телеграмма Малевского-Малевича, Токио, 1 декабря/18 ноября 1908 г.

⁸⁹⁾ Там же, л. 28. Телеграмма Коростовца. Пекин, 30/17 ноября 1908 г.

⁹⁰⁾ В докладе, составленном в главном управлении генерального штаба России в мае 1908 г., отмечалось, что Япония стремилась добиться возможно большего ослабления Китая и что ее агрессивная политика вызывает сильное недовольство китайцев. В связи с этим в докладе выдвигалось предложение заключить оборонительный союз с Китаем против Японии. См. АВПР. Китайский стол, д. 1582, лл. 158—160.

⁹¹⁾ Там же. Японский стол, д. 205, лл. 89—90.

⁹²⁾ Там же, л. 119. Донесение Коростовца, Пекин, 25/12 февраля 1909 г.

вительства США. Русский посол в Вашингтоне, ссылаясь на высказывание государственного секретаря США Бэкона, сообщал, что получить гарантии США для тихоокеанских владений России невозможно, так как на это не пойдет американский сенат. Здесь же Розен указывал, что на помощь США против Японии рассчитывать нельзя⁹³).

Правящие круги США хотели использовать сближение с Японией для осуществления собственных империалистических замыслов в Китае и не согласились заключить соглашение с Россией и Китаем о взаимной гарантии существующего положения на Тихом океане. Заключение подобного соглашения упрочило бы позиции России и Китая, что противоречило интересам американских империалистов, которые вскоре сделали серьезную попытку укрепиться в Северо-Восточном Китае путем «интернационализации» маньчжурских железных дорог.

Т. Рузвельт перед своим уходом с поста президента осуществил серьезную дипломатическую акцию, добившись подписания японо-американского соглашения по вопросам дальневосточной и тихоокеанской политики. Соглашение с Японией означало отказ американских правящих кругов от политики равновесия сил и было попыткой укрепить позиции Соединенных Штатов на Дальнем Востоке на основе договоренности с Японией.

2. Экспансия западных держав в Китае. Англо-франко-германо-американское соглашение о хугуанском займе

Международные отношения в начале XX века характеризовались все большим обострением борьбы между крупнейшими империалистическими странами и их группировками за военно-политическое и экономическое господство над миром. Развитие монополистического капитализма обостряло все его противоречия. В. И. Ленин указывал, что «...монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов»⁹⁴). Неравномерность экономического развития капиталистических стран, усилившаяся в период империализма, выдвинула Соединенные Штаты Америки и Германию на первое место в мире по мощи их производственного аппарата. Обострилась борьба за передел мира, одновременно с этим усиливалось проникновение империалистических держав, искав-

⁹³) АВПР. Японский стол, д. 205, лл. 113—116. Доверительная депеша барона Розена, 16/3 февраля 1909 г.

⁹⁴) В. И. Ленин. Соч., т. 22, изд. 4, стр. 253.

ших рынки сбыта, источники сырья и сферы приложения капитала в полуколониальные и отсталые страны.

Китай, обладавший огромными потенциальными возможностями, становился объектом все более острого соперничества империалистов. Наибольшую активность в борьбе за господство в Китае в это время проявляли Соединенные Штаты Америки и Япония, которые, несмотря на различие их методов, добивались одной цели — закабаления Китая и эксплуатации китайского народа в интересах магнатов финансового капитала. Особая экспансивность американского капитала в Китае порождалась несоответствием между ростом экономического могущества американских монополий и их позициями на международной арене, в том числе и в Китае:

Непосредственное влияние на политику империалистических держав в Китае оказал экономический кризис 1907—1908 гг. Кризис охватил все развитые капиталистические страны. За два года в Соединенных Штатах Америки обанкротилось 312 банков, оставивших непогашенную задолженность в 356 млн. долларов. С 1907 по 1908 год добыча угля сократилась на 13,4%, выплавка чугуна — на 38,2%, выплавка стали — на 40%. Вывоз американских товаров за границу, оценивавшийся в 1907 г. в 1895 млн. долларов, сократился в 1908 г. до 1 729 млн. долларов, а в 1909 — до 1 701 млн. долларов⁹⁵).

В Англии в результате экономического кризиса выплавка стали сократилась в 1908 г. по сравнению с 1907 г. на 18%, судостроение — более чем на 40%, вывоз товаров за границу упал с 426 млн. фунтов стерлингов до 377,1 млн. фунтов стерлингов⁹⁶). Кризис оказал значительное влияние на экономику и оборот внешней торговли Германии, Франции, Японии, России и других стран.

Правящие круги империалистических держав пытались преодолеть застой в промышленности и торговле и повысить свои доходы, упавшие во время кризиса, за счет захвата новых рынков. Покупательная способность китайского населения была сравнительно низкой, слабо развитая сеть путей сообщения затрудняла продвижение иностранных товаров в глубинные районы, поэтому магнаты финансового капитала в деле экономического закабаления страны придавали первостепенное значение захвату важнейших отраслей экономики Китая и железнодорожному строительству. «Вывоз капитала за границу, — пишет В. И. Ленин, — становится средством поощрять вывоз товаров за границу»⁹⁷). Строительство же-

⁹⁵) «Мировые экономические кризисы 1848—1935», М., 1937, стр. 287—292, 324.

⁹⁶) «Мировые экономические кризисы 1848—1935», М., 1937, стр. 283—285.

⁹⁷) В. И. Ленин. Соч., т. 22, изд. 4, стр. 232.

лезных дорог должно было открыть пути для ввоза иностранных товаров во внутренние области Китая.

Возможности для железнодорожного строительства в Китае были необъятными. В 1911 г. протяженность железных дорог огромной страны составляла только 5 796 миль, из которых 3088 миль было построено в 1904—1911 гг.⁹⁸⁾ Из железных дорог, построенных в течение этих восьми лет, 2009 миль были построены на государственные средства, 401 миль — частными китайскими предпринимателями и 678 миль на средства иностранных предпринимателей⁹⁹⁾.

Рост железнодорожного строительства в Китае в условиях, когда в Соединенных Штатах Америки и странах Европы создание сети железных дорог было в основном завершено, привел к ожесточенной борьбе финансовых групп различных стран, пытавшихся захватить в свои руки строительство дорог в Китае¹⁰⁰⁾. Развертывание большого железнодорожного строительства в Китае дало бы возможность вновь пустить на полную мощь слабозагруженные рельсопрокатные, паровозостроительные, вагоностроительные и другие заводы. Межимпериалистическое соперничество, вызванное железнодорожным строительством, осложнялось тем, что Китай был поделен на сферы влияния.

Э. Гарриман, потерпев неудачу в попытке создать смешанную американско-японскую компанию для эксплуатации железных дорог Южной Маньчжурии, выдвинул проект постройки железной дороги от Синьминьтуня (станция на линии Пекин — Мукден) до Факумыня. Сама по себе эта ветка протяжением в 47 миль серьезной роли играть не могла. Гарриман и его компаньоны рассматривали ее как начало большой магистрали, которая должна была пройти на север, через Цицикар до Айгуня, расположенного на берегу Амура. Уполномоченный Гарримана В. Стрейт достиг соглашения о постройке железной дороги Синьминьтунь—Факумынь с губернатором Мукденской провинции Тан Шао-и. В 1907 г. Гарриман уступил концессию на постройку железной дороги английской фирме «Паулинг и К^о», однако финансировать постройку дороги должен был создавшийся в это время американскими монополиями Банк трех восточных провинций.

Э. Гарриман, передав концессию на постройку железной дороги Синьминьтунь—Факумынь британской фирме, надеялся, что англичанам будет легче договориться с союзной им Япо-

⁹⁸⁾ Chang Kia — ng a u. *China's Struggle for Railroad Development*, New York, 1943, p. 39.

⁹⁹⁾ *Ibid.*, p. 45.

¹⁰⁰⁾ В 1907 г. в Китае строилось 1 285 миль железных дорог, из них только 275 миль на китайские капиталы. В это же время проектировалось и было санкционировано к постройке 4 174 мили железных дорог. См. P. Kent. *Op. cit.*, p. 183.

нией, которая выступала против постройки этой ветки. Группа Гарримана надеялась построенную английской фирмой железнодорожную линию продлить затем от Факумыня до Айгуня. Однако японское правительство, ссылаясь на японо-китайский договор от 22 декабря 1905 г., по которому Китай обязался не строить железных дорог параллельно ЮМЖД, заявило решительный протест китайскому правительству против строительства предполагаемой дороги. Дело получило большую международную огласку. Английское правительство не поддержало фирму «Паулинг и К^о». 3 марта 1908 г. министр иностранных дел Великобритании Эдуард Грей заявил, выступая в палате общин, что Япония заняла позицию, соответствующую японо-китайскому договору 1905 г.¹⁰¹⁾.

Позиция английского правительства сыграла решающую роль в провале проектов постройки Синьминьтунь—Факумыньской железной дороги. В мае 1909 г. принц Ито в беседе с послом Великобритании в Токио Макдональдом особо благодарил министерство иностранных дел Великобритании за то, что последнее в данном споре действовало «официально, справедливо и удивительно честно»¹⁰²⁾.

Китайское правительство считало японские протесты необоснованными и предложило передать спорный вопрос на решение Гаагского международного трибунала, но Япония отвергла предложение Китая. Переписка по этому делу длилась до осени 1909 г., когда китайские власти под нажимом Японии отказались от постройки дороги Синьминьтунь—Факумынь и по японо-китайскому соглашению от 4 сентября 1909 г. обязались в случае постройки этой дороги в будущем получить на это согласие Японии¹⁰³⁾.

Железнодорожная ветка Синьминьтунь—Факумынь не могла нанести какого-либо ущерба ЮМЖД и основная причина, по которой японское правительство воспрепятствовало ее постройке, заключалась в том, что японские империалисты не хотели допустить в свою зону влияния английский и американский капитал.

С 1907 г. В. Стрейт по заданию Гарримана вел переговоры о создании американского банка в Северо-Восточном Китае. В сентябре 1908 г. между В. Стрейтом и властями Северо-Восточного Китая было достигнуто предварительное соглашение о создании Банка трех восточных провинций, для чего американские капиталисты должны были предоставить заем в 20 млн. долларов. Банк должен был способствовать «стабилизации денежного обращения в Северо-Восточном Китае», финансировать строительство железных дорог, развитие про-

¹⁰¹⁾ H. A k a g i. Op. cit., p. 298.

¹⁰²⁾ J. Reid. Op. cit., p. 31.

¹⁰³⁾ H. A k a g i. Op. cit., p. 298.

мышленности и торговли¹⁰⁴). В это же время, при содействии Юань Шикая, правительство Китая заключило с американской фирмой контракт на постройку трех крейсеров и шести истребителей для китайского флота, всего на сумму в 4 млн. фунтов стерлингов¹⁰⁵).

В декабре 1908 г. государственный департамент вел переговоры с Тан Шао-и, прибывшим со специальной миссией в Соединенные Штаты Америки, о предоставлении Китаю большого займа для валютной реформы и отмены ликина¹⁰⁶). Концерн «Кун, Леб и К^о» выразил готовность взять на себя размещение займа¹⁰⁷). Создание Банка трех восточных провинций, которого так активно добивались американские монополии при поддержке государственного департамента, не удалось осуществить в связи с ухудшением американо-китайских отношений, вызванного соглашением Рут-Такахира, отставкой проамерикански настроенного Юань Шикая с поста члена государственного совета в январе 1909 г. и противодействия других империалистических держав.

Дальнейшее наступление американского империализма на Китай началось после прихода к власти правительства президента Тафта¹⁰⁸). Ставленник реакционно-консервативного крыла республиканской партии Тафт активно защищал интересы магнатов финансового капитала как во внутренней, так и во внешней политике. В одном из своих выступлений Тафт заявил: «В то время, как внешняя политика не должна сворачивать ни на волосок с прямого пути справедливости, в нее можно включить активное вмешательство, чтобы обеспечить нашу торговлю и дать нашим капиталистам возможности для выгодного капиталовложения»¹⁰⁹).

Государственный секретарь Нокс, бывший ранее адвокатом крупных фирм, придерживался таких же взглядов, как и Тафт, на задачи, стоявшие перед американской внешней политикой. Взгляды Нокса «На его роль в правительстве, — пишет американский историк Ф. Даллес, — заключались в том, что оно давало ему возможность представлять своих клиентов бизнеса и финансов в более широкой сфере, чем когда он служил им как юрист корпорации в частной практике»¹¹⁰). Внешняя политика Тафта и Нокса получила название «дипломатии

¹⁰⁴) П. П. Севостьянов. Указ. соч., стр. 138.

¹⁰⁵) АВПР. Китайский стол, д. 1486, л. 12. Донесение агента Министерства финансов в Китае Гойера, 30/17 августа 1908 г.

¹⁰⁶) Ликин (лицзинь) — провозная пошлина, взимавшаяся в Китае на границах уездов и провинций при переправах через реки и т. д. Ликин тормозил развитие торговли. Формально был отменен в 1930 г.

¹⁰⁷) «F. R.», 1912, p. 88.

¹⁰⁸) Тафт был президентом США в 1909—1912 гг.

¹⁰⁹) F. Dulles. Forty Years of American — Japanese Relations, New York — London, 1937, p. 86.

¹¹⁰) Ibidem.

доллара»¹¹¹). Особенно настойчиво эта политика проводилась в Латинской Америке и на Дальнем Востоке. Суть ее заключалась в том, чтобы дипломатическими, экономическими, а если надо, то и военными средствами открыть путь к более быстрому внедрению американского капитала в экономически слабо развитые страны. Ф. Даллес писал, что Тафт и Нокс «стремились истолковать национальные интересы почти исключительно, как интересы» дельцов¹¹²). Правительство Соединенных Штатов Америки и агенты Уолл-стрита совместно защищали интересы магнатов финансового капитала.

Правительство Тафта в дальневосточной политике прежде всего стремилось изменить сложившееся там политическое статус кво в интересах американского капитала¹¹³). Тафт до своего избрания на пост президента был губернатором Филиппин, затем военным министром США, бывал в Китае, Японии и России. Он считал себя знатоком дальневосточных проблем и являлся сторонником широких экспансионистских планов американского империализма в Китае. В марте 1909 г. в речи, произнесенной в связи с вступлением на пост президента, Тафт говорил, что Америка могла бы обеспечить уважение к ее справедливым требованиям на Востоке лишь при условии, что эти требования будут поддерживаться чем-то более авторитетным, чем «словесные протесты и дипломатические ноты»¹¹⁴).

Правящие круги США, в целях укрепления своих позиций в Китае, использовали все методы, в том числе идеологическую экспансию. С этой целью поощрялась деятельность американских миссионеров, открывались американские учебные заведения, китайская молодежь привлекалась для обучения в Соединенные Штаты Америки. Американская пропаганда стремилась внушить китайцам мысль, что американский путь развития должен быть образцом для Китая. В интервью издателю гонконгской газеты Тафт, незадолго до вступления на пост президента, говорил, что в целях своего развития Китай «должен проникнуться американскими идеями и принципами»¹¹⁵).

В этом отношении весьма показательным выступление представителя торгово-промышленных кругов Нью-Йорка Ч. Флинта в американской академии политических и социаль-

¹¹¹) Ф. Даллес называет период 1909—1913 гг. «золотой эрой дипломатии доллара». См. *Ibid.*, p. 101.

¹¹²) F. D u l l e s. *America's Rise to World Power 1898—1954*, New York, 1955, p. 79.

¹¹³) J. R e i d. *Op. cit.*, p. 309.

¹¹⁴) F. D u l l e s. *Forty Years of American — Japanese Relations*, New York — London, 1937, p. 86.

¹¹⁵) «Дальний Восток», 30 октября 1908 г.

ных наук в октябре 1909 г. На созванном Академией заседании присутствовали представители торгово-промышленных палат Японии, находившиеся с визитом в США, китайский посланник в Вашингтоне, американские предприниматели, связанные с торгово-промышленной деятельностью на Востоке. В своем выступлении Ч. Флин восхвалял план железнодорожного строительства в Маньчжурии, составленный в свое время Гарриманом, и осуждал антиимпериалистическое движение, которое, по его мнению, могло «серьезно замедлить прогресс» Китая. «Посланник Ву, — говорил Ч. Флин, — по возвращении на родину может сказать своему народу, что беспрецедентный успех Соединенных Штатов, главным образом, обусловлен тем, что мы приветствовали помощь иностранных знаний и капитала в развитии наших ресурсов... Он может воздействовать на них тем фактом, что заинтересованность американцев Китаем будет означать мощное пополнение его политической и промышленной силой. Если бы концессии были даны нашим крупным промышленным лидерам и если бы были приняты методы, по которым Соединенные Штаты сделали величайший промышленный прогресс в истории мира», то китайцы, — по словам Флинта, — также получили бы большую выгоду¹¹⁶⁾. Данное заявление не требует комментариев. Суть его ясна — убедить представителей Китая в том, чтобы они открыли двери неограниченному проникновению американского капитала.

Вице-президент Июкогама-спеши банка Д. Иноуэ после поездки в Соединенные Штаты Америки писал об увлечении американцев «изучением Китая» под тем предлогом, что США, как «сосед Китая, должен учить китайцев». «Такое усердие к изучению Китая, — заявляет Иноуэ, — должно быть возникло из убеждения, что Америка должна найти в Китае покупателей для своей промышленной продукции¹¹⁷⁾.

Быстро выросшие и окрепшие американские монополии искали новые рынки сбыта и сферы для капиталовложений. Видные представители американского капитала все больше внимания в своей внешнеполитической экспансии обращали на Китай с его необъятным рынком и громадными природными богатствами. Однако ранее укрепившиеся в Китае монополисты Англии, Японии, Германии и Франции вытесняли американские товары с китайских рынков. Ч. Вивьер, объясняя причины возросшей политической активности США в Китае, писал: «Хотя цифры американского вывоза и инвестиций во многих частях света росли, торговля с Китаем с 1905 г. постоянно понижалась», несмотря на то, что «...представители

¹¹⁶⁾ «Supplement to the Annals of the American Academy of Political and Social Science», July, 1910, p. 33—35.

¹¹⁷⁾ «The Japan Financial and Economic Monthly», 1911, Nr. 7, p. 104.

американских финансов добивались выгодных капиталовложений и рынков»¹¹⁸).

В 1905 г. на долю США приходилось 15,4% внешнеторгового оборота Китая, причем стоимость вывоза из США в Китай достигла 56,2 млн. долларов, а стоимость ввоза из Китая в США — 19,7 млн. долларов. В 1910 г. вывоз из Соединенных Штатов в Китай исчислялся в 16,4 млн. долларов, а ввоз в 21,7 млн. долларов, что составляло 6,8% внешнеторгового оборота Китая¹¹⁹). В то же время на Англию со странами Британской империи в 1910 г. приходилось 50% внешнеторгового оборота Китая, а на Японию — 16,4%¹²⁰). По объему своих капиталовложений в Китае Соединенные Штаты занимали шестое место и уступали другим великим державам, кроме Италии и Австро-Венгрии. Подобное положение не устраивало представителей американского финансового капитала, заинтересованных в эксплуатации природных богатств и трудящихся стран Дальнего Востока.

Открыто экспансионистская политика Тафта нашла активную поддержку других членов американского правительства. Ч. Вивьер пишет: «Все важные должностные лица от Тафта до Стрейта были укомплектованы людьми, которые добивались для Соединенных Штатов более активной роли в Китае и Маньчжурии»¹²¹). Суть империалистического подхода правительства США к политике в Китае была сформулирована государственным департаментом в мае 1909 г. следующим образом: «Департамент имеет в виду общее расширение американского влияния в Китае» так, что когда коммерческие интересы американских капиталистов потребуют «обеспечения восточных рынков, то они найдут рынки Китая открытыми для их продукции и китайскую общественность, благосклонно относящуюся к американской предприимчивости»¹²²).

Правительство Тафта вскоре после прихода к власти столкнулось с сопротивлением других империалистических держав, выступивших против попыток американского монополистического капитала укрепить свои позиции путем предоставления займов. В октябре 1908 г. представители французского Индо-Китайского банка и английской Гонконг-Шанхайской банковской корпорации подписали соглашение с министерством почт и коммуникаций Китая о предоставлении займа в 5 млн. фунтов стерлингов сроком на 30 лет. Большая часть займа предназначалась для выкупа железной дороги Пекин—Хань-

¹¹⁸) Ch. Yevier. Op. cit., p. 88.

¹¹⁹) См. М. И. Сладковский. Очерки развития внешнеэкономических отношений Китая, М., 1953 г., стр. 97.

¹²⁰) См. М. И. Сладковский. Очерки развития внешнеэкономических отношений Китая, М., 1953 г., стр. 96—97.

¹²¹) Ch. Yevier. Op. cit., p. 92.

¹²²) Ibidem.

коу¹²³). В ноябре 1908 г. наместник (вице-король) Маньчжурии подписал соглашение с англо-франко-германскими банкирами о займе в 1,1 млн. долларов. Выдача займа была оформлена через Гонконг-Шанхайский банк¹²⁴). В марте 1909 г. представители Немецко-Азиатского банка подписали соглашение о финансировании строительства железной дороги от Ханькоу до Чэнду. Это вызвало протесты английского правительства и обострило борьбу британских, французских и немецких банков и корпораций за захват железнодорожного строительства в Хугуанском наместничестве Центрального Китая (провинции Хубэй и Хунань), где главной линией должна была быть давно планировавшаяся железная дорога Кантон—Ханькоу; кроме того, от Ханькоу предполагалось построить железную дорогу на запад до главного города провинции Сычуань Чэнду. Общая протяженность намеченных правительством Китая к постройке железных дорог в этом густонаселенном районе достигала 3200 км.

В связи с антиимпериалистическим движением цинское правительство первоначально пыталось изыскать средства для постройки Хугуанских железных дорог внутри Китая, но потерпело неудачу и обратилось к иностранному капиталу. Предполагаемое строительство сулило большие барыши и вызвало чрезвычайную активность международного монополистического капитала. В Соединенных Штатах, при поддержке президента Тафта, образовалась банковская группа, в состав которой вошли наиболее мощные в финансовом отношении монополии: Моргана, Гарримана, Кун, Леб и К^о, Первый национальный банк и Национальный городской банк. В свою очередь англо-франко-германские банкиры решили создать международный картель для постройки Хугуанских железных дорог с целью избежания взаимного соперничества.

15 мая 1909 г. в Берлине между руководителями Немецко-Азиатского банка и представителями английской и французской финансовых групп была достигнута договоренность о предоставлении Китаю «под соответствующее обеспечение» займа в 5,5 млн. фунтов стерлингов для постройки железнодорожной линии Кантон—Ханькоу и Ханькоу—Чэнду. Заем предполагалось разместить на фондовых биржах Берлина, Лондона и Парижа. Причем как сумма займа, так и количество поставляемых железнодорожных материалов, делились равными долями между предпринимателями Англии, Франции и Германии. Была также достигнута договоренность о том, что немецкая финансовая группа назначит главного инженера для строительства линии между Ханькоу и Чэнду, а английская, в свою очередь, назначит главного инженера для руко-

¹²³) J. Mac Millan. Op. cit., v. I, p. 747—752.

¹²⁴) «F. R.», 1912, p. 88.

водства строительными работами на железнодорожной магистрали Ханькоу—Кантон¹²⁵).

Рейхсканцлер Бюлов в письме к Вильгельму II писал: «Этим соглашением были улажены разногласия, которые имелись между Немецко-Азиатским банком и двумя другими финансовыми группами в связи с их сотрудничеством в Китае. Имеющуюся договоренность с нашей точки зрения можно лишь с удовлетворением приветствовать, так как она разрушает до сих пор отстаиваемую Англией монополию на постройку дорог в долине Янцзы и открывает немецкому капиталу и немецкой индустрии новое богатое поле деятельности в этих, якобы, английских «сферах интересов»¹²⁶). Вильгельм II оценил это соглашение, прежде всего, как возможность потеснить Англию с занятых ею в Китае позиций и на письме Бюлова, касавшегося этих вопросов, сделал пометки «браво» и «хорошо».

В свою очередь английские монополии, хозяйничавшие в бассейне реки Янцзы, выражали недовольство проникновением туда немецкого капитала. 9 мая 1909 г. корреспондент английской газеты «Таймс» в телеграмме из Пекина писал «о всеобщем удивлении» по поводу того, что британское правительство передает полномочия одному Гонконг-Шанхайскому банку, который «естественно вынужден рассматривать скорее финансовые, чем национальные интересы» и будет помогать расширению германских капиталовложений в английской сфере влияния¹²⁷). Английские империалисты поторопились распространить сферу своих железнодорожных интересов на запад от линии Кантон—Ханькоу. 19 мая 1909 г. фирма «Паулинг и К⁰» добилась концессии на производство предварительных изысканий для постройки железной дороги от Гуйлиня (провинция Гуанси) до Чуанчоу, расположенного на северо-восток от Гуйлиня, на границе между провинциями Гуанси и Хунань¹²⁸).

Соглашение англо-франко-германских банковских групп положило начало созданию международного объединения финансовых монополий с целью совместной эксплуатации Китая. Однако с самого начала это объединение было ослаблено противоречиями между входящими в него монополиями и выступлением американского финансового капитала. «Допустим, что *все* империалистические державы составят союз для «мирного» раздела названных азиатских стран, — писал В. И. Ленин, — это будет «интернационально-объединенный

¹²⁵) «G. P.», Bd. XXXII, S. 5. Бюлов Вильгельму II, 15 мая 1909 г.

¹²⁶) «G. P.», Bd. XXXII, S. 5.

¹²⁷) J. B l a n d. Op. cit., p. 278.

¹²⁸) J. M a s M i t t a u. Op. cit., v. I, p. 774. Расходы по изыскательным работам на линии Гуйлин—Чуанчоу покрывали провинциальные власти Гуанси.

финансовый капитал». Фактически примеры такого союза имеются в истории XX века, например, в отношениях держав к Китаю. Спрашивается, «мыслимо» ли предположить при условии сохранения капитализма, ...чтобы такие союзы были неэквивалентными? чтобы они исключали трения, конфликты и борьбу во всяческих и во всех возможных формах? Достаточно ясно поставить вопрос, чтобы на него нельзя было дать иного ответа кроме отрицательного»¹²⁹⁾.

6 июня 1909 г. англо-франко-германские банкиры подписали соглашение с цинским правительством о предоставлении Китаю 5% займа в 5,5 млн. фунтов стерлингов для постройки Хугуанских железных дорог, а четыре дня спустя американское правительство заявило протест Китаю, ссылаясь на то, что китайское правительство не имело права брать заем на строительство железной дороги Кантон—Ханькоу у синдиката банков трех стран. При этом государственный департамент ссылаясь на то, что в 1906 г., когда китайское правительство выкупило у Моргана акции железной дороги Кантон—Ханькоу, то Китай обязался в случае, если когда-либо вновь возникнет вопрос о размещении займа для строительства названной дороги, разместить часть займа в Соединенных Штатах¹³⁰⁾.

10 июня 1909 г. посол Соединенных Штатов в Берлине Хилл передал германскому правительству ноту относительно займа для Хугуанских железных дорог. Правда, здесь американское правительство проявляло более гибкий подход, чем в Пекине, и Хилл заявил, что ноту не следует считать формальным протестом, а рассматривать как предложение со стороны США о своем желании принять участие в постройке железной дороги Ханькоу—Сычуань¹³¹⁾. В американской ноте указывалось, «что «открытые двери» для торговли и целостность Китая могут быть лучше всего поддержаны полным и откровенным сотрудничеством и что образование мощной финансовой группы, включающей американские, британские, немецкие и французские интересы, будет благоприятным для этой цели»¹³²⁾. Таким образом, основная задача дипломатии США заключалась в том, чтобы добиться привлечения американской банковской группы к финансированию Хугуанских железных дорог.

Германские дипломаты склонны были положительно отнестись к вопросу о приеме США в объединение банкиров, но боялись, как бы это не расстроило уже достигнутое соглашение. Германский поверенный в делах в Пекине Мутинс считал

¹²⁹⁾ В. И. Ленин. Соч., т. 22, изд. 4, стр. 281.

¹³⁰⁾ См. Главу 1.

¹³¹⁾ «G. P.», Bd. XXXII, S. 8—9.

¹³²⁾ Ibid., S. 9.

желательным создание общих с Соединенными Штатами Америки материальных интересов в Китае, однако боялся, что «участие Америки в теперешнем займе подвергнет опасности его осуществление»¹³³). Статс-секретарь ведомства иностранных дел Шён согласился с Мутинсом и подчеркнул, что «на будущее нам чрезвычайно желательно создание общих с Соединенными Штатами Америки китайских интересов»¹³⁴).

Правительства Великобритании и Франции выражали недовольство вмешательством Соединенных Штатов, а лондонский кабинет даже просил американское правительство подождать с протестами в Пекине, дабы не сорвать достигнутое соглашение. Однако правительство США твердо решило не допустить отстранения американского капитала от железнодорожного строительства и использовать этот факт для укрепления политических и экономических позиций американского империализма на Дальнем Востоке. Государственный секретарь Нокс писал поверенному США в Пекине Флетчеру, что, так как хугуанский заем «обеспечивается доходами с лицензия, это обстоятельство делает особенно важным участие в нем Соединенных Штатов, дабы американское правительство, которое имеет право на провинциальные доходы, могло осуществлять влияние, равное влиянию других трех держав, о которых идет речь»¹³⁵).

6 июля 1909 г. британская, французская и германская финансовые группы подписали в Лондоне соглашение относительно железнодорожных займов в Китае. Новое соглашение преследовало цель устранить конкуренцию между тремя названными группами и совместно противостоять своим конкурентам в Китае, прежде всего американским монополиям. Соглашением предусматривалось равномерное распределение между тремя группами банкиров как железнодорожных займов, так и поставок железнодорожного оборудования. Причем предусматривалось, что если одна из банковских групп «возьмет на себя переговоры с Китаем при обстоятельствах, которые окажутся невозможными» для того, чтобы другие стороны могли присоединиться к переговорам, то сторона, ведущая переговоры, должна включить в соглашение пункт, позволяющий другим сторонам присоединиться к выпуску облигаций займа на равных условиях с банковской группой, подписавшей соглашение о займе¹³⁶). Данная договоренность, носившая картельный характер, намного укрепляла позиции англо-франко-германского капитала в Китае и была расце-

¹³³) «G. P.», Bd. XXXII, S. 9. Телеграмма Мутинса из Пекина, 11 июня 1909 г.

¹³⁴) Ibid., S. 9—10. Шён Мутинсу, 11 июня 1909 г.

¹³⁵) П. П. Севостьянов. Указ. соч., стр. 131.

¹³⁶) J. Mac Millan. Op. cit., v. I, p. 833—835.

нена американской дипломатией как нарушающая принцип «открытых дверей» и «равных возможностей».

Опасаясь, как бы американское давление на цинское правительство не привело к срыву железнодорожного займа, англо-франко-германская группа выразила готовность предоставить США 1/4 часть займа на постройку железной дороги Ханькоу—Сычуань, но это не удовлетворило американских банкиров, которые при активном участии правительства Соединенных Штатов добивались равной доли во всем хугуанском железнодорожном займе.

15 июля 1909 г. президент Тафт направил личную телеграмму принцу-регенту Китая Чуню, в которой выражал свое огорчение по поводу того, что цинское правительство не желает допустить американский капитал «участвовать на равных условиях в настоящем железнодорожном займе» и настаивал на изменении политики китайского правительства по этому вопросу. «Я лично сильно заинтересован, — писал Тафт, — в том, чтобы американский капитал использовался для развития Китая...»¹³⁷). В это же время государственный департамент угрожал Китаю, что Соединенные Штаты потребуют ту часть «боксерской контрибуции», от которой американское правительство совсем недавно с такой помпой отказалось. Ч. Вивьер считает, что именно эта угроза заставила цинское правительство воздержаться «от окончательного подписания займа до тех пор, пока банкиры тройственной группы не договорились об условиях» хугуанского займа с американской банковской группой¹³⁸).

Германское правительство, убедившись, что вопрос об утверждении займа и его условий затягивается, стало оказывать поддержку американским домогательствам в Пекине в надежде обострить взаимоотношения Соединенных Штатов Америки с Великобританией. Пекинский корреспондент лондонской газеты «Таймс» писал, что телеграмма Тафта была «непосредственно вызвана интригами Немецко-Азиатского банка, влияние которого на Гонконг-Шанхайский банк так вредно для британских интересов в Китае»¹³⁹).

Осенью 1909 г. вопрос об участии американской банковской группы в хугуанском займе на равных с тремя другими державами условиях был разрешен в положительном для США смысле. Главную роль в этом отношении сыграло давление американского правительства на Китай и поддержка Германии.

В сентябре 1909 г. посланником США в Китае был назначен чикагский капиталист и известный путешественник Чарльз

¹³⁷) Т. Overlach. Op. cit., p. 212.

¹³⁸) Ch. Vevier. Op. cit., p. 114.

¹³⁹) J. Bland. Op. cit., p. 278.

Крэн — ставленник президента Тафта и крупных монополий¹⁴⁰). Русский дипломатический представитель в Вашингтоне Крупенский встретился с Крэном после того, как последний получил личные указания Тафта относительно американской политики в Китае. Крэн заявил Крупенскому, что правительство США с удовлетворением восприняло известие о предоставлении американским капиталистам равного (стремя другими странами) участия в предоставлении займа для постройки Ханькоу-Сычуаньской железной дороги. В американской печати отмечалось, что этот успех имеет принципиальное значение в смысле прецедента для дальнейшего участия американских капиталов в разных предприятиях Китая¹⁴¹).

Как сообщал Крупенский, Крэн, с одобрения президента Тафта, по пути в Пекин должен был посетить Лондон, Париж и Петербург. Несомненно, что подобный путь был выбран не случайно. Крэн получил задание госдепартамента содействовать решению вопроса о хугуанском займе и начать предварительные переговоры об изменении положения в Северо-Восточном Китае в интересах американского капитала. Но Крэн не успел выполнить порученного ему дела, так как в интервью корреспондентам газет он, до начала переговоров, изложил планы Соединенных Штатов по вытеснению своих империалистических соперников из Китая, что вызвало дипломатический скандал, и Крэн был отозван с дороги¹⁴²).

Американская дипломатия настаивала на быстрейшем заключении нового соглашения между теперь уже четверной группой банкиров и китайским правительством относительно распределения участков железнодорожного строительства между банковскими группами¹⁴³). Решение этого вопроса выявило новые острые противоречия. Английская финансовая группа при поддержке своего правительства требовала большую долю участия, ссылаясь на то, что дороги будут проводиться в английской сфере влияния. В декабре 1909 г. министр иностранных дел Франции Пишон сообщил германскому послу в Париже Радолину, что из 3 200 километров железных дорог, намеченных к строительству в Китае, на долю Германии и США приходится по 800 км. Из оставшихся 1600 км английская финансовая группа хотела получить 1100 км, а французской группе оставить только — 500 км. Французское правительство выступило решительно против и настаивало на равномерном распределении участков железных дорог

¹⁴⁰) Ch. Vevier. Op. cit., p. 91.

¹⁴¹) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 608, лл. 52—53. Доверительная депеша Крупенского из Манчестера, 31/18 августа 1909 г.

¹⁴²) Ch. Vevier. Op. cit., p. 91—92.

¹⁴³) «G. P.», Bd. XXXII, S. 52.

между всеми участниками соглашения¹⁴⁴). В конечном итоге эта точка зрения была принята за основу.

Правительство Японии и царской России также зондировали почву о возможности участия русских и японских банков в хугуанском займе, но, не встретив поддержки, не стали настаивать, так как русские и японские банки не располагали свободными капиталами. В мае 1910 г. после завершения переговоров о хугуанском займе государственный секретарь США Нокс заявил, что он давал принципиальное согласие на участие Русско-Китайского банка в займе, однако теперь «доволен», что дело завершено и вопрос об участии России не приведет к новым задержкам¹⁴⁵). Следует отметить, что США соглашались допустить участие России в хугуанском займе при условии «Петербург поддержит американские предприятия в Северной Маньчжурии и Монголии», т. е. план «интернационализации» Северо-Восточного Китая¹⁴⁶).

Между участниками соглашения шли длительные споры по конкретным вопросам, связанным с постройкой дорог. В мае 1910 г. было согласовано распределение участков для строительства и назначение главных инженеров для железнодорожных линий в 2400 км. Английская и французская группы получили право назначить главного инженера на участки протяженностью по 600 км каждая. Германская группа назначала главного инженера на магистраль в 800 км, а американской группе было предоставлено 400 км. Для того, чтобы компенсировать американскую группу, ей разрешили назначить помощника главного инженера на отрезок германской линии протяженностью в 200 км¹⁴⁷).

23 мая 1910 г. на конференции представителей банкиров четырех держав в Париже было оформлено соглашение о включении американской банковской группы, на равных условиях с англо-франко-германскими группами, в финансирование и строительство Хугуанских железных дорог¹⁴⁸). Государственный секретарь США Нокс в беседе с германским послом в Вашингтоне Бернсторфом выразил свое удовлетворение урегулированием вопроса о строительстве Хугуанских железных дорог и заявил, что он считает политику открытых дверей в Китае, «пока за исключением Маньчжурии, обеспеченной»¹⁴⁹). В послании конгрессу Тафт отмечал успехи США в «интернационализации иностранных железнодорожных ин-

¹⁴⁴) Ibidem. Князь Радолин в ведомство иностранных дел, Париж, 15 декабря 1909 г.

¹⁴⁵) «G. P.», Bd. XXXII, S. 59.

¹⁴⁶) Ch. Vevier. Op. cit., p. 138.

¹⁴⁷) «G. P.», Bd. XXXII, S. 58. Меморандум статс-секретаря ведомства иностранных дел Шёна в американское посольство в Берлине, 19 мая 1910 г.

¹⁴⁸) J. Mac Murray. Op. cit., v. I, p. 886—887.

¹⁴⁹) «G. P.», Bd. XXXII, S. 59.

тересов» в Китае¹⁵⁰). Объясняя причины чрезвычайной активности ведущих империалистических держав в экономическом проникновении в Китай, Ф. Даллес писал: «Деятельность эта была также средством с далеко идущими целями. Нации, которые финансировали новую железную дорогу и промышленные проекты в Китае, должны были оказывать преобладающее влияние на эту страну»¹⁵¹).

Если финансовый капитал империалистических держав преследовал прежде всего цели непосредственной эксплуатации китайского народа, то стоявшие за ним правительства, выполняя волю монополий в этом направлении, кроме того стремились обеспечить свои интересы с учетом стратегических и политических задач. Борьба монополий и противоречивые интересы империалистических держав были основной причиной того, что заключенные между ними сделки оказывались недолговременными, а некоторые из соглашений вообще не были осуществлены.

3. Экспансия американского империализма в Северо-Восточном Китае

Американские империалисты одновременно с проникновением в Центральный Китай при помощи участия в хугуанском железнодорожном займе пытались укрепиться в Северо-Восточном Китае путем строительства железной дороги и «интернационализации» Маньчжурии. Последнего правящие круги Соединенных Штатов Америки хотели добиться за счет выкупа КВЖД и ЮМЖД у России и Японии международным синдикатом банкиров. Собственно говоря, план государственного секретаря Нокса не содержал новых оригинальных мыслей, он был лишь повторением уже известных проектов Э. Гарримана, выдвинутых в 1905 г. Правда, Гарриман намеревался осуществить выкуп и эксплуатацию железных дорог Северо-Восточного Китая в сотрудничестве с японским капиталом, а Нокс попытался привлечь к этому делу англо-франко-германский капитал.

Выступление правительства президента Тафта по вопросу об «интернационализации» Маньчжурии было ускорено дальнейшим укреплением Японии в Южной Маньчжурии, которая в 1908—1909 гг. навязала Китаю ряд неравноправных соглашений, ограничивавших возможности американских монополий в эксплуатации этого района Китая. Кроме того, американские дипломаты считали, что сложилась чрезвычайно выгодная международная обстановка для осуществления их замыслов. В Европе все больше обострялась борьба между

¹⁵⁰) «Congressional Record», vol. 46, part 1, p. 17.

¹⁵¹) F. Dulles. China and America. The Story of their Relations since 1784, Princeton, 1946, p. 129.

странами Антанты и германо-австрийским блоком. Осенью 1908 г. Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, что породило угрозу войны в Европе и отвлекло силы царской России с Дальнего Востока. Положение России на Дальнем Востоке было ослаблено. Несмотря на наличие общеполитического соглашения 1907 г., русско-японские отношения в 1908—1909 гг. были напряженными.

Тяжелое военно-политическое положение России на Дальнем Востоке, а также большие убытки, которые ежегодно приносила Китайско-Восточная железная дорога Государственному казначейству¹⁵²), привели к тому, что некоторые представители царского правительства считали целесообразным продать КВЖД и отказаться от русской сферы влияния в Маньчжурии. Б. А. Романов приводит довольно убедительные факты, свидетельствующие о том, что Коковцов и Извольский летом 1908 г. зондировали почву относительно продажи КВЖД «Международному синдикату». Разговоры об этом проникли в печать, вызвали недовольство в Японии и повели к предложению цинского правительства досрочно выкупить КВЖД. Это предложение было передано через русского посланника в Пекине Коростовца 1 февраля 1909 г.¹⁵³). Влиятельный член Государственной думы Н. Львов заявлял, что от КВЖД «надо отказаться»¹⁵⁴). Уполномоченный министерства финансов царского правительства в Китае фон Гойер в мае 1909 г. в докладе, направленном в министерство финансов, писал о целесообразности продажи КВЖД Китаю после постройки Амурской железной дороги, так как это, по мнению фон Гойера, создало бы «союз России и Китая»¹⁵⁵). В русской прессе после русско-японской войны в течение нескольких лет шла критика «позорной маньчжурской эпопеи». В 1909 г. Владивостокский биржевой комитет заявил, что сохранение в руках России КВЖД приносит большой вред русскому Приамурью¹⁵⁶).

Исходя из того, что положение царской России на Дальнем Востоке было подорвано, а идея борьбы за сохранение позиций в Северной Маньчжурии не пользовалась популярностью у русского народа, правящие круги США считали, что они смогут заставить царское правительство отказаться от своих позиций в Северной Маньчжурии в пользу США. В 1908—1909 гг. представители американской банковской группы вели переговоры с правлением Китайско-Восточной доро-

¹⁵²) В октябре 1909 г. министр финансов Коковцов заявил, что ежегодно на нужды КВЖД казна выплачивает до 26 млн. рублей золотом. См. «Дальний Восток», 29 октября 1909 г.

¹⁵³) См. Б. А. Романов. Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895—1907), М.—Л., 1955, стр. 650—651.

¹⁵⁴) «Биржевые ведомости», 18 февраля 1908 г.

¹⁵⁵) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 608, л. 114.

¹⁵⁶) «Дальний Восток», 23 октября 1909 г.

ги о покупке КВЖД¹⁵⁷). Но эти переговоры окончились для американского капитала безрезультатно. После этого правящие круги США предпринимают попытку захватить КВЖД под видом «нейтрализации» маньчжурских железных дорог.

Что касается Японии — главного империалистического конкурента Соединенных Штатов на Дальнем Востоке, — то, как было хорошо известно американской дипломатии, Япония усиленно готовилась к аннексии Кореи и стремилась обеспечить согласие США на полное порабощение корейского народа. Кроме того, финансовое положение Японии и Южно-Маньчжурской железной дороги было довольно тяжелым. Эти обстоятельства учитывало правительство США, надеявшееся на уступчивость Японии. Однако японское правительство решительно отвергло попытки американских банкиров начать переговоры с целью покупки ЮМЖД¹⁵⁸). Поэтому США стремились укрепиться в Маньчжурии прежде всего за счет царской России, позиции которой в Северо-Восточном Китае были намного слабее позиций Японии.

Правительство США учитывало дальнейшее обострение борьбы между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией — с другой, считая, что при таких условиях ни одна из этих держав не пойдет на риск ухудшения взаимоотношений с Соединенными Штатами и не окажет серьезного сопротивления осуществлению их экспансионистских планов в Китае.

Правительство США также рассчитывало использовать тяжелое внутреннее положение Китая, где господствовали феодалы и иностранные империалисты. Учитывая пробуждавшееся национальное самосознание китайского народа, американские империалисты пытались осуществить свои захватнические замыслы в Китае, прикрываясь фразами о «коммерческой нейтрализации», «равных возможностях» и даже «восстановлении суверенитета Китая».

Осуществление колониальных замыслов США в Северо-Восточном Китае взяла на себя банковская группа, созданная весной 1909 г. с целью участия в хугуанском железнодорожном займе. Американская финансовая группа направила своим представителем в Китай известного дельца и дипломата В. Стрейта, который с этой целью был освобожден от обязанности начальника дальневосточного отдела государственного департамента США¹⁵⁹).

Как явствует из заявления Стрейта, задача, поставленная перед ним, заключалась в том, чтобы обеспечить американским монополиям участие в железнодорожном строительстве, эксплуатации горных и других богатств Китая. «Северо-Аме-

¹⁵⁷) E. Zabriskie. Op. cit., p. 211.

¹⁵⁸) П. П. Севостьянов. Указ. соч., стр. 164.

¹⁵⁹) Э. Гарриман выдвигал Стрейта на пост посланника Соединенных Штатов Америки в Пекине. См. Ch. Vevier. Op. cit., p. 91.

риканские Соединенные Штаты, — говорил Стрейт, — в близком будущем должны быть первой мировой державой на Дальнем Востоке. Наше правительство крайне интересуется всем, что может способствовать развитию американских интересов на Тихом океане и всячески будет стремиться к тому, чтобы и американцы получили свою долю в той богатой жатве, которую дает пробуждающаяся промышленность Китая»¹⁶⁰).

Основные усилия американских финансистов и дипломатов в это время были направлены на закабаление Северо-Восточного Китая. По указанию Гарримана Стрейт вел переговоры с провинциальными властями Китая в Мукдене, добываясь концессии на постройку железной дороги через всю Маньчжурию — от Цзиньчжоу на побережье Ляодунского залива до русско-китайской границы по реке Амуру у Айгуня (недалеко от Благовещенска)¹⁶¹). Так был возрожден американский проект постройки Цзиньчжоу-Айгуньской железной дороги. После смерти Гарримана, который умер 10 сентября 1909 г.¹⁶²), наибольшую активность в осуществлении американских планов закабаления Северо-Восточного Китая проявлял Я. Шифф, глава банкирского дома «Кун, Леб и К^о», который ранее занимал пост министра финансов в правительстве Теодора Рузвельта.

Правящие круги Соединенных Штатов неоднократно имели возможность убедиться в том, что Япония не уступит своих позиций в Южной Маньчжурии, поэтому американская дипломатия прежде всего стремилась ослабить позиции царской России в Северной Маньчжурии, ухудшить русско-китайские отношения и создать условия для укрепления позиций американского капитала. По указанию своего правительства, американский консул в Харбине Фишер с 1907 г. всячески препятствовал восстановлению прав русской железнодорожной администрации в полосе отчуждений КВЖД, установленных русско-китайским соглашением 1896 г. После того, как царское правительство заявило протест против деятельности консула Фишера, Государственный департамент в меморандуме от 9 апреля 1908 г. указал, что Фишер действует в соответствии с инструкциями своего правительства.

В меморандуме отмечалось, что «русские претензии нарушают экстерриториальные права американцев». Правительство США отказывалось признать права администрации КВЖД взимать налоги с американцев, проживавших в Харбине, выдавать разрешения на торговлю, а также не желало согласиться с юрисдикцией русских властей в зоне дороги. Американское правительство предлагало установить в Хар-

¹⁶⁰) «Вестник Азии», Харбин, 1909, № 2, стр. 175.

¹⁶¹) Ch. Vevier. Op. cit., p. 128.

¹⁶²) Ibidem.

бине систему городского управления, подобную тем «многонациональным системам, которые существовали в договорных портах Китая»¹⁶³). 29 декабря 1908 г. государственный департамент передал русскому посольству в Вашингтоне ноту, в которой вновь предлагал, чтобы городское управление в Харбине было полностью независимым от железной дороги и устанавливалось «коллективным действием консульского корпуса»¹⁶⁴).

10 мая (27 апреля) 1909 г. было подписано предварительное русско-китайское соглашение о порядке управления в полосе отчуждения КВЖД¹⁶⁵). В американской ноте, направленной правительствам России и Китая в связи с предписанием данного соглашения, указывалось, что оно якобы нарушает права экстерриториальности, предоставленные американским гражданам по договорам с Китаем¹⁶⁶). Правительство США стремилось превратить наиболее значительные поселения в зоне КВЖД в международные сэттльменты, независимые как от русской, так и от китайской администрации, и тем самым облегчить проникновение американского капитала в Северную Маньчжурию¹⁶⁷).

Американский автор Янг считает русско-китайское соглашение 1909 г. «разумным» и в общем выгодным для американцев, проживавших в зоне КВЖД, так как они получили необходимые условия для торгово-предпринимательской деятельности. 1 июня 1910 г. государственный секретарь Нокс дал указание новому американскому консулу в Харбине Грину, чтобы последний разрешил американским гражданам в Харбине платить «свою справедливую часть таких муниципальных налогов, которые могут быть необходимыми, чтобы обеспечить город дорогами, освещением, санитарией и полицией», однако здесь же Нокс подчеркнул, что США не отказались от своих прав, т. е. в принципе не признали русско-китайское соглашение от 10 мая 1909 г.¹⁶⁸). Характерно, что американское правительство, столь настойчиво выступавшее против России в Северной Маньчжурии, совершенно не вмешивалось в деятельность японских властей на Южно-Маньчжурской железной дороге, хотя там Япония пользовалась значительно большими правами, чем Россия на КВЖД.

Прежде чем начать решительное наступление с целью

¹⁶³) С. Young. Japanese Jurisdiction in the South Manchuria Railway areas, Baltimore — London — Oxford, 1931., p. 51—52.

¹⁶⁴) Ibid., p. 53.

¹⁶⁵) См. главу VII.

¹⁶⁶) См. «Правительственный вестник», 25 сентября/8 октября 1909 г.

¹⁶⁷) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 605, л. 21. Коковцов Столыпину, сентябрь 1909 г.

¹⁶⁸) С. Young. Japanese Jurisdiction in the South Manchuria Railway areas, Baltimore — London — Oxford, 1931, p. 56.

превращения Северо-Восточного Китая в международную колонию, американский финансовый капитал решил обеспечить себе позиции для торга. Такую позицию, по мысли американских дипломатов, должно было создать соглашение с Китаем о постройке Цзиньчжоу-Айгуньской железной дороги. В. Стрейт вытащил на свет проект постройки этой дороги, еще ранее выдвигавшийся Гарриманом, прежде всего как средство дипломатического давления на Россию и Японию. Предполагаемая дорога должна была пройти по слабо заселенным в то время районам Северо-Восточного Китая и Внутренней Монголии и серьезного экономического значения иметь не могла, но ее постройка создала бы угрозу японскому преобладанию в Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии. Кроме того, Цзиньчжоу-Айгуньская железная дорога, в случае ее сооружения, могла бы быть использована, например, Японией для вторжения в Амурскую область.

15 сентября 1909 г. Стрейт телеграфировал в Нью-Йорк, прося разрешения банкиров на подписание соглашения о постройке Цзиньчжоу-Айгуньской железной дороги на средства банковской группы. Одновременно с этим Стрейт в длинном письме на имя Шиффа указывал на те большие выгоды, которые принесло бы сооружение этой дороги американскому капиталу, открыв ему путь для более активного проникновения в Маньчжурию, Монголию и Сибирь¹⁶⁹). Стрейт писал, что противоречия между Россией и Францией, с одной стороны, и Германией — с другой, а также «убывающее влияние Петербурга на Дальнем Востоке» создают условия, при которых англо-франко-американский капитал был эффективным средством положить конец преобладающему положению Японии и России в Маньчжурии¹⁷⁰). Таким образом, правящие круги США, стремясь вытеснить своих империалистических конкурентов — Японию и царскую Россию из Северо-Восточного Китая, с самого начала пытались заручиться поддержкой Англии и Франции, выдвинув предложение о привлечении англо-французского капитала для постройки Цзиньчжоу-Айгуньской железной дороги.

25 сентября 1909 г. Стрейт в письме Г. Вильсону изложил свой план действий в Северо-Восточном Китае, заключающийся в том, чтобы первоначально вытеснить оттуда царскую Россию, а затем Японию и после этого, опираясь на Банк Трех восточных провинций, совместно с теми странами, которые помогут осуществить планы американских империалистов, «взяться за коммерческое и промышленное развитие этого района»¹⁷¹). Вполне понятно, что американский империализм заботился не об экономическом развитии китайских

¹⁶⁹) Ch Vevier. Op. cit., p. 129.

¹⁷⁰) Ibidem.

¹⁷¹) Ibid., p. 139.

провинций, а стремился к превращению Северо-Восточного Китая в объект для приложения американского капитала.

2 октября 1909 г. было подписано предварительное соглашение о финансировании, постройке и эксплуатации железной дороги Цзиньчжоу-Айгунь. Соглашение подписали: представитель американской финансовой группы Стрейт и уполномоченный английской фирмы «Паулинг и К^о», с одной стороны, и вице-король Маньчжурии — с другой¹⁷²). Соглашением предусматривалось, что американская финансовая группа совместно с фирмой «Паулинг и К^о» предоставит кредит на постройку дороги¹⁷³).

Обеспечив создание «собственных интересов» в Северо-Восточном Китае в виде концессии на постройку Цзиньчжоу-Айгуньской железной дороги и заинтересовав в этом деле английский капитал, американское правительство в начале ноября 1909 г. открывает свои карты, доведя до сведения заинтересованных правительств меморандум, подписанный государственным секретарем Соединенных Штатов Ноксом, в котором излагалось предложение о выкупе маньчжурских железных дорог у России и Японии на средства международного банковского синдиката¹⁷⁴). Американские дипломаты вели подготовительную работу в этом направлении задолго до опубликования меморандума Нокса. Так, американский посол в Петербурге Рокхилл получил инструкции своего правительства о целях предстоящих переговоров об интернационализации железных дорог Северо-Восточного Китая еще 20 января 1909 г.¹⁷⁵). После этого Рокхилл в беседах с министром иностранных дел Извольским пытался убедить последнего поддержать обширный план американских действий на Дальнем Востоке и идти в маньчжурских делах рука об руку с Соединенными Штатами¹⁷⁶).

В ноябре 1909 г. посол США в Петербурге Рокхилл встретился с министром иностранных дел России Извольским и из-

¹⁷²) J. Mac Murgau. *Op. cit.*, v. I, p. 800—802.

¹⁷³) Центральное правительство Китая утвердило концессию на сооружение Цзиньчжоу-Айгуньской ж. д. в январе 1910.

¹⁷⁴) Для осуществления американского проекта требовались громадные средства. По подсчетам Диллона, которые были опубликованы в апрельском номере «Contemporary Review» за 1910 г., стоимость КВЖД определялась в 541 млн. руб. Стоимость японских железных дорог в Маньчжурии — в 156,7 млн. рублей и стоимость линий, предложенных американской банковской группой для строительства, — в 145 млн. руб. См. L. Lawton. *Op. cit.*, v. II, p. 1324—1326.

¹⁷⁵) E. Zabriskie. *Op. cit.*, p. 213. Приложение. Меморандум государственного департамента США русскому правительству от 8 февраля 1910 г.

¹⁷⁶) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 610, л. 7. Справка Министерства иностранных дел, составленная для обсуждения в Совете министров вопроса о «коммерческой нейтрализации» маньчжурских железных дорог 29 декабря 1909 г./11 января 1910 г.

ложил последнему американский план «торговой нейтрализации Маньчжурии»¹⁷⁷). По этому плану государства, заинтересованные в маньчжурских делах, должны были бы образовать международный синдикат, который предоставил бы Китаю крупный заем для выкупа железных дорог в Северо-Восточном Китае. Право собственности на выкупленные дороги номинально предоставлялось Китаю, но синдикат должен был осуществлять эксплуатацию и контроль над всей железнодорожной сетью. Рокхилл доказывал Извольскому, что, поддержав США в вопросе о «нейтрализации Маньчжурии» и став участницей синдиката, Россия без ущерба выйдет из «затруднительного положения» на Дальнем Востоке, а также «будет поставлен международный предел дальнейшим захватом со стороны Японии». Кроме того, заявлял Рокхилл, отпадет вопрос об административных правах КВЖД в зоне отчуждения, хотя именно США чинили препятствия царскому правительству в этом отношении¹⁷⁸).

Рокхилл стремился убедить Извольского, что план «нейтрализации» принесет выгоды России, обезопасив ее от возможного нападения Японии, и превратит Маньчжурию в буфер между Россией и Японией. Однако последний считал, что японское правительство не согласится на нейтрализацию Маньчжурии, а поддержка планов США со стороны России приведет немедленно к дальнейшему ухудшению русско-японских отношений. Извольский заявил Рокхиллу, что «Япония, добившись при благосклонном содействии Америки нынешнего своего доминирующего положения в Южной Маньчжурии, уступит его лишь под сильнейшим давлением»¹⁷⁹). Министр иностранных дел России считал, что в случае проведения в жизнь планов Нокса США «вряд ли возместят России» стоимость КВЖД, а «интернационализация» Маньчжурии не обезопасит Россию от угрозы нападения Японии, так как последняя сохранит в качестве базы Корею. Возможно, что потеряв Маньчжурию, заявлял Извольский, Япония будет искать возможность вознаградить себя за наш счет и, в таком случае, мы вряд ли можем рассчитывать на активную помощь США¹⁸⁰). Таким образом, план правительства президента

¹⁷⁷) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 610, лл. 2—3. Копия всеподданнейшего доклада Извольского Николаю II от 25/12 ноября 1909 г. См. также Б. А. Романов. Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895—1907), М.—Л., 1955, стр. 661.

¹⁷⁸) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 610, л. 2.

¹⁷⁹) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 610, л. 3. См. также «Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949)», 1956, стр. 217.

¹⁸⁰) Японская газета «Майници симбун» 21 октября 1909 г. в связи с появившимися слухами о возможности русско-американского сближения писала, что союз России с США был бы «гибельным для дела мира на Дальнем Востоке». См. АВПР. Японский стол, д. 915, л. 164. Малевский-Малевич Извольскому.

Тафта об отторжении Северо-Восточного Китая и создании на его территории буферного государства под международным контролем с самого начала встретил отрицательное отношение русской дипломатии.

Почти одновременно с выступлением Рокхилла в Петербурге государственный секретарь США Нокс 6 ноября 1909 г. обратился с меморандумом к министру иностранных дел Англии Грею. В меморандуме были зафиксированы основные предложения правительства США по вопросу о «нейтрализации» Маньчжурии, и правительству Англии предлагалось принять участие в совместном с Соединенными Штатами выступлении по вопросу об «интернационализации» железных дорог в Маньчжурии¹⁸¹). Однако в меморандуме Нокса правительству Великобритании имелось предложение о сооружении Цзиньчжоу-Айгуньской железной дороги, о котором ни слова не сказал Рокхилл в беседе с Извольским.

Нокс предлагал Грею в случае, если не удастся осуществить проект «интернационализации» Маньчжурских железных дорог, выступить совместно и добиваться сооружения Цзиньчжоу-Айгуньской железной дороги, предварительное соглашение о постройке которой было уже к этому времени подписано представителями американского и английского капитала. Нокс рассчитывал, что английское правительство вынуждено будет поддержать предприятие, в котором был заинтересован английский капитал. Но Англия готовилась к решающей схватке со своим основным империалистическим соперником — Германией, и правительство Англии не решалось идти на обострение отношений со своими союзниками Россией и Японией. Поэтому Грей предложил рассмотрение вопроса о «нейтрализации» маньчжурских железных дорог отложить, а что касается Цзиньчжоу-Айгуньской железной дороги, то Грей советовал привлечь к участию в проведении этой дороги Японию и Россию, как государства наиболее заинтересованные в этом вопросе¹⁸²).

Выявившееся отрицательное отношение России, Англии и Японии к проекту «интернационализации» маньчжурских железных дорог должно было показать американским дипломатам, что их план в этом отношении осуществить не удастся. Тем не менее правительство США продолжало упорную борьбу за то, чтобы путем постройки Цзиньчжоу-Айгуньской железной дороги, а также различными финансовыми комбинациями утвердиться в Северо-Восточном Китае. 14 декабря 1909 г. Государственный департамент направил меморандум Нокса по маньчжурским вопросам правительствам России, Японии, Франции и Германии.

¹⁸¹) П. П. Севостьянов. Указ. соч., стр. 155.

¹⁸²) П. П. Севостьянов. Указ. соч., стр. 156—157.

Меморандум, переданный американским послом в министерство иностранных дел России 16 (29) декабря 1909 г., содержал заявление о том, что в силу заключенного соглашения «американские и английские капиталы имеют право принять участие в финансировании и постройке Цзиньчжоу-Цицикар-Айгуньской железной дороги», но прежде чем дальше разрабатывать соглашение об этой дороге, правительство США предлагало в качестве лучшего варианта уже изложенный план «интернационализации» Маньчжурии с целью применения «на практике политики открытых дверей и равного торгового благоприятствования». В заключительной части меморандума делался вывод о том, что «полное осуществление какого-либо подобного порядка вещей устранило бы возможность трений, которые легко могут возникнуть вследствие бесконтрольных сделок банкиров с китайским правительством, во-вторых, оно создало бы такую общность реальных интересов в Китае, которая облегчила бы общность действия в целях упрощения вопроса о фискальной и моментной реформах, на которое императорское китайское правительство ныне обращает столь серьезное внимание»¹⁸³). Таким образом, правительство США стремилось объединить под своим руководством империалистические страны для дальнейшего закабаления Китая и эксплуатации китайского народа.

Осуществление замыслов правящих кругов США грозило Китаю отторжением Северо-Восточного Китая и превращением его в международную колонию, в которой главную роль играл бы американский капитал, так как США не были связаны ни с одной из двух борющихся империалистических группировок и сохраняли свободу рук для лавирования.

Весьма показательным является тот факт, что царскому правительству был передан неполный текст меморандума Нокса. Как выяснили русские дипломаты во время переговоров с Японией, в меморандуме, переданном России, была опущена та часть, в которой говорилось, что если бы осуществление проекта во всем объеме оказалось невозможным, то державы, сочувствующие «коммерческой нейтрализации» Маньчжурии, могли бы присоединиться к соглашению между США, Англией и Китаем для совместной постройки железной дороги от Цзиньчжоу на Айгунь и других линий, «которые сделаются необходимыми вследствие будущего развития Маньчжурии»¹⁸⁴). Стрейт убедил американских банкиров в том, что перспективы для проникновения в Маньчжурию более благоприятны по сравнению с тем, на что «можно было надеяться в самом

¹⁸³) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 610, лл. 10—11. Перевод памятной записки, переданной американским послом 29/16 декабря 1909 г.

¹⁸⁴) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 610, л. 8.

«Китае»¹⁸⁵). Государственный департамент придавал особое значение проекту Цзиньчжоу-Айгуньской линии, сооружение которой привело бы к осуществлению «большого плана», касающегося экспансии американского капитала в Маньчжурии, Монголии и Сибири¹⁸⁶).

Правительство США стремилось осуществить свои захватнические планы на Дальнем Востоке за счет Китая и вытеснить царскую Россию из Северной Маньчжурии, а с Японией заигрывало, привлекая ее к участию в постройке Цзиньчжоу-Айгуньской железной дороги. 7 декабря 1909 г. президент Тафт в послании к конгрессу указывал, что отношения между США и Японией дружественные и согласно «категорическому заявлению Японии она не предъявляет никаких притязаний на такие горные предприятия в Маньчжурии, которые были бы несовместимы с прежними договорами». Подобное заявление американского президента, сделанное в условиях, когда Япония только что навязала новые грабительские неравноправные договоры Китаю, нельзя расценить иначе, как попытку правительства США достичь соглашения с Японией на условиях дальнейшего закабаления Китая. В этом же послании Тафт отмечал, что в США сохраняется недовольство политикой России на Дальнем Востоке¹⁸⁷).

Японская дипломатия, несмотря на превосходство японских военных сил на Дальнем Востоке, в то время считала крайне опасным для Японии дальнейшее укрепление позиций США в Северо-Восточном Китае, поэтому японское правительство решило искать сближения с Россией для того, чтобы совместно противостоять американской экспансии.

Из великих держав план интернационализации Маньчжурии безоговорочно поддерживала только Германия, прежде всего исходя из интересов своей мировой политики. 23 декабря 1909 г. рейхсканцлер Германии Бетман-Гольвег в письме Вильгельму II заявлял, что американское выступление может связать Россию на Дальнем Востоке, что было бы выгодно для Германии. Кроме того, германская дипломатия стремилась сблизиться с США на почве дальневосточной политики. «Если бы мы в данном случае отнеслись уклончиво, — писал Бетман-Гольвег, — то мы, пожалуй, поставили бы на карту наши ценные отношения с Вашингтоном и направили бы Америку в объятия Англии. По отношению к России мы, в случае согласия на американское предложение, были бы прикрыты тем, что мы не проявляли никакой инициативы, но лишь соглашаемся на независимое от нас предложение Америки»¹⁸⁸). Точку зрения рейхсканцлера одобрил Вильгельм II,

¹⁸⁵) Ch. Ve vier. Op. cit., p. 137.

¹⁸⁶) Ibidem.

¹⁸⁷) «Congressional Record», vol. 45, part 1, p. 25—33.

¹⁸⁸) «G. P.», Bd. XXXII, S. 67.

и на следующий день статс-секретарь ведомства иностранных дел Шён дал указание германскому послу в Вашингтоне сообщить американскому правительству, «что мы полностью согласны с выдвинутыми им общими принципами и охотно присоединимся к их возможным шагам для осуществления этих принципов»¹⁸⁹).

Следует отметить, что германское правительство переоценило степень поддержки, которую оказывала Великобритания проекту Нокса. Германские дипломаты были введены в заблуждение либо меморандумом Нокса, который начинался фразой о сотрудничестве британских и американских капиталистов в деле финансирования и постройки Цзиньчжоу-Айгуньской железной дороги, либо информацией, которую дало посольство США в Берлине. Если германское правительство и пресса первоначально одобрительно отнеслись к проекту Нокса, то затем, когда выяснилось, что шансов на осуществление «интернационализации» Маньчжурии нет, правительство заняло выжидательную позицию, а в печати появились заявления, что проект неосуществим¹⁹⁰). Официозная газета «Пост» писала, что если Россия примет предложение США, то она должна будет повернуться спиной к Тихому океану и отказаться от самостоятельной политики на Дальнем Востоке. Япония американский проект, по утверждению газеты, связывал руки и не давал возможности воспользоваться плодами победы в русско-японской войне¹⁹¹).

Вопрос о судьбе плана «интернационализации» Маньчжурии решался в Токио и Петербурге. Япония и Россия, имевшие в качестве союзников Англию и Францию, были достаточно сильными, чтобы отвергнуть план Нокса. Принять его они не могли по многим соображениям. Прежде всего, Япония и Россия были странами менее развитыми в экономическом отношении, чем другие участники предлагаемого синдиката, и не смогли бы выдержать конкуренцию со своими более мощными империалистическими соперниками — США, Англией и Германией. Военно-феодалный характер японского и русского империализма, при всем их различии, проявлялся во внешней политике.

Японский империализм рассматривал свои позиции в Южной Маньчжурии как базу для дальнейшей экспансии на континенте. Согласие царского правительства на продажу КВЖД резко ухудшило бы и без того напряженные русско-японские отношения. При первых известиях о плане «нейтрализации» японское правительство прямо поставило вопрос о необходимости русско-японского сближения против американского наступления в Северо-Восточном Китае. В конечном

¹⁸⁹) Ibid., S. 70. Шён Бернсторфу, 24 декабря 1909 г.

¹⁹⁰) АВГР. Канцелярия, 1910, д. 18, л. 3. Остен-Сакен Извольскому.

¹⁹¹) «Дальний Восток», 22 января 1910 г.

итоге в правящих кругах царской России победила точка зрения, что обсуждать вопрос о продаже КВЖД до завершения постройки Амурской железной дороги не следует.

30 декабря 1909 г. предложение США обсуждал Совет министров России. К этому времени выяснилось следующее отношение держав к американскому предложению: Германия выразила принципиальное согласие с основными предложениями США. Франция считала проект «нейтрализации» неосуществимым и согласовывала свою политику по этому вопросу с царским правительством. Англия и Япония ответили отрицательно на предложение США о «коммерческой нейтрализации Маньчжурии», но выразили свое согласие принять участие в постройке Цзиньчжоу-Айгуньской железной дороги¹⁹²).

На заседании Совета министров Извольский заявил, что он не является сторонником активной политики России на Дальнем Востоке, но считает, однако, что «ликвидация создавшегося там положения может быть произведена лишь на выгодных для России и не нарушающих ее достоинств условиях. Этим требованиям предложение Соединенных Штатов не отвечает»¹⁹³). Затем Извольский отметил, что если Россия согласится с предложением США, то это вызовет «осложнения с Японией», так как Япония выступала решительно против американского плана «нейтрализации». Позицию Извольского поддержал Столыпин и другие члены правительства. Совет министров утвердил проект ответа правительства России на предложение США. Царское правительство отвергло предложение США по вопросу о «коммерческой нейтрализации» КВЖД, заявив, что эта дорога важна для России, так как она является «неразрывным звеном великого сибирского пути, которым пользуется почти вся Западная Европа», и является средством связи России с ее владениями на Дальнем Востоке¹⁹⁴). В отношении Цзиньчжоу-Айгуньской железной дороги было указано на ее большое стратегическое и политическое значение для Северной Маньчжурии, Восточной Монголии и русского Дальнего Востока, так как планировался ее выход к русской границе. Царское правительство согласилось обсудить вопрос о постройке Цзиньчжоу-Айгуньской железной дороги и выражало надежду, что правительство России будет ознакомлено с основными условиями постройки этой дороги.

¹⁹²) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 610, л. 9. Справка министерства иностранных дел, 10 января 1910 г./28 декабря 1909 г. по вопросу о «коммерческой нейтрализации» маньчжурских железных дорог.

¹⁹³) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 610, лл. 33—34. Особый журнал Совета министров от 12 декабря 1909/30 декабря 1909 г.

¹⁹⁴) Там же, л. 15. Ответ русского правительства на меморандум Нокса, переданный послу США в Петербурге 21/8 января 1910 г.

Большинство русских газет выступило против продажи КВЖД, предложенной Ноксом, при этом указывалось на стратегическое значение дороги, на то, что иностранный капитал, заняв КВЖД, вытеснит русские товары из Забайкалья и Сибири¹⁹⁵). Русский посол в Японии Малевский-Малевич считал, что одной из целей плана Нокса было стремление «поссорить Китай с Россией»¹⁹⁶).

Японское правительство заняло наиболее непримиримую позицию в отношении плана Нокса и предложило царской России совместно препятствовать его осуществлению. В беседе с Извольским японский посол в Петербурге Мотоно отговаривал последнего от любых уступок по данному вопросу и заявлял, что «в Японии не понимают, почему, например, в харбинском деле (имеется в виду вопрос о городском управлении — С. Г.) Россия идет по пути уступок как Китаю, так и иностранным державам вместо того, чтобы, опираясь на Японию, смело отстаивать принадлежащие обществу КВЖД в силу контракта 1896 г. права»¹⁹⁷). Так именно поступает Япония в своей полосе отчуждения, где все административные права сосредоточены в руках железной дороги и лишь в трех пунктах действует особый порядок»¹⁹⁸).

В японской печати появились заявления, что в случае необходимости Япония оккупирует Южную Маньчжурию и силой воспрепятствует осуществлению американского проекта¹⁹⁹). Газета «Асахи» требовала, чтобы США проявляли уважение к Портсмутскому договору и китайско-японской конвенции. Официозный «Джапан таймс» писал, что «если мы не будем уничтожены как раса, никакая сила на земле не заставит нас отклониться от курса, который мы избрали для развития нашей дальневосточной политики». Выступая в парламенте, министр иностранных дел Японии Комура от имени правительства отверг притязания Соединенных Штатов на выкуп ЮМЖД²⁰⁰). Комура предложил Извольскому согласовать русский и японский тексты ответов на план Нокса, добавив при этом, «что Япония ни в коем случае не допустит перехода Южно-Маньчжурской железной дороги в другие руки»²⁰¹). Граф Хаяси сказал, что осуществление американского предложения было бы равнозначным «конфискации го-

¹⁹⁵) См. «Дальний Восток», 5, 19, 20 и 23 января 1910 г. Статьи о нейтрализации написаны редактором газеты Пановым.

¹⁹⁶) АВПР. Японский стол, д. 916, л. 69. Делеша Малевского-Малевича из Токио от 17/4 февраля 1910 г.

¹⁹⁷) Первая часть этого документа цитируется у Б. А. Романова, Россия в Маньчжурии (1892—1906), л. 1926, стр. 567.

¹⁹⁸) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 610, л. 4. Копия всеподданнейшего доклада Извольского Николаю II от 25/12 ноября 1909 г.

¹⁹⁹) «Дальний Восток», 19 января 1910 г.

²⁰⁰) L. L. a w t o n. Op., cit., p. 1329—1330.

²⁰¹) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 610, л. 8.

сударствами прав Японии и Маньчжурии, полученных как вознаграждение за тяжелые потери крови и денег» в русско-японской войне²⁰²). Японское правительство, отвергнув план Нокса относительно «коммерческой нейтрализации» Маньчжурии, указывало, что «самое важное возражение» против предложения США заключается в его отступлении от условий Портсмутского договора. В то же время Япония согласилась обсудить вопрос о строительстве Цзиньчжоу-Айгуньской железной дороги²⁰³).

Цинское правительство Китая, которое вначале выжидало, надеясь использовать борьбу держав в своих интересах, затем отказалось принять предложения США о «нейтрализации», так как принятие этого предложения, по заявлению газеты «Пекин дейли ньюс», могло повести к большим осложнениям в маньчжурских делах²⁰⁴).

Провал плана Нокса вызвал новое обострение японо-американских отношений. Американский конгресс срочно утвердил законопроект об ассигновании 6 млн. долларов на укрепление Филиппин, ставился вопрос об ускорении строительства военно-морской базы на Гавайях²⁰⁵). Газета «Нью-Йорк таймс» в передовой статье напоминала Японии, что последняя выиграла войну с Россией благодаря американским деньгам, и упрекала Японию в том, что она проводит в Маньчжурии политику, «явно вредную для американских коммерческих интересов»²⁰⁶). Глава банкирского дома Кун, Леб и К^о Я. Шифф и бывший министр финансов Соединенных Штатов Америки Шоу выступили с заявлением о неизбежности японо-американской войны²⁰⁷). В Японии реакция на воинственные заявления магнатов финансового капитала в США была столь бурной, что Шифф обратился с письмом в издававшуюся в Токио американскую газету. «Джапан адвертизер», в котором отказывался от своих слов о неизбежности японо-американской войны и одновременно с этим подверг резким нападкам дальневосточную политику царской России²⁰⁸). Характерно, что японский официоз «Джапан таймс» выступил

²⁰²) F. Dulles. Forty Years of American — Japanese Relations. New York — London, 1937, p. 95.

²⁰³) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 610, л. 12. Перевод проекта японского ответа американскому правительству на меморандум Нокса. Передан японским поверенным в делах в Петербурге в Министерство иностранных дел России 31/18 декабря 1909 г.

²⁰⁴) «Вестник Азии». Харбин, 1910 г., № 3, стр. 238.

²⁰⁵) АВГР. Японский стол, д. 916, л. 3. Донесение Малевского-Малеви-ча из Токио, 25/12 января 1910 г.

²⁰⁶) «New York Times», March 9, 1910. См. также П. П. Севостьянов. Указ. соч., стр. 170.

²⁰⁷) АВГР. Японский стол, д. 916, лл. 101—102. Малевский-Малевиц Извольскому, Токио, 25/12 марта 1910 г.

²⁰⁸) «Japan Advertiser», May 10, 1910; АВГР. Японский стол, д. 916, л. 162, приложение к донесению русского посла в Токио от 20/7 мая 1910 г.

со статьей, защищавшей царское правительство от нападок Шиффа²⁰⁹).

Основной причиной поражения американской дипломатии в вопросе о «нейтрализации Маньчжурии» было совместное выступление стран Антанты — Англия и Франция поддержали Японию и Россию против США и Германии. Сближение Японии с Россией, явившееся ответом на усиление экспансии США в Китае, провал плана Нокса уменьшили шансы американской финансовой олигархии в ее борьбе за укрепление в Северо-Восточном Китае. Тем не менее в 1910 г. американские империалисты продолжали добиваться осуществления своего проекта по постройке Цзиньчжоу-Айгуньской железной дороги и использовали наметившиеся по этому вопросу противоречия между Россией и Японией.

Японское правительство дало принципиальное согласие на постройку Цзиньчжоу-Айгуньской железной дороги при условии предоставления Японии участия в финансировании строительства, поставке материалов и права соединить новую дорогу с ЮМЖД²¹⁰). Японское правительство считало, что эта железная дорога будет играть для Японии важную роль в стратегическом отношении, так как в случае военного конфликта с Россией по ней можно было бы быстро перебросить японские войска в Амурскую область. Последнее обстоятельство весьма обеспокоило царское правительство. Русские дипломаты считали необоснованными утверждения представителей Англии о том, что предполагаемая к постройке дорога является «китайским предприятием», финансируемым иностранным капиталом, так как финансировать дорогу должен был американский синдикат, а вести строительные работы английская фирма «Паулинг и К⁰», т. е. эта дорога в случае сооружения полностью находилась бы в руках иностранного капитала²¹¹).

18 января 1910 г. Извольский вручил «Памятную записку» послу Великобритании в Петербурге Никольсону, в которой выражалось недовольство политикой Англии по вопросу Цзиньчжоу-Айгуньской железной дороги. В записке указывалось, что дорога в случае ее сооружения вышла бы к неукрепленному Благовещенску, а это вызвало бы, по мнению русского министерства иностранных дел, «значительное нарушение равновесия»²¹²). 24 января 1910 г. великобританский посол сообщил Извольскому, что английский кабинет дал указание своему посланнику в Пекине «предупредить

²⁰⁹) «Japan Times», May 13, 1910.

²¹⁰) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 6, д. 162, л. 234. Деша Розена из Вашингтона от 1 декабря/19 ноября 1910 г.

²¹¹) АВПР. Японский стол, д. 916, л. 219. Деша Малевского-Малевича из Токио, 8 февраля/26 января 1910 г.

²¹²) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 610, лл. 39—40.

китайское правительство о невозможности игнорировать интересы России и Японии и окончательно оформлять дело не посоветовавшись с ними»²¹³).

8 февраля 1910 г. Нокс обратился с новым меморандумом к царскому правительству, пытаясь убедить его согласиться на постройку Цзиньчжоу-Айгуньской железной дороги²¹⁴). Однако царское правительство направило заинтересованным государствам свой проект, в котором предлагалось заменить Цзиньчжоу-Айгуньскую линию сооружением железной дороги Калган-Кяхта с выходом ее на Сибирскую магистраль. Япония и Соединенные Штаты отнеслись к предложению России отрицательно. В беседе с русским посланником в Токио министр иностранных дел Японии Комура говорил, что Япония поддержит Россию «из желания идти рука об руку с ней в дальневосточных вопросах», но русский план «трудно осуществить, — заявил Комура, — так как его не поддержит англо-американский синдикат и тогда Япония вынуждена будет принять некоторое участие в постройке Цзиньчжоу-Айгуньской линии». Комура указывал, что Калган-Кяхтинская железная дорога в случае ее сооружения отвлечет значительное количество грузов с ЮМЖД²¹⁵).

В ответ американского правительства на предложение России отмечалось, что США в принципе не возражают против постройки железной дороги Калган — Кяхта и видят в этом желании России «работать совместно с Соединенными Штатами для железнодорожного и торгового развития Китая. Но правительство США не отказалось от надежды осуществить проект Цзиньчжоу-Айгуньской линии и выражало надежду, что Россия возьмет свой протест, направленный ею китайскому правительству против постройки данной железной дороги, и англо-американский синдикат получит возможность начать строительство первого участка дороги. Здесь же указывалось, что правительство Соединенных Штатов «не признает права какой-либо третьей державы противодействовать законным предприятиям американских граждан в какой-либо части китайской империи»²¹⁶).

2 мая 1910 г., выступая с речью в Питтсбурге, президент Тафт говорил о том, что он еще не потерял надежды на успешное осуществление проекта Нокса. «Нельзя не сочувствовать идее обратиться Маньчжурию, — заявил Тафт, — в государство, связующее интересы трех держав, где бы железные

²¹³) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 610, л. 49. Извольский Столыпину.

²¹⁴) E. Zabriskie. Op. cit., p. 211—213. Приложение. Меморандум правительства Соединенных Штатов от 8 февраля 1910 г.

²¹⁵) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 6, д. 324, л. 2. Делеша Малевского-Малевича из Токио, 5 марта/20 февраля 1910 г.

²¹⁶) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 6, д. 504, лл. 65—66. Перевод меморандума, переданного американским статс-секретарем российскому послу в Вашингтоне, 18/5 апреля 1910 г.

дороги находились под наблюдением и контролем всех наций»²¹⁷).

В июне 1910 г. Петербург посетил представитель американского синдиката в Китае Стрейт. Он имел встречи с Извольским, Коковцовым и Столыпиным, во время которых безуспешно пытался убедить русских министров дать согласие России на постройку Цзиньчжоу-Айгуньской железной дороги. Стрейту было указано, что Россия не возражает против помещения американских капиталов в Маньчжурии и даже в Сибири и европейской России, но проект данной линии, по заявлению царских министров, представлял угрозу для России. Извольский убеждал Стрейта не настаивать на постройке Цзиньчжоу-Айгуньской железной дороги в противовес КВЖД, которую по условиям договора китайское правительство имело право выкупить у России через 29 лет. Извольский говорил Стрейту, что если американский синдикат взялся за постройку железной дороги Урга — Калган — Пекин, то «мы приветствовали бы это»²¹⁸).

3 сентября 1910 г. Нокс провел совещание с Шиффом, Стрейтом и другими заинтересованными лицами. Нокс и банковская группа договорились принять новые меры для проликновения в Северо-Восточный Китай, если соглашение о Цзиньчжоу-Айгуньской дороге не будет осуществлено²¹⁹). В данном случае государственный департамент действовал вопреки советам посла США в Петербурге Рокхилла, который считал, что дальнейшее давление на Россию по этому вопросу может ухудшить русско-американские отношения, а это использует в своих интересах Япония. Рокхилл подчеркивал, что политика России в Маньчжурии, по его мнению, носила в это время «не агрессивный, а осторожно оборонительный характер»²²⁰).

В январе 1911 г. вопрос об отношении царского правительства к проекту Цзиньчжоу-Айгуньской линии рассматривался в «Особом совещании, которое рекомендовало министру иностранных дел повторить китайскому правительству заявление русского правительства об отрицательном отношении России к проекту Цзиньчжоу-Айгуньской железной дороги и уведомить китайские власти, что Россия не допустит ни пересечения Китайско-Восточной железной дороги новой дорогой, ни соединения последней с КВЖД»²²¹).

²¹⁷) «Дальний Восток», 12 мая 1910 г.

²¹⁸) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 610, лл. 138—139. Копия письма Извольского русскому послу в Вашингтоне от 11 июля/28 июня 1910 г.

²¹⁹) Ch. Vevier. Op. cit., p. 165.

²²⁰) «The Shaping of American Diplomacy», Chicago, 1956, p. 494. Рокхилл Ноксу, 21 и 30 января 1911 г.

²²¹) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 610, л. 184. Журнал особого совещания для рассмотрения вопросов, касающихся общества КВЖД, заседание 5 января 1911 г./23 декабря 1910 г.

Американский проект постройки Цзиньчжоу-Айгуньской железной дороги с целью укрепления в Северо-Восточном Китае потерпел неудачу. В марте 1911 г. Петербург посетил лорд Френч — представитель английской фирмы «Паулинг и К^о», которая входила в англо-американский синдикат. Френч заявил, что синдикат отказался от проекта Цзиньчжоу-Айгуньской железной дороги. Во время встреч со Столыпиным Френч пытался заручиться поддержкой царского правительства для осуществления новых планов английских и американских монополий по железнодорожному строительству в Китае²²²). Ч. Вивьер пишет, что неудача с Цзиньчжоу-Айгуньской железной дорогой была «жестоким поражением американской дипломатии»²²³). Но это поражение не прекратило попыток американского империализма экономически закабалить Китай.

Среди буржуазных историков и публицистов не было и нет единства взглядов в оценке плана Нокса по «интернационализации» Маньчжурии. Американская пресса на первых порах его всячески приветствовала, характеризуя как «удивительный по своей смелости» и отмечала, что «он вонзает нож в самое сердце дальневосточного вопроса»²²⁴). Блэнд писал, что политика Тафта и Нокса была «направлена на то, чтобы поставить Маньчжурию под международный экономический протекторат до того времени, когда Китай сможет идти один... Это была политика справедливости,— писал Блэнд,— смягченная собственным просвещенным интересом,— но требовался тонкий подход Меттерниха, чтобы сделать ее эффективной...»²²⁵). Ф. Тенненбаум, не приводя убедительных доказательств, утверждает, что президент Тафт «стремился защитить Китай от дальнейшего расширения»²²⁶).

Следует отметить, что многие из современников считали план Нокса трудно осуществимым, а после того, как выяснилась его окончательная неудача, американская пресса, особенно газеты демократической партии, подвергали Нокса нападкам и насмешкам, называя его дипломатию наивной и детской. Некоторые американские авторы не отрицают агрессивного характера политики правительства Тафта в Китае. Д. Даллес писал, что политика Нокса в Маньчжурии была «тщеславным применением принципа «открытых дверей», идущего значительно дальше того, что когда-либо предвидел Хэй»²²⁷). Даллес, Грисуолд, В. Вильямс и некоторые другие

²²²) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, д. 726, л. 366.

²²³) Ch. Vevier. Op. cit., p. 177—178.

²²⁴) F. Dulles. Forty Years of American — Japanese Relations, New York, London, 1937, p. 94.

²²⁵) J. Bland. Op. cit., p. 319.

²²⁶) F. Tannenbaum. Op. cit., 101.

²²⁷) F. Dulles. China and America, p. 130.

американские авторы отмечали, что политика Тафта и Нокса имела целью увеличить американские капиталовложения в Китае с целью усиления там политического влияния США. Но данное определение освещает лишь одну сторону вопроса, затушевывая главное — возраставшие потребности американского финансового капитала в новых рынках, что в конечном итоге и было первопричиной экспансии американского империализма на Дальнем Востоке и о чем прямо писал Тафт в послании конгрессу, указывая, что его политика на Дальнем Востоке «направлялась желанием использовать американский капитал для развития Китая»²²⁸).

Одна из целей американской дипломатии заключалась в том, чтобы под флагом «восстановления прав Китая» в Маньчжурии привлечь Китай на сторону США для борьбы против Японии и других своих конкурентов. Правительство Тафта, выступая на словах за территориальную целостность Китая и политику «открытых дверей», пыталось под видом «интернационализации Маньчжурии» превратить Северо-Восточный Китай в международную колонию, где господствовал бы американский капитал. Факты свидетельствуют о том, что американские империалисты добивались расчленения Китая и превращения Маньчжурии в свою сферу влияния.

Попытка американских империалистов вытеснить из Маньчжурии Японию и Россию и занять их место, как и другие мероприятия США, направленные на усиление их политического влияния в Северо-Восточном Китае, фактически означали их отход от политики «открытых дверей», в свое время провозглашенную правительством США. Политика «открытых дверей» предусматривала превращение Китая в объект коллективной эксплуатации со стороны всех империалистических держав. Но когда выяснилось, что осуществление политики «открытых дверей» при условии, когда другие империалистические державы имели сферы влияния и «арендованные территории», не принесло должных выгод американскому финансовому капиталу, то правительство США попыталось превратить Северо-Восточный Китай в свою сферу влияния путем использования пресловутой «дипломатии доллара» и встало на путь борьбы за расчленение Китая. Следует отметить, что попытку установить свой экономический и политический контроль в Маньчжурии правительство США по-старому прикрывало тезисом «открытых дверей», но сейчас это была лишь старая маскировка новой империалистической сущности их политики.

²²⁸) «Congressional Record», vol. 46, part 1, p. 17. Послание президента Тафта конгрессу от 6 декабря 1910 г.

Глава IV

АГРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ В 1908—1910 гг. АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ БОРЬБА КИТАЙСКОГО И КОРЕЙСКОГО НАРОДОВ

I. Агрессия японского империализма в Южной Маньчжурии. Рост антиимпериалистического движения в Китае

Агрессивная политика японского империализма в данные годы была направлена прежде всего на полное порабощение Кореи и Маньчжурии и установление японской гегемонии в Китае. Колониальная политика Японии определялась интересами монополистического капитала, а также интересами военно-бюрократического клики, которую возглавлял весьма влиятельный генро—маршал Ямагата. Лидеры буржуазных партий были тесно связаны с крупнейшими японскими концернами: Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Ясуда, распространившими свои торгово-промышленные и финансовые операции на Китай и Корею.

В 1908—1910 гг. в правящем лагере Японии продолжалась борьба по вопросам внешней политики. Правда, коренных расхождений не было, но существовали разногласия по вопросу о путях и методах осуществления захватнических планов и по вопросу о темпах перевооружения армии и флота. С января 1906 г. по июль 1908 г. правительство Японии возглавлял лидер партии Сэйюкай Сайондзи, слывший либералом. Правительство Сайондзи пыталось улучшить финансовое положение страны за счет сокращения расходов, в том числе и военных. Попытка задержать рост военных расходов встретила острое сопротивление милитаристов. Используя тот факт, что японский парламент реальной власти не имел, верхушка военщины добилась отставки правительства Сайондзи.

С июля 1908 г. по август 1909 г. правительство возглавлял ставленник военно-бюрократических кругов генерал Кацура. Правительство Кацура проводило реакционную внутреннюю политику и активизировало внешнеполитическую экспансию. В проведении захватнической политики японские империалисты опирались на возрастающую силу японской армии и флота, а также на поддержку своего союзника — Великобританию. Японское правительство продолжало затрачивать

крупные средства на усиление вооружений. В конце 1907 г. премьер-министр Сайондзи объявил о значительном сокращении военных расходов. Однако в действительности были лишь несколько сокращены расходы на постройку казарм и военно-учебных заведений, а увеличение и перевооружение армии и флота шло в соответствии с планом, принятым в 1906 г. «Старые ружья были заменены винтовками образца 1905 г., на вооружение приняты новые орудия полевой артиллерии, увеличивались и совершенствовались все роды войск¹⁾. «Япония продолжает усиленно готовиться в военном отношении, — писал русский посол в Токио Малевский-Малевиц, — и готова ко всяким случайностям. Если в настоящее время и нет определенных данных, чтобы подозревать ее в каких-либо агрессивных замыслах, то, с другой стороны, несомненно, что она намерена использовать до конца все выгоды положения, созданного успехами ее оружия, и решила стать твердой ногой на Азиатском континенте»²⁾.

Япония всемерно увеличивала боевую мощь своего военно-морского флота, причем особое внимание уделялось постройке линейных кораблей и тяжелых крейсеров, вооруженных крупнокалиберной артиллерией. В 1908 г. Япония имела в строю 11 современных линейных кораблей, 31 крейсер различного класса, 10 подводных лодок³⁾. К концу 1910 г., по данным газеты «Дзи-дзи симпо», японский флот имел 184 вымпела (боевых единицы) общим водоизмещением в 524 тыс. тонн. В их числе имелось 14 линейных кораблей водоизмещением в 212 тысяч тонн. Кроме того, находились в постройке дредноут водоизмещением в 20800 тонн, 3 крейсера и несколько более мелких судов⁴⁾. В 1911 г. была принята шестилетняя морская программа усиления военно-морского флота, предусматривавшая увеличение числа боевых кораблей в строю и замену устаревших судов новыми. К 1917 г. основную ударную силу флота должны были составить 15 линкоров и 14 бронированных крейсеров⁵⁾.

Увеличение японского флота шло под знаком военно-морского соперничества с Соединенными Штатами. Японские милитаристы доказывали необходимость быстрее увеличения военного флота в связи с ожидавшимся в 1914 г. открытием Панамского канала, который дал возможность США быстро перебрасывать свой флот из Атлантического в Тихий океан. Вопрос о строительстве флота играл значительную роль в политической жизни страны. «Увеличение военно-морских

1) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 608, л. 75. Донесение Малевского-Малевица из Токио, 9 сентября/27 августа 1909 г.

2) Там же.

3) «Statesman's Year — Book», v. 46, 1909, p. 982.

4) «Китай и Япония», 1911, № 18, стр. 19, 26.

5) «The Japan Financial and Economic Monthly», 1911, Nr. 6, p. 73.

сил, — писал «Японский финансовый и экономический ежемесячник», — является сейчас основным из текущих событий в Японии. Никогда не видели, чтобы японский народ проявлял большой интерес, чем сейчас, при обсуждении проблем нашего военно-морского флота. Журналы за журналами публикуют статьи, отстаивающие необходимость увеличения нашего военно-морского флота»⁶). Этот же журнал указывал, что строительство японского военно-морского флота может быть направлено только против США и поэтому неизбежно ухудшит японо-американские отношения⁷). Гонка вооружений тяжелым бременем ложилась на трудящихся. Японский народ расплачивался за великодержавную и колониальную политику своего правительства. Слабая экономическая и финансовая база Японии ограничивала возможности японского капитала по экономическому освоению захваченных территорий. Английские и французские колонии давали возможность правящим классам этих стран получать сверхприбыли и часть из них тратить на подкуп верхушки рабочего класса. Японское правительство осуществляло колониальную политику, прежде всего, за счет усиления эксплуатации японского народа. Японские монополии наживались на эксплуатации народов Китая и Кореи, на гонке вооружений, но расплачивались за это не только трудящиеся японских колоний, но и японский народ. Налоговое бремя возрастало. Увеличивался государственный долг. В 1906—1908 гг. государственный долг держался на одном уровне и равнялся 2,3 млрд. иен. В 1909—1913 гг. он значительно возрос и с небольшими колебаниями по годам достигал до 2,7 млрд. иен⁸). Финансовые трудности не останавливали японских милитаристов. Правительство Кацура в бюджете на 1910—1911 финансовый год установило расходы на военные нужды в 184 млн. иен, что составляло 34% расходной части бюджета⁹).

Наиболее дальновидные представители правящих классов Японии понимали, что Япония не в состоянии выиграть морское соперничество с Соединенными Штатами и укрепить свою гегемонию на Дальнем Востоке без поддержки Англии. В этом отношении весьма показательна беседа, которая состоялась весной 1909 г. между премьер-министром Японии Кацура и принцем Ито, с одной стороны, и послом Великобритании в Токио Макдональдом — с другой. Во время беседы японские лидеры говорили о приближавшейся революции в Китае, росте там антиимпериалистического движения и о том, что Япония длительное время не может заставить Ки-

⁶) «The Japan Financial and Economic Monthly», 1911, Nr. 6., p. 73.

⁷) Ibid., Nr. 9, p. 7.

⁸) Г. И. Болдырев. Указ. соч., стр. 157.

⁹) И. Я. Бедняк и др. Очерки новой истории Японии. М., 1958, стр. 446.

тай признать японские притязания по вопросам железнодорожного строительства, добычи полезных ископаемых и т. д. Представители японского правительства отметили «преобладающее влияние» Великобритании в Китае и свое желание крепить англо-японский союз, подчеркнув, что этот союз позволит держать деятельность Германии в Китае под контролем. Кацура заверил Макдональда, что «руководящей политикой» его правительства «будет тесный союз и дружба с Великобританией по любому пункту и на каждом повороте событий»¹⁰).

По сути дела Кацура и Ито обещали Англии стоять на стороне последней в ее борьбе против Германии и выразили готовность играть роль жандарма в борьбе против революционного и национально-освободительного движения в Китае, потребовав в качестве платы помощь английского правительства в осуществлении японской экспансии в Китае. Либеральное правительство Великобритании с готовностью приняло японское предложение. «Япония решила отстаивать союз лояльно и твердо, — писал Макдональд, — и в ней мы имеем стойкого друга, полезного во все времена, но особенно полезного во времена напряженности и беспорядков»¹¹).

Не только Япония нуждалась в поддержке Англии — английский империализм, в свою очередь, стремился использовать Японию для защиты интересов Британской империи и сохранения своих позиций на Дальнем Востоке. Осенью 1905 г. английское правительство увело линейные корабли своего флота с Дальнего Востока в европейские воды для борьбы против Германии. Сухопутные силы Англии в районе Дальнего Востока были незначительны. В Гонконге и Китае в 1908 г. имелось 3100 английских солдат¹²). В таких условиях правящие классы Англии считали очень выгодным для себя опираться на союз с Японией и использовать ее вооруженные силы для защиты интересов английских монополий.

Наличие общих интересов правящих кругов Англии и Японии не снимало с повестки дня имевшиеся между ними противоречия. Япония становилась сильным конкурентом Великобритании на рынках Восточной и Юго-Восточной Азии, особенно по продаже хлопчатобумажных тканей. Экспорт японских товаров увеличивался с 424 млн. иен в 1906 г. до 632 млн. иен в 1913 г.¹³). Японский торговый флот успешно вытеснял английский в водах Дальнего Востока.

На финансовом положении Японии весьма отрицательно сказывался хронический пассивный баланс во внешней торговле. В 1907 г. превышение ввоза над вывозом составило

¹⁰) J. Reid. Op. cit., p. 29—31.

¹¹) Ibid., p. 32.

¹²) «Statesman's Year — Book», v. 46, 1909, p. 52.

¹³) «Annual of Japan», Tokio, 1928, p. 118.

62 млн. иен, а в 1908 г.—58 млн. иен. Япония имела довольно значительный активный торговый баланс в торговле с Китаем, Соединенными Штатами Америки и Францией, но этот актив уничтожался за счет пассива в торговле с Великобританией и Германией. Так, в 1907 г. японский ввоз из Великобритании на 94 млн. иен превосходил вывоз японских товаров в эту страну. Пассив в торговле с Германией составил 39 млн. иен¹⁴). Англия и Германия поставляли в Японию машины и промышленное оборудование для развивавшейся японской промышленности, а также различные промышленные товары, успешно конкурировавшие с японскими на внутреннем рынке.

Пассив торгового баланса и требования японских промышленников заставили правительство Японии пересмотреть таможенную политику. В связи с истечением срока ранее действовавших торговых договоров Япония в 1910 г. официально предложила другим государствам пересмотреть ранее действовавшие торговые договоры. Когда стало известно, что в Японии будут намного повышены ввозные пошлины на промышленные товары, британское правительство по требованию английских торгово-промышленных кругов вступило в переговоры с Японией с целью получения льгот для английского экспорта в Японию¹⁵).

Новый тариф был утвержден японским парламентом в апреле 1910 г. и вступил в силу с 16 июля 1911 г. По этому тарифу сырье и полуфабрикаты, ввозимые в Японию, либо освобождались от ввозных пошлин, либо облагались незначительными таможенными пошлинами. На ввозимые промышленные товары пошлины устанавливались в размере от 15 до 40% стоимости товаров, а на предметы роскоши — в 50% стоимости товара¹⁶). Первым государством, подписавшим с Японией торговый договор на основе новых таможенных ставок в феврале 1911 г., были Соединенные Штаты Америки. 3 апреля 1911 г. был подписан англо-японский торговый договор. Обе стороны по некоторым вопросам пошли на взаимные уступки. Так, правительство Англии обязалось освободить от таможенных пошлин основные статьи японского экспорта (шелк-сырец, рыбу и др.) в Великобританию, а японское правительство разрешило беспошлинный ввоз британских красок, льняной пряжи и некоторых других товаров в Японию¹⁷). Затем Япония подписала новые торговые договоры с Германией, Францией и другими государствами.

Значение новых торговых договоров заключалось также и в том, что все таможенные ограничения, которые остались

¹⁴) «Statesman's Year — Book», v. 46, 1909. p. 986.

¹⁵) «Китай и Япония», 1911, № 18, стр. 31.

¹⁶) «Annual of Japan», Tokio, 1928, p. 41.

¹⁷) Ibidem.

от того времени, когда Японии западными державами были навязаны неравноправные договоры, теперь формально отменялись. Правда, фактически Япония самостоятельно решала вопросы своей таможенной политики с 1905 г. Одновременно с мерами таможенной охраны сравнительно слабо развитой отечественной промышленности японское правительство систематически поощряло создание крупных предприятий. Предоставлялись различные льготы создавшимся акционерным компаниям, при содействии правительства укрупнялись банки, понижались подоходные налоги. Монополии получали выгодные правительственные заказы для военно-морского флота и армии¹⁸⁾.

Правящие круги Японии продолжали активную борьбу за укрепление на континенте и создание обширной колониальной империи. Барон Сакатани после выхода в отставку с поста министра финансов писал, что Япония не имеет сырьевой базы для развития металлургии и должна искать руду и каменный уголь в Китае, Корее или на Борнео, рудные запасы которых, по его словам, могли бы обеспечить японские металлургические заводы на несколько столетий¹⁹⁾. Японские империалисты усилили экспансию в Южной Маньчжурии, добиваясь ее окончательного закабаления. Они стремились укрепиться здесь прочно и навсегда. В мае 1909 г. в беседе с английским послом в Токио Макдональдом Ито, Хиробуми заявил, что он считает невозможным возратить Китаю Ляодунский полуостров после истечения срока аренды в 1923 г.²⁰⁾.

Южно-Маньчжурская железная дорога в результате целой системы мер, направленных на привлечение грузов, стала давать значительные доходы. Прибыль дороги за год, с сентября 1908 г. по сентябрь 1909 г., составила 3519 тыс. иен. Владельцам акций дороги были выплачены дивиденды, равные 6% от вложенного капитала²¹⁾. В Южную Маньчжурию в погоне за легкой наживой хлынуло большое количество дельцов, предпринимателей и торговцев. К первому января 1908 г., по японским данным, в Дайрене проживало 21065 человек. Из них японцев 16180. В Порт-Артуре в это же время проживало 13014 человек, из них: японцев — 5802, китайцев — 7192, европейцев — 20²²⁾. В 1910 г. в Южной Маньчжурии, не считая военных, проживало 66 тыс. японцев²³⁾.

В это же время японские империалисты прилагали много сил для того, чтобы укрепиться в районах Южной Маньчжу-

¹⁸⁾ См. Lockwood. The Economic Development of Japan, Princeton, New Jersey, 1954, p. 249.

¹⁹⁾ «The Japan Financial and Economic Monthly», May 1909, p. 8—b.

²⁰⁾ J. Reid. Op. cit., p. 31.

²¹⁾ «Вестник Азии», 1910, № 3, стр. 235.

²²⁾ ЦГАДВ, ф. 702, оп. 6, д. 159 а, лл. 2—3.

²³⁾ «Сводка сведений о государствах Дальнего Востока», Иркутск, 1910, № 4, стр. 14.

рии, расположенных у корейской границы. Экспансия в этом направлении объяснялась как желанием расширить зону японского господства в Северо-Восточном Китае, так и стремлением изолировать Корею от Северо-Восточного Китая и тем самым облегчить ее аннексию. 14 мая 1908 г. после длительных переговоров было подписано соглашение о создании смешанной японо-китайской компании с целью лесных разработок на китайском берегу реки Ялуцзян. Капитал компании, установленный в 3 млн. долларов, делился поровну между японскими и китайскими предпринимателями²⁴). Дополнительное японо-китайское соглашение о ялуцзянских лесных разработках было подписано 11 сентября 1908 г. В нем определялись конкретные условия организации лесных заготовок²⁵). Несмотря на то, что на лесоучастках полицейский надзор вручался китайской полиции, права, полученные японским техническим персоналом, давали возможность японцам не считаться с китайскими интересами.

Японские империалисты стремились поставить под свой контроль Восточное Цзяньдао (Кандо) — область, населенную корейцами и китайцами. Здесь в 1909 г. проживало 83 тысячи корейцев и 27 тысяч китайцев²⁶). Япония стремилась захватить Кандо для того, чтобы получить важный в стратегическом отношении район, расположенный на стыке границ Китая, Кореи и России, через который шел кратчайший путь из Северной Маньчжурии к Тихому океану. Под тем предлогом, что большую часть населения Цзяньдао составляли корейцы, японское правительство стало претендовать на создание там японской администрации и настаивать на включении этого района в состав Кореи, которую Япония готовилась аннексировать. Летом 1906 г. генеральный резидент Японии в Корее Ито командировал в Цзяньдао инженера Накаи для исследования Цзяньдао. Была поднята газетная кампания за установление японского контроля над Цзяньдао. Газета «Токио асахи» опубликовала карту, в которой спорная область была расширена за счет Маньчжурии до русской границы и включала город Хуньчунь²⁷). Летом 1907 г. Япония ввела японские гарнизоны в населенные пункты, расположенные в Цзяньдао. Циньское правительство направило сюда свои небольшие воинские части²⁸). Японо-китайские отношения значительно ухудшились.

²⁴) J. Mac Murray. Op. cit., v. I, p. 731—734.

²⁵) H. Akagi. Op. cit., p. 296.

²⁶) Н. Кюнер. Статистико-географический и экономический очерк Кореи, часть 1, Владивосток, 1912, стр. 246.

²⁷) ЦГАДВ, ф. 128, оп. 2, д. 173, лл. 258, 265. Плансон Извольскому, Сеул, 12 октября 1907 г.

²⁸) Там же, л. 248.

Как писал русский консул из Гирина, губернатор Гиринской провинции в донесении в Пекин в ноябре 1907 г. сообщал, что Япония настойчиво старается присвоить Цзяньдао, «урезать территорию Китая и стать в угрожающее положение относительно русского Владивостока»²⁹⁾. Японское командование пыталось явочным порядком ввести в Цзяньдао свою администрацию и суд. Под руководством японского полковника Саито было создано отделение прояпонского общества «Ильчинхве». Из числа членов данного общества, в основном из бежавших сюда из Кореи чиновников, японцы назначили в корейские селения старост и наняли полицейских. Японские власти и их агентура в Цзяньдао, как и в Корее, начали притеснять и обирать корейских крестьян.

Японские империалисты изыскивали новые поводы для дальнейшего наступления на Китай. Японский посланник в Пекине заявил китайскому правительству, что в Гиринской провинции китайские власти не в состоянии справиться с хунхузами и предлагал привлечь для этой цели японские войска³⁰⁾.

Однако захватить Цзяньдао японским империалистам не удалось в связи с твердой позицией Китая, ростом антияпонского движения и противодействием царского правительства, которое боялось укрепления Японии в районе, расположенном на границе с Южно-Уссурийским краем. Опираясь на народное движение и Россию, китайские власти в 1908 г. арестовали назначенных японцами старост и главарей общества «Ильчинхве». Это воодушевляло корейских патриотов, которые при поддержке китайского населения беспощадно расправились с агентами японского империализма. В Цзяньдао сформировался корейский партизанский отряд, отправившийся в Северную Корею для борьбы против японских захватчиков³¹⁾.

Осенью 1908 г. в Цзяньдао произошло вооруженное столкновение между китайскими и японскими солдатами³²⁾. Характерно, что японское правительство, напуганное размахом антияпонского движения в Китае, не стало раздувать этот инцидент, а, наоборот, пошло на мирное урегулирование вопроса о Цзяньдао. Враждебный по отношению к Китаю тон японской печати сменился на дружественный. Японские газеты стали писать, что Япония и Китай должны жить в мире³³⁾.

²⁹⁾ ЦГАДВ, ф. 128, оп. 2, д. 173, л. 376.

³⁰⁾ ЦГАДВ, ф. 128, оп. 2, д. 173, л. 306. Сводка сведений русского консульства в Гирине с 1 по 31 октября 1907 г.

³¹⁾ Там же, ф. 1, оп. 3, д. 1160, лл. 161, 169.

³²⁾ «Дальний Восток», 5 октября 1908 г.

³³⁾ АВПР. Китайский стол, д. 1586, л. 51. Донесение Коростовца из Пекина от 9 ноября/27 октября 1908 г.

Японский капитал энергично проникал в Северную Маньчжурию, где японские монополии открыли свои конторы и отделения банков. Концерн Мицуи, монополизировавший в своих руках японскую торговлю в Южной Маньчжурии и построивший там ряд предприятий, в 1908 г. обратился к цинскому правительству с предложением сдать в аренду известные золотые прииски Мохэ³⁴). Прииски Мохэ являлись государственным предприятием и были расположены на правом берегу Амура.

Японские империалисты первостепенное значение придавали железнодорожному строительству, считая его важнейшим средством укрепления своих экономических и военно-стратегических позиций на континенте. Как уже отмечалось, первоочередные требования Японии в этом направлении были зафиксированы в японо-китайских соглашениях от 22 декабря 1905 г. Исходя из этих соглашений, Япония добилась осуществления своих проектов железнодорожного строительства. 15 апреля 1907 г. был подписан японо-китайский договор относительно железных дорог Синьминьтунь — Мукден и Гирин (Цилинь) — Чанчунь.

Железнодорожная линия, проходившая от Мукдена на запад до Синьминьтуня, протяжением более 100 км была построена Японией. По условиям соглашения Китай выкупал эту дорогу у Японии за 1 660 тыс. иен³⁵). Японское правительство согласилось на передачу железной дороги Мукден — Синьминьтунь Китаю для того, чтобы получить компенсацию в другом месте и стимулировать китайское железнодорожное строительство в направлении от Мукдена к Пекину, что должно было значительно увеличить грузооборот ЮМЖД.

По условиям соглашения от 15 апреля 1907 г. Китай взял обязательство построить железную дорогу от Чанчуна до Гирин протяжением около 120 километров. Причем половину суммы, необходимой для постройки дороги, предоставляла компания ЮМЖД. Техническое руководство строительством дороги возлагалось на японского главного инженера³⁶). Дорога Чанчунь — Гирин увеличила бы грузооборот Южно-Маньчжурской железной дороги, и она явилась бы первым участком планировавшейся японским правительством железнодорожной магистрали Чанчунь — Хорион (Хуэйнин). Эта магистраль должна была соединить Южно-Маньчжурскую железную дорогу с портами Японского моря, расположенными на северо-восточном побережье Кореи.

Осенью 1908 г. было подписано дополнительное японо-китайское соглашение, по которому Япония обязалась предоста-

³⁴) «Дальний Восток», 6 сентября 1908 г.

³⁵) J. Mac Miggau. Op. cit., v. I, p. 627.

³⁶) J. Mac Miggau. Op. cit., v. I, p. 627—629.

вить Китаю заем в 2470 тыс. иен для постройки Чанчунь-Гиринской железной дороги и выкупа линии Мукден—Синьминьтунь³⁷⁾. Японское правительство затягивало передачу Мукден-Синьминьтуньской железной дороги Китаю, добиваясь от цинского правительства признания японских притязаний на разработку угля, перестройку Андунь-Мукденской железной дороги и т. д. Контракт о японских займах Китаю для постройки Чанчунь-Гиринской и выкупа Мукден-Синьминьтуньской железных дорог был подписан 18 августа 1909 г.³⁸⁾.

Для постройки Чанчунь-Гиринской железной дороги Япония предоставила Китаю заем в 2150 тыс. иен сроком на 25 лет. В течение этого срока доходы с Чанчунь-Гиринской дороги должны были поступать на счет Иокогама-спеши банка, находившегося под контролем японского правительства. Газета «Асахи» писала, что линия Чанчунь-Гирин будет соединена с корейскими дорогами и тогда «Япония приобретет большие преимущества в Маньчжурии и Канто как в отношении экономическом, так и в стратегическом»³⁹⁾. В сентябре 1909 г. Северо-Восточный Китай и Приамурье посетил член японского парламента Сасаки. Ссылаясь на его мнение, газеты «Хоци» и «Дзи-дзи» писали, что в будущем деятельность Японии должна распространиться на Северную Маньчжурию и Монголию⁴⁰⁾.

Японское правительство из военных соображений уделяло серьезное внимание линиям телеграфной связи. До конца 1908 г. все телеграфные линии в Южной Маньчжурии, захваченные Японией у царской России либо построенные японскими связистами в период русско-японской войны, находились в руках японской администрации. 12 октября 1908 г. было подписано японо-китайское соглашение, по которому на средства Японии и Китая, но под японским техническим контролем предпринималась прокладка подводного телеграфного кабеля между арендованной территорией Ляодунского полуострова и китайским портом Чифу. По этому же соглашению Япония передавала Китаю телеграфные линии, проходившие вне арендованной территории и вне зоны ЮМЖД за соответствующую денежную компенсацию⁴¹⁾.

Японское правительство стремилось перестроить железную дорогу Мукден—Аньдун на широкую колею. Эта линия протяженностью более двухсот километров должна была соединить ЮМЖД с железными дорогами Кореи, что установило

³⁷⁾ Ibid., p. 767.

³⁸⁾ Ibid., p. 782—784, 785—787.

³⁹⁾ АВПР. Японский стол, д. 915, л. 89. Донесение Малевского-Малевича из Токио от 21/8 сентября 1909 г.

⁴⁰⁾ Там же, л. 154. Малевский-Малевич Извольскому. 14/1 октября 1909 г.

⁴¹⁾ J. Mac Murgau. Op. cit., v. I, p. 760—762.

бы прямое железнодорожное сообщение от южнокорейского порта Пусан до Мукдена. По условиям японо-китайского договора от 22 декабря 1905 г. Япония должна была перестроить дорогу в течение трех лет, причем в тексте соглашения не было сказано, что имеется в виду перестройка на широкую колею. Ссылаясь на истечение срока, правительство Китая отказывалось продлить соглашение на перестройку дороги, которую Китай имел право выкупить в 1923 г. Японские империалисты добивались не только продления срока на перестройку дороги, но требовали, чтобы Мукден-Аньдунская дорога была полностью независима от китайских властей, получила широкую полосу отчуждения и т. д., на что не соглашалось цинское правительство.

Появившиеся в печати слухи о планах Соединенных Штатов Америки по нейтрализации Маньчжурских железных дорог привели к усилению японского нажима на Китай с целью принудить цинское правительство пойти на уступки в Маньчжурии. Активное внедрение Японии в Китай вызывало беспокойство английских монополий, опасавшихся за свои капиталовложения и торговые интересы. В английской прессе появились статьи, в которых критиковалась японская политика в Северо-Восточном Китае. В таких условиях японское правительство сделало соответствующие представления правительству Великобритании в дипломатическом порядке, и, кроме того, попыталось заручиться поддержкой влиятельных органов английской прессы. В Японию были приглашены редактор внешнеполитического отдела газеты «Таймс» Чироль и пекинский корреспондент этой газеты Моррисон, которые прибыли в Токио в конце мая 1909 г. Чироль и Моррисон были приняты премьером Кацура и князем Ито. Японское правительство добилось желаемого результата. Вскоре в лондонской «Таймс» появилась передовая статья, одобрявшая деятельность Японии в Китае и осуждавшая «неуступчивость» цинского правительства. «Таймс» отмечала, что критика действий Японии в Маньчжурии и Корее могла создать впечатление об ослаблении англо-японского союза, что не соответствовало интересам Великобритании⁴²⁾. Заручившись поддержкой правящих кругов Англии, Япония усилила давление на Китай. Орган японских деловых кругов, ссылаясь на доброжелательную по отношению к Японии позицию Англии, советовал цинскому правительству принять японские требования относительно железнодорожного строительства и разработки полезных ископаемых в Маньчжурии⁴³⁾. Японские империалисты, стремясь заставить Китай пойти на уступки, угрожали открытием военных действий, о чем появились сообщения в японских

⁴²⁾ «The Japan Financial and Economic Monthly», May 1909, p. 5.

⁴³⁾ Ibid., p. 6.

журналах и газетах⁴⁴). Министр иностранных дел Японии Ко-мура в беседе с русским послом в Токио Малевским-Малеви-чем в июле 1909 г. заявил, что так как переговоры в Пекине не привели к успеху, то «Япония начнет осуществлять свое право» по перестройке Мукден-Аньдунской железной дороги без согласия правительства Китая⁴⁵).

6 августа 1909 г. Япония обратилась с нотой к великим державам, в которой доказывала, что названная линия будет играть большую роль для связи Европы с Дальним Востоком, и обвинила китайское правительство в невыполнении соглашения о перестройке узкоколейной линии Андунь — Мукден на широкую колею⁴⁶). Японское правительство указывало, что Япония начинает перестройку линии без согласия Китая; так как ни одна из великих держав не поддержала Китай, то последнему пришлось идти на уступки и 19 августа подписать соглашение о перестройке дороги. Японские империалисты добились того, что на Мукден-Аньдунскую железную дорогу были распространены привилегии, полученные ЮМЖД⁴⁷).

Перестройка Мукден-Аньдунской железной дороги была завершена в 1911 г. и потребовала затрат в 22 млн. иен⁴⁸). Для покрытия этих и других расходов правлению ЮМЖД пришлось вновь обратиться к лондонскому денежному рынку. В январе 1911 г. в Лондоне был выпущен заем на 20 млн. иен, предназначенный для расширения Южно-Маньчжурской железной дороги⁴⁹). Во время подписки сумма займа была перекрыта в три раза и, таким образом, правлению ЮМЖД удалось получить заем в 60 млн. иен⁵⁰). Эти деньги были использованы правящими кругами Японии для дальнейшего закабаления Китая.

Создавалась весьма своеобразная ситуация: японский империализм укреплял свои позиции в Северо-Восточном Китае в значительной степени на английские капиталы. Это приводило в тому, что правительство Великобритании поддерживало японскую экспансию в Китае и Корее не только из политических соображений, стремясь сохранить Японию в качестве союзника для борьбы против Германии, но и из экономических, так как провал японской экспансионной политики привел бы к утрате английских капиталов, вложенных в японские колониальные предприятия.

4 сентября 1909 г. было подписано японо-китайское соглашение относительно горных разработок и железных дорог

⁴⁴) Ibid., p. 3.

⁴⁵) АВПР. Японский стол, д. 915, л. 6.

⁴⁶) Н. Акаги. Op. cit., p. 294.

⁴⁷) J. Mac Murray. Op. cit., v. I, p. 787—790.

⁴⁸) Н. Акаги. Op. cit., p. 294.

⁴⁹) «Китай и Япония». 1911, № 18, стр. 31.

⁵⁰) Там же, № 21, стр. 23. См. также ЦГАДВ, ф. 702, оп. 6, д. 162, л. 195. Телеграмма Малевского-Малеви-ча из Токио, 23/10 января 1910 г.

в Маньчжурии⁵¹⁾. На основе соглашения Китай обязывался передать японцам железнодорожную ветку от порта Инкоу до станции Дашичао, расположенную на линии ЮМЖД. Постройка ветки привлекла значительное количество грузов, поступавших через порт Инкоу, на Южно-Маньчжурскую железную дорогу и увеличила ее грузооборот. С этой же целью Япония настояла на соединении Пекин-Мукденской ж. д. с линией ЮМЖД. Кроме того, в соглашении подтверждались и конкретизировались обязательства цинского правительства по перестройке Мукден-Аньдунской железной дороги и, как уже отмечалось, Китай отказывался от постройки Синьминьтунь-Факумыньской железной дороги и давал обязательство не предпринимать железнодорожного строительства в этом районе без согласия Японии.

Соглашение 4 сентября 1909 г. закрепляло за японским капиталом каменноугольные копи, расположенные вдоль Мукден-Аньдунской железной дороги, которые после 1905 г. перешли к японскому концерну Окура, вложившему в их разработку значительные капиталы, хотя номинально считалось, что Япония и Китай эксплуатируют шахты совместно⁵²⁾. Правительство Китая признало за Японией право на разработку Фушуньских и Яньтайских каменноугольных месторождений и других полезных ископаемых в Южной Маньчжурии и обязалось взимать минимальную экспортную пошлину с угля, вывозимого за границу.

4 сентября 1909 г. было подписано еще одно японо-китайское соглашение относительно области Цзяньдао, на которую долго претендовали японские империалисты⁵³⁾. Япония вынуждена была отказаться от своих необоснованных претензий на пограничную с Кореей область Цзяндао (Канто) и признать китайско-корейскую границу по реке Тумыньцзян. Однако корейцы, переселившиеся в Цзяндао из Кореи и не успевшие принять китайского подданства, должны были находиться под «покровительством» Японии в лице японских консулов. Для того, чтобы получить право для учреждения своих консульств в Цзяньдао, Япония настояла на открытии четырех населенных пунктов этой области для иностранной торговли. По этому же соглашению цинское правительство взяло на себя обязательство продолжить Гирин-Чанчуньскую железную дорогу до корейского города Хориона (Хвёрена), расположенного недалеко от русской границы, и соединить ее там с корейскими железными дорогами.

Новые неравноправные договоры, навязанные японскими империалистами Китаю в августе-сентябре 1909 г., завершали четырехлетний период наступления Японии на Китай. Уста-

⁵¹⁾ J. Mac Murragh. Op. cit., v. I, p. 790—795.

⁵²⁾ H. Akagi. Op. cit., p. 295.

⁵³⁾ J. Mac Murragh. Op. cit., v. I, p. 796—798.

навливалось исключительное положение Японии не только в южной, но и в центральной части Маньчжурии, что вызвало значительный международный резонанс.

Царское правительство было обеспокоено прежде всего военным значением строящихся Японией железных дорог в Южной Маньчжурии, которые могли быть использованы для переброски войск на русский Дальний Восток. Извольский в беседе с японским послом Мотоно подчеркнул, что последние соглашения, заключенные Японией с Китаем, «возбуждают значительную тревогу в русском обществе», так как японская деятельность в области железнодорожного строительства имеет своим объектом не столько Китай, сколько Россию». Извольский отметил необычную военную активность Японии в Северной Корее. Мотоно заверил Извольского в том, что «объектом внешней политики Японии является главным образом Китай, а не Россия» и заметил, что стратегическое значение имеют не только японские железные дороги, но и строящаяся Россией Амурская железная дорога⁵⁴).

В письме к Столыпину Извольский указывал на большое экономическое и стратегическое значение соглашений, заключенных Японией с Китаем, которые, по его мнению, в дальнейшем могли отразиться отрицательно на безопасности русской дальневосточной окраины. «Между тем, — писал Извольский, — о каком-либо дипломатическом воздействии в смысле воспрепятствования заключению подобных соглашений, или предъявления Японии ныне по сему поводу протеста, не может быть и речи, так как к подобному вмешательству в дела двух самостоятельных государств нет юридических оснований». Извольский предлагал принять меры к поднятию благосостояния «русских дальневосточных областей и обеспечению их безопасности в военном отношении»⁵⁵). В германской прессе отмечалось, что новые договоры Японии с Китаем закрепляют японское господство на Тихом океане и угрожают интересам России⁵⁶).

Соглашения, навязанные Японией Китаю в 1909 г., нанесли сильный удар по притязаниям американского империализма в Китае. Особое недовольство в Соединенных Штатах вызывало обязательство Китая не предпринимать строительства новых железных дорог в Маньчжурии и Северном Китае без согласия Японии⁵⁷), так как это затрудняло американскому империализму проникновение в Северо-Восточный Китай. Как сообщил царский посол в Соединенных Штатах,

⁵⁴) АВПР. Японский стол, д. 206, л. 20. Письмо Извольского русскому послу в Токио Малевскому-Малевичу. 1 октября/18 сентября 1909 г.

⁵⁵) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 608, л. 7.

⁵⁶) АВПР. Канцелярия, 1909, д. 17, л. 76. Остен-Сакен Извольскому. 17/4 сентября 1909 г.

⁵⁷) «Дальний Восток». 16 октября 1909 г.

американская пресса «единогласно, хотя и в весьма умеренном тоне, осуждает несправедливую политику Японии и признает состоявшееся соглашение равносильным полному подчинению Южной Маньчжурии японскому влиянию и установлению для Японии монополии на постройку железных дорог в этой провинции. При этом высказывается сомнение, чтобы подобное положение вещей оказалось приемлемым для других держав»⁵⁸).

Правительство Соединенных Штатов не выступило с формальным протестом против монополии Японии на постройку железных дорог в обширных районах Китая, несмотря на то, что полученные Японией права были прямым нарушением принципа «открытых дверей», за который ратовали американские империалисты. Это было не случайно. Тафт и Нокс, готовившие свое выступление с проектом «нейтрализации» Маньчжурии, надеялись, что привилегии, полученные Японией по договорам с Китаем, перейдут к международному банковскому синдикату.

Правительство США обратилось с запросом к Японии и Китаю относительно полученных Японией «прав» на разработку полезных ископаемых вдоль Мукден-Аньдунской железной дороги. Япония и Китай в своем ответе на этот запрос указали, что американские и другие капиталисты лишены возможности получить горные концессии в данном районе. После получения подобного сообщения государственный департамент опубликовал заявление, в котором указывалось, что принцип «открытых дверей» относительно добычи полезных ископаемых в Маньчжурии не был нарушен японо-китайским соглашением⁵⁹).

Как уже отмечалось, правящие круги Японии и США, несмотря на острое соперничество из-за преобладания на Дальнем Востоке, стремились не доводить дело до открытого разрыва и совместно боролись против антиимпериалистического движения в Китае. С целью ослабления остроты японо-американских противоречий правительство Японии в августе 1909 г. направило в США многочисленную делегацию (более 40 человек) японских торговых палат. В состав делегации входили представители торгово-промышленных кругов, политические деятели, журналисты. Делегацию возглавлял директор токийского банка «Дай-ичи» — барон Шибусава. Министр иностранных дел Японии Комура, выступая перед делегацией на-

⁵⁸) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 608, л. 54. Депеша Крупенского, 14/1 сентября 1909 г. Весной 1909 г. японская военно-морская эскадра посетила Сан-Франциско, где официальные круги США организовали японским морякам хороший прием. См. «The Japan Financial and Economic Monthly», May, 1909, p. 4.

⁵⁹) АВПР. Японский стол, д. 1357, л. 45. Депеша Крупенского из Вашингтона от 24/11 ноября 1909 г. См. также П. П. Севостьянов. Указ. соч., стр. 148.

кануне ее отъезда, заявил, что «японо-американские отношения являются дружественными, и все прошлые недоразумения полностью исчезли, так что появились возможности укрепления дипломатических связей между двумя странами». Комура выражал надежду на упрочение японо-американского экономического сотрудничества⁶⁰⁾.

Японская делегация побывала в США более двух месяцев и в сопровождении представителей американского правительства объехала крупнейшие города Соединенных Штатов. Президент Тафт, выступая на банкете, организованном в честь делегации японских торговых палат, говорил о своих «дружественных чувствах» по отношению к японскому императору и японской нации, однако вынужден был отметить «растущее соперничество между обоими державами на деловом и коммерческом поприще»⁶¹⁾. Американская академия политических и социальных наук провела специальное заседание, посвященное обмену мнений с японской делегацией. На этом заседании представитель США профессор Э. Джонсон говорил о пользе подобных встреч между представителями двух стран и выражал надежду, что они будут способствовать устранению имевшихся недоразумений⁶²⁾.

Японское правительство смогло навязать Китаю новые неравноправные соглашения благодаря тому, что оно опиралось на поддержку других империалистических государств, прежде всего Великобританию. В феврале 1910 г. премьер-министр Кацура, выступая в парламенте, отметил хорошие взаимоотношения Японии со всеми великими державами и обещал уважать «принцип открытых дверей и равных возможностей в Маньчжурии». Кацура особо остановился на значении англо-японского союза для японской дальневосточной политики. Японский премьер отметил улучшение японо-американских отношений, правда, здесь же он категорически отверг план Нокса относительно «нейтрализации» Маньчжурии⁶³⁾.

**

Первостепенным фактором, оказавшим значительное влияние на международную обстановку на Дальнем Востоке, был рост революционного и антиимпериалистического движения в Китае. Борьба против правящей маньчжурской династии и антиимпериалистическое движение развивались в общем русле революционной борьбы китайского народа. В данном случае важно проследить антиимпериалистическую направ-

⁶⁰⁾ «The Japan Financial and Economic Monthly», August, 1909, p. 5.

⁶¹⁾ АВПР. Японский стол, д. 1357, л. 32. Делеша Крупенского из Манчестера от 28/15 сентября 1909 г.

⁶²⁾ «Supplement to the Annals of the American Academy of Political and Social Science», Juli, 1910, p. 4.

⁶³⁾ «The Japan Financial and Economic Monthly», February, 1909, p. 1—4.

ленность революционного движения, которая заставляла великие державы, несмотря на наличие острых противоречий между ними, объединяться с целью сохранения своих позиций в Китае. Широкие круги китайской общественности были недовольны политикой уступок, которую проводило цинское правительство по отношению к империалистическим державам. Создавалась угроза отторжения от Китая значительных территорий. Противостоять империалистическому наступлению можно было лишь подняв на борьбу широкие массы, на что не могло решиться оторванное от народа правительство маньчжурской династии.

С 1906 г., под влиянием революции в России, усиливается борьба рабочих и крестьян Китая против бесправия и нищеты, а также растет народное движение против правящей маньчжурской династии⁶⁴). Объединенная революционная лига Китая, руководимая Сунь Ят-сеном, стремилась придать борьбе организованный и целенаправленный характер. Одновременно с этим растет антиимпериалистическое движение. Все более широкие слои народа начинали понимать, что в тяжелом положении китайцев повинны не только правящая маньчжурская династия и феодалы, но и иностранные империалисты, выкачивавшие богатства из страны и жестоко эксплуатировавшие китайский народ. В одной из революционных прокламаций, распространенных в Китае осенью 1906 г., отмечалось, что «правительство отдало иноземцам лучшее, что было в стране, а затем под предлогом охраны их интересов, позволило распоряжаться китайским имуществом по их усмотрению»⁶⁵).

Одновременно с бойкотом американских товаров в 1905—1907 гг. имели место выступления китайских патриотов в провинциях Цзянси и Чжэцзян против допущения английского капитала к строительству железных дорог в названных провинциях, а также против бесцеремонного хозяйничанья английского флота во внутренних водах Китая⁶⁶). Японские захваты в Китае вызывали все большее возмущение китайского народа. Толчком к массовым антияпонским выступлениям в Китае, принявшим форму бойкота японских товаров, явился инцидент с японским пароходом «Тацу-Мару», который в феврале 1908 г. был задержан китайскими властями в территориальных водах Китая в связи с тем, что на пароходе находилось оружие, предназначенное для ввоза в Китай контрабандным путем. Несмотря на то, что право и закон были на

⁶⁴) См. В. И. Данилов. «Объединенная революционная лига Китая» и ее роль в подготовке революции 1911—1912 гг.». М., 1959, стр. 87—93.

⁶⁵) Г. В. Ефимов. Революционные бои 1906—1908 гг. в Китае. Ученые записки ЛГУ, № 128. Серия востоковедческих наук, вып. 3, 1952, стр. 38.

⁶⁶) АВПР. Китайский стол, д. 1586, л. 1. Дешеша Покотилова из Пекина, 4 декабря/21 ноября 1907 г.

стороне Китая, японское правительство стало всячески раздувать инцидент и угрожать военными репрессиями. В таких условиях цинское правительство принесло Японии извинения, возвратило пароход и уплатило за конфискованное оружие⁶⁷⁾.

Известие о капитуляции правительства перед Японией вызвало взрыв возмущения китайского народа. В марте 1908 г. в Кантоне состоялся пятидесятитысячный митинг, на котором было принято решение объявить бойкот японских товаров⁶⁸⁾. В короткий срок движение за бойкот японских товаров распространилось на весь Южный Китай. Организаторы бойкота призывали не покупать японские товары, развивать отечественную промышленность, прекратить вывоз риса в Японию. Русские газеты с сочувствием относились к антияпонской борьбе китайского народа и систематически ее освещали.

Руководство движением за бойкот японских товаров осуществляли «Общество самоуправления» (Цзы-чжи), созданное с разрешения правительства с целью подготовки страны к введению конституции⁶⁹⁾ и «Общество национального позора», созданное для проведения бойкота⁷⁰⁾. Из Кантона тысячи ораторов были разосланы по стране для пропаганды идеи бойкота. Япония пыталась оказать давление на цинское правительство, заявив, что оно должно будет нести ответственность за последствия бойкота⁷¹⁾, и одновременно направило к Амою военные корабли. В связи с этим «Новое время» писало: «Китайскому населению Кантона и побережья Гуандунской провинции предстоит теперь или покупать во что бы то ни стало фальсифицированные японские товары или подвергнуться за отказ от такого образа действий расстрелу с японской эскадры»⁷²⁾.

Однако запугать китайский народ не удалось. «Китайцы обнаружили поразительную национальную солидарность, — писала газета «Дальний Восток», — не остановившись перед жертвованиями огромными материальными интересами, распространив бойкот японских товаров на всю империю... Все японское исчезло из торгового оборота, в китайских лавках снято с полок, у китайских разносчиков изъято из корзин и лотков»⁷³⁾. Новый русский посланник в Пекине Коростовец писал, что если правительство Китая проявило малодушие и не нашло сил для сопротивления японской агрессии, то «на-

⁶⁷⁾ АВПР. Китайский стол, д. 1586, л. 3.

⁶⁸⁾ Там же, л. 26. Телеграмма русского поверенного в делах в Пекине Арсеньева от 27/14 марта 1908 г.

⁶⁹⁾ Поверенный в делах России в Пекине Арсеньев сообщал, что «Общество самоуправления» в Кантоне использовало бойкот для усиления антидинастической пропаганды. См. АВПР. Китайский стол, д. 1586, л. 26.

⁷⁰⁾ «Русь», 7 апреля 1908 г.

⁷¹⁾ «Новое время», 3 апреля 1908 г.

⁷²⁾ «Новое время», 7 апреля 1908 г.

⁷³⁾ «Дальний Восток», 1 июля 1908 г.

родные массы, особенно в портовых городах, вполне сознательно отнеслись к означенному инциденту (имеются в виду японские требования в связи с задержанием парохода «Тацу-Мару»—С. Г.), проявив совершенно неожиданно политическое чутье⁷⁴).

Антияпонский бойкот продолжался до конца 1908 г. и нанес значительные убытки японским монополиям, потерявшим на время обширный рынок сбыта. Наиболее организованно бойкот проходил на юге Китая, в Маньчжурии и Гонконге. 20 и 21 октября 1908 г. в Гонконге имели место организованные выступления против нарушителей бойкота. Японские товары в китайских лавках были уничтожены. Английские власти пустили в ход войска, полицию и ввели в Гонконге чрезвычайное положение⁷⁵). Много китайцев было арестовано и предано суду, другие высланы из Гонконга английскими властями. Это вызвало глубокое недовольство политикой Англии и антианглийские выступления⁷⁶).

По сообщениям китайских газет летом 1908 г. антииностранные выступления имели место в провинциях Цзянси и Фуцзянь⁷⁷). Осенью этого же года в Шаньдунской провинции началась пропаганда антигерманского бойкота в связи с попытками немецких капиталистов получить горные концессии в этой провинции⁷⁸).

Агрессивные действия Японии в связи с перестройкой Мукден-Аньдунской железной дороги вызвали новую вспышку антиимпериалистических выступлений в Китае. Китайские студенты, обучавшиеся в Японии, установили контакт со своими товарищами, обучавшимися в США и европейских странах, и от имени «Лиги студентов» стали призывать китайцев к организации нового антияпонского бойкота. В воззвании, которое распространялось в Северо-Восточном Китае от имени «Лиги студентов», заявлялось: «Уж давно японцы ведут себя деспотически по отношению к Китаю. Они взяли Формозу и заняли Порт-Артур; презрительно смотрят на наше государство, издеваются над нашими чиновниками и народом; завладели силой нашими островами и забрали в свои руки наши горные богатства... Самовольно приступили к постройке Мукден-Аньдунской дороги. Жатва вдоль линии вся уничтожена, и, кроме того, каждое семейство обязано давать японцам рабочих. Последних бьют, если они отказываются работать на них⁷⁹». Воззвание призывало добиваться прекраще-

⁷⁴) АВПР. Китайский стол, д. 1586, л. 51.

⁷⁵) Там же, лл. 44—51. Донесение русского консула из Гонконга, 5 ноября/23 октября 1908 г.

⁷⁶) АВПР. Китайский стол, д. 1586, лл. 54—56.

⁷⁷) См. «Дальний Восток», 12 июля 1908 г.

⁷⁸) «Дальний Восток», 7 ноября 1908 г.

⁷⁹) «Вестник Азии», 1909, № 2, стр. 173.

ния ввоза японских товаров в Китай и не покупать товары, уже ввезенные.

Продажа японских товаров в Китае вновь сократилась. В октябре 1909 г. китайские рабочие, занятые на постройке Мукден-Аньдунской железной дороги, самовольно оставили работу. Китайские купцы в Тяньцзине, Гирине, Мукдене и Нючжауне отказались принимать в качестве платы за проданные товары банкноты Йокогама-спеши банка и требовали их размена на серебро, в связи с чем японское правительство заявило протест Китаю⁸⁰).

Китайская газета «Чжун-го-бао» в ноябре 1910 г. сообщала, что отделение японской фирмы «Мицуи Бусан Кайша», находящееся в Мукдене, в течение трех дней не могло совершить ни одной торговой сделки в связи с бойкотом⁸¹). Все большее возмущение народов Китая вызывал захват железнодорожного строительства иностранными империалистами. «Общества охраны железных дорог», возникшие в различных провинциях Китая, подавали петиции цинскому правительству, протестуя против передачи железных дорог иностранному капиталу.

Антиимпериалистическое движение охватило весь Китай. К. Ведемюллер, со ссылкой на французский источник, приводит воззвание, которое в это время распространялось в провинции Юньнань от имени общества «Полной смерти». «Если правительство Пекина, — заявлялось в воззвании, — не в состоянии помогать нам в осуществлении наших национальных задач, а также в наших международных делах, то мы должны предупредить общество, что Юньнань устал быть частью Китайской империи. И мы должны приготовиться к тому, чтобы жить в свободе, строить собственными средствами свои железные дороги и выкупить у иностранцев — добром или силой — дороги, уже построенные. Затем... мы пошлем пять миллионов членов «Полной смерти» отнять у иностранцев потерянные нами части Юньнани»⁸²).

В 1910 г. появляются сообщения о том, что империалистические державы в связи с подъемом революционного движения в Китае увеличивают свои вооруженные силы на Дальнем Востоке. Германия ввела дополнительные войска в Циндао⁸³). По сообщению газеты «Джапан уикли мэйл» от 8 октября 1910 г. американский посланник в Пекине известил свое правительство о том, что положение дел в Китае «критическое и могут возникнуть бунты типа боксерских»⁸⁴). В связи с этим правительство США приняло меры к укреплению во-

⁸⁰) «Дальний Восток», 30 октября 1909 г.

⁸¹) «Вестник Азии», 1910, № 3, стр. 233.

⁸²) «Современный мир», 1911, № 11, стр. 351.

⁸³) «Китай и Япония», 1910, № 1, стр. 25.

⁸⁴) Там же, стр. 20.

енно-морских сил в Тихом океане. Активно готовились к борьбе с нараставшим антиимпериалистическим движением в Китае Япония и другие державы.

В связи с аннексией Кореи Японией в Китае усиливается антиимпериалистическое движение. Революционно настроенные политические деятели Китая требовали быстрейшего созыва национального собрания, которое, по их мнению, могло принять меры для того, чтобы Китай избежал судьбы Кореи. В связи с этим японская официозная газета «Джапан укли мэйл» в номере от 3 сентября 1910 г. писала: «Китайские государственные люди должны, наконец, понять, что ничто не препятствует разделу Китая, кроме трудностей придти к соглашению по этому вопросу» между великими державами»⁸⁵). Таким образом, японский официоз в угрожающем тоне предлагал китайцам отказаться от мысли об изменении существующего неравноправного положения Китая. Однако подобные угрозы не могли остановить роста революционного движения китайского народа.

2. Аннексия Кореи Японией и позиции держав. Антаяпонская борьба корейского народа

Япония продолжала энергичную деятельность, направленную на полное закабаление корейского народа и ликвидацию корейского государства. С этой целью японские империалисты в 1908—1910 гг. предпринимали экономические, военные, политические и дипломатические меры, которые сочетались с усилением эксплуатации корейского народа и захватом природных богатств Кореи. В 1908 г. за счет государственных средств и вложений концерна Мицуи было создано «Восточно-колониализационное общество», осуществлявшее захват корейских земель и недр, и переселение японцев в Корею. За первый год своей деятельности компания выплатила акционерам 6% дивиденда, а ее президент Исагава ставил вопрос о расширении операций «по покупке» корейских земель»⁸⁶). В 1909 г. в Корею открылся Чосен банк, или Корейский банк, который был полностью подчинен японскому правительству и играл ведущую роль в деле экономического закабаления страны. Японская газета «Кокумин» в связи с созданием Чосен банка писала, что это важный шаг по пути создания «японо-корейской империи»⁸⁷).

Японские дельцы и переселенцы захватывали землю в Корею. Наряду с прямой экспроприацией больших участков земли под строительство железных дорог, рудники и лесные

⁸⁵) «Китай и Япония», 1910, № 4, стр. 22.

⁸⁶) «The Japan Financial and Economic Monthly», June, 1909, p. 52.

⁸⁷) АВПР. Японский стол, д. 915, л. 43. Малевский-Малевич Сазонову. 26/13 августа 1909 г.

разработки⁸⁸⁾, колонизаторы захватывали земли корейских крестьян при помощи долговой кабалы. Часто японские торговцы и предприниматели, получавшие деньги в кредит в отделениях японских банков, предоставляли ссуду из ростовщических процентов корейским крестьянам, а когда последние оказывались не в состоянии вовремя вернуть долг, то земли корейских крестьян переходили в руки японцев⁸⁹⁾. К концу 1910 г. японским землевладельцам в Корее принадлежало 121 094 чонбо земли (около 121 000 гектаров). Из них на долю крупного японского землевладения в Корее приходилось 86 952 чонбо земли⁹⁰⁾.

По данным переписи, проведенной в марте 1910 г., в Корее проживало 12363 тыс. корейцев, 143 тыс. японцев и 11791 иностранцев; среди последних на первом месте по численности были китайцы, затем шли американцы и англичане⁹¹⁾.

Япония в период протектората и в последующие годы особое внимание уделяла железнодорожному строительству. Японские империалисты рассматривали Корею как сырьевую базу: источник дешевой сельскохозяйственной продукции и различных руд, а также рынок сбыта для японской промышленной продукции. Для вывоза сырья и ввоза промышленной продукции нужны были железные дороги. Следует отметить, что железнодорожное строительство велось в соответствии с требованиями военного министерства, которое прежде всего учитывало стратегическое значение железных дорог в борьбе против России, Китая и корейского национально-освободительного движения.

На 1906—1907 финансовый год в бюджете корейского резидентства (за счет корейских налогоплательщиков) было выделено 3 540 тыс. иен для реконструкции железнодорожной линии от Пусана до Сеула и от Сеула до Вонсана, а также для постройки небольших веток, примыкавших к этой линии⁹²⁾. В последующие годы расходы на железнодорожное строительство еще более возросли. К концу 1910 г. в Корее была завершена реконструкция старых и постройка новых железных дорог, которые соединили порт Пусан с Сеулом, а от Сеула на север железнодорожная линия была доведена до Вонсана. От последнего проектировалась постройка железной дороги по восточному побережью Корейского полуострова до

⁸⁸⁾ После оккупации Кореи японские капиталисты начали вырубку корейских лесов по реке Ялу и Тумангану, с этой целью в октябре 1906 г. была создана японо-корейская лесная компания с основным капиталом в 1200 тыс. иен. См. «The Seoul Press», December 19, 1906.

⁸⁹⁾ См. «Вестник Азии», 1909, № 3, стр. 22—24.

⁹⁰⁾ В. И. Шипаев. Колониальное закабаление Кореи японским империализмом (1895—1917), М., 1964, стр. 93—96.

⁹¹⁾ «Китай и Япония», 1910, № 2, стр. 62.

⁹²⁾ ЦГАДВ, ф. 128, оп. 2, д. 173, л. 159. Перевод из иностранных газет тихоокеанской прессы.

порта Чхончжина, оттуда на север до Хверена, от которого, как уже отмечалось, японцы намерены были провести ветку к маньчжурской границе и при помощи Чанчунь-Гиринской дороги соединить эти дороги с сетью железных дорог Северо-Восточного Китая. К этому же времени было завершено создание сплошного железнодорожного пути от Сеула на север, по западному побережью Кореи, через Пхеньян до Синьчжу, расположенному на берегу реки Ялуцзян, через которую затем был построен железнодорожный мост и установлено прямое сообщение от Мукдена до Сеула. В 1910 г. сеть корейских железных дорог, эксплуатировавшихся японскими колонизаторами, составляла 1085 км⁹³).

Японские империалисты последовательно и настойчиво увеличивали вооруженные силы Японии в Корее. Были построены две военно-морских крепости: первая — на южном побережье около Масана, а вторая — на восточном побережье Кореи около Вонсана. Затем были сооружены четыре японских военных лагеря, расположенных под Сеулом, в Пхеньяне, в Нанаме — около Чхончжина и в Хверене — недалеко от границ Кореи с Китаем и Россией. В большинстве значительных населенных пунктов имелись японские гарнизоны.

В 1910 г. численность японских войск в Корее достигала 50 тысяч человек. В корейских портах всегда наготове стояли корабли японского военно-морского флота. Японское военное министерство сосредоточило значительные военные силы в самой северо-восточной части Кореи на границах с китайской областью Цзяньдао и Южно-Уссурийским краем, не считаясь с условиями Портсмутского мирного договора. В статье второй Портсмутского мирного договора было указано, «что во избежание всякого повода к недоразумениям, обе высокие договаривающиеся стороны воздержатся от принятия на русско-корейской границе каких-либо военных мер, могущих угрожать русской или корейской территории»⁹⁴). В Северо-Восточной Корее был создан целый комплекс сооружений, позволявших сосредоточить значительную армию и обеспечить ее развертывание в случае военных операций. К югу от этого комплекса лежал порт Сончжин (Ким чак), официально открытый в 1908 г. На его улучшение японское правительство ассигновало 1 800 тыс. иен сроком на 5 лет⁹⁵).

К югу от города Чхончжина был построен военный лагерь Нанам, на его сооружение было отпущено 6 млн. иен⁹⁶).

⁹³) Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа. М., 1953, стр. 200. По другим данным протяженность корейских железных дорог в 1910 г. достигала 900 км. См. «Железнодорожная жизнь Дальнего Востока». 1910, № 40/41, стр. 10.

⁹⁴) «Сборник договоров России с другими государствами (1856—1917)». М., 1952, стр. 338.

⁹⁵) «Вестник Азии», 1909, № 1, стр. 266.

⁹⁶) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, д. 721, л. 74.

В 1909 г. на строительстве лагеря в Нанаме работало 2500 рабочих. К северу от Чхончжина был построен второй военный лагерь в Хверене, соединенный узкоколейной железной дорогой с Чхончжином. На сооружение лагеря в Хверене было ассигновано 2 млн. иен. Военные лагеря напоминали большие крепости. Казармы, склады, арсеналы и другие помещения сооружались из кирпича и обносились прочными кирпичными стенами. На постройках военных объектов, железных и шоссейных дорог японские власти широко использовали даровой труд корейцев.

Японское командование предприняло сосредоточение значительных военных сил в северо-восточной Корее с целью создать угрозу безопасности Владивостока и Южно-Уссурийского края и тем самым воспрепятствовать возможным выступлениям царского правительства с целью помешать аннексии Кореи. Кроме того, построенная сеть укреплений использовалась для того, чтобы прервать связи корейских партизанских отрядов, боровшихся против японских войск с антияпонскими организациями, которые были созданы корейцами в Цзяндао (Канто) и на русском Дальнем Востоке.

Правящие круги Японии считали, что соответствующая военно-политическая подготовка проведена и можно осуществить аннексию Кореи, присоединив ее к Японской империи. 10 апреля 1909 г. состоялось совещание между премьер-министром Кацура, министром иностранных дел Комура и генерал-резидентом Японии в Корее Ито. На совещании было принято решение об аннексии Кореи. В июле 1909 г. это решение было одобрено Советом министров Японии и санкционировано императором. Японское правительство приступило к осуществлению принятого решения⁹⁷⁾.

В июле 1909 г. новый генерал-резидент Японии в Корее Сонэ навязал корейскому правительству договор «о полномочиях по юридическим делам». На основании этого договора судебные учреждения и тюрьмы Кореи переходили в ведение Японии. Право назначать должностных лиц корейских судов и тюрем переходило полностью в руки японских властей⁹⁸⁾. В Корее были введены в силу японские законы, дававшие возможность японским оккупационным властям жесточайшим образом подавлять национально-освободительное движение корейского народа.

Договор о переходе судебной власти в руки Японии был использован и для подготовки аннексии в международном плане, так как в тексте договора было указано, что японские законы распространяются не только на корейских поданных, но и на «граждан иностранных держав в Корее». В связи

⁹⁷⁾ А. Гражданцев. Корея, М., 1948, стр. 153.

⁹⁸⁾ «The Japan Financial and Economic Monthly», August, 1909, p. 1—2.

с последним газета «Асахи» писала, что новые законы послужат в свое время основанием для уничтожения консульской юрисдикции в Корее⁹⁹). Здесь же газета разъясняла, из каких соображений Японии необходимо добиться уничтожения экстерриториальных прав и консульской юрисдикции других держав. По данным «Асахи», 3 миллиона корейцев приняло христианство, и в Корее имелось большое количество иностранных миссионеров, неподсудных японским властям, которые могли проводить среди корейцев «идеи, не соответствующие интересам Японии».

Японскому правительству пришлось отложить окончательное присоединение Кореи к Японии почти на год. Американский автор А. Гражданцев считает, что подобное решение было принято после того, как корейский патриот убил Ито Хиробуми, и в связи с этим японское правительство не хотело допустить, чтобы аннексия выглядела «как месть за убийство» Ито¹⁰⁰). В действительности основные причины, заставившие японских империалистов отложить проведение в жизнь решения об аннексии, заключались в позиции России и боязни правящих классов Японии, что аннексия может вызвать всеобщее восстание корейского народа.

А. Л. Гальперин убедительно показал, что после русско-японской войны царское правительство, основываясь на Портсмутском мире, не давало своего согласия на аннексию Кореи¹⁰¹). В начале ноября 1909 г. Извольский в беседе с японским послом Мотоно заявил, что «разногласия между Россией и Японией могут опять возникнуть из-за Кореи», если Япония решится на ее окончательное присоединение¹⁰²). Встретив противодействие царского правительства, Япония организует сильнейший военно-дипломатический нажим на Россию, о чем будет рассказано в следующей главе, и одновременно с этим заручается поддержкой своих планов в Корее со стороны Англии и Германии.

В Корее, тем временем, было инсценировано выступление прояпонской партии «Ильчинхве» (партия реформ) в пользу аннексии. В декабре 1909 г. от имени «Ильчинхве» была опубликована петиция к корейскому императору и генерал-резиденту Японии с призывом к быстрейшему слиянию двух стран¹⁰³). Эта петиция была сфабрикована японским советником при «Ильчинхве» и подписана группкой предателей, которые не заручились согласием рядовых членов партии.

⁹⁹) «Вестник Азии», 1910, № 3, стр. 224—225.

¹⁰⁰) А. Гражданцев. Указ. соч., стр. 153.

¹⁰¹) А. Гальперин. Корейский вопрос в международных отношениях накануне аннексии Кореи Японией (1905—1910). См. «Вопросы истории», 1951, № 2, стр. 12—30.

¹⁰²) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 610, л. 4. Копия всеподданнейшей записки Извольского от 25/12 ноября 1909 г.

¹⁰³) Ли Чен Вон. Очерки новой истории Кореи. М., 1952, стр. 152.

Известный политический деятель Японии граф Окума писал в газете «Ници-ници», что «резолуция, вынесенная партией «Ильчинхве» относительно немедленного присоединения Кореи к Японии, есть мнение лишь небольшого числа лиц, но не всего общества». Окума призывал тщательно изучить вопрос об аннексии, указывая, что многое будет зависеть от того, насколько «японцы сумеют ассимилировать корейцев»¹⁰⁴).

В первые месяцы 1910 г. японское правительство, стремясь дезориентировать общественное мнение, сделало несколько заявлений о том, что оно якобы не намерено в ближайшем будущем менять свою политику по отношению к Корее. Выступая в парламенте, премьер Кацура говорил о том, что создание корейского банка, переход в руки Японии судов и тюрем Кореи, а также ликвидация корейского военного министерства были якобы предприняты с целью укрепления японского протектората¹⁰⁵). В то же самое время японская пресса продолжала обсуждать вопрос об аннексии. В марте 1910 г. газета «Джапан дейли мэйл» писала, что «нынешнее стремление к окончательному разрешению корейского вопроса является одним из результатов американского предложения о нейтрализации маньчжурских железных дорог», так как в Японии якобы боялись возможного выступления держав с предложением нейтрализации Кореи. Затем «Джапан дейли мэйл» писала, что в скором времени вопрос о Корее будет разрешен, но к этому, по мнению газеты, надо было подготовить общественное мнение России, чтобы «предстоящее изменение статус кво на Дальнем Востоке» не явилось неожиданным для России, а было принято там «как естественный ход событий, предусмотренный еще в Портсмуте»¹⁰⁶).

В мае 1910 г. газета «Джапан адвертизер» писала, что давно надо было осуществить слияние Кореи с Японией и что якобы это не было сделано из-за нерешительности генерального резидента в Корее Сонэ. Газета сообщала, что Сонэ вскоре будет заменен по причине его «болезни» другим, более решительным человеком¹⁰⁷).

Позиция правительства США по отношению к аннексии была благосклонной, и этот вопрос не беспокоил Японию. Еще в октябре 1907 г. Тафт, выступая в Токио, заявил, что «Япония на законном основании придприняла реформы в соседней стране, являющейся архаическим государством, управляемым, причем дурно управляемым, на основе методов XV века... Мы живем в эпоху, когда вмешательство сильного государства

¹⁰⁴) «Вестник Азии», 1910, № 3, стр. 226.

¹⁰⁵) «The Japan Financial and Economic Monthly», February, 1910, p. 1.

¹⁰⁶) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 6, л. 504, лл. 68—69. Депеша Малевского-Малевича из Токио от 7 апреля/25 марта 1910 г.

¹⁰⁷) «Japan Advertiser», May 4, 1910; АВПР. Японский стол, д. 916, л. 156. Приложение к донесению Малевского-Малевича из Токио.

в дела народа, не имеющего правительства, способного поддерживать закон и порядок, с целью помочь этому народу создать лучшее правительство, становится национальным долгом и служит прогрессу»¹⁰⁸). Американский автор Бортон считает, что, подписав соглашение Рут-Такахира, США тем самым предоставили Японии «свободу рук в Корее»¹⁰⁹).

В мае 1909 г. Извольский заявил английскому представителю в Петербурге, что осуществление японских планов относительно Кореи может иметь отрицательные последствия для международного положения на Дальнем Востоке. После этого английский посол в Токио Макдональд от имени своего правительства указал министру иностранных дел Японии Комура на то, что в данный момент, когда Япония только что отказалась от «нейтрализации» Южно-Маньчжурской железной дороги и ведет переговоры о новом соглашении с Россией, аннексия была бы несвоевременной¹¹⁰).

Однако в дальнейших переговорах японские дипломаты убедили министра иностранных дел Англии Э. Грея поддерживать их домогательства в Корее. 14 июля 1910 г. Э. Грей заявил японскому послу в Лондоне, что Великобритания не будет «препятствовать каким-либо образом укреплению японских позиций в Корее» (разрядка моя—С. Г.). Здесь же Грей указал, что применение японского таможенного тарифа в Корее вызвало бы значительное недовольство в Англии и выразил пожелание, чтобы торговый договор, заключенный Англией с Кореей, сохранил свою силу после аннексии¹¹¹). Через несколько дней японское министерство иностранных дел уведомило Э. Грея, что Япония рассматривает вопросы, касающиеся экономических интересов других государств, когда будет осуществлять присоединение Кореи¹¹²).

Соглашение Англии на аннексию Кореи развязывало руки Японии тем более, что аналогичную позицию заняла Германия. В таких условиях и царское правительство не решилось выступить против присоединения Кореи к Японии. Заручившись поддержкой Великобритании, японские империалисты форсируют наступление на Корею. 30 мая 1910 г. генерал-резидентом Японии в Корее был назначен военный министр генерал Тераути, и в дальнейшем аннексия Кореи осуществлялась под прямым руководством военного ведомства, так как Тераути сохранил за собой пост военного министра. В Корею дополнительно были направлены воинские части, подразделения жандармов.

¹⁰⁸) Ли Чен Вон. Указ. соч., стр. 149.

¹⁰⁹) H. Borton. *Japan's Modern Century*, New York, 1955, p. 248.

¹¹⁰) «B. D.», v. VIII, p. 488. Макдональд Грей, Токио, 19 мая 1910 г.

¹¹¹) «B. D.», v. VIII, p. 489. Грей Макдональд, 14 июля 1910 г.

¹¹²) *Ibid.*, p. 496—497.

18 июня 1910 г. премьер Кацура сделал заявление о предстоящей аннексии Кореи. 21 июня был издан императорский указ об учреждении под председательством премьер-министра особого бюро для управления японскими колониями, причем к числу колоний были отнесены Тайвань, Южный Сахалин и Корея¹¹³). Таким образом, еще за два месяца до подписания акта об аннексии Корея была официально объявлена японской колонией. 23 июля 1910 г. в Сеул под усиленной охраной прибыл генерал Тераути. Шли последние приготовления к полной ликвидации корейской государственности. Все политические партии и общественные организации в Корее были распущены. Часть газет была закрыта, оставшиеся — поставлены под строжайшую цензуру. Японский автор Такеути писал: «Все органы общественного мнения были закрыты или беспощадно подавлялись»¹¹⁴). Глава японской полиции в Сеуле запретил печатать в корейских газетах материалы об японской политике в Корее и сведения по международным отношениям до опубликования их в японских газетах¹¹⁵). Патриоты, боровшиеся против японского империализма, заключались в тюрьмы и истреблялись.

20 августа 1910 г. Тераути сообщил по телеграфу в Токио текст проекта договора об аннексии Кореи, выработанный в ходе совещаний между Тераути и премьер-министром корейского правительства Ли Ван Еном, вставшим на путь предательства интересов своей родины¹¹⁶). Санкционированный японским правительством проект японо-корейского договора был подписан 22 августа и вступил в силу с 29 августа 1910 г.

Договор об аннексии должен был прикрыть агрессивный акт насильственной ликвидации национальной независимости Кореи. В договоре указывалось, что император Кореи «полностью и навечно уступает» императору Японии «всю власть над Кореей», а «император Японии выражает на это свое согласие и подтверждает присоединение Кореи к японской империи». Затем в договоре шли статьи, предусматривавшие сохранение титулов и выдачу пособий членам корейской императорской семьи и обещания японского правительства «наградить» и назначать в качестве имперских чиновников в Корее тех корейцев, которые честно и преданно поддерживают новый порядок и обладают соответствующей подготовкой¹¹⁷). Таким путем японское правительство стремилось отблагодарить правящую феодальную верхушку Кореи, вставшую на путь пресмыкательства перед колонизаторами, и обес-

¹¹³) «Китай и Япония», 1910, № 2, стр. 66.

¹¹⁴) Т. Takeuchi. Op. cit., p. 165.

¹¹⁵) «Китай и Япония», 1910, № 2, стр. 49.

¹¹⁶) Т. Takeuchi. Op. cit., p. 165.

¹¹⁷) «Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа», М., 1953, стр. 161—162.

печить дальнейший контакт с теми представителями корейских чиновников, которые из карьеристских соображений готовы были сотрудничать с японскими империалистами.

Министерство иностранных дел Японии, стремясь оправдать захват Кореи перед лицом мирового общественного мнения, накануне аннексии опубликовало заявление о том, что по всему полуострову якобы «царят беспокойство и беспорядок», мешающие Японии осуществлять намеченные реформы... «Тщательное изучение корейской проблемы убедило японское правительство, что режим протектората не может быть применим при данном состоянии дел в Корее и что ответственность, падающая на Японию за надлежащее управление страной, вынуждает его прибегнуть к полной аннексии Кореи японской империей»¹¹⁸). Некоторые из представителей японского империализма пытались оправдать захватническую политику в Корее интересами безопасности Японии. Так, Акаги писал, что в результате аннексии Корея, которая ранее была «кинжалом, направленным в сердце Японии», стала «составной частью японской империи» и не являлась более «источником внешней угрозы»¹¹⁹).

Ни одно из империалистических государств не протестовало против аннексии Кореи Японией. Правительство великих держав проявляли интерес лишь к защите экономических интересов капиталистов своих государств. Президент США Тафт в послании конгрессу благосклонно отозвался о захвате Кореи Японией и указал на обязательства последней не нарушать «права американских граждан»¹²⁰). Что касается Германии, то статс-секретарь по иностранным делам Кидерлен-Вехтер, прежде чем предпринимать какие-либо шаги в связи с аннексией Кореи, запросил германское посольство в Лондоне относительно позиции Англии. Посол в Лондоне граф Меттерних сообщил, что правительство Великобритании не будет выступать против аннексии и что оно удовлетворено обещанием Японии сохранить на 10 лет существующий в Корее таможенный тариф и право прибрежного плавания. Затем Меттерних писал, что английское правительство не возражает против немедленного уничтожения консульской юрисдикции, а в отношении частных предпринимателей — иностранцев — Япония, по имеющимся в Лондоне сведениям, «кажется склонна пойти навстречу» и сохранить их права¹²¹).

Экономические интересы Германии в Корее были незначительны. Кидерлен-Вехтер в письме к Бетман-Гольвегу сооб-

¹¹⁸) А. Гражданцев. Указ. соч., стр. 150.

¹¹⁹) H. A k a g i. Op. cit., p. 281.

¹²⁰) «Congressional Record», vol. 46, part. 1, p. 18. Послание Тафта конгрессу от 6 декабря 1910 г.

¹²¹) «G. P.», Bd. XXXII, S. 134. Донесение Меттерниха от 26 августа 1910 г.

шал, что германский экспорт в Корею после 1907 г. не превышал 134 тысячи иен в год, тогда как японский экспорт равнялся 28,5 млн. иен, а английский—4,5 млн. иен. Тем не менее Киндерлен-Вехтер дважды давал указания германским посольствам в Лондоне, Париже и Вашингтоне «зондировать почву относительно демарша в Токио» с целью сохранить действие корейских торговых договоров с другими странами до конца 1912 г.¹²²). Подобная попытка германской дипломатии была предпринята с единственной целью — ухудшить взаимоотношения Японии с Англией и Францией, что было бы неизбежным в случае их участия в демарше против Японии¹²³). Что касается зондажа в Вашингтоне, то Германия, как обычно, стремилась установить общность действий с американским правительством по дальневосточным делам. Однако ни одна из держав не откликнулась на предложение Германии.

Скоре последовала декларация японского правительства о прекращении действия торговых договоров Кореи с другими государствами и об отмене консультаций юрисдикции и экстерриториальности. Однако корейский таможенный тариф, в соответствии с ранее данным Англии обещанием, был сохранен на 10 лет, как и право каботажного плавания и прибрежной торговли¹²⁴).

В английской палате общин консервативная оппозиция критиковала либеральное правительство за то, что последнее не смогло отстоять правовое положение английских подданных, имевших земли и горные рудники в Корее¹²⁵). В самом деле, английское правительство поступилось известными экономическими интересами английского капитала для того, чтобы сохранить Японию как союзника для предстоящей войны с Германией.

После аннексии Япония усилила вытеснение иностранного капитала из Кореи. От этого пострадали, прежде всего, английские и американские предприниматели, имевшие там наибольшие (после Японии) капиталовложения. Уничтожив консульскую юрисдикцию, Япония тем самым ликвидировала экстерриториальные права иностранцев. Японская администрация в Корее начала систематически чинить различные

¹²²) Ibid., S. 136—137.

¹²³) Верное своей тактике лавирования, германское правительство после аннексии Кореи всячески подчеркивало свое доброжелательное отношение к японской политике на Дальнем Востоке. В августе—сентябре 1910 г. Сеул посетили вначале германский посол в Токио, затем бывший министр колоний в Германии Дернбург. См. ЦГАДВ, ф. 702, оп. 6, д. 162, л. 162. Деша Сомова из Сеула, 23/10 сентября 1910 г.

¹²⁴) H. A k a g i. Op. cit., p. 181.

¹²⁵) «G. P.», XXXII, S. 145—146. Посол в Лондоне Меттерних рейхс-канцлеру Бетман-Гольвегу, Лондон, 11 февраля 1911 г.

препятствия иностранным предпринимателям и торговцам¹²⁶⁾. Русский генеральный консул в Сеуле писал, что в связи с подобной политикой в наиболее тяжелом положении очутилось «американское генеральное консульство, защищавшее до сих пор интересы американских торговых компаний, владеющих богатыми горными концессиями, в которые вложены десятки миллионов долларов. Число американских подданных, рассеянных по Корее, около восьмисот. Многие из них владеют значительной недвижимой собственностью. Кроме того, масса церквей, школ и больниц — собственность американских миссионеров, стоимостью в несколько миллионов»¹²⁷⁾.

Японский империализм превратил Корею в рынок сбыта и источник дешевого сырья. В связи с развитием капиталистических отношений и экспансией японского капитала объем внешней торговли Кореи увеличивался.

Внешняя торговля Кореи в тыс. иен¹²⁸⁾.

Годы	Импорт	Экспорт
1906	30291	8902
1909	36678	16248
1910	39783	19914
1915	59695	50220

Объем торговли Кореи с Японией в тыс. иен.

Годы	Импорт	Экспорт
1906	25,2	8,2
1907	32,8	16,8
1911	34,0	13,3

В 1910 г. доля Японии в корейском импорте составляла 63,7%, а в экспорте 77,2%¹²⁹⁾. На втором месте по ввозу

¹²⁶⁾ В январе 1907 г. газета «Korea Daily News» писала, что значительные английские и американские капиталовложения являются гарантией того, что «Корея никогда не перейдет всецело в руки японцев». См. ЦГАДВ, ф. 128, оп. 2, д. 173, л. 188. Переводы из иностранных газет тихоокеанской прессы.

¹²⁷⁾ ЦГАДВ, ф. 702, оп. 6, д. 162, л. 161. Денеша Сомова из Сеула от 23/10 сентября 1910 г.

¹²⁸⁾ Таблица составлена по данным «The Japan Financial and Economic Monthly», February, 1910, p. 51; А. Гражданцев. Указ. соч., стр. 356. и «Statesman's Year — Book», 1911, v. 48, p. 997.

¹²⁹⁾ П. П. Севостьянов. Указ. соч., стр. 54.

товаров в Корею стояла Англия, затем шли Китай, США и Германия. Японский капитал при активной поддержке своего правительства успешно вытеснял из корейского импорта английские и американские товары. С этой целью японские власти в Корее, как и в Южной Маньчжурии, устанавливали льготные тарифы для перевозки японских товаров по железной дороге, кроме того, японские товары ввозились в Корею беспошлинно.

С целью подрыва влияния иностранных миссионеров в Корею японские колониальные власти осенью 1911 г. арестовали 135 корейцев, принявших христианство. Были арестованы в первую очередь лица, занимавшие влиятельное положение в церковной иерархии. Большинство из арестованных было осуждено на длительное тюремное заключение по обвинению в подготовке убийства генерал-губернатора Кореи. Лишь после вмешательства Соединенных Штатов дело арестованных было пересмотрено, в результате чего 99 человек оправданы, а остальным смягчены приговоры¹³⁰).

После аннексии вся полнота власти в Корею была вручена генерал-губернатору, который одновременно являлся и главнокомандующим японской армии. Генерал-губернатору принадлежала военная и гражданская власть. Он издавал декреты, назначал высших чиновников и судей. До октября 1916 г. генерал-губернатором Кореи был граф Тераути.

Японский колониальный режим держался на насилии и угнетении. Если в 1910 г. японская полиция и жандармерия в Корею насчитывала 7712 человек, то к 1918 г. численность полицейских и жандармов была почти удвоена и составляла 14358 человек¹³¹). 12 сентября 1910 г. была опубликована утвержденная императором инструкция для японских жандармских частей, расположенных в Корею. Согласно инструкции жандармские части находились в ведении военного министра, но непосредственно подчинялись генерал-губернатору. «Жандармские чины, указывалось в инструкции, могут пускать в ход оружие, когда им оказывают сопротивление или когда они не могут иным способом выполнить своих обязанностей»¹³²).

Постепенно все ключевые позиции корейской экономики перешли в руки японских колонизаторов. Японские компании и дельцы захватили громадные массивы плодородных земель и основные отрасли промышленности. Японские капиталовложения в корейскую промышленность, исчислявшиеся в 1910 г. в 10,5 млн. вон, увеличились к 1917 г. до 59 млн. вон¹³³).

¹³⁰) А. Гражданцев. Указ. соч., стр. 162—164.

¹³¹) А. Гражданцев. Указ. соч., стр. 386.

¹³²) «Китай и Япония», 1910, № 4, стр. 39.

¹³³) «Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа», М., 1953, стр. 198.

Русский генеральный консул в Сеуле Сомов, наблюдавший деятельность японских колонизаторов в Корее после аннексии, писал, что захватчики обобрали «все веками накопленные сокровища богатого корейского дома, многочисленные дворцы, сады, всевозможные уголья, деньги, редкие образцы старинного искусства»¹³⁴). Японские колониальные власти стремились задуть национальную культуру корейского народа. В целях японизации закрывались корейские школы и ограничивалось издание книг и газет на корейском языке. «Японцы хотят убедить корейцев, — писал Сомов, — что они не являются нацией», лишить их образования и использовать как дешевую рабочую силу¹³⁵). В 1912 г. японский профессор Танака писал, что японские колониальные власти «полностью игнорируют цивилизацию Кореи» и призывал принять все меры к японизации корейцев¹³⁶).

Прогрессивная общественность мира выражала возмущение захватническими действиями японского империализма в Корее. В китайской печати появился ряд статей, резко критиковавших политику Японии. В связи с этим японский посланник в Пекине обратился к китайскому правительству с требованием запретить публикацию антияпонских заявлений в китайских газетах¹³⁷). В. И. Ленин в 1920 г. говорил, что Япония грабит Корею «...с неслыханным зверством, соединяющим все новейшие изобретения техники и пыток чисто азиатских»¹³⁸).

**

Корейский народ не желал смириться с порабощением своей родины и продолжал освободительную борьбу. 1908 г. являлся годом наибольшего подъема партизанской борьбы «Армии справедливости», отряды которой вели бои с японскими захватчиками. По японским данным, в 1908 г. принимало участие в боях 69 804 корейских партизан, которые провели 1 451 бой с японскими войсками и жандармерией¹³⁹). За период с 1907 г. по 1911 г. в боях принимало участие почти 144 тысячи корейских патриотов, из них было убито 16 711 и ранено 3 677 человек¹⁴⁰). Освободительная борьба охватывала весь корейский полуостров и носила различные формы.

Мы считаем необходимым, в данном случае, более подробно остановиться на участии в антияпонской национально-

¹³⁴) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 6, д. 162, л. 169.

¹³⁵) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 6, д. 162, лл. 228—229. Дешеша Сомова из Сеула, 2 декабря/19 ноября 1910 г.

¹³⁶) «The Far East», Tokio, 1912, Nr. 1, p. 10.

¹³⁷) «Харбинский вестник», 7 сентября 1910 г.

¹³⁸) В. И. Ленин. Соч., т. 31, изд. 4, стр. 415.

¹³⁹) Ли Чен Вон. Очерки новой истории Кореи. М., 1952, стр. 162.

¹⁴⁰) Там же.

освободительной борьбе корейцев, проживавших на русском Дальнем Востоке и в Северо-Восточном Китае, так как этот фактор оказывал значительное влияние на русско-японские и японо-китайские отношения. Кроме того, это даст возможность показать отношение русской и китайской общественности к антиимпериалистической борьбе корейского народа.

Встревоженная ростом антияпонской борьбы и ее успехами в Северной Корее, Япония через японское посольство в Петербурге весной 1908 г. заявила протест русскому правительству, причем в японском заявлении необоснованно утверждалось, что в Новокиевске находится отряд корейцев, численностью в 700 человек, который якобы расположен в русских казармах и обучается русскими офицерами¹⁴¹⁾. Царское правительство боялось обострить взаимоотношения с Японией. Поэтому председатель Совета министров Столыпин в телеграмме от 8 мая 1908 г. на имя приамурского генерал-губернатора приказал «Принять действительные меры к недопущению антияпонского движения на нашей границе, в случае необходимости главнейших корейских выходцев удалить из Новокиевска с водворением их в более отдаленном от Кореи пункте»¹⁴²⁾. Однако следует отметить, что местные власти в ответе в Петербург указали, что японское заявление не соответствует действительности и нет необходимости в высылке руководителей антияпонского движения. Военный губернатор Приморской области дал распоряжение «не допускать явной антияпонской агитации среди корейцев»¹⁴³⁾. С этого времени русская администрация заботилась лишь о том, чтобы не было легальных антияпонских выступлений на русской территории, которые японское правительство могло бы использовать для нового дипломатического демарша.

Наивысший подъем антияпонского движения среди корейцев на русском Дальнем Востоке, как и в Корее, приходится на 1908 г., когда здесь было сформировано, вооружено и отправлено в Северную Корею несколько крупных партизанских отрядов. Имеющиеся источники не дают возможности установить количество патриотов, которые вступили в партизанские отряды на русском Дальнем Востоке. Партизанские отряды, сформированные в русских пределах, обычно шли в Северную Корею через китайскую территорию и переходили границу небольшими группами¹⁴⁴⁾. Но нередко они избирали и прямой путь по суше либо на шаландах по морю и тогда высаживались где-либо в прибрежных пунктах своей родины. Население корейских деревень, расположенных на русской

¹⁴¹⁾ ЦГАДВ, ф. 1, оп. 3, д. 1160, л. 13.

¹⁴²⁾ Там же, л. 172.

¹⁴³⁾ ЦГАДВ, ф. 1, оп. 3, д. 1160, л. 31.

¹⁴⁴⁾ Переход границы с Китаем не представлял особой трудности, так как здесь не было постоянной охраны.

территории, почти всегда было предупреждено о времени передвижения партизанских отрядов, оказывало им необходимую помощь, приветствовало бойцов за свободу и независимость корейского народа.

Перешедшие на территорию Китая добровольцы группировались в отряды в корейских пограничных селениях Хунчуньского округа, расположенных у русской границы. Китайское население Маньчжурии сочувствовало корейским патриотам, оказывало им поддержку; местные власти также не чинили им препятствий. Пограничный комиссар Смирнов писал военному губернатору Приморской области, что по имеющимся у него данным «корейские инсургенты действуют в этой части Маньчжурии при молчаливом содействии китайских властей»¹⁴⁵). Между корейскими партизанскими отрядами, формировавшимися на русском Дальнем Востоке, и корейским и антияпонским движением в Северо-Восточном Китае была установлена связь. Численность корейского населения там быстро увеличивалась за счет корейцев, бежавших от японского гнета. Маньчжурия, где к 1911 г. проживало 256 тыс. корейцев¹⁴⁶), стала важным опорным пунктом антияпонской освободительной борьбы корейского народа.

Корейские отряды, сформированные на территории России и Маньчжурии, как это видно из материалов пограничного комиссара Южно-Уссурийского края, ставили своей задачей соединиться с партизанскими отрядами «Армии справедливости», которые действовали в лесах северо-восточной части Кореи, на западных склонах Туманского хребта (к востоку от верховьев реки Туманган), занять город Мусан и другие населенные пункты на правом берегу Тумангана и, опираясь на помощь корейского населения Цзяньдао (Канто), а также на поддержку китайского народа, поднять всеобщее восстание в Корее против японских захватчиков¹⁴⁷). В начале 1908 г. партизаны Северной Кореи одержали значительные успехи. Отряд Ким Чю Ха, насчитывавший до 700 бойцов, после упорных боев в конце марта занял укрепленный японцами Мусан. Город несколько месяцев находился во власти повстанцев, значительный японский гарнизон его был истреблен¹⁴⁸).

По сведениям переводчика с корейского языка С. Тима, отряды «Армии справедливости» численностью в 4 тысячи человек под командованием видного деятеля освободительного движения Хон Бом До, разделившись на четыре группы, заняли города Самсу, Капсан, Хунцхань, и Чхонжин, истребили или разогнали имевшиеся здесь японские отряды, раз-

¹⁴⁵) ЦГАДВ, ф. 1, оп. 3, д. 1160, л. 23. Донесение от 27/14 мая 1908 г.

¹⁴⁶) Н. Кюнер. Статистико-географический и экономический очерк Кореи, ч. 1, Владивосток, 1912, стр. 246.

¹⁴⁷) ЦГАДВ, ф. 1, оп. 3, д. 1160, л. 2.

¹⁴⁸) Там же, л. 31, ф. 128, оп. 3, д. 5, л. 23.

рушили конно-железные дороги, построенные японцами для подвозки к реке Ялу (Амноккан) леса, подготовленного к сплаву¹⁴⁹⁾.

Успешно развивалось партизанское движение в центральной и южной частях страны. Смирнов, собравший довольно значительный материал о партизанском движении в Корее, отмечал, что повстанцев поддерживало все население, поэтому они знали каждый шаг японских отрядов. Партизаны никогда не ввязывались в сражение при невыгодных для себя условиях. Они выработали оригинальную тактику боя и применили такую же систему «охотничьей» стрельбы, какая практиковалась у буров¹⁵⁰⁾. Повстанцы редко стреляли на дальнюю дистанцию, а вели прицельный огонь на расстоянии от 100 до 600 шагов. Увидев неприятеля, партизаны скрывались за камни, кусты, деревья, не придерживались какого-либо строя регулярных войск. При атаках врага они отходили, охватывая фланги противника, и, когда он оказывался в невыгодном положении — в котловине, горном дефиле и т. д., переходили в наступление. Во время боя партизаны проявляли инициативу, самостоятельность и находчивость¹⁵¹⁾.

Летом 1908 г. японское правительство через русское посольство в Токио и японское консульство во Владивостоке сделало несколько представлений, добываясь от русских властей запрещения антияпонских выступлений на территории России. Русский посол в Токио Малевский-Малевич телеграфировал приамурскому генерал-губернатору, что японское министерство иностранных дел сообщило ему о заговоре против японской администрации в Корее, организованном якобы Ли Бом Юном и двумястами корейцами с помощью двадцати русских жителей из Новокиевского». Вашему высокопревосходительству известно, — говорилось в телеграмме, — несколько русское правительство [заинтересовано] в устранении всякого подозрения в поддержке восстания в Корее»¹⁵²⁾. В ответе послу генерал-губернатор сообщил, что на границах с Кореей поставлена казачья команда, «но мелкие отряды корейцев через маньчжурскую границу, — указывалось в ответе, — вероятно будут проникать в Корею». Участие русских в корейских партизанских отрядах генерал-губернатор отрицал¹⁵³⁾. Японские власти, выставив усиленные караулы, закрыли гра-

¹⁴⁹⁾ ЦГАДВ, ф. 128, оп. 3, д. 5, л. 23.

¹⁵⁰⁾ Есть данные, что руководители национально-освободительного движения корейского народа изучали опыт войны буров против англичан, выработанный бурами во время англо-бурской войны 1899—1902 гг. См. ЦГАДВ, ф. 1, оп. 3, д. 1160, л. 162. Рапорт пограничного комиссара Южно-Уссурийского края, 1908 г.

¹⁵¹⁾ См. ЦГАДВ, ф. 1, оп. 3, д. 1160, лл. 105—106.

¹⁵²⁾ ЦГАДВ, ф. 1, оп. 3, д. 1160, л. 68. Телеграмма Малевского-Малевича из Токио, 21/8 июня 1908 г.

¹⁵³⁾ Там же, л. 69.

ницу Кореи с Россией и Маньчжурией. Прекратились пограничные торговые сношения.

Летом 1908 г. японские военные части несколько раз нарушали неприкосновенность русской границы и даже обстреляли корейские села на русской территории¹⁵⁴). В связи с этим в некоторых пограничных селениях были расположены небольшие русские военные команды и приняты меры к недопущению пограничных инцидентов и антияпонских выступлений на русской территории.

Напуганные размахом партизанской борьбы японские империалисты в 1908 г. бросили против повстанцев крупные части регулярных войск. Военный лагерь в районе г. Нанама стал центром борьбы против партизан. Несмотря на ряд значительных успехов, положение партизанских отрядов к концу 1908 г. ухудшилось. Японские карательные войска заняли основные населенные пункты. Наступила суровая зима. Не хватало оружия, боеприпасов, продовольствия. Партизанским отрядам, сформированным на русской территории, пришлось покинуть Северную Корею. Часть их ушла в Китай — в Цзяндао и Хуньчуньский округ, другая — вернулась в пределы России¹⁵⁵). С 1908 г. партизанская борьба в Корее ослабевает прежде всего потому, что руководители движения не опирались на широкие массы трудящихся, интересы которых были чужды им¹⁵⁶). Между тем карательные меры японских империалистов усиливались. Газета «Далекая окраина», ссылаясь на материалы, полученные из Сеула, писала, что «усмирение корейских инсургентов принимает свирепые и незаконные формы»¹⁵⁷).

В связи с репрессиями в Корее и преследованиями корейских патриотов японской военщиной в Маньчжурии русский Дальний Восток приобрел особое значение как опорный пункт освободительной борьбы. Число корейцев, искавших в России работы и спасения от преследования, быстро увеличивалось. В феврале 1909 г. приамурский генерал-губернатор Унтербергер в докладе Столыпину писал: «Японцы всеми средствами стремятся вытеснить корейцев из Северной Кореи в наши пределы и захватить их земли»¹⁵⁸).

К концу 1910 г. в Приморье насчитывалось 16 780 корейцев русских подданных и около 35 тысяч корейцев — бежен-

¹⁵⁴) Там же, л. 143.

¹⁵⁵) Там же, оп. 1, д. 1160, л. 225.

¹⁵⁶) По японским данным, весной 1909 г. 80 тыс. корейцев принимало участие в антияпонской борьбе. См. Л. В. Зенина. Из истории национально-освободительного движения в Корее. Отклики на революционную борьбу китайского народа. Ученые записки ЛГУ, 1959, № 281, серия востоковедческих наук, вып. 10, стр. 58.

¹⁵⁷) «Далекая окраина», 5 мая 1909 г.

¹⁵⁸) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 643, л. 2.

цев¹⁵⁹). К 1914 г. количество тех и других превысило 64 тысячи человек¹⁶⁰). В Амурской области в 1914 г. было зарегистрировано корейцев — иностранных подданных 3256 человек¹⁶¹), кроме того, здесь проживало не менее двух тысяч корейцев — русских подданных. Многие тысячи корейцев, прибывших на русский Дальний Восток временно на заработки, не получали паспортов и поэтому не учитывались местной администрацией.

Корейская национальная организация подготовила покушение на Ито Хиробуми. Корейский патриот Ан Чжун Гын в 1908 г. сформировал в Южно-Уссурийском крае партизанский отряд, сражавшийся под его командованием против японцев в Северной Корее, в окрестностях Кенхына и Хверена¹⁶²). Ан Чжун Гын, прибывший с тремя товарищами из Владивостока в Харбин, 26 октября 1909 г. на Харбинском вокзале из пистолета застрелил японского генерал-губернатора Кореи Ито Хиробуми — поработителя корейского народа — и ранил трех человек из его свиты¹⁶³).

Как сообщал русский генеральный консул в Сеуле Сомов, японское командование в конце 1909 г. и первой половине 1910 г. предприняло новое увеличение вооруженных сил Японии в северной части полуострова для подавления освободительной борьбы корейцев. Сомов писал, что жители Северной Кореи отличаются большой воинственностью и ненавистью к поработителям своей родины, что затрудняет японскую колонизацию северной части Кореи¹⁶⁴).

После подписания договора об аннексии Национальный комитет Кореи опубликовал протест. Издававшаяся во Владивостоке корейская газета «Тэдонг синбо» поместила воззвание к проживающим в России и Китае соотечественникам. В нем говорилось: «Не верьте уверениям японцев об их покровительстве и заботе о нас. Они будут обращаться с нами, как с рабами и скотом. Должно ли терпеть... Японцы убивают наших близких, отнимают у них суши, воды и жилища»¹⁶⁵). Воззвание оканчивалось призывом к восстанию.

Японское правительство было серьезно обеспокоено выступлениями корейцев, живших в России и Маньчжурии, и боялось усиления народной борьбы в Корее. В депеше из Сеула русский консул Сомов, информируя о положении в Ко-

¹⁵⁹) См. «Записки Приамурского отдела императорского общества востоковедения», вып. 1, Хабаровск, 1912 г., стр. 167.

¹⁶⁰) С. Д. Аносов. Корейцы в Уссурийском крае. Хабаровск-Владивосток, 1928 г., стр. 27.

¹⁶¹) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 3, д. 479, л. 14.

¹⁶²) ЦГАДВ, ф. 87, оп. 1, д. 860, л. 86.

¹⁶³) «Дальний Восток», 15/28 октября 1909 г.

¹⁶⁴) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 608, л. 224; там же, оп. 3, д. 721, л. 15. Депеши Сомова из Сеула от 5 декабря 1909 г. и 27 февраля 1910 г.

¹⁶⁵) ЦГАДВ, ф. 1, оп. 2, д. 1852, л. 56.

рее после ее аннексии, отмечал страх оккупантов перед гневом корейского народа. «Никто из нас не обеспечен от удара ножом или выстрела из-за угла», — заявлял Сомову начальник японской полиции в Сеуле¹⁶⁶). Сомов писал, что японское военное командование предприняло чрезвычайные меры, чтобы не допустить вторжения корейских партизанских отрядов из Маньчжурии или России. С этой целью японские гарнизоны из Нанама и Хверена были передвинуты на север и расположены вдоль реки Туманган¹⁶⁷). Сношения с русским Дальним Востоком были взяты под контроль японской полицией.

Вопрос об отношении к корейским эмигрантам на русском Дальнем Востоке в связи с аннексией Кореи стал предметом специального обсуждения в высших правительственных кругах царской России. В июне 1910 г. военный министр Сухомлинов в письме к Столыпину и Извольскому указывал на возможность военного столкновения с Японией в связи с захватами последней на материке. Здесь же Сухомлинов предлагал поддерживать хорошие отношения с корейским народом. «Такая почва может быть подготовлена, — писал военный министр, — путем твердого, но благожелательного и внимательного отношения русской государственной власти к интересам и нуждам населяющих Южно-Уссурийский край корейцев, в рядах которых насчитывается немало влиятельных и преданных России политических эмигрантов»¹⁶⁸). Отвечая Сухомлинову, Извольский указал, что вмешательство в политику Японии в Корее чревато угрозой военного столкновения, так как «корейский вопрос... является наиболее уязвимым местом японской политики». Однако Извольский высказывался за доброжелательную политику по отношению к корейским эмигрантам, проживавшим на русском Дальнем Востоке¹⁶⁹).

По инициативе Японии в мае 1911 г. между Россией и Японией было заключено соглашение о взаимной выдаче преступников. Одновременно с этим была подписана секретная декларация о взаимном воспрещении пользоваться территорией одной из договаривающихся сторон для подготовки заговоров против другой¹⁷⁰). Таким образом, царская и японская реакция объединились для совместной борьбы с революционным движением. Оценивая значение этого соглашения, приамурский генерал-губернатор Гондатти писал, что он дает в руки Японии «серьезное средство борьбы с корейскими инсургентами... Мы же взамен этого получим очень не много: главным образом устранение угрозы столкновения с Японией

¹⁶⁶) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 6, д. 162, л. 159. Депеши Сомова. Сеул, 23/10 сентября 1910 г.

¹⁶⁷) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 6, д. 162, л. 160.

¹⁶⁸) АВПР. Тихоокеанский стол, д. 755, л. 1.

¹⁶⁹) АВПР. Тихоокеанский стол, д. 755, л. 3.

¹⁷⁰) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 712, л. 236.

в ближайшем будущем»¹⁷¹). Необходимо отметить, что в число «преступников» не были включены активные участники антияпонской борьбы, занимавшиеся этой деятельностью до момента подписания соглашения. Правда, с этого времени условия для организации корейских антияпонских выступлений на русском Дальнем Востоке ухудшились, хотя царское правительство и не выдало в руки Японии ни одного из корейских патриотов, а тайные и легальные общества корейцев продолжали существовать.

Интересен тот факт, что корейские националисты, действовавшие на русском Дальнем Востоке, внимательно следили за событиями, развертывавшимися в Китае, и готовы были оказать поддержку китайскому народу во время революции 1911—1913 гг., надеясь, что освобождение Китая позволит им сбросить иго колонизаторов. Представители корейских национальных организаций, действовавших на русском Дальнем Востоке, установили связи с противниками цинской династии и антияпонски настроенными офицерами китайской армии, находившимися в Маньчжурии.

Китайские и корейские представители учредили в Хуаньчуне корейско-китайское общество «Тунжоухой» (Общество совместной деятельности), которое выдвигало лозунги буржуазного характера: «Упрочение китайской республики и восстановление прежней территории Корейского государства..., распространение образования, развитие промышленности, предприятий и банков, поощрение корейцев к вступлению в китайское подданство и организация военного дела»¹⁷²). Предполагалось создать партизанские отряды и приступить к военному обучению корейской и китайской молодежи. Проектировалось открытие отделений общества во Владивостоке и Цзяньдао.

Из писем офицеров китайской армии Цинь Юна и Доу Бао-сяна на имя Ли Чжуна видно, что китайцы сочувствовали антияпонскому движению корейского народа и были готовы принять помощь корейцев в борьбе против цинской династии. В письме руководителя отделения общества «Тунжоухой» района Яньзифу корейца Ким Ипа говорилось о том, что в случае развертывания революции в Маньчжурии «корейцы должны вступить в ряды революционеров»¹⁷³).

На усиление национально-освободительной борьбы китайского и корейского народов сказывалось влияние русской революции 1905—1907 гг. Многие из китайцев и корейцев, живших на русском Дальнем Востоке, совместно с русскими рабочими принимали участие в стачках и забастовках. Все

¹⁷¹) Там же, л. 237.

¹⁷²) См. ЦГАДВ, ф. 1, оп. 12, д. 317, л. 40. Документы из переписки Ли Чжуна, переведенные на русский язык профессором Г. В. Подставным.

¹⁷³) ЦГАДВ, ф. 1, оп. 12, д. 317, лл. 40—41.

это делало трудящихся Китая и Кореи особенно восприимчивыми к идеям освободительной борьбы.

Антиимпериалистическое движение в Китае и Корее оказывало значительное влияние на дальневосточную политику великих держав. Напуганные ростом национально-освободительного движения империалисты вынуждены были на время ослабить борьбу друг с другом и объединиться для подавления революционного движения народов Востока.

**ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ.
РУССКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1908—1910 гг.**

1. Вопрос об укреплении военно-политического положения царизма на русском Дальнем Востоке

Поражение первой русской революции и усиление экономической базы империализма в России способствовали активизации внешней политики царского правительства. Сильная депрессия и кризисные явления в ряде отраслей промышленности, наблюдавшиеся в 1907—1908 гг., сменились экономическим подъемом 1910—1913 гг. Стоимость продукции фабрично-заводской и горно-добывающей промышленности увеличилась с 4 839 897 тыс. рублей в 1908 г. до 7 357 827 тыс. рублей в 1913 г.¹⁾ Быстро увеличивался объем внешней торговли. Экспорт из России, оценивавшийся в 1908 г. в 998,3 млн. руб., увеличился в 1913 г. до 1 520,1 млн. руб.²⁾

Доходы государственного бюджета России увеличивались за счет роста налогового обложения, ложившегося основной тяжестью на плечи трудящихся масс. В 1909 г. царское правительство заключило во Франции заем в 525 млн. рублей. Несмотря на то, что ежегодные платежи по всем государственным займам (погашение и проценты) достигали 400 млн. рублей, финансовое положение все же улучшилось. Последнее обстоятельство дало возможность царизму увеличить расходы на армию и флот и ускорить восстановление их боеспособности. В 1910 г. была принята десятилетняя военная программа, предусматривавшая увеличение и модернизацию всех родов войск, строительство флота, стратегических дорог и т. д. Запланированные прямые военные расходы, составившие в 1909 г. 565,6 млн. рублей, увеличились в 1913 г. до 826 млн. руб. Кроме того, чрезвычайные расходы, составившие в 1909 г. 156 млн. руб., достигли в 1913 г. 288,67 млн. руб.³⁾ Значительная часть чрезвычайных расходов шла

¹⁾ П. А. Хромов. Очерки экономики России периода монополистического капитализма, М., 1960, стр. 16.

²⁾ В. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. II, М., 1950, стр. 414—415.

³⁾ А. Л. Сидоров. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917), М., 1960, стр. 47.

на нужды военного и военно-морского ведомства. По сумме военных расходов царская Россия к 1914 г. вышла на второе место в мире и уступала только Германии⁴).

Усилия царизма были сконцентрированы, прежде всего, на увеличении вооруженных сил России на западных границах и строительстве Балтийского и Черноморского флотов. На Дальнем Востоке преследовалась цель сохранить сложившееся статус кво. В связи с этим большое значение приобрели вопросы хозяйственного освоения дальневосточных окраин. В правящих кругах упорно выдвигалась мысль, что лишь заселение русскими обширных районов Приамурья, Уссурийского края и Камчатки может обеспечить сохранение данных территорий за Россией и укрепить положение последней на Дальнем Востоке. Довольно часто публиковавшиеся в прессе материалы о хозяйничании японцев в водах и на побережье Охотско-Камчатского края, а американцев на Чукотке придавали политическую остроту дальневосточным проблемам.

При определении целей и характера дальневосточной политики царским правительством рассматривались проблемы военные, экономические и дипломатические. Среди правящих классов по-прежнему не было единства взглядов по вопросу о направлении внешней политики России. В феврале 1908 г. на заседании Совета министров при обсуждении вопроса о военных расходах на 1908 г. указывалось, что в Государственной думе имеется влиятельная группа, которая отрицательно относится к строительству линейного флота и укреплению финского побережья. Члены этой группы указывали, что не побережье Балтики является уязвимым местом России, а берега Тихого океана, «к укреплению и обороне которых, по их мнению, и должны быть прежде всего направлены заботы морского министерства»⁵).

Боснийский кризис 1908—1909 гг. на время отвлек внимание правительственных кругов и политических партий от дальневосточных проблем. После ликвидации Боснийского кризиса с весны 1909 г. эти вопросы вновь были поставлены весьма остро. Причем военная неподготовленность России на западных границах, выявившаяся во время Боснийского кризиса, и дипломатическое поражение царизма во время конфликта с Австро-Венгрией и Германией возбудили внимание к укреплению русских дальневосточных границ. В газетах появился ряд статей, в которых критиковалась «беззабот-

⁴) Бюджетные расходы на армию и флот на 1914 г. были запланированы: Германией 3244 млн. марок, Россией 1934 млн. марок, Англией 1640 млн. марок, Австрией 740 млн. марок, Францией 1286 млн. марок. См. В. Хвостов. Возникновение первой мировой империалистической войны. «Исторический журнал». 1939, № 7, стр. 87.

⁵) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 6, д. 412, л. 27. Особый журнал Совета министров от 14/1 февраля 1908 г.

ность» правительства, оставившего на произвол судьбы русские земли на Дальнем Востоке.

В феврале 1909 г. приамурский генерал-губернатор Унтербергер в записке «Неотложные нужды Приамурья», направленной Столыпину, предсказывал неизбежность военного выступления Японии, которая, по словам Унтербергера, «не только закрепила занятое ею положение в Корее и в Маньчжурии», но и готовилась к «новым агрессивным действиям на Азиатском материке». В качестве мер противодействия Японии Унтербергер предлагал заселить край русскими, ускорить постройку Амурской железной дороги, укрепить Владивосток и устье Амура, усилить сухопутные войска и флот⁶).

Военное министерство настаивало на увеличении вооруженных сил России на Дальнем Востоке. Военное превосходство Японии наряду с воспоминаниями о недавних поражениях в русско-японской войне делали царский генералитет особенно настойчивым по вопросам обороны Дальнего Востока. В апреле 1909 г. в докладе, направленном в Совет министров, военный министр Сухомлинов указывал на «военное могущество Японии» и заявлял, что нельзя больше сосредоточивать все силы России на западных границах⁷). В октябре Сухомлинов в письме Столыпину вновь выражает беспокойство относительно политики Японии, которая, по его мнению, готовилась к «активным действиям». Сухомлинов считал возможным заключение союза между Японией и Австро-Венгрией для совместной борьбы против России⁸). В этом же месяце Унтербергер представил очередной, полный опасений, доклад относительно положения на Дальнем Востоке⁹).

В такой обстановке было принято решение послать на Дальний Восток влиятельного члена правительства — министра финансов Коковцова. Перед ним была поставлена задача ознакомиться на месте с положением и деятельностью КВЖД, влиянием отмены порто-франко на экономическую жизнь, и, как писал Коковцов, «с общим современным положением нашей обороны»¹⁰). Вернувшись из поездки, Коковцов в докладе на имя царя сообщал, что имеющиеся морские силы России на Тихом океане «ничтожны», а сухопутная оборона Владивостока производит «почти столь же безотрадное впечатление, как и то, которое я вынес по части морской

⁶) АВПР. Тихоокеанский стол, д. 1640, лл. 45—47.

⁷) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 522, лл. 1—2. Доклад военного министра «Об основаниях предстоящих преобразований в системе государственной обороны». 29/16 апреля 1909 г.

⁸) Там же, д. 608, лл. 1—2. Сухомлинов Столыпину, 18/5 октября 1909 г.

⁹) Там же, л. 127. Доклад Унтербергера от 30/17 октября 1909 г. «Серьезность нашего положения на Дальнем Востоке».

¹⁰) Там же, л. 138. Всеподданнейший доклад Коковцова от 30/17 ноября 1909 г.

обороны»¹¹⁾. Коковцов сделал вывод, что политическое положение России на Дальнем Востоке ухудшилось и для его улучшения предлагал установить «прочные добрососедские отношения» с Китаем, Кореей и Японией. «Только при этом условии, писал он, мир на побережье Тихого океана может быть обеспечен прочно и на долгие годы»¹²⁾.

Коковцов предлагал прежде всего укрепить Владивосток как с суши, так и с моря, и обвинял военное министерство в том, что оно не включило в роспись государственных расходов на 1909 г. 9 млн. рублей, выделенных на укрепление Владивостокской крепости¹³⁾. В силу этого в 1909 г. существенных работ по укреплению Владивостока не проводилось. На докладе Коковцова Николай II написал: «Стыдно сознаваться, что четыре года безвозвратно нами потеряны»¹⁴⁾.

По предложению царя вопрос о военном положении России на Дальнем Востоке обсуждался Советом министров в конце ноября 1909 г. Совет министров постановил: 1) немедленно приступить к укреплению Владивостока; 2) построить необходимое количество боевых кораблей для морской обороны Владивостока; 3) изучить вопрос о постройке мелких военных судов во Владивостокском доке и т. д.¹⁵⁾. Данное решение Совета министров не было проведено в жизнь¹⁶⁾, так как вскоре выяснилась возможность соглашения с Японией. Вопрос об обороне Дальнего Востока рассматривался затем в связи с утверждением общих планов вооружения царской России.

В январе 1910 г. в морском министерстве была составлена объяснительная записка к программе развития морских вооруженных сил России на 10 лет. Относительно развития флота на Дальнем Востоке там было записано следующее: «На Тихом океане, по свойствам стратегической обстановки, главнейшая роль в обороне должна принадлежать флоту, но ввиду невозможности по соображениям финансового свойства, создать флот, способный обеспечить здесь оборону всего побережья, предположено ограничиться поддержанием имеющихся здесь ныне вспомогательных морских сил, для содействия сухопутным войскам по обороне лишь залива Петра Великого и Амурского лимана»¹⁷⁾. Для этой цели планирова-

11) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 608, лл. 167—169.

12) Там же, л. 179.

13) Всего на три года для этой цели было отпущено 22 млн. руб.

14) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 608, л. 172.

15) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 608, л. 233. Особый журнал Совета министров от 11 декабря/28 ноября 1909 г.

16) 25/12 мая 1910 г. управляющий делами Совета министров писал, что Особый журнал заседания от 28 ноября 1909 г. по распоряжению председателя Совета министров «к подписи не представлялся и оставлен без дальнейшего движения». См. ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 608, л. 268.

17) Там же, оп. 6, д. 412, л. 57.

лось построить две броненосные канонерские лодки, 6 подводных лодок и 3 заградителя. Общая стоимость намеченных к постройке судов определялась в 22,6 млн. рублей. Кроме того, предусматривалось израсходовать в течение 10 лет на улучшение оборудования Владивостокского и Николаевско-го-на-Амуре военных портов 6 млн. руб. и некоторые другие расходы.

На усиление Тихоокеанского флота в течение десяти лет предусматривалось израсходовать 34,3 млн. руб.; Балтийскому флоту отпускалось 640,7 млн. рублей; Черноморскому — 56 млн. рублей¹⁸). Таким образом, на основании характера планировавшихся военно-морских расходов можно судить о том, что в правящих кругах царской России победили сторонники проведения оборонительной политики на Дальнем Востоке. Для подтверждения последнего можно привести следующий факт. Еще в 1908 г. один из морских офицеров, ссылаясь на то, что Николаевск-на-Амуре из-за мелководья устья Амура и краткого периода навигации не может стать крупным портом, рекомендовал построить новый порт в заливе Де-Кастри. Для этой цели предлагалось провести железную дорогу от Де-Кастри до озера Кизи. Данное предложение было отклонено представителями военного ведомства по той причине, что «вырубка леса и проведение рельсового пути» на этом участке «облегчили бы доступ неприятелю в тыл Николаевску, который является защищенным лишь с моря»¹⁹).

Почти ничего не было сделано и для укрепления сухопутных сил России на Дальнем Востоке. Правда, с 1910 г. закон о всеобщей воинской повинности был распространен на Приамурский край, что дало возможность несколько увеличить контингент войск мирного времени и создать кадры подготовленных резервистов на месте²⁰).

В апреле—мае 1911 г. Дальний Восток посетили военный министр Сухомлинов и лидер октябристов Гучков. Ознакомившись с положением дел на месте, военный министр сделал вывод о полной военной неподготовленности России на дальневосточных границах. У Владивостока, «на главном фронте нашей обороны с сухопутной стороны, работы находятся еще только в начальной стадии, — писал Сухомлинов, — ... что касается морских сил, то можно считать, что их во Владивостоке совсем нет»²¹).

Принятые решения относительно укрепления Владивостока и усиления морской обороны осуществлялись медленно и не были завершены до 1917 г. Царский военно-бюрократиче-

¹⁸) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 6, д. 412, л. 57.

¹⁹) Там же, оп. 3, д. 716, л. 98.

²⁰) «Дальний Восток», 15 октября 1909 г.

²¹) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 7, д. 702, л. 96.

ский аппарат работал плохо. Ярko проявлялась междуведомственная неурядица. Министры враждовали между собой и выслуживались один перед другим, добываясь благосклонности царя. Сухомлинов обвинял Коковцова в том, что министерство финансов не обеспечивает вовремя предоставление кредитов на нужды обороны. Коковцов, в свою очередь, доказывал, что военное ведомство не осваивает отпущенные кредиты и т. д.²²⁾ Прогермански настроенный Сухомлинов был недоволен внешнеполитической ориентацией Извольского, который, по его словам, плел «тонкие нити», чтобы отделить русскую политику от германской²³⁾.

В правящих кругах царской России и в прессе того времени активно дебатировался вопрос о путях быстрейшего заселения и экономического освоения русского Дальнего Востока. Между буржуазией и помещиками особых разногласий по этому вопросу не было. Представители буржуазии надеялись, что заселение русского Дальнего Востока даст новые выгодные рынки сбыта, монархисты полагали таким путем поднять престиж монархии и повысить роль России в международных делах. Многие высказывали мнение, что основная задача дальневосточной политики России должна заключаться в том, чтобы укрепить русский Дальний Восток «для сохранения престижа в Европе». В связи с этим предлагали начать заселение от побережья Тихого океана и вести на запад до Байкала, а переселение в районы, расположенные западнее Байкала, временно приостановить²⁴⁾. Агент русского министерства финансов в Китае Гойер писал, что на Дальнем Востоке «русская политика должна быть консервативной, а не наступательной, «она должна стремиться к тому, чтобы сохранить для будущих поколений те несметные богатства, которыми мы там обладаем, а не к тому, чтобы завоевать им новые»²⁵⁾.

Главноуправляющий земледелием и землеустройством князь Васильчиков, в ответ на запрос относительно его взглядов по вопросу «о плане государственной обороны», предлагал как можно быстрее заселить «коренным русским населением Приамурье и Дальний Восток²⁶⁾. Он же предложил создать Комитет по заселению Дальнего Востока²⁷⁾. В связи с начавшимся строительством Амурской железной дороги, необходимо было решать вопросы об обеспечении дороги

²²⁾ См. Там же, лл. 92, 94, 99.

²³⁾ В. Сухомлинов. Воспоминания. Берлин, 1924, стр. 178.

²⁴⁾ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 4, д. 26, лл. 168—169.

²⁵⁾ Там же, оп. 5, д. 608, л. 114. Отчет Гойера о поездке в Японию. 10 июня/28 мая 1909 г.

²⁶⁾ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 522, л. 19. Справка с кратким изложением отзывов ведомств по вопросу о плане государственной обороны, 1908 г.

²⁷⁾ Там же, оп. 4, д. 26, лл. 111.

топливом, строительстве железнодорожных поселков и т. д. В декабре 1908 г. Председатель Совета министров писал, что «состоявшийся в настоящем году приступ к сооружению Амурской железной дороги должен положить собою начало целому ряду сопутствующих ему правительственных мероприятий, направленных к экономическому и культурному возрождению Приамурского края»²⁸).

В июне 1909 г. Совет министров рассмотрел вопрос о подготовке к колонизации района Амурской железной дороги и постановил создать Комитет по заселению Дальнего Востока. По указанию царя председателем Комитета был назначен Столыпин, а его заместителем князь Васильчиков. В состав Комитета по заселению Дальнего Востока вошли представители основных министерств. Приамурский и Иркутский генерал-губернаторы, а также губернаторы Приморской и Амурской областей²⁹).

Комитет по заселению Дальнего Востока получил весьма обширные полномочия и действовал на основании опыта Комитета Сибирской железной дороги, который был создан в 1892 г. в связи с постройкой Сибирской железной дороги и работал под председательством царя³⁰). Так как русский Дальний Восток, в том числе и район Амурской железной дороги, был крайне слабо исследован, то решено было командировать на место экспедицию для изучения возможностей переселения, развития сельского хозяйства, промышленности, путей сообщения, рудных богатств и т. д. Предполагалось, что, выполнив свою задачу по исследованию, экспедиция будет превращена в «местный распорядительный орган» и будет практически осуществлять намеченные ею мероприятия.

Дело было поставлено на широкую ногу. На экспедицию отпустили 600 тыс. рублей. Экспедиция состояла из трех отрядов. Первый отряд занимался изучением условий «земледельческой колонизации» и лесных богатств. Он состоял из трех партий: статистико-экономической, гидротехнической и лесной. Второй отряд — горнопромышленный — состоял из семи партий геологов и топографов. Третий отряд занимался изучением путей сообщения. Начальником Амурской экспедиции был назначен Гондатти, ставший затем приамурским генерал-губернатором. Комитет по заселению Дальнего

²⁸) Там же, л. 57.

²⁹) Там же, лл. 200—207. Особый журнал Совета министров от 6 июля/23 июня 1909 г.

³⁰) Не лишен интереса тот факт, что на одном из первых заседаний Комитет по заселению Дальнего Востока вынес решение о том, чтобы дипломатические представители за границей информировали Комитет о событиях в США, Китае, Корее и Японии и сообщали об отношении этих стран к мероприятиям, проводимым Россией на Дальнем Востоке, См. ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 6, д. 25, л. 6.

Востока обязал начальника экспедиции представить не позднее 1 февраля 1911 г. материалы об основных итогах своей работы³¹). Некоторые вопросы, связанные с организацией переселения, Комитет по заселению Дальнего Востока решил довольно быстро. В частности, в апреле 1910 г. Николай II утвердил решение Комитета об использовании для крестьянской колонизации громадных массивов пустующих земель, отведенных в свое время Амурскому и Уссурийскому казачьим войскам, но оставшихся не занятыми. Был установлен ряд льгот для крестьян, переселявшихся на Дальний Восток.

Крестьянское переселение в дальневосточные области было составной частью столыпинской аграрной политики, но внешнеполитические соображения заставляли царское правительство уделять переселению на Дальний Восток особое внимание. Что касается Амурской экспедиции, то ее деятельность в первые годы проявилась, прежде всего, в исследовании Приамурья, результаты которого были опубликованы в многотомных изданиях³²).

Наряду с решением вопросов защиты и экономического освоения Приамурья и Южно-Уссурийского края царскому правительству пришлось заняться проблемами русских владений крайнего северо-востока Азии. С 1856 г. северные округа (позднее уезды) Охотский, Анадырский, Гижигинский и Камчатский площадью более 1 млн. км² входили в состав Приморской области, управление которой находилось во Владивостоке. Связь Владивостока с Охотско-Камчатским побережьем и Чукотско-Анадырским краем осуществлялась летом при помощи пароходов, на которых завозилось продовольствие и товары. Обычно совершался один рейс за навигацию, причем при возвращении с севера пароход вторично заходил в более южные порты. По договору пароходное сообщение северных портов с Владивостоком было передано Добровольному флоту, однако правление последнего, за неимением собственных судов, приспособленных к плаванию в условиях севера, фрактовало иностранные пароходы³³).

Каботажное плавание между отдельными пунктами северного побережья совершали американские и японские шхуны или пароходы. Даже начальники уездов не имели катеров и других средств передвижения для объезда прибрежных населенных пунктов³⁴). Зимой можно было переслать почту лишь из Иркутска на Якутск, оттуда в Охотск, а от Охотска

³¹) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 6, д. 25, лл. 6—17. Журналы Комитета по заселению Дальнего Востока с 1-го по 5-й номер, январь 1910 г.

³²) См. «Труды Амурской экспедиции» за 1912 г. и др. годы.

³³) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 649, л. 7. Отчет губернатора Камчатской области за 1909—1911 гг.

³⁴) Там же, д. 313, л. 111.

до Петропавловска-на-Камчатке надо было еще проехать на собаках около 4 тыс. км, на что требовалось несколько месяцев. С середины XIX в. после включения в состав России Приамурья и Уссурийского края царское правительство проявляло мало интереса к северо-восточным владениям. Экономика русских территорий крайнего северо-востока Азии приходила в упадок, здесь все больше укреплялся иностранный капитал.

После русско-японской войны, когда выяснилось, что положение России на побережье Тихого океана не столь прочно, как предполагали до тех пор, особенно в связи с подписанием русско-японской рыболовной конвенции, узаконившей японское хозяйничанье в русских территориальных водах, вопрос о положении на крайнем северо-востоке России был поставлен довольно остро. На страницах русских газет различных направлений стали появляться заметки, в которых говорилось о разорении Охотско-Камчатского края и угрозе его отторжения. Газеты называли русские владения крайнего северо-востока Азии «заброшенным» краем. Деятельность царской администрации в этом районе подвергалась критике в Государственной думе. В начале 1908 г. Председатель Совета министров представил Николаю II доклад о положении в Охотско-Камчатском крае³⁵). На докладе царь написал: «На Восточную Сибирь вообще и на Охотско-Камчатский край в особенности следует обратить самое серьезное внимание и приступить к живой деятельности там немедленно»³⁶).

В апреле и мае 1908 г. Совет министров, рассмотрев этот вопрос и отметив «наплыв» иностранных предпринимателей на северо-восточное побережье Сибири, указал, что «дальнейшее сохранение описанного положения вещей угрожает жизненным интересам России на Дальнем Востоке». Совет министров постановил выделить Камчатку и северные уезды в самостоятельную административную единицу, принять меры для охраны северо-востока Сибири от хищнической деятельности иностранного капитала, построить там телеграфные линии и радиостанции³⁷). 17 июня 1909 г. был издан закон об административном переустройстве Приморской области и Сахалина. На основании закона была образована Камчатская область, включившая в свой состав Охотско-Камчатский край, Командорские острова и Чукотский полуостров. Местопребыванием губернатора Камчатской области стал Петропавловск.

³⁵) Доклад был составлен на основании фактов, взятых из русской периодической печати, так как для сбора материалов на месте потребовалось бы много времени.

³⁶) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 4, д. 38, л. 88.

³⁷) АВПР. Тихоокеанский стол, д. 754, лл. 49—50. Особый журнал Совета министров от 20/7 апреля и 20/7 мая 1908 г.

Создание Камчатской области рассматривалось царскими властями как первый шаг на пути к вытеснению иностранного капитала. Однако в этом отношении было сделано очень немного. Несколько улучшилась морская охрана побережья. В 1909—1911 гг. в область (в основном на Камчатку) удалось переселить 380 человек крестьян³⁸). На громадных пространствах Камчатской области совершенно не было войск регулярной армии. На всю область имелось несколько десятков казаков Камчатской казачьей команды, которые исполняли функции полицейской стражи. Борьба с японским и американским хищническим промыслом и незаконной торговлей велась слабо. Губернатор Камчатской области писал, что областная администрация «никакой реальной силы за собой не имеет»³⁹).

Осенью 1909 г. было завершено сооружение телеграфной линии между Якутском и Охотском, протяжением более тысячи километров, проложенной в пустынной и трудно проходимой местности. К концу 1910 г. вступили в строй радиотелеграфные станции в Петропавловске и Николаевске-на-Амуре. К 1911 г. Петропавловск был соединен проволочным телеграфом с Охотском и рядом населенных пунктов Камчатки. Однако радиотелеграфные станции, планировавшиеся к постройке в бухте Проведения и на мысе Дежнева, так и не были сооружены, и Чукотский полуостров не имел радиотелеграфной связи с остальной Россией⁴⁰).

В отношении научного и хозяйственного исследования крайнего северо-востока Сибири было сделано сравнительно мало. Правительственные экспедиции носили эпизодический характер и не располагали необходимыми средствами для всестороннего изучения края. Вести о больших доходах, которые извлекал иностранный капитал из рыболовства и золотодобычи, привлекли внимание концерна братьев Рябушинских. Московские миллионеры искали новые объекты для капиталовложений, в частности, их интересовали лесные массивы для заготовок леса на экспорт⁴¹). В этом отношении леса Дальнего Востока могли представлять несомненный интерес. В 1906 г. в газетах появились известия о том, что Ф. П. Рябушинский отпустил 200 тыс. рублей для всестороннего научного исследования Камчатки. Русское географиче-

³⁸) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 640, лл. 11. Отчет губернатора Камчатской области за 1909—1911 гг. В 1912 г. Камчатская область была открыта для «вольного заселения», т. е. переселенцы могли занимать свободные земли, имевшиеся в области, без разрешения властей. Однако и эта мера не дала значительных результатов. См. ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 8, д. 361, л. 18. Журнал Комитета по заселению Дальнего Востока, 21/8 марта 1912 г.

³⁹) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 840, л. 15.

⁴⁰) Там же, д. 2456, л. 11.

⁴¹) «Документы по истории монополистического капитализма в России», М., 1959, стр. 624.

ское общество просило военного губернатора Приморской области оказать содействие экспедиции, которая предполагала начать работы весной 1907 года⁴²⁾.

Камчатская экспедиция Рябушинского приступила к работам в 1908 г. Первоначально были обследованы низовья Амура, а затем приступлено к исследованию Камчатки⁴³⁾. На Камчатке работали зоологический, ботанический, метеорологический отряды экспедиции в 1908—1909 гг., а геологический и этнографический в 1908—1911 гг.⁴⁴⁾. Экспедиция была хорошо оборудована и имела квалифицированный состав участников, однако большая часть материалов, собранных экспедицией Рябушинского, не была опубликована⁴⁵⁾. Концерн Рябушинских, вероятно, счел невыгодным организацию предприятий на Дальнем Востоке, так как вслед за экспедицией не было сделано попыток вложить капиталы концерна в какую-либо отрасль промышленности на этой окраине.

Как уже отмечалось, природные богатства Чукотки эксплуатировало действовавшее под контролем американцев Северо-восточное сибирское акционерное общество. Внимание царского правительства к положению, сложившемуся на Чукотке, было привлечено отчетом горного инженера Тульчинского, который в 1905 г. ознакомился на месте с деятельностью Северо-восточного сибирского общества. Для того чтобы поставить деятельность американского общества под контроль русской администрации, царское правительство в 1906 г. решило перенести местопребывание Анадырского уездного начальника из села Марково, которое было расположено на реке Анадырь, в четырехстах километрах от Анадырского лимана, на Чукотский полуостров и дать в распоряжение начальника уезда шхуну для объезда побережья с целью «строгого надзора за деятельностью агентов и уполномоченных Северо-восточного сибирского общества»⁴⁶⁾. Военный губернатор Приморской области предлагал выделить из Анадырского уезда Чукотский и подобным образом укрепить власть царской администрации в данном районе. Решение этого вопроса затянулось до 1909 г.

Летом 1906 г. приказом приамурского генерал-губернатора помощником анадырского уездного начальника на один год был назначен штабс-капитан Белугин. Одновременно с ним на Чукотку были командированы горный инженер,

⁴²⁾ ЦГАДВ, ф. 702, оп. 2, д. 206, л. 201.

⁴³⁾ «Дальний Восток», 3 сентября 1908 г.

⁴⁴⁾ ЦГАДВ, ф. 702, оп. 2, д. 640, л. 12.

⁴⁵⁾ Результаты работы этнографического отряда были опубликованы в 1928 г. в США. См. W. Yochelson. Archaeological Investigations in Kamchatka, Washington, 1928.

⁴⁶⁾ ЦГАДВ, ф. 702, оп. 2, д. 206, л. 155. Отношение министерства торговли и промышленности министру внутренних дел, 5 мая/22 апреля 1906 г..

врач, фельдшер и 3 стражника, причем врач должен был вернуться во Владивосток осенью, а всем остальным надлежало провести зимовку на фактории Северо-восточного сибирского общества в бухте Св. Лаврентия (пост Николай). В инструкции, данной Белугину, указывалось, что он должен следить за законностью действий Северо-восточного сибирского общества, «укреплять у чукчей сознание, что они подданные Российского государства⁴⁷⁾. Изучать всесторонне их быт и выяснить, в чем им должна быть оказана помощь правительством⁴⁸⁾. Кроме того, Белугин должен был «не допускать обид чукчам» со стороны американцев, изучить «начала чукотского языка» и т. д.⁴⁹⁾.

Деятельность Белугина на Чукотке свелась к тому, что он собрал довольно значительный материал относительно Северо-восточного сибирского общества. От попыток вмешиваться в самоуправление чукчей ему пришлось отказаться. «Свободные чукчи, — писал Белугин, — никак не умеют понять, что такое начальник, и в точности не могут объяснить себе назначение начальства вообще. Они искренне удивляются, зачем я здесь живу, если не торгую»⁵⁰⁾.

В октябре 1908 г. газета «Новое время» опубликовала статью «Чукотский полуостров и его будущее», в которой рассказывалось о богатых золотых россыпях, открытых американцами, об установившемся экономическом тяготении полуострова к США и предлагалось послать на Чукотку хотя бы роту солдат⁵¹⁾. В связи со статьей в газете военный министр писал Столыпину: «Я вполне разделяю взгляд на государственную важность полуострова и полагаю, что мы

⁴⁷⁾ Войны против чукчей, которые вели казаки, а затем и солдаты с конца XVII в. до 60-х гг. XVIII в., окончились неудачно для царизма. Покорить и объяснить чукчей не удалось. Царское правительство отказалось от попыток силой оружия подчинить чукотский народ. С конца XVIII в. начинают развиваться мирные торговые сношения чукчей с русскими купцами. Однако с 40-х гг. XIX в. обороты русско-чукотской торговли начинают падать, что объяснялось появлением значительного числа американских и других китобоев у побережья Чукотки, которые вели меновую торговлю с туземным населением побережья. Во второй половине XIX в. царское правительство предприняло ряд мер, направленных на объясачивание чукчей. Формально считалось, что в 1897 г. последние поселения и стойбища чукчей признали себя подданными России. Но чукчи вносили ясак нерегулярно. В 1913 г. представитель царских властей писал приамурскому генерал-губернатору, что «чукчи платят дань по собственному их произволу как в количестве, так и в качестве... Сами чукчи считают себя совершенно независимыми, а влияние русской администрации в крае до последнего времени было ничтожным». См. С. С. Григорцев и ч. Русские владения крайнего северо-востока Азии в середине XIX в. Труды Томского госуниверситета, т. 136, 1957, стр. 237.

⁴⁸⁾ ЦГАДВ, ф. 702, оп. 2, д. 206, л. 126.

⁴⁹⁾ Там же.

⁵⁰⁾ ЦГАДВ, ф. 702, оп. 2, д. 206, л. 227.

⁵¹⁾ «Новое время», 19 октября 1908.

должны его фактически занять и эксплуатировать, так как в противном случае эксплуатация полуострова перейдет в руки иностранцев». Однако военный министр высказался против отправки солдат на Чукотку, мотивируя тем, что их там очень трудно будет обеспечить жильем и продовольствием⁵²).

В 1909 г. был образован Чукотский уезд, в состав которого вошла территория Чукотского полуострова площадью около 100 тыс. кв. км. Местопребыванием чукотского уездного начальника стала бухта Провидения. Начальник уезда должен был охранять береговую полосу протяжением в 1500 км. Для этой цели в его распоряжение была предоставлена газолиновая шхуна и три стражника⁵³). Естественно, что ни о какой серьезной охране побережья не могло быть и речи, тем более, что бухта Провидения освободилась от льда в начале июля, а первые американские корабли появлялись в северо-восточных пунктах полуострова во второй половине мая.

Анадырский уезд простирался от Корякского хребта до Ледовитого океана, занимая площадь около 300 тыс. кв. км. Зимней резиденцией анадырского уездного начальника было село Марково, а летней — пост Ново-Мариинский, расположенный у устья р. Анадырь. Летом уездный начальник обязан был охранять побережье Анадырского залива протяженностью до 800 км, для этой цели у него имелось несколько камчатских и гижигинских казаков и две парусные лодки⁵⁴). Начальникам северных уездов принадлежала высшая административная, полицейская и судебная власть на месте. Часто это были малообразованные люди, злоупотреблявшие своим служебным положением и вступавшие в различные сделки с иностранными предпринимателями и торговцами.

Во второй половине XIX века царское правительство обратило Сахалин в место ссылки и каторги. Царская администрация стремилась использовать ссыльнокаторжан для колонизации Сахалина. В 1902 г. население Сахалина составляло 40547 человек⁵⁵), из них: 16317 свободных, 5663 ссыльнокаторжан, 9855 ссыльнопоселенцев и 8712 крестьян из ссыльных⁵⁶). Высылка уголовных и политических каторжан на Сахалин прекратилась в 1904 г. в связи с началом русско-японской войны. Летом 1905 г. значительные силы японских войск оккупировали остров Сахалин. Японские оккупанты истре-

⁵²) ДВПР, Тихоокеанский стол, д. 1460, л. 28.

⁵³) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 2, д. 285, л. 10. Отчет горного инженера С. Овденко: О горных богатствах Чукотского и Анадырского уездов, 1911 г.

⁵⁴) Там же, л. 11.

⁵⁵) Американский автор В. Амидон приводит ошибочную цифру о населении Сахалина, утверждая, что к 1900 г. там проживало 30 тыс. человек. См.: W. A m i d o n. The Issue of Sakalin in Russo—Japanese Relations. «Five Studies in Japanese Politics», University of Michigan Press, 1957, p. 61.

⁵⁶) ЦГАДВ, ф. 1133, оп. 1, д. 2240, л. 31.

били значительную часть уголовных каторжан на Сахалине, а многих вывезли с острова и высадили в заливе Де-Кастри⁵⁷). В новых условиях, сложившихся на Дальнем Востоке после окончания русско-японской войны, царское правительство не решилось восстановить каторгу на Северном Сахалине. В 1906 г. был принят закон о ликвидации сахалинской каторги. После подписания Портсмутского мира Япония вывела свои войска с территории Северного Сахалина. Население той части Сахалина (к северу от пятидесятой параллели), которая осталась за Россией, составляло в 1906 г. 5500 человек⁵⁸).

По условиям Портсмутского мира Россия и Япония взаимно обязались «не возводить в своих владениях на острове Сахалине и на прилегающих к нему островах никаких укреплений, ни подобных военных сооружений». Кроме того, оба государства взяли обязательство «не принимать никаких военных мер, которые могли бы препятствовать свободному плаванию в проливах Лаперузовом и Татарском»⁵⁹). Японские правящие круги, захватив Южный Сахалин, стремились быстрее организовать эксплуатацию его природных богатств. Концерн Мицуи открыл предприятия по заготовке леса, велась добыча угля. Рыбопромышленники занимались ловом рыбы в водах Южного Сахалина. В 1910 г. японский парламент утвердил ассигнования на постройку Южно-сахалинской железной дороги⁶⁰). К этому времени население Южного Сахалина превышало 30 тыс. человек. Японское правительство держало на острове четыре роты солдат. Правительственные расходы на освоение вновь захваченной колонии были весьма значительными. Японский капитал жестоко эксплуатировал туземное население Южного Сахалина, которое насчитывало около 2 тыс. человек (в основном айны)⁶¹).

Обычно преувеличенные известия о деятельности японского капитала по освоению Южного Сахалина появлялись в русских газетах, что вызывало беспокойство среди правящих кругов царской России. В прессе и на различных совещаниях выдвигались проекты по экономическому освоению и заселе-

⁵⁷) П. Унтербергер. Приамурский край (1906—1910). СПб, 1912, стр. 209.

⁵⁸) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 485, л. 2. Всеподданнейшая записка о современном состоянии Северного Сахалина, составленная военным губернатором о. Сахалина генерал-майором Валуевым, 13 января 1907 г./31 декабря 1906 г.

⁵⁹) «Сборник договоров России с другими государствами (1856—1917)». М., 1952, стр. 340.

⁶⁰) «Дальний Восток», 4 июля 1910 г.

⁶¹) «Китай и Япония», 1910, № 5, стр. 54.

В 1913 г. с Южного Сахалина в пределы России переселилось 116 человек русских, которые оставались там после захвата Южного Сахалина Японией. См. ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 5, д. 561, л. 1.

лию Северного Сахалина. В сентябре 1906 г. под председательством военного губернатора Сахалина Валуева состоялось совещание горнопромышленников, на котором рассматривался вопрос об эксплуатации угольных шахт, которые ранее принадлежали казне и обслуживались крайне дешевым трудом ссыльнокаторжан. Участники совещания предложили разрешить на острове частный горный промысел, допустить 50% иностранного капитала в образующиеся акционерные компании и приглашать иностранных специалистов, а также установить беспощадную добычу угля и нефти и бесплатное пользование лесом⁶²).

Местные власти, ссылаясь на отсутствие капиталов у русских предпринимателей, несколько раз ходатайствовали о всестороннем исследовании горных богатств Северного Сахалина за счет казны. Указывалось, что уголь и нефть могут найти широкий рынок сбыта в Сибири и Японии. Обычно подобное ходатайство ограничивалось присылкой горного инженера, который мог произвести лишь беглый осмотр отдельных участков залегания каменного угля или выходов нефти на поверхность. В 1907 г. горный инженер Р. К. Тульчинский после посещения Сахалина писал: «Представляется почти несомненным, что мы имеем в северо-восточной части русского Сахалина» довольно значительные запасы нефти⁶³). Однако до 1918 г. эти запасы не были должным образом разведаны, и их промышленная эксплуатация не начиналась.

Население Северного Сахалина после эвакуации японских войск увеличивалось медленно. Переселенцы ехали туда неохотно. Представители царского правительства считали, что наиболее легкий путь к укреплению позиций России на Сахалине есть размещение там воинской части. Но Государственная дума отказала в средствах для этой цели. Думская комиссия по государственной обороне сделала вывод, что сухопутная оборона острова возможна только при содействии флота, а так как выделить корабли военного флота для этой цели было невозможно, то комиссия выразила сомнение в «целесообразности расположения воинских частей» на Сахалине⁶⁴). Заботы царского правительства о развитии Сахалина свелись к переустройству его управления. В 1914 г. была образована Сахалинская область, в состав которой вошли Северный Сахалин и Удский уезд с городом Николаевском-на-Амуре, последний стал местопребыванием сахалинского губернатора. Характерно, что приамурский генерал-губернатор Гондатти мотивировал свое предложение о переводе губернатора из поста Александровского на Сахалине в Нико-

⁶²) «Уссурийская жизнь», 21 сентября 1906 г.

⁶³) «Новое время», 25 апреля/8 мая 1907 г.

⁶⁴) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 485, л. 68. Отчет военного губернатора за 1908 г.

лаевск-на-Амуре возросшими интересами японского капитала в низовьях Амура⁶⁵).

Деятельность царского правительства и его администрации, направленная на укрепление военно-политического положения царизма на Дальнем Востоке, принесла очень незначительные плоды. Канцелярско-бюрократический характер управления затягивал на многие годы осуществление самых незначительных изменений в сложившемся положении. Антинародное по своей сущности царское правительство сохраняло отжившую, архаическую систему управления областями Дальнего Востока, во главе которых, с очень обширными полномочиями, стояли кадровые военные, не знавшие и не интересовавшиеся гражданской деятельностью⁶⁶). Обычно они сменялись каждые 2—3 года. Для решения самых незначительных вопросов требовалось согласие Петербурга. Николай II на отчете сахалинского губернатора за 1908 г. сделал замечание: «В децентрализации спасение окраин». Однако в практической деятельности центральное правительство сохраняло в своих руках полный контроль за деятельностью местной администрации.

Буржуазно-помещичье правительство царской России в своей политике на Дальнем Востоке исходило не из интересов народа, а из интересов господствующих классов и принципов великодержавия. Поставленная царским правительством задача — укрепить военно-политическое положение России на Дальнем Востоке путем экономического освоения и заселения русских дальневосточных владений оказалась нерешенной.

2. Экспансия иностранного капитала и отмена порто-франко на русском Дальнем Востоке

С начала XX века отмечается усиленное проникновение иностранного капитала в важнейшие отрасли экономики русского Дальнего Востока. Это объяснялось перерастанием капитализма в свою высшую и последнюю стадию империализма, а также экономической отсталостью царской России. В. И. Ленин указывал, что в период империализма возникает громадный «избыток капитала» в наиболее развитых странах. «Пока капитализм остается капитализмом, избыток капитала обращается не на повышение уровня жизни масс в данной

⁶⁵) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 712, л. 59. Отчет приамурского генерал-губернатора за 1911 г.

⁶⁶) Первым приамурским генерал-губернатором, не имевшим военного звания, был Гондатти, назначенный на эту должность в январе 1911 г. Тогда же должность командующего войсками Приамурского военного округа, которую до 1911 г. занимал генерал-губернатор, была передана специально назначенному генералу. Однако на постах губернаторов Амурской, Приморской и Сахалинской областей остались люди, находившиеся на военной службе.

стране, ибо это было бы понижением прибыли капиталистов, а на повышение прибыли путем вывоза капитала за границу, в отсталые страны»⁶⁷).

Одной из особенностей экспансии иностранного капитала в русских дальневосточных владениях было то, что империалисты США, Японии, Англии и других стран стремились использовать территорию русского Дальнего Востока для проникновения в Маньчжурию, Корею и Сибирь.

Громадные естественные богатства русских дальневосточных земель, обширное, легко доступное морское побережье с удобными гаванями, быстро растущий рынок — всё это увеличивало активность иностранных монополий. Территории русского Дальнего Востока были экономически почти полностью неосвоенными, а обширные пространства Охотско-Камчатского края и Чукотки слабо контролировались представителями царской администрации. Последнее создавало условия для хищнической эксплуатации природных богатств и неэквивалентной торговли с туземным населением побережья, что широко использовали иностранные предприниматели.

Для того, чтобы ограничить проникновение иностранного капитала на русское побережье Тихого океана, Камчатку и Сахалин, 17 июня 1901 г. был принят закон о закрытии стоверстной прибрежной полосы Приморской области для свободной организации частных горнопромышленных, золотопромышленных и нефтяных предприятий⁶⁸). С первых дней опубликования закона начались настойчивые попытки иностранных капиталистов добиться его отмены. С этой целью они использовали Владивостокский биржевой комитет, от имени которого стали подаваться ходатайства о необходимости открыть свободный доступ иностранному капиталу во все районы Дальнего Востока⁶⁹).

Иностранные предприниматели, используя связанных с ними представителей русской буржуазии и царской администрации, несколько раз поднимали вопрос об отмене всяких ограничений для иностранного капитала в горной промышленности. Особенно упорными их домогательства стали после русско-японской войны. Наконец, 7 мая 1908 г. Совет министров постановил: «Уполномочить министра торговли и промышленности войти в законодательном порядке с представлением об отмене закона от 17 июня 1901 г.»⁷⁰). Закон отменен не был, однако получение разрешений на занятие горным промыслом было облегчено. На этом же заседании Совет министров предложил (в целях устранения возможности «вме-

⁶⁷) В. И. Ленин. Соч., т. 22, изд. 4, стр. 229.

⁶⁸) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 3, д. 347, л. 44.

⁶⁹) Там же, оп. 1, д. 1624, л. 18.

⁷⁰) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 4, д. 18, л. 514. Особый журнал Совета министров от 20/7 апреля и 20/7 мая 1908 г.

шатательства иностранных держав, в случае недоразумений с предприятиями, которые будут образованы на иностранные капиталы»), чтобы лица, которые формально будут распоряжаться недвижимым имуществом, были русскими подданными. Таким образом, царское правительство заботилось лишь о том, чтобы экономические позиции, захваченные иностранными капиталистами, не стали поводом для дипломатического вмешательства других держав.

Засилие американского капитала в торговле Анадырско-Чукотского края сохранялось в течение многих лет. Меры по вытеснению американских торговцев носили неэффективный характер. В 1909 г. был открыт торговый склад известной на Дальнем Востоке фирмы «Чурин и К^о» на мысе Дежнева, а на следующий год казенный магазин в бухте Провидения, которым заведовал начальник Чукотского уезда. За три года в казенный магазин поступило товаров на 27 883 рубля⁷¹⁾, в то время как стоимость пушнины, добывавшейся в течение охотничьего сезона в Чукотском и Анадырском уездах оценивалась в 500 тыс. рублей, кроме того, на значительную сумму добывалось моржовых клыков и китового уса, скупавшихся американскими торговцами⁷²⁾.

Американские фирмы имели постоянные торговые склады на посту Ново-Мариинском, на мысе Дежнева, на посту Св. Владимира. Кроме того, крупные американские торговые компании ежегодно посылали небольшие шхуны с товарами, которые приставали у населенных пунктов побережья и вели меновую торговлю с туземным населением, либо снабжали товарами в кредит мелких местных торговцев, развозивших товары в глубь полуострова. Американские товары через Чукотку проникали до Якутска. В 1911 г., после того, как был издан закон о таможенном осмотре иностранных судов, развозивших товары в порты русского побережья, представитель американских властей в Номе писал губернатору Камчатской области: «В течение многих лет мы имели флотилию приблизительно из десяти малых судов с газолиновыми двигателями, совершавшими рейсы между Номом и сибирским берегом... Эти суда снабжали жителей вашего побережья всеми необходимыми товарами, получая взамен их меха, китовый ус и моржовые клыки. Все перечисленные товары были свободны от уплаты пошлин⁷³⁾». Американские власти просили назначить для таможенного осмотра более близкий к Аляске населенный пункт, чем Петропавловск-на-Камчатке. Закон о таможенном осмотре остался на бумаге, так как американские предприниматели открыто его нарушали. В 1912 г. бы-

⁷¹⁾ ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 869, л. 54.

⁷²⁾ Там же, д. 668, л. 26. Отчет губернатора Камчатской области за 1911 г.

⁷³⁾ ЦГАДВ, ф. 702, оп. 2, д. 243, л. 351.

до насчитано 10 американских шхун, плававших у Анадырско-Чукотского побережья⁷⁴). В апреле 1913 г. на междуведомственном совещании обсуждался вопрос о мерах по вытеснению американской торговли с крайнего северо-востока Сибири⁷⁵).

Японский капитал в своей экспансии на русском Дальнем Востоке использовал права и привилегии, полученные Японией по рыболовной конвенции и торговому договору. Японский империализм в это время еще не обладал значительным избыточным капиталом. Однако близость японских промышленных центров к русскому побережью давала возможность вкладывать значительные средства в добычу и обработку рыбы. При этом надо учитывать, что капитал, вложенный в рыбопромышленность, имел короткий период обращения и приносил высокую прибыль.

В японской рыбопромышленности усиливалась концентрация капитала. В 1907 г. в Японии был создан союз рыбопромышленников российской Приморской области, находившийся под покровительством правительства. В 1911 г. в Японии образовалась крупная рыбопромышленная акционерная компания для эксплуатации рыбных промыслов на русском Дальнем Востоке, участие в ее создании приняла крупнейшая монополия Мицуи и Окура⁷⁶). В 1914 г. группа японских капиталистов во главе с концерном Кухара организовала рыбопромышленную компанию «Ничиро-гио-гио» с капиталом в 2 млн. иен. Центральное правление компании находилось в Хакодате. «Ничиро-гио-гио» арендовала 28 рыболовных участков на Камчатке и 2 участка вблизи Николаевска-на-Амуре, кредитовала мелких японских рыбаков и стремилась установить монополию на скупку рыбы у русских рыбопромышленников⁷⁷). Крупные японские рыбопромышленные компании оказывали значительное влияние на политику японского правительства, добиваясь наиболее выгодных условий для рыболовства и переработки рыбы на русском Дальнем Востоке. Японское правительство субсидировало рыболовные компании, занимавшиеся рыболовством в русских водах. Стоимость рыбы и рыбной продукции, вывозимой в Японию, увеличивалась из года в год.

Количество добытой и скупленной японскими рыбопромышленниками рыбы в русских водах с целью вывоза в Японию показывает таблица (см. стр. 276)⁷⁸).

⁷⁴) Там же, л. 349. Губернатор Камчатской области Перфильев приамурскому генерал-губернатору, 25/12 июля 1912 г.

⁷⁵) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 9, д. 10, л. 137. Журнал междуведомственного совещания по делам Дальнего Востока, 22/9 апреля 1913 г.

⁷⁶) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 651, л. 166.

⁷⁷) Там же, оп. 6, д. 179, лл. 5—9. Донесение российского вице-консула Е. Лебедева из Хакодате, 25/12 марта 1914 г.

⁷⁸) П. Унтербергер. Указ соч. Приложения, стр. 34.

Таким образом, количество вывезенной японскими рыбопромышленниками рыбы с русского Дальнего Востока увеличилось с 1907 по 1911 г. более чем в 3 раза. Значительная часть этой рыбы вывозилась для продажи в Китай и Корею.

Годы	Выловлено японскими рыбопромышленниками в конвенционных водах в пудах	Скуплено ими у русских рыбопромышл. на Амуре в пудах	Всего вывезено японскими рыб. промышленниками рыбы в пудах	Стоимость вывезенной рыбы в иенах
1907	822436	1221024	2043460	2842796
1908	1003593	1453754	2456646	3735380
1900	1860618	1771818	3637436	4836884
1910	2420822	1874322	294345	5380144
1911	4631834	17.7403	6349237	7228154

Цена на рыбу, добытую в русских водах, в Японии систематически снижалась. Если в 1907 г. пуд кеты стоил 2 р. 80 к., то в 1911 г. — 1 руб. 40 коп., пуд горбуши соответственно — 2 руб. 10 коп. и 1 руб. Несмотря на это, доходы японских рыбопромышленников были очень высокими. Это объяснялось низкой себестоимостью добытой рыбы и крайне низкими ценами, которые платили японские скупщики за рыбу, скупленную у русских рыбопромышленников; так, например, в 1911—1912 гг. они платили за пуд свежей кеты или горбуши от 7 до 28 копеек⁷⁹⁾. А кета русского засола на местах промысла расценивалась от 1 руб. до 2 руб. за пуд. За штуку кеты японские скупщики платили 7—8 копеек, а в Японии продавали по 50—60 копеек за штуку⁸⁰⁾.

Добыча рыбы русскими рыбопромышленниками также значительно увеличилась. В 1910 г. всего ими было добыто 6 891 002 пуд. рыбы. Из них отправлено в европейскую часть России 1 671 562 пуд.⁸¹⁾ Часть улова реализована на местном рынке, икра⁸²⁾ и консервированная рыба шли в Англию, но большая часть соленой рыбы вывозилась в Японию. При этом на вывозе рыбы, добытой русскими рыбопромышленниками, японские компании получили большие барыши. Дело в том, что этот вывоз находился в руках японских судовладельцев. В 1914 г. русские рыбопромышленники на Дальнем Востоке

⁷⁹⁾ ЦГАДВ, ф. 252, оп. 1, д. 51, л. 3.

⁸⁰⁾ Там же, л. 7. См. также «Дальний Восток», 8 февраля 1913 г. Рыба русского засола ценилась дороже, чем рыба сухого японского засола.

⁸¹⁾ П. Унтербергер. Указ соч. Приложения, стр. 35.

⁸²⁾ В 1912 г. на Дальнем Востоке было приготовлено русским способом 178 тыс. пудов красной икры. См. ЦГАДВ, ф. 252, оп. 1, д. 51, л. 7.

имели лишь 3 парохода и 4 парусно-моторных шхуны⁸³), т. е. рыболовный флот был в основном парусным. Японские предприниматели успешно конкурировали с русскими не только на японских рынках сбыта, но и на русских.

Дальний Восток стал одним из крупнейших рыбопромышленных центров, но экономическая отсталость царской России не давала возможности использовать эти громадные богатства в интересах народов России, которая ежегодно на миллионы рублей ввозила рыбы из-за границы. Например, в 1908 г. в Россию из-за границы было ввезено рыбы на 14 млн. рублей⁸⁴).

Следует отметить, что приведенные цифры вывоза рыбы в Японию занижены, так как значительная часть рыбы добывалась японскими рыбопромышленниками в реках, закрытых бухтах и заливах хищнически и поэтому не могла быть учтена русскими властями. Губернатор Камчатской области в отчете за 1911 г. писал, что ежегодно в Охотско-Камчатские воды приходит до 250 японских шхун и до 10 пароходов. На берега Камчатки высаживается до 10 тысяч японских рабочих⁸⁵). Охрана рыбных промыслов была организована очень слабо и осуществлялась только одним крейсером, поэтому японские рыбопромышленники действовали почти бесконтрольно.

Рыбопромышленность русского Дальнего Востока попадала во все большую зависимость от японского капитала. Если в 1910 г. в конвенционных водах русскими рыбопромышленниками было арендовано 22 рыболовных участка, а японскими — 127⁸⁶), то в 1913 г. русскими было арендовано 19 участков, а японцами 185 участков⁸⁷). Рыбоконсервные заводы Камчатки, находившиеся в основном в руках японского капитала, давали к 1917 г. до 500 тысяч пудов продукции в год⁸⁸). Необходимо отметить, что японские предприниматели часто использовали как подставных лиц русских подданных и через них получали разрешение на производство рыбного промысла в местах, закрытых для иностранцев. Японские предприниматели широко использовали запрещенные орудия лова, перегораживали устья рек, преграждая рыбе доступ в верховья для метания икры, а это приводило к быстрому истощению рыбных богатств и обрекало туземное население на голод. В 1909 г. было зарегистрировано 183 слу-

⁸³) ЦГАДВ, ф. 252, оп. 1, д. 51, л. 2.

⁸⁴) См. «Правительственный вестник» от 22/7 марта 1909 г.

⁸⁵) В 1911 г. в камчатских водах японцами было добыто 30 млн. штук лососевых рыб, а русскими 8 млн. штук. См. ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 668, л. 15.

⁸⁶) Там же, ф. 252, оп. 1, д. 51, л. 3.

⁸⁷) Там же, д. 45, л. 70.

⁸⁸) Там же, ф. 702, оп. 2, д. 225, л. 11.

чая нарушения рыболовной конвенции японцами⁸⁹⁾. Посол России в Японии писал, что «количество вылавливаемой японцами у наших берегов рыбы возрастает ежегодно в очень быстрой прогрессии и начинает принимать размеры, явно угрожающие нашим рыбным богатствам в Тихоокеанских водах»⁹⁰⁾. На настойчивые требования русских рыбопромышленников, стремившихся обуздать своих конкурентов и добиться прекращения японского хищничества, министр иностранных дел царской России ответил, что правительство не может принять решительных мер, так как это приведет к столкновению с Японией⁹¹⁾.

Особенно прочно укрепился японский капитал на Камчатке. Известный знаток Охотско-Камчатского края Н. Слюнин, посетивший Камчатку по поручению министра финансов осенью 1909 г., писал, что камчатская рыбопромышленность попала в руки японцев, которые эксплуатировали там 150 рыболовных участков, имели до 200 шхун и несколько пароходов⁹²⁾. Здесь же Слюнин сообщал, что японские рыбопромышленники ведут меновую торговлю, торгуют спиртом, продают товары в кредит, оставляют своих агентов в камчатских селениях на зиму. Дело дошло до того, что японские власти просили разрешения на открытие японских школ на Камчатке⁹³⁾.

В русской прессе часто публиковались материалы о японском засилье на русском Дальнем Востоке, хищническом промысле на Командорских и Шантарских островах, незаконной торговле и т. д. Газета «Русское слово» в 1909 г. писала, что японские капиталисты привезли на лондонский пушной аукцион 20 тысяч штук шкур котиков, хотя котиковых лежбищ в Японии не было⁹⁴⁾. «Новое время» сообщало о съемках побережья Охотско-Камчатского края с японских военных кораблей, которым разрешили посещать русские воды с целью «спасения японских рыбаков»⁹⁵⁾. Часто возникали инциденты в связи с рассмотрением дел владельцев японских рыболовных судов, задержанных за явное нарушение рыболовной конвенции. В связи с японо-русскими конфликтами по этому вопросу русский посол в Токио писал: «По

⁸⁹⁾ Там же, ф. 702, оп. 6, д. 159, л. 85.

⁹⁰⁾ АВПР. Японский стол, д. 917, л. 211. Малевский-Малевиц Сазонову, 18/5 ноября 1910 г.

⁹¹⁾ В 1908—1909 гг. японское правительство несколько раз направляло военные суда в воды крайнего северо-востока Сибири для того, чтобы поддержать домогательства своих рыбопромышленников. См. П. Унтербергер. Указ. соч., стр. 35.

⁹²⁾ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 608, лл. 120—121. Донесение Слюнина министру финансов Коковцову.

⁹³⁾ См. «Дальний Восток», 28 мая 1911 г.

⁹⁴⁾ «Русское слово», 18 октября 1909 г.

⁹⁵⁾ «Новое время», 17 октября 1909 г.

моему мнению, бороться с проникновением японского влияния на наш север едва ли можно запретными мерами, надо усилить береговой надзор и поднять культуру этой отдаленной окраины»⁹⁶).

В связи с предложением японского правительства включить в сферу деятельности японского консула в Николаевскена-Амуре побережье Охотского моря товарищ министра иностранных дел Чарыков писал, что «до тех пор, пока наша собственная власть в этих отдаленных краях не окрепнет настолько, чтобы совершенно не опасаться посторонних влияний на местное население, допущение туда иностранных консулов признавалось совершенно нежелательным»⁹⁷).

Японские рыбопромышленники эксплуатировали не только японских рабочих, но и русских трудящихся, камчадалов, корейцев и др., нанимавшихся на японские рыбные промыслы. В Южном Приморье имелись различные предприятия, принадлежавшие японским предпринимателям, но в большинстве случаев это были небольшие магазины, фотографии и т. д.

Значительную роль в эксплуатации природных богатств и трудящихся Дальнего Востока играли банки, связанные с иностранным капиталом. В. И. Ленин указывал: «...финансовый капитал в буквальном, можно сказать, смысле слова раскидывает свои сети на все страны мира»⁹⁸). Большую роль в экономической жизни русского Дальнего Востока играл Русско-Китайский банк, а с 1910 г. Русско-Азиатский банк. Русско-Китайский банк был основан в 1895 г. при участии крупнейших французских банкиров с целью «финансирования» Китая⁹⁹). Правление банка находилось в Петербурге. В 1896—1901 гг. во Владивостоке, Благовещенске, Сретенске, Чите, Верхнеудинске были открыты отделения Русско-Китайского банка, решающие позиции в котором занимал французский капитал. В 1910 г. Русско-Китайский банк был слит с Русским северным банком. Вновь образованный банк стал называться Русско-Азиатским. Он являлся одним из крупнейших банков, действовавших в России¹⁰⁰). По данным П. А. Хромова, удельный вес иностранного капитала в Русско-Азиатском банке на 1 января 1917 гг. составлял 79%¹⁰¹).

Для того, чтобы подорвать позиции конкурентов и увеличить свои прибыли, Русско-Азиатский банк через отделения своих банков в 1912—1913 гг., во время промышленного подъема,

⁹⁶) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 32, л. 20. Донесение Малевского-Малевича из Токио от 10 марта/25 февраля 1909 г.

⁹⁷) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, д. 716, л. 90. Чарыков Столыпину, 30/17 января 1909 г.

⁹⁸) В. И. Ленин. Соч., т. 22, изд. 4, стр. 232.

⁹⁹) С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 2, М., 1960, стр. 47—48.

¹⁰⁰) А. П. Погребинский. Государственно-монополистический капитализм в России. М., 1959, стр. 39.

¹⁰¹) П. А. Хромов. Указ. соч., стр. 134.

искусственно создал торгово-финансовый кризис на русском Дальнем Востоке. Владивостокское и другие отделения банка неожиданно прекратили активные операции и потребовали возврата выданных кредитов. Это привело к тому, что 90% клиентов банка оказались несостоятельными или разорились¹⁰²). Искусственно созданный денежный голод привел к массовым банкротствам. Только во Владивостоке в собственность Русско-Азиатского банка были переданы дома и другое недвижимое имущество потерпевших банкротство предпринимателей на сумму 2,5 млн. рублей¹⁰³).

На русском Дальнем Востоке имелись отделения Сибирского торгового банка (Благовещенск и Сретенск) и Петроградского международного коммерческого банка (Владивосток), в которых участвовал немецкий капитал. В. А. Панов, редактор газеты «Дальний Восток», хорошо знавший экономику края, писал в 1913 г., что весь коммерческий кредит на русском Дальнем Востоке «дирижуется извне... подлинные хозяева банков находятся во Франции и Германии»¹⁰⁴). Сотрудничество капиталистов разных стран в банковских и иных предприятиях не снимало острой конкурентной борьбы как между российским и иностранным капиталом, так и между монополистическими группировками.

В погоне за прибылью банки не останавливались перед любыми махинациями. Они систематически выкачивали средства из края, задерживая его экономическое развитие. По действовавшим в России законам банки могли вести кредитные и учетные операции. Но отделения банков на Дальнем Востоке вели операции по скупке сырья и пушнины на экспорт, по продаже товаров и участвовали в промышленных компаниях.

Банки принимали участие в золотопромышленных предприятиях, в больших размерах кредитовали золотопромышленников и занимались скупкой золота. Кроме 8—9% годовых, которые банки брали за выданный кредит, они получали большие прибыли при продаже золота за границу, где золото ценилось значительно дороже, чем в России. Русско-Азиатский и Сибирский банки построили собственные золотоплавочные лаборатории в Благовещенске. В 1903 г. в отделения Русско-Азиатского банка на Дальнем Востоке и в Сибири поступило 262 пуд. золота¹⁰⁵).

¹⁰²) ЦГАДВ, ф. 252, оп. 1, д. 24, л. 202.

¹⁰³) Там же, л. 201.

¹⁰⁴) В. Панов. Кризис (к дальневосточному положению). Владивосток, 1913 г., стр. 22.

¹⁰⁵) А. Шиша. Роль иностранного капитала в экономической жизни Сибири. Новониколаевск, 1922, стр. 60.

Засилие иностранного капитала на русском Дальнем Востоке, особенно в торговле, вызывало недовольство российской буржуазии центральных промышленных губерний, которая добивалась отмены установленного для Приамурского края в 50-х годах XIX в. беспошлинного ввоза и вывоза товаров — порто-франко. Вопрос об отмене порто-франко был не новым и рассматривался еще накануне русско-японской войны. Ввоз русских и иностранных товаров на Дальний Восток шел через Владивосток и частично через Николаевск-на-Амуре. В 1900 г., по официальным данным департамента таможенных сборов, из Балтийского и Черного морей было ввезено в порты Приморской области русских товаров на 53 705 тыс. рублей¹⁰⁶). Однако дальнейший рост русской торговли задерживался конкуренцией со стороны привозных иностранных товаров, которые заполняли рынки русского Дальнего Востока и в больших количествах перебрасывались отсюда в Сибирь и Китай.

По требованию буржуазии промышленных областей России 10 июня 1900 г. был издан закон, вступивший в силу с 1 января 1901 г., по которому было установлено применение общего таможенного тарифа к иностранным товарам, ввозившимся в Приамурский край через порты, лежащие при устье Амура или к югу от него, а также сухим путем. Но при этом был сохранен беспошлинный ввоз для машин, строительных материалов и некоторых других промышленных и пищевых товаров¹⁰⁷). Действие закона продолжалось 3 года и 4 месяца, по истечении этого срока порто-франко было вновь восстановлено.

Надо отметить, что за такой короткий срок экономика русского Дальнего Востока не успела перестроиться в соответствии с новыми условиями. Ускорения темпов развития промышленности не последовало, торговые обороты резко сократились. Это объяснялось рядом причин: в Дальнем и Порт-Артуре порто-франко было сохранено. Правление КВЖД ввело повышенные тарифные ставки за перевозку товаров от Владивостока к Харбину и льготные ставки за провоз товаров по ЮМЖД к Харбину¹⁰⁸). Поэтому иностранные предприниматели перенесли центр своих торговых операций на Квантунский полуостров, откуда их товары в большом количестве через Маньчжурию контрабандным путем перебрасывались на русский Дальний Восток¹⁰⁹). Товары, ввезенные

¹⁰⁶) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 2, д. 450, л. 8.

¹⁰⁷) «Приамурские ведомости», 23 августа 1916 г.

¹⁰⁸) См. ЦГАДВ, ф. 252, оп. 1, д. 4, л. 16.

¹⁰⁹) Контрабандный ввоз товаров облегчался тем, что пограничная полоса с Китаем, протяженностью около 3 тыс. км, почти не охранялась, а согласно правилам сухопутной торговли с Китаем, подписанным в 1881 г., была установлена беспошлинная торговля на границе обоих государств на расстоянии 100 китайских ли (около 50 верст) в ту и другую сторону.

контрабандным путем, были намного дешевле и подрывали легальную торговлю. Если в 1900 г. во Владивосток было ввезено морским путем 378 тыс. тонн грузов, то в 1902 г. лишь 226 тыс. тонн¹¹⁰⁾.

Таможенный досмотр во Владивостоке и Николаевске-на-Амуре был организован крайне плохо, волокита с осмотром товаров на предмет установления их русского или иностранного происхождения иногда затягивалась на недели, это приводило к длительному простоя судов. Поэтому даже товары для Сахалина и Камчатки, которые раньше шли через Владивосток, теперь направлялись через Японию¹¹¹⁾. Стоимость русских товаров, ввозившихся в Приамурский край морским путем, сократилась с 53 705 тыс. рублей в 1900 г. до 33 360 руб. в 1902 г. За эти же годы ввоз русских товаров в порты Квантунского полуострова увеличился весьма незначительно: с 3 350 тыс. руб. до 5 155 тыс. рублей¹¹²⁾. На рынках Маньчжурии хозяйничал английский, американский и японский капитал, использовавший построенные царским правительством железные дороги.

Значительная часть средних и мелких русских и иностранных торговых фирм на русском Дальнем Востоке либо сократили, либо ликвидировали свои дела. Из 40 средних фирм Владивостока совершенно ликвидировали свои дела в 1901—1902 гг. 15 фирм. Оптовая торговля крупных фирм сократилась на 60—70%¹¹³⁾. Правда, в столь резком снижении торговых сборов значительную роль сыграл экономический кризис 1900—1903 гг.

Буржуазия русского Дальнего Востока, привыкшая к получению высоких доходов за счет продажи иностранных товаров и правительственных субсидий, искала выхода из создавшегося положения в поддержке правительства. Владивостокский биржевый комитет в 1903 г. в памятной записке наместнику царя на Дальнем Востоке просил либо восстановить порто-франко, либо создать для промышленности Приамурского края такие «условия, при которых она бы победила товары Европейской России и иностранные»¹¹⁴⁾.

Во время русско-японской войны ухудшилось политическое и экономическое положение царской России на Дальнем Востоке. В связи с войной морские пути для подвоза товаров оказались отрезанными. Отмена порто-франко вызвала недовольство в США. Поэтому царское правительство 1 мая 1904 г. издало указ, по которому иностранные товары допускались в Приамурское генерал-губернаторство «как через.

¹¹⁰⁾ ЦГАДВ, ф. 252, оп. 1, д. 3, л. 288.

¹¹¹⁾ ЦГАДВ, ф. 252, оп. 1, д. 3, л. 9.

¹¹²⁾ Там же, ф. 702, оп. 2, д. 450, л. 8.

¹¹³⁾ Там же, ф. 252, оп. 1, д. 3, л. 289.

¹¹⁴⁾ ЦГАДВ, ф. 252, оп. 1, д. 4, л. 16.

порты, лежащие при устье Амура и к югу от него, так и по сухопутной границе с Маньчжурией, беспошлинно»¹¹⁵⁾, но не освобождались от акцизных сборов товары, которые были обложены сборами в империи. Для поощрения русского ввоза этим указом устанавливался возврат пошлины за возимые в Приамурское генерал-губернаторство хлопчато-бумажные изделия русского происхождения.

В сентябре 1905 г., сразу же после окончания русско-японской войны, московским купечеством был возбужден вопрос о закрытии порто-франко на Дальнем Востоке и об установлении таможенной охраны Сибири как со стороны моря, так и со стороны суши. В 1906 г. при министерстве торговли было создано совещание для обсуждения вопроса о закрытии порто-франко. Министр торговли высказался за введение таможенных пошлин на Дальнем Востоке, заявив в декабре 1906 г.: «Я разделяю взгляд Московского биржевого общества... не для того Россия затрачивала миллиарды на строительство железных дорог, чтобы отдать край в эксплуатацию иностранцам»¹¹⁶⁾.

При наличии беспошлинного ввоза заграничных товаров российская буржуазия оказалась не в состоянии сохранить за собой рынки Приамурского края. Причиной этого была организационно-техническая отсталость русских промышленных предприятий и высокая стоимость перевозки товаров на Дальний Восток. По данным таможенной статистики, в 1906 г. было ввезено русских товаров на Дальний Восток на 44,1 млн. рублей, а в 1907 г. только на 18,3 млн. рублей¹¹⁷⁾. В 1907 г. через Владивостокский и Николаевский-на-Амуре порты было ввезено товаров на 62,2 млн. рублей, из них русских товаров на 13,8 млн. рублей, причем часть русских товаров на сумму 5,5 млн. рублей из Владивостока была отправлена в Северо-Восточный Китай. Таким образом, в 1907 г. через два основных русских дальневосточных порта было ввезено иностранных товаров на русский Дальний Восток на 48,4 млн. рублей. Что касается морского вывоза в русские порты Черного и Балтийского морей из русских дальневосточных портов, то он был совершенно незначительным и оценивался в 1908 г. в 489 тыс. рублей¹¹⁸⁾.

Дальневосточное купечество, тесно связанное с иностранным капиталом, выступило с энергичным протестом против закрытия порто-франко. Биржевые комитеты дальневосточных городов подавали телеграммы на имя царя, добились разрешения на созыв съезда в Хабаровске, где также высказались за сохранение таможенной свободы. Выступая как аген-

¹¹⁵⁾ См. «Правительственный вестник» от 8/21 мая 1904 г.

¹¹⁶⁾ ЦГАДВ, ф. 702, оп. 2, д. 450, л. 10.

¹¹⁷⁾ «Харбинский вестник», 3 сентября 1909 г.

¹¹⁸⁾ Там же.

ты иностранного капитала, представители дальневосточной буржуазии в письмах в правительственные учреждения указывали, что против введения таможенных пошлин выступают представители великих держав и подчеркивали, что «пошатнувшееся положение России на Дальнем Востоке заставляет с особым вниманием отнестись к порто-франко»¹¹⁹).

В свою очередь Московский биржевый комитет и другие организации русской буржуазии промышленных губерний энергично добивались закрытия порто-франко¹²⁰). Царское правительство тянуло с решением этого вопроса в течение трех лет, так как закрытие порто-франко на Дальнем Востоке могло ухудшить взаимоотношения России с великими державами. Законопроект о порто-франко был вынесен на рассмотрение Государственной думы в ноябре 1908 г. в период Боснийского кризиса, когда царизм нуждался в поддержке буржуазных партий в связи с внешнеполитической ситуацией. В обосновании законопроекта указывалось, что эта мера проводится в интересах русского народа (читай российского капитала—С. Г.) и направлена против иностранных предпринимателей и торговцев¹²¹). Характерно, что при обсуждении законопроекта о закрытии порто-франко представители дальневосточных областей высказались решительно против. Депутат от Забайкальской области заявил, что эта мера проводится в интересах «кучки предпринимателей мануфактуристов». Депутат от Приморской области пытался обосновать необходимость сохранения порто-франко соображениями внешнеполитическими. Он заявил: «Для того, чтобы удержать за Россией Приморье, надо сделать, чтобы им интересовались все державы, а не одна Япония»¹²²). Суть его высказываний сводилась к тому, что наличие значительных экономических интересов предпринимателей великих держав на русском Дальнем Востоке является гарантией против возможных попыток Японии отторгнуть от России Приморье.

Законопроект об отмене порто-франко был принят Думой 1 декабря 1908 г.¹²³). 16 января 1909 г. закон о введении таможенного обложения в Приамурском крае был утвержден и с 1/14 марта этого же года вступил в силу¹²⁴). Однако порто-франко сохранилось в Камчатской области, на Северном Сахалине и в портах побережья к северу от устья Амура. В этих районах в то время было невозможно установить таможенную охрану. Кроме того, продолжали действовать рус-

¹¹⁹) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 2, д. 450, л. 1.

¹²⁰) См. И. В. Бестужев. Указ. соч., стр. 176.

¹²¹) «Стенографические отчеты Думы». 3-й созыв, сессия 2, ч. 1, стб. 1458.

¹²²) Там же, стб. 1761.

¹²³) «Стенографические отчеты Думы». 3-й созыв, сессия 2, ч. 1, стб. 1991.

¹²⁴) «Правительственный вестник», 22 февраля 1909 г.

ско-американский договор 1824 г. и русско-английский договор 1825 г., по которым гражданам этих двух стран разрешалась беспошлинная торговля с туземным населением крайнего северо-востока Сибири.

Для того, чтобы ограничить проникновение иностранного капитала на крайний северо-восток, приамурский генерал-губернатор предложил закрыть порты Охотско-Камчатского побережья и Чукотского полуострова для иностранных судов, за исключением Петропавловска-на-Камчатке и Александровска на Сахалине, и, кроме того, запретить иностранным подданным оставаться на жительство в северных уездах¹²⁵). Министерство иностранных дел с рядом оговорок согласилось с предложением приамурского генерал-губернатора. Так как ввоз таможенное обложение в портах крайнего северо-востока Сибири было нельзя, то решили объявить его порты (за исключением Петропавловска и Александровска) закрытыми для иностранных судов. Правда, было решено для избежания «крупных столкновений по этому вопросу с иностранными державами» проявлять мягкость с нарушителями постановления. Иностранные корабли, посетившие закрытый порт, не задерживать, а ограничиваться составлением протокола и дипломатическими представлениями¹²⁶).

В апреле 1910 г. Государственная дума утвердила законопроект об учреждении таможенных застав в Петропавловске, что одновременно означало одобрение правительственного решения о закрытии побережья крайнего северо-востока Сибири для свободного посещения иностранными кораблями, но порто-франко на побережье к северу от устья Амура и на Камчатке сохранялось. Японские суда могли свободно плавать в конвенционных водах, а американская торговля в водах Чукотки, как уже отмечалось, продолжала процветать.

Для того, чтобы провести в жизнь законы о порто-франко и закрытии северных портов для иностранных судов, надо было иметь русский каботажный флот для плавания между портами Тихоокеанского побережья. Однако морские перевозки Приморской и Камчатской областей находились в основном в руках иностранцев. В 1906 г. Министерство торговли и промышленности возбудило вопрос об отмене льгот по иностранному каботажу в Приамурском крае¹²⁷). В ответ на это военный губернатор Приморской области сообщил, что образованное в 1906 г. «Товарищество пароходных предприя-

¹²⁵) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 32, л. 10. Журнал Особого совещания, образованного при министерстве внутренних дел от 15/2 и 18/6 апреля 1909 г.

¹²⁶) АВПР. Тихоокеанский стол, д. 1459, лл. 50—53. Копия отношения министерства иностранных дел министру финансов, 25/12 марта 1910 г.; Особый журнал Совета министров от 24/11 мая 1910 г.

¹²⁷) Согласно принятому в 1903 г. Торговому уставу России, каботаж признавался исключительной привилегией русского флага.

тий на Дальнем Востоке» не развернуло своей деятельности, хотя ему и предоставлены казенные транспорты и что обойтись без иностранного каботажна нельзя¹²⁸).

Иностранные предприниматели — владельцы пароходов — находились в лучших условиях, чем русские паромовладельцы. Они не были связаны ограничениями в деле набора команды и другими формальностями. Поэтому ряд иностранных или полуиностраных компаний, действовавших на русском Дальнем Востоке, например, «Кунст и Альберс», «Кларксон и К^о», «Бриннер, Кузнецов и К^о», «Восточно-Азиатская компания», имели свои пароходы и парусные суда, но они в большинстве случаев плавали под иностранным флагом¹²⁹).

Вопрос о запрещении иностранного каботажна в Приамурском крае в 1908—1910 гг. несколько раз обсуждался Советом министров и Государственной думой. За эти годы продолжала увеличиваться доля иностранного капитала в каботажных перевозках. К 1909 г. грузооборот между портами русского Дальнего Востока достиг 3 млн. пудов¹³⁰). В каботажных перевозках в этом году было занято 6 русских и 10 иностранных пароходов и значительное количество парусных судов, в большинстве случаев иностранных.

29 января 1911 г. был принят закон о мерах по развитию судоходства в водах Дальнего Востока¹³¹). Иностраный каботаж запрещался. Предусматривалась выдача правительственных ссуд на постройку судов¹³²). Однако русское судоходство и судостроение на Дальнем Востоке не получили сколько-нибудь значительного развития до Великой Октябрьской социалистической революции.

Закрытие порто-франко и осуществление других мер по ограничению деятельности иностранного капитала не прекратили острого соперничества между капиталистами различных стран из-за эксплуатации природных богатств и рынков русского Дальнего Востока. В этом отношении весьма показательна та борьба, которая развернулась между претендентами на разработку золотоносных площадей, открытых золотоискателями Северо-восточного сибирского общества. После постановления Совета министров, признавшего деятельность данного общества вредной для интересов России, американский капитал был вытеснен из Северо-восточного сибирского общества и заменен английским. В 1910 г. это общество было

¹²⁸) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 2, д. 718, л. 12.

¹²⁹) См. ЦГАДВ, ф. 702, оп. 2, д. 718, л. 52.

¹³⁰) ЦГАДВ, ф. 252, оп. 1, д. 18, л. 133.

¹³¹) См. «Приамурские ведомости» от 5 марта 1911 г.

¹³²) Под деревянные парусные суда, предназначенные к плаванию в водах Приамурского края, выдавалась ссуда до 2 тыс. руб. См. «Стенографические отчеты Думы». 3-й созыв, сессия 4, ч. 1, стб. 3264.

реорганизовано и переименовано в Анадырское золотопромышленное товарищество, к которому перешли все права Северо-восточного сибирского общества¹³³). В. М. Вонлярлярский, выступавший как агент американского капитала, был исключен из состава правления. В Анадырском золотопромышленном товариществе ведущая роль оказалась в руках английского капитала, который подчинил себе новое общество через Ленское золотопромышленное товарищество.

В состав правления Анадырского золотопромышленного товарищества вошли: А. Гинсбург — директор-распорядитель «Лензолото», Нидермейер — директор Петербургского Учетного и Ссудного банка, Вальцев — управляющий имениями великого князя Николая Николаевича и другие известные предприниматели и финансисты. Его акционерами остались: великий князь Николай Николаевич, князь Н. С. Долгорукий и другие представители придворных кругов. Однако большая часть акций Анадырского золотопромышленного товарищества¹³⁴) оказалась в руках группы барона А. Гинсбурга¹³⁵). В 1911 г. поисковая партия Анадырского товарищества вела разведочные работы на притоке реки Волчьей Надо и получила хорошие результаты¹³⁶). В это же время разведочные работы в Анадырско-Чукотском крае вела экспедиция горного инженера Оводенко, снаряженная правительством. В своем отчете Оводенко писал, что на побережье Чукотки от Колючинской губы до южного берега Анадырского лимана в 14 местах обнаружены месторождения золота, кроме того, указывал Оводенко, там имелись залежи платины, серебро-свинцовых руд, меди, драгоценных камней и т. д.¹³⁷).

Заправили «Лензолото», получив подтверждение о наличии богатых месторождений золота на Чукотке, решили начать там крупные работы по добыче золота и с этой целью договорились с акционерами Анадырской золотопромышленной компании, которые за соответствующее вознаграждение согласились передать свои права на добычу Чукотского золота Ленскому золотопромышленному товариществу. Министерство торговли и промышленности согласилось с данной комбинацией, и вопрос должен был решаться в Совете министров¹³⁸). 4 апреля 1912 г. была расстреляна мирная демонстрация рабочих на приисках «Лензолото». Этот злодейский акт

¹³³) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 2, д. 254, лл. 36—37. Копия договора об Анадырском золотопромышленном товариществе.

¹³⁴) Первоначально сумма акций «Товарищества» была определена в 300 тыс. рублей.

¹³⁵) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 2, д. 254, лл. 2, 37.

¹³⁶) Там же, л. 70. Губернатор Камчатской области приамурскому генерал-губернатору, 16/3 октября 1911 г.

¹³⁷) Там же, д. 285, л. 1—5. Отчет горного инженера Оводенко.

¹³⁸) Там же, д. 254, л. 22. Телеграмма министра торговли и промышленности Тимашева приамурскому генерал-губернатору, 24/11 декабря 1911 г.

вызвал огромное возмущение трудящихся и прогрессивной общественности в России. Ленский растрел на время задержал операции «Лензолото» на крайнем северо-востоке Сибири. Даже газета «Новое время» высказалась против предоставления Ленскому товариществу прав по добыче золота на Чукотке¹³⁹). В 1913 г. «Лензолото» добилось разрешения вести добычу золота на Чукотке (за исключением реки Волчьей, на которой проводились казенные разведочные работы). Поисковые партии Ленского золотопромышленного товарищества работали на Чукотке в 1913—1915 гг.

В 1914 г. А. В. Вонлярлярский (сын полковника Вонлярлярского) получил право на поиски и разведку полезных ископаемых в некоторых районах Чукотского полуострова. Летом 1914 г. экспедиция, сформированная в США на деньги американских капиталистов, на американском корабле вышла из Номы (Аляска) на Чукотку. Номинально экспедицию возглавлял А. В. Вонлярлярский, но фактически ею руководили американские дельцы и инженеры. Эта экспедиция проводила поиски золота, организовала добычу золота на реке Волчьей и скупала золото у населения¹⁴⁰).

В это же время целый ряд других предпринимателей получил право на разведку и добычу полезных ископаемых в Анадырско-Чукотском крае. Но никто из них не создал крупных предприятий, а добыча золота велась примитивно, хищническим путем.

Представители российского и иностранного капитала проявляли большой интерес к добыче золота и других полезных ископаемых. Когда в конце 1906 г. было объявлено об открытии для частного золотого промысла побережья Охотского моря от устья р. Уды до Аяна, то летом 1907 г. поступило 147 заявок на золотоносные площади этого района¹⁴¹). За период с конца 1908 г. по май 1910 г. приамурским генерал-губернатором были выданы разрешения на занятие горным, золотым и нефтяным промыслами на о. Сахалине 170 лицам, кроме того, остались еще не рассмотренными 132 прошения¹⁴²).

В числе получивших разрешение на право добычи полезных ископаемых было много лиц, связанных с правительственными кругами и близко стоявших к царскому двору. Среди них: А. А. Столыпин, князь Н. В. Оболенский, три князя Вяземских, граф Г. М. Лорис-Меликов, князь П. А. Долгоруков,

¹³⁹) «Новое время», 10 мая 1912 г. Статья «Ленское товарищество и Чукотская земля».

¹⁴⁰) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 2, д. 336, л. 5.

¹⁴¹) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 2, д. 223, л. 5. Доклад окружного инженера Уссурийского горного округа приамурскому генерал-губернатору.

¹⁴²) Там же, д. 211, л. 227.

герцог Г. Н. Лейхтенбергский и много других¹⁴³). Как правило, никто из них не собирался заняться организацией горно-промышленных предприятий, но, используя связи, они получили разрешения и захватили участки, надеясь выгодно их продать или стать участниками русских или иностранных горнопромышленных компаний, которые в это время создавались на Дальнем Востоке.

Предвоенный экономический подъем, вызвавший резкий рост акционерного учредительства в России¹⁴⁴), сказался и на русском Дальнем Востоке, где было основано много новых акционерных компаний (правда, не все они открыли соответствующие предприятия). В 1912 г. были учреждены акционерные компании: Кауракское акционерное общество для эксплуатации золотых приисков в Амурской области, Зея-Селемджинское золотопромышленное акционерное общество¹⁴⁵), Приморское золото и горно-промышленное акционерное общество¹⁴⁶), акционерное общество «Приморье» для добычи каменного угля¹⁴⁷) и ряд других. Во многих из этих акционерных обществ, особенно золотопромышленных, значительная часть акций принадлежала иностранному капиталу.

Закрытие порто-франко и другие меры преследовали цель — создать лучшие условия для конкуренции отечественного капитала с иностранными предпринимателями. Однако российская буржуазия не смогла полностью использовать предоставленные ей преимущества и добивалась новых правительственных льгот. Морское и речное сообщение находилось в руках частных судовладельцев. Однако правительство ежегодно выплачивало крупные субсидии пароходным компаниям за поддержание «срочных сообщений»: по рекам Амуру и Шилке, между Владивостоком и портами Охотско-Камчатского побережья и Чукотки, между Владивостоком и портами Китая, Кореи и Японии.

В 1907 г. Государственная дума утвердила законопроект об ежегодном ассигновании 250 тыс. рублей для доплаты Амурскому обществу пароходства за поддержание регулярного сообщения по рекам Шилке и Амуру. В 1911 г. эта сумма была уменьшена до 230,7 тыс. рублей¹⁴⁸). Добровольный флот получал ежегодную субсидию на содержание пароходного

¹⁴³) Там же, д. 308, л. 147. По существовавшим законам сделавший заявку мог занять большой участок земли и удержать его за собой в течение многих лет, не производя каких-либо серьезных работ.

¹⁴⁴) См. Л. Е. Шепелев. Акционерное учредительство в России. «Труды Ленинградского института истории», вып. 1. Из истории империализма в России. М.—Л., 1959, стр. 143.

¹⁴⁵) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 2, д. 205а, л. 364.

¹⁴⁶) Там же, л. 422.

¹⁴⁷) Там же, л. 267.

¹⁴⁸) «Стенографические отчеты Думы», 2-й созыв, сессия 2, ч. II, стб. 1445; там же, 3-й созыв, сессия 4, ч. 2, стб. 2214.

сообщения между Владивостоком и портами Охотского и Берингова морей и по линии Татарского пролива. Размер ежегодной субсидии, установленный в 1907 г. в 236 тыс. рублей, был увеличен в 1911 г. до 331 тыс. рублей¹⁴⁹). Добровольный флот получал кредиты от Государственного казначейства для покупки новых пароходов и ежегодное пособие на содержание пароходных сообщений между Владивостоком и портами Китая, Кореи и Японии. В 1910 г. на заседании Государственной думы указывалось, что субсидии Добровольному флоту за последние годы составили 10 млн. рублей¹⁵⁰).

Если правительственные субсидии за пароходное сообщение между портами крайнего северо-востока Азии можно было объяснить тем, что рейсы пароходов туда не приносили прибыли, то субсидии на остальных линиях устанавливались прежде всего с целью стимулирования деятельности российского капитала на русском Дальнем Востоке. Что касается рейсов комфортабельных пассажирских пароходов Добровольного флота в порты Японии и Китая, оплачивавшихся из Государственного казначейства и обслуживавших, прежде всего, бизнесменов из западных стран, то они поддерживались из соображений престижа великой державы. Получение правительственных субсидий являлось для российской буржуазии наиболее легким путем к повышению доходности ее предприятий. В 1914 г. Владивостокский биржевой комитет ходатайствовал о распространении «помильных премий» на все пароходы русских подданных, плававших в водах Дальнего Востока, и временного допуска иностранного каботаж¹⁵¹).

Поощрение переселенческого движения и строительство Амурской железной дороги привели к увеличению населения на русском Дальнем Востоке. В 1907 г. в Приамурском генерал-губернаторстве проживало 520 тыс. человек¹⁵²), а в 1913 г. — более 900 тыс. человек¹⁵³). Из них 200 тысяч проживало в городах. Таким образом, более 75 процентов населения проживало в сельской местности. При поддержке царского правительства в дальневосточной деревне сложилась значительная прослойка кулацких хозяйств, эксплуатировавших батраков и новоселов и производивших сельскохозяйственную продукцию на продажу. В 1911 г. крестьяне и казаки

¹⁴⁹) Там же, 2-й созыв, сессия 2, ч. II, стб. 1448; там же, 3-й созыв, сессия 4, ч. III, стб. 640.

¹⁵⁰) «Стенографические отчеты Думы», 3-й созыв, сессия 4, ч. 1, стб. 3283.

¹⁵¹) ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 5, д. 1358, лл. 30—32. Письмо Владивостокского биржевого комитета, февраль 1914 г.

¹⁵²) См. «Стенографические отчеты Думы», 3-й созыв, сессия 2, ч. 1, стб. 1459.

¹⁵³) В Приамурское генерал-губернаторство входила вся территория русского Дальнего Востока кроме Забайкальской области, которая в 1906 г. была переведена в Иркутское генерал-губернаторство.

Приамурья продали 2,2 млн. пуд. пшеницы¹⁵⁴). Дальнейшее развитие сельского хозяйства задерживалось бедностью основной массы новоселов, плохо обеспеченных орудиями производства, узостью внутреннего рынка сбыта и конкуренцией дешевых сельскохозяйственных продуктов, ввозившихся в значительных количествах из Китая, США и Австралии.

Фабрично-заводская промышленность была развита слабо. Быстро выросшие города — Благовещенск, Хабаровск, Владивосток и другие были в основном административными и торговыми центрами. Сравнительно крупными предприятиями добывающей промышленности, кроме золотых приисков, были казенные Сучанские каменноугольные копи, серебро-свинцовые рудники Тетюхе, каменноугольные копи в Приморье и на Сахалине. В 1913 г. в двух наиболее развитых областях Приамурского генерал-губернаторства — Амурской и Приморской — годовая оборот фабрично-заводских предприятий (как правило мелких) исчислялся в 41,6 млн. рублей. На этих предприятиях было занято более 12 тыс. рабочих¹⁵⁵).

Трудящиеся массы России внесли большой вклад в дело освоения обширных и незаселенных районов русского Дальнего Востока. Именно их тяжелым трудом были построены железные дороги и фабрики, заложены сотни сел и деревень, воздвигнуты города. В то же время рабочие и крестьяне, переселившиеся на Дальний Восток, подвергались жестокой эксплуатации со стороны российского и иностранного капитала. В 1913 г. большевистская «Правда» опубликовала корреспонденцию, в которой описывалось крайне тяжелое положение рабочих, строивших Амурскую железную дорогу. Длинный рабочий день и низкая зарплата, которая к тому же часто выдавалась не деньгами, а талонами в лавку, привели к тому, что рабочие «износились, изголодались» и выражали свое глубокое возмущение «надувательством» со стороны подрядчиков¹⁵⁶).

Цены на предметы широкого потребления и промышленные товары были высокими. Фабрично-заводское оборудование, сельскохозяйственные машины, металлы ввозились из США, Англии и Германии. Стоимость ежегодного ввоза стали, железа и чугуна определялась в 12 млн. рублей. 50% потреблявшегося в крае угля ввозилось из Японии¹⁵⁷). В 1911 г. через Петропавловский порт поступило 140 тыс. пудов товаров, из них 70 тыс. пудов были заграничными¹⁵⁸).

¹⁵⁴) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 712, л. 124. Отчет приамурского генерал-губернатора за 1911 г.

¹⁵⁵) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 758, л. 35; там же, оп. 5, д. 893, л. 1.

¹⁵⁶) «Правда» 3(16) марта 1913 г.

¹⁵⁷) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 2, д. 782, л. 15. Доклад Владивостокского биржевого комитета, 1911 г.

¹⁵⁸) Там же, оп. 1, д. 668, л. 26. Отчет камчатского губернатора за 1911 г.

Даже соль, которой ежегодно потреблялось на рыбалках до 200 тыс. пудов, закупалась в Германии и доставлялась на иностранных пароходах¹⁵⁹). Владивосток стал крупным коммерческим портом, через который за границу вывозились русский лес, рыба, сырье, а из Китая бобы и зерно. Ежегодный экспорт из Владивостокского порта достиг к 1913 г. 30—35 млн. пудов и почти полностью осуществлялся на иностранных пароходах¹⁶⁰).

На укрепление позиций царизма на русском Дальнем Востоке были затрачены крупные средства, полученные в виде налога с трудящихся России. В 1909—1914 гг. доходы казны с Приамурского генерал-губернаторства держались на уровне 15 млн. рублей в год, а расходы на этот край возросли с 55 до 105 млн. рублей в год¹⁶¹). Большая часть государственных средств оседала в руках отечественных и иностранных капиталистов, получавших различные субсидии и кредиты и выполнявших подряды по казенному строительству. Отмечая этот факт, газета «Тихоокеанский вестник» писала: «Мы целый ряд десятилетий владеем дальневосточным краем и до сих пор только научились приплачивать сотни миллионов рублей на его охрану, на постройку многомиллионных железнодорожных сооружений, крепостей... К сожалению, за эти долгие годы мы не научились эксплуатировать грандиозных богатств края, которые идут мимо нас»¹⁶²).

Экономическая отсталость России и антинародная политика царского правительства являлись основным препятствием для освоения громадных природных богатств русского Дальнего Востока. В силу этих причин иностранный капитал сумел укрепить свои позиции в различных областях экономики крайнего северо-востока Сибири и Приамурского края.

В. И. Бovyкин в полемической статье, посвященной рассмотрению вопроса об изучении экспансии иностранного капитала в России в советской исторической литературе, исходит из правильного положения о том, что царская Россия не была полуколонией развитых капиталистических держав. Однако, критикуя недостатки, имеющиеся в работах, посвященных данной проблеме, он иногда впадает в другую крайность и ставит под вопрос правильные выводы, уже давно обоснованные советскими историками. В частности, указывая на недостатки, имеющиеся в моих статьях¹⁶³) об

¹⁵⁹) Там же, ф. 252, оп. 1, д. 51, л. 26.

¹⁶⁰) ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 5, д. 1358, л. 34. Доклад Владивостокского биржевого комитета, 1914 г.

¹⁶¹) ЦГАДВ, ф. 252, оп. 1, д. 107, л. 17. См. также «Стенографические отчеты Думы», 3-й созыв, сессия 2, ч. 1, стр. 1458.

¹⁶²) «Тихоокеанский вестник», 12 июня 1912 г.

¹⁶³) См. В. И. Бovyкин. О некоторых вопросах изучения иностранного капитала в России. Сб. «Об особенностях империализма в России», М., 1963, стр. 299, 308—309. С. С. Григорьевич. Экспансия иностранного капи-

экспансии иностранного капитала на русском Дальнем Востоке, опубликованных десять лет тому назад, В. И. Бовыкин делает это в такой форме, что ставит под сомнение сам факт экспансии американского и японского капитала на русском Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX веков, хотя об этом вполне обоснованно писали как советские, так и иностранные авторы: А. Добров, Л. Н. Кутаков, А. Л. Нарочницкий, Б. А. Романов, С. Славин, В. Вильямс и другие.

Для правильного анализа методов экспансии иностранного капитала на русском Дальнем Востоке и выяснения влияния этой экспансии на русско-японские и русско-американские отношения надо учитывать, что специфика и многообразие форм, к которым прибегал иностранный капитал, определялись уровнем экономического и культурного развития различных районов русского Дальнего Востока, а также его окранным положением. Материалы, приведенные в первой, второй и пятой главах данной работы, свидетельствуют о том, что иностранный капитал проявлял на русском Дальнем Востоке большую активность и извлекал весьма значительные доходы из неэквивалентной торговли с малыми народами крайнего Северо-Востока Сибири, хищнического рыбного промысла, торговли, золотопромышленности и различных других предприятий.

Несмотря на большую активность представителей иностранного капитала по внедрению в горнорудную и другие отрасли промышленности, количество открытых ими более или менее крупных предприятий, кроме золотопромышленности, торговли и рыбной промышленности, было незначительным. Это объясняется тем, что период наиболее интенсивного проникновения иностранного капитала охватывал сравнительно небольшой отрезок времени — 12 лет (1906—1917 гг.), а затем этот процесс был прерван Великой Октябрьской революцией.

3. Русско-японское соглашение 1907 г. и его международное значение

Соглашения 1907 г. не привели к стабилизации положения на Дальнем Востоке. Наступательная политика США и Японии продолжала обострять международную обстановку. Экспансия японского капитала на русском Дальнем Востоке вызывала сильную реакцию со стороны буржуазно-помещичьих кругов России. Возникавшие время от времени инциденты, связанные с недозволенным промыслом японских рыбопромышленников в русских территориальных водах усиливали напряженность в русско-японских отношениях. В этом плане

тала на русском Дальнем Востоке в начале XX в. Ученые записки Томского пед. института, т. XIV, 1955, стр. 165—204.

показателен случай с японской шхуной «Мие-Мару», которая была в 1908 г. задержана за хищнический промысел у побережья Камчатки. Судно было секвестровано, а его команда отдана под суд. В Николаевске-на-Амуре между русским конвоем и японской командой произошла драка, начатая японцами. Зачинщики драки были преданы суду. В дело вмешалось японское правительство. Царские власти вынуждены были отступить и освободить арестованных.

В русских газетах как правых, так и кадетских, все чаще появлялись статьи, критиковавшие политику Японии и призывавшие к сотрудничеству между Россией, Соединенными Штатами¹⁶⁴) и Китаем, с целью отпора японской экспансии¹⁶⁵). Прогерманская партия в России усилила пропаганду о необходимости соглашения с Германией для борьбы против Японии¹⁶⁶). Перед японской дипломатией встала задача не допустить сближения России с Соединенными Штатами Америки, Германией и Китаем, которое спутало бы карты японской политики на Дальнем Востоке. Выступление США с проектом нейтрализации Маньчжурии заставило японское правительство искать соглашения с царской Россией для того, чтобы совместно противостоять американскому нажиму. В японской официозной прессе появляются статьи, в которых доказывалось, что укрепление позиций Японии в Китае и Корее не представляет угрозы русскому Дальнему Востоку.

Газета «Джапан таймс» в статье «Странные галлюцинации в России» писала, что опасения русских относительно замыслов Японии не обоснованы и что постройка Гири-Чанчуньской дороги не представляет угрозы для России¹⁶⁷). Газета «Иомиури», принадлежавшая семье японского посла в России Мотоно, писала о том, что мнения русских относительно посягательств Японии на Маньчжурию, Монголию и Забайкалье не обоснованы, так как «стремления японцев, привыкших к полутропическому климату, направлены более к югу»¹⁶⁸). «Иомиури» предлагала установить более тесные экономические и культурные связи между Японией и Россией. Японская дипломатия учитывала значительные трудности на пути русско-японского сближения, так как в правящих

¹⁶⁴) Следует отметить, что шансов на сотрудничество с Соединенными Штатами против Японии не было, так как к этому времени было подписано соглашение Рут-Такахира. Как уже отмечалось, попытки царской дипломатии присоединиться к американо-японскому соглашению (совместно с Китаем), которые предпринимались в начале 1909 г., встретили отрицательное отношение в США.

¹⁶⁵) См. И. В. Бестужев. Указ. соч., стр. 356—357.

¹⁶⁶) Там же, стр. 364—366.

¹⁶⁷) «Japan Times», September 16, 1909; АВПР. Японский стол, д. 915, л. 105, приложение к донесению русского посла в Токио.

¹⁶⁸) АВПР. Японский стол, д. 206, л. 49. Перевод из газеты «Иомиури» от 13 ноября 1909 г.

кругах России после русско-японской войны были сильны антияпонские настроения.

Когда осенью 1909 г. стало известно о предстоящей поездке министра финансов Коковцова на Дальний Восток, японское правительство пригласило Коковцова посетить Японию, однако царское министерство иностранных дел считало, что визит Коковцова в Японию может создать неправильное представление о сущности русско-японских отношений и ухудшить взаимоотношения России с Китаем и США, поэтому в Токио был дан вежливый, но уклончивый ответ¹⁶⁹). Тогда японское правительство решило направить в Харбин для переговоров с Коковцовым одного из влиятельнейших государственных деятелей Японии—председателя гэнро Ито Хиробуми.

Перед отъездом из Японии Ито Хиробуми посетил русско-го посла в Токио Малевского-Малевица, в беседе с которым провел аналогию между своей поездкой в Петербург в 1901 г., когда попытка России и Японии мирным путем урегулировать свои взаимоотношения окончилась неудачно, и теперешней поездкой в Харбин. Князь Ито говорил о «необходимости сближения между Россией и Японией» и указал, что его поездка для встречи с Коковцовым предпринята с одобрения премьер-министра Кацура и санкционирована императором Японии¹⁷⁰). Хамада считает, что основной причиной, вызвавшей поездку Ито в Харбин, было американское выступление по делам Маньчжурии¹⁷¹).

Встреча князя Ито и Коковцова произошла 26 октября 1909 г., но переговоры не состоялись, так как князь Ито в тот же день был убит на Харбинском вокзале корейским патриотом. После смерти князя Ито русско-японские переговоры были продолжены. В первых числах ноября министр транспорта барон Гото, имевший близкие связи с новым председателем гэнро — маршалом Ямагата, заявил Малевскому-Малевицу, что князь Ито во время встречи с Коковцовым должен был поставить следующие вопросы: 1) улучшение связей между КВЖД и ЮМЖД¹⁷²); 2) понижение тарифов на японский шелк, ввозившийся в Россию по железным дорогам; 3) более тесное политическое сближение между двумя стра-

¹⁶⁹) АВПР. Японский стол, д. 915, л. 159. Малевский-Малевиц Извольскому, 17/4 октября 1909 г.

¹⁷⁰) Там же, л. 152. Малевский-Малевиц Извольскому, 14/1 октября 1909 г.

¹⁷¹) См. K. Hamada. Op. cit., p. 225—226. Малевский-Малевиц сообщил Извольскому, что, может быть, «главнейшей политической задачей поездки князя Ито в Маньчжурию является некоторая диверсия в сторону США, вызванная сообщениями о том, что США готовят совместное выступление держав против заключенных в последнее время японо-китайских соглашений». См. АВПР. Японский стол, д. 915, л. 158.

¹⁷²) Сквозное движение по КВЖД и ЮМЖД было установлено с конца 1908 г., однако каждая дорога самостоятельно определяла плату за перевозку товаров.

нами¹⁷³). Несомненно, что наибольшее значение для японского правительства имел последний вопрос. Николай II отнесся к пожеланиям Японии положительно, написав на полях телеграммы, содержащей вышеназванные японские предложения: «Практично».

Министр финансов Коковцов считал, что с первым пунктом предложений Гото можно согласиться лишь при условии устранения конкуренции между русской и японской железнодорожными линиями. Относительно перевозок шелка-сырца Коковцов считал возможным установить льготные тарифы¹⁷⁴). В январе 1910 г. Гото передал Малевскому-Малевичу письмо, в котором были конкретизированы пункты относительно перевозок шелка, улучшения эксплуатации ветки Харбин—Куаньченцзы и выдвигалось предложение об учреждении русско-японского пароходного общества в восточно-азиатских водах. Гото подчеркивал, что его предложения преследуют цель найти пути к политическому сближению с Россией¹⁷⁵).

8 ноября 1909 г. Мотоно имел продолжительную беседу с Извольским, во время которой пытался убедить последнего пойти на союз с Японией. Мотоно доказывал, что военные мероприятия Японии направлены не против России, а «имеют целью сохранить Японской империи результаты, достигнутые двумя ее войнами». Мотоно заявил, что заключение русско-японского союза создает «такую колоссальную силу, перед которой должны будут преклониться» все другие державы.

Отвечая Мотоно, Извольский указал на нежелательные последствия, которые может вызвать русско-японское соглашение в Китае, вызвав недовольство и опасения китайского народа. Поэтому Извольский предлагал «найти такую форму соглашения, к которой можно было бы привлечь и Китай»¹⁷⁶). Однако предложение Извольского не было принято. Японские империалисты добивались не союза с Россией и Китаем, а соглашения с Россией, опираясь на которое Япония могла бы бороться против США и усилить свои позиции в Китае. Мотоно заявил, что «Япония не верит в возрождение Китая и обязана готовиться к тому времени, когда наступит неизбежное разложение «Поднебесной империи»¹⁷⁷).

Во «всеподданнейшей записке» Николаю II от 12 ноября

¹⁷³) АВПР. Японский стол, д. 206, л. 54. Телеграмма Малевского-Малевича из Токио от 21/8 ноября 1909 г.

¹⁷⁴) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 6, д. 504, лл. 36—37. Доверительное письмо министра финансов от 24/11 декабря 1909 г.

¹⁷⁵) Там же, оп. 5, д. 610, л. 128. Перевод письма Гото от 27/14 января 1910 г.

¹⁷⁶) Как уже отмечалось, во время этой беседы Извольский указал на возможность осложнений между Россией и Японией, если последняя попытается окончательно присоединить Корею.

¹⁷⁷) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 610, л. 2—5. Копия всеподданнейшего доклада Извольского Николаю II, 25/12 ноября 1909 г.

1909 г. Извольский, изложив содержание переговоров с Мотоно и Рокхиллом¹⁷⁸), указывал на необходимость для России окончательно избрать путь своей дальневосточной политики и пойти на сближение либо с Соединенными Штатами, либо с Японией. Извольский считал, что отказ от предложения Японии может привести к нападению Японии на Россию. «Настоящая минута,— писал Извольский,— отчасти напоминает положение перед войной (1904—1905 гг. — С. Г.), когда тот же князь Ито приезжал к нам с неофициальными предложениями со стороны Японии... ныне обращенная к нам его речь прервана выстрелом... и мне кажется, что последнее заявление барона Мотоно восполняет то, что не успел сказать в Харбине князь Ито». Извольский здесь же указывал на то, что в России имеются сторонники «тесного сближения с Китаем против Японии». «Этот путь,— писал Извольский,— может быть теоретически наиболее для нас выгоден, на практике, по моему убеждению, скорее всего приведет нас к новой войне на Дальнем Востоке, к войне, в которой мы встретимся с прежним противником и вряд ли будем иметь каких-либо активных союзников»¹⁷⁹).

Извольский считал единственно возможным выходом при создавшемся положении принятие предложения Японии о новом соглашении и убедил в этом Николая II. Последний на полях «всеподданнейшей записки» Извольского писал: «Для меня лично совершенно ясен путь, который следует теперь России избрать: это вступление с Японией в теснейшее соглашение»¹⁸⁰). Царь предложил обсудить этот вопрос в Особом совещании. Однако решение вопроса о русско-японском договоре затягивалось. Против нового соглашения с Японией продолжали активно выступать прогерманские круги и кадетская пресса в России, доказывавшие, что уступки Японии в китайском и корейском вопросах опасны с точки зрения положения России на Дальнем Востоке.

Сильное недовольство японского империализма вызвала попытка царского правительства воспрепятствовать аннексии Кореи. В таких условиях японское правительство решило подкрепить свои предложения мерами военно-политического давления, что привело к кризису в русско-японских отношениях в конце 1909 г. В сентябре 1909 г. от русских консульств в Корею и Северной Маньчжурии стали поступать сообщения о концентрации японских войск на русско-корейской границе.

¹⁷⁸) О сути предложений американского посла Рокхилла. См. главу III.

¹⁷⁹) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 610, л. 5. См. также И. В. Бестужев. Указ. соч., стр. 362—363.

¹⁸⁰) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 610, л. 1. Эти слова Николая II цитируются Б. А. Романовым в работе «Россия в Маньчжурии», стр. 567, Л. Н. Кутяковым. Портсмутский мирный договор, стр. 122 и др. авторами.

Известия об этом появились в русской и иностранной прессе. Русский военный атташе в Японии в октябре сообщал в главное управление генерального штаба, что непосредственной подготовки к началу военных действий Япония пока не ведет, но «действительно военные приготовления Японии по своим размерам и некоторым частностям указывают на то, что Япония из всех своих возможных противников имеет в виду именно русскую армию»¹⁸¹). Затем стало известно, что японское командование перебросило на русско-корейскую границу 36 крупновесных гаубиц, а японская канонерская лодка без разрешения вошла в русские территориальные воды.

Обстановка стала настолько напряженной, что русские офицеры и чиновники осенью 1909 г. начали отправлять свои семьи с Дальнего Востока в европейскую часть России, а крупные фирмы — свертывать свои операции¹⁸²). Губернатор острова Сахалина генерал Валуев в ноябре 1909 г. в телеграмме в Петербург сообщал, что Северный Сахалин совершенно не подготовлен к обороне и предлагал переименовать имевшуюся там воинскую команду в полицейскую стражу и объявить остров открытым. Телеграмма Валуева оканчивалась словами, что в случае, если война начнется до получения Ваших указаний «буду бороться до последнего сухаря, патрона, сгублю отряд, сгину сам, не для пользы, так для чести родины»¹⁸³). Эта телеграмма ярко свидетельствует о той крайне тревожной обстановке, которая сложилась на Дальнем Востоке.

Для того, чтобы разрядить атмосферу, царское правительство 2 декабря опубликовало сообщение о взаимоотношениях с Японией, в котором указывалось, что появившиеся в печати «слухи о готовящемся будто бы столкновении» между Россией и Японией лишены оснований и «что в области наших отношений к Японии наблюдается полная взаимная предупредительность и готовность разрешить все возникающие вопросы путем мирных и дружественных соглашений»¹⁸⁴). Правительственное сообщение было составлено с таким расчетом, чтобы успокоить общественное мнение в России и одновременно заверить японские правящие круги в готовности царского правительства придти к соглашению с Японией. В этот же день приамурскому генерал-губернатору было дано

¹⁸¹) АВПр. Японский стол, д. 915, л. 188. Копия рапорта военного агента в Японии, 22/9 ноября 1909 г.

¹⁸²) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 608, л. 212. Телеграмма министра иностранных дел приамурскому генерал-губернатору.

¹⁸³) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 608, л. 132. Телеграмма генерала Валуева начальнику канцелярии Совета государственной обороны, 24/11 ноября 1909 г.

¹⁸⁴) «Правительственный вестник», 2 декабря 1909 г.

телеграфное предписание не предпринимать ничего, что могло бы обострить взаимоотношения с Японией¹⁸⁵).

Французский консул в Мукдене Берто считал, что демонстративные военные меры Японии на русской границе являлись «дипломатической уловкой», предпринятой с целью «побудить Россию к заключению выгодного для Японии соглашения¹⁸⁶). В этом отношении японское правительство добилось своей цели сравнительно легко, так как слухи о военных приготовлениях Японии всячески раздувались прогерманской прессой, что создавало угрозу для внешнеполитического курса Извольского, отстаивавшего свою линию на укрепление связей с Англией и Японией. Для ликвидации создавшейся напряженности министр иностранных дел России вынужден был обратиться к английским дипломатам. В беседе с послом Великобритании в Петербурге Никольсоном Извольский заявил, что он обеспокоен поднявшейся в газетах кампанией относительно агрессивных намерений Японии против России. По мнению Извольского, эту кампанию вели лица, враждебные его линии внешней политики при поддержке германской и австрийской прессы. Русский министр заявил, что его высказывания относительно необоснованности данных слухов не производят должного впечатления, и просил Никольсона предпринять шаги «в Лондоне и возможно в Токио, чтобы рассеять эти злонамеренные сообщения»¹⁸⁷).

На соответствующий запрос английского посла в Токио, министр иностранных дел Японии заявил, что «слухи относительно японских агрессивных намерений в отношении России совершенно абсурдны» и что «не существует никаких вопросов между Россией и Японией, которые могли бы причинить хотя бы малейшую тревогу»¹⁸⁸). Естественно, что японские дипломаты не могли открыто признаться в том, что кризис в русско-японских отношениях был создан ими искусственно. Английское правительство было заинтересовано в быстрейшем урегулировании русско-японских отношений, особенно в связи со стремлением германской дипломатии вызвать столкновение России и Японии.

Переговоры о заключении общеполитического соглашения затягивались, поэтому Япония попыталась в первую очередь разрешить в выгодную для себя сторону ряд вопросов,

¹⁸⁵) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 608, л. 216. Телеграмма Извольского и телеграмма Столыпина Унтербергеру от 15/2 декабря 1909 г.

¹⁸⁶) Там же, л. 225. Копия донесения генерального консула в Мукдене российскому посланнику в Пекине, 25/12 декабря 1909 г.

¹⁸⁷) «В. Д.», в. VIII, р. 472. Никольсон Грей, 9 декабря 1909 г.

¹⁸⁸) Ibid., р. 473. Макдональд Грей, Токио, 13 декабря 1909 г. 27 января 1910 г. министр иностранных дел Японии Комура, выступая с речью в парламенте, сказал, что отношения Японии с Россией становятся все более дружественными и сердечными. СМ. «The Japan Financial and Economic Monthly», 1909. Np. 32, p. 3.

связанных с японским рыбным промыслом в русских водах, железнодорожным сообщением в Маньчжурии, торговле и т. д. В декабре 1909 г. с одобрения японского премьера Кацура через русского посла в Токио было передано предложение японских деловых кругов относительно создания русско-японской компании с капиталом в 2 млн. иен, разделенных поровну между японскими и русскими капиталистами. Компания должна была бы содействовать увеличению русско-японской торговли¹⁸⁹). Владивостокский биржевой комитет отказался поддержать эту идею, заявив, что от создания русско-японской компании выгоду извлекут японские капиталисты¹⁹⁰). В марте 1910 г. газета «Асахи» организовала поездку в Россию группы японских дельцов и журналистов. Тогда же Россию посетил глава крупнейшей японской монополии — барон Мицуи¹⁹¹).

Принципиальное решение о заключении соглашения с Японией было принято царским правительством 11 декабря (28 ноября) 1909 г. на Особом совещании под председательством Столыпина. Извольский, выступая на Особом совещании, продолжал отстаивать свою точку зрения, заявив, что заключение русско-японского соглашения «несколько охладит» русско-американские отношения, но это не представляет угрозы для России. «Америка нам войны по этому поводу не объявит и флота в Харбин не пришлет, — говорил Извольский, — тогда как Япония в этом отношении гораздо опаснее и нам весьма важно считаться с этим обстоятельством»¹⁹²). Точку зрения Извольского поддержали военный и морской министры. До весны 1910 г. переговоры относительно русско-японского соглашения шли в Токио, где их вел русский посол Малевский-Малевиц. Первоначально переговоры носили не официальный характер и велись в виде бесед между Малевским-Малевицем и бароном Гото. В январе 1910 г. начался официальный обмен мнениями между русским послом в Токио и министром иностранных дел Японии Комура. Весной 1910 г. переговоры по предложению царского правительства были перенесены в Петербург, где их вел японский посол Мотоно с Извольским¹⁹³).

Как уже отмечалось, царское правительство в принципе согласилось на подписание нового договора с Японией, но

¹⁸⁹) ЦГАДВ, ф. 1, оп. 5, д. 1767, л. 2. Копия письма министру торговли и промышленности Тимашева Унтербергеру, 30/17 декабря 1909 г.

¹⁹⁰) Там же, лл. 5—6. Письмо Владивостокского биржевого комитета.

¹⁹¹) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 6, д. 504, л. 88. Письмо Малевского-Малевица из Токио, 21/8 апреля 1910 г.

¹⁹²) АВПр. Японский стол, д. 206, лл. 100—106. Журнал Особого совещания по дальневосточным делам, 28 ноября 1909 г. См. также В. Авариин. Империализм в Маньчжурии. М.—Л., т. 1, 1934, стр. 123.

¹⁹³) АВПр. Японский стол, д. 918, л. 246. Малевский-Малевиц Нератову, 10 июля/27 июня 1911 г.

считало, что этот договор должен был бы гарантировать сложившееся на Дальнем Востоке статус кво и противопоставить объединенный русско-японский фронт американскому нажиму в Северо-Восточном Китае. Японские правящие круги стремились подписать такое соглашение, которое можно было бы использовать для дальнейшего наступления на Китай. Фактически Япония продолжала настаивать на подписании союзного договора. Комура в беседе с Малевским-Малевичем заявил, что главная задача предполагаемого русско-японского соглашения «лежит в защите обоюдных интересов в Маньчжурии и общности действий по отношению к Китаю и третьим державам»¹⁹⁴). Какой смысл японские дипломаты вкладывали в «общность действий по отношению к Китаю», разъяснил русскому послу член генро маркиз Иноуэ, который заявил, что «в более или менее близком будущем может возникнуть вопрос о разделе Китая», поэтому двум державам, по мнению Иноуэ, следовало бы объединиться для того, чтобы совместно отстаивать свои интересы и не допустить укрепления США в Китае¹⁹⁵). Японские дипломаты энергично настаивали на ускорении русско-японских переговоров¹⁹⁶).

Царское правительство не могло согласиться с подобным предложением, так как, став союзником Японии, Россия должна была бы поддерживать авантюры Японии в Китае. Русский империализм в это время концентрировал свои силы в Европе и на Ближнем Востоке и нуждался в стабилизации положения на Дальнем Востоке. В марте 1910 г. Извольский телеграфировал Малевскому-Малевичу в Токио, чтобы последний сообщил министру иностранных дел Японии, что русское правительство «смотрит» на «будущее политическое соглашение с Японией как на развитие соглашения 1907 г., в смысле ограждения наших и японских прав и интересов в Маньчжурии...»¹⁹⁷). Японское правительство в конечном итоге вынуждено было согласиться с предложением России и в русско-японское соглашение были включены вопросы, касавшиеся интересов двух империалистических держав в Северо-Восточном Китае.

Особое место в русско-японских переговорах занимала Корея. Попытка русской дипломатии заручиться обязательством Японии не нарушать существовавший статус Кореи, т. е. не прибегать к аннексии, встретила решительное сопротивление в Японии, и в конечном итоге царское правительство

¹⁹⁴) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 610, л. 124. Депеша Малевского-Малевича из Токио, 21/8 января 1910 г.

¹⁹⁵) АВПР. Японский стол, д. 206, л. 175. Депеша Малевского-Малевича из Токио, 9 февраля/27 января 1910 г.

¹⁹⁶) Там же, л. 177.

¹⁹⁷) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 610, л. 126. Секретная телеграмма министра иностранных дел послу в Токио, 5 марта/20 февраля 1910 г.

уступило в этом вопросе¹⁹⁸). Правда, пункт о Корее вообще не был включен в текст соглашения, но японские дипломаты считали, что они получили свободу рук в Корее по договорам и соглашениям, заключенным Японией с великими державами в 1905—1907 гг.

4 июля (21 июня) 1910 г. было подписано русско-японское соглашение. Наиболее существенная часть опубликованного текста заключалась в том, что обе стороны обязались «поддерживать и уважать статус кво в Маньчжурии», а в случае возникновения обстоятельств, угрожающих этому, Япония и Россия должны были бы договориться о мерах для сохранения существующего положения. Именно взаимное обязательство двух держав совместно отстаивать свое привилегированное положение в Маньчжурии составляло главную суть данного соглашения. Кроме того, договаривающиеся стороны обязались оказывать друг другу содействие в деле улучшения работы Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железных дорог, «воздерживаясь от всякого соревнования в достижении этой цели»¹⁹⁹).

В секретной части соглашения подтверждалась демаркационная линия, разделявшая японскую и русскую сферы влияния в Северо-Восточном Китае в соответствии с русско-японским соглашением 1907 г. Кроме того, Япония и Россия взаимно обязались «не нарушать специальных интересов каждой из них в вышеуказанных сферах». Они признавали право каждой стороны свободно принимать в своей сфере «все необходимые меры ограждения и защиты этих интересов», а также «воздерживаться от всякой политической активности в сфере специальных интересов другой стороны в Маньчжурии»²⁰⁰). Русско-японское соглашение было посвящено только маньчжурским вопросам, но оно подтверждало соглашение 1907 г., которое распространялось на Китай, Монголию и Корею.

Русско-японское соглашение было направлено, прежде всего, против попыток Соединенных Штатов Америки укрепиться в Маньчжурии. Отмечая этот факт, Г. Хальгартен пишет, что своими железнодорожными проектами американцы «как бы насильно сблизили двух давнишних врагов—Россию и Японию»²⁰¹). Соглашение 1910 г. сыграло большую роль в качестве сильной преграды к осуществлению американских империалистических планов в Северо-Восточном Китае. Но сразу же следует отметить империалистический характер этого договора, который В. И. Ленин характеризовал, как «обмен» Кореи на Монголию»²⁰²). Русско-японское соглаше-

¹⁹⁸) И. В. Бестужев. Указ. соч., стр. 379.

¹⁹⁹) Э. Д. Гримм. Указ. соч., стр. 176—177.

²⁰⁰) Э. Д. Гримм. Указ. соч., стр. 177.

²⁰¹) Г. Хальгартен. Империализм до 1914 г., М., 1961, стр. 469.

²⁰²) В. И. Ленин. Тетради по империализму, М., 1939, стр. 621.

ние являлось одним из этапов формирования антигерманского союза накануне первой мировой войны. Оно было чрезвычайно невыгодно германо-австрийскому блоку, так как Россия получила возможность сконцентрировать свои силы в Европе, и в то же время оно соответствовало интересам Антанты. Прежде чем подписать договор, царское правительство сообщило текст его в Париж и Лондон и получило одобрение французского и английского правительств²⁰³). Вскоре после подписания соглашения Франция и Англия предоставили Японии очередные займы, оформление которых было задержано до выяснения результатов русско-японских переговоров.

Несмотря на то, что при сложившихся обстоятельствах царская Россия не могла отказаться от сближения с Японией, следует отметить стремление царизма использовать соглашение с Японией не только для того, чтобы обезопасить свои дальневосточные границы, но также для того, чтобы сохранить свои позиции в Северной Маньчжурии и укрепиться в Монголии. Наибольшую выгоду из договора 1910 г. извлекли японские империалисты. Опираясь на союз с Англией и русско-японские соглашения, Япония усилила свою захватническую политику в Китае и смогла противостоять американской экспансии на Дальнем Востоке.

Русско-японское соглашение привлекло внимание государственных деятелей и общественности многих стран и широко обсуждалось в прессе. В России официальное «Новое время», печать октябристов и умеренно правых одобрила русско-японское соглашение. 7 июля (24 июня) в «Новом времени» была помещена большая статья, отражавшая точку зрения царского министерства иностранных дел относительно характера и значения русско-японского соглашения. В статье отмечалось, что в 1905—1907 годах Россия отступала под нажимом Японии и вынуждена была пойти ей на ряд существенных уступок. К 1910 г., по мнению автора статьи, положение изменилось, так как Япония под нажимом Соединенных Штатов вынуждена была искать «дружбы с Россией» и заключенное соглашение, по его утверждению «являлось надежным основанием прочного и длительного мира на Дальнем Востоке», оно «положит надежную преграду посторонним вторжениям в область русско-японо-китайских добрососедских отношений». Автор статьи делал вывод, что соглашением с Японией Россия развязала себе руки для проведения более активной политики на Балканах и Ближнем Востоке. Газета «Русское слово» писала, что соглашение с Японией восстанавливает «политическое равновесие на берегах Тихого океана,

²⁰³) E. Zabriskie. Op. cit., p. 169.

устраняет всякую возможность международных столкновений в Китае»²⁰⁴).

Газеты, стоявшие на черносотенных и крайне правых позициях, критиковали Извольского за то, что он совершил невыгодную сделку. Газета «Земщина» писала: «На Ближнем Востоке, благодаря соглашению с Англией 1907 г., мы идем на английском буксире, рискуя порвать вековые отношения с Германией. На Дальнем Востоке мы конечно пойдем на буксире Японии, рискуя также окончательно нарушить вековые добрые отношения с Китаем»²⁰⁵). Газета «Дальний Восток» отмечала, что русско-японское соглашение развязывает Японии «руки и можно сказать отдает ей всю Южную Маньчжурию.., но Россия никаких козырей на Дальнем Востоке не получила, а лишь гарантию от вмешательства посторонних держав в Маньчжурские дела»²⁰⁶).

Кадетская печать не подвергла соглашению резкой критике, но доказывала, что оно ухудшает взаимоотношения России с Китаем и Соединенными Штатами Америки²⁰⁷). Газета «Современное слово» писала: «Россия имеет менее всего оснований к тому, чтобы занять враждебную политику по отношению к Китаю. Сохранить бы ей то, чем она владеет и того бы достаточно»²⁰⁸).

Правящие круги Японии приветствовали русско-японское соглашение как значительный успех японской внешней политики. В японской прессе указывалось, что улучшение русско-японских отношений дает возможность Японии сосредоточить средства на строительстве военно-морского флота и сократить расходы на сухопутную армию. Особенно подчеркивался тот факт, что соглашение с Россией создает условия для возобновления англо-японского союзного договора, вопрос о пересмотре которого уже был поставлен. Газета «Осака Майници» писала, что в результате соглашений Японии с Англией и Россией относительно дальневосточной политики «создано великое политическое объединение» трех держав, которые будут оказывать «решающее влияние на судьбы Восточной Азии»²⁰⁹). В Японии старались затушевать антиамериканское острие русско-японского соглашения. Каваками, например, писал, что оно было направлено не против США, а против Германии²¹⁰).

Русско-японское соглашение относительно Маньчжурии, являвшейся составной частью цинской империи, непосред-

²⁰⁴) «Русское слово», 24 июня 1910 г.

²⁰⁵) «Земщина», 27 июня 1910.

²⁰⁶) «Дальний Восток», 3 июля 1910.

²⁰⁷) «Речь», 6 июля 1910.

²⁰⁸) «Современное слово», 25 июня 1910.

²⁰⁹) См. J. B l a n d. Op. cit., p. 344.

²¹⁰) K. K a w a k a m i. Japan in World Politics, New York, 1919, p. 295.

ственно задевало интересы Китая. В Китае опасались, как бы это соглашение не было использовано для отторжения Маньчжурии. 21 июня 1910 г. цинское правительство опубликовало ноту, в которой отмечалось, что Китай принимает к сведению обязательства двух держав уважать и поддерживать договоры и конвенции, заключенные между Китаем, Россией и Японией. Отметив свои суверенные права в Маньчжурии, правительство Китая заявляло, что оно будет поддерживать там «принцип равных возможностей» и развитие торговли и промышленности²¹¹). Данным заявлением китайское правительство хотело подчеркнуть тот факт, что оно не признает никаких «специальных интересов» двух держав в Северо-Восточном Китае, не вытекающих из договорных обязательств Китая. Газета «Пекин дейли ньюс» писала о том, что Россия и Япония, заключив конвенцию, стремятся обеспечить себе господство в Маньчжурии в ущерб «теории открытых дверей»²¹²).

Царская дипломатия и официозная печать прилагали серьезные усилия к тому, чтобы не допустить ухудшения русско-китайских отношений в связи с подписанием русско-японского соглашения. В связи с этим «Новое время» писало: «Дальний Восток принадлежит России, Китаю и Японии. Все остальные нации могут быть там лишь гостями, а не хозяевами»²¹³). Извольский, инструктируя русских представителей в Китае, предлагал им быть любезными и корректными во взаимоотношениях с японскими дипломатами, но если их домогательства в Китае будут чрезмерны, то «под благовидными предложениями отвергать»²¹⁴).

Большое удовлетворение результатами русско-японских переговоров выражали официальные круги Англии и Франции. Министр иностранных дел Великобритании Э. Грей в беседе с русским послом в Лондоне Бенкендорфом заявил, что он радуется по поводу улучшения русско-японских отношений, но подчеркнул, что Англия стоит за политику «открытых дверей» в Маньчжурии²¹⁵). 6 июля 1910 г., во время беседы с американским послом в Лондоне Ридом, Грей заявил последнему, что русско-японское соглашение является «гарантией мира на Дальнем Востоке» и соответствует политике «открытых дверей»²¹⁶).

Английская пресса рассматривала русско-японское соглашение прежде всего с точки зрения укрепления Антанты.

²¹¹) Э. Д. Гримм. Указ. соч., стр. 176.

²¹²) «Peking Daily News», July 16, 1910; АВПР. Японский стол, д. 207, л. 61, приложение к донесению русского поверенного в делах в Пекине.

²¹³) «Новое время», 28 июня 1910.

²¹⁴) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 610, л. 147. Извольский поверенному в делах в Пекине, 23/10 июля 1910 г.

²¹⁵) «В. Д.», в. VIII, р. 486. Грей Никольсону, 6 июля 1910 г.

²¹⁶) Ibidem. Грей Брайсу, 6 июля 1910 г.

В передовой статье газета «Таймс» писала, что соглашение является крупным событием мировой политики, которое было «сердечно встречено во Франции и будет принято в Англии еще более сердечно». По мнению газеты, соглашение усиливало «моральное значение Антанты», так как Япония являлась союзницей Англии, а Россия союзницей Франции²¹⁷). Газета «Стандарт» подчеркивала тот факт, что договорившись с Японией, Россия получила возможность продолжить дело «военного и политического восстановления и вновь приобретает все значение и вес великой европейской державы»²¹⁸).

Сотрудник французского министерства иностранных дел в интервью с корреспондентом «Биржевых ведомостей» говорил о большом значении русско-японского соглашения для европейской и мировой политики. Он заявил, что Россия теперь окончательно может вернуться «домой в Европу», т. е. сосредоточить свои силы для борьбы против Германии и Австро-Венгрии. На это прямо указал представитель французского министерства иностранных дел, когда говорил о возможности другого исхода Боснийского кризиса 1908 г., если бы в то время Россия имела подобный договор с Японией. Характерно, что во французском министерстве иностранных дел считали, что теперь Япония станет союзником Франции. Поэтому правительство последней не будет больше тормозить японские денежные операции на парижском рынке и поможет улучшить финансовое положение Японии. В свою очередь, Япония, «став финансовой клиенткой Франции», будет считаться с ее дипломатическими и экономическими интересами²¹⁹).

Председатель парламентской комиссии по иностранным делам Дешанель, выступая в палате депутатов, выразил глубокое удовлетворение по поводу русско-японского соглашения. Французская газета «Тан» подчеркивала большое значение соглашения как для «укрепления мира» на Дальнем Востоке, так и для усиления стран Антанты в Европе²²⁰).

Комментарии англо-французской прессы, рассматривавшей русско-японское соглашение прежде всего с точки зрения возможности привлечения царской России к более активной борьбе против австро-германского блока, вызывали опасения правящих кругов России. Извольский, а затем и его преемник Сазонов пытались решить неразрешимую проблему, которая заключалась в том, чтобы одновременно с укреплением связей

²¹⁷) «Times», July 6, 1910; АВПР. Японский стол, д. 209, л. 95, вырезка из газеты «Таймс».

²¹⁸) «Standard», July 6, 1910; Там же, л. 96, вырезка из газеты «Стандарт».

²¹⁹) «Биржевые ведомости», 29 июня 1910.

²²⁰) «Temps», 5/VII 1910; АВПР. Японский стол, д. 209, л. 29, вырезка из газеты «Тан».

со странами Антанты сохранять дружественные взаимоотношения с Германией. Подобная тактика определялась неподготовленностью царизма к войне и влиянием прогерманских элементов на внешнюю политику России. В газете «Новое время» появилась статья М. Меньшикова «Нас натравливают», в которой указывалось, что английская и французская печать «хотят сравнить Россию с Германией». Автор статьи выступал за соглашение с последней²²¹).

В Германии весть о заключении русско-японского соглашения вызвала недовольство. В германской и американской прессе его называли «оборонительным договором». Правда, официальная реакция была сдержанной. Статс-секретарь иностранных дел Шён в ответ на сообщение русского и японского послов относительно заключенного соглашения, заявил, что Германия «преследует в Восточной Азии главным образом хозяйственные интересы», поэтому он рассчитывает, что соглашение не «ослабит принцип открытых дверей», а экономическое равноправие будет сохранено на деле²²²).

Извольский в беседе с германским послом в Петербурге Пурталесом пытался убедить последнего в том, что соглашение с Японией является ответом на «план Нокса», при помощи которого правительство США пыталось вытеснить Россию и Японию из Маньчжурии, и никоим образом не угрожает интересам Германии. Крайне резкие замечания Вильгельма II на полях донесения Пурталеса свидетельствуют о том, что кайзер сумел правильно оценить удар, который был нанесен надеждам германских дипломатов, рассчитывавших на то, что основные силы царской России будут отвлечены на Дальний Восток²²³).

В германской прессе отмечалось, что, договорившись с Японией, Россия развязала себе руки для решения политических задач на Ближнем Востоке²²⁴). Некоторые газеты стремились преуменьшить значение русско-японского соглашения, заявляя, что «Россия и Япония являются естественными врагами» и война между ними «только отложена»²²⁵). Высказывалось пожелание, чтобы Германия установила более тесные связи с Австро-Венгрией и Соединенными Штатами Америки для того, чтобы противостоять блоку Англии, Франции, России и Японии²²⁶). Наиболее резко отзывались о русско-японском соглашении газеты, стоявшие на националистических

²²¹) «Новое время», 29 июня 1910.

²²²) «G. P.», Bd. XXXII, S. 121—122. Шён Вильгельму II, 11 июля 1910 г.

²²³) «G. P.», Bd. XXXII, S. 119—1221. Пурталес Бетман-Гольвегу, 8 июля 1910.

²²⁴) АВПР. Канцелярия, 1910, д. 19, лл. 46—47. Остен-Сакен Извольскому, Берлин, 8 июля/25 июня 1910 г.

²²⁵) «Frankfurter Zeitung», July 8, 1910; АВПР. Японский стол, д. 209, л. 136, вырезка из газеты.

²²⁶) «Kreuzzeitung», Juli 8, 1910; там же, л. 121, вырезка из газеты.

позициях и находившиеся под влиянием идей пангерманского союза.

Как сообщал русский посол в Вене, известие о подписании русско-японского соглашения «вызвало бурю в австрийской печати», которая считала, что оно угрожает австро-венгерским интересам, так как Россия освободила руки для более активных действий на Ближнем Востоке²²⁷). Следует отметить, что кампания против русско-японского соглашения в германской и австрийской прессе продолжалась, примерно, неделю. Затем, после опубликования примирительных статей в официозных газетах, антирусские выступления в печати почти прекратились.

Русско-японское соглашение лишало американскую дипломатию важнейшего козыря в дальневосточной политике — возможности играть на противоречиях этих двух стран. В заявлении государственного департамента указывалось, что по мнению американского правительства, цель русско-японской конвенции заключается в подтверждении статус кво и сохранении принципа равных возможностей и китайского суверенитета²²⁸). Правительство США, таким образом, вынуждено было примириться с совершившимся фактом. Газета «Вашингтон пост» писала, что русско-японский договор не противоречит интересам США²²⁹), однако «Нью-Йорк таймс» считала, что Россия и Япония стремятся «отстранить другие нации» от эксплуатации Маньчжурии²³⁰). Но в общем американские газеты, за исключением прессы Херста, комментировали соглашение в умеренных тонах²³¹). Некоторые газеты критиковали Нокса и других государственных деятелей США за якобы прояпонскую политику, которая в конечном итоге нанесла ущерб американским интересам²³²).

Летом 1911 г. были завершены длившиеся несколько лет русско-японские переговоры о компенсации за захваченную японцами собственность русских граждан на Квантунском полуострове и Южном Сахалине. Япония передала в распоряжение царского правительства 580 тыс. иен для оплаты всех частных претензий, вызванных действиями японских оккупационных властей²³³). Был урегулирован вопрос о двух госпитальных пароходах («Ангара» и «Орел»), незаконно захваченных японцами во время войны. Япония обязалась один

²²⁷) АВПР. Японский стол, д. 207, л. 93. Делеша Урусова, Вена, 20/7 июля 1910 г.

²²⁸) АВПР. Японский стол, д. 207, л. 107.

²²⁹) «Washington Post», July 12, 1910; АВПР. Японский стол, д. 207, л. 86, приложение к донесению русского посла в Вашингтоне.

²³⁰) E. Price. Op. cit., p. 58.

²³¹) J. Reid. Op. cit., p. 135.

²³²) АВПР. Японский стол, д. 207, л. 83. Делеша Розена из Манчестера. от 18/5 июля 1910 г.

²³³) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 6, д. 519, л. 157.

пароход вернуть России, а за второй уплатить компенсацию в 150 тыс. иен при условии, что Россия уплатит 60 тыс. иен за шхуну «Мей-Мару», секвестрованную в 1908 г. за хищнический промысел в водах Камчатки. Однако японское правительство отказалось вернуть или выплатить компенсацию за торговые рыболовные и другие русские корабли, захваченные в период русско-японской войны²³⁴). В августе 1911 г. между Россией и Японией было подписано соглашение «О прямых товарных сообщениях по русским и японским железным дорогам и пароходным линиям»²³⁵). Цель соглашения заключалась в том, чтобы удешевить и ускорить перевозку грузов по Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железным дорогам и морским путям.

Соглашение между Россией и Японией, заключенное в 1910 г., не устранило русско-японских противоречий, а лишь ослабило их. Принцип статус кво относительно Маньчжурии, провозглашенный этим соглашением, нарушался в результате последующего военно-политического и экономического усиления позиций японского империализма в Северо-Восточном Китае и Корее. Продолжались русско-японские трения, вызывавшиеся японским рыболовством в русских территориальных водах. Дальнейшее усиление Японии вызывало опасения в русских буржуазных кругах. В марте 1911 г. лидер партии кадетов Милюков, выступая в Государственной думе, говорил, что, подписав соглашение 1910 г., Россия содействовала усилению Японии и тем самым подготавливала себе «самого опасного противника в будущем»²³⁶). Тем не менее соглашение способствовало улучшению русско-японских отношений и укрепляло блок Антанты. Отныне Англия и Франция, в случае войны в Европе, могли не опасаться за свои тихоокеанские владения, так как Япония, улучшив взаимоотношения с Россией, прочнее связала себя со странами Антанты. Еще большее значение для Великобритании и Франции имел тот факт, что царская Россия получила возможность сосредоточить свои силы на западных границах для борьбы против Германии и Австро-Венгрии. Таким образом, русско-японское соглашение 1910 г. по своему значению выходило далеко за пределы Дальнего Востока и являлось важным звеном в дальнейшей консолидации антигерманской группировки империалистических держав во главе с Англией.

²³⁴) Там же, л. 143.

²³⁵) «Правительственный вестник», 5 августа 1911.

²³⁶) «Стенографический отчет Думы», 3-й созыв, сессия 4, ч. II, стб. 3224.

ГЛАВА VI

АГРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ В КИТАЕ ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ 1911—1913 гг.

I. Создание Четверного консорциума

Правительство президента Тафта после провала плана «интернационализации» Маньчжурии и последовавшей за этим неудачей со строительством Цзиньчжоу-Айгуньской железной дороги стало изыскивать новые пути для укрепления своих позиций в Китае. С этой целью вначале было решено попытаться привлечь Германию и Китай к борьбе против русско-японского блока, отстаивавшего свое господство в Северо-Восточном Китае. Короче говоря, американские дипломаты вернулись к проекту американско-германо-китайского сближения, выдвигавшемуся Германией в 1908 г. Тогда правительство Т. Рузвельта отказалось от этой идеи и пошло на сближение с Японией (соглашение Рут-Такахира). Убедившись, что соглашение с Японией не дает базы для осуществления целей американского империализма на Дальнем Востоке, правительство США делает ставку на сближение с Германией и экономическое подчинение Китая.

Интересы германского империализма в Китае продолжали возрастать. Правительство Германии искало сотрудничества с Соединенными Штатами для того, чтобы совместно отстаивать «права» на неограниченную свободу эксплуатации китайского народа. Путем сближения с Соединенными Штатами германские дипломаты надеялись укрепить позиции Германии на международной арене. Исходя из экономических и политических соображений, Германия в это время стремилась улучшить взаимоотношения с цинским правительством. Летом 1910 г. в Берлине находилась китайская военная делегация, которую возглавлял брат принца-регента Китая — принц Цзяй Тао. На прощальной аудиенции Вильгельм II заявил главе китайской делегации, что Германия, «подобно Америке, всегда готова быть полезной Китаю в его хозяйственном развитии и усилении. Важной областью в этом направлении,—

заявил Кайзер, — является увеличение строительства железнодорожной сети Китая»¹⁾).

Цели германского империализма в Китае были сформулированы в заметках Вильгельма II относительно германской политики на Востоке. Кайзер писал: «Китай и Турция являются единственными двумя странами, которые еще имеют к нам доверие и где мы в состоянии что-либо сделать... Обе должны быть поддержаны нами в финансовом отношении против английской политики финансового окружения и поддержаны всеми средствами»²⁾. Правящие круги Германии стремились укрепиться на китайском рынке и захватить в свои руки снабжение китайской армии оружием. Русский посол в Берлине сообщал в связи с приездом китайской военной делегации, что «Германское правительство приветствует на первых порах в лице китайских делегатов возможных и желанных заказчиков и потребителей для своих военных заводов»³⁾.

В Германии имелась влиятельная правительственная группировка во главе с адмиралом Тирпицем, которая считала необходимым активное проведение морской политики. Отражая интересы немецких монополий, Тирпиц и его сторонники добивались укрепления позиций Германии в Китае и сближения с Японией. Под их влиянием была предпринята поездка в страны Дальнего Востока бывшего министра колоний Дернабурга, а затем в путешествие по странам Азии отправился наследник германского престола — кронпринц Генрих. В германской прессе в конце 1910 — начале 1911 гг. был опубликован ряд статей, преследовавших цель возбудить интерес немецких торгово-промышленных кругов к дальневосточным рынкам. Появилось сообщение об учреждении германского университета в Циндао и намерении правительства открыть в Китае три инженерных училища, причем указывалось, что США создали в Китае 1 003 школы, Англия — 758, а Германия только 27⁴⁾. Считалось, что немецкие учебные заведения в Китае, подобно американским и английским, должны содействовать проникновению «отечественного» капитала в экономику Китая и укрепить там германское политическое влияние.

Между Германией и Соединенными Штатами Америки происходил обмен мнениями относительно согласованной политики в Китае⁵⁾. Представители Германии предлагали

¹⁾ «G. P.», Bd. XXXII, S. 148.

²⁾ Ibid., S. 151.

³⁾ АВГР. Канцелярия, 1910, д. 19, лл. 41—42. Деша Остен-Сакена из Берлина, 10 июня/28 мая 1910 г.

⁴⁾ АВГР. Канцелярия, 1911, д. 18, лл. 26—27. Остен-Сакен Сазонову, 3 февраля/21 января 1911 г.

⁵⁾ В декабре 1910 г. русский посланник в Пекине Коростовец сообщал, что в газетах, издававшихся в Китае, дебатировался вопрос о воз-

опубликовать совместную американско-германскую декларацию о «политике открытых дверей» и «территориальной неприкосновенности» Китая. Подобная декларация, по мнению германской дипломатии, должна была установить общность политических действий США и Германии на Дальнем Востоке и противопоставить американско-германский союз блоку стран Антанты. Для Германии любое соглашение о Китае с Соединенными Штатами могло иметь ценность лишь при условии, если бы оно нейтрализовало США как возможного союзника Англии и Франции и, хотя бы в перспективе, давало надежду на более тесное американско-германское сближение.

Однако правительство Тафта не собиралось заходить так далеко. Его цель заключалась лишь в том, чтобы привлечь Германию к борьбе против России и Японии. Поэтому государственный секретарь Нокс отклонил предложение относительно декларации о «территориальной неприкосновенности» Китая и через китайского представителя в Вашингтоне предложил заключить с Китаем «третейское соглашение». Причем Нокс предлагал, чтобы Германия привлекла к подобному соглашению Австро-Венгрию и Италию, а сам обещал попытаться привлечь к этому соглашению Великобританию⁶⁾. По мысли американских дипломатов, заключение группой государств соглашения с Китаем о третейском суде, предпринятое по инициативе Соединенных Штатов, должно было бы повысить влияние США в Китае и в то же время сохранить американскому правительству свободу рук для лавирования.

Предложение Соединенных Штатов относительно третейского соглашения с Китаем было расценено германским ведомством иностранных дел как попытка вовлечь Германию в борьбу с Россией и Японией на Дальнем Востоке, не подкрепленное какими-либо обязательствами США относительно Германии. Поэтому статс-секретарь по иностранным делам Кидерлен-Вехтер, ссылаясь на географическое положение Германии «в сердце Европы» и вытекающие из этого факта особые интересы своей страны, отверг предложение Нокса⁷⁾. Правительство Германии еще раз убедилось, что Соединенные Штаты не пойдут на риск ухудшения взаимоотношений с Англией⁸⁾, и при таких обстоятельствах не хотело связывать себе руки какими-либо обязательствами относительно Китая и,

возможности сближения США, Германии и Китая в качестве противовеса русско-японскому соглашению 1910 г. См. ЦГАДВ, ф. 702, оп. 6, д. 214, лл. 214—215.

⁶⁾ «G. P.», Bd. XXXII, S. 154. Донесение германского посла в Вашингтоне Бернсторфа от 21 февраля 1911 г.

⁷⁾ Ibid., S. 155. Кидерлен-Вехтер Бернсторфу, 2 марта 1911 г.

⁸⁾ В марте 1911 г. министр иностранных дел Англии Э. Грей выступил с предложением заключить англо-американское третейское (арбитражное) соглашение по широкому кругу вопросов. Предложение Э. Грея вызвало серьезное беспокойство в Германии.

тем более, не желало пойти на обострение отношений с Россией и Японией. В ноябре 1910 г. канцлер Германии Бетман-Гольвег во время свидания Николая II и Вильгельма II в Потсдаме предложил подписать русско-германское соглашение, которое преследовало цель оторвать Россию от стран Антанты. Переговоры по данному вопросу длились до августа 1911 г. В связи с этим германское правительство временно ослабило антиславянское острие своей политики и всячески стремилось подчеркнуть дружественное отношение Германии к России. Характерно, что кронпринц Генрих, посетивший Индию и Цейлон, отказался от поездки в Китай под предлогом вспыхнувшей там чумы. Однако в правительственных кругах Китая считали, что причина отказа кронпринца посетить Китай кроется в результатах Потсдамского свидания⁹⁾. И в самом деле, Германия не только не собиралась чинить царизму препятствия в его дальневосточной политике, но, наоборот, всячески стремилась подтолкнуть царскую Россию на какие-либо авантюры на Дальнем Востоке для того, чтобы отвлечь ее силы из Европы¹⁰⁾. Таким образом, в данном случае интересы, связанные с поисками союзников для борьбы против стран Антанты, возобладали над стремлением германского империализма укрепить свои политические позиции в Китае. Хотя это отнюдь не означало отказа Германии от распространения своего экономического и политического влияния на Дальнем Востоке.

Параллельно с переговорами с Германией госдепартамент США совместно с заинтересованными кругами американского монополистического капитала предпринял другие шаги с целью укрепления своих экономических и политических позиций в Китае. Летом 1910 г. Японию и Китай посетил американский военный министр Дикинсон. Во время пребывания в Токио в одном из своих выступлений Дикинсон говорил о «мировом значении, приобретенном в последние годы Америкой и связанную с этим ответственность ее перед другими нациями»¹¹⁾. После того, как Дикинсон посетил Пекин, в японской прессе и дипломатических кругах стали обсуждать вопрос о сближении Китая с Германией и США¹²⁾.

⁹⁾ АВПР. Японский стол, д. 918, лл. 59—60. Малевский-Малевич Сазонову, 7 марта/22 февраля 1911 г.

¹⁰⁾ В 1909 г. русско-германские отношения на Дальнем Востоке обострились в связи с отказом Германии признать русско-китайское соглашение от 10 мая/27 апреля 1909 г. о порядке управления в полосе отчуждения КВЖД и антирусскими выступлениями немецкого консула в Харбине Даумюллера. Дело дошло до бойкота немецких товаров русским населением Харбина и Владивостока. Но в 1910 г. Германия пошла на уступки, и конфликт был урегулирован.

¹¹⁾ АВПР. Японский стол, д. 917, л. 39. Малевский-Малевич Извольскому, 29/16 июня 1910 г.

¹²⁾ Там же, л. 153. Малевский-Малевич Сазонову, 7 октября/24 сентября 1910 г.

В сентябре-октябре 1910 г. в Китае находилась делегация торговых палат американских городов тихоокеанского побережья. В отчете, написанном специальной комиссией делегации, отмечалось, что за период с 1900 по 1909 г. оборот внешней торговли Китая увеличился на 65%, но торговый оборот Китая с Соединенными Штатами Америки возрос лишь на 18%. Комиссия сделала выводы о необходимости более тщательного изучения китайского спроса на товары для того, чтобы США получили «свою долю в снабжении этого увеличивающегося рынка»¹³⁾.

Правительство Соединенных Штатов Америки проявляло большой интерес к проведению валютной реформы в Китае. Дело в том, что в цинской империи в это время не было единой денежной системы. Провинциальные правительства выпускали свои денежные знаки, покупательная способность которых была весьма неустойчива, что затрудняло деятельность иностранных предпринимателей в Китае. Еще в 1903 году США при заключении торгового договора навязала цинскому правительству пункт, по которому Китай обязывался «принять необходимые меры к созданию однородной национальной монетной системы, которая будет юридически законной валютой при оплате всех пошлин, налогов и других обязательств по всей империи гражданами Соединенных Штатов, а также китайскими подданными»¹⁴⁾. Подобное соглашение с Китаем имели Англия и Япония.

В октябре 1908 г. был издан императорский указ, устанавливавший в качестве основной денежной единицы для Китая серебряный лан¹⁵⁾. Однако смерть императора и отсутствие средств задержали проведение реформы. 24 мая 1910 г. был издан новый указ о создании единой монетной системы на территории всей страны на основе мексиканского серебряного доллара. Провинциальные монетные дворы закрывались. Право выпускать банкноты, свободно размениваемые на золото, получал правительственный — Дайцинский банк. При проведении в жизнь валютной реформы китайские власти встретились с серьезными трудностями, вызванными тяжелым финансовым положением страны и вынуждены были обратиться за помощью к иностранному капиталу. Получилось именно то, на что и рассчитывали американские империалисты, когда добивались проведения финансовой реформы в Китае. В связи с этим американский автор Ч. Вивьер пишет: «Снова государственный департамент и его избранное ору-

¹³⁾ АВПР. Тихоокеанский стол, д. 1476, лл. 34—40. Донесение русского консула в Сан-Франциско, 30/17 октября 1911 г.

¹⁴⁾ «F. R.», 1912, p. 88.

¹⁵⁾ «Вестник Азии», 1911, № 9, стр. 60.

дие — американская группа двинулась вперед в поисках более сильной позиции в Китае»¹⁶⁾.

В августе 1910 г. банкиры Бельгии, Франции, Германии, Великобритании, Японии, Нидерландов и США подписали соглашение с шанхайским даотаем о предоставлении последнему займа в 3,5 млн. таэлей¹⁷⁾. В сентябре Немецко-Азиатский банк совместно с английской компанией подписали соглашение с цинским правительством о предоставлении дополнительного займа в 5 млн. фунтов стерлингов для нужд железной дороги Тяньцзинь-Пукоу¹⁸⁾. В это же время вице-король Маньчжурии вел переговоры с банкирами западных стран о займе для нужд Северо-Восточного Китая, а цинское правительство обсудило с представителем американской банковской группы вопрос о предоставлении займа для проведения финансовой реформы.

Правительство США решило использовать заем для денежной реформы с целью укрепления американского влияния в Северо-Восточном Китае, т. е. новыми средствами хотело попытаться достигнуть того, что не удалось осуществить при помощи плана «нейтрализации» Маньчжурии и проекта постройки Цзиньчжоу-Айгуньской железной дороги. С этой целью госдепартамент настоял на прекращении переговоров вице-короля Маньчжурии с западными банкирами относительно займов для трех Северо-Восточных провинций. 27 октября 1910 г. при непосредственном участии представителей государственного департамента было подписано предварительное соглашение между представителями цинского правительства и американской банковской группы о займе в 50 млн. долларов¹⁹⁾. По инициативе представителей США (на что указывал президент Тафт)²⁰⁾ в соглашении было указано, что заем предоставляется не только для финансовой реформы, как планировалось первоначально, но и для промышленного развития Маньчжурии и улучшения «маньчжурских финансов». В тексте американо-китайского соглашения было указано, что США могут привлечь к участию в размещении займа банкиров других стран, однако право выпуска облигаций займа предоставлялось только американской банковской группе, что давало ей возможность занять главенствующее положение среди других банковских групп.

Подписав соглашение с Китаем относительно займа в 50 млн. долларов, американская банковская группа сообщила об этом представителям английских, французских и герман-

¹⁶⁾ Ch. Vevier. *Op. cit.*, p. 166.

¹⁷⁾ J. Mac Murray. *Op. cit.*, v. 1, p. 805.

¹⁸⁾ *Ibid.*, p. 814—823.

¹⁹⁾ *Ibid.*, p. 851—852.

²⁰⁾ См. П. П. Севостьянов. Указ. соч., стр. 175.

ских банков, являвшихся партнерами американских банков по хугуанскому займу²¹⁾, и пригласила их принять участие в реализации нового займа. В данном случае дело не только в том, что американская банковская группа не имела достаточного количества свободных денежных средств для оплаты всей суммы займа, о чем в то время неоднократно указывалось в прессе и дипломатических кругах²²⁾, но прежде всего в политических целях, которые преследовало правительство США. Американские дипломаты считали, что участие английского и французского капитала в займе, часть которого пойдет на нужды Маньчжурии, даст возможность привлечь Англию и Францию для борьбы против Японии и России. В. Стрейт, осуществлявший планы Нокса, считал, что Соединенным Штатам удастся отстоять свою руководящую роль в консорциуме благодаря противоречиям европейских держав, и надеялся натравить «немцев на англичан и даже поставить под напряжение Антанту»²³⁾.

Характерно высказывание известного американского финансиста Я. Шиффа, который считал американскую банковскую группу лишь «активным инструментом» для проведения политики государственного департамента. «Вопрос о денежных доходах, — писал Шифф, — имел только второстепенное значение для банкиров», которые в основном стремились усилить американский престиж на Дальнем Востоке²⁴⁾. К подобным высказываниям мы должны относиться критически, так как они преследуют цель — замаскировать колониальную сущность политики американского империализма в Китае. Однако в данном случае высказывание Шиффа лишний раз подчеркивает тот факт, что идея создания международного банковского консорциума с целью коллективной эксплуатации Китая и вытеснения России и Японии из Маньчжурии принадлежала государственному департаменту США, который надеялся таким путем отстоять интересы американского финансового капитала.

В начале ноября 1910 г. состоялась конференция представителей банковских групп в Лондоне, на которой выработались условия совместных финансовых операций в Китае. На этой конференции американская сторона заявила, что она согласна распределить облигации займа равными долями между четырьмя группами, но считает, что проект договора относительно займа, заключенный между американской бан-

²¹⁾ См. главу III, § 2.

²²⁾ Ch. Vevier. Op. cit., p. 178; ЦГАДВ, ф. 702, оп. 6, д. 162, л. 234. Деспеша Розена из Вашингтона, 1 декабря/19 ноября 1910 г.

²³⁾ Ch. Vevier. Op. cit., p. 178.

²⁴⁾ Об экономических целях, которые преследовал американский империализм в Китае в связи с созданием консорциума, см. подробнее у П. П. Севостьянова. Указ. соч., стр. 173—185.

ковской группой и цинским правительством, не может быть изменен и что на основе этого договора право подписывать соглашения и вести переговоры с Китаем принадлежит только американским банкирам. Когда представители других групп стали возражать против господствующей роли американцев в консорциуме, то представители американских банкиров угрожали, что в противном случае Китай, опасаящийся быть вовлеченным «в орбиту господства банкиров» четырех государств, может обратиться за займами к другим странам²⁵⁾.

10 ноября 1910 г. было подписано соглашение американской, английской, германской и французской банковских групп относительно совместного предоставления Китаю всех государственных займов и займов для железнодорожного строительства. В результате этого соглашения образовался первый международный банковский консорциум, претендовавший на монополию в финансировании Китая. Соглашением предусматривалось, что расходование средств по займам должно осуществляться под контролем представителей консорциума. США передали консорциуму контракт от 27 октября 1910 г. о займе в 50 млн. долларов, предназначенный для денежной реформы и «промышленного развития Маньчжурии». В соглашении отмечалось, что концессия на строительство Цзиньчжоу-Айгуньской железной дороги будет рассматриваться как предприятие консорциума, не вошедшее в основное соглашение²⁶⁾. Консорциум не распространял свои операции на финансирование и строительство Хугуанских железных дорог.

Правительство США добилось от цинского правительства соглашения на распределение займа между четырьмя группами банкиров и тем самым, казалось, закрепило свой контроль над проведением финансовой реформы в Китае и финансированием промышленного и железнодорожного строительства в Маньчжурии²⁷⁾. Посол США в Лондоне Рид считал, что соглашение о консорциуме предоставило американскому капиталу свободу рук в деле строительства Цзиньчжоу-Айгуньской железной дороги. Дэвисон писал Ноксу: «Я лично желаю поздравить Вас, если наши надежды осуществятся, результаты Вашего труда будут наиболее важными, благотворными и далеко идущими для наших коммерческих интересов в Китае»²⁸⁾.

Следует отметить, что правящие круги Соединенных Штатов на первых порах переоценили значение консорциума для усиления своей экономической и политической роли в Китае. Дело в том, что в финансовом отношении наиболее мощными

²⁵⁾ Ch. Vevier. Op. cit., p. 179.

²⁶⁾ Ibidem.

²⁷⁾ Ibid., p. 180.

²⁸⁾ Ibid., p. 178.

группами, вошедшими в консорциум, были французская, английская и немецкая, которые не собирались мириться со своим подчиненным положением²⁹). Русский посланник в Пекине Коростовец писал, что «роль американцев (в консорциуме — С. Г.), строго говоря, сводится к использованию их влияния на китайское правительство в пользу тех операций и предприятий, которые будут финансироваться группами, номинально совместно, а фактически по преимуществу в Лондоне и Париже. Весь вопрос в том, насколько остальные банки согласятся допустить американцев держать в своих руках как инициативу, так и ведение переговоров»³⁰). Вскоре между участниками соглашения начались острые противоречия, вызванные борьбой английских, германских и французских банкиров против привилегированного положения американской банковской группы. Через несколько дней после подписания соглашения о консорциуме министерство иностранных дел Франции сделало представление в Вашингтоне о том, что переговоры по вопросу о китайском займе должны вести в Пекине представители всех четырех держав, подписавших соглашение. Эта точка зрения была поддержана правительством Германии³¹). Затем между участниками сделки развернулась борьба за контроль над расходованием средств, получаемых Китаем по займам, в ходе которой исключительное положение США в консорциуме было подорвано³²).

Правительству Тафта не удалось осуществить и вторую задачу, которая ставилась во время создания консорциума — получить поддержку англо-французского капитала для вытеснения России и Японии из Северо-Восточного Китая. Французские и английские монополии, стремившиеся использовать консорциум для более активного внедрения в Китай и широкой эксплуатации китайского народа, получили активную поддержку своих правительств. Английская и французская дипломатии использовали консорциум для некоторого давления на царское правительство в связи с временным сближением России с Германией, явившимся следствием Потсдамского соглашения. Однако Англия и Франция не могли допустить из-за консорциума ослабления союзнических отношений

²⁹) В состав консорциума вошли: 8 французских банков, в том числе Индо-Китайский и Парижский, 15 немецких, в том числе «Дойч банк», 3 английских банка, американская группа банков, возглавляемая Морганом.

³⁰) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 6, д. 162, л. 202. Депеша Коростовца из Пекина, 12 декабря/29 ноября 1910 г. Цитируется у П. П. Севостьянова, но без последней фразы. См. Указ. соч., стр. 287.

³¹) АВПр. Канцелярия, 1910, д. 18, л. 343. Остен-Сакен Сазонову, Берлин, 25/12 ноября 1910 г.

³²) Американский автор Танненбаум бездоказательно утверждает, что президент Тафт одобрил участие американской банковской группы в консорциуме с целью «сохранения территориальной целостности Китая». См. F. Tannenbaum. Op. cit., p. 101.

как между Англией и Японией, так и между Францией и Россией.

Французский посол в Лондоне П. Камбон, прилагавший много сил к укреплению связей стран Антанты с Россией, вскоре после подписания американско-китайского соглашения о займе встретился с русским представителем в Великобритании и изложил последнему свои взгляды на цели, которые преследовало правительство США в Китае. По мнению П. Камбона, Нокс хотел использовать заем, прежде всего, для «вторжения в Маньчжурию» и постройки там железных дорог, а также для того, чтобы «отрекомендовать Соединенные Штаты друзьями китайцев» и тем самым укрепить свои позиции в Китае³³).

Участникам консорциума потребовалось почти пять месяцев переговоров в Пекине для того, чтобы согласовать условия договора о займе. 15 апреля 1911 г. между представителями консорциума и цинским правительством было подписано соглашение о 5% займе в 10 млн. фунтов стерлингов сроком на 45 лет для нужд финансовой реформы в Китае и промышленного развития Маньчжурии³⁴). Характерно, что со стороны Соединенных Штатов Америки соглашение было подписано не только представителем американской банковской группы, но и уполномоченным министерства финансов, хотя со стороны других членов консорциума соглашение подписали только представители банковских групп. Этим фактом подчеркивалась особая роль американского правительства, выступавшего в роли посредника между консорциумом банкиров и цинским правительством.

Соглашением от 15 апреля предусматривалась выдача первого взноса (аванса) в счет займа в 1 млн. фунтов стерлингов. Выдача дальнейших взносов ставилась в зависимость от того, будут ли удовлетворены представители консорциума порядком израсходования полученных по займу денежных фондов. В качестве гарантии выплаты займа и процентов по нему цинское правительство передавало консорциуму налог на соль во всем Китае и различные налоги и пошлины в трех провинциях Северо-Восточного Китая. Для контроля над расходованием сумм, полученных по займу, и выплаты доходов Китаю был навязан финансовый советник, которым, по предложению США, был назначен голландский финансист Висиринг.

В текст соглашения о займе была включена статья, цель которой состояла в том, чтобы закрепить финансовое господство консорциума в Китае и надолго превратить страну в объект коллективной эксплуатации со стороны банкиров четырех держав. Статья 16-я предусматривала, что если потре-

³³) О. Хаузер. *Op. cit.*, S. 67.

³⁴) J. Mac Murray. *Op. cit.*, v. 1, p. 841—849.

буются дополнительные средства для «окончания предприятий», начатых на деньги, полученные по данному займу, то китайское правительство должно обратиться за получением нового займа к консорциуму и лишь при условии отказа со стороны консорциума получало право вести переговоры о займе с другими банкирами. Здесь же отмечалось, что в случае, если «правительство Китая будет приглашать иностранных капиталистов для участия в предприятиях по развитию промышленности в Маньчжурии», то оно в первую очередь должно пригласить Банковский консорциум. Таким образом, соглашением от 15 апреля устанавливается контроль банкиров четырех держав над проведением финансовой реформы в Китае и создавалось их привилегированное положение в Маньчжурии. Соглашение носило неравноправный для Китая характер. Империалисты четырех держав во главе с США преследовали колониалистские цели. Они получали право вмешиваться во внутренние дела Китая. Цинское правительство, подписавшее это соглашение, добивалось того, чтобы быстрее получить средства для подавления назревавшей в Китае революции. В свою очередь, империалистические державы стремились путем займов укрепить положение антинародной цинской династии, ставшей покорной игрушкой в руках иностранного капитала. Соглашение о займе сохранялось втайне, однако его содержание вскоре стало известно в Японии и России.

Установление монополии консорциума на финансирование промышленных предприятий в Северо-Восточном Китае вызвало резкое недовольство правящих кругов Японии и царской России, которые боялись, что Маньчжурия, являвшаяся сферой влияния российского и японского империализма, превратится в сферу влияния США. Русский посол в Токио сообщал: «Едва ли какой вопрос нынешней политики волновал в последнее время японское общественное мнение более, чем китайский заем у четырех наций»³⁵). Близкая к японским финансовым кругам газета «Дзи-дзи» писала, что условия займа, заключенного Китаем у консорциума, ограничивают возможности японских капиталовложений в Китае, а американский проект «нейтрализации» маньчжурских железных дорог «приобретает косвенные шансы на осуществление»³⁶). Директор Восточно-Азиатского общества, занимавшийся прояпонской пропагандой, заявил, что если заем осуществится и американцы получат то влияние, которого они добивались, выдвинув план Нокса, то это «неизбежно поведет к вооруженному столкновению» между США и Японией³⁷). Газеты, отра-

³⁵) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, д. 726, л. 453. Деша Малевского-Малевича из Токио, 4 мая/21 апреля 1911 г.

³⁶) Там же.

³⁷) Там же, л. 454.

жавшие интересы финансовой буржуазии и военщины, критиковали японское правительство за недалекость и уступчивость.

Японский империализм не собирался поступиться занятым им в Маньчжурии господствующим положением в пользу Четверного консорциума. Японское правительство дало указание своему посланнику в Китае предпринять в Пекине необходимые меры для того, чтобы сохранить сложившееся положение в Маньчжурии³⁸).

Царское правительство следило за действиями консорциума в Северной Маньчжурии и предпринимало шаги для того, чтобы отстоять там свои позиции, действуя прежде всего через Францию. Еще в марте 1911 года в ответ на представление русского посла в Париже относительно планов консорциума в Маньчжурии французское министерство иностранных дел передало памятную записку, где указывалось, что «правительство республики примет участие лишь в такой операции, которая будет считаться с законными интересами союзных и дружественных ему держав»³⁹). Когда в министерстве иностранных дел в России стало известно о подписании контракта консорциума с цинским правительством о предоставлении аванса в 400 тыс. фунтов стерлингов на «нужды Маньчжурии», то временно исполнявший обязанности министра иностранных дел Нератов просил французское правительство ознакомить его и с условиями займа и возражал против того, чтобы гарантиями займа стали доходы, получаемые с трех провинций Северо-Восточного Китая⁴⁰). Французские финансовые круги не собирались отказываться от участия в консорциуме в угоду союзническим отношениям с Россией. Поэтому министр иностранных дел Франции Круппи заявил русскому послу в Париже Извольскому, что если бы французское правительство вследствие возражений России «отказало в котировке китайского займа», то он мог бы состояться и без участия Франции⁴¹). Французское правительство предложило России вступить в консорциум, однако первоначально это предложение встретило отрицательное отношение со стороны русских дипломатов.

Одновременно с выступлением в Париже, направленным на то, чтобы исключить Маньчжурию из сферы деятельности консорциума, царское правительство выдвинуло предложение о подписании тройственного соглашения между Китаем, Японией и Россией с целью сохранения статус кво в Маньчжу-

³⁸) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, д. 726, л. 376. Телеграмма Коростовца из Пекина, 29/16 апреля 1911 г.

³⁹) «М. О.», серия II, т. XVIII, ч. I, стр. 9.

⁴⁰) Там же.

⁴¹) «М. О.», серия II, т. XVIII, ч. I, стр. 9. Извольский Нератову, 17/4 мая 1911 г.

рии⁴²⁾. Предполагалось, что если подобное соглашение будет достигнуто, то Россия и Япония в сотрудничестве с Англией и Францией могли бы предоставить Китаю необходимые займы. Правительство Японии категорически отвергло предложение России. Комура⁴³⁾ в беседе с Малевским-Малевиным заявил, что привлечь Китай к тройственному соглашению не удастся, а финансирование Китая окажется делом непосильным для Японии и России. Комура предложил занять выжидательную позицию и высказал мнение, что «группы банкиров четырех держав не особенно тесно связаны между собой и что деятельность консорциума будет носить ограниченный характер⁴⁴⁾).

Отказ японского правительства подписать тройственное соглашение относительно статус кво в Маньчжурии объяснялся прежде всего тем, что японский империализм не хотел ограничиться позициями, которые он захватил к этому времени в Северо-Восточном Китае, а стремился всемерно их расширить. Тройственное соглашение с участием Китая могло явиться сдерживающим фактором для японской экспансии. Царское правительство, выдвинув это предложение, рассчитывало, что подобное соглашение не только преградит консорциуму путь в Маньчжурию, но и явится тормозом для дальнейшей экспансии Японии в Северо-Восточном Китае, где соотношение сил продолжало изменяться в ущерб царизму и в пользу японского империализма. Япония продолжала укреплять свои экономические позиции в Китае. В марте 1911 г. было подписано японо-китайское соглашение, по которому Икогама-спеши банк предоставил Китаю заем в 10 млн. иен для целей железнодорожного строительства⁴⁵⁾. Затем было подписано соглашение, укрепившее господство японского капитала в Яньтайских и Фушиньских каменноугольных коях.

Французские и английские дипломаты оцугились в очень щекотливом положении, так как они вынуждены были отстаивать интересы своих финансистов, заинтересованных в делах консорциума и в то же время считаться с возражениями России и Японии против участия консорциума в финансировании маньчжурских предприятий. В такой обстановке Франция вскоре вынуждена была занять более определенную позицию. В конце мая французский министр иностранных дел довел до сведения участников консорциума, что Франция разрешит котировку займа на Парижской бирже лишь при условии согласия России на данный заем⁴⁶⁾. Министр иностран-

42) Нератов в письме Коковцову и Столыпину назвал данное предложение пробным шаром. См. там же, стр. 23.

43) Министр иностранных дел Японии.

44) Там же, стр. 11—14. Малевский-Малевиной Нератову, 17/4 мая 1911 г.

45) J. Mac Murgay. Op. cit., v. I, p. 835—839.

46) «М. О.», серия II, т. XVIII, ч. I, стр. 64. Коковцов Нератову, 28/15 мая 1911 г.

ных дел Англии убеждал американского посла в Лондоне Рида в том, что Россия и Япония согласятся на заем, если он не будет использован на железнодорожное строительство в Маньчжурии⁴⁷⁾.

Для того, чтобы расколоть единый фронт России и Японии, государственный департамент пригласил японское правительство принять участие в консорциуме, однако Япония отказалась. Комура в беседе с Малевским-Малевицем заявил, что «Япония не согласится на роль «держателя акций», ссужающего своими деньгами чужое финансовое предприятие». Встретившись с отказом японского правительства, государственный департамент стал зондировать позицию царского правительства по этому вопросу. Американский посол в Токио заявил Малевскому-Малевицу, что США согласятся на участие России в консорциуме и считают возможным представить ей 5% от общей суммы займа⁴⁸⁾. Столыпин, ознакомившись с мнением заинтересованных ведомств, высказался за вступление России в консорциум⁴⁹⁾. В правящих кругах царской России опасались, что в случае согласованного выступления России и Японии французская и английская группы банкиров уйдут из консорциума и тогда он перейдет полностью под контроль США и Германии.

4 июня 1911 г. японский посол в Петербурге Мотоно посетил министерство иностранных дел и заявил, что японское правительство «решило примириться с заключаемым Китаем у синдиката четырех держав займом» и высказал убеждение, что сам по себе заем не представляет «большой опасности». Но Япония, по заявлению Мотоно, решила добиваться отмены статьи 16-ой соглашения, которая давала консорциуму исключительное право на все последующие займы, необходимые для Маньчжурии. Мотоно предлагал царскому правительству выступить совместно с соответствующими заявлениями в Париже, Лондоне, Вашингтоне и Берлине. Японский посол говорил, что в этом направлении «японское правительство предполагает идти далеко: оно приложит все усилия, чтобы не допустить заключения Китаем займа на условиях, предрешающих необходимость для Японии и России отказаться от возможности когда-либо занять руководящую роль в деле финансирования китайских займов на нужды Маньчжурии»⁵⁰⁾. Таким образом, японское правительство готово было согласиться на размещение данного займа, но заняло бескомпромиссную позицию

47) «F. R.», 1912, р. 98. Рид Ноксу, 31 мая 1912 г. «М. О.», серия II, т. XVIII, ч. I, стр. 62. Малевский-Малевиц Нератову, 26/13 мая 1911 г.

48) Там же, стр. 61.

49) Там же, стр. 67—68. Столыпин Нератову, 30/17 мая 1911 г.

50) «М. О.», серия II, т. XVIII, ч. I, стр. 79—81. Запись, сделанная в Министерстве иностранных дел.

относительно попыток США, действуя через консорциум, занять доминирующее положение в Северо-Восточном Китае.

В результате бесед с Э. Греем и П. Камбоном царский посол в Лондоне Бенкендорф пришел к выводу, что защитить русские интересы в Маньчжурии можно «лишь в результате дружественных объяснений с правительством Соединенных Штатов», так как в случае выхода Франции и Англии из консорциума вся сумма займа, по его мнению, могла перейти к американским банкирам⁵¹). 7 июня (25 мая) 1911 г. вопрос о позиции царского правительства относительно консорциума обсуждался на Особом совещании по дальневосточным делам под председательством Столыпина. Совещание респондировало выступление Соединенных Штатов, создавших международный синдикат, как акт еще более опасный, чем проект «нейтрализации» железных дорог в Маньчжурии. «Тогда мы имели получить за наше согласие на выкуп Китайско-Восточной железной дороги крупную сумму денег, — отмечалось в журнале. Особого совещания, — которую мы могли затем истратить на развитие и оборону наших дальневосточных владений; настоящее же выступление грозит нам вытеснением из Маньчжурии без всякой за то денежной компенсации». Особое совещание в связи с изменением позиции Японии решило отказаться от участия России в консорциуме, поддержать Японию в ее предположении об исключении из контракта 16-ой статьи и «потребовать от французского правительства, чтобы оно приняло доступные ему меры против участия французских капиталов во враждебной нам деятельности англо-франко-германо-американского консорциума»⁵²). Для того, чтобы удовлетворить желание французского капитала участвовать в китайских займах, выдвигалось предложение о создании франко-русско-японского синдиката, который должен был бы оперировать к северу от Великой китайской стены, а консорциум мог бы действовать во всех остальных провинциях Китая.

Предложение о создании нового синдиката с участием России, Японии и Франции было передано в середине июня во французское министерство иностранных дел от имени правительств Японии и России⁵³). Министерство иностранных дел Франции воздержалось от ответа на предложение о создании нового тройственного синдиката, но вновь обещало, что котировка займа на французской бирже не будет допущена до устранения статьи 16-ой соглашения⁵⁴). Правительство США

⁵¹) «М. О.», серия II, т. XVIII, ч. I, стр. 88. Бенкендорф Нератову, 6 июня/24 мая 1911 г.

⁵²) Там же, стр. 95. Журнал Особого совещания по дальневосточным делам.

⁵³) «М. О.», серия II, т. XVIII, ч. I, стр. 113. Нератов поверенному в делах России в Париже Демидову, 15/2 июня 1911 г.

⁵⁴) Там же, стр. 142. Демидов Нератову, 26/13 июня 1911 г.

не согласилось на отмену этой статьи. В таких условиях Япония и Россия, с одобрения министра иностранных дел Англии, 11 июня 1911 г. совместно обратились к правительствам США и Германии с просьбой исключить статью 16-ую из контракта о займе⁵⁵). Это обращение было поддержано Францией, посол которой в Вашингтоне повторил угрозу относительно запрещения реализации займа на Парижской бирже в случае, если не будут учтены пожелания России и Японии⁵⁶). В этот же день министр иностранных дел Великобритании Э. Грей заявил в парламенте: «Британское правительство вынуждено признать, что Россия и Япония имеют особые интересы в Монголии и Маньчжурии»⁵⁷). В данных условиях заявление Грея означало, что Англия выступила против действий США и Германии, стремившихся распространить деятельность консорциума на Северо-Восточный Китай.

Однако, как вскоре выяснилось, французские банкиры при поддержке нового Председателя Совета министров Франции Кайо, который был лично заинтересован в делах консорциума и до избрания на пост главы правительства был вице-председателем консорциума, отказывались от ухода из Четверного синдиката для того, чтобы вложить деньги во франко-русско-японское финансовое объединение, а без французских капиталов идея русско-японских займов для Маньчжурии оказывалась нереальной⁵⁸). В длительных переговорах по этому вопросу французское министерство иностранных дел, обычно очень серьезно считавшееся с Россией как союзником в борьбе против Германии, проявило твердость и на уступки не пошло.

Правительство США отказалось рассматривать вопрос об отмене статьи 16-ой⁵⁹), так как она составляла основное звено американского плана по установлению господства американского империализма в Северо-Восточном Китае. Государственный департамент предложил, чтобы банковские группы четырех государств дали обязательство поддерживать соответствующие декларации своих правительств о том, что статья 16-я контракта не создает «монопольного права» на финансирование китайских займов⁶⁰). В сентябре 1911 г. в Берлине состоялось совещание представителей четырех финансовых групп, на котором обсуждался вопрос о проведении денежной реформы в Китае и вопрос об отношении консорциума к про-

⁵⁵) Там же, стр. 202—203.

⁵⁶) Там же, стр. 212—213. Извольский Нератову, 14/1 июля 1911 г.

⁵⁷) O. Franke. Die Großmächte in Ostasien von 1894 bis 1914. Hamburg, 1923, S. 362.

⁵⁸) «М. О.», серия II, т. XVIII, ч. I, стр. 247—249. Извольский Нератову, 20/7 июля 1911 г.

⁵⁹) Там же, стр. 319. Кудашев Нератову, 14/1 августа 1911 г.

⁶⁰) Там же, стр. 351. Запись, сделанная в министерстве иностранных дел 18/5 августа 1911 г.

тестам Японии и России против статьи 16-ой контракта. Конференция не достигла соглашения о принципах проведения финансовой реформы в Китае. Что касается статьи 16-ой, то было принято компромиссное решение, по которому консорциум банкиров брал обязательство не противиться отмене этой статьи в случае, если это сделает Китай. Все участники консорциума выразили согласие принять в свой состав русскую и японскую группы банкиров. Однако в связи с начинавшейся в Китае революцией банкиры не хотели рисковать капиталами и отложили выпуск займа до весны 1912 г.⁶¹⁾.

Царское правительство также решило занять выжидательную позицию, хотя и не добилось своей цели относительно вытеснения консорциума из Маньчжурии. Нератов писал русскому послу в Париже: «Мы не считаем возможным ни действовать дипломатическим путем в Пекине, чтобы побудить китайское правительство отказаться от 16-ой статьи контракта, ни удовлетвориться обязательством синдиката не распространять своей деятельности на Маньчжурию, полагая, что весь Китай к северу от Великой стены не должен входить в сферу четверного синдиката, имеющего столь враждебное нам направление»⁶²⁾. Российский капитал не мог сохранить свое преобладающее положение в Северной Маньчжурии на почве свободной конкуренции с более развитыми в экономическом отношении странами, поэтому царское правительство столь настойчиво препятствовало проникновению туда банковского консорциума. Укрепление позиций иностранного капитала в пограничной с Россией Северной Маньчжурии считалось недопустимым с точки зрения безопасности русских дальневосточных владений.

Соперничество держав в Китае задерживало его окончательное закабаление империалистами. Однако цинское правительство оказалось неспособным защитить суверенитет страны и шло на различные сделки с империалистическими державами с целью сохранения своего господства в Китае. Подобная политика маньчжурской династии вызывала усиливавшееся возмущение китайского народа. Созданный по инициативе американской дипломатии банковский консорциум претендовал на монопольное финансирование китайской экономики. Осуществление подобных притязаний превратило бы Китай в колонию наиболее развитых империалистических государств.

⁶¹⁾ «М. О.», серия II, т. XVIII, ч. II, стр. 27. Нератов Коковцову, 31/18 октября 1911 г.

⁶²⁾ Там же, стр. 318. Нератов Извольскому, 7 ноября/25 октября 1911 г.

2. Политика империалистических держав во время Синьхайской революции (до февраля 1912 г.)

Революция 1911-1913 гг. в Китае оказала большое влияние на международные отношения на Дальнем Востоке и способствовала подъему революционного и антиимпериалистического движения в других странах Азии. Причины, приведшие к созданию революционной ситуации в Китае, были порождены внутренним социально-экономическим развитием страны, но определенной роль в возникновении и развитии революции сыграла антиимпериалистическая борьба передовых слоев китайского общества. Отсталый полуфеодальный Китай попадал во все возрастающую зависимость от империалистических держав. В. И. Ленин писал: «Чем больше отставал Китай от Европы и от Японии, тем более грозил ему раздробление и национальное разложение»⁶³). В. И. Ленин также неоднократно отмечал колониалистскую политику великих держав в Китае и подчеркивал обострение межимпериалистического соперничества в Восточной Азии⁶⁴).

Иностранный капитал захватил в свои руки железные дороги Китая, значительную часть торговли, важные отрасли промышленности, страховое дело и т. д. В 1911 г. протяженность железных дорог Китая достигала 9618 км., из которых только 6,9% находилось под управлением китайцев; 39,1% железных дорог принадлежали иностранному капиталу и 54% железных дорог эксплуатировались под контролем иностранных империалистов⁶⁵). В 1914 г. иностранные капиталоло-

Экономические позиции главных империалистических держав в Китае в 1913—1914 г. характеризуются следующими данными⁶⁶)

Государства	Сумма годового оборота прямой торговли в млн. хугуанских таэлей	Капиталовложения в млн. амер. доллар.	Количество фирм в Китае	Число иностранных граждан, проживавших в Китае
Великобритания	113,3	607,5	590	8966
Р о с с и я	67,0	269,3	—	65000
Германия	45,3	263,6	296	2949
Я п о н и я	184,9	219,6	1269	80219
С Ш А	73	49,3	131	5340

⁶³) В. И. Ленин. Соч., т. 18, изд. 4, стр. 148.

⁶⁴) Там же, т. 22, стр. 260.

⁶⁵) «История экономического развития Китая 1840—1948 гг. Сборник статистических материалов». М., стр. 183.

⁶⁶) Вэй Цзы-чу. Капиталовложения империалистов в Китае (1902—1945), М., 1956, стр. 27.

вложения в Китае составляли 1610 млн. амер. долларов, из которых 496 млн. долларов составляли правительственные займы⁶⁷⁾.

На первом месте по капиталовложениям в Китае стояла Англия, затем шла царская Россия. Надо учитывать, что из 269,3 млн. долларов русских капиталовложений в Китае 189,3 млн. долларов составляла стоимость КВЖД, затем 32,8 млн. приходилось на правительственные займы Китая и в 4,1 млн. долларов определялась стоимость торговых предприятий русских купцов в Монголии. Следовательно, на долю русских капиталовложений в различные отрасли промышленности и торговли Китая приходилось около 44 млн. долларов. Из прямых деловых капиталовложений царской России в Китае в 1914 г. 98% приходилось на Маньчжурию⁶⁸⁾, поэтому в ходе китайской революции царское правительство стремилось оградить свои империалистические интересы в Северной Маньчжурии. Что касается Японии, то 68,9% ее деловых капиталовложений приходилось на Маньчжурию, где были созданы крупные японские железнодорожные и горно-рудные предприятия⁶⁹⁾. Японские монополии имели значительные вложения в обрабатывающую промышленность и внешнюю торговлю Южного Китая.

Наибольшие капиталовложения в южных и центральных районах Китая, ставших основными центрами революционного движения, имели Англия, Германия, Франция и Соединенные Штаты Америки. Следует отметить, что США, имевшие в Китае меньшие вложения капиталов по сравнению с другими великими державами, оказывали большое влияние на цинское правительство, а затем правительство Юань Ши-кая. С этой целью американская дипломатия использовала либеральную фразеологию и через многочисленную агентуру стремилась внушить китайцам, что Соединенные Штаты якобы защищают суверенитет и территориальную неприкосновенность Китая.

Предприятия иностранного капитала и отделения иностранных компаний, открытых в Китае, приносили большие доходы. Американский экономист Ремер подсчитал, что в благоприятные годы доходы иностранных капиталистов от вложений в частные предприятия Китая достигали 10—15%⁷⁰⁾. В 1912 г. «Японский финансовый и экономический ежемесячник» опубликовал сводную таблицу, посвященную итогам хозяйственной деятельности 52 иностранных компаний в Китае. Все компании выплачивали ежегодные дивиденды держателям

⁶⁷⁾ Таблица составлена на основе данных Ремера. С. М. Р е м е р. *Op. cit.*, p. 338, 407, 553, 618, 636, 652.

⁶⁸⁾ С. Р е м е р. *Op. cit.*, p. 585—587.

⁶⁹⁾ *Ibid.*, p. 426.

⁷⁰⁾ *Ibid.*, *Op. cit.*, p. 336.

акций не ниже 5%, а у большинства компаний дивиденды колебались от 10 до 40% от вложенного капитала⁷¹⁾. Прибыли страховых компаний были наиболее высокими. Их дивиденды достигали 20 и даже 50%. Японский журнал отмечал, что большинство из перечисленных 52 компаний либо принадлежали англичанам, либо контролировались их Гонконг-Шанхайским банком. «Действительно завидно видеть,— писал японский автор,— как британцы всегда полны энтузиазма в осуществлении своего финансового империализма»⁷²⁾. В 1913 г. фабрика английской компании «Джардаин-Мэтисон», основной капитал которой превышал 2 млн. юаней, дала прибыль свыше 772 тыс. юаней, что составляло 36,8% от вложенного капитала⁷³⁾. Иностранные капиталовложения и займы превратились в орудие эксплуатации китайского народа. С 1902 г. сумма прибылей и процентов по займам⁷⁴⁾, ежегодно вывозившихся из Китая, превышала ввоз капитала из-за границы⁷⁵⁾.

Беззащитное хозяйничание иностранного капитала задевало национальные чувства китайского народа и вызывало недовольство национальной буржуазии. Положение цинского правительства в стране все больше подрывалось его непрерывными уступками в пользу империалистов. Большое возмущение китайцев вызывали: захват железных дорог Китая империалистами, деятельность консорциума, уступки маньчжурской династии в пользу Японии, агрессивные действия Англии в Тибете и на Бирмано-китайской границе. В июне 1911 г. американский посланник в Китае Кальхун сообщал в Вашингтон: «В настоящее время нет недостатка в признаках возобновившегося и до некоторой степени широко распространявшегося недовольства среди китайцев к их правителям — маньчжурской династии. Это чувство, кажется, возникло вначале вследствие слабости центрального правительства в делах с Россией и Японией о территориальной юрисдикции в Монголии и управлении Маньчжурии и в конфликте с Великобританией о Юньнань-Бирманском разграничении и в договорах по торговле опиумом». Затем, коротко осветив события в Ки-

⁷¹⁾ «The Japan Financial and Economic Monthly», 1910, Nr. 10, p. 69—76.

⁷²⁾ Ibid. p. 234—235.

⁷³⁾ См. «История экономического развития Китая 1840—1948 гг. Сборник статистических материалов». М., 1958, стр. 162.

⁷⁴⁾ Общая сумма задолженности Китая по займам все время изменялась с взысканием одних и заключением других. По данным газеты «Чжэнфугунбао» от 14 ноября 1916 г. Китай при цинской династии заключил займов на сумму в 1 млрд. долларов. Газета «China Advertiser» № 39 за 1916 г., ссылаясь на китайские источники, утверждала, что ко времени установления республики в Китае сумма всех правительственных иностранных займов составляла 1358 млн. долларов. См. «Китай и Япония», № 245 и № 246 за 1916 г.

⁷⁵⁾ Вэй Цзы-чун. Указ. соч., стр. 14.

тае, Кальхун сделал вывод о том, что положение в стране «легко может стать критическим»⁷⁶⁾.

Английский империализм, опираясь на тибетских феодалов, продолжал активно вмешиваться в дела Тибета, добиваясь его отторжения от Китая. В сентябре 1910 г. правительство Великобритании поставило в известность Россию, что оно считает утратившим силу соглашение от 31 августа 1907 г. относительно обязательства двух стран не допускать в течение 3-х лет научных экспедиций в Тибет. Правда, при обмене мнениями по этому вопросу представители двух правительств отметили, что они не собираются посылать туда экспедиции⁷⁷⁾. Тем не менее, Англия использовала все возможности для осуществления различных интриг в Тибете. В начале 1911 г. правительство Великобритании стало добиваться от Китая разрешения на продолжение английской железной дороги из Бирмы в провинцию Юньнань. Английский империализм стремился укрепиться в пограничном районе между Бирмой и провинцией Юньнань, откуда лежал наиболее удобный путь в Тибет. Встретив сопротивление Китая, английское правительство сосредоточило на бирмано-китайской границе двухтысячный отряд своих войск, разместив их в районе Бамо (Бяньма)⁷⁸⁾. Возник длительный англо-китайский конфликт. В это время Франция концентрировала свои войска на границе между Индо-Китаем и провинцией Юньнань и нарушала неприкосновенность китайских границ.

В связи с агрессивной политикой Англии в Тибете и на бирмано-китайской границе в Китае произошел ряд антибританских выступлений. В январе 1911 г. в Ханькоу толпа китайцев, возмущенная действиями английского инспектора полиции, убившего рикшу, напала на английскую концессию. Для защиты концессии были использованы английский и германский десанты, высаженные с военных судов⁷⁹⁾. По сведениям газеты «Пекин дейли ньюс», патриотические организации в Юньнани обратились к шанхайским коммерческим организациям с призывом организовывать бойкот английских товаров⁸⁰⁾. Китайские студенты, обучавшиеся в Японии, призывали создать народное ополчение для борьбы против английского империализма⁸¹⁾. Все чаще вспыхивали революционные выступления в различных провинциях Китая.

Общезвестно, что поводом для начала революции в Китае явилась «национализация» частных китайских железных

⁷⁶⁾ «F. R.», 1912, р. 46—47. Кальхун государственному секретарю, 5 июня 1911 г.

⁷⁷⁾ ЦГАДВ, ф. 702, оп. 6, д. 162, л. 189.

⁷⁸⁾ «Китай и Япония», 1911, № 24, стр. 6.

⁷⁹⁾ М. Гутаев. У истоков русско-китайских революционных связей, Казань, 1961, стр. 154—155.

⁸⁰⁾ «Китай и Япония», 1911, № 28, стр. 13.

⁸¹⁾ «Вестник Азии», 1911, № 9, стр. 194.

дорог, осуществленная с целью облегчить железнодорожное строительство участникам хугуанского железнодорожного займа⁸²). Эта «национализация» противоречила интересам китайской национальной буржуазии и вызвала взрыв возмущения буржуазных и мелкобуржуазных кругов. В таких условиях Союзная лига подготовила революционное восстание воинских частей в Учане, начавшееся 10 октября 1911 г. Восстание в Учане победило. Вскоре власть цинского правительства в Учане была свергнута, а затем революция быстро распространилась на другие районы Китая.

Империалистические державы не смогли предотвратить революцию, но они зорко следили за развивавшимися событиями и принимали все меры к тому, чтобы не только отстоять свои позиции в Китае, но и расширить их. Руководители китайской революции, в том числе и Сунь Ят-сен, опасались возможной интервенции империалистических держав в случае, если революция примет антиимпериалистическую направленность. Поэтому они принимали все меры к тому, чтобы направить революционную энергию масс в русло борьбы против маньчжурской династии и дали заверения великим державам в том, что интересы последних в ходе революции не пострадают. 2 января 1912 г. временное правительство, образованное в Нанкине, обратилось с манифестом ко всем государствам, в котором указывалось, что оно признает все договоры, заключенные цинским правительством с другими государствами и будет «погашать долги по всем займам и контрибуциям, полученным и признанным маньчжурским правительством до революции, оставляя без изменений условия этих займов и контрибуции»⁸³).

Империалистические державы грубо вмешивались во внутренние дела Китая. Накануне революции представители Англии, США и Германии поддерживали маньчжурскую династию, настаивали на большей централизации Китая, выступали против предоставления значительных прав провинциальным властям, считая, что для осуществления планов консорциума и участников хугуанского займа удобнее иметь дело со слабым цинским правительством⁸⁴). Однако, вследствие острого соперничества, империалистические державы не только не смогли сохранить маньчжурскую династию на престоле, но своим беспрепятственным наступлением на Китай способствовали ее падению.

⁸²) 9 мая 1911 г. были издан декрет о «национализации» железных дорог, а 20 мая этого же года было подписано окончательное соглашение о хугуанском ж.-д. займе, в котором принимали участие Англия, Франция, США и Германия.

⁸³) Ху Шэнь. Указ. соч., стр. 189.

⁸⁴) J. Reid. Op. cit., p. 29.

Политика Великобритании по отношению к китайской революции определялась интересами финансовой олигархии, имевшей значительные капиталовложения в Китае, а также международным положением Англии, которая к этому времени стала наиболее влиятельной силой в блоке стран Антанты. Английское правительство стремилось поддерживать статус-кво в Китае, что давало возможность британскому империализму сохранить свои зоны влияния и преобладающие экономические позиции. Принцип сохранения статус-кво соответствовал также интересам британской международной политики, так как создавал предпосылки для укрепления союзнических отношений с Францией и Россией на почве дальневосточных дел. Революция в Китае, начавшаяся в сфере влияния Англии, вызвала серьезные опасения правящих кругов Великобритании за судьбу капиталовложений. Английская дипломатия прилагала все усилия, чтобы задушить революцию в Китае. В ходе революции Великобритания отказалась от поддержки маньчжурской династии, так как считала ее дело безнадежным. Английское правительство добивалось того, чтобы революция не пошла дальше свержения цинской династии и оставила в неприкосновенности социально-экономические отношения в отсталом полуфеодальном Китае. Победа народной революции могла бы создать сильное, централизованное китайское государство, способное изгнать иностранных империалистов из страны.

Победа китайской революции также противоречила интересам других империалистических держав. 18 октября 1911 г. консулы иностранных держав в Ханькоу опубликовали заявление о том, что их правительства будут соблюдать нейтралитет по отношению к китайским внутренним событиям⁸⁵). Выступив с заявлением о нейтралитете, английское правительство стало поддерживать консервативные и контрреволюционные силы во главе с Юань Ши-каем. 15 ноября 1911 г. министр иностранных дел Англии Грей сообщил британскому посланнику в Пекине Джордану о том, что Великобритания готова оказывать помощь Юань Ши-каю с целью создания правительства, которое «могло бы поддерживать порядок внутри страны, а также создать благоприятные условия для развития торговли»⁸⁶). В соответствии с этим указанием Джордан добивался передачи всей власти на территории Китая Юань Ши-каю⁸⁷).

Франция по основным вопросам политики в Китае сотрудничала с Великобританией и совместно с последней пыталась установить англо-французский финансовый контроль в Ки-

⁸⁵) Ху Шэн. Указ. соч., стр. 182.

⁸⁶) J. Bland. Op. cit., p. 283.

⁸⁷) O. Hauser. Op. cit., S. 72.

тае⁸⁸). Французские правящие круги поддерживали силы контрреволюции, стремясь сохранить свои капиталовложения в Китае и не допустить распространения революционного движения на Индо-Китае. Французская дипломатия опасалась, что в случае углубления революции силы ее союзников будут надолго отвлечены на Дальний Восток, что могло бы повести к установлению господства германо-австрийского блока в Европе. Следует учитывать, что революция в Китае началась раньше, чем был урегулирован второй марроканский кризис, заставивший Францию и Англию сконцентрировать силы для борьбы против Германии.

Правящие классы Японии весьма враждебно отнеслись к китайской революции. Они хотели видеть Китай слабым и отсталым, что давало возможность японскому империализму осуществлять свои захватнические замыслы. Еще летом 1909 г. премьер-министр Японии Кацура в беседе с английским послом в Токио Макдональдом высказывался против конституционных преобразований, заявив, что «Китай не был достаточно готов для этих учреждений»⁸⁹). Наиболее непримиримую позицию по отношению к революции заняла военно-бюрократическая клика, возглавлявшаяся Кацура и Ямагата. Правда, буржуазно-помещичья партия «кокуминто» и представители японских торгово-промышленных кругов, оперировавших в южных провинциях Китая, поддерживали антиманьчжурское движение на юге Китая, надеясь использовать свои связи с революционным движением в целях укрепления позиций японского капитала⁹⁰).

Когда начались революционные события в Китае, японское правительство предприняло энергичные дипломатические меры с целью взять в свои руки инициативу в удушении революционного движения. Русский посол в Токио сообщал: «С самого начала китайской революции здесь создалось такое настроение, что наступил момент, когда Япония должна позвать в Китае плоды своего союза с Англией и своих соглашений с Россией и Францией»⁹¹). Японское правительство довело до сведения американского поверенного в делах в Токио о том, что Япония ожидает просьбы со стороны цинского правительства о помощи для подавления антиманьчжурских выступлений. Японское правительство стремилось заручиться поддержкой великих держав, поэтому подчеркивалось, что Япония выступит со своими войсками в Китае лишь по поручению

⁸⁸) «D. D. F.», Serie 3, t. 1, p. 457—458.

⁸⁹) «B. D.», v. VIII, p. 469.

⁹⁰) См. «Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949)», М., 1956, стр. 240—241.

⁹¹) АВПР. Японский стол, д. 920, л. 254. Малевский-Малевич Сазонову, 28 декабря 1912 г.

заинтересованных государств⁹²). Представителю США было указано, что «20 тысяч японских солдат смогут достичь Пекина прежде, чем какие-либо другие страны смогут иметь там хоть одного человека». Исполняющий обязанности министра иностранных дел Японии заявил американскому поверенному в делах, что «Япония и Соединенные Штаты — единственные государства, которые были в состоянии действовать быстро»⁹³). Несмотря на заверения японского правительства о том, что Япония введет в Китай свои войска лишь с одобрения других государств, американский поверенный в делах сделал вывод, что «Япония будет действовать независимо от других стран»⁹⁴).

Японское правительство сделало попытку сблизиться с Соединенными Штатами Америки на почве общности контрреволюционных интересов и нашло в этом отношении определенное взаимопонимание со стороны правящих кругов США. Япония усилила свои военно-морские силы в прибрежных водах Китая, подготовила отправку трех канонерских лодок на реку Янцзы и предложила американскому правительству также послать несколько легких канонерских лодок для «сотрудничества с японскими судами, чтобы поддерживать коммуникации» по реке Янцзы открытыми. Министерство иностранных дел Японии заверило американского поверенного в делах в том, что дальнейшие действия в Китае будут предприняты лишь после «предварительного совета» с представителем Соединенных Штатов Америки⁹⁵).

Во второй половине октября 1911 г. официозный «Джапан таймс» в угрожающем тоне писал о том, что Япония предпримет самостоятельные меры для охраны своих интересов в Китае, если китайское правительство не восстановит порядок в стране⁹⁶). Затем в газетах различных стран появились заметки о предстоящем вводе значительных сил японских войск в Китай, с целью поддержания маньчжурской династии. Японское правительство, пытавшееся обеспечить благоприятное отношение правительства США к своим действиям в Китае, обратилось через американского представителя в Токио в государственный департамент с необычным в дипломатической практике заявлением, в котором выражалась надежда, что «правительство Соединенных Штатов признает Японию абсолютно искренней и прямой в ее китайской политике и в желании защищать только японских подданных»⁹⁷). Через несколько дней Нокс поручил сообщить в министерство ино-

⁹²) «F. R.», 1912, p. 50. Шайлер Ноксу,

⁹³) Ibidem.

⁹⁴) Ibidem.

⁹⁵) «F. R.», 1912, p. 163. Шайлер Ноксу, 16 октября 1911 г.

⁹⁶) «M. O.», серия II, т. XVIII, ч. II, стр. 248.

⁹⁷) «F. R.», 1912, p. 51. Шайлер Ноксу, 22 октября 1911 г.

«странных дел Японии о том, что государственный департамент положительно оценивает японскую политику в Китае⁹⁸).

Если в переговорах с государственным департаментом США японское правительство подчеркивало свою готовность действовать в Китае совместно с Соединенными Штатами, то в переговорах с царской Россией отмечалась прежде всего общность интересов России и Японии и проявлялось стремление японской военно-бюрократической клики подтолкнуть царское правительство на сепаратные действия в Китае для того, чтобы создать необходимый прецедент для японской интервенции. 19 октября 1911 г. японский посол в Петербурге Мотоно передал Нератову памятную записку, в которой говорилось о «необходимости для обоих правительств доверчиво помогать друг другу для защиты их тождественных интересов в Маньчжурии»⁹⁹). Среди правящих кругов Японии имелись противоречия относительно характера действий в Китае. Военные круги во главе с Кацура настаивали на интервенции. 1 ноября 1911 г. представитель японского военного министерства поставил в известность русское посольство в Токио о том, что японское правительство предполагает с согласия России и Англии переправить с Квантунского полуострова морем на Таку или Шанхайгуань одну бригаду японской пехоты для занятия Тяньцзиня или Пекина и железной дороги от Шанхайгуаня. Было указано, что японское министерство иностранных дел должно согласовать этот вопрос с Англией¹⁰⁰). Японские войска предполагалось использовать для поддержки маньчжурской династии. Однако ни Россия, ни Англия не одобрили этот план, да и японское правительство считало, что еще не настало время для интервенции. Поэтому два дня спустя министр иностранных дел Японии Утида заявил русскому поверенному в делах, что Япония пока не намерена посылать войска в Китай¹⁰¹).

Следует, отметить, что Япония в связи с революцией в Китае вела двойную игру, стремясь завоевать симпатии обоих борющихся лагерей для того, чтобы обеспечить свои позиции при любом исходе революции. 16 января 1912 г. лидер партии «кокуминто» Инукаи, выступая в японском парламенте, заявил, что несколько недель тому назад, накануне его поездки в Шанхай и Нанкин, министр иностранных дел Утида дал ему поручение — привлечь симпатии революционного Нанкинского правительства на сторону Японии. Но вскоре после этого стало известно, что японское правительство поддерживает маньчжурскую династию. Сделанный по этому поводу запрос в

⁹⁸) Ibid., p. 52.

⁹⁹) «М. О.», серия II, т. XVIII, ч. II, стр. 187. Нератов Броневскому, 19/6 октября 1911 г.

¹⁰⁰) Там же, стр. 293. Броневский Нератову, 2 ноября/20 октября 1911 г.

¹⁰¹) Там же, стр. 305. Броневский Нератову, 4 ноября/22 октября 1911 г.

нижней палате японского парламента вызвал скандал и об-суждался в закрытом заседании¹⁰²⁾.

Японское правительство передало цинским генералам транспорт оружия стоимостью почти в 2 млн. иен¹⁰³⁾. Правящие круги Японии опасались, что свержение маньчжурской династии в Китае усилит антимонархическое и революционное движение в Японии. 7 декабря 1911 г. министерство иностранных дел Японии просило американского посла в Токио довести до сведения государственного департамента, что в связи с ухудшением обстановки в Китае «японское правительство может считать интервенцию необходимой»¹⁰⁴⁾. Правительство Соединенных Штатов Америки, не возражавшее в принципе против интервенции, считало, что в случае необходимости ее следует осуществить коллективно, путем привлечения войск заинтересованных империалистических держав.

16 декабря 1911 г. японское посольство в Петербурге передало в министерство иностранных дел России памятную записку, в которой утверждалось, что дальнейшее развитие революции поведет к усилению ее антиимпериалистической направленности. Японское правительство предлагало, чтобы державы, «имеющие наиболее крупные интересы в Китае», совместно оказали давление на враждующие стороны, заставив маньчжурскую династию соблюдать конституцию и права китайцев, а революционеров принудить к прекращению борьбы. В памятной записке подчеркивалось, что установление республиканского правительства в Китае «будет фактически невозможно»¹⁰⁵⁾. Японские власти направили свою агентуру не только к цинскому двору, но и в лагерь революционеров для того, чтобы примирить враждующие стороны на выгодных для себя условиях. Однако инициативу «миротворца» перехватила Великобритания, которая таким путем надеялась утвердить у власти Юань Ши-кая. Японское правительство приняло предложение Англии о том, чтобы совместно предложить свои добрые услуги двум воюющим партиям в Китае¹⁰⁶⁾.

Империалистические державы стремились к быстрейшему удушению революции в Китае. В этом направлении действовали консулы шести держав в Ханькоу, оказывавшие давление на республиканское правительство. Организовать выступление великих держав с целью сохранения монархии японскому правительству не удалось. Против этого выступила Вели-

¹⁰²⁾ «Китай и Япония», 1912, № 75, стр 3—4.

¹⁰³⁾ «М. О.», серия II, т. XIX, ч. I стр. 183. Щекин Нератову, 12 декабря/29 ноября 1911 г.

¹⁰⁴⁾ «F. R.», 1912, p. 55. Брайан Ноксу, 7 декабря 1911 г.

¹⁰⁵⁾ «М. О.», серия II, т. XIX, ч. I, стр. 199—200.

¹⁰⁶⁾ Там же, стр. 214. Памятная записка японского посольства в Петербурге, 20/7 декабря 1911 г.

кобритания, желавшая сохранить инициативу в своих руках. Японское правительство официально уведомило Россию о том, что берет назад свое предложение о посредничестве¹⁰⁷). Правящие круги Японии выражали большое недовольство тем, что главная роль «в устройстве» китайских дел перешла к Англии, которая действовала в контакте с Францией и США. В Японии опасались, что подобная ситуация приведет к подрыву японского влияния не только в Китае, но и на всем Дальнем Востоке. В связи с тем, что Юань Ши-кай был ставленником Англии и Соединенных Штатов, Япония отказалась его поддерживать. Японская пресса вела пропаганду против Юань Ши-кай¹⁰⁸). В милитаристских кругах Японии продолжали сохранять надежду на то, что развитие событий приведет к интервенции в Китае и тогда Япония будет играть первую скрипку. Князь Кацура заявил, что китайский вопрос «должен быть разрешен с одобрения иностранных держав, в особенности же Японии, которая имеет в Китае особые экономические, политические и военные интересы»¹⁰⁹). Лидеры японской военно-бюрократической клики добивались раздела Китая между великими державами, надеясь аннексировать Южную Маньчжурию¹¹⁰). Японская дипломатия пыталась достигнуть соглашения с Германией относительно интервенции в Китае¹¹¹).

Подобно другим державам, царская Россия проводила империалистическую политику. Приняв предложение Японии относительно координации действий в Китае, царское правительство в дальнейшем заняло выжидательную позицию¹¹²). В ответ на запрос государственного департамента о позиции России, Нератов ответил, что интересы России в районах, охваченных революцией, весьма незначительны и что, по его мнению, в «настоящий момент» нет необходимости во вмешательстве держав в китайские дела¹¹³).

Русский посланник в Пекине Коростовец в телеграмме от 15 ноября 1911 г. на имя Нератова предлагал установить дружественные отношения с революционным правительством Китая, указывая, что таким путем царская Россия могла бы извлечь значительные выгоды¹¹⁴). Точка зрения Коростовца была одобрена Нератовым¹¹⁵). 26/13 апреля 1912 г. министр

¹⁰⁷) «М. О.», серия II, т. XIX, ч. I, стр. 265. Сазонов Щекину, 30/17 декабря 1911 г.

¹⁰⁸) См. «Japan Times», February 9, 1911; АВПР Японский стол, д. 919, л. 22, приложение к донесению поверенного в делах в Токио.

¹⁰⁹) «Китай и Япония», 1912, № 69, стр. 58—59.

¹¹⁰) «D. D. F.», Serie 3, t. 1; p. 259. Поверенный в делах Франции в Токио Клосс министру иностранных дел Сельву, 2 декабря 1911 г.

¹¹¹) Ibid., p. 562, 588.

¹¹²) «М. О.», серия II, т. XIX, ч. I, стр. 209—210.

¹¹³) «F. R.», 1912, p. 163. Вилер Ноксу, 16 октября 1911.

¹¹⁴) «М. О.», серия II, т. XIX, ч. I, стр. 13

¹¹⁵) Там же, стр. 56. Коростовец Нератову, 22/9 ноября 1911 г.

иностранных дел Сазонов, выступая в Государственной думе, заявил, что Россия с самого начала кризиса в Китае решила «держаться нейтрально по отношению к происходящей там борьбе, стремясь лишь к ограждению» собственных интересов¹¹⁶). В связи с изложенным нельзя согласиться с утверждением западногерманского историка О. Хаузера о том, что во время Синьхайской революции Англия, якобы, сдерживала наступательную политику России в Китае¹¹⁷).

Правительство Соединенных Штатов Америки выступило инициатором политики коллективных действий в борьбе против китайской революции. 14 октября 1911 г. Нокс направил телеграмму американским представителям за границей, в которой сообщал о том, что правительство США «ввиду серьезности настоящих волнений в Китае» считает желательным, чтобы американские подданные «сконцентрировались в открытых портах, легко доступных для иностранных военных кораблей». Нокс предложил американским дипломатам выяснить, считают ли другие правительства целесообразным такой шаг и «требует ли обстановка дальнейших мер государств для защиты иностранных интересов»¹¹⁸). Правительства Франции и России высказались против предложения США относительно принятия каких-либо коллективных действий в Китае¹¹⁹). В дальнейшем США принимали активное участие в совместных акциях империалистических держав в Китае, предпринимавшихся по инициативе Англии, в частности, американское правительство приняло предложение об охране железной дороги, связывавшей Пекин с морем, и решило послать один батальон морской пехоты в Тяньцзинь¹²⁰). В воды Китая были направлены корабли американского военно-морского флота.

Правительство Соединенных Штатов Америки пыталось опереться на Германию с целью укрепления американских позиций в Восточной Азии. Правящие круги Германии в первые месяцы китайской революции оказывали поддержку Маньчжурской династии, как поставками оружия, так и посылкой инструкторов в армию. Однако, когда выяснилась неизбежность падения монархии, Германская дипломатия попыталась отмежеваться от маньчжурской династии, и статс-секретарь по иностранным делам Кидерлен-Вехтер стал утверждать,

¹¹⁶) «Стенографические отчеты Думы», 3-й созыв, сессия 5, ч. III стб. 2165.

¹¹⁷) О. H a u s e r. Op. cit., S. 81.

¹¹⁸) «F. R.», 1912, p. 162. Нокс американским послам во Франции, Германии, Великобритании, Италии, Японии, России и посланнику в Китае.

¹¹⁹) Ibid., p. 163.

¹²⁰) Ibid., p. 166. Вильямс Ноксу, 10 ноября 1911 г. Нокс Вильямсу того же числа.

¹²¹) «М. О.», серия II, т. XIX, ч. I, стр. 182—183. Щекин Нератову, 12 декабря/29 ноября 1911 г.

что правительство Германии «с самого начала китайских беспорядков строго придерживалось принципов невмешательства»¹²²⁾.

В первой половине декабря 1911 г. Нокс в беседе с германским послом в Вашингтоне Бернсторфом сообщил последнему, что, по сведениям американского посольства в Токио, Япония ставит вопрос об интервенции в Китае. Затем государственный секретарь сослался на заявление Сазонова, который во время интервью в период пребывания в Париже заявил, что Россия, Япония, Англия и Франция имеют соглашение относительно китайского вопроса и не допустят там преждевременной интервенции. Нокс расценил заявление Сазонова как направленное против США и Германии с целью подрыва их влияния на Дальнем Востоке. По его мнению, Япония добивалась «мандата остальных держав» на проведение интервенции. Государственный секретарь выразил Бернсторфу пожелание американского правительства установить с Германией «тесное сотрудничество и совместные действия» в восточно-азиатских делах¹²³⁾.

Кидерлен-Вехтер отнесся к предложению Нокса настороженно. Германское правительство только что убедилось в своей изоляции на международной арене в связи со вторым марроканским кризисом. Кроме того, германские дипломаты не забыли, что ранее предпринимавшиеся ими попытки достичь соглашения с Соединенными Штатами по вопросам дальневосточной политики, оканчивались неудачей. Германский статс-секретарь по иностранным делам на полях донесения Бернсторфа сделал следующее замечание: «Да, но в таком случае американцы должны идти вперед и проводить правительство США подчеркивало, что оно стоит за то, чтобы потом оставить одних»¹²⁴⁾. Германия и Соединенные Штаты продолжали обмен мнениями. 23-го декабря 1911 г. американский посол в Берлине передал Циммерману памятную записку, в которой заявлялось, что государства, «имеющие важные интересы в Китае», должны рассмотреть вопрос о том, «какие дальнейшие меры могут способствовать созданию устойчивого и ответственного правительства в Китае»¹²⁵⁾. При этом правительство США подчеркивало, что оно стоит за то, чтобы коллективными мерами добиваться быстрой ликвидации революционного движения в Китае и положительно оценивает выступление представителей шести держав в Шанхае, настаивавших на прекращении гражданской войны. В памя-

¹²²⁾ «G. P.», Bd. XXXII, S. 241. Кидерлен-Вехтер послу в Токио Радону, 12 декабря 1911 г.

¹²³⁾ Ibid., S. 239—240. Бернсторф Кидерлен-Вехтеру, приблизительно 11 декабря 1911 г.

¹²⁴⁾ Ibid., S. 240.

¹²⁵⁾ Ibid., S. 241—242.

ной записке указывалось, что с подобной точкой зрения США ознакомлено японское правительство. Циммерман ответил американскому послу, что правительство Германии по этому вопросу будет придерживаться той же точки зрения, что и Соединенные Штаты¹²⁶⁾.

Государственный департамент, заручившись обязательством Германии выступить совместно с Соединенными Штатами, в то же время получил заверения со стороны России и Англии о согласии последних придерживаться принципа совместных действий великих держав в Китае¹²⁷⁾. Тем временем революционные события в Китае продолжали нарастать. Определилась неизбежность падения цинской династии. В ходе революции все больше проявлялась ее антиимпериалистическая направленность. В январе 1912 г. министр иностранных дел Франции Сельв писал о возможности интервенции держав в Китае в связи с выявившейся, по его мнению, «полной дезорганизацией Китайской империи»¹²⁸⁾. В таких условиях правительство Соединенных Штатов решило публично объявить о достигнутой им договоренности с другими державами относительно проведения политики «согласованных действий». С этой целью было использовано обращение германского посла в Вашингтоне Бернсторфа, который по поручению своего правительства просил дать «конфиденциальную информацию» об отношении США к последним событиям в Китае¹²⁹⁾.

3 февраля 1912 г. государственный департамент передал германскому послу ноту по вопросам политики в Китае. Нота затем была опубликована в американских газетах и передана представителям других держав. Содержание ее сводилось к предложению действовать совместно в борьбе против китайской революции. Кроме того, в этой ноте правительство США выступало против представления борющимся сторонам в Китае займов как частных, так и правительственных, без согласования «с другими заинтересованными державами»¹³⁰⁾. Правительство США, опубликовав ноту от 3 февраля 1912 г., преследовало прежде всего цель — оказать давление на революционно-демократическое крыло китайских революционеров, угрожая возможностью интервенции империалистических держав в случае, если революция примет неуютное империалистам направление. Это была прямая поддержка Юань Ши-

¹²⁶⁾ «G. P.», Bd. XXXII, S. 242.

¹²⁷⁾ Ibid., S. 247. Телеграмма Бернсторфа из Вашингтона, 13 января 1912.

¹²⁸⁾ «D D. F.», Serie 3, t. 1, p. 457. Сельв послу Франции в Петербурге, Ж. Луи, 9 января 1912 г.

¹²⁹⁾ «F. R.», 1912, p. 63. Бернсторф Ноксу, 31 января 1912 г.

¹³⁰⁾ «F. R.», 1912, p. 63—64. См. также «M. O.», серия II, т. XIX, ч. II, стр. 114.

кая и китайской контрреволюции. Нокс убеждал посла Франции в Вашингтоне поддерживать правительство Юань Шикая и в то же время отказался от встречи с Сунь Ят-сеном, который посетил проездом США¹³¹). Государственный департамент, взяв на себя инициативу в определении политики империалистических держав в Китае, надеялся поднять роль США на Дальнем Востоке. В связи с опубликованием ноты от 3 февраля русский посол сообщал из Вашингтона: «Вся печать гордится «первенствующей» ролью, сыгранной Соединенными Штатами, радуясь, что принцип открытых дверей вновь получил применение «на практике» под лозунгом «руки долой» и под покровительством двух держав, твердо идущих заодно в дальневосточных делах»¹³²).

Вопрос о займах был поднят в американской ноте в связи с тем, что банки империалистических держав из политических и экономических соображений предоставляли займы обоим лагерям, боровшимся в Китае, что подрывало монополию консорциума на предоставление китайских займов. По сведениям русского министерства иностранных дел, германская фирма «Арнольд Карберг» предоставила ссуду Юань Шикаю. Гонконг-Шанхайский банк вел переговоры с представителями пекинского правительства о новом значительном займе. Японский концерн Окура организовал японский заем для республиканцев юга¹³³).

Все державы с теми или иными оговорками согласились признать за основу дальнейшей политики в Китае принципы, провозглашенные в американской ноте от 3 февраля. Правительство Германии выразило «особое удовлетворение» тем, что американская позиция в отношении Китая полностью соответствует «немецким целям»¹³⁴). В данном случае для германского правительства особое значение имело то, что устанавливались более близкие отношения с Соединенными Штатами по вопросам дальневосточной политики. Министр иностранных дел Франции Пуанкаре весьма четко сформулировал суть достигнутого соглашения, указав, что поводом для «коллективной и согласованной интервенции» может явиться «угроза жизни и имуществу иностранцев» или длительная гражданская война¹³⁵). Министр иностранных дел Великобритании Э. Грей согласился с формулировкой, предложенной

¹³¹) «D. D. F.», Serie 3, t. 1, p. 576—577. Посол Франции в Вашингтоне Жусеран министру иностранных дел Пуанкаре, 30 января 1912 г.

¹³²) «M. O.», серия II, т. XIX, ч. II, стр. 112. Депеша Ю. Бахметьева из Вашингтона, 12 февраля/30 января 1912 г.

¹³³) «M. O.», серия II, т. XIX, ч. II, стр. 143. Сазонов Бенкендорфу.

¹³⁴) «F. R.», 1912, p. 66. Бернсторф Ноксу, 14 февраля 1912 г.

¹³⁵) «D. D. F.», Serie 3, t. 1, p. 607. Пуанкаре послам Франции в Берлине, Лондоне, Петербурге, Вашингтоне и Токио, 4 февраля 1912 г.

Пуанкаре относительно интервенции в Китае¹³⁶). Царское правительство в ответе на американскую ноту заявило, что оно сохраняло и будет сохранять нейтралитет по отношению к «двум партиям», борющимся в Китае, и выразило согласие вступить в переговоры с другими державами в случае, если интересы иностранцев окажутся под угрозой. Затем указывалось, что правительство России выступает против предоставления займов как сторонникам монархии, так и сторонникам республики в Китае¹³⁷). Таким образом, по инициативе США империалисты достигли соглашения о коллективной интервенции на тот случай, если бы другими путями не удалось подавить революцию в Китае. Японское правительство решило использовать ноту Нокса для того, чтобы добиться признания своих захватов в Китае от китайского правительства. 23 февраля 1912 г. японское посольство в Вашингтоне передало меморандум государственному департаменту, в котором предлагалось распространить «принцип совместного действия» держав на признание будущего правительства Китая. Япония предлагала, чтобы державы в вопросе о признании нового правительства выступили коллективно и добились обязательства Китая сохранить право экстерриториальности, соблюдать все договоры и обязательства, заключенные в период правления маньчжурской династии. Великобритания поддержала точку зрения Японии, затем формально с ней согласилось и правительство Соединенных Штатов Америки¹³⁸).

Прикрываясь разговорами о нейтралитете, империалисты осуществляли интервенцию в Китае. Дипломатический корпус в Пекине в начале ноября 1911 г. принял решение довести охранные отряды каждой иностранной миссии в Пекине до предельной нормы — 300 человек на миссию¹³⁹). К середине ноября 1911 г. в водах Китая было сосредоточено 51 иностранное военное судно. В Шанхае было сосредоточено 3350 человек иностранных солдат и офицеров¹⁴⁰). В 1912 г. вооруженные силы империалистических держав в Китае были увеличены. В Пекине, Тяньцзине и Шанхайгуане было сосредоточено 2440 японских солдат и офицеров. США перебросили батальон солдат с Филиппин в Китай для охраны железной дороги¹⁴¹). Германское правительство увеличило свои войска в Циндао, Англия в Гонконге, а Франция на границе Китая с Индо-Китаем, Япония и царская Россия зорко следили за событиями в Северо-Восточном Китае.

¹³⁶) Ibid., p. 612.

¹³⁷) «М. О.», серия II, т. XIX, ч. II, стр. 144.

¹³⁸) «Ф. Р.», 1912, p. 68.

¹³⁹) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, д. 726, л. 568.

¹⁴⁰) Е. А. Белов. Революция 1911—1913 годов в Китае, М., 1958, стр. 63—64.

¹⁴¹) «М. О.», серия II, т. XIX, ч. II, стр. 21. Рапорт военного агентства.

В ходе революции возросло национальное самосознание китайского народа. Когда стало известно о помощи оружием, которую оказала Германия маньчжурам, то в Китае с конца 1911 г. начались выступления за организацию антигерманского бойкота¹⁴²⁾. После того, как в Шанхае и других южных портах Китая бойкот начал осуществляться, германская пресса стала объяснять организацию бойкота происками японцев. Японские газеты, в свою очередь, разъясняли, что причиной антигерманского бойкота являются поставки оружия пекинскому правительству, которое решило оплачивать их, передав под контроль Германии доходы с Пекин-Калганской железной дороги¹⁴³⁾.

Происки японского империализма в Южной Маньчжурии, в том числе пропаганда, которая велась в японской прессе за включение Ляодунской арендованной территории в состав японской империи, привели к антияпонскому бойкоту. Начавшийся в Южной Маньчжурии летом 1912 г. антияпонский бойкот товаров осенью распространился на Гонконг, Кантон, а также на Сингапур¹⁴⁴⁾. Газета «Пекин дейли ньюс» писала: «Недалеко то время, когда Китай властно потребует пересмотра всех существующих договоров и соглашений; тогда резко изменится соотношение сил на Дальнем Востоке и отойдут в область предания так называемые «принципы наибольшего благоприятствования держав» и консульские юрисдикции¹⁴⁵⁾.

Патриоты Китая с большим опасением отнеслись к ноте Нюкса от 3 февраля, усматривая в ней подготовку империалистических держав к расширению интервенции в Китае. Противоречия между империалистическими государствами ослабляли их натиск на Китай, однако, благодаря деятельности американской дипломатии, было создано очень сильное средство давления на китайскую революцию в виде Четверного консорциума и принципа «совместных действий». В ходе революции все более давал себя знать национальный фактор — стремление китайского народа освободиться от неравноправного положения. Капитан Черкасов, находившийся в это время в Китае, писал в мае 1912 г.: «Во всех газетах и на митингах усиленно пропагандируется необходимость прекратить все внутренние раздоры, сплотиться против иностранцев, имеющих намерение разделить Китай»¹⁴⁶⁾.

Главная цель, которой добивались великие державы во время Синьхайской революции, заключалась в том, чтобы не допустить ее дальнейшего развертывания и превращения в мощную антиимпериалистическую революцию. С этой целью

¹⁴²⁾ «Китай и Япония», 1912, № 69, стр. 45.

¹⁴³⁾ Там же, № 74, стр. 28—29.

¹⁴⁴⁾ Там же, № 112, стр. 40.

¹⁴⁵⁾ «Китай и Япония», 1912, № 113, стр. 28.

¹⁴⁶⁾ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, д. 727, л. 200.

правительства капиталистических держав оказывали активную поддержку контрреволюционным силам. Ведущая роль в борьбе против революции оказалась в руках Великобритании и Соединенных Штатов Америки.

3. Консорциум и борьба великих держав за господство в Китае в 1912—1913 гг. Поддержка правительства Юань Ши-кая империалистами

Империалистические державы грубо вмешивались во внутренние дела Китая, угрожали расширить вооруженную интервенцию, финансировали правительство Юань Ши-кая. Империалисты считали, что в создавшихся условиях следует оказать значительную финансовую поддержку контрреволюционным силам в Китае и таким путем поставить страну под свой контроль. В декабре 1911 г. в Пекине состоялось совещание посланников 4-х держав — участниц консорциума, на которое были приглашены посланники Японии и царской России. На совещании представители США, Англии, Франции и Германии высказались за выдачу правительству Юань Ши-кая ссуды в 3 млн. лан для уплаты жалования войскам¹⁴⁷). Русский поверенный в делах в Пекине Щекин писал, что дипломатов империалистических держав в Китае объединяет боязнь «наступления анархии», т. е. опасение дальнейшего развития революции. Но кроме того, писал Щекин, каждая из них «руководствуется еще индивидуальными соображениями, а именно: английский посланник — доверием к личности Юань Ши-кая и сомнением в осуществимости республики в Китае, германский посланник — стремлением поддержать династию, французский поверенный в делах — желанием содействовать заключению займа и американский посланник — заботой о сохранении за Америкой ее роли в Китае»¹⁴⁸).

Во второй половине февраля 1912 г., вскоре после избрания Юань Ши-кая временным президентом Китайской республики, его правительство возбудило перед Четверным консорциумом вопрос о предоставлении займа¹⁴⁹). Как уже отмечалось, Япония и царская Россия в течение 1911 г. энергично выступали против передачи банкирам 4-х держав исключительного права на финансирование различных предприятий в Северо-Восточном Китае (статья 16-я контракта о займе). Противоречия между державами, а также начавшаяся революция привели к тому, что консорциум не успел разместить заем в 10 млн. фунтов стерлингов. По нему лишь были выда-

¹⁴⁷) «М. О.», серия II, т. XIX, ч. I, стр. 194—195. Щекин Сазонову, 15/2 декабря 1911 г.

¹⁴⁸) Там же, стр. 196.

¹⁴⁹) «М. О.», серия II, т. XIX, ч. II, стр. 209. Щекин Сазонову, 28/15 февраля 1912 г.

ны авансы. Однако консорциум сохранил свои «права» на финансирование Китая и в ответ на просьбу Юань Ши-кай о субсидиях выдвинул проект предоставления Китаю так называемого реорганизованного займа, сумма которого первоначально определялась в 60 млн. фунтов стерлингов.

Новые переговоры о займе начались в связи с выдачей Юань Ши-каю денежного аванса, причем и на этот раз Япония и Россия пытались выдвинуть уже известные претензии относительно ограничения деятельности консорциума в Маньчжурии и Монголии. Однако участники консорциума действовали быстро и решительно, указывая, что предоставление аванса и займа имеет большое политическое значение. 2 марта 1912 г. английское правительство сообщило царскому и японскому правительствам о выдаче аванса в 7 млн. лан и предлагало им присоединиться к консорциуму и назвать банки, которые будут принимать участие в выдаче займов Китаю¹⁵⁰). Участники консорциума ставили Россию и Японию перед совершившимся фактом, предлагая либо принять участие в займах на равных с другими участниками консорциума условиях, либо оказаться исключенными из дальнейших финансовых операций. В связи с этим Сазонов писал, что «великобританское правительство стремится произвести на нас и на японское правительство дипломатическое давление, чтобы осуществить присоединение России и Японии к консорциуму...»¹⁵¹).

Германия, а затем и Соединенные Штаты Америки выразили свое согласие на участие России и Японии в займах для правительства Юань Ши-кай. Характерно, что статс-секретарь по иностранным делам Кидерлен-Вехтер в письме к германскому послу в Петербурге подчеркивал, что Германия соглашалась на участие России и Японии в займах, учитывая «настоящее положение дел в Китае», но не намерена связывать себя какими-либо обязательствами на будущее время¹⁵²). Особенностью переговоров 1912—1913 гг. о займах для Китая было то, что их инициатива окончательно перешла в руки правительств, а банковские группы проявили заботу лишь о гарантиях своих капиталовложений. В ходе переговоров всячески подчеркивался политический характер проектируемых займов. В этом отношении весьма показательна нота, переданная французским посольством в Петербурге министру иностранных дел России 9 марта 1912 г. «Ввиду того, что дальше оставлять Юань Ши-кай без денег для расплаты

¹⁵⁰) Там же, стр. 226. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел, 2 марта 1912.

¹⁵¹) «М. О.», серия II, т. XIX, ч. II, стр. 240. Сазонов Коковцову, 7 марта/23 февраля 1912 г.

¹⁵²) «G. P.», Bd. XXXII, S. 294. Кидерлен-Вехтер Пурталесу, 1 марта 1912 г.

с войсками было бы опасно,— отмечалось в ноте,— консорциум банков выдал ему первый аванс в 2 млн. лан в Нанкине и готовится выдать ему второй в 3 млн. лан в Пекине»¹⁵³).

Империалистические державы, напуганные возможностью дальнейшего разветвления революции в Китае, стремились при помощи займов укрепить реакционный режим Юань Шикая и одновременно с этим поставить Китай в финансовую зависимость для того, чтобы держать под контролем его дальнейшее развитие. Царский посол в Лондоне Бенкендорф писал, что в правящих кругах Англии боялись превращения Китая в великую державу, «поэтому пришли к мысли, что в настоящий момент применимо только одно средство воздействия, а именно — надеть узду на китайскую казну»¹⁵⁴). Изучение дипломатической переписки показывает, что в данном случае политическому характеру реорганизационного займа придавалось первостепенное значение. 31 марта 1912 г. в памятной записке французского посольства, переданной Сазонову, еще раз подчеркивалась эта сторона вопроса: «Французское правительство считает необходимым заем, который Китай желает заключить в целях своего переустройства, но в то же время оно полагает, что ввиду важности предположенной операции с политической точки зрения руководство переговорами не может быть предоставлено исключительно представителям банков и что державам, имеющим в Китае крупные интересы, надлежит принять участие в определении условий.

Надо будет установить порядок реформ и организовать контроль для наблюдения над расходом фондов»¹⁵⁵).

Министерство иностранных дел Великобритании указывало, что, санкционируя авансы в счет будущих займов, поспешно выданных Юань Шикаю, правительство Англии преследовало цель укрепить «фактическую власть» в Китае «против сил анархии»¹⁵⁶). Царское правительство согласилось принять участие в выдаче предполагавшегося аванса правительству Юань Шикая с оговоркой, что это не предпринимает позиции России «по отношению к будущим китайским займам, которые могут быть заключены консорциумом»¹⁵⁷).

¹⁵³) «М. О.», серия II, т. XIX, ч. II, стр. 246. Вербальная нота французского посольства в Петербурге министру иностранных дел, 9 марта/25 февраля 1912 г.

¹⁵⁴) «М. О.», серия II, т. XIX, ч. II, стр. 336. Бенкендорф Сазонову, 27/14 марта 1912 г.

¹⁵⁵) Там же, стр. 360.

¹⁵⁶) Там же, стр. 366. Меморандум английского министерства иностранных дел российскому послу в Лондоне Бенкендорфу, 2 апреля/20 марта 1912 г.

¹⁵⁷) «М. О.», серия II, т. XIX, ч. II, стр. 259—260. Памятная записка министерства иностранных дел английскому послу в Петербурге, 13 марта/29 февраля 1912 г.

18 марта 1912 г. японское правительство официально объявило о вступлении в консорциум с целью участия в реорганизационном займе и назначило Иокогама-спеши банк представителем японской финансовой группы¹⁵⁸). Вступление Японии в консорциум было неожиданным для царского правительства, так как Япония ранее предлагала действовать в этом вопросе совместно с Россией¹⁵⁹). В ответ на соответствующий запрос, японское правительство разъяснило свою позицию, указав, что Япония не могла отказаться от участия в займе, так как в таком случае он был бы заключен и без Японии. Японское правительство предлагало России вступить в консорциум и совместно с Японией добиваться от участников консорциума признания специальных интересов двух держав в Маньчжурии и Монголии. В качестве главного аргумента, определившего вступление Японии в консорциум, японское правительство выдвигало вопрос о контроле над финансами Китая. «Первым вопросом,— указывалось в памятной записке японского посольства в Петербурге,— который возникнет после заключения займа, будет вопрос о контроле над китайскими финансами. Если мы примем участие в этом займе, с нами будут считаться, если мы участия в нем не примем, мы не сможем также участвовать в этом контроле. Имперское правительство считает излишним подчеркивать важность этого вопроса. Япония и Россия не могут оставить контроль над китайскими финансами в руках одних только четырех держав»¹⁶⁰).

В инструкции японским представителем, участвовавшим на конференции шести государств, где устанавливались условия реорганизационного займа, были сформулированы те условия, на которых Япония согласилась участвовать в консорциуме. Главными из них были следующие: 1) Япония, не располагавшая значительным количеством свободных средств, добивалась права размещения своей доли займа на иностранных денежных рынках; 2) заем не должен был «нанести в чем бы то ни было ущерб специальным правам и интересам Японии» в Южной Маньчжурии и Монголии; 3) Япония должна была «иметь такие же права, как и другие заинтересованные страны во всем, что касается этого займа и, в частности, в приглашении технического персонала». 4) Японским уполномоченным предписывалось поддерживать контакт с «русскими финансовыми представителями» в консорциуме¹⁶¹).

¹⁵⁸) «М. О.», серия II, т. XIX, ч. II, стр. 296. Броневский Сазонову, 18/5 марта 1912 г.

¹⁵⁹) Там же, стр. 301. Сазонов Броневскому, 20/7 марта 1912 г.

¹⁶⁰) «М. О.», серия II, т. XIX, ч. II, стр. 321—322. Памятная записка японского посольства в Петербурге министру иностранных дел, 25/12 марта 1912 г.

¹⁶¹) «М. О.», серия II, т. XIX, ч. II, стр. 453. Проект инструкции японским финансовым представителям на конференцию о китайском займе.

6 апреля (24 марта) 1912 г. царское правительство объявило о своем согласии принять участие в реорганизационном займе для Китая и назначило представителем русской финансовой группы в консорциуме Русско-Азиатский банк. В заявлении по этому вопросу содержалась оговорка о том, что «условия реорганизационного займа не должны содержать ничего, что могло бы нанести ущерб специальным правам и интересам России в Северной Маньчжурии, в Монголии и в Западном Китае»¹⁶²). Правительство Англии¹⁶³), а затем и правительства других стран — участниц консорциума согласились с этой оговоркой царского правительства. В связи со вступлением России в консорциум французская официозная газета «Тан» отмечала прежде всего политическое значение этого факта, подтверждавшего стремление России «идти вперед по пути широкого применения союза» с Францией¹⁶⁴). После принятия России и Японии в консорциум руководящая роль в нем перешла к группе стран Антанты, и стало очевидным, что надежды американской дипломатии использовать консорциум для борьбы против России и Японии не оправдались.

Правительство Японии использовало вступление в консорциум для того, чтобы добиться подтверждения своих «специальных интересов» в Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии Соединенными Штатами Америки. Государственный департамент согласился считаться с теми правами и интересами Японии в названных областях, которые были установлены договорами¹⁶⁵). В это же время Австро-Венгрия при поддержке Германии сделала попытку вступить в консорциум, но против этого сплоченно выступили страны Антанты и австро-венгерскому правительству пришлось отступить¹⁶⁶).

Следует отметить, что согласие Японии и царской России на участие в реорганизационном займе, превратившее Четверной консорциум в Шестерной, не сняло, а обострило межимпериалистические противоречия держав в Китае. Позиции США в консорциуме оказались еще более ослабленными. Переговоры участников Шестерного консорциума, которые шли в Лондоне, оказались очень затяжными. Японские представители предложили принять специальную декларацию о том, что китайское правительство не должно тратить суммы, полу-

¹⁶²) Там же, стр. 378. Памятная записка министерства иностранных дел, 6 апреля/24 марта 1912 г.

¹⁶³) Там же, стр. 426. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел, 19/6 апреля 1912 г.

¹⁶⁴) Там же, стр. 458. Извольский Сазонову, 25/12 апреля 1912 г.

¹⁶⁵) «F. R.», 1912, p. 79. Памятная запись разговора между исполняющим обязанности государственного секретаря и японским послом, 16 мая 1912 г.

¹⁶⁶) «M. O.», серия II, т. XIX, ч I, стр. 25.

ченные по реорганизационному займу, на нужды Маньчжурии и Монголии¹⁶⁷). Против этого выступили представители США, Англии и Германии, которые требовали совмещать признание специальных интересов с принципом «открытых дверей»¹⁶⁸).

На заседаниях представителей консорциума долго дебатировался вопрос о праве банков, не входящих в консорциум, размещать облигации китайского займа в странах, являющихся членами консорциума. Дело в том, что в состав русской банковской группы входило восемь банков. Из них только один Русско-Азиатский был русским, хотя и работал в значительной степени на французские капиталы; другие семь банков являлись бельгийскими, английскими и французскими¹⁶⁹). Они вошли в состав русской банковской группы в связи с тем, что до присоединения России к консорциуму были членами синдиката, созданного для финансирования Китая с целью подрыва монополии банкиров четырех держав в Китае. Ни Россия, ни Япония не располагали достаточными возможностями для того, чтобы разместить свою долю китайского займа на собственных рынках и в связи с этим надеялись использовать денежные рынки Англии и Франции. Однако этому решительно воспротивился Гонконг-Шанхайский банк, начавшей играть ведущую роль в консорциуме¹⁷⁰). В конечном итоге России и Японии пришлось пойти на уступки.

20 июня 1912 г. был подписан синдикальный акт (соглашение об образовании синдиката) Шестерного консорциума. Консорциум создавался сроком на пять лет. Банковские группы шести государств, входивших в состав консорциума, обязались не проводить сепаратных финансовых операций в Китае. Статья 2-я соглашения гласила, что «каждая из договаривающихся сторон будет предлагать другим сторонам одинаковое участие в любой заемной или авансовой операции, в которую она может вступить после подписания сего договора с китайским правительством или с одной из провинций, входящих в состав Китая, или с китайскими правительственными учреждениями или с компаниями, коим предоставлена гарантия китайского или провинциального правительства...» Однако участники консорциума могли самостоятельно осуществлять текущие банковские операции и предоставлять займы и авансы, китайским компаниям. Синдикальный акт предусматривал установление контроля шести держав за расходованием средств, получаемых по займу китайским правительством. Кроме того, Китай должен был дать реальные гарантии, обе-

¹⁶⁷) «F. R.», 1912, p. 130. Американский посол в Лондоне Рид государственному секретарю, 20 мая 1912 г.

¹⁶⁸) Ibid., p. 80.

¹⁶⁹) «M. O.», серия II, т. XX, ч. 1, стр. 163. Бенкендорф Сазонову, 12 июня/30 мая 1912 г.

¹⁷⁰) Там же, стр. 117, Бенкендорф Извольскому, 18/5 мая 1912 г.

спечаивающие выплату процентов и погашение займа. «Ввиду исключительных условий, создавшихся в настоящее время в Китае,— отмечалось в синдикальном акте,— шесть групп пришли к соглашению, что прежде заключения какой-либо сделки... группы должны получить от китайского правительства заем или авансы, и немедленно сообщить их каждой из шести групп с целью дать последним возможность запросить заключение своих правительств, прежде чем тот или иной заем или аванс будет заключен, причем каждая из шести групп обязуется не допускать какой-либо сделки, против которой может возражать ее правительство¹⁷¹⁾).

Условия, при которых Шестерной консорциум соглашался финансировать правительство Юань Ши-кай, были явно кабальными. Империалисты стремились надолго подчинить себе экономику и финансы Китая. В этом сумели разобраться прогрессивные слои китайской общественности, выступившие против предоставления новых привилегий империалистам. Когда в Китае стало известно, что авансы, предоставлявшиеся Юань Ши-каю Четверным консорциумом, давались на условиях контроля, то это вызвало взрыв возмущения в стране и критику в китайском парламенте. «Проявившееся в палате враждебное отношение к иностранному займу,— писал русский посланник в Пекине,— нашло широкий отклик по всей стране. За последнее время как президентом республики, так и Советом министров и палатой представителей получены со всех концов Китая многочисленные телеграммы, протестующие против заключения займов у иностранцев и обвиняющие правительство в недостатке патриотизма и в неумелом ведении финансовых переговоров. Очень резкая телеграмма в этом смысле была получена от нанкинского наместника Хуан Сина, заявившего, что иностранный контроль будет гибелен для Китая, и предложившего прибегнуть к патриотизму народа, объявив подписку на внутренний заем. Известный Сунь Ят-сен равным образом высказался в Кантоне против внешнего займа, и агитация в этом направлении сильно распространяется по всему Югу»¹⁷²⁾).

Особое возмущение в Китае вызвала попытка правления Шестерного консорциума создать независимый от китайского правительства финансовый орган, под контроль которого сроком на 5 лет должны были перейти доходы от продажи соли (соляной монополии). Под давлением общественности правительство Юань Ши-кай вынуждено было отказаться от получения займа на подобных кабальных условиях. Министр

¹⁷¹⁾ «М. О.», серия II, т. XX, ч. I, стр. 185—186, 200.

¹⁷²⁾ «М. О.», серия II, т. XX, ч. I, стр. 106. Крупенский Сазонову, 1 июня/19 мая 1912 г.

финансов Китая заявил, что он даст разрешение провинциальным властям заключать займы у банкиров, не входящих в состав консорциума¹⁷³⁾. В связи с создавшейся обстановкой правительство Соединенных Штатов предлагало при переговорах с Китаем «твердо держаться» принципов, выработанных консорциумом, но если выяснится, что подобные условия китайское правительство принять не в состоянии, то предоставить ему свободу заключать другие соглашения¹⁷⁴⁾.

Замысел империалистов относительно установления финансового контроля над Китаем сорвался прежде всего благодаря патриотическим выступлениям китайского народа. Революция в Китае продолжалась. Положение правительства Юань Ши-кая было весьма непрочным. Дальнейшее пребывание Юань Ши-кая у власти зависело от получения денег, требовавшихся для подавления революции. В таких условиях английский империализм решил оказать самостоятельно значительную финансовую поддержку контрреволюционным силам в Китае. В июле 1912 г. стало известно, что английские и германские компании начали давать субсидии провинциальным властям. В это же время представитель крупного британского «Ллойд-банка» Крисп вступил в секретные переговоры с правительством Юань Ши-кая о займе для центрального правительства.

30 августа 1912 г. Крисп подписал соглашение с уполномоченным Юань Ши-кая о предоставлении пятипроцентного золотого займа в 10 млн. фунтов стерлингов¹⁷⁵⁾. В качестве гарантии займа был установлен доход с продажи соли в Китае. В случае задержки в погашении займа или выплаты процентов по нему «Ллойд-банк» мог потребовать передачи поступлений от соляной монополии в управление морских таможен, возглавлявшихся англичанами. По условиям соглашения Китай обязался не заключать новых займов на более выгодных для иностранных банкиров условиях до выпуска и продажи облигаций данного займа. За синдикатом «Ллойд-банка» сохранялось преимущество в реализации последующих китайских займов. Вскоре после заключения контракта «Ллойд-банк» выдал первый аванс правительству Юань Ши-кая. Условия этого займа были тяжелыми для Китая, однако он подрывал монополию Шестерного консорциума. Вскоре японский концерн Окура дал заем в 2 млн. иен из 6,5 процента годовых мукденским провинциальным властям под залог угольных шахт¹⁷⁶⁾. В январе 1913 г. английские и немецкие

¹⁷³⁾ Там же, стр. 273—274. Крупенский Сазонову, 8 июля/25 июня 1912 г.

¹⁷⁴⁾ «М. О.», серия II, т. XX, ч. I, стр. 379—380. Памятная записка английского посольства в Петербурге, 28/15 июля 1912 г.

¹⁷⁵⁾ J. Mac Millan. *Op cit.*, v. II, p. 967—972.

¹⁷⁶⁾ «Китай и Япония», 1912, № 111, стр. 37.

банкиры договорились о выдаче нового займа Юань Ши-каю¹⁷⁷).

Английское правительство, связанное обязательствами с Шестерным синдикатом, формально не одобрило деятельность английских банкиров, которые через «Ллойд-банк» предоставили заем Юань Ши-каю. Правительство Великобритании в данном случае проводило двойственную политику. Его представители заявили, что они не одобряют заем, данный «Ллойд-банком», но утверждали, что правительство бессильно его расторгнуть, так как английские банки в данных вопросах пользуются полной самостоятельностью. Подобная позиция давала возможность правящим кругам Великобритании оказать немедленную финансовую поддержку Юань Ши-каю и в то же время сохранить свое положение в Шестерном консорциуме. Определенную роль в этом деле сыграла также конкурентная борьба между английскими банковскими группами. В данном случае группа «Ллойд-банка», подписавшая контракт о займе в 10 млн. фунтов стерлингов, стремилась подорвать монополию Гонконг-Шанхайского банка на финансирование Китая.

Попытки участников консорциума заставить Китай отказаться от займа у «Ллойд-банка» окончились неудачей. В сентябре 1912 г. в Лондоне началась подписка на первую В противном случае, по мнению английского правительства, сообщало в царское министерство иностранных дел о том, что оно якобы оказалось не в состоянии воспрепятствовать заключению данного займа и предлагало возобновить переговоры Шестерного консорциума с правительством Юань Ши-каю. В противном случае, по мнению английского правительства, консорциум мог распасться¹⁷⁸). Таким образом, английский империализм укрепил свои позиции в Китае за счет займа «Ллойд-банка», но считал необходимым сохранение Шестерного консорциума. Что касается царского правительства, то оно не возражало против распада консорциума при условии, если бы из него вышла Франция¹⁷⁹).

Неофициальный обмен мнениями между представителями консорциума и правительством Юань Ши-каю продолжался и после разрыва официальных переговоров, причем представители Юань Ши-каю указывали, что Китай хочет сократить сумму займа с 60 млн. фунтов стерлингов до 20 млн. фунтов стерлингов и что в связи с этим консорциум должен согласиться с ослаблением контроля за расходованием средств, ко-

¹⁷⁷) «F. R.», 1913, р. 148. Нокс американскому посланнику в Китае, 24 января 1913 г.

¹⁷⁸) «M. O.», серия II, т. XX, ч. II, стр. 300—303.

¹⁷⁹) Там же, стр. 322—323. Нератов Извольскому, 1 октября/18 сентября 1912 г.

торые будут получены по займу. Финансовые трудности заставляли Юань Ши-кай искать соглашения с банкирами. Хорошо осведомленный японский журнал писал в сентябре 1912 г.: «Можно с уверенностью сделать вывод, что переговоры о займе закончатся положительно в той или иной форме»¹⁸⁰). В октябре 1912 г. Юань Ши-кай предложил Шестерному консорциуму возобновить официальные переговоры о займе¹⁸¹). В связи с этим вскоре было объявлено об аннулировании китайского займа у «Ллойд-банка», по которому было размещено облигаций на 5 млн. фунтов стерлингов из общей суммы займа в 10 млн. фунтов стерлингов¹⁸²).

Дальнейшие переговоры Шестерного консорциума о займе были осложнены обострением борьбы между странами Антанты и германо-австрийским блоком, которое явилось следствием первой балканской войны. Для Германии, которая оказалась на грани войны с Россией и ее союзниками из-за противоречий на Балканах, становилось все труднее сотрудничать с ними на Дальнем Востоке. Все же к февралю 1913 г. основные вопросы, связанные с предоставлением Китаю реорганизационного займа, были урегулированы. Сумма займа определялась в 25 млн. фунтов стерлингов. На должность четырех советников (инспекторов) при правительстве Юань Ши-кай, с согласия правительства Соединенных Штатов, назначались граждане Великобритании, Германии, Франции и России¹⁸³).

Представители монополий выражали надежду, что китайский заем у Шестерного консорциума будет содействовать организации новых прибыльных предприятий иностранного капитала в Китае. В феврале 1913 г. председатель собрания акционеров Гонконг-Шанхайского банка говорил о том, что дела коммерсантов на юге Китая «идут отлично... Я уверен, что все присутствующие лица разделяют мое мнение, что рациональное потребление полученных Китаем денег будет способствовать восстановлению его кредита и доверия и увеличению коммерческой и промышленной деятельности страны на благо самого Китая и всех заинтересованных в дальневосточной торговле иностранных государств»¹⁸⁴). Однако подпи-

¹⁸⁰) «The Japan Financial and Economic Monthly», 1912, Nr. 9, p. 52.

¹⁸¹) «М. О.», серия II, т. XX, ч. II, стр. 387. Крупенский Нератову, 7 октября/24 сентября 1912 г.

¹⁸²) С. Remer. Op. cit., p. 128—129.

¹⁸³) «F. R.», 1913, p. 160. Нокс послу США в Германии, 17 февраля 1913 г. Правительство Юань Ши-кай еще до заключения займа у консорциума назначило иностранных советников: Моррисона (англичанин) — по политическим делам, Дженкс (американец) — по финансовым вопросам, Бриссо-Демалье (француз) — по военным вопросам.

¹⁸⁴) «Вестник Азии», 1913, № 16—17, стр. 104.

сание соглашения о займе было задержано в связи с отказом американской банковской группы участвовать в финансировании Китая через Шестерной консорциум.

В марте 1913 г. на пост президента Соединенных Штатов Америки вступил ставленник демократической партии Вильсон. В конгрессе большинство перешло также к демократам. В период избирательной борьбы 1912 г. демократы критиковали республиканское правительство Тафта за его неудачи в попытках укрепить позиции США на Дальнем Востоке. Президент Вильсон и новый государственный секретарь Брайан считали необходимым пересмотреть методы, при помощи которых американский империализм пытался занять господствующее положение в Китае. К этому времени выяснилось, что в консорциуме, созданном по инициативе американского правительства, Соединенные Штаты оказались в подчиненном положении и должны были идти на поводу у стран Антанты. На одном из первых заседаний своего правительства Вильсон говорил: «Если бы мы приняли участие в займе вместе с другими странами, мы бы ничего не получили, кроме большего влияния в Китае и потеряли бы великолепное положение, которое Америка получила, когда секретарь Хэй выступил за политику открытых дверей в Китае после боксерского восстания»¹⁸⁵).

Президент Вильсон поставил задачу восстановить независимый характер американской политики в Китае, который был утрачен в результате вступления Соединенных Штатов в консорциум¹⁸⁶). Участие США в займе через Шестерной консорциум могло увеличить американские капиталовложения в Китае примерно на 20 млн. долларов, что никоим образом не могло компенсировать там слабость экономических позиций Соединенных Штатов Америки.

18 марта 1913 г. президент Вильсон, после предварительных переговоров с представителями американской банковской группы, одобрил декларацию относительно политики Соединенных Штатов в Китае, которая 20 марта была опубликована в американских газетах. В декларации отмечалось, что в свое время правительство Соединенных Штатов хотело участия американских банкиров «вместе с банкирами других наций» в субсидировании Китая и желало, «чтобы добрая воля Соединенных Штатов к Китаю была показана таким практическим путем, чтобы американский капитал имел доступ в эту великую страну и чтобы Соединенные Штаты были в таком положении, чтобы они могли разделить с другими государствами любую политическую ответственность, которая может быть связана с развитием международных отношений

¹⁸⁵) R. Curry. Op. cit., p. 24.

¹⁸⁶) См. F. Tannenbaum. Op. cit., p. 102.

Китая в связи с его промышленными и коммерческими предприятиями»¹⁸⁷). Затем в декларации Вильсона говорилось о том, что американские банкиры довели до сведения президента о своем решении участвовать в выдаче займа через консорциум лишь при условии, «если правительство будет настоятельно просить их об этом», но правительство отказалось от обращения к банкирам потому, что оно не одобряет условия займа, которые предусматривали вмешательство во внутренние дела и контроль над финансами Китая¹⁸⁸).

Однако, сделав широкий жест по адресу Китая и заявив о своем неодобрительном отношении к политике консорциума, президент Вильсон также недвусмысленно указал, что американский империализм не отказывается от участия в эксплуатации «почти не тронутых и пожалуй не имеющих себе равных ресурсов Китая». Декларация оканчивалась следующими словами: «Правительство Соединенных Штатов серьезно желает развивать наиболее широкие тесные торговые отношения между этой страной и Китайской республикой. Настоящее правительство будет выдвигать и поддерживать законодательные меры, необходимые для того, чтобы дать американским купцам и промышленникам, подрядчикам и инженерам банковские и другие финансовые льготы, которых им сейчас недостает и без которых они сейчас находятся в серьезных невыгодных условиях по сравнению с промышленными и торговыми конкурентами. Это его долг. Это главный материальный интерес его граждан в развитии Китая. Наши интересы— это интересы открытых дверей— дверей дружбы и взаимной выгоды. Это единственная дверь, в которую мы стремимся войти»¹⁸⁹). Если отбросить обычные для подобных заявлений американской дипломатии фразы о «дружбе» с Китаем, то суть декларации президента Вильсона предельно ясна— это обязательство правительства создать лучшие условия для проникновения американского капитала в Китай.

19 марта 1913 г. американская группа довела до сведения участников Шестерного консорциума, что в связи с декларацией президента она «выходит из переговоров» о реорганизационном займе¹⁹⁰). Но здесь же указывалось, что американские банки остаются участниками хугуанского займа и займа для проведения денежной реформы в Китае¹⁹¹). Выход американской группы из консорциума дал значительный между-

¹⁸⁷) «F. R.», 1913, p. 170.

¹⁸⁸) В германском ведомстве иностранных дел считали, что президент Вильсон использовал решение американской банковской группы о выходе из консорциума для того, чтобы «завоевать расположение Китая» и с этой целью опубликовал специальную декларацию. См. A. Link. Op. cit., p. 83.

¹⁸⁹) «F. R.», 1913, p. 172.

¹⁹⁰) Ibid., 172—173. Американская группа— Морган, Грентель и компания участникам Шестерного консорциума.

¹⁹¹) Ibidem.

народный резонанс, но не мог его разрушить. Шестерной консорциум превратился в пятерной. Корреспондент «Нью-Йорк таймс» в Пекине писал, что «Соединенные Штаты являются наименее влиятельным элементом в переговорах и их уход не повлияет на заем»¹⁹²). Основной причиной выхода американской банковской группы из консорциума явилось то, что США утратили руководящую роль в консорциуме, которая перешла к Англии и Франции.

Как в прессе, так и в американских дипломатических кругах были высказывания, осуждавшие выход Соединенных Штатов Америки из консорциума. Генеральный консул США в Иокогаме Т. Саммонс в письме на имя Вильсона писал, что выход Соединенных Штатов из консорциума укрепит позиции Японии, так как американское правительство отказалось проводить политику, согласованную с европейскими странами. «Япония фактически желает, — писал Самсон, — и, по моему мнению, предполагает распорядиться Китаем по-своему. Китай боится прежде всего Японии, а уже потом Европы. Естественно Япония не желает никаких займов в Китае, которые не служат ее целям и ее планам преобладания на Дальнем Востоке»¹⁹³).

В то время, как правительство Вильсона оправдывало выход США из консорциума возвратом к политике «открытых дверей», его политические противники, наоборот, доказывали, что выход из консорциума являлся нарушением ранее провозглашенных США принципов политики «открытых дверей» и «равных возможностей»¹⁹⁴). После выхода из консорциума правительство Соединенных Штатов продолжало оказывать активную дипломатическую и иную поддержку контрреволюции в Китае. С этой целью оно стало форсировать решение вопроса об официальном признании Китайской республики для того, чтобы укрепить позиции Юань Ши-кая. Американские монополии сделали новые попытки вложить свои капиталы в экономику Китая. В конце марта 1913 г. стало известно о том, что «Стандарт ойл компани» готова была дать правительству Юань Ши-кая значительный денежный заем под залог нефтеносных площадей Сычуани и Шэньси¹⁹⁵).

26 апреля 1913 г. было подписано соглашение между представителями Пятерного консорциума и правительством Юань Ши-кая о пятипроцентном реорганизационном займе в 25 млн. фунтов стерлингов¹⁹⁶). Но так как курс займа устанавливался 84 за 100, то на долю Китая приходилось около 21 млн. фунтов стерлингов. В качестве обеспечения займа за-

¹⁹²) Цит. по R. Currey. Op. cit., p. 25.

¹⁹³) R. Currey. Op. cit., p. 25.

¹⁹⁴) Ibid., p. 26.

¹⁹⁵) «Китай и Япония», 1913, № 134, стр. 27.

¹⁹⁶) J. Mac Murray. Op. cit., v. II, p. 1007—1015.

кладывались таможенные пошлины. Контроль за расходованием полученных средств возлагался на инспекторов консорциума. Одновременно с основным соглашением было подписано соглашение об авансе в 2 млн. фунтов стерлингов, который немедленно передавался правительству Юань Шикая¹⁹⁷), а также составлена роспись расходов, для покрытия которых должен был использоваться полученный заем¹⁹⁸). За счет займа Китай должен был сделать взносы в счет боксерской контрибуции на сумму в 4,31 млн. фунтов стерлингов, погасить задолженность центрального и провинциального правительств иностранным банкам на сумму в 2,87 млн. фунтов стерлингов; уплатить убытки, понесенные иностранными капиталистами в период революции 1911—1913 гг. и др. После погашения перечисленных расходов из займа в 25 млн. фунтов стерлингов на нужды Китая оставалось около 8 млн. фунтов стерлингов. Это была грабительская сделка, направленная на дальнейшее закабаление Китая империалистами.

Владимир Ильич Ленин дал очень глубокую оценку политической сути данного займа: «Новый китайский заем заключен против китайской демократии: «Европа» за Юань Шикая, готовящего военную диктатуру. Почему она за него? По случаю выгодного дельца. Заем заключен на сумму около 250 млн. рублей по курсу 84 за 100. Это значит: буржуа «Европы» платят китайцам 210 млн., а с публики они берут 225 милл. рублей. Вот вам сразу, в несколько недель чистая прибыль в 15 миллионов рублей! Не правда ли, какая это в самом деле „чистая“ прибыль?»

А если китайский народ не признает займа? В Китае ведь республика, а большинство в парламенте против займа?

О, тогда «передовая» Европа закричит о «цивилизации», «порядке», «культуре» и «отечестве»! Тогда она двинет пушки и задавит республику «отсталой» Азии в союзе с авантюристом, изменником и другом реакции Юаньшикаем!¹⁹⁹).

Правительство Юань Шикая утвердило заем с Пятерным консорциумом, минуя парламент. Тяжелые условия займа вызывали возмущение китайского народа и протесты прогрессивной общественности страны²⁰⁰). Китайская реакция использовала средства, полученные по займу, для подавления новых революционных выступлений, происходивших на юге Китая в мае 1913 г.

После подписания соглашения о реорганизационном займе борьба между монополиями империалистических государств за контроль над экономикой Китая не ослабевает. 22 июля 1913 г. группа бельгийских и французских капитали-

¹⁹⁷) Ibid., p. 1015—1016.

¹⁹⁸) Ibid., p. 1017—1020.

¹⁹⁹) И. В. Ленин. Соч., т. 19, изд. 4, стр. 78.

²⁰⁰) «Вестник Азии», 1913, № 16—17, стр. 103.

стов подписала соглашение с правительством Китая о пятипроцентном займе в 10 млн. фунтов стерлингов для постройки железной дороги от Датуна (провинция Чахар) до Чэнду (провинция Сычуань)²⁰¹). Заем предоставлялся на 40 лет. То, каким тяжелым бременем ложился подобный займы на финансы Китая, показывает расчетная таблица по данному контракту. Китай, получавший 10 млн. фунтов стерлингов, должен был уплатить кредиторам вместе с процентами 22 750 200 фунтов стерлингов²⁰²).

В октябре 1913 г. французский промышленный банк подписал контракт о предоставлении Китаю пятипроцентного займа в 150 млн. франков²⁰³). 14 ноября 1913 г. английская компания «Китайских центральных железных дорог» подписала контракт о пятипроцентном займе в 3 млн. фунтов стерлингов для постройки железной дороги от Пукоу, расположенного на железнодорожной линии Пекин—Шанхай, до Синьяна, расположенного на линии Пекин—Кантон²⁰⁴). Японские правительственные железнодорожные заводы и Икогама-спеши банк дали заем в 12 млн. иен китайской горнометаллургической компании²⁰⁵). 31 декабря 1913 г. было подписано германо-китайское соглашение, по которому правительство Юань Ши-кая обязалось передать германскому капиталу финансирование двух железных дорог (Каоми-Ханчун и Цзинань-Шунтефу). Эти дороги должны были пройти на запад от Цзинани. Германское правительство обещало не строить новых железных дорог в Шаньдунской провинции и сохраняло за собой уже построенную железную дорогу Циндао-Цзинань²⁰⁶).

Погоня финансовых группировок империалистических держав за объектами выгодных капиталовложений в Китае подрывала монополию Пятерного синдиката. В конце мая 1913 г. т. е. через месяц после подписания соглашения о реорганизационном займе, английское правительство предложило сохранить за консорциумом монополию на государственные займы, предназначенные для реорганизации управления и денежной реформы, а в отношении промышленных и железнодорожных займов вернуться к свободной конкуренции²⁰⁷). Пока шли переговоры по этому вопросу, соперничавшие между собой финансовые группировки подписали ряд соглашений о займах Китаю. В связи с этим германский поверенный в делах в Лондоне Кюльман в сентябре 1913 г. писал рейхсканцлеру Гер-

201) J. Mac Millan. Op. cit., v. II, p. 1042—1053.

202) Ibid., p. 1053.

203) Ibid., p. 1055—1062.

204) Ibid., p. 1068—1075.

205) Ibid., p. 1077—1080.

206) Ibid., p. 1094—1096.

207) «G. P.», Bd. XXXII, S. 400.

мании Бетман-Гольвегу: «Среди влиятельных английских заинтересованных лиц уже значительное время держится впечатление, что при настоящей системе в Китае те державы, которые честно придерживаются договоров и соглашений, а именно Германия и Англия, при раздаче всех важных концессий оказались несколько ущемленными в то время, когда посторонние, как Бельгия, и менее беззастенчивые члены четырехдержавной группы, как Франция, которая по здешнему мнению продвигает Бельгию, снимают сливки при выгодных сделках»²⁰⁸).

Правительство Великобритании договорилось с Германией и во второй половине сентября 1913 г. довело до сведения участников Пятерного консорциума о своем решении не придерживаться больше обязательств, которые вытекали из соглашения от 20 июня 1912 г. (синдикального акта), в соответствии с которым члены консорциума не должны были проводить сепаратных финансовых операций в Китае. Правда, в заявлении английского правительства указывалось, что Великобритания «сохраняет за собой полную свободу действий» лишь в отношении промышленных займов²⁰⁹). Таким образом, обязательства консорциума относительно других займов Англия признавала. Заявление английского правительства, сделанное через шесть месяцев после выхода Соединенных Штатов Америки из консорциума, наносило новый удар по попыткам империалистических держав проводить согласованную политику в Китае. Некоторые газеты расценивали данный шаг правительства Великобритании как выход Англии из консорциума и его распад. «Мечта европейской дипломатии, — писало «Дальневосточное обозрение», — посредством Пятерного синдиката устроить финансовую и политическую опеку над китайской республикой» лопнула²¹⁰). Газета «Таймс» приветствовала позицию английского правительства, поддержавшего притязания британских капиталистов на «свободную» предпринимательскую деятельность в Китае. «Таймс» считала, что правительство Великобритании, признавшее привилегированное положение других держав в различных провинциях Китая, наносило ущерб английским интересам²¹¹).

Пятерной консорциум просуществовал до конца первой мировой войны, однако на его деятельности все больше сказывалось обострение межимпериалистических противоречий. В начале 1914 г. банковские группы пяти держав достигли предварительной договоренности о выпуске второй серии ре-

²⁰⁸) «G. P.», Bd. XXXII, S. 399. Кюльман Бетман-Гольвегу, 2 сентября 1913 г.

²⁰⁹) Ibid., S. 401. Английский посол в Берлине Грэнвилл статс-секретарю по иностранным делам Ягову, 21 сентября 1913 г.

²¹⁰) «Дальневосточное обозрение», 1913, № 2005.

²¹¹) См. «Китай и Япония», 1913, № 161, стр. 57.

организационного займа, в состав которого должен был войти и заем на денежную реформу, подписанный в 1911 г.²¹²⁾. В конце марта 1914 г. в Париже состоялась конференция представителей пяти банковских групп, обсуждавшая вопрос о 2-ой серии реорганизационного займа. На конференции было достигнуто соглашение о выдаче правительству Юань Шикая аванса в 2 млн. фунтов стерлингов сразу же после подписания соглашения о новом займе²¹³⁾. Но на этот раз империалистические державы договориться не смогли. Французское правительство, недовольное укреплением позиций Германии в странах Востока, блокировало переговоры, выставив требования о выплате Китаем довольно большой суммы денег в счет покрытия убытков, которые якобы потерпели французские граждане во время Синхайской революции в Китае. Поверенный в делах Германии в Пекине Кребс писал, что «французское поведение наносит ущерб германским претендентам, подрывая положение группы банков». Кребс советовал германскому правительству «дружески воздействовать на Париж»²¹⁴⁾.

Вопрос о признании республики в Китае начал обсуждаться империалистическими державами вскоре после начала революции. В январе 1912 г. революционное нанкинское правительство обращалось к державам с просьбой о признании утвердившейся на юге Китая республики²¹⁵⁾. Данные обращения были оставлены без ответа. Но с этого времени правительства империалистических государств начали обсуждать условия признания нового правительства в Китае. Поверенный в делах в Пекине Щекин после бесед с представителями других государств в Китае пришел к выводу, что державы имеют «склонность обставить окончательное признание всякого нового правительства определенными условиями. Особенно ясно высказалось в этом смысле японский посланник. Французский посланник в частной форме развил мне мысль о необходимости для держав установить по взаимному соглашению принципиальные пункты, которые бы гарантировали общие права иностранцев в Китае, и лишь по принятии новым правительством этих пунктов согласиться на его признание»²¹⁶⁾. Как уже отмечалось, в феврале 1912 г. японское пра-

212) В 1913 г. правительство Юань Шикая создало комиссию для рассмотрения вопроса о денежной реформе, которая подготовила новый законопроект о валютной реформе, положив в основу его указ 1910 г. Основной денежной единицей Китая был установлен серебряный доллар-юань. См. «Вестник Азии», 1914, № 30, стр. 43.

213) «G. P.», Bd. XXXII, S. 409.

214) Ibid., S. 410. Кребс в ведомство иностранных дел Германии, 27 марта 1914 г.

215) «M. O.», серия II, т. XIX, ч. I, стр. 294 и ч. II, стр. 21—22.

216) «M. O.», серия II, т. XIX, ч. II, стр. 31—32. Щекин Сазонову, 20/7 января 1912 г.

вительство внесло предложение распространить «принцип совместного действия» держав по отношению к китайской революции, выдвинутый США, на признание Китайской республики.

После избрания Юань Ши-кай временным президентом Китайской республики империалистические державы стали оказывать ему более значительную экономическую и политическую поддержку. В частности, посланники Англии, Франции, Германии и США²¹⁷⁾ демонстративно приветствовали вступление Юань Ши-кай на пост временного президента. Отмечая значение последнего факта, русский поверенный в делах в Пекине писал, что тем самым «Юань Ши-кай воочию показал республиканцам, что несмотря на удаление династии, он все еще нужен для устранения международных препон с пути юной республики. Чтобы окончательно привлечь сердца иностранцев к новому режиму, остается лишь расширить им горизонты на заключение займов и на получение концессий, сделав из этих надежд яблоко раздора; затем китайцы могут более спокойно смотреть на будущее, сознавая, что по крайней мере опасность солидарных действий иностранцев миновала»²¹⁸⁾.

В апреле 1912 г. правительство Юань Ши-кай обратилось к великим державам с просьбой о формальном признании Китайской республики. Правительства Франции и Великобритании решили действовать по этому вопросу совместно и договориться с другими державами о том, чтобы Китай в ответ на признание нового режима дал обязательство соблюдать права и привилегии иностранцев²¹⁹⁾. Эта точка зрения нашла активную поддержку со стороны Японии и Соединенных Штатов Америки, хотя государственный департамент уклонился от того, чтобы дать обязательство относительно одновременного с другими державами признания Китайской республики²²⁰⁾. В соответствии с требованиями империалистических держав Юань Ши-кай издал декрет от 12 июля 1912 г. о необходимости строгого соблюдения договоров с иностранными державами и доброжелательного отношения к иностранцам²²¹⁾. Вскоре после опубликования данного декрета Юань Ши-кай правительство президента Тафта внесло официальное предложение о формальном признании нового ре-

²¹⁷⁾ Государственный секретарь Соединенных Штатов приветствовал Юань Ши-кай как «сильного правителя» См. Лю Да-нянь. Указ. соч., стр. 149.

²¹⁸⁾ «М. О.», серия II, т. XIX, ч. II, стр. 177. Дзекин Сазонову, 23/10 февраля 1912 г.

²¹⁹⁾ «D. D. F.», Serie 3, t. 2, p. 419—420. Камбон Пункаре, 2 мая 1912 г.

²²⁰⁾ Ibid., p. 452. Посол Франции в Вашингтоне Жусеран Пуанкаре, 10 мая 1912 г.

²²¹⁾ «М. О.», серия II, т. XIX, ч. II, стр. 319. Крупенский Нератову, 16/3 июля 1912 г.

жима в Китае. 20 июля 1912 г. государственный департамент разослал так называемый «конфиденциальный меморандум» американским послам во Франции, Германии, Великобритании, Италии, Японии, России и Австро-Венгрии для вручения его соответствующим правительствам. В меморандуме отмечалось: «По мнению американского правительства, державы единодушны в том, что образование прочного центрального правительства в Китае является основным пожеланием и что формальное признание державами, если таковое состоится, сильно способствовало бы упрочению образовавшегося правительства».

Временное правительство, по-видимому, в общем овладело административным аппаратом, поддерживает порядок и выполняет свои функции с согласия народа; таким образом, вопрос, по-видимому, сводится к тому, имеются ли существенные основания для дальнейшей отсрочки признания»²²²). Нокс предлагал американским послам при вручении меморандума о признании правительства Юань Ши-кая довести до сведения соответствующих правительств о том, что признание Китайской республики требует общественное мнение Соединенных Штатов и в случае дальнейшей задержки возможна постановка этого вопроса в американском конгрессе²²³).

Правящие круги Соединенных Штатов стремились ускорить признание правительства Юань Ши-кая для того, чтобы укрепить позиции последнего накануне предстоящих выборов в парламент. Кроме того, они рассчитывали, что таким путем удастся укрепить американское влияние в Пекине. Определенную роль играли здесь и предвыборные соображения. В США готовились к новым президентским выборам, и во время избирательной кампании республиканская партия подверглась критике со стороны демократической за неудачную дальневосточную политику правительства Тафта. Однако ни одна из великих держав не поддержала предложение США о немедленном признании правительства Юань Ши-кая.

Правительство Великобритании в качестве условия признания Китайской республики требовало уступок в Тибете. Англия отказывалась признать суверенитет Китая над Тибетом и расценивала мероприятия центрального правительства Китая в Тибете как вмешательство «во внутренние дела Тибета». Великобритания направила к Лхасе значительные силы своих войск. 17 августа 1912 г. посланник Англии в Пекине вручил правительству Юань Ши-кая меморандум, в котором заявлялось, что пока Китай не согласится с английскими при-

²²²) «F. R.», 1912, p. 81. В официальной публикации США данный меморандум помечен датой 20 июля, однако в советской публикации (См. «М. О.», серия II, т. XX, ч. I, стр. 320) сказано, что этот меморандум был передан в русское министерство иностранных дел 17 июля 1912 г.

²²³) «F. R.», 1912, p. 81.

тязаниями в Тибете, Англия не признает Китайскую республику и не допустит сношений Китая с Тибетом через Индию²²⁴). Попытка правительства Китая получить поддержку Соединенных Штатов для борьбы против английской агрессии в Тибете окончилась безрезультатно²²⁵).

Вопрос о признании Китайской республики вступил в новую фазу весной 1913 г. К этому времени в США к власти пришло правительство Вильсона, которое отказалось от политики «согласованных действий» в Китае, провозглашенной в свое время Ноксом. После выхода из консорциума правительство Вильсона стало форсировать решение вопроса о формальном признании Китайской республики. Дело в том, что положение в Китае вновь стало напряженным. Стремясь укрепить свою диктатуру, Юань Ши-кай спровоцировал убийство лидера партии гоминдана Сун Цзяо-жэня, которое вызвало возмущение в стране. В Китае назревал новый революционный взрыв. В конце марта 1913 г. Юань Ши-кай обратился к правительству Соединенных Штатов с просьбой немедленно признать Китайскую республику. Юань Ши-кай указывал, что официальное признание укрепило бы его позиции в правительстве и парламенте, открытие которого вскоре ожидалось²²⁶).

Отход правительства Соединенных Штатов Америки от политики «согласованных действий» в Китае вызывал беспокойство других империалистических держав. 24 марта 1913 г. японский посол в Токио передал в государственный департамент меморандум, в котором выражалась надежда, что и после выхода США из консорциума в вопросе о признании Китайской республики американское правительство будет действовать совместно с другими государствами²²⁷). 31 марта посол Великобритании в Вашингтоне Брайс передал правительству Вильсона пожелание Англии действовать совместно с Соединенными Штатами в вопросе признания Китайской республики. В этот же день германский посол посетил дальневосточный отдел государственного департамента и по поручению своего правительства напомнил о соглашении, достигнутом в феврале—марте 1912 г. о совместных действиях в Китае по вопросу о признании²²⁸).

Однако правительство Вильсона твердо продолжало курс, взятый с целью поддержки Юань Ши-кайя. 2 апреля 1913 г. государственный департамент довел до сведения держав, имевших договорные отношения с Китаем, решение президента признать существующее правительство Китая 8 апреля.

²²⁴) «F. R.», 1912, p. 86. Кальхун Ноксу, 31 августа 1912 г.

²²⁵) См. В. П. Леонтьев. Указ. соч., стр. 154.

²²⁶) «F. R.», 1913, p. 100. Вильямс Брайану, 28 марта 1913 г.

²²⁷) Ibid., p. 173—174.

²²⁸) Ibid., p. 105—106. Памятная записка дальневосточного отдела государственного департамента.

в день открытия работы китайского парламента. Правительство США предлагало другим государствам выступить совместно и признать правительство Юань Ши-кая²²⁹). Но только Бразилия, Мексика, Перу и Куба приняли предложение правительства Соединенных Штатов²³⁰).

Сепаратная политика США вызвала сильное недовольство японских правящих кругов, которые опасались, что Соединенные Штаты получат преобладающее влияние на правительство Китая. 4 апреля 1913 г. Япония дала отрицательный ответ на предложение Вильсона признать правительство Юань Ши-кая. «Имея в виду,— говорилось в японском заявлении,— фактическое положение дел в Китае и в особенности инцидент, связанный с убийством Сун Цзяо-жэня, в котором пекинские власти объявлялись как соучастники и которое могло в конце концов развиться в серьезные осложнения между севером и югом, угрожая порядку и безопасности страны, японское правительство имеет серьезное предчувствие, что признание в этот момент правительства, в котором Юань Шикай временно является главой, практически будет представлять вмешательство в пользу Юань Ши-кая против южной группы, возглавляемой Сунь Ят-сенем и Хуан Сином»²³¹). Японское правительство выражало надежду, что США пересмотрят свою позицию и отложат признание Китайской республики «до тех пор, пока не будет обеспечено» установление порядка и спокойствия в Китае.

Правительство США, сделавшее ставку на Юань Ши-кая, не посчиталось с мнением Японии и других держав. 2 мая 1913 г. послание президента Вильсона о признании Китайской республики было вручено Юань Ши-каю²³²). В левых кругах гоминдана признание правительства Юань Ши-кая со стороны Соединенных Штатов Америки было расценено как помощь диктатору, вступившему на путь ликвидации революции и действовавшему незаконно в деле получения займа у Пятерного консорциума²³³). Таким образом, правительство президента Вильсона, прикрываясь фразами о том, что «избранный демократическим путем» китайский парламент одобрил политику правительства, оказало большую поддержку узурпатору и душителю китайской революции—Юань Ши-каю.

Сепаратные действия Соединенных Штатов в Китае вызвали обострение японо-американских отношений. Русский посол сообщил из Токио, что в Японии «встревожены возможностью признания Соединенными Штатами Китайской рес-

²²⁹) «F. R.», 1913, p. 108.

²³⁰) Ibid., p. 109.

²³¹) Ibidem.

²³²) «F. R.», 1913, p. 115.

²³³) «Вестник Азии», 1913, № 16—17, стр. 102.

публики в ближайшем будущем, что может дать в Пекине перевес американскому влиянию в ущерб японскому»²³⁴). В таких условиях правящие круги Японии попытались установить контакт с левыми кругами гоминдана для того, чтобы использовать их для давления на правительство Юань Ши-кая, попавшее под американское влияние. Во второй половине мая 1913 г. из двухмесячной поездки по Китаю вернулся влиятельный политический деятель Японии, бывший ранее министром иностранных дел,— Като. В интервью корреспонденту газеты «Дзи-дзи» Като заявил, что посетил Шанхай, где имел встречи с Сунь Ят-сеном и генералом Хуан Сином, затем объехал другие города Китая и посетил Пекин, где встречался с Юань Ши-каем. Като сделал вывод о том, что соглашение между Юань Ши-каем и политическими деятелями Южного Китая возможно. Здесь же Като говорил о усиливающемся влиянии Японии в Китае и сделал намек, что Япония стремится примирить борющиеся стороны²³⁵).

В торгово-промышленных кругах Японии были недовольны тем, что японское правительство поддерживает Юань Ши-каю, подпавшего под влияние Соединенных Штатов и Англии. На банкете, организованном «Обществом защитников конституции», один из его лидеров Озаки говорил, что правительство продолжает смотреть на Юань Ши-каю и его сторонников как на единственно способных установить и поддерживать порядок в Китае и поэтому нарушает нейтралитет, «поддерживая Юаня против южан». Озаки указывал, что 70% японской торговли с Китаем падает на южные провинции и поэтому, по его мнению, для Японии было бы выгоднее оказывать помощь лидерам Южного Китая. На этом же банкете глава партии «кокуминто» Инукаи высказался против участия Японии в Пятерном консорциуме, имевшем целью обеспечить Юань Ши-каю необходимыми ему средствами²³⁶).

В японских газетах все чаще выдвигалась мысль о вмешательстве великих держав и, в частности, посредничестве Японии с целью прекращения междоусобной борьбы в Китае. Газета «Ници-ници симбун» в номере от 9 мая 1912 г. писала, что Китай раздирается внутренней смутой и остается «одна надежда на умиротворение страны — вмешательство иностранных государств»²³⁷). Газета «Дзи-дзи» 24 июля 1913 г. писала: «Нами уже давно отмечалась необходимость посредничества Японии в распре между Северным и Южным Китаем.

²³⁴) АВПР. Миссия в Пекине, д. 181, л. 26. Телеграмма Малевского-Малевича от 26/13 марта 1913 г.

²³⁵) АВПР. Миссия в Пекине, д. 181, л. 31. Копия донесения Малевского-Малевича от 6 июня/24 мая 1913 г.

²³⁶) АВПР. Миссия в Пекине, д. 181, лл. 34—36. Малевский-Малевич Сазонову, 7 июня/25 мая 1913 г.

²³⁷) Цит. по «Китай и Япония», 1913, № 139, стр. 3.

Выдача аванса Пятидержавным синдикатом дала возможность Юань Ши-каю принять более энергичные меры против Южного Китая» и двинуть туда войска. Газета «Асахи» считала, что Япония, имеющая наибольшие интересы в Китае, «предложит свои услуги в роли посредника» и будет добиваться компромисса²³⁸).

Русский посол в Токио сообщал в министерство иностранных дел, что «правительства Англии и Франции озабочены участием Японии в китайской смуте и опасаются, что японское правительство преследует в этом деле сепаратные цели. По-видимому, они подозревают Японию в искусственном подогревании китайской междоусобицы и в тайной поддержке южан против правительства Юань Ши-каю с намерением воспользоваться разрухой и навязать Китаю свое посредничество»²³⁹). В связи с вышеизложенным следует отметить, что в Японии были прогрессивные организации, относившиеся с сочувствием к освободительной борьбе китайского народа и идеям Сунь Ят-сена. Однако реакционное правительство Кацура и сменившие его правительства Ямамото, а затем Окума были врагами демократических устремлений прогрессивных слоев китайского общества. И заявления представителей правящих кругов Японии о их готовности поддержать Сунь Ят-сена и его сторонников преследовали одну цель — оказать давление на правительство Юань Ши-каю и заставить его пойти на уступки японским империалистам. Именно благодаря подобным и другим мерам давления Япония в начале октября 1913 г. добилась права на постройку новых железных дорог в Маньчжурии.

6 октября 1913 г. Юань Ши-каю был избран постоянным президентом Китая. В связи с этим японский посланник Ямадза первым поздравил Юань Ши-каю с новым избранием и объявил о признании Китайской республики Японией²⁴⁰). Вслед за Японией Китайскую республику признали другие государства. К этому времени империалистические державы убедились в том, что правительство Юань Ши-каю достаточно укрепилось, чтобы обеспечить защиту интересов господствующих классов Китая и иностранных империалистов.

Для того, чтобы облегчить признание Китайской республики со стороны империалистических государств, Юань Ши-каю еще до своего вступления на пост постоянного президента довел до сведения дипломатических представителей, аккредитованных в Пекине, текст президентской декларации относительно взаимоотношений Китая с другими государствами. «Я сим объявляю о том, — говорилось в декларации Юань Ши-

²³⁸) АВПР. Японский стол, д. 921, л. 252. Малевский-Малевич Сазонову, 2 августа/20 июля 1913 г.

²³⁹) Там же, л. 250.

²⁴⁰) «Китай и Япония», 1913, № 161, стр. 9.

жая,— что все договоры, соглашения и другого рода обязательства, принятые и заключенные как бывшим цинским правительством, так и временным правительством Китайской республики со всеми иностранными правительствами, должны быть строго соблюдены, равно как охраняемы и соблюдаемы должны быть все законно заключенные бывшим правительством контракты с иностранными обществами и отдельными лицами. Равным образом, сим признаются положительным образом все права, привилегии и льготы, коим пользуются в Китае все иностранные подданные на основании международных соглашений, национальных законов и всех существующих прецедентов и обычаев, во имя поддержания дружеских отношений и охранения мира»²⁴¹). Данная декларация, составленная под названием великих держав, означала, что правительство Юань Ши-кай формально признало неравноправное и зависимое положение Китая.

Великие державы выступили совместно, добиваясь от китайского правительства компенсации за так называемые убытки, причиненные гражданам иностранных государств во время Синьхайской революции. Еще в 1912 г. дипломатический корпус в Пекине создал специальную комиссию для выработки правил относительно убытков, подлежащих возмещению²⁴²). К началу 1914 г. общая сумма претензий иностранных предпринимателей за убытки, понесенные ими в период революции, была определена в 33,2 млн. серебряных долларов. Германия предъявляла претензии на 9,8 млн. серебряных долларов, Япония — 9,7, Франция — 7,2, Россия — 2,2, Англия — 1,7, США — 1,2. Другие государства претендовали на более мелкие суммы²⁴³). Для покрытия убытков, понесенных иностранными капиталистами в период революции, из займа консорциума была резервирована специальная сумма в 2 млн. фунтов стерлингов. К марту 1915 г. Китай уплатил в качестве возмещения за ущерб, причиненный иностранцам, сумму в 627 780 фунтов стерлингов²⁴⁴). Оплата «убытков», многие из которых не были достаточно обоснованы, являлась дополнительной формой эксплуатации китайского народа иностранными капиталистами.

После того, как царское правительство убедилось, что Юань Ши-кай достаточно укрепился у власти, оно в декабре 1913 г., согласовав свой шаг с Францией, предложило вы-

²⁴¹) «Русско-китайские отношения (1689—1916)». Официальные документы, М., 1958, стр. 99—100. Сообщение китайского министерства иностранных дел Сун Бао-ци русскому посланнику в Пекине Крупенскому, 23 сентября 1913 г.

²⁴²) «М. О.», серия II, т. XX, ч. I, стр. 441. Крупенский Нератову, 10 августа/28 июля 1912 г.

²⁴³) «Китай и Япония», 1914, № 178, стр. 13.

²⁴⁴) «F. R.», 1915, p. 206. Рейнш государственному секретарю, 4 марта 1915 г.

вести иностранные войска из Китая²⁴⁵). Это предложение царской дипломатии объяснялось ее стремлением улучшить взаимоотношения с Китаем, которые одно время были довольно напряженными в связи с пересмотром торгового договора и событиями во Внешней Монголии. Во время предварительного обмена мнений выяснилось, что Япония весьма отрицательно относится к предложению России и считает, что положение как на севере, так и на юге Китая не создает благоприятных условий для вывода иностранных войск. Для того чтобы сделать известную уступку Японии, царское правительство решило вывести русские войска из столичной провинции Чжили (Хэбэй), но оставить небольшой русский отряд в Ханькоу.

12 декабря 1913 г. русский посланник в Пекине Крупенский на заседании дипломатического корпуса предложил отозвать иностранные отряды из Чжилийской провинции. Русский представитель заявил, что Россия хотела бы осуществить эвакуацию своих солдат одновременно с выводом войск других держав, но если они откажутся от данного предложения, то Россия сепаратно отзовет свой отряд²⁴⁶). Правительства Англии, США и Японии отнеслись отрицательно к этому предложению России, их представители утверждали, что время для эвакуации иностранных войск из Китая еще не наступило²⁴⁷). В феврале — марте 1914 г. царское правительство вывело русский отряд из провинции Чжили²⁴⁸). В связи с этим в английских, американских и немецких газетах появились статьи, осуждавшие сепаратные действия царского правительства. В прессе этих стран отмечалось, что «иностранные отряды представляют надежную опору для президента Юань Шикая»²⁴⁹). Тем не менее, данный шаг царского правительства сыграл в общем положительную роль для Китая. Боясь вызвать сильные антиимпериалистические выступления китайского народа, другие державы с весны 1914 г. начали постепенный отвод своих войск.

Синьхайская революция была крупным событием мировой истории, оказавшим значительное влияние на народы Азии и политику великих держав на Дальнем Востоке. Рабочие и

²⁴⁵) АВПР. Миссия в Токио, д. 247, л. 157. Телеграмма Сазонова русскому посланнику в Пекине, 5 февраля/23 января 1914 г.

²⁴⁶) АВПР. Миссия в Токио, д. 247, л. 144. Телеграмма Крупенского из Пекина, 12 декабря/29 ноября 1913 г.

²⁴⁷) По данным японской газеты «Дзи-дзи симпо» от 16 февраля 1913 г., империалистические государства имели следующее количество солдат и офицеров в Китае: Англия — 2930 чел., Франция — 2300 чел., Германия — 2800, США — 1570, Россия — 1300, Италия — 234, Австро-Венгрия — 120, Голландия — 35, Бельгия — 31. См. «Китай и Япония», 1913, № 170, стр. 13—14.

²⁴⁸) АВПР. Миссия в Токио, д. 247, л. 156.

²⁴⁹) «Китай и Япония», 1913, № 172, стр. 19.

другие прогрессивные организации многих стран мира выражали свою поддержку антифеодальной и антиимпериалистической борьбе китайского народа. Орган партии большевиков — газета «Правда» приветствовала китайскую революцию и гневно клеймила захватническую политику империалистов, указывая, что «державы, стремящиеся к разделу Китая, играют отчаянную игру,— можно сказать: играют с огнем. В обновленном Китае растет широкое национальное движение против этой политики захватов и стремление во что бы то ни стало отстоять свою независимость»²⁵⁰).

В период революции 1911—1913 гг. международный империализм объединился с силами внутренней контрреволюции в Китае с целью подавления революционного движения. Этот антинародный реакционный блок базировался на заинтересованности империалистов в сохранении полуколониального положения Китая и на стремлении феодалов и помещиков страны удержать в своих руках землю и власть. Силы внутренней и внешней контрреволюции смогли воспрепятствовать разрешению антиимпериалистических и антифеодальных задач революции. Империалистические державы пытались установить единый фронт для борьбы против революционного движения в Китае. Однако их согласованная политика подрывалась острым соперничеством, порожденным стремлением финансового капитала воспользоваться революцией для дальнейшего внедрения в Китай. Используя вооруженную интервенцию, меры финансового давления и другие виды вмешательства, империалисты смогли не только сохранить, но и укрепить свои позиции в Китае.

²⁵⁰) «Правда», 28 ноября/11 декабря 1912 г. «Правда». Полный текст, вып. 7, М., 1934, стр. 307.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ. РУССКО-КИТАЙСКИЕ И РУССКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1911—1913 гг.

1. Русско-китайские и русско-монгольские отношения

В 1911—1913 гг. агрессивные устремления российского империализма были направлены прежде всего на Балканы и Ближний Восток. К этому времени международная роль России как великой державы, значительно упавшая в результате русско-японской войны, была в основном восстановлена. Укрепление позиций царской России на международной арене объяснялось усилением ее армии и флота, а также укреплением ее союзнических отношений с Францией и Англией. Правда, царское правительство, учитывая неподготовленность России к большой войне, по-прежнему стремилось поддерживать хорошие взаимоотношения с Германией. Однако подобные попытки были обречены на неудачу в связи с непрекращавшимися конфликтами между Антантой и германо-австрийским блоком.

Несмотря на то, что центр тяжести внешней политики царской России находился на Ближнем Востоке, вопросы дальневосточной политики привлекали значительное внимание царской дипломатии и русской буржуазно-помещичьей прессы. Последнее объяснялось: стремлением торгово-промышленных кругов увеличить торговлю с Китаем, влиянием Синьхайской революции, образованием автономной Внешней Монголии и борьбой царизма за сохранение позиций в Северной Маньчжурии, особенно в связи с продолжавшимися происками американского империализма в Северо-Восточном Китае. После заключения русско-японского соглашения 1910 г. царское правительство считало, что на какой-то срок ему удалось закрепить существовавшее там положение. Когда весной 1911 г. в печати появились сведения о том, что между Россией и Японией якобы ведутся переговоры об оборонительном и наступательном союзе «на почве маньчжурского вопроса», то царское правительство официально через газеты опровергло это сообщение, а русскому посланнику в Пекине было рекомендовано сделать заявление о том, что задачами

русской «дальневосточной политики являются сохранение статус кво и поддержание дружественных взаимоотношений с Китаем»¹⁾).

Летом 1911 г. Дальний Восток посетил влиятельный деятель партии кадетов, бывший председателем бюджетной комиссии второй Государственной думы, М. П. Федоров. В беседе с корреспондентом газеты «Приамурье» Федоров заявил что Петербургу сейчас не до Дальнего Востока. «Балканский вопрос занимает правительство и дипломатов куда сильнее»²⁾). Сазонов несколько раз выдвигал предложение о заключении тройственного соглашения между Россией, Китаем и Японией с целью сохранения статус кво на Дальнем Востоке. В русских дипломатических кругах в 1911 г. выдвигалась идея об объявлении Дальнего Востока нейтральным на случай войны в Европе.

В январе 1912 г. Сазонов в письме председателю Совета министров Коковцову следующим образом определил задачи дальневосточной политики России: На Дальнем Востоке у нас два соседа — Япония и Китай. «С первой мы связаны известными политическими конвенциями 1907 и 1910 гг., которые дают нам возможность не опасаться в ближайшем будущем ее агрессивных действий, пока мы не выступим противниками японской политики в Китае». В Китае у нас два важных политических вопроса — Маньчжурский и Монгольский. «В сущности и в Маньчжурии и в Монголии задачей нашей должно быть поддержание статус кво, важного для обеспечения нам возможности укрепить и развить наши дальневосточные владения и тем вывести их из нынешнего положения, когда они не могут быть признаны достаточно огражденными от агрессивных попыток наших соседей»³⁾).

Принцип статус кво, провозглашенный царской дипломатией, в данном случае был империалистическим принципом, поскольку он предполагал сохранение прав и привилегий, ранее полученных Россией по договорам с Китаем. Среди правящих классов царской России по-прежнему имелись сторонники возобновления наступательной политики на Дальнем Востоке. Влиятельные прогерманские круги стремились впутать Россию в новые дальневосточные авантюры. Сторонником более активных действий в Китае был военный министр Сухомлинов. Царское правительство использовало предоставлявшиеся возможности для укрепления своих позиций на Дальнем Востоке, однако в пределах, которые не нарушали бы сложившееся соотношение сил и не могли повести

1) «М. О.», серия II, т. XVIII, ч. 1, стр. 3. Нератов Коростовцу, 15/2 мая 1911 г.

2) «Китай и Япония», 1911, № 43, стр. 22.

3) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 7, д. 471, л. 27. Сазонов Коковцову, 23/10 января 1912 г.

к длительному ухудшению русско-китайских отношений. В частности, министерство иностранных дел решительно выступило против территориальных захватов на Дальнем Востоке. В апреле 1912 г. Сазонов заявил в Государственной думе: «Не надо забывать, господа, что Россия держава европейская, что государственность наша сложилась не на берегах Черного Иртыша, а на берегах Днепра и Москвы-реки. Увеличение русских владений в Азии не может составлять цели нашей политики: это повело бы к нежелательной сдвиге центра тяжести в государстве и, следовательно, к ослаблению нашего положения в Европе и на Ближнем Востоке»⁴). Следует отметить, что Сазонов умело направлял внешнюю политику России по избранному пути. С этой целью он использовал свое влияние на Николая II, иногда шел на временные уступки прогерманским элементам (Потсдамское соглашение), опирался на буржуазные партии и их прессу.

В соответствии с вышеизложенными задачами внешней политики проводилось осуществление военно-оборонительных мер на Дальнем Востоке. В июне 1912 г. военный министр Сухомлинов в письме на имя Коковцова ставил последнего в известность о том, что военное ведомство не будет увеличивать вооруженные силы на Дальнем Востоке, и вновь высказался против намеченных Амурской экспедицией планов по постройке грунтовых и железных дорог от Хабаровска к Императорской гавани и Де-Кастри. «Малонаселенность и бездорожье приморского района между Владивостоком и Николаевском, — писал Сухомлинов, — исключают здесь операции сколь-нибудь значительных сил противника, дают возможность оставить этот район в военное время совершенно без войск и сосредоточить большую их часть для обороны наиболее культурной части Приамурья — Южно-Уссурийского края, для защиты которого только при этом условии и можно ограничиться в Приамурском военном округе современным количеством наших вооруженных сил»⁵). Сухомлинов также высказался против углубления устья Амура, ссылаясь на то, что по углубленному руслу смог бы подойти к Николаевску «боевой флот наших возможных на Дальнем Востоке противников».

В 1912 г. Сухомлинов совершил поездку на Дальний Восток и по возвращении предложил достроить крепость Владивосток. А относительно крепости в Николаевске-на-Амуре заявил, что ее фактически не существует, а для постройки потребовались бы громадные деньги⁶), поэтому в 1913 г. Со-

⁴) «Стенографические отчеты Думы», 3-й созыв, сессия 5, часть III, стб. 2170.

⁵) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 8, л. 394, л. 1—2. Сухомлинов Коковцову, 26/13 июня 1912 г.

вет министров вынес решение отпустить 2,5 млн. рублей на усиление Амурской речной флотилии, в задачу которой входила оборона среднего и нижнего течения Амура⁷⁾.

В названные годы продолжалось интенсивное строительство Амурской железной дороги и заселение прилегающих к ней земель. Намечался ряд новых мер по улучшению морского сообщения вдоль берегов русского Дальнего Востока, строительству портов и т. д. Однако в большинстве случаев все эти планы остались на бумаге, если не считать работ по улучшению Владивостокского торгового порта. В 1912 г. грузооборот Владивостокского порта составил 85 млн. пудов⁸⁾, но погрузочные и разгрузочные операции проводились вручную. Это приводило к тому, что перевалка грузов во Владивостокском порту обходилась по 4 копейки с пуда, тогда как в Дайренском всего 0,5 копейки с пуда. Высокая стоимость погрузочно-разгрузочных работ во Владивостоке заставляла многих пароходоладельцев, обслуживавших экспортно-импортную торговлю Северо-Восточного Китая и даже Сибири, направлять свои пароходы в Дайрен, а это понижало грузооборот КВЖД, которая все еще приносила убыток государственному казначейству⁹⁾.

В 1913 г. Государственная дума утвердила сумму в 6.758 тыс. рублей на капитальное развитие Владивостокского порта¹⁰⁾. Предусматривалось увеличить число пароходных причалов с 17 до 40, установить современное портовое оборудование, механизировать погрузочно-разгрузочные работы, провести железнодорожные пути и т. д. Переоборудование порта не было завершено до Октябрьской социалистической революции.

Соглашение 1910 г. ослабило остроту русско-японских противоречий, и с этого времени наиболее важным вопросом дальневосточной политики России стали русско-китайские отношения. Следует отметить, что в правительственных кругах царской России преобладало мнение о необходимости поддержания дружественных отношений с Китаем. В 1909 г. Пекин посетил, в качестве личного посла Николая II, генерал Ф. Палицын — член Государственного совета, бывший в 1905—1908 гг. начальником Генерального штаба. По возвращении из Китая Палицын писал о больших изменениях, кото-

⁶⁾ В. Сухомлинов. Воспоминания, Берлин, 1924, стр. 244, 247.

⁷⁾ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 9, д. 10, лл. 564—570. Особый журнал Совета министров от 12 июня 30 мая 1913 г.

⁸⁾ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 9, д. 10, л. 99. Журнал Межведомственного совещания, 16/3 апреля 1913.

⁹⁾ Дефицит по эксплуатации КВЖД за 1904—1914 гг. составил 176 млн. рублей. Часть из этих средств была затрачена на улучшение дороги, приобретение подвижного состава и т. д. См. «Тихий океан», 1936, № 3 (9), стр. 221.

¹⁰⁾ ЦГАДВ, ф. 252, оп. 1, д. 77, лл. 32—33.

рые там произошли. Он отмечал создание регулярной армии современного типа, рост революционного движения в южных и центральных провинциях Китая, подчеркивал «политическое значение Китая в Азии» и делал вывод о том, что «России необходимо сохранить наши добрососедские отношения с Китаем¹¹⁾».

Министр финансов Кокцов считал, что в дальневосточной политике Россия «стоит на распутье между Китаем... и европейскими государствами, действующими солидарно». Кокцов предлагал держаться по отношению к Китаю «...совершенно дружелюбной, но в то же время энергичной и свободной от частых компромиссов политики»¹²⁾. Вскоре после подписания русско-японского соглашения 1910 г. Извольский в письме на имя русского представителя в Пекине сформулировал свои взгляды относительно взаимоотношений с Китаем следующим образом: «...мы не предполагаем игнорировать необходимость для нас добрососедских отношений с соседней китайской империей: мысль об этой необходимости должна проходить красной нитью в наших сношениях с китайским правительством по делам текущей политики... с твердостью отстаивая наши законные права, мы отнюдь не намерены покушаться на суверенные права Китая, поскольку они не противоречат совокупности наших с ним договорных отношений»¹³⁾.

Из изложенного следует, что царские министры ставили перед собой задачу поддерживать дружественные взаимоотношения с цинским правительством и в то же время сохранить позиции, ранее захваченные в Китае царизмом. Это была трудно разрешимая задача. В Китае росла национальная буржуазия, усиливалось антиманьчжурское и антиимпериалистическое движение. В таких условиях маньчжурское правительство вынуждено было принимать меры к вытеснению империалистических держав из Китая и, в первую очередь, царской России, позиции которой были резко ослаблены. Преследуя своекорыстные цели, правительства США и Германии поощряли деятельность цинского правительства в этом направлении. Царские дипломаты, воспитанные на традициях великодержавия, весьма болезненно реагировали на всякое умаление престижа России в международных отношениях.

¹¹⁾ АВПР. Японский стол, д. 200, лл. 3—8. Записка генерала от инфантерии Палицына, 10 июня/28 мая 1909 г.

¹²⁾ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 608, л. 175. Всеподданнейший доклад Кокцова о поездке на Дальний Восток осенью 1909 г.

¹³⁾ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 610, л. 145. Копия секретного письма министра иностранных дел на имя поверенного в делах России в Пекине, 11 августа/29 июля 1910 г.

После заключения Портсмутского мира, в котором признавался суверенитет Китая в Маньчжурии, в течение нескольких лет шел обмен мнениями между русским и китайским правительствами относительно правового положения населенных пунктов в зоне КВЖД, плавания по р. Сунгари и т. д. Вынужденное отступать под нажимом Японии в Южной Маньчжурии, цинское правительство пыталось добиться каких-либо успехов в укреплении суверенитета Китая в Северной Маньчжурии. С этой целью там увеличивались китайские вооруженные силы, предпринимались меры к быстрейшему заселению Северной Маньчжурии китайцами и т. д. Следует отметить, что Япония поощряла попытки цинского правительства потеснить царскую Россию в Северной Маньчжурии, добиваясь ухудшения русско-китайских отношений с целью укрепления своих позиций в Китае.

В январе 1907 г. Харбин и ст. Маньчжурия, расположенные в зоне КВЖД, были объявлены городами, открытыми для иностранной торговли. Это поставило на повестку дня новые вопросы относительно правового положения русской железнодорожной администрации в населенных пунктах полосы отчуждения. До 1907 г. Правление КВЖД самостоятельно осуществляло управление железнодорожными поселками и несло расходы по их благоустройству. Но после того, как Харбин превратился в большой город, да и другие железнодорожные станции стали многолюдными населенными пунктами, на управление и благоустройство которых требовались крупные суммы денег, царские власти решили создать в Харбине, Хайларе и на ст. Маньчжурия городское самоуправление. Органы общественного управления должны были осуществлять под контролем представителей КВЖД функции местной администрации и ввести денежное обложение на нужды благоустройства¹⁴).

Введение общественного самоуправления, в котором должны были принимать участие русское и китайское население, а также граждане других государств, вызвало протесты со стороны США, Германии и Англии, которые доказывали, что в китайских городах, открытых для иностранной торговли, их граждане на основе «прав» экстерриториальности могут признавать лишь консульскую юрисдикцию. В свою очередь, цинское правительство запретило китайцам принимать участие в органах городского самоуправления и уплачивать установленные налоги. Русско-китайские переговоры по названному вопросу шли более двух лет. В ходе переговоров царское правительство стремилось добиться подтверждения прав общества КВЖД, полученных по договору 1896 г. и согласия

¹⁴) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 605, л. 37. Коковцов Столыпину, сентябрь 1909 г.

Китая на введение общественного самоуправления. С этой целью русские дипломаты пошли на уступки Китаю в признании его суверенитета в зоне КВЖД.

10 мая (27 апреля) 1909 г. было подписано предварительное русско-китайское соглашение о порядке управления в полосе отчуждения КВЖД. Основное содержание соглашения заключалось в следующем:

«1. На землях Общества Китайско-Восточной железной дороги, как основной принцип, признаются верховные права Китая, коим не должно быть наносимо ущерба.

2. Все верховные права Китая на землях Китайско-Восточной железной дороги осуществляются Китаем, и ни Управление железной дороги, ни общественные управления не должны под каким-либо предлогом препятствовать осуществлению этих прав, если таковые не будут противоречить какому-либо из заключенных Обществом Китайской Восточной железной дороги договоров.

3. Все ныне действующие договоры Китайско-Восточной железной дороги остаются по-прежнему в полной силе.

4. Законы, повеления и законодательные распоряжения, вытекающие из верховных прав Китая, редактируются и публикуются китайскими властями в виде объявлений»¹⁵⁾.

Затем в соглашении определяется порядок создания и работы органов общественного управления на землях КВЖД в поселках, «имеющих торговое значение». Жители данных населенных пунктов в зависимости от количества населения избирали через уполномоченных исполнительный совет или старшину, который должен был проводить в жизнь постановления общего собрания жителей поселка. Статья 7-я соглашения устанавливала, что «на землях Общества Китайско-Восточной железной дороги как китайское, так и иностранное население пользуется одинаковыми правами и несет одинаковые повинности без всякого различия между ними». Председателем исполнительного совета мог быть избран гражданин любой национальности. Право выбора уполномоченных получили лишь лица, обладавшие определенным имущественным цензом. Органы общественного самоуправления должны были работать под контролем китайского правительства и управляющего КВЖД.

Русско-китайское соглашение от 10 мая 1909 г. вызвало новые протесты со стороны США, Германии, Австро-Венгрии и Великобритании, направивших соответствующие ноты в Пекин и Петербург. Правительства этих стран, ссылаясь на то, что новое положение о самоуправлении выработано без участия их представителей, отказывались его признавать¹⁶⁾.

¹⁵⁾ «Русско-китайские отношения 1689—1916». Официальные документы. М., 1958, стр. 97—98

¹⁶⁾ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 605, л. 40.

Однако царское правительство отвергло данные протесты как необоснованные и даже опубликовало соответствующее разъяснение в «Правительственном вестнике»¹⁷⁾. Газета «Дальний Восток» в связи с протестами западных держав против русско-китайского соглашения писала: «Русско-китайское соглашение о городском самоуправлении Харбина предоставило права китайцам. И вот европейцы, которые подчинялись русской администрации, стали протестовать против того, чтобы заседать вместе с китайцами»¹⁸⁾.

Если протесты Германии и Австро-Венгрии против русско-китайского соглашения объяснялись прежде всего желанием создать для России трудности на Дальнем Востоке и отвлечь ее силы из Европы, то правительства США и Англии выступили прежде всего против привлечения представителей китайской администрации в органы управления, власть которых должна была распространиться на их подданных, считая это нарушением принципа экстерриториальности. Дипломаты западных государств также выражали опасение, что китайцы и русские, которые должны были получить большинство в органах самоуправления, смогут нанести ущерб коммерческим интересам их предпринимателей.

Министр финансов Коковцов, под контролем которого шли русско-китайские переговоры, оценил подписанное соглашение как серьезное достижение. «Я считал, — писал Коковцов, — что надо сближаться с Китаем» и устранить опасения в том, что «Россия преследует захватнические замыслы в Маньчжурии... Большую часть моей программы, касающейся Китая, я считаю в значительной степени выполненной подписанием 27 апреля 1909 г. предварительного соглашения с Китаем, которое, подтвердив от имени России ненарушимость суверенных прав Китая на отчужденной под названную дорогу территории и допустив китайскую власть к известному контролю за деятельностью местных общественных управлений, — явилось серьезным шагом к сближению между Россией и Китаем...»¹⁹⁾. Следует отметить, что в этом же письме Коковцов подчеркивал и другую сторону вопроса — борьбу царизма за сохранение своих позиций в зоне КВЖД. Он писал: «Хотя Пекинское соглашение... и внесло существенные изменения, главным образом, в смысле подчинения городских и поселковых дел контролю китайских властей, тем не менее общий строй управления городом (имеется в виду Харбин. — С. Г.) и поселками сохранил форму, ограждающую русские интересы и, в частности, интересы дороги от серьез-

¹⁷⁾ «Правительственный вестник», 25 сентября (8 октября) 1909 г.

¹⁸⁾ «Дальний Восток», 19 июля 1910 г.

¹⁹⁾ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 605, лл. 3—6. Коковцов Столыпину, сентябрь 1909 г.

ных нарушений»²⁰⁾. В связи с протестами великих держав русско-китайское соглашение вступило в силу лишь в 1914 г., когда его признали Англия и другие государства²¹⁾.

В 1907 г. между Россией и Китаем начались переговоры о плавании по реке Сунгари. Петербургский русско-китайский договор 1881 г. подтверждал условия Айгуньского договора 1858 г., по которому как русские, так и китайцы могли плавать по Сунгари. Договором 1881 г. предусматривалась необходимость заключения специального соглашения по этому вопросу²²⁾. Уже отмечалось, что после русско-японской войны японское правительство стало добиваться права на плавание японских пароходов по реке Сунгари. Китай и Россия боялись проникновения Японии в бассейн этой реки и отвергли ее притязания. Выступление Японии ускорило русско-китайские переговоры по данному вопросу. Была создана русско-китайская смешанная комиссия, которая первоначально работала в Харбине, а затем переговоры были перенесены в Пекин.

В феврале 1908 г. вопрос о плавании по рекам Амурского бассейна обсуждался в Особом совещании в Петербурге. Было решено добиваться от китайского правительства специального заявления о том, что оно не разрешит плавания японских судов по Сунгари²³⁾. В августе 1910 г. представители Китая и России утвердили правила плавания по реке Сунгари²⁴⁾. Русские предприниматели сохранили право свободно плавать и торговать на реке Сунгари. Однако беспошлинная торговля отменялась. Китайские власти учредили на Сунгари таможенные заставы и стали проводить сбор таможенных пошлин. Правда, материалы и оборудование для КВЖД провозились беспошлинно.

Определяя значение заключенного соглашения, Извольский писал, что в переговорах о плавании на Сунгари «помимо цели дать надлежащую охрану русской торговле в районе названной реки, мы преследовали чисто политическую задачу — подтверждение силы существующих договоров наших с китайским правительством». Затем Извольский выражал надежду, что заключенное соглашение будет способствовать улучшению русско-китайских отношений. Он отмечал,

²⁰⁾ Там же, стр. 21.

²¹⁾ См. Э. Г р и м м. Указ. соч., стр. 174.

²²⁾ «Русско-китайские отношения 1689—1916». Официальные документы, М., 1958, стр. 59.

²³⁾ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, д. 720, лл. 60—63. Журнал Особого совещания по обсуждению оснований проекта договора с Китаем о плавании по рекам Амурского бассейна. Январь — февраль 1908 г.

²⁴⁾ «Харбинский вестник», 16 августа 1910 г.

²⁵⁾ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 610, лл. 142—145. Копия секретного письма министра иностранных дел на имя поверенного в делах России в Пекине, 11 августа/29 июля 1910 г.

что «во время последних переговоров Россия признала учреждение на Сунгари новых китайских таможен и вообще отказалась от той полной свободы плавания, которая ей фактически принадлежала... и это со временем будет оценено в Пекине»²⁵).

С начала 1911 г. проявилось некоторое обострение русско-китайских отношений, вызванное пересмотром торгового договора и национально-освободительным движением в Монголии.

Цинское правительство стало увеличивать вооруженные силы в Северной Маньчжурии, что породило серьезные опасения царского правительства за прочность своих позиций на Дальнем Востоке. Русский посланник в Пекине Коростовцев предлагал добиваться от Китая сохранения существующего «военного статус кво», заручившись поддержкой Англии и Японии. Николай II одобрил его предложение²⁶). Царское военное ведомство утверждало, что сохранение позиций царской России в Северной Маньчжурии «является средством к удержанию и закреплению наших тихоокеанских владений»²⁷).

22 апреля 1911 г. Особое совещание по дальневосточным делам приняло решение приступить к переговорам с японским и китайским правительствами по вопросу ограничения вооружений в Северной Маньчжурии. Царское правительство предлагало Японии достичь тройственного русско-японско-китайского соглашения «об охране» общего и военного статус кво в Маньчжурии²⁸). Но, как уже отмечалось, Япония отвергла предложение царской России. Чрезвычайная нервозность, с которой царское правительство реагировало на действия цинских властей, направленные на подрыв позиций российского капитала в Северной Маньчжурии, объяснялась тем, что эти действия в значительной степени инспирировались американской дипломатией, продолжавшей добиваться осуществления своих планов «нейтрализации» Маньчжурии. Правящие классы царской России серьезно опасались, что если Россия откажется от КВЖД, то последняя попадет в руки американского капитала.

23 января 1912 г., после того, как в Китае началась Синьхайская революция, Сазонов в докладной записке Николаю II предлагал не признавать правительство Юань Шикая до тех пор, пока последнее не согласится с тем положением, какое Россия занимала в Маньчжурии. Причем Сазонов указывал, что по донесению русского посланника в Пекине,

²⁶) ЦГИАЛ, ф. 391, оп. 5, д. 1387, лл. 8—9. Весьма секретная депеша Коростовца из Пекина, 1 апреля/19 марта 1911 г.

²⁷) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, д. 726, л. 357. Записка, составленная в Главном штабе, 20/7 апреля 1911 г.

²⁸) «М. О.», серия II, т. XVIII, ч. 1, стр. 23. Нератов Коковцову и Столыпину, 23/10 мая 1911 г.

Юань Ши-кай готов был это сделать²⁹). Обострение русско-китайских отношений в 1911 г. нашло отражение в русской буржуазно-помещичьей прессе, часть которой призывала к более энергичным мерам давления на Китай с целью сохранения «русского преобладания» в Северной Маньчжурии³⁰). Правда, некоторые из газетных заметок были инспирированы министерством иностранных дел с целью оказать давление на китайское правительство и заставить его пойти на уступки³¹). Следует отметить, что в русских газетах публиковались также статьи, осуждавшие всякие авантюры на Дальнем Востоке.

Партия большевиков выступила против империалистической политики царского правительства в Китае. Шестая (Пражская) всероссийская конференция РСДРП, состоявшаяся в январе 1912 г. в резолюции о китайской революции записала: «Конференция, ввиду кампании правительственных и либеральных («Речь») газет, пропагандирующих — в интересах российских капиталистов — отторжение от Китая, пользуясь революционным движением в нем, пограничных с Россией областей,— констатирует мировое значение революционной борьбы китайского народа, несущей освобождение Азии и подрывающей господство европейской буржуазии, приветствует революционеров-республиканцев Китая, свидетельствует о глубоком воодушевлении и полной симпатии, с которой пролетариат России следит за успехами революционного народа в Китае, и клеймит поведение русского либерализма, поддерживающего политику захватов царизма»³²).

Вопросы торговых связей играли в русско-китайских отношениях весьма большую роль, что определялось прежде всего особенностями исторически сложившихся торговых взаимоотношений России и Китая по сухопутной границе протяжением более 3 тыс. км. Абсолютные цифры объема русско-китайской торговли не были особенно велики. В 1909—1911 гг. на долю России приходилось 12,5% товаров, вывозившихся из Китая за границу, и 3,5% иностранных товаров, ввозившихся в Китай³³). В 1910 г. стоимость русского ввоза в Китай оценивалась в 11,1 млн. амер. долларов, а стоимость вывоза из Китая— в 30,3 млн. амер. долларов. В 1913 г. соответственно

²⁹) «М. О.», серия II, т. XIX, ч. II, стр. 34.

³⁰) См. В. Аварин. Империализм в Маньчжурии. М.-Л., т. I, 1934, стр. 136.

³¹) Военный министр Сухомлинов отмечал, что «русско-китайский конфликт всячески раздувался в прессе и размеры его были преувеличены». См. ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, д. 726, л. 250.

³²) «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, М., 1953, стр. 286.

³³) «История экономического развития Китая 1840—1948 гг.», М., 1958, стр. 84.

16,2 и 33,0³⁴). Таким образом, вывоз товаров из Китая в Россию намного превышал ввоз русских товаров в Китай. Торговля с Россией давала Китаю значительное количество свободной валюты, а также золота и серебра, необходимых для внутренних нужд и расчетов с другими государствами, торговля с которыми давала Китаю пассивный баланс.

Из Китая в Россию ввозились чай, мука и зерно, скот, шелк. Русские торговцы вывозили в Китай хлопчатобумажные ткани, сукно, металлические изделия, керосин, рыбу и другие товары. Следует отметить, что вышеприведенные цифры официальной таможенной статистики дают заниженную цифру оборотов русско-китайской торговли. Дело в том, что в пограничной пятидесятиверстной полосе вдоль сухопутной границы торговля велась беспошлинно и не могла быть точно учтена. «Вестник Азии» определял оборот русско-китайской торговли в 1913 г. в 125 987 тыс. рублей. Из них 80 млн. рублей падало на ввоз из Китая в Россию и 45,9 млн. рублей на вывоз из России в Китай³⁵). По данным приамурского генерал-губернатора, в 1912 г. на русский Дальний Восток было ввезено из Китая различных продуктов питания на 15 млн. рублей, причем указывалось, что и в предшествующие годы ввоз продуктов из Китая держался примерно на таком же уровне³⁶). Надо учитывать, что ежегодно на заработки на русский Дальний Восток приходило много китайских рабочих и значительное количество мелких торговцев, снабжавших товарами китайских и русских потребителей³⁷).

В 1908 г. по сухопутной границе было ввезено в Китай русских товаров на 31 млн. рублей. Из этой суммы 20,8 млн. рублей приходилось на товары, ввезенные в Китай через дальневосточные пограничные пункты Забайкальской, Амурской и Приморской областей³⁸). Значительное количество русских товаров ввозилось в Китай по КВЖД. В мае 1908 г. было подписано русско-китайское соглашение, по которому товары, ввозившиеся в Китай через станции Пограничная и Маньчжурия, облагались пошлиной не свыше 2/3 обычной морской пошлины. В свою очередь, царское правительство согласилось пропускать на льготных условиях китайские товары, которые перевозились через Владивостокский порт и по КВЖД в европейские страны. В частности был разрешен

³⁴) М. И. Сладковский. Очерки развития внешнеэкономических отношений Китая. М., 1953, стр. 97.

³⁵) «Вестник Азии», 1915, № 3—4, стр. 101.

³⁶) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 33, л. 53.

³⁷) Там же, д. 712, л. 13. Отчет приамурского генерал-губернатора за 1912 г.

³⁸) «Харбинский вестник», 27 августа 1909 г.

беспошлинный транзит китайских товаров из Маньчжурии до западных границ России³⁹⁾.

Основные центры русско-китайского товарооборота хорошо показывают следующие таблицы:

Стоимость ввоза из России в Китай в хугуанских таэлях⁴⁰⁾

Пункты ввоза товаров	Г о д ы			
	1906	1907	1908	1909
Из европейских портов	32040	28131	131795	258602
По сухопутной границе	654	—	3033454	6121316
Из амурских портов	—	—	—	179227
Из тихоокеанских портов	521595	855220	5487256	8855875
Итого	554289	913351	8652505	15415020

Стоимость ввоза из Китая в Россию в хугуанских таэлях

Пункты ввоза товаров	Г о д ы			
	1906	1907	1908	1909
В европейские порты	5724996	5181658	5214301	4854235
В Сибирь по ж. д.	2565250	1249571	3214995	4786311
В амурские порты	—	—	—	3770515
В тихоокеанские порты	10496492	10770179	21129320	27021542
Итого	18786738	17201208	29558616	40432606

Следует отметить, что среди товаров, ввозившихся из Китая в Россию, имелось значительное количество товаров не-китайского происхождения (реэкспорт). Так, в 1909 г. стоимость таких товаров определялась в 4 151 489 хугуанских таэлей, или 5 397 тыс. рублей⁴¹⁾. КВЖД и Владивостокский порт играли значительную роль в торговле Китая с другими государствами. Так, в 1911 г. во Владивосток было ввезено из Северо-Восточного Китая 28 млн. пудов бобов, а в 1912 г.

³⁹⁾ «Харбинский вестник», 19 августа 1909 г.

⁴⁰⁾ См. «Вестник Азии», 1911, № 9, стр. 94—95.

⁴¹⁾ «Вестник Азии», 1911, № 9, стр. 95.

22 млн. пудов⁴²). Из Владивостокского порта бобы и бобовое масло вывозились в Японию, Англию, Германию и другие страны.

Русские предприниматели открыли в полосе отчуждения КВЖД ряд промышленных предприятий, из которых наиболее значительными были паровые мельницы, кирпичные и лесообработывающие заводы. В 1911 г. годовой оборот русского мукомольного товарищества в Харбине достигал 3,5 млн. рублей⁴³). Годовой оборот всех предприятий, принадлежавших русским капиталистам в Северной Маньчжурии, оценивался в 1909 г. в 12 млн. рублей⁴⁴). Однако степень проникновения российского капитала в экономику Северо-Восточного Китая не следует переоценивать. Нужно учитывать, что значительная часть русских промышленных предприятий в Северной Маньчжурии обслуживала нужды Китайско-Восточной железной дороги так же, как и значительная часть русских товаров, ввозившихся по КВЖД, потреблялась довольно многочисленным русским населением, проживавшим в зоне железной дороги.

Вопрос о пересмотре русско-китайского торгового договора 1881 г. возник в связи с предусмотренной заключительным боксерским протоколом от 7 сентября 1901 г. возможностью повышения китайских импортных пошлин («до действительных 5% стоимости товара»⁴⁵). Дело в том, что империалистические державы, навязавшие Китаю новый неравноправный договор после подавления народного восстания 1900 г., потребовали выплаты огромной контрибуции в 450 млн. лян, которая вместе с процентами должна была выплачиваться до 1940 г. и составляла сумму в 952 млн. лян, или 1,5 млрд. рублей. Повышение пошлин, таким образом, должно было стать одним из источников средств для выплаты контрибуции.

В 1902 г. Китай подписал торговый договор с Великобританией, а в 1903 г. с Японией и Соединенными Штатами Америки. Империалисты использовали пересмотр торговых договоров в своих интересах и добились новых льгот с целью облегчения ввоза своих товаров во внутренние провинции Китая: отмены ликина, права свободного плавания иностранных судов по рекам Китая, открытия новых портов для иностранной торговли и т. д.⁴⁶). Договорами предусматривалась возможность повышения ввозных и вывозных пошлин. Одна-

⁴²) ЦГАДВ, ф. 252, оп. 1, д. 61, л. 81. Торговые бюллетени Владивостокской биржи, 11 октября 1914 г.

⁴³) Там же, ф. 702, оп. 2, д. 205а, л. 267.

⁴⁴) АВПр. Миссия в Пекине, д. 35, л. 15. Записки Харбинского биржевого комитета министру финансов, 1909 г.

⁴⁵) «История экономического развития Китая 1840—1948 гг.», М., 1958, стр. 74.

⁴⁶) См. М. И. Сладковский. Очерки развития внешнеэкономических отношений Китая, М., 1953, стр. 67—68.

ко в этой части соглашение фактически не вступило в силу, так как другие государства, основываясь на принципах благоприятствования, автоматически получили льготы, предусмотренные новыми договорами, а Англия, США и Япония отказывались платить повышенные пошлины на том основании, что их не признают другие державы.

В марте 1905 г. цинское правительство предложило государствам, имевшим дипломатические сношения с Китаем, приступить к пересмотру торговых договоров, но ни одно из государств не ответило на это предложение. В апреле 1907 г. цинское правительство повторило свое предложение⁴⁷⁾. На этот раз царское правительство выразило согласие вступить в переговоры с Китаем о пересмотре торгового договора⁴⁸⁾. Однако если переговоры относительно плавания по реке Сунгари развивались успешно, то переговоры о пересмотре торгового договора ограничивались до 1909 г. лишь предварительным обменом мнений. Более остро вопрос о пересмотре торгового договора встал в связи с отменой порто-франко на русском Дальнем Востоке.

Закон от 16 января 1909 г., вступивший в силу с 1 (14) марта того же года, отменял порто-франко и ввел таможенное обложение для иностранных товаров, ввозившихся на русский Дальний Восток. Правда, китайские товары, ввозившиеся для продажи в Россию в пределах пятидесятиверстной полосы вдоль сухопутной границы, по-прежнему пропускались беспошлинно. Представители российской буржуазии выступали против введения высокого таможенного обложения для китайских товаров, ввозившихся в Россию через сухопутную границу, доказывая, что это может подорвать русско-китайскую торговлю⁴⁹⁾. Министерство финансов дало указание таможенным учреждениям в связи с отменой порто-франко «на первое время избегать вполне формального применения закона 16 января» для того, чтобы «предупредить резкие недоразумения с китайцами». Русским таможенным чиновникам предлагалось облегчать провоз багажа и товаров для китайцев, выезжавших в Россию, а также «признавать контрабандой провоз пошлинных товаров за пределы пятидесятиверстной полосы только при явном уклонении от оплаты пошлины»⁵⁰⁾.

⁴⁷⁾ АВПР. Миссия в Пекине, д. 35, л. 87. Сообщение князя Цина русскому посланнику в Пекине, 6 мая/23 апреля 1907 г.

⁴⁸⁾ Там же, л. 94.

⁴⁹⁾ «Новое время», 12 марта 1909 г.

⁵⁰⁾ АВПР. Миссия в Пекине, д. 36, л. 153. Следует отметить, что после отмены порто-франко значительное количество товаров ввозилось на русский Дальний Восток через китайскую границу контрабандным путем. Даже русские мукомольные предприятия, имевшиеся в Харбине, стали ввозить муку в Благовещенск контрабандой через Сахалин.

Русские товары выдерживали конкуренцию на рынках Китая с товарами более развитых в экономическом отношении государств прежде всего благодаря льготам и преимуществам по сухопутной торговле, полученным царским правительством по договору 1881 г., а также благодаря правительственной поддержке (вывозные премии и т. д.). Поэтому вопрос о пересмотре русско-китайского торгового договора вызвал соответствующие выступления со стороны представителей российского капитализма и рассматривался на заседаниях Совета министров в 1909 г. с участием Полякова, Морозова, Рябушинского и других магнатов финансового капитала⁵¹).

Цинское правительство решило использовать отмену порто-франко на русском Дальнем Востоке для того, чтобы попытаться ослабить позиции царской России в Северной Маньчжурии. Ссылаясь на то, что отменой порто-франко Россия нарушила статью 14-ую правил о сухопутной торговле 1881 г., китайские власти учредили таможи и ликинные заставы, на которых с русских товаров взимались повышенные пошлины⁵²). После неудачных попыток царских дипломатов убедить цинское правительство отказаться от мер, направленных против русских торговцев в Китае, по совету русского посланника в Пекине Коростовца было решено произвести на Китай дипломатическое давление.

16 февраля 1911 г. царское правительство передало в Пекин ноту, в которой, ссылаясь на то, что цинское правительство нарушает торговый договор 1881 г., предъявило ряд требований относительно условий для торговли русских подданных в Северной Маньчжурии, Монголии и Западном Китае⁵³). Предъявление данной ноты Китаю со стороны царского правительства объяснялось не только экономическими интересами, но и политическими — стремлением российского империализма использовать переговоры о пересмотре торгового договора для подтверждения специальных прав и привилегий царской России.

20 февраля 1911 г. цинское правительство передало письменный ответ на ноту царского правительства, из которого было видно, что Китай принимает все требования, за исключением пункта о привилегиях российских купцов в Монголии и Западном Китае⁵⁴). Одновременно с передачей письменного ответа министр иностранных дел Китая сообщил русскому посланнику Коростовцу, что китайское правительство «вначале предполагало денонсировать договор 1881 г., но теперь намерено предложить его подтверждение, с частичным исправлением и добавлениями, необходимыми в связи с из-

⁵¹) И. В. Бестужев. Указ. соч., стр. 357.

⁵²) «Вестник Азии», 1911, № 7, стр. 4.

⁵³) «Правительственный вестник», 4 февраля 1911 г.

⁵⁴) «Тихий океан», 1936, № 2 (8), стр. 225.

менившимися обстоятельствами». По словам Коростовца, министр иностранных дел Китая заявил, что денонсация и полный пересмотр договора «не выгодны ни для Китая, ни для России, ибо этим обстоятельством воспользуется Япония для получения таких же льгот»⁵⁵).

В ходе дальнейших переговоров выяснилось, что цинское правительство пыталось сохранить свободу рук по некоторым вопросам, связанным с торговлей в Монголии и Западном Китае, в частности относительно монополий в области чайной торговли и открытия новых русских консульств. В таких условиях царское правительство вновь прибегло к методам давления. 23 марта 1911 г. русскому посланнику в Пекине было предложено заявить цинскому правительству, что Россия «просит китайское правительство формально подтвердить правильность и согласованность всех положений русской ноты 3 (16) февраля. Только после такого подтверждения императорское правительство может согласиться войти в обсуждение вопросов о введении пошлинного обложения, о создании особого режима для торговли чаем или каких-либо иных частичных изменений договора 1881 г.»⁵⁶). Цинское правительство вынуждено было признать «правильность и согласованность» требований царского правительства с договором 1881 г.⁵⁷).

Переговоры о пересмотре русско-китайского торгового договора возобновились летом 1911 г. Главой китайской делегации был назначен Лу Чжен-сян — китайский посланник в Гааге, а главой русской делегации посол России в Токио — Малевский-Малевич.

Лу Чжен-сян в беседе с Коростовцем заявил, что ему предписано вести переговоры «в самом примирительном духе и искать возможных компромиссов». Он также выразил сожаление, чтобы переговоры носили «конфиденциальный характер и не сообщались никакой третьей державе». В Китае выражали опасение, как бы другие государства, например Япония, не использовали русско-китайские переговоры «с целью получить от Китая аналогичные преимущества или компенсации». Цинское правительство предлагало сохранить основные статьи договора 1881 г., но путем включения дополнительных статей или заключения особого протокола хотело пересмотреть вопросы, касавшиеся подданства жителей Илийского края и их прав на владение землей, ввести пятипроцентное обложение ввозимых в Китай товаров, отменить пятидесятиверстную полосу беспошлинной торговли по всей русско-ки-

⁵⁵) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, д. 726, л. 148. Секретная телеграмма Коростовца из Пекина, 20/7 февраля 1911 г.

⁵⁶) Там же, л. 199. Секретная телеграмма управляющего министерством иностранных дел Коростовцу, 20/10 марта 1911 г.

⁵⁷) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, д. 726, лл. 253—254.

тайской границе, рассмотреть вопрос о свободе плавания судов двух стран по Амуру, Сунгари и Уссури, открыть китайские консульства в Андижане, Иркутске, Чите или Благовещенске⁵⁸). Когда летом 1911 г. Лу Чжен-сян приехал в Петербург, его встретили с почетом, устроили прием у Николая II, а министерство иностранных дел России стремилось подчеркнуть улучшение русско-китайских отношений. Князь, регент Китая, обратился к русскому царю с телеграммой, в которой писал о желании всего китайского народа установить с Россией «доверчивые и предупредительные отношения». Николай II в телеграмме на имя князя Цина также высказался за улучшение русско-китайских отношений⁵⁹).

В августе 1911 г. Лу Чжен-сян передал в министерство иностранных дел России меморандум, в котором были конкретизированы вышеизложенные пожелания цинского правительства в связи с пересмотром торгового договора⁶⁰). Предложения Китая рассматривались на междуправительственном совещании, которое проходило под председательством Малевского-Малевица. На этом совещании решили принять предложение китайской стороны об отмене пятидесятиверстной полосы для беспошлинной торговли, согласиться на установление пятипроцентной ввозной пошлины, но только для морской торговли. Царское правительство решило добиваться сохранения беспошлинной торговли России во Внешней Монголии и Западном Китае. Междуправительственное совещание также высказалось за закрепление всех льгот, предоставленных китайским купцам по торговле с Россией⁶¹). Российская буржуазия, используя прессу, настаивала на скорейшем завершении русско-китайских торговых переговоров⁶²).

В ноябре 1911 г. русские контрпредложения были вручены китайской делегации и переданы в Пекин. Министерство иностранных дел первоначально обещало дать на них ответ через два месяца, однако в декабре, в связи с развертывавшейся революцией, китайское правительство, ссылаясь на «затруднительность внутреннего положения» отказалось указать какой-либо срок представления ответа. В такой обстановке министр иностранных дел Сазонов телеграфировал русскому поверенному в делах в Пекине: «Благоволите при первом подходящем случае указать министру иностранных дел, что мы не можем признать внутренние затруднения Китая основательной причиной, чтобы замедлять переговоры

⁵⁸) «М. О.», серия II, т. XVIII, ч. I, стр. 107—108. Коростовец Нератову, 11 июня/29 мая 1911 г.

⁵⁹) АВГР. Миссия в Пекине, д. 699. Секретная телеграмма Нератова Коростовцу, 5 сентября/23 августа 1911 г.

⁶⁰) АВГР. Миссия в Пекине, д. 38, л. 105.

⁶¹) Там же, лл. 113—116. Журнал Междуправительственного совещания, 14/1 сентября 1911 г.

⁶²) См. «Биржевые ведомости», 14 июля 1911 г.

по пересмотру С.-Петербургского трактата. Наши контрпредложения весьма умеренны и не содержат каких-либо новых принципов. Ссылка на внутренние затруднения и на необходимость дополнительных справок производят на нас поэтому тягостное впечатление — желание затянуть переговоры»⁶³).

В связи с падением монархии и образованием Китайской республики, которая в течение длительного периода времени формально не была признана великими державами, русско-китайские торговые переговоры прекратились. В апреле 1912 г. Сазонов, ссылаясь на то, что русские контрпредложения относительно пересмотра торгового договора остались без ответа, дал указание русскому посланнику в Пекине Крупенскому вступить в переговоры с Юань Ши-каем относительно продления срока действия договора 1881 г. на десять лет, оставив его без изменений, «условившись с китайцами лишь об отмене льготной пятидесятиверстной полосы как на русской, так и на китайской стороне нашей сухопутной границы»⁶⁴). Сазонов писал Крупенскому: «Желательно придать Вашим объяснениям дружелюбный характер настояний на предоставлении нашей торговле нормальных условий, которых она ныне лишена по причинам, возникшим не по нашей вине»⁶⁵).

В ходе переговоров о продлении русско-китайского торгового договора на новое десятилетие правительство Юань Ши-кая пыталось заручиться согласием царского правительства на признание Китайской республики и увязать продление торгового договора с решением других вопросов русско-китайских отношений⁶⁶). В июле 1911 г. Лу Чжен-сян сообщил Крупенскому о согласии китайского правительства сохранить русский договор в силе, но не на десять лет, «а более короткий срок»⁶⁷).

Царское правительство решило форсировать вопрос о продлении срока действия русско-китайского договора. На заседании Совета министров 15 (2 августа) 1912 г. постановили поручить министру иностранных дел сделать правительству Китая заявление о том, что Россия признает договор 1881 г. «сохраняющим свою силу на новое десятилетие», и

⁶³) «М. О.», серия II, т. XIX, ч. I, стр. 261—262. Сазонов Щекину, 29/16 декабря 1911 г.

⁶⁴) «М. О.», серия II, т. XIX, ч. II, стр. 400—405. Сазонов Кокочову и Тимашеву, 13 апреля/31 марта 1912 г.

⁶⁵) АВПР. Миссия в Пекине, д. 38, л. 162. Сазонов Крупенскому, 13 апреля/31 марта 1912 г.

⁶⁶) «М. О.», серия II, т. XX, ч. I, стр. 197. Крупенский Сазонову, 19/6 июня 1912 г.

⁶⁷) Там же, стр. 198. Телеграмма Крупенского от 2 июля/19 июня 1912 г. (примечание).

⁶⁸) «М. О.», серия II, т. XX, ч. II, стр. 11—15. Особый журнал Совета министров, 15/2 августа 1912 г.

что льготная 50-верстная полоса беспошлинной торговли отменяется с 14 (1 января) 1913 г.⁶⁹⁾.

5 сентября (24 августа) 1912 г. русский посланник в Пекине передал соответствующую ноту правительству Китая, в которой делалась попытка оправдать действия царского правительства ссылками на ущерб, который наносился русско-китайской торговле неопределенностью положения с торговым договором и безрезультатностью длительных русско-китайских переговоров по этому вопросу⁶⁹⁾). Основная причина, объясняющая данный акт царского правительства, лежит в стремлении российского империализма сохранить льготы по торговле с Китаем, благодаря которым российский капитал мог конкурировать на дальневосточных рынках с капиталом более развитых капиталистических государств.

Китайское правительство согласилось на то, чтобы договор 1881 г. был продлен на новый десятилетний срок, но внесло предложение об отмене льготных пошлин на товары, ввозившиеся в Китай по русско-китайской сухопутной границе⁷⁰⁾. Царская дипломатия, защищая интересы торгово-промышленной буржуазии добилась поставленной цели. Правда, в министерстве иностранных дел России пытались подчеркнуть то обстоятельство, что «договоры с Китаем... построены на принципе преимущественного перед другими иностранцами благоприятствования китайцам в России и русским в Китае, вытекающему из их особого взаимного географического положения»⁷¹⁾.

Российская буржуазия приветствовала продление русско-китайского торгового договора. Однако дальневосточные торгово-промышленные круги выступали против отмены льготной 50-верстной полосы беспошлинной торговли. В частности, Харбинский биржевой комитет, где большинство принадлежало представителям русской буржуазии, выступил против закрытия 50-верстной полосы, доказывая, что эта мера «произведет настоящий разгром русской промышленности в полосе КВЖД», которая лишится рынков русского Дальнего Востока. В 1911 г. по КВЖД и Сунгари в 50-верстную полосу русского Дальнего Востока было ввезено товаров на 5 249 тыс. рублей⁷²⁾. Следует отметить, что в 1913—1914 гг. ввоз муки и некоторых других товаров из Северной Маньчжурии на русский Дальний Восток сократился, так как эти товары не выдерживали конкуренции с более дешевой мукой из Соединенных Штатов Америки, мясом из Австралии и т. д.

⁶⁹⁾ Э. Д. Г р и м м. Указ. соч., стр. 180—181.

⁷⁰⁾ АВПР. Миссия в Токю, д. 247, л. 116. Секретная телеграмма министра иностранных дел посланнику в Пекине, 6 декабря/23 ноября 1912 г.

⁷¹⁾ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, д. 727, л. 333. Ответ МИД на письмо приамурского генерал-губернатора, 3 января 1913 г./21 декабря 1912 г.

⁷²⁾ «Вестник Азии», 1913, № 13, стр. 2.

Закрытие 50-верстной полосы привело к росту цен на продукты питания на русском Дальнем Востоке, однако царское правительство отвергло ходатайство местных торгово-промышленных кругов относительно сохранения существовавшего до 1913 г. положения, так как считало закрытие 50-верстной полосы наиболее действенным средством борьбы против контрабандной торговли.

Царское правительство, министры которого на словах выступали за установление хороших взаимоотношений с Китаем, проводило империалистическую политику и смогло в рассматриваемые годы сохранить свои позиции в Китае лишь используя методы давления, а также различные сделки с цинской династией и правительством Юань Ши-кая. Партия большевиков решительно осуждала экспансионистскую политику царизма. В большевистских газетах систематически помещались статьи, пропагандировавшие укрепление дружественных связей между трудящимися России и Китая⁷³).

**

Образование автономного государства во Внешней Монголии стало возможным в результате подъема национально-освободительного движения монгольского народа, вызванного теми социально-экономическими процессами, которые шли в стране. Значительное влияние на рост национально-освободительного движения в Монголии оказала русская революция 1905—1907 гг. и Синьхайская революция в Китае.

Внешняя Монголия, или Халха, в течение длительного периода времени господства маньчжуров пользовалась значительной долей самостоятельности во внутреннем управлении, которое осуществляли монгольские князья под контролем цинских чиновников. Маньчжурские завоеватели поддерживали феодальную раздробленность страны и консервировали ее экономическую отсталость. Араты подвергались жестокой эксплуатации со стороны монгольских феодалов, ламаистских монастырей, маньчжурских чиновников и китайского торговоростовщического капитала⁷⁴). В Урге насчитывалось 190 китайских фирм, из них 60 крупных⁷⁵). Оборот китайско-монгольской торговли в 1908 г. составил 50 млн. рублей⁷⁶). Китайские торговцы продавали в Монголии английские хлопчато-

⁷³) См. А. Н. Хейфец. Революционные связи народов России и Китая в начале XX века. «Вопросы истории», 1956, № 12, стр. 98—99.

⁷⁴) См. А. Л. Нарочницкий. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860—1895, М., 1956, стр. 544—545.

⁷⁵) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 42, л. 83. Краткий отчет полковника Попова о втором путешествии в Монголию в 1910 г.

⁷⁶) И. Я. Златкин. Очерки новой и новейшей истории Монголии, М., 1957 г., стр. 142.

бумажные ткани, скупали шерсть, кожи, пушнину и другие виды сырья, которое затем шло на западно-европейские рынки или в Россию. В Урге было открыто отделение дайцинского банка, кредитовавшего китайских торговцев и занимавшегося скупкой земель у монголов.

После русско-японской войны цинское правительство, защищая интересы китайского капитала, усилило колонизаторскую деятельность, направленную на дальнейшее экономическое и политическое закабаление Монголии. Крупные китайские фирмы при поддержке цинских чиновников, имевшихся в Урге, захватывали за долги земли монгольских князей, которые продавались или сдавались в аренду китайским переселенцам. В связи с этим не только князья лишались земель, но и многие араты теряли лучшие пастбища для скота. Цинское правительство стремилось ослабить власть монгольских князей и подорвать влияние главы ламаистской церкви в Монголии — Богдо-гегена. Все эти меры в конечном итоге преследовали цель — включить Внешнюю Монголию в состав Маньчжурской империи на правах провинции.

В 1908 г. был издан императорский указ относительно Монголии, в котором предусматривалось: включение представителей от Монголии в будущий парламент Китая, реформа монгольского управления и учреждение китайского губернаторства в Урге, организация армии, развитие промышленности, земледелия, строительство железных дорог, открытие школ и т. д.⁷⁷⁾. Заслушав указ богдыхана, собравшиеся в Урге халхские князья просили цинское правительство не проводить намеченных реформ⁷⁸⁾. Верхушка монгольских феодалов и ламаистской церкви боялась быть окончательно отстраненной от власти и возглавила борьбу против маньчжуров. Начались столкновения между представителями цинского правительства и монголами. В мае 1910 г. по приказу ургинского амбана цинские войска пытались занять монастырь в Урге, однако были отбиты ламами⁷⁹⁾. В это же время Баир Токтохо-гайджи с отрядом около 100 человек начал вооруженные действия против представителей маньчжурской администрации и китайских ростовщиков. Он разбил отряд ургинского амбана и ушел на территорию Забайкалья⁸⁰⁾.

Часть монгольских князей, вставших на путь борьбы против маньчжурского гнета, искала поддержки царского прави-

⁷⁷⁾ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 7, д. 463, л. 13. Донесение генерального консула в Урге Шишмарева, 15/2 мая 1900 г. См. также ЦГАДВ, ф. 702, оп. 6, д. 159а, л. 14. Перевод указа богдыхана.

⁷⁸⁾ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 7, д. 463, л. 13.

⁷⁹⁾ Там же, оп. 5, д. 42, л. 80. Отчет Попова о путешествии в Монголию в 1910 г.

⁸⁰⁾ Академик И. М. Майский. Монголия накануне революции, М., 1960 г. стр. 204.

тельства. Князь Удай в письме на имя Столыпина писал: «После подчинения наших монголов маньчжурскому дому среди нас начало усиливаться стремление к объединению всех монгольских хошунов на почве национальных интересов и обычаев»⁸¹⁾. Князь Хайсан в беседе с полковником Поповым в 1910 г. следующим образом изложил цели и планы монгольских националистов, поднимавшихся на борьбу против маньчжуров. Они считали, что Халха находится накануне полного порабощения и что монголы должны отстаивать свои права. Хайсан, в частности, считал возможным обратиться при поддержке России в Гаагский международный трибунал с жалобой на незаконные действия цинского правительства. Антиманьчжурская группа монгольских феодалов стремилась полностью отделиться от Китая и создать свое независимое государство во главе с Богдо-гегеном. Хайсан просил представителей царской России оказать монголам поддержку оружием и помочь создать монгольскую государственность, в противном случае,— говорил он,— монголы вынуждены будут обратиться за помощью к Японии⁸²⁾.

Борьба монголов за национальную независимость быстро переросла рамки монгольско-китайского конфликта. К событиям в Монголии было привлечено пристальное внимание Японии, царской России и других империалистических держав. Япония, активно укреплявшаяся во Внутренней Монголии, стремилась распространить свое влияние и на Халху. Проникновение Японии в Монголию началось накануне русско-японской войны. Во время войны японская агентура пыталась поднять население Внутренней Монголии на борьбу против России, но безуспешно⁸³⁾. После русско-японской войны японские империалисты, опираясь на Южно-Маньчжурскую железную дорогу, активизировали свою деятельность в Монголии. Правящие круги Японии рассматривали проникновение в Монголию как составную часть осуществления программы по установлению японской гегемонии в Азии и укреплению Японии на континенте. Идеологи японского империализма доказывали, что Япония сможет сохранить свое господство в Корее лишь при условии установления японской гегемонии в Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии.

В 1906 г. в Токио было образовано общество «Ниси-ханвази», являвшееся отделением одного из обществ, распространявших паназиатскую доктрину. Организаторы «Ниси-ханвази» ставили своей задачей укрепить влияние японской буддийской церкви над монгольской ламаистской религией,

⁸¹⁾ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, д. 712, л. 72. Перевод письма князя Удай, апрель 1910 г.

⁸²⁾ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 42, л. 81. Краткий отчет Попова о путешествии в Монголию в 1910 г.

⁸³⁾ Там же, оп. 3, д. 712, л. 72. Перевод письма князя Удай, апрель 1910 г.

являвшейся одной из форм буддизма⁸⁴). Деятельность, направленная на объединение всех буддистов под главенством империалистической Японии, которой занималась «Ниси-ханвази», положившая начало панбуддизму, развивалась в общем русле идеологической пропаганды паназиатизма. Это общество при поддержке японского правительства открывало школы в Монголии, издавало для них учебники, укрепляло связи с монгольскими князьями, дети некоторых из этих князей стали получать образование в Японии. Представители царского правительства выражали опасение относительно влияния панбуддистской и паназиатской пропаганды на бурятское население Забайкалья, среди которого, по их мнению, «пробуждались идеи национального самосознания»⁸⁵).

Преследуя своекорыстные цели, японская агентаура стремилась поднять монгольских князей на борьбу против Китая и использовала с этой целью свою «культурную» работу в Монголии. Об этом часто сообщали русские представители в Китае. «Японцы стремятся захватить гегемонию на Дальнем Востоке, — говорилось в одном из таких сообщений, — не только силой оружия, но и путем проведения в массы своей культуры, своих идей, понятий путем газет, журналов... восхваляющих «великую Японию», которая призвана «разбудить Восток, и защитить его от западных варваров»⁸⁶).

Правящие круги Японии ставили своей задачей прежде всего укрепиться во Внутренней Монголии. В августе 1907 г. японский журнал «Тайо» писал: «Если Япония не будет обращать внимания на Монголию, то не только будут потеряны все преимущества, приобретенные ею в Гиринской провинции, но и в деле заведования Монголией ей придется только глотать пыль, поднимаемую успешным движением России. Монголия усердно и с готовностью принимает японскую цивилизацию, Япония обязана взять на себя управление и заведывание Монголией»⁸⁷). Газета «Ямато» призывала японское правительство обращать больше внимания на монгольский вопрос и заявляла, что «для обеспечения существования японской империи» Япония «сама должна взять на себя открытие Монголии»⁸⁸). Японский капитал играл большую роль в торговле Внутренней Монголии. С целью укрепления там своих экономических и военных позиций Япония добилась концессии на постройку железной дороги Мукден-Таонань.

⁸⁴) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 6, д. 156а, лл. 1—2. Письмо профессора Д. Позднеева из Токио, 25/12 января 1907 г.

⁸⁵) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 6, д. 520, л. 3. Проект учреждения при Иркутском генерал-губернаторе должности чиновника по дипломатической части, июль 1910 г.

⁸⁶) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 6, д. 159а, л. 10. Сведения разведки Заамурского округа пограничной стражи.

⁸⁷) Там же.

⁸⁸) Там же.

Царское правительство выражало серьезные опасения в связи с проникновением японской агентуры во Внешнюю Монголию, куда после русско-японской войны было направлено несколько японских разведывательных партий, особенно тщательно изучавших пути, ведущие в Забайкалье⁸⁹⁾. Противоречия между Россией и Японией по монгольскому вопросу накладывали известный отпечаток на развитие русско-японских отношений.

Позиции других империалистических государств в Монголии были сравнительно слабыми. Правда, там имелись торговые предприятия, в которые были вложены сравнительно небольшие английские, германские и американские капиталы. Некоторые из китайских фирм работали на иностранные капиталы. В 1907 г. в Урге были открыты два торговых предприятия, считавшихся китайскими, но работавшие на английские деньги⁹⁰⁾. В 1910 г. английская компания установила автомобильное сообщение между Калганом и Ургой⁹¹⁾. Иностранный капитал проникал в золотопромышленность. В 1911 г. из Монголии в Германию транзитом через Россию было вывезено золота на 1 813 тыс. рублей⁹²⁾.

Активизация китайской и японской деятельности во Внешней Монголии вызывала определенные опасения царского правительства за безопасность обширной, но не защищенной границы с Монголией и давнишние русско-монгольские торговые сношения, которые существовали более двухсот лет. Кроме того, через Монголию поддерживались старинные торговые связи с Китаем. Торговые караваны, ввозившие товары вглубь Монголии и привозившие оттуда сырье, шли из Восточной Сибири через Кяхту, а из Западной Сибири на Кобдо и Улясутай.оборот русско-монгольской торговли был сравнительно невелик, в 1908 г. он оценивался в 8 млн. рублей⁹³⁾. Из Монголии в Россию вывозились шерсть, коженное сырье, конский волос, пушнина, скот. Из России в Монголию везли хлопчатобумажные ткани, сукно, металлические изделия. Перевозка товаров, как правило, осуществлялась монголами.

Кроме караванной торговли существовали довольно обширные торговые связи между пограничным населением России и Монголии. К правилам сухопутной торговли, принятым в 1881 г., был приложен список пунктов, через которые

⁸⁹⁾ См. «Сводка сведений о государствах Дальнего Востока». Иркутск, 1910, № 4, стр. 12.

⁹⁰⁾ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 4, д. 18, л. 17. Записка русского генерального консула в Урге Шишмарева, октябрь 1907 г.

⁹¹⁾ «Известия общества изучения Маньчжурского края», Харбин, 1922, № 2, стр. 13.

⁹²⁾ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 9, д. 601, л. 60. Иркутский генерал-губернатор Князев Коковцову, 20/7 марта 1913 г.

⁹³⁾ И. Я. Златкин. Указ. соч., стр. 142.

можно было ввозить и вывозить товары. Однако со временем пограничная проверка прекратилась, и грузы стали свободно перевозиться через границу повсюду⁹⁴). В Урге имелось до 10 русских торговых фирм, в Улясуае две. Однако после 1908 г. роста русско-монгольской торговли не наблюдалось. Дело в том, что в Монголии усилили скупку сырья и продажу товаров фирмы западных стран, действовавшие при посредничестве китайских торговцев. Определенную роль в этом отношении сыграла постройка железной дороги Пекин — Калган⁹⁵). Калган, связанный железной дорогой с портами Китая, стал центром обширной торговли с Внутренней и Внешней Монголией. Кроме значительного количества китайских фирм в Калгане имелось около 10 иностранных фирм и отделения трех иностранных банков⁹⁶).

Представители торгово-промышленных кругов России, заинтересованных в русско-монгольской торговле, начинают изыскивать пути ее увеличения. В связи с этим в газетах и журналах появляются статьи, посвященные данному вопросу. Газета «Голос Москвы» считала, что для этой цели следует укрепить политическое влияние во Внешней Монголии⁹⁷). Делались попытки дать экономическое обоснование мероприятий, необходимых для увеличения объема русско-монгольской торговли⁹⁸). В 1910 г. на средства московских капиталистов (Рябушинские, Н. Д. Морозов и др.) была послана в Монголию торговая экспедиция⁹⁹).

Русская буржуазия оказалась не в состоянии значительно поднять объем русско-монгольской торговли путем вытеснения своих конкурентов. При караванной торговле были высокими накладные расходы, сказывалась также техническая отсталость российской промышленности. Отмечая слабость экономических позиций России на Дальнем Востоке, М. Н. Покровский в статье «Русский империализм в прошлом и настоящем», опубликованной в 1910 г., писал: «Наибольшее внимание публики привлекал к себе до последних дней дальневосточный театр русского империализма. О Монголии так много писали, что мудрено о ней не слышать. Но шумом всегда стараются помочь делу тогда, когда оно само не идет. В Маньчжурии и Монголии очень богатые перспективы, но в наличности кажется ничего пока нет: русская торговля

⁹⁴) АВПР. Миссия в Пекине, д. 35, лл. 189—190. Шишмарев Коростовцу, 18/5 августа 1909 г.

⁹⁵) Движение по железной дороге Пекин — Калган началось в 1908 г., оборудование дороги было завершено в 1910 г.

⁹⁶) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 6, д. 159а, лл. 33—34. Сводка разведки Заамурского округа пограничной стражи, 23/10 июля 1908 г.

⁹⁷) «Голос Москвы», 16 января 1910 г.

⁹⁸) См. М. И. Боголепов и М. Н. Соболев. Очерки русско-монгольской торговли, Томск, 1910 г.

⁹⁹) См. «Московская торговая экспедиция в Монголию», М., 1912.

«с Китаем, в общем и целом, по-прежнему остается пассивной, по-прежнему мы гораздо больше покупаем у Китая, чем продаем ему»¹⁰⁰).

Взаимоотношения между русскими и монголами со времени установления общей границы были добрососедскими. Царское правительство и российская буржуазия были удовлетворены теми льготами, которые получили русские торговцы в Монголии по договорам с Китаем и не предпринимали серьезных шагов, направленных на подчинение Монголии. Полковник Попов, отмечая этот факт, писал: «Политического влияния России на монголов Халхи собственно не существует, так как Россия, насколько я знаю, до сих пор не задавалась целью таковое иметь»¹⁰¹).

Начавшееся в Монголии национально-освободительное движение, во время которого монгольские князья стали обращаться за помощью к России, заставило царское правительство определить свою позицию по этому вопросу. На первые просьбы монгольских князей о помощи царское правительство реагировало очень осторожно, опасаясь ухудшить русско-китайские отношения. Лишь после того, как выяснилось, что борьба монголов имеет шансы на успех, русские дипломаты стали оказывать им более решительную поддержку, надеясь использовать в своих интересах антиманьчжурскую борьбу монгольского народа.

В конце 1905 г. монгольский князь Удай обратился в правление КВЖД с просьбой выдать ему ссуду в 320 тыс. рублей для того, чтобы расплатиться с китайскими банками, от которых он ранее получил заем на крайне тяжелых условиях. Но против предоставления ссуды высказался министр иностранных дел Ламздорф, и просьбу Удай отклонили. Осенью 1906 г. Удай вновь возбудил вопрос о займе. На этот раз его поддержал военный министр Редигер, который указывал на помощь Удай и монголов его кошуна русской армии во время русско-японской войны, когда его конные отряды не пропустили японцев к линии КВЖД. Извольский согласился поддержать ходатайство военного министерства. Однако русский посланник в Пекине высказался решительно против предоставления займов монгольским князьям. Он считал, что всякая поддержка монголов «в переживаемый ныне период борьбы их» с цинским правительством за автономные права «явится в глазах китайцев враждебным против них актом и еще более подтвердит подозрения их о видах наших на Монголию»¹⁰²). В конечном итоге Удаю через Русско-Китайский

¹⁰⁰) М. Н. Покровский. Империалистская война, М., 1934, стр. 14.

¹⁰¹) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 42, л. 72. Краткий отчет полковника Попова о втором путешествии в Монголию в 1910 г.

¹⁰²) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, д. 712, лл. 1—2. Редигер Столыпину, 6 июня/24 мая 1907 г.

банк была выдана ссуда в 85 тыс. рублей. Но он все равно не смог рассчитаться с китайским банком, был объявлен несостоятельным должником и потерял часть своих земель, которые перешли в руки цинского правительства¹⁰³).

В 1910 г. цинское правительство обратилось к России с просьбой выдать Баира Токтохо-тайджи, который с частью своего отряда в 48 человек ушел в Забайкалье от преследовавших его маньчжурских войск. В связи с обсуждением этого вопроса военный министр Сухомлинов писал: «Токтохо, потомственный князь Южно-Горлосского хошуна Чжиримского сейма, является главой политической партии монголов, ведущей в Восточной Монголии борьбу за поправленные китайцами права их родины; рядом решительных действий Токтохо с своей партией причинял с 1907 г. серьезные препятствия пекинскому правительству в насаждении в Монголии колониционной политики»¹⁰⁴). Сухомлинов высказался против выдачи Токтохо, подчеркнув, что последние мероприятия Китая в Монголии не соответствуют интересам царского правительства. Сухомлинова поддержал министр иностранных дел, указавший, что Токтохо является политическим изгнанником, которые не подлежат выдаче. Столыпин дал указание и иркутскому генерал-губернатору не выдавать Токтохо цинским властям, так как «согласно международным обычаям, он имеет право на наше гостеприимство»¹⁰⁵).

Весной 1910 г. в Петербург приехал брат князя Удая Ширету лама Буху-буян, который просил денежную ссуду и помощи России для борьбы с цинским правительством. Ширету лама Буху-буян заявил, что он уполномочен почти всеми князьями Внешней и Внутренней Монголии вести переговоры с царским правительством и просил Извольского прислать представителя России на съезд монгольских князей в Урге, который намечался на лето 1910 г. В ссуде царское правительство отказало¹⁰⁶). В связи с этим Извольский писал, что «путь конспиративных сношений с князьями и поощрение их к выступлениям против китайской власти, по крайнему моему убеждению, является в высшей степени вредным и способным лишь ускорить процесс полного поглощения Китаем Монголии»¹⁰⁷). Извольский считал, что позиции России в Монголии

¹⁰³) Там же, лл. 53—54. Журнал Особого совещания от 15/2 декабря 1908 г.

¹⁰⁴) Там же, оп. 6, д. 509, л. 19. Сухомлинов Столыпину, 8 ноября/26 октября 1910 г.

¹⁰⁵) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 6, д. 509, л. 3.

¹⁰⁶) Отказ мотивировался тем, «что все такого рода ссуды в конечном результате приносят лишь вред монгольским князьям, давая китайскому правительству основание принимать меры, стесняющие свободу монголов». См. ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, д. 712, л. 81. Извольский Столыпину, 28/15 мая 1910 г.

¹⁰⁷) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, д. 712, л. 78.

следует укреплять путем экономического и культурного проникновения.

В отношении возможной помощи России монголам в их борьбе за независимость представителю монгольских князей было указано, что «императорское правительство продолжает, как и прежде, сочувственно и благожелательно относиться к монголам и их судьбе. От них самих зависит перейти к сплоченности от ныне замечаемой среди них розни, и тогда они вполне могут рассчитывать на моральную поддержку России». Царское правительство отказалось послать своего представителя на съезд монгольских князей, указав, что о результатах съезда можно будет сообщить в Петербург через русского генерального консула в Урге, а отношение России к решениям Ургинского съезда князей «будет зависеть от их характера»¹⁰⁸).

Таким образом, царское правительство обещало монгольским князьям лишь «моральную поддержку» в борьбе за независимость и призывало их к умеренности. Подобная политика царских дипломатов объяснялась прежде всего тем, что силы России были отвлечены на запад в связи с боснийским кризисом и назревавшими балканскими войнами. Исходя из принципа сохранения статус кво на Дальнем Востоке и поддержания дружественных взаимоотношений с Китаем, царское правительство в то время считало невыгодным для себя обострение русско-китайских отношений. Однако руководители монгольского национального движения нуждались в материальной поддержке и прежде всего в оружии и продолжали добиваться помощи России. В 1910 г. князь Цин-ван Хандадоржи, ставший затем министром иностранных дел Внешней Монголии, в беседе с полковником генерального штаба Поповым просил сообщить Николаю II, что «монголы надеются на Россию в случае трудного положения» и просят пока передать или продать им две тысячи винтовок с патронами¹⁰⁹), затем он сказал, что положение Монголии может ухудшиться в связи с предполагавшейся заменой монгольских пограничных караулов на границах с Россией маньчжурскими. В конце беседы с Поповым князь Цин-ван Хандадоржи заявил: «Монголии от России нужна будет большая помощь: средствами, оружием и знающими людьми, так как в Монголии нет ни знаний, ни средств, ни оружия»¹¹⁰).

Когда во второй половине 1910 г. обострился конфликт между главой ламаистской церкви в Монголии Богдо-гегеном

¹⁰⁸) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, д. 712, лл. 81—88. Извольский Столыпину, 28/15 мая 1910 г.

¹⁰⁹) Попов в своем отчете утверждает, что он не имел полномочий для ведения подобных переговоров.

¹¹⁰) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 42, л. 81. Краткий отчет полковника Попова о втором путешествии в Монголию в 1910 г.

(хутухтой) и Маньчжурским амбанем Саньдо, царское правительство сочло нецелесообразным поддерживать Богдо-гегена. В связи с этим в телеграмме министерства иностранных дел русскому посланнику в Пекине указывалось: «...то же касается настояний на сохранении за последним его должности, то мы опасаемся, что такое вмешательство во внутренние дела Китая может лишь повредить хутухте, поддерживать же эти настояния какими-либо мерами давления не входит в виды императорского правительства»¹¹¹).

Тем временем события в Монголии продолжали развиваться. Летом 1911 г. в Урге состоялся съезд князей и представителей высшего ламаистского духовенства, который принял решение обратиться с просьбой о принятии Халхи под протекторат России и с этой целью направил делегацию в Петербург¹¹²). По словам управляющего русским консульством в Урге Лавдовского, монгольские князья хотели заручиться обязательством России относительно защиты Монголии от внешних врагов, сохранения самоуправления и «неприкосновенности кочевого быта» монголов¹¹³). Вскоре монгольская делегация во главе с князем Цин-ван Хандадоржи выехала в Россию. Попытка Лавдовского задержать ее отъезд до получения ответа из Петербурга успеха не имела. Развитие событий в Монголии заставило царское правительство более тщательно рассмотреть курс политики в Халхе¹¹⁴).

Русский посланник в Пекине Коростовец считал, что Россия не могла сохранить полное невмешательство в монголо-китайские отношения, так как это ослабило бы торговое и политическое значение царской России в Монголии и подорвало бы престиж царского правительства на Востоке, а посредничество в китайско-монгольском конфликте, по мнению Коростовца, могло бы принести «известные выгоды»¹¹⁵). Нератов предлагал убедить монгольских делегатов отложить свой приезд в Петербург. Однако Коковцов опасался, «что искусственные меры по задержанию в пути монгольских князей

¹¹¹) «Красный Архив», 1929, т. 6 (37), стр. 8.

¹¹²) «М. О.», серия II, т. XVIII, ч. I, стр. 271. Лавдовский Нератову, 28/15 июля 1911 г.

¹¹³) «М. О.» серия II, т. XVIII, ч. I, стр. 341. Секретная депеша Лавдовского из Урги, 3 августа/21 июля 1911 г. (примечание).

¹¹⁴) В июле 1911 г. Лавдовский сообщил Коростовцу: «В ближайшем будущем может наступить такой момент, который окажет весьма сильное влияние на направление нашей политики в Монголии. Без сомнения наше вмешательство в монгольские дела вызовет осложнения на Дальнем Востоке. С другой стороны, если мы откажем монголам в покровительстве, то потеряем, вероятно навсегда, то огромное влияние и те симпатии, которыми мы теперь пользуемся в этом крае, а кроме того, нам придется, может быть, увидеть, как другая держава появится и займет наше место в Монголии». См. «М. О.», серия II, т. XVIII, ч. I, стр. 271.

¹¹⁵) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 7, л. 463, л. 4. Депеша Коростовца, 30/17 июля 1911 г.

могут произвести немалый шум и создать серьезные осложнения». Поэтому он предложил вступить в переговоры с делегацией по ее приезде в Петербург и «попытаться придать этому делу желательный» для царского правительства характер¹¹⁶⁾.

15 августа 1911 г. монгольская делегация прибыла в Петербург, а 17 августа вопрос о политике царского правительства в Монголии обсуждался на Особом совещании по делам Дальнего Востока под председательством Столыпина. На совещании было отмечено, что «в настоящее время [когда] императорское правительство принуждено принимать деятельное участие в решении разных острых вопросов на Ближнем и Среднем Востоке; принимать на себя деятельную роль в монгольском вопросе и тем ослаблять наше влияние в делах Запада было бы весьма нежелательно». Но одновременно с этим указывалось, что намеченные в Монголии преобразования, особенно же концентрация там маньчжурских вооруженных сил, противоречат интересам России. Поэтому было решено, чтобы царское правительство «не выступая активно в монгольском вопросе и не принимая на себя обязательства силою оружия отстаивать задуманное монголами Халхи отложение от Китая, выступило посредником между ними и поддержало дипломатическим путем стремления монголов сохранить свою самобытность, не порывая с их сюзеренами — императорами дайцинской династии»¹¹⁷⁾.

Особое совещание постановило сделать соответствующие представления в Пекине и попытаться убедить цинское правительство отказаться от намеченных в Монголии реформ, а монгольской делегации «объяснить невыполнимость в настоящее минуту задуманного монголами полного отложения от Китая, но обещать нашу поддержку» в борьбе за сохранение «самобытного строя Халхи». Было решено действовать так, чтобы ни цинское правительство, ни русская пресса не придавали политического значения приезду монгольской делегации¹¹⁸⁾. Таким образом, царское правительство, исходя из собственных интересов, попыталось сохранить статус кво во Внешней Монголии. Подобная позиция не могла удовлетворить ни цинское правительство, вставшее на путь полного подчинения Монголии, ни правящую верхушку монголов.

Переговоры русского посланника в Пекине с представителями цинского правительства в августе-сентябре 1911 г. обычно оканчивались указанием последних на то, что политика Китая в Монголии не представляет опасности для России, а оппозиция монголов по отношению к проводимым

¹¹⁶⁾ «М. О.», серия II, т. XVIII, ч. I, стр. 277.

¹¹⁷⁾ «М. О.», серия II, т. XVIII, ч. I, стр. 339—341. Журнал Особого совещания по делам Дальнего Востока, 17/4 августа 1911 г.

¹¹⁸⁾ «М. О.», серия II, т. XVIII, ч. I, стр. 341.

реформам «объясняется их косностью»¹¹⁹). Однако, давление царского правительства и обострение внутреннего положения в связи с начинавшейся революцией, заставили цинское правительство пойти на уступки. Оно вынуждено было заявить о приостановке реформ в Монголии. Для того, чтобы урегулировать этот вопрос полностью, российская миссия в Пекине в октябре 1911 г. направила памятную записку правительству Китая, в которой заявлялось, что царское правительство поручило своему консульству в Урге «заявить хутухте и монгольским князьям о принятом китайским правительством мудром решении приостановить введение реформ в Монголии и добавить при этом, что ни по отношению к членам депутации, отправленной в С.-Петербург, ни по отношению к их близким не будет применено никаких притеснений или репрессивных мер» со стороны цинского правительства. Затем в памятной записке отмечалось: 1) если правительство Китая изменит свой взгляд на данный вопрос, то оно поставит об этом в известность Россию; 2) «настоящее сообщение будет рассматриваться, как регулирующее вопрос окончательным образом, если китайское правительство не выдвинет против него каких-либо возражений теперь же»¹²⁰).

Царское правительство преследовало цель не только решить вопрос о Монголии в данный период, но и заручиться обязательством Китая не проводить реформы в Монголии в будущем без консультаций с правительством царской России. Со стороны цинского правительства не последовало возражений против основных принципов урегулирования монгольского вопроса, изложенных в памятной записке.

Решить монгольский вопрос дипломатическим путем не удалось, так как в Монголии под влиянием китайской революции продолжало нарастать национально-освободительное движение. В начале декабря 1911 г. Лавдовский сообщал из Урги: «Ободренные неурядицами во внутреннем Китае князья Халхи решили взяться за оружие»¹²¹). Коростовец также отмечал влияние Синьхайской революции на Монголию¹²²). 1 декабря (18 ноября) 1911 г. в Урге произошло восстание, окончившееся победой монголов, в результате которой было свергнуто маньчжурское господство и объявлено о создании независимой Монголии. Так возникло монгольское феодально-теократическое государство во главе с Богдо-гегеном Чжебцундамба-хутухтой. В Урге переворот произошел бескровно,

¹¹⁹) Там же, стр. 377. Коростовец Нератову, 29/16 августа 1911 г.

¹²⁰) «М. О.», серия II, т. XVIII, ч. II, стр. 191. Памятная записка российской миссии в Пекине китайскому министерству иностранных дел, 19/6 октября 1911 г.

¹²¹) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 7, д. 463, л. 32. Секретная телеграмма Лавдовского из Урги, 8 декабря/26 октября 1911 г.

¹²²) Там же, л. 109.

но Кобдо был взят восставшими монголами в результате боя с цинским отрядом. Следует отметить, что свержение власти маньчжуров в Монголии произошло без какой-либо помощи царской России и даже вопреки ее желанию. Царское правительство обещало передать монгольским князьям некоторое количество устаревших ружей системы бердана, но ко времени восстания они еще не были переданы. Успех дела решили энергичные действия монгольских отрядов и переход на сторону восставших части цинских войск (около 300 человек). Амбань Саньдо вынужден был просить убежища в русском консульстве¹²³).

Переворот в Урге вновь поставил перед царской дипломатией монгольский вопрос. Царское правительство продолжало добиваться компромиссного соглашения между Монголией и Китаем, не забывая, конечно, об укреплении собственных позиций во Внешней Монголии. 21 декабря 1911 г. Сазонов в письме Коростовцу изложил свои взгляды относительно политики России в Монголии. Прежде всего он заявил, что «Россия не может принять на себя задачу по управлению Монголией», так как в этом случае монголы «могут стать врагами России». Сазонов считал, что надо по-старому придерживаться решений Особого совещания от 17 (4) августа 1911 г. и добиваться того, чтобы «Монголия осталась в составе Китайской империи». Царский министр иностранных дел предлагал не принимать во внимание факт провозглашения независимости Монголии. Этот высокопоставленный чиновник утверждал, что монголы, провозгласившие независимость, едва ли «дают себе ясный отчет, что это значит». «При создавшемся положении, — писал Сазонов, — нам представляется возможность выступить посредниками между китайцами и монголами и таким образом до некоторой степени обеспечить наши интересы в Монголии и в то же время оказать нашу услугу китайскому правительству... Наше положение в Монголии по-прежнему должно определяться договорами с пекинским правительством». Сазонов делал вывод, что царское правительство преследует в Монголии задачи «примирительного свойства»¹²⁴).

Русскому поверенному в делах в Пекине было дано указание добиваться заключения «между китайцами и монголами договора, обеспечивающего автономию Монголии». Причем, по мнению царского правительства, Китай должен был взять «обязательства не содержать в Монголии китайских войск, не колонизовать монгольских земель китайцами и не вводить

¹²³) «М. О.», серия II, т. XIX, ч. I, стр. 177—180. Лавдовский начальнику отдела Дальнего Востока Козакову, 11 декабря/28 ноября 1911 г.

¹²⁴) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 7, д. 463, лл. 74—75. Сазонов Кокцову, 21/8 декабря 1911 г.

в Монголии китайской администрации», а монголы, в свою очередь, обязались бы признать суверенитет Китая и «допустить китайского резидента» во Внешнюю Монголию. С целью укрепления позиций царской России Сазонов считал желательным получить согласие правительства Китая на постройку железной дороги от Урги до русской границы, а также признание преимущественного права России на постройку железных дорог во Внешней Монголии¹²⁵).

Коростовец, соглашаясь с программой действий, выдвинутой министерством иностранных дел относительно автономии Монголии, предлагал признать объединение Халхи под властью одного лица, так как это, по его мнению, укрепило бы Монголию и положило конец соперничеству князей¹²⁶). В связи с событиями в Монголии в иностранной прессе, в том числе и в китайской, стали появляться заметки о том, что движение монголов якобы инспирировано царской Россией, которая преследует цель присоединить Внешнюю Монголию к своим владениям. В связи с этим в «Правительственном вестнике» было опубликовано сообщение министерства иностранных дел, в котором кратко освещались события в Монголии, отношение к ним царского правительства и излагались вышеприведенные условия, которые, по мнению царской России, были бы подходящими при урегулировании монголо-китайского конфликта. В заключение указывалось, что Россия «не питает агрессивных замыслов в Монголии» и не желает, чтобы монголо-китайские отношения дошли до вооруженной борьбы, но если Монголия порвет с Китаем, то Россия вынуждена будет вести с монгольским правительством деловые отношения¹²⁷).

Цинское правительство на этот раз отклонило предложение России о посредничестве и заявило, что оно попытается достигнуть соглашения непосредственно с монголами¹²⁸). Однако данная попытка успеха не имела.

После отречения цинской династии и избрания временным президентом китайской республики Юань Ши-кая русско-китайские переговоры относительно Монголии возобновились. 30 марта 1912 г. Сазонов поручил русскому поверенному в делах в Пекине довести до сведения Юань Ши-кая, что царское правительство желает «как можно скорее достигнуть договоренности между Россией, Китаем и Монголией об автономии последней» и выразил надежду, что правительство Китая не применит силу для подавления монгольского на-

¹²⁵) «М. О.», серия II, т. XIX, ч. I, стр. 234—235. Сазонов Щекину, 23/10 декабря 1911 г.

¹²⁶) ЦГИАЛ, оп. 7, д. 463, лл. 109—113.

¹²⁷) «Правительственный вестник», 29 декабря 1911 г./11 января 1912 г.

¹²⁸) «М. О.», серия II, т. XIX, ч. II, стр. 1, Сазонов Щекину, 15/2 января 1912 г.

ционального движения¹²⁹). Однако правительство Юань Шикая стремилось затянуть решение вопроса о признании автономии Внешней Монголии, надеясь использовать противоречия в правящей верхушке Монголии и путем частичных уступок и военного давления сохранить свое господство в Монголии.

21 апреля 1912 г. был опубликован президентский декрет Юань Шикая, в котором излагалась политика нового правительства относительно национальных окраин. В декрете указывалось, что национальные окраины будут управляться министерством внутренних дел на общих основаниях с другими провинциями Китая¹³⁰). Подобное решение вопроса не могло удовлетворить монголов, которые в свое время и начали борьбу против попыток цинского правительства превратить Монголию в одну из провинций Китая.

26 апреля 1912 г., выступая в Государственной думе с изложением внешнеполитической программы правительства, Сазонов по монгольскому вопросу заявил следующее: «Полный разрыв между Халхой и Китаем поставил бы нас перед дилеммой или оккупировать ее или уйти оттуда и вновь допустить туда китайцев на правах завоевателей. Этой дилеммы постарались избежать и согласились на посредничество между китайцами и монголами для заключения между ними такого компромисса, который удовлетворял бы, в пределах возможного, желанию халхасцев сохранить свой самобытный строй и желанию Китая восстановить свой суверенитет в Монголии»¹³¹). Таким образом, Сазонов оставался на ранее сформулированной им точке зрения, чтобы царское правительство сыграло «примирительную роль» во взаимоотношениях между Монголией и Китаем. Однако решение вопроса о Внешней Монголии затягивалось. В таких условиях новый посланник России в Китае В. Крупенский считал возможным прибегнуть к мерам давления на правительство Юань Шикая для того, чтобы добиться признания автономии Халхи, ссылаясь на то, что международная обстановка благоприятствует этому.

В апреле 1912 г. американский посланник в Пекине Кальхун заявил русскому поверенному в делах, что «ничто в поощряемых им инструкциях не может побудить его противодействовать» деятельности России «в Монголии и Маньчжурии или даже хотя бы недоброжелательно за нею следить»¹³²). Посланник Великобритании в Китае Джордан заявил Кру-

¹²⁹) «М. О.», серия II, т. XIX, ч. II, стр. 367 (примечание).

¹³⁰) Там же, стр. 451 (примечание).

¹³¹) «Стенографические отчеты Думы», 3-й созыв, сессия 5, ч. III, стб. 2169.

¹³²) «М. О.», серия II, т. XX, ч. I, стр. 4. Крупенский Сазонову, 14/1 мая 1912 г.

пенскому: «Вы несомненно можете теперь действовать совершенно свободно в Западном Китае и во Внешней Монголии и лишь в Маньчжурии вам придется считаться с интересами и желаниями Японии»¹³³). Подобные высказывания английских и американских дипломатов нельзя расценивать иначе, как желание спровоцировать столкновение между Китаем и Россией для того, чтобы осуществить собственные империалистические замыслы. Но царское правительство, исходя из своих интересов, продолжало политику, направленную на достижение компромиссного соглашения между Китаем и монголами.

В начале 1912 г. в результате народного восстания был изгнан цинский правитель из Барги (Хулуьбуирский аймак), расположенной на стыке границ Внешней Монголии, России и Китая. Главный город Барги Хайлар был расположен на линии КВЖД. Монгольские князья Барги вступили в контакт с хутухтой и хотели войти в состав монгольского государства. Против этого решительно выступило правительство Юань Ши-кая, начавшее готовить военную экспедицию в Баргу. В таких условиях царское правительство приложило серьезные усилия к тому, чтобы не допустить вооруженного столкновения. Сазонов дал указание русскому консулу в Урге довести до сведения правительства Богдо-гегена, что Россия не будет поддерживать отделение Барги от Китая и советует «Барге сговориться с китайцами, пока это можно сделать, выговорив при этом некоторые льготы»¹³⁴). Царские дипломаты опасались, что монгольское движение из Барги может распространиться на другие районы Внутренней Монголии, которые считались сферой влияния Японии, и еще более осложнит вопрос о признании автономии Внешней Монголии.

В связи с вопросом о Барге царское правительство стремилось удержать от активных действий как правительство Юань Ши-кая, так и правительство Богдо-гегена. В своих представлениях в Урге царские дипломаты советовали монгольским князьям воздержаться от активных действий в Барге, заявляя, что Россия их не поддержит и они будут обречены на неудачу. Но когда стало известно, что в районе Цицикара концентрируются китайские войска для похода в Хайлар с целью подавления монгольского движения, то русский посланник в Пекине довел до сведения правительства Юань Ши-кая, что посылка войск «неизбежно приведет к нежелательным осложнениям между Россией и Китаем»¹³⁵). Правящие круги Японии зорко следили за монгольским движением

¹³³) Там же.

¹³⁴) «М. О.», серия II, т. XX, ч. I, стр. 21—22. Сазонов Крупенскому, 19/6 мая 1912 г.

¹³⁵) «М. О.», серия II, т. XX, ч. I, стр. 85. Сазонов Коковцову, 29/16 мая 1912 г.

и принимали меры к тому, чтобы не допустить присоединения Внутренней Монголии к государству, созданному во Внешней Монголии. В начале июля 1912 г. по инициативе Японии было подписано русско-японское соглашение, по которому большая часть Внутренней Монголии, расположенная к востоку от пекинского меридиана признавалась сферой влияния Японии, а территория Внутренней Монголии к западу от этого меридиана — сферой влияния царской России.

Вскоре после подписания русско-японского соглашения японская газета «Джапан кроникл» писала, что это соглашение «вероятно, внесет больше определенности в политику России по отношению к Внешней Монголии». Газета высказывала предположение, что царское правительство стремится образовать из Халхи «буферное государство»¹³⁶). В июле — августе продолжался обмен мнениями между Россией и Китаем относительно монгольских дел. Царское правительство настаивало на том, чтобы статус Внешней Монголии был определен соглашением между Россией и Китаем, и продолжало оказывать дипломатическое давление на правительство Юань Ши-кая, выступая против отправки китайских войск в Халху. После того, как выяснилось, что правительство Юань Ши-кая отказывается принять предложение царского правительства, русские дипломаты выдвинули идею заключения соглашения о признании автономии Внешней Монголии непосредственно с правительством Богдо-гегена.

15 августа 1912 г. на заседании Совета министров обсуждался вопрос «о заключении соглашения с ургинским хутухтой и князьями Халхи». Выступая на этом заседании, Сазонов заявил, что «главной своей целью при разрешении монгольского вопроса министерство иностранных дел поставило сохранение в Монголии административного и военного статуса кво». Совет министров постановил заключить двухсторонний договор с Богдо-гегеном и князьями Внешней Монголии, который признал бы автономные права четырех аймаков Халхи. Правительство Внешней Монголии должно было подтвердить права и привилегии, полученные русскими подданными по договорам с Китаем, разрешить русским купцам приобретать в Монголии недвижимую собственность, а также дать обязательство «непредоставления в названной стране иностранцам и китайцам больших прав, нежели те, коими пользуются в ней русские подданные»¹³⁷). Царская Россия должна была взять на себя обязательство защищать автономию Внешней Монголии. Таким образом, царское правительство заняло в монгольском вопросе более решительную позицию и использовало благоприятную обстановку для дальнейшего укрепления сво-

¹³⁶) «Japan Chronicl», August 14, 1912.

¹³⁷) «М. О.», серия II, т. XX, ч. II, стр. 6—16. Особый журнал Совета министров, 15/2 августа 1912 г.

их позиций во Внешней Монголии. Следует отметить, что министерство иностранных дел настойчиво выступало против пункта о праве русских подданных приобретать землю в Монголии. В связи с этим председатель Совета министров Коковцов вынужден был уточнить это положение в том смысле, что должно быть разрешено «приобретение земли для устройства торгово-промышленных заведений» и не должна допускаться покупка «земель для колонизации или спекуляции»¹³⁸).

В начале октября 1912 г. уполномоченный царского правительства для ведения переговоров Коростовец прибыл в Ургу. Во время русско-монгольских переговоров выяснилось, что правительство Богдо-гегена настаивало на включении Внутренней Монголии, а также Кобдо и Урянхайского края в состав монгольского государства¹³⁹). Коростовец заявил членам монгольского правительства, что распространение власти Богдо-гегена на Внутреннюю Монголию может «повлечь к большим осложнениям с Китаем и Японией»¹⁴⁴).

Правительство Юань Ши-кая, узнав о русско-монгольских переговорах в Урге, по своей инициативе возбудило вопрос о возобновлении русско-китайских переговоров по вопросу о Монголии. Министерство иностранных дел России согласилось возобновить переговоры при условии принятия Китаем ранее сформулированных царскими дипломатами трех пунктов о признании автономии Внешней Монголии¹⁴¹). Однако правительство Китая вновь отказалось принять это предложение.

Попытки монгольских делегатов распространить соглашение на все территории, населенные монголами, окончились безрезультатно. Сазонов телеграфировал Коростовцу в Ургу: «Создание из Монголии самостоятельного государства в указанных вами пределах не может входить в наши виды, и мы не возьмем на себя обязательства силой отстоять притязания монголов в этом направлении. Между тем им должно быть ясно, что без нашей вооруженной поддержки объединение всех намечаемых ими территорий невозможно, прежде всего ввиду сопротивления, которое Китай оказывает такому объединению»¹⁴²). В конечном итоге царское правительство по настоянию монгольской стороны согласилось: 1) заменить

¹³⁸) Там же, стр. 74. Сазонов Нератову, 31/18 августа 1912 г. (примечание).

¹³⁹) О политике царизма в Урянхайском крае см. В. И. Дулов. Социально-экономическая история Тувы XIX—начало XX вв., М., 1956, стр. 381—387.

¹⁴⁰) «М. О.», серия II, т. XX, ч. II, стр. 388—391. Коростовец Сазонову, 7 октября/24 сентября 1912 г.

¹⁴¹) Там же, стр. 413. Нератов Крупенскому, 10 октября/27 сентября 1912 г.

¹⁴²) «М. О.», серия II, т. XX, ч. II, стр. 430. Сазонов Коростовцу, 12 октября/29 сентября 1912 г.

в тексте договора термин «Внешняя Монголия» на «Монголия», 2) признать договаривающейся стороной не князей Халхи, а правительство Монгольского государства и внести некоторые менее значительные изменения в русский проект соглашения¹⁴³).

3 ноября (21 октября) 1912 г. в Урге было подписано русско-монгольское соглашение на вышеизложенных условиях¹⁴⁴). Помимо соглашения был подписан протокол, который подтверждал права относительно торговой и предпринимательской деятельности русских подданных в Монголии, полученные ранее у Китая по договору 1881 г. Русские купцы могли беспошлинно ввозить и вывозить товары, открывать различного рода предприятия и банки, покупать и арендовать на определенных условиях землю и т. д.¹⁴⁵). Кроме того, к соглашению и протоколу были приложены следующие документы: 1) декларация, в которой царская Россия оставляла за собой право самостоятельно решать вопрос о том, на какие районы распространяются гарантии, данные Россией Монголии, 2) обязательство царского правительства охранять неприкосновенность монгольской территории, 3) заявление о праве монгольских купцов ввозить в Россию беспошлинно различные виды сырья, 4) нота относительно признания Россией автономии Монголии, ее главы и правительства¹⁴⁶).

Подписанные соглашения имели чрезвычайно большое значение для Внешней Монголии. Этим самым Россия юридически признала создание монгольского государства. Правда, царская Россия действовала из империалистических побуждений и стремилась использовать образование Автономной Монголии для укрепления собственных позиций на Дальнем Востоке и подчинения монгольского рынка российскому капиталу. В этом отношении «права», полученные русскими торговцами и предпринимателями, открывали им большие возможности для экономического проникновения во Внешнюю Монголию.

Правительство Юань Ши-кай заявило о непризнании русско-монгольского соглашения¹⁴⁷) и попыталось подавить монгольское движение силой оружия. В конечном итоге Юань Ши-кай вынужден был продолжить переговоры с царской Россией. В свою очередь, царское правительство, считавшее, что столь необходимая ему стабилизация положения на Дальнем Востоке не может быть достигнута без признания автономии Монголии Китаем, готово было оказать соответствующее

¹⁴³) Там же, стр. 475. Сазонов Коростовцу, 16/3 октября 1912 г.

¹⁴⁴) См. «Сборник договоров России с другими государствами» (1856—1917), М., 1952, стр. 410—412.

¹⁴⁵) Там же, стр. 412—417.

¹⁴⁶) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 7, д. 467, л. 18. Делеша Коростовца из Урги, 6 ноября/24 октября 1912 г.

давление на правительство Богдо-гегена для того, чтобы последнее согласилось урегулировать взаимоотношения с Китаем и отказалось от попыток расширения территории монгольского государства¹⁴⁸).

Великобритания, не препятствовавшая усилению позиций царской России в Монголии, пыталась в виде компенсации получить согласие царского правительства на поддержку английской экспансии в Тибете. Министр иностранных дел Англии Э. Грей осенью 1912 г. ставил об этом вопрос во время посещения Сазоновым Великобритании. Однако Сазонов отказался признать взаимозависимость тибетского и монгольского вопросов¹⁴⁹). Тогда правительство Великобритании потребовало проведения в Монголии политики открытых дверей¹⁵⁰), а английский финансовый капитал попытался поставить под свой контроль финансы Автономной Внешней Монголии. С этой целью английская финансовая группа решила открыть в Урге Монгольский банк. К участию в создании банка предполагалось привлечь французские и русские капиталы. Английские банкиры обратились к известному дельцу Юферову, поручив ему ведение переговоров с правительством Богдо-гегена. Последнее приняло данное предложение, и, по условиям соглашения, Монгольский банк получил право эмиссии и фактически должен был играть роль государственного банка. Однако соглашение не вступило в силу, так как против выступило царское правительство. Русский консул в Урге отказался зарегистрировать договор об учреждении банка на том основании, что от имени английской финансовой группы его подписал русский подданный¹⁵¹).

Правительство Германии использовало монгольский вопрос для того, чтобы обострить русско-китайские и русско-японские отношения. В немецкой печати много писали о захватнических планах царской России на Дальнем Востоке. Статс-секретарь Германии по иностранным делам Кидерлен-Вехтер заявил в рейхстаге, что Германия признает соглашение России с Монголией лишь постольку, поскольку оно не нарушает права немецких коммерсантов, основанные на русско-китайском торговом договоре 1861 г.¹⁵²).

Правящие круги США хотели продвинуть свои планы

¹⁴⁷) См. ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 7, д. 463, л. 465.

¹⁴⁸) В июле 1913 г. русский посланник в Пекине заявил представителям китайского правительства, что Россия желает «дружески урегулировать» с Китаем вопрос о Монголии. См. «Правительственный вестник», 3 июля 1913 г.

¹⁴⁹) «М. О.», серия II, т. XX, ч. II, стр. 461. Отчет Сазонова о поездке за границу, 15/2 октября 1912 г. См. также O. Haus er. Op. cit., S. 262.

¹⁵⁰) Ibidem.

¹⁵¹) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 7, д. 463, лл. 420—421. Копия докладной записки Юферова министру иностранных дел, 10 октября/27 сентября 1912 г.

¹⁵²) Там же, д. 463, л. 474.

железнодорожного строительства. В октябре 1912 г. в Ургу приезжал представитель американской финансовой группы Ларсен, который пытался достигнуть соглашения относительно постройки железной дороги от Калгана до Урги и предлагал правительству Богдо-гегена немедленно выдать 1 млн. долларов в «счет коммиссионных сумм» в случае принятия американского предложения¹⁵³). В декабре 1913 г. Ургу посетил американский дипломат Рокхиль, совершавший большую поездку по странам Дальнего Востока¹⁵⁴).

Внутреннее положение, международная обстановка, а также продолжавшееся национальное движение монголов заставили правительство Юань Ши-кая пойти на признание автономии Внешней Монголии. 5 ноября (23 октября) 1913 г. в Пекине была подписана русско-китайская декларация, по которой Китай признавал автономию Внешней Монголии. Вопросы внутреннего управления признавались прерогативой правительства Богдо-гегена. В декларации нашли отражение основные принципы русско-монгольского соглашения от 3 ноября 1912 г. Кроме того, признавалось право Китая иметь в Урге своего представителя (сановника) с соответствующим штатом служащих и конвоем и право России иметь конвой при консульствах. Россия и Китай взаимно обязались не вмешиваться во внутренние дела Внешней Монголии, не держать там войск и воздержаться от ее колонизации. Китайское правительство согласилось принять посредничество России для «установления своих взаимоотношений с Внешней Монголией»¹⁵⁵). В состав Автономной Монголии были включены области Монголии, ранее «находившиеся в ведении китайского амбана в Урге, улясуйтайского цзянцзюня и китайского амбана в Кобдо»¹⁵⁶). Более точное определение границ подлежало дальнейшему согласованию.

Русско-китайская декларация о Монголии означала формальное признание монгольского государства со стороны Китая. Правительство Богдо-гегена по условиям соглашения могло самостоятельно определять вопросы внутреннего управления, кроме территориальных и политических, которые должны были решаться совместно Китаем, Россией и Автономной Монголией. Так как термин «политические вопросы» не был конкретизирован, то это могло создать повод для вмешательства правительств Китая и царской России во внутренние дела Автономной Монголии.

¹⁵³) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 7, д. 463, л. 438. Секретная телеграмма Королевца из Урги, 1 ноября/19 октября 1912 г.

¹⁵⁴) «Красный Архив», 1929, т. 6 (37), стр. 44—45. Делеша дипломатического агента в Монголии Миллера, 29/16 декабря 1913 г.

¹⁵⁵) «Русско-китайские отношения 1689—1916», М., 1958, стр. 100—101; Академик И. М. Майский. Указ. соч., стр. 212—213.

¹⁵⁶) Там же, стр. 101—102.

Для того, чтобы русско-китайская декларация вступила в силу, необходимо было ее признание со стороны правительства Богдо-гегена, которое вдохновлялось панмонгольскими идеями и стремилось объединить под своей властью не только Внешнюю, но и Внутреннюю Монголию. Кроме того, монгольские националисты хотели сохранить полную независимость от Китая. Потребовалось еще более полутора лет для того, чтобы правительство Богдо-гегена признало русско-китайскую декларацию от 5 ноября 1913 г.

В конце 1913 г. в Россию прибыла монгольская правительственная делегация во главе с премьер-министром Сайн-ноин-ханом Намнасураном. Официально целью миссии было объявлено ознакомление делегации с государственным и административным устройством России¹⁵⁷). Но сразу же по приезде в Петербург Сайн-ноин-хан стал просить поддержки России в деле присоединения Внутренней Монголии к Внешней, а также ходатайствовал о денежной ссуде и значительных поставках оружия. Миссия Сайн-ноин-хана была встречена с почетом. Он дважды был на приеме у Николая II. Однако царское правительство не оказало поддержки панмонгольским притязаниям правительства Богдо-гегена и даже решило задержать передачу оружия из опасений, что, получив оружие, правительство Богдо-гегена начнет войну с Китаем с целью присоединения Внутренней Монголии¹⁵⁸).

В ноябре 1913 г. правительство Юань Ши-кая обратилось с просьбой к России оказать воздействие на ургинское правительство и заставить последнее отозвать свои войска из Внутренней Монголии. В связи с этим министерство иностранных дел России дало указание русскому дипломатическому агенту в Урге «настоятельно посоветовать монгольскому правительству прекратить военные действия во Внутренней Монголии»¹⁵⁹). Правительство Богдо-гегена вынуждено было отозвать свои отряды из Внутренней Монголии, но на предложение царского правительства начать тройственные русско-китайско-монгольские переговоры с целью окончательного оформления статута Автономной Монголии премьер-министр Сайн-ноин-хан опубликовал ноту, в которой заявлял, что «Монголия окончательно порвала свои связи с Китаем» и на предстоящих переговорах будет добиваться признания полной независимости Монголии и объединения «под властью хутухты» всех монгольских племен¹⁶⁰).

Русско-китайско-монгольская конференция происходила в Урге с августа 1914 по май 1915 г. На конференции шли

¹⁵⁷) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 7, д. 467, лл. 86—89.

¹⁵⁸) «Красный Архив», 1929, т. 6 (37), стр. 61—67. Всеподданнейшая записка министра иностранных дел, 25/12 января 1914 г.

¹⁵⁹) Там же, стр. 18, Нератов Миллеру, 10 ноября/28 октября 1913 г.

¹⁶⁰) «Красный Архив», 1929, т. 6 (37), стр. 39.

длительные споры относительно правового положения Монголии. Царская Россия добивалась широкой автономии Монголии. Монгольская делегация стояла за полную государственную независимость Внешней Монголии, а китайская сторона стремилась всемерно ограничить автономию Монголии¹⁶¹).

7 июня (25 мая) 1915 г. было подписано трехстороннее соглашение России, Китая и Монголии об автономии Внешней Монголии. Основные положения его следующие: 1) Внешняя Монголия признавала русско-китайскую декларацию от 5 ноября 1913 г.; Россия и Китай признавали «автономию Внешней Монголии»; 2) Автономная Монголия не имела права заключать с иностранными державами международных договоров, касавшихся политических и территориальных вопросов, но ее правительство получало «исключительное право ведать всеми делами своего внутреннего управления, а равно и заключать с иностранными державами международные договоры и соглашения по всем вопросам, касающимся торговли и промышленности Автономной Монголии»; 3) в Ургу возвращался китайский сановник, конвой которого не должен был превышать 200 человек, а конвой его 3-х помощников — не свыше 50 человек на каждого; 4) китайские купцы получали право беспошлинного ввоза товаров во Внешнюю Монголию¹⁶²).

Освободительное движение баргутов, как уже отмечалось, привело в 1912 г. к провозглашению Автономной Барги. В ноябре 1915 г. было подписано русско-китайское соглашение, по которому китайское правительство признало автономию Барги, вошедшей на правах автономной провинции в состав Китая¹⁶³).

Реакционное правительство Юань Ши-кая добилось признания «сюзеренитета» Китая над Внешней Монголией. Правда, по условиям тройственного соглашения от 7 июня 1915 г. зависимость Автономной Внешней Монголии от Китая носила фиктивный характер. Тем не менее, в 1919 г. китайские милитаристы пытались использовать это соглашение для ликвидации автономии Внешней Монголии. Половинчатое решение вопроса о независимости Монголии удовлетворяло реакционные круги царской России, Китая и феодально-теократическую верхушку Внешней Монголии, захватившую власть в свои руки, но с этим не хотели мириться демократические слои монгольского народа, боровшегося за полную независимость

¹⁶¹) Шагдарын — Сандаг. Образование монгольского феодально-теократического государства и его внешняя политика (1911—1919 гг.), (автореферат), М., 1958, стр. 12.

¹⁶²) «Русско-китайские отношения 1689—1916», М., 1958, стр. 102—106.

¹⁶³) С. Д. Дылыков. Демократическое движение монгольского народа в Китае, М., 1953, стр. 28.

своей страны. Освободительная борьба монгольского народа не дала возможности осуществить великодержавные планы китайской реакции, пытавшейся поработить монгольский народ и превратить Внешнюю Монголию в одну из провинций Китая.

Царскому правительству удалось выполнить свой план по мирному урегулированию монголо-китайского конфликта, сыграть в этом деле роль посредника и значительно укрепить свои позиции во Внешней Монголии, которая оказалась в зависимости от российского империализма. Царское правительство предоставило Автономной Монголии займы на 5 млн. рублей и направило в Ургу своих советников¹⁶⁴).

Российская буржуазия надеялась использовать создание Автономной Монголии для увеличения объема русско-монгольской торговли. На совещании при иркутском генерал-губернаторе представители московского и местных биржевых комитетов требовали от правительства открытия в Монголии отделения русских банков, повышения экспортных премий и возврата акцизных пошлин¹⁶⁵). Царское правительство пришло в этом отношении на помощь русским купцам и выплачивало определенные премии за экспорт хлопчато-бумажных и льняных тканей, сахара и других товаров. В это же время по настоянию русских торгово-промышленных кругов Совет министров в 1913 г. вынес решение об изменении закона 1909 г. о закрытии порто-франко с целью сохранения беспошлинного ввоза монгольских и китайских товаров в Россию через монгольскую границу и западную границу Китая¹⁶⁶). Дума утвердила данный законопроект. Как уже отмечалось, беспошлинная торговля через русско-монгольскую границу была установлена на основе русско-монгольского соглашения 1912 г. Тем не менее оборот русско-монгольской торговли оставался сравнительно небольшим. За первые шесть месяцев 1914 г. в Автономную Монголию было ввезено товаров из России на 2,7 млн. рублей, а вывезено из Монголии в Россию на 4,4 млн. рублей¹⁶⁷). Одним из существенных препятствий к дальнейшему развитию русско-монгольской торговли были высокие цены на русские промышленные товары. Ремер оценивает вложения русских капиталистов в различные торговые предприятия Монголии в 1914 г. в 8 млн. рублей¹⁶⁸). Выступая в Думе, кадет Востротин от имени сибирского купечества требовал правительственных мер, которые бы создали усло-

¹⁶⁴) Академик И. М. Майский. Указ. соч., стр. 213.

¹⁶⁵) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 9, д. 601, лл. 1—3. Иркутский генерал-губернатор Князев Кокочову, 20/7 марта 1913 г.

¹⁶⁶) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 9, д. 601, лл. 35—36. Журнал Особого совещания, 24/11 июня 1913 г.

¹⁶⁷) ЦГАДВ, ф. 252, оп. 1, д. 53, л. 58. Бюллетень справочной части по внешней торговле министерства торговли и промышленности, 1914, № 30.

¹⁶⁸) С. Ремер. *Op. cit.*, p. 587.

вия для роста русско-монгольской торговли, хотя доходы купцов, занимавшихся экспортной и импортной торговлей с Монголией, и так были довольно высокими¹⁶⁹).

В торгово-промышленных и административных кругах царской России выдвигался вопрос об улучшении путей сообщения между Монголией и линией сибирской железной дороги. В частности, Совет министров выносил решение о постройке небольшой железной дороги от Верхнеудинска (Улан-Удэ) до Кяхты за счет казны¹⁷⁰), но это постановление осталось на бумаге. Грунтовая дорога протяжением в 750 км, соединявшая Кяхту с Ургой, была совершенно не благоустроена, на ней даже не было мостов через ручьи и реки. При неблагоприятных условиях погоды для провоза груза от Кяхты до Урги требовалось до 2,5 месяца, хотя именно по этому пути шел основной грузооборот в русско-монгольской торговле. Министерство иностранных дел России отнеслось к предложению о постройке железной дороги Кяхта — Урга отрицательно. Сазонов писал, что эта линия «не желательна в политическом отношении и преждевременна в экономическом»¹⁷¹). В правительственных кругах России опасались, что сооружение железной дороги Кяхта — Урга даст повод поднять вопрос о продолжении железнодорожного пути от Калгана до Урги. Постройка последней дороги открыла бы путь товарам западных стран из портов Китая вглубь Внешней Монголии, что подорвало бы там русскую торговлю. Отказавшись от постройки собственных железных дорог в Монголии, царизм в то же время заручился обязательством монгольского правительства не выдавать железнодорожных концессий иностранцам без согласия России. По условиям русско-монгольского железнодорожного соглашения монгольское правительство оставляло за собой право строить дороги на собственные средства, но эта оговорка практического значения не имела, так как подобными средствами правительство Автономной Монголии не располагало¹⁷²).

В 1913—1914 гг. дебатировался вопрос об открытии в Урге отделения русского банка, где уже имелись отделения китайского и японского банков. В конечном итоге было решено разрешить Сибирскому банку открыть свой филиал в Урге с капиталом в 1 млн. рублей. Банк должен был работать на условиях концессии, полученной Юферовым, и называться Монгольским национальным банком. Юферову и его компаньонам выплатили компенсацию в 200 тыс. рублей¹⁷³).

¹⁶⁹) «С.-Петербургские ведомости», 16 октября 1913 г.

¹⁷⁰) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 9, д. 601, л. 195. Особый журнал Совета министров, 17/3 октября 1913 г.

¹⁷¹) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 9, д. 842, л. 258. Сазонов Коковцову, 29/16 ноября 1913 г.

¹⁷²) Э. Д. Г р и м м. Указ. соч., стр. 187—188.

¹⁷³) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 10, д. 880, лл. 2—4. Журнал междуведомственного совещания, 14/1 июля 1914 г. Там же, оп. 7, д. 467, л. 305.

Царизм укрепил свои позиции во Внешней Монголии, что увеличивало влияние России на Дальнем Востоке. Объективно царская Россия помогла созданию автономного монгольского государства, но подобная помощь диктовалась интересами российского империализма. Международная обстановка заставляла царских дипломатов проводить в монгольском вопросе гибкую и осторожную политику.

Следует отметить, что в данные годы установились более тесные экономические и культурные связи между Россией и Монголией. Положительную роль сыграло ознакомление монголов с более высокой культурой русского народа. В Автономной Монголии работали русские врачи. Особенно значительную помощь монголам-скотоводам оказали русские ветеринарные экспедиции в борьбе против эпидемии чумы, от которой гибло большое количество скота. В 1910 г. во Внешней Монголии работали 4 русских ветеринарных экспедиции, в 1912 г. — 7, а в 1913 г. — 12 ветеринарных экспедиций, которые сделали противочумную прививку сотням тысяч голов скота¹⁷⁴).

2. Русско-японские отношения

В 1911—1912 гг. отмечается значительное улучшение русско-японских отношений. По ряду важных вопросов дальневосточной политики Россия и Япония выступали согласованно. Японское правительство перестало посылать военные корабли в воды Охотско-Камчатского края, которые в предшествующие годы направлялись туда якобы для защиты японских рыбопромышленников. В 1911 г. было подписано русско-японское соглашение о выдаче «политических преступников» и лиц, виновных в покушении «на особу монарха»¹⁷⁵). Таким образом, реакция двух стран нашла общий язык в борьбе против революционного движения. В июне 1911 г. в Токио, после длительных переговоров, которые длились с 1906 г., были подписаны две конвенции: 1) о взаимной охране торговой и промышленной собственности граждан одной страны на территории другой. В этой конвенции были заинтересованы, прежде всего, японские капиталисты, создавшие на русском побережье крупные предприятия по переработке и консервированию рыбы; 2) вторая конвенция предусматривала взаимную охрану «промышленной собственности» граждан договаривающихся стран на территории Китая. Обе конвен-

¹⁷⁴) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 9, д. 601, л. 23. Всеподданнейший доклад Иркутского генерал-губернатора, 1913 г.; там же, л. 196. Особый журнал Совета министров, 17/3 октября 1913 г.

¹⁷⁵) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 7, д. 450, лл. 1—4.

ции были заключены, в первую очередь, с целью взаимной охраны фирменных знаков, клейм и изобретений¹⁷⁶).

В 1911 г. в Петербурге образовалось русско-японское общество, ставившее целью развитие русско-японской торговли, которая пришла почти в полный упадок после закрытия порто-франко¹⁷⁷). В это же время в Токио было реорганизовано японо-русское общество, председателем которого стал известный политический деятель генерал Тэраути. Общество ставило своей задачей изучение России, ее культуры, языка и экономики¹⁷⁸).

Улучшение русско-японских отношений не сняло, а лишь приглушило противоречия, имевшиеся между двумя странами. Правящие классы царской России продолжали опасаться усиления военно-стратегических позиций Японии в Маньчжурии и Северной Корее, что находило свое отражение в русской прессе, в прениях в Государственной думе и т. д.¹⁷⁹). В свою очередь, в Японии внимательно следили и остро реагировали на все мероприятия, связанные с укреплением положения России на Дальнем Востоке. Весной 1911 г. японские газеты, в связи с поездкой военного министра Сухомлинова на русский Дальний Восток и поездкой Гучкова в Харбин, предсказывали возможную перемену русской дальневосточной политики¹⁸⁰). Газета «Ници-ници» писала: «Россия за последнее время усиленно начинает проявлять свою деятельность на Дальнем Востоке, пользуясь соглашением с Германией... За этой деятельностью должна зорко следить Япония»¹⁸¹).

Японское правительство внимательно наблюдало за ростом национального движения в Монголии. После того, как это движение охватило Внутреннюю Монголию, правящие классы Японии стали выражать опасения, как бы Внутренняя Монголия, в которой японский капитал захватил значительные позиции, не вошла в состав монгольского государства, столицей которого стала Урга, находившаяся в сфере влияния царской России. В таких условиях японское правительство предложило царской России разделить Внутреннюю Монголию и Западную Маньчжурию, которые лежали на стыке сфер русского и японского влияния и до этого времени счи-

¹⁷⁶) АВПР. Японский стол, д. 1429, лл. 159—166. Собрание узаконенных и распоряжений правительства, издаваемое при правительственном сенате, 26/13 декабря 1912 г.

¹⁷⁷) Там же, д. 452, лл. 1, 8, 12.

¹⁷⁸) Там же, л. 30. Делеша Малевского-Малевица из Токио, 11 июня/29 мая 1911 г.

¹⁷⁹) См. «Стенографические отчеты Думы», 3-й созыв, сессия 4, ч. II, стб. 3321.

¹⁸⁰) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 7, л. 702, л. 102. Копия секретной депешы Малевского-Малевица из Токио, 25/12 мая 1911 г.

¹⁸¹) АВПР. Японский стол, д. 918, л. 206. Перевод из газеты «Ници-ници».

тались нейтральной зоной. В январе 1912 г. японский посол в Петербурге передал царскому правительству проект секретной конвенции, по которой территория Внутренней Монголии, лежащая к востоку от линии Калган (Чжанцзякоу) — Урга должна была считаться сферой специальных интересов Японии, а та часть территории Внутренней Монголии, которая лежит к западу от этой линии, — сферой влияния царской России¹⁸²). Предложенный японским правительством вариант раздела предусматривал включение в японскую сферу влияния почти всей Внутренней Монголии.

Царское правительство, не возражая в принципе против японского предложения, выступило решительно против предложенной последней линии раздела. В ответе царского правительства указывалось: «Хотя никакой перемены в статусе Внутренней Монголии, расположенной на север от провинции Чжили, не произошло, императорское японское правительство заявляет, что вся эта область составляет сферу его специальных интересов, и предусматривает необходимость установить границы этой сферы, дабы избежать всяких причин к недоразумениям с Россией.

С точки зрения русских интересов нет более важной части Внутренней Монголии чем та, где проходят дороги, соединяющие Ургу с Калганом, Пекином и Тяньцзином. По этим дорогам проходят русские караваны: именно по этому пути Россия поддерживает почтовые сношения с внутренним Китаем; именно в том месте, где эти пути пересекают Великую стену, расположен город Калган, открытый для русской сухопутной торговли и, следовательно, для проживания русских подданных. В этих условиях императорское правительство не могло бы признать за Японией специальных интересов в пределах, указанных в сообщении ему проекте, не отказавшись, по самым жизненным пунктам, от положения, принадлежащего России на основании ее договоров с Китаем»¹⁸³).

В связи с данным заявлением царского правительства Япония в апреле 1912 г. согласилась перенести линию разграничения сфер влияния во Внутренней Монголии с таким расчетом, чтобы караванные пути, связывавшие Калган с Ургой, оказались в сфере особых интересов царской России¹⁸⁴). После этого царское правительство предложило провести линию разграничения во Внутренней Монголии по пекинскому меридиану¹⁸⁵). Японское правительство согласилось признать

¹⁸² «М. О.», серия II, т. XIX, ч. II, стр. 38—39.

¹⁸³ «М. О.», серия II, т. XIX, ч. II, стр. 160. Вербальная нота министерства иностранных дел японскому послу в Петербурге Мотоно, 20/7 февраля 1912 г.

¹⁸⁴ Там же, стр. 431. Меморандум японского министерства иностранных дел российскому министру иностранных дел, 20/7 апреля 1912 г.

¹⁸⁵ Там же, стр. 481—482. Памятная записка министра иностранных дел японскому послу в Петербурге, 1 мая/18 апреля 1912 г.

пекинский меридиан за рубеж, разделяющий сферы влияния¹⁸⁶).

К концу мая 1912 г. спорные вопросы относительно разграничения сфер влияния во Внутренней Монголии были согласованы. Затем Россия и Япония по взаимной договоренности довели до сведения правительств Англии и Франции содержание секретной конвенции и мотивы, вызвавшие ее подписание¹⁸⁷).

8 июля (25 июня) 1912 г. в Петербурге была подписана русско-японская секретная конвенция. В преамбуле конвенции отмечалось, что она заключается в целях уточнения и дополнения секретных конвенций 1907 и 1910 гг., «для того, чтобы избежать всякого повода к недоразумениям относительно их специальных интересов в Маньчжурии и Монголии».

В статье 1-ой демаркационная линия, разграничивавшая сферы влияния в Маньчжурии, была продлена от пересечения реки Толахэ и 122° меридиана по течению рек Улунчурх и Мушиш до линии водораздела реки Мушиш и реки Халдайтай, откуда разграничительная линия шла по границе Хэйлуцзянской провинции и Внутренней Монголии, достигая крайней точки границы Внутренней и Внешней Монголии.

В статье 2-й Внутренняя Монголия делилась по пекинскому меридиану (116° 27') на японскую (восточную) и русскую (западную) сферы влияния. Договаривающиеся государства взаимно обязались признавать и уважать специальные интересы другой стороны в сфере ее влияния¹⁸⁸).

Данное соглашение, носившее империалистический характер, было секретным. Однако Япония, усилившая экспансию в восточной части Внутренней Монголии и Маньчжурии, во второй половине 1912 г. сочла для себя выгодным огласить основные пункты конвенции при помощи официозной прессы¹⁸⁹). Русско-японское соглашение 1912 г., как и соглашение 1910 г., было в значительной степени predetermined продолжавшимся наступлением американского империализма, который, используя консорциум, продолжал борьбу за укрепление в Северо-Восточном Китае и Внутренней Монголии. Американский автор Забриски писал, что, заключив соглашение 1912 г., «Россия и Япония дали свой окончательный ответ политике правительства Тафта-Нокса и дипломатии американского доллара в Маньчжурии и Монголии. Этот третий русско-японский договор... запер двери долларовой дипломатии еще более крепко»¹⁹⁰).

¹⁸⁶) «М. О.», серия II, т. XX, ч. I, стр. 81. Вербальная нота японского посла в Петербурге министру иностранных дел, 27/14 мая 1912 г.

¹⁸⁷) «М. О.», серия II, т. XX, ч. I, стр. 240—241.

¹⁸⁸) Э. Д. Гримм. Указ. соч., стр. 180.

¹⁸⁹) См. «Тихий океан», 1936, № 2 (8), стр. 234.

¹⁹⁰) E. Zabriskie. Op. cit., p. 188.

Английское и французское правительства считали для себя выгодным русско-японское соглашение 1912 г., так как оно укрепляло блок стран Антанты для борьбы против Германии. Министр иностранных дел Англии Э. Грей поручил великобританскому послу в Петербурге сообщить Сазонову, что «правительство его британского величества, конечно, не будет иметь никаких возражений против любого соглашения, которое не нанесет ущерба ни независимости Китая, ни принципу открытых дверей для торговли и которое сможет служить укреплению добрых отношений с Японией»¹⁹¹).

Японская дипломатия в это же время стремилась использовать революцию в Китае и обострение международной обстановки в Европе для аннексии Южной Маньчжурии и пыталась с этой целью достигнуть соответствующего соглашения с царской Россией. Летом 1911 г., накануне отъезда русского посла Малевского-Малеви́ча из Токио в отпуск (в Россию), его посетили виднейшие государственные деятели Японии и зондировали почву о возможности установления с Россией более тесных взаимоотношений. Об этом, в частности, говорил председатель гэнро князь Ямагата. Премьер-министр князь Кацура в беседе с Малевским-Малеви́чем заявил: «Передайте кому следует в Петербурге, что правящие классы здесь сознают пользу и необходимость единения между правительством Японии и Россией. Если дружба наших народов будет развиваться дальше в том же направлении, то мы будем не только иметь преобладающее влияние на Дальнем Востоке, но и во всем мире, особенно с того момента, как Тихий океан сделается центром соперничества между разными государствами, имеющими в Азии и на Тихоокеанских островах экономические и политические интересы»¹⁹²). Затем Кацура конкретизировал свои высказывания в том смысле, что Китай может «запутаться во внешних долгах и впасть в государственное банкротство», в результате чего иностранные кредиторы поставят вопрос о международном контроле над китайскими финансами. «К этому моменту заявил Кацура, нам следует готовиться, чтобы выступить совместно и добиться действительного обеспечения наших собственных исключительных интересов в Маньчжурии»¹⁹³). Примерно такое же заявление сделал русскому послу министр иностранных дел Японии Комура. Царское правительство, силы которого были скованы на западных границах и которое с трудом удерживало позиции, ранее захваченные в Китае, не

¹⁹¹) «М. О.», серия II, т. XX, ч. I, стр. 292. Памятная записка английского посольства в Петербурге министерству иностранных дел, 15/2 июля 1912 г.

¹⁹²) «М. О.», серия II, т. XVIII, ч. I, стр. 205. Малевский-Малеви́ч Нератову, 10 июля/27 июня 1911 г.

¹⁹³) Там же.

проявило склонности вступить в переговоры по данному вопросу.

Летом 1912 г. военная партия, лидером которой фактически стал вышедший в отставку Кацура, вновь поднимает вопрос о соглашении с целью раздела Маньчжурии. Японским правительством с согласия гэнро, императора и премьер-министра Сайондзи была организована «неофициальная поездка» князя Кацуры в европейские страны. Кацура предполагал посетить Петербург, Берлин, Лондон, Париж и Вену. Особое значение придавалось переговорам с Россией. Правящие классы Японии считали, что согласие царского правительства на аннексию Маньчжурии, в случае поддержки России Францией, даст возможность осуществить японские агрессивные замыслы в Китае. Кацура заявил русскому послу в Токио, что во время пребывания в Петербурге он надеется встретиться с министром иностранных дел, председателем Совета министров и царем. Относительно цели своего визита Кацура заявил, что в связи с китайской революцией «полезно бы обоим государствам поближе сговориться» о своей политике в Китае¹⁹⁴).

В беседе с послом Германии в Токио графом Рексом Кацура подчеркнул то большое значение, которое придается его поездке в Европу, и отметил, что главная задача держав — договориться относительно политики в Китае. Кацура говорил: «Мы не добиваемся завоеваний, но, однако, то, что мы отстаивали в горячих боях, должны полностью сохранить. Мы и не думаем о том, чтобы присвоить Южную Маньчжурию, как Корею, но мы не можем терпеть антияпонские интриги в этой стране. Мы ни в коем случае не добиваемся раздела Китая, это было бы очень затруднительным предприятием, но мы считаем, что Китай должен оставаться строго под надзором держав...»¹⁹⁵). Из беседы с Кацура Рекс сделал вывод, что если в ближайшее время Япония и не аннексирует Южную Маньчжурию, то во всяком случае захватит там полное господство.

Японская пресса весьма оживленно обсуждала визит Кацуры в Россию и другие страны. В газетах отмечалось, что целью поездки японских государственных деятелей является заключение союзного договора с Россией¹⁹⁶). Некоторые газеты подчеркивали, что сближение с Россией облегчит Японии получение займов на французском денежном рынке. «Иомиури» писала: «Чтобы по возможности увеличить вывоз французского капитала в Японию, ей необходимо более близкое

¹⁹⁴) «М. О.», серия II, т. XX, ч. I, стр. 154—155. Посол в Токио министру иностранных дел, 9 июня/27 мая 1912 г.

¹⁹⁵) «Г. Р.», Bd. XXXII, S. 466. Рекс Бетман-Гольвегу, 25 июня 1912 г.

¹⁹⁶) См. «Китай и Япония», 1912, № 96, стр. 11; «Новое время», 15 июня 1912 г.

сближение с Россией. Чтобы крепче пожать руку французам, японцам, необходимо надеть русские перчатки»¹⁹⁷).

6 июля 1912 г. после торжественных проводов Кацура с большой свитой выехал в Петербург. В состав японской делегации входил барон Гото, которого лидеры военной партии прочили на пост министра иностранных дел¹⁹⁸). Несмотря на то, что визит считался неофициальным, Кацура получил право информировать японское правительство о ходе переговоров и запрашивать инструкции по телеграфу¹⁹⁹). Кацура пробыл в Петербурге восемь дней и имел встречи с министром иностранных дел Сазоновым и председателем Совета министров Коковцовым. Во время беседы с Сазоновым Кацура говорил о желании Японии действовать солидарно с Россией «в китайских делах» и заявил, что «он предвидит возможность наступления такого момента, когда России и Японии силой вещей придется перейти к более активной политике в Маньчжурии и к военному занятию каждой из них некоторых пунктов в сфере ее влияния». Кацура считал, что подобный шаг не встретил бы активного сопротивления других держав²⁰⁰). Он предлагал после оккупации Маньчжурии не упразднить «китайскую администрацию», но поставить ее деятельность под «соответствующий контроль». Сазонов не поддержал предложение Японии об оккупации Маньчжурии. Царское правительство, искавшее соглашения с Китаем по вопросам Внешней Монголии, не хотело допускать обострения русско-китайских отношений из-за Маньчжурии.

Беседа Сазонова с Кацурой окончилась обещанием первого «зондировать почву» относительно позиций правительства Великобритании. Сазонов должен был это сделать во время своего визита в Англию осенью 1912 г. Однако, как явствует из отчета Сазонова о поездке за границу, он во время переговоров с английскими государственными деятелями не поднимал вопроса об оккупации Маньчжурии²⁰¹). В переговорах с Кацурой царское правительство стремилось выиграть время. Решительный отказ от обсуждения японского предложения немедленно ухудшил бы русско-японские отношения, а избранный царской дипломатией путь давал возможность затянуть ответ, а затем, под удобным предлогом, отказаться от обсуждения данного вопроса. Следует отметить, что еще до отъезда Кацуры из Петербурга в газеты просочились сведения о неудаче его миссии. В частности, отмечалось, что «Россия

¹⁹⁷) «М. О.», серия II, т. XX, ч. I, стр. 232 (примечание). Приложение к донесению Малевского-Малевича из Токио, 28/15 июня 1912 г.

¹⁹⁸) «The Japan Financial and Economic Monthly», 1912, Nr. 7, p. 2.

¹⁹⁹) «М. О.», серия II, т. XX, ч. I, стр. 274 (примечание).

²⁰⁰) Там же, стр. 376. Докладная записка Сазонова Николаю II, 27/14 июля 1912 г.

²⁰¹) Там же, ч. II, стр. 457—466.

не хочет заключать соглашений, которые могут повлечь за собой осложнения с Китаем»²⁰²).

Японская делегация во главе с Кацурой не успела посетить другие страны, кроме России, и вернулась в Японию в связи со смертью японского императора. Но если бы этого и не случилось, переговоры Японии относительно Маньчжурии не имели бы шансов на успех до тех пор, пока их не поддержала бы царская Россия и Англия. Поэтому правительство Японии стало ожидать результатов поездки Сазонова в Лондон и одновременно с этим предпринимало другие шаги, направленные на осуществление своих империалистических замыслов в Китае. В начале сентября 1912 г. состоялась встреча между князем Кацурой и русским послом в Токио Малевским-Малевичем. Кацура, назначенный к этому времени на должность хранителя печати при новом императоре, вновь поднял вопрос о разделе окраинных территорий Китая между Японией, Россией и Англией. Он говорил о слабых связях Китая с Монголией, Маньчжурией и Тибетом и подчеркнул, что «неопределенное положение этих областей в непосредственном соседстве с границами владений и сфер интересов России, Японии и Великобритании» якобы опасно «для сохранения всеобщего мира на Дальнем Востоке»²⁰³). Таким образом, правящие круги Японии пытались привлечь к разделу Китая не только царскую Россию, но и Англию.

Кацура в беседе с Малевским-Малевичем выражал надежду, что поездка Сазонова в Англию даст возможность договориться о совместных шагах трех держав в Китае. Как уже отмечалось, правительство Великобритании принимало энергичные меры к укреплению своих позиций в Тибете, но Англия, как и Россия, не могла согласиться с японским планом полного отторжения окраинных территорий Китая, так как это привело бы, пожалуй, к перемещению основного узла межимпериалистических противоречий с Ближнего на Дальний Восток и могло бы взорвать коалицию, созданную Англией для борьбы против Германии. После того, как выяснилось, что царское правительство отказалось поддерживать план Японии относительно раздела Китая, японская пресса, связанная с милитаристскими кругами, вновь начинает антирусскую пропаганду, в которую включаются некоторые из государственных деятелей Японии. 2 октября 1912 г. газета «Нироку» писала, что миссия Кацуры в Петербург окончилась неудачно. «Протянутая Кацурой рука России была встречена холодным рукопожатием»²⁰⁴). Затем в газете отмечалось укрепление военного положения царской России на

²⁰²) «Seoul Press», July 27, 1912.

²⁰³) АВПр. Японский стол, д. 920, л. 65. Малевский-Малевич Сазонову: 5 сентября/23 августа 1912 г.

²⁰⁴) Там же, л. 115. Перевод статьи из газеты «Нироку».

Дальнем Востоке и делался вывод, что русское правительство проводит недружественную по отношению к Японии политику и даже отказалось прислать на похороны японского императора великого князя, хотя это сделали Германия, Великобритания, Испания и другие государства.

Усиливаются русско-японские противоречия, вызванные установлением 12-мильной зоны береговых вод у побережья русского Дальнего Востока и «спорными» вопросами русско-японской рыболовной конвенции. В 1911 г. Государственная дума утвердила законопроект «О правилах морского рыболовства в Приамурском генерал-губернаторстве». Новые правила вступали в силу с декабря этого же года. В целях усиления контроля за японским рыбным промыслом и облегчения борьбы против незаконной торговли иностранных купцов зона русских территориальных вод Японского, Охотского и Берингова морей была расширена с 3-х до 12 миль. С целью охраны рыбных богатств предусматривался ряд мер, ограничивающих применение хищнических средств рыбного лова и т. д.²⁰⁵).

Японское правительство заявило официальный протест против расширения зоны территориальных вод до 12 миль и ограничения полосой в одну милю пределов рыбной ловли для арендаторов береговых участков²⁰⁶). Протест Японии рассматривался на Особом междуправительственном совещании и на заседании Совета министров России. Было решено попытаться достичь договоренности с японским правительством путем соглашения об «установлении 12-мильной охранной рыболовной полосы». При этом предусматривалось, что если Япония согласится признать решение царского правительства о расширении зоны территориальных вод, то можно будет предоставить японским рыбопромышленникам в качестве компенсации новые льготы по рыболовству в русских водах²⁰⁷).

Попытки царского правительства заключить соглашение о 12-мильной «охранной рыболовной зоне» окончились безуспешно. Против установления 12-мильной зоны территориальных вод у русского побережья Дальнего Востока выступили правительства Соединенных Штатов Америки и Великобритании, фактически оказавшие поддержку Японии по данному вопросу²⁰⁸). Русские рыбопромышленники требовали предоставления государственных субсидий и кредитов и ограничения японского рыбного промысла в русских территориальных водах²⁰⁹). В свою очередь, объединения японских рыбопромышленников

²⁰⁵) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 591, лл. 96—109.

²⁰⁶) Там же, л. 111. Сазонов Коковову, 25/12 февраля 1912 г.

²⁰⁷) Там же, оп. 8, д. 443, лл. 12, 15.

²⁰⁸) См. Д. Бьюкенен. Моя миссия в России. Воспоминания дипломата, т. 1, Берлин, 1924, стр. 81; «F. R.», 1912, р. 1287—1308.

²⁰⁹) См. «Тихоокеанский вестник», 17 марта 1912, и 12 июня 1912 г.

добивались отказа от применения в конвенционных водах «рыболовных правил», утвержденных правительством России. В 1913 г. в Хакодате, ставшем центром рыболовного промысла у русского побережья, японские рыбопромышленники создали «Союз для охраны рыболовных прав в русских водах». Союз ставил своей задачей добиваться от японского правительства более энергичных мер по защите интересов японских рыбопромышленников в конвенционных водах²¹⁰). Газета «Хакодате-майници симбун» требовала, чтобы японское правительство более настойчиво отстаивало интересы японских рыбопромышленников в русских конвенционных водах²¹¹).

Японское правительство решительно защищало интересы своих рыбопромышленников и оказывало давление на царскую Россию, добиваясь удовлетворения их притязаний. Осенью 1913 г. приамурский генерал-губернатор издал распоряжение о том, чтобы дрова для японских рыбоперерабатывающих предприятий, имевшихся на русском побережье, закупались у русских лесопромышленников или у местного населения. Японские капиталисты, ранее заготовлявшие дрова в удобных для себя местах при помощи наемных рабочих, требовали отмены распоряжения генерал-губернатора. В связи с протестом Японии царское правительство пошло на уступки и разрешило японским рыбопромышленникам самостоятельно заготовлять топливо. Министр иностранных дел Сазонов писал, что порядок приобретения дров, предложенный генерал-губернатором, может «неблагоприятно отразиться на наших отношениях с Японией»²¹²). В 1914 г. Совет министров России под нажимом Японии вынес решение о выплате денежной компенсации в 50 тыс. рублей японским рыбопромышленникам за ущерб, якобы причиненный им запрещением, установленным русскими властями, использовать дополнительные невода на рыболовных участках²¹³).

Во второй половине 1913 г. в японской прессе, отражавшей интересы милитаристских и шовинистических кругов, начинается антирусская кампания, которая поддерживалась соответствующими заявлениями лидеров военной партии. Цель этой кампании заключалась в том, чтобы, по образному выражению газеты «Дальний Восток», «заставить Россию выйти из апатии по маньчжурскому вопросу», т. е. принудить

²¹⁰) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 6, д. 173, лл. 2—3. Копия с донесения вице-консула в Хакодате русскому послу в Токио, 9 мая/26 апреля 1913 г.

²¹¹) Там же, л. 5. Перевод из японской газеты «Хакодате-майници симбун», 2 мая 1913 г.

²¹²) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 5, д. 591, л. 172. Сазонов Коковцову, 3 декабря/20 ноября 1913 г.

²¹³) Там же, л. 191. Особый журнал Совета министров, 22/9 августа 1914 г.

царское правительство принять японское предложение об оккупации Маньчжурии²¹⁴). Военная партия сознательно раздувала антирусскую пропаганду также для того, чтобы добиться увеличения сухопутной армии на две дивизии, которые предполагалось разместить в Корее. Увеличение сухопутной армии Японии могло быть направлено либо против России, либо против Китая. Поэтому предложение относительно увеличения сухопутной армии использовалось и для давления на Китай, от которого японские империалисты добивались новых железнодорожных концессий.

23 августа 1913 г. русский посол в Токио Малевский-Малевиц писал Сазонову, что с «недавнего времени некоторая часть японской прессы ведет усиленную агитацию в пользу увеличения армии, поводом к этому выступается агрессивность русской политики на Дальнем Востоке»²¹⁵). В качестве предлога для антирусских выступлений использовалось восстановление боеспособности вооруженных сил России на Дальнем Востоке после русско-японской войны. Явно преувеличивая, влиятельная японская газета «Ямато» писала 20 августа 1913 г.: «Россия устремилась на Дальний Восток и содержит там в мирное время 29 дивизий, а когда закончит постройку Амурской железной дороги, то получит возможность в 5 месяцев сосредоточить на Дальнем Востоке до одного миллиона солдат. Кроме того, ею высылается в Приморье ежегодно до 700 тысяч русских эмигрантов, и все это делается против Японии»²¹⁶). Газета делала вывод, что заявление министра иностранных дел Японии «о дружественных отношениях с Россией следует считать чисто формальным»²¹⁷).

2 ноября 1913 г. японский посол в Петербурге барон Мотоно опубликовал в газете «Йомиури» статью, в которой выступал как сторонник дальнейших вооружений, в том числе и против России. В это же время Мотоно, находящийся в Токио по болезни, в беседе с русским военным атташе в Японии генерал-майором Самойловым говорил, что в случае войны с Россией «японцы будут биться до последней капли крови»²¹⁸). В Японии была опубликована книга «Будущая русско-японская война», в которой автор, милитарист, предсказывал возможность поражения Японии, если она не примет решительных мер для увеличения своей сухопутной армии²¹⁹). Журнал «Букио-секай» в статье «Опасность угрожает Японии» писал об ослаблении англо-японского союза, ухудшении

²¹⁴) «Дальний Восток», 1913 г. № 208.

²¹⁵) АВПР. Японский стол д. 921, л. 300.

²¹⁶) Там же, л. 302. Перевод статьи из газеты «Ямато».

²¹⁷) Там же.

²¹⁸) АВПР. Японский стол, д. 921, лл. 384—385.

²¹⁹) Там же, л. 254. Деша русского посла в Токио, 13/1 августа 1913 г.

взаимоотношений Японии с Китаем и Россией и о подготовке царской России «к реваншу»²²⁰). Царское правительство было серьезно встревожено антирусской пропагандой в Японии. По поручению министерства иностранных дел Малевский-Малевич беседовал с премьер-министром Японии Ямото о русско-японских отношениях. Последний заверил русского посла о мирных намерениях японского правительства и его желании поддерживать нормальные взаимоотношения с Россией²²¹).

Однако антирусские выступления японских милитаристских кругов продолжались. В 1914 г. военный министр Японии генерал Косуноэ в речи в парламенте заявил, что вероятным противником Японии является Россия²²²). В июле этого же года министр земледелия и торговли виконт Оура, заменивший князя Кацуру на посту лидера партии «досикай», в речи в городе Факусима говорил о возможности реванша со стороны России и, в частности, заявил: «Некоторые японцы думают, что война между Японией и Россией будет не ранее как через 30—50 лет, но есть некоторые основания предполагать, что вторая война начинается через несколько лет»²²³). Оура просил присутствовавших корреспондентов не печатать эту часть речи, но она была опубликована в японских газетах. В ответ на запрос Малевского-Малевича министр иностранных дел Японии Като заявил, что сообщения о речи Оура якобы «лишены основания»²²⁴). Одновременно с подобными антирусскими выступлениями глава японского правительства Окума сделал заявление в парламенте о желании японского правительства крепить дружбу с Россией²²⁵).

Надо учитывать, что зачастую антирусские высказывания японских государственных деятелей объяснялись той межпартийной борьбой, которую вели правящие классы Японии по проблемам внешней политики и связанным с этим вопросом о том, каким вооружениям: морским или сухопутным — следует отдавать предпочтение. Однако даже с учетом этого фактора следует сделать вывод о том, что накануне первой мировой войны наблюдалось известное ухудшение русско-японских отношений по сравнению с первым двухлетием после подписания русско-японского соглашения 1910 г.

²²⁰) Там же, л. 402. Перевод статьи из журнала «Букио-секай», 1913, № 14.

²²¹) Там же, л. 405. Малевский-Малевич Сазонову, 25/12 ноября 1913 г.

²²²) «Вестник Азии», 1914, № 23—24, стр. 113.

²²³) «М. О.», серия III, т. V, стр. 23—24. Военный агент в Японии генерал-квартирмейстеру ген. штаба Данилову, 23/10 июля 1914 г.

²²⁴) Там же, стр. 315.

²²⁵) Там же.

ГЛАВА VIII

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЯПОНИИ С ГОСУДАРСТВАМИ ЗАПАДА В 1911 — 1913 гг.

1. Дальневосточная политика Японии, Великобритании и Германии

Темпы промышленного развития Японии в предвоенный период были сравнительно высокими. Продолжался процесс концентрации капитала, увеличивалась мощь монополистических объединений, росли доходы капиталистов. Рост японского империализма сопровождался жестокой эксплуатацией трудящихся масс. Японские рабочие получали самую низкую заработную плату среди рабочих капиталистических стран. Япония не смогла преодолеть своей отсталости и экономическая база японского империализма оставалась слабой, несмотря на значительный рост хлопчатобумажной промышленности, судостроения и внешней торговли.

В 1910—1914 гг. японский экспорт в среднем составлял 606 миллионов иен в год, что равнялось 14,8% стоимости национального производства (продукта) Японии¹). Японские судостроительные компании получали правительственные субсидии. В 1909—1913 гг. они ежегодно спускали на воду до 100 океанских торговых и пассажирских пароходов общим водоизмещением в 50 тысяч тонн. В 1913 г. японский торговый флот имел водоизмещение в 1,5 миллиона тонн и обслуживал 50% внешней торговли Японии²).

Значительно тормозили экономическое развитие Японии большие военные расходы и бремя внешних долгов, отвлекавших крупные капиталы от народного хозяйства. По данным американского экономиста Локвуда, иностранная задолженность Японии в 1913 г. составила 1970 миллионов иен³). Несмотря на финансовую зависимость японского империализма от Англии, Франции и США и его технико-экономическую отсталость, роль Японии в международных отношениях на Дальнем Востоке продолжала возрастать. Подобное положение

¹) W. Lockwood. The Economic Development of Japan. Princeton, 1954, p. 313, 315.

²) Ibid., p. 23—24.

³) Ibid., p. 254.

ние объяснялось прежде всего тем, что Япония имела в названном районе наиболее крупные военно-морские и сухопутные силы. Международная обстановка складывалась для Японии благоприятным образом, так как великие державы готовились к мировой войне и стремились поддерживать хорошие взаимоотношения с японским правительством⁴).

Союз с Великобританией и соглашения с Россией и Францией косвенным путем ввели Японию в блок стран Антанты. Англия и ее союзники не смогли бы сконцентрировать свои силы в Европе, если бы Япония при поддержке Германии попыталась силой изменить положение, сложившееся на Дальнем Востоке. Японская дипломатия использовала этот фактор в своих интересах.

В 1912 г. Япония была вынуждена вступить в консорциум, ставивший своей целью согласованное финансирование и эксплуатацию Китая великими державами. Подобное решение вопроса не удовлетворяло экспансионистски настроенные правящие круги Японии, так как от консорциума получили бы наибольшую выгоду мощные в финансовом и экономическом отношении западные державы. Создание консорциума явилось толчком к подъему шовинистической и милитаристской кампании в Японии, которая развивалась под лозунгом установления японского господства в Азии.

Возросло влияние и активность обществ, занимавшихся пропагандой паназиатизма. В этих обществах («Азия-гикай», «Тай-хей») принимали активное участие политические деятели, профессора, лидеры милитаристов. Председатель «Тай-хей» («Тихоокеанское общество») Хасегава, выступая на собрании членов своего общества, призывал правительство укрепить позиции Японии в странах Дальнего Востока и указывал, что Соединенные Штаты Америки «стремятся усилить свое влияние в Китае и Маньчжурии за счет Японии»⁵). Лидеры паназиатских организаций создавали отделения своих обществ в Китае, Таиланде, Индии и других странах Азии⁶).

Идеологи паназиатизма доказывали, что Япония, как наиболее развитая из азиатских государств, должна объединить и возглавить азиатские народы и бороться за их освобождение от господства белых колонизаторов. Проводилась идея о том, что все народы желтой расы должны поддерживать Японию, так как от ее успехов на международной арене яко-

⁴) В апреле 1913 г. Япония подписала соглашение с представителями Англии, Франции, США, России, Германии, Италии и Бельгии о закрытии иностранных поселений в Корее, которые еще сохранялись в шести корейских городах.

⁵) АВПР, Японский стол, д. 918, л. 194. Малевский-Малевиц Нератову, 23/10 мая 1911 г.

⁶) Там же, л. 307. Броневский Нератову, 25/12 августа 1912 г.

бы зависела судьба народов Азии. Японский журнал писал, что Китай может избежать полного порабощения со стороны западных держав только путем установления его экономической и политической зависимости от Японии⁷⁾.

Японские империалисты использовали лозунги паназиатизма для того, чтобы прикрыть свою захватническую политику в Корее и Китае и облегчить закабаление народов Востока японскими колонизаторами. Агрессивные цели японского паназиатизма ярко выразил профессор Укита, который заявил: «Япония должна дать своим соседям пример цивилизованного и независимого государства и затем основать конфедерации всех азиатских наций на основании международного права, сообразуясь с теми началами, которыми руководствуются Соединенные Штаты для проведения в жизнь доктрины Монро. Укита доказывал, что «только Япония сможет передать Китаю современную цивилизацию» и что лишь укрепившись в Китае, Япония может стать подлинно великой державой и освободиться от «опеки Англии»⁸⁾). Среди правящих классов Японии не было единства взглядов по вопросу о том, в каком направлении должна была развиваться экспансия Японии. Круги торгово-промышленной буржуазии, связанной с судостроительными и пароходными монополиями, считали, что Японии после аннексии Кореи следует прежде всего укрепить свои позиции в Юго-Восточной Азии, т. е. в Индо-Китае, Индонезии и на Филиппинах, и с этой целью возможно быстрее увеличивать военно-морской флот. Подобное направление японской экспансии должно было обострить до предела взаимоотношения Японии с Великобританией, Соединенными Штатами Америки и Францией.

Японские монополии, имевшие значительные капиталовложения в Китае и Корее; а также военно-бюрократические круги выступали за дальнейшее укрепление позиций Японии в Китае и на русском Дальнем Востоке, для чего следовало увеличивать прежде всего сухопутную армию Японии. В Китае японские интересы приходили в столкновение с интересами Соединенных Штатов Америки и Англии. Пытаясь примирить сторонников противоположных взглядов относительно путей японской экспансии, журнал «Тайо», связанный с паназиатскими обществами, писал, что Япония должна активно действовать в Маньчжурии и на островах Тихого океана⁹⁾. Но японский империализм не обладал достаточными средствами для того, чтобы одновременно форсировать рост военно-морского флота и сухопутной армии. Поэтому в предвоенные годы в Японии шла довольно острая борьба по вопро-

7) «The Japan Magazine», 1913, Nr. 2, p. 100.

8) «Китай и Япония», 1912, № 78, стр. 30—31.

9) АВПР. Японский стол, д. 921, л. 469. Малевский-Малевич Сазоно-ву, 8 января 1914 г./26 декабря 1913 г.

сам увеличения сухопутной армии и флота, в которой активное участие принимали судостроительные компании и монополии, связанные с производством оружия и снаряжения для армии.

Второй кабинет лидера военно-бюрократических кругов Кацура тратил крупные суммы на повышение боеспособности армии, строительство военно-морского флота. Гонка вооружений ложилась тяжелым бременем на плечи трудящихся масс. Русский посол в Токио Малевский-Малевич писал о том, что народ Японии «изнемогал при общем вздорожании жизни и застое в делах, под тяжестью военных налогов, а государственный долг увеличивался ежегодно с тревожной быстротой»¹⁰). Попытка правительства Кацуры реализовать крупный 4%-ный заем на внутреннем рынке с целью выкупа облигаций внешних займов успеха не имела¹¹). После того, как нижняя палата японского парламента отказалась утвердить предложенный правительством заем в 450 миллионов иен, предназначенный для строительства стратегических железных дорог, кабинет Кацуры ушел в отставку в августе 1911 г.

Новый кабинет возглавил лидер партии сэйюкай Сайондзи. Правительство Сайондзи проводило также экспансионистскую политику, но более осторожно. Отмечая этот факт, газета «Пекин дейли ньюс» писала: «Военная партия во главе с князем Кацура проповедует самое широкое вмешательство Японии в дела Китая с целью его раздела. Консервативная во главе с маркизом Сайондзи преследует более мирные цели в Китае, ограничиваясь только влиянием на дела Китая, ... но обе партии стремятся к тому, чтобы Япония развивалась за счет Китая»¹²). Правительство Сайондзи сделало попытку улучшить финансовое положение страны за счет некоторого ограничения военных затрат, прекращения государственного субсидирования промышленности, сокращения административных расходов и т. д. Проект бюджета, составленный на 1913 г., предусматривал сокращение государственных расходов на 26 миллионов иен¹³). В ответ на это военная партия, под предлогом роста вооруженных сил России, внесла в парламент предложение сформировать дополнительно две дивизии и разместить их в Корее. Вопрос о формировании этих дивизий был поднят Кацурой еще в 1911 г.

Увеличение сухопутной армии Японии могло быть направлено, прежде всего, против царской России и Китая. По воп-

¹⁰) АВПР. Японский стол, д. 921, л. 28. Дешеша Малевского-Малевича из Токио, 13 февраля/31 января 1913 г.

¹¹) Там же, л. 339. Малевский-Малевич Нератову, 14/1 октября 1913 г.

¹²) «Peking Daily News», October 28, 1912.

¹³) АВПР. Японский стол, д. 921, лл. 29—30. Дешеша Малевского-Малевича из Токио, 13 февраля/31 января 1913 г.

росу об увеличении сухопутной армии в Японии развернулась острая политическая борьба. Демократические слои японского народа выступали против дальнейшей гонки вооружений. Используя это, лидеры партии сэйюкай на митингах и в газетах выступали против увеличения сухопутной армии. Их поддерживали представители военно-морских кругов и судостроительных компаний, опасавшихся сокращения расходов на флот и уменьшения выгодных правительственных заказов на строительство военных кораблей. Газета «Дзи-дзи» в октябре 1912 г. писала, что увеличение сухопутной армии не вызывается необходимостью, так как союз между Англией, Францией и Россией укрепляется, а при такой ситуации война с Россией невозможна¹⁴).

Для того, чтобы свалить правительство Сайондзи и не допустить сокращения военных расходов, лидеры милитаристов добились отставки военного министра Уэхара и воспрепятствовали назначению военным министром Ямагата. В такой обстановке правительство Сайондзи в декабре 1912 г. ушло в отставку. Во главе правительства вновь стал Кацура. Его кабинет пытался отвлечь народ от внутренних трудностей крикливой пропагандой о необходимости борьбы с внешним врагом. Одновременно с этим Кацура предпринял попытку укрепить положение правительства путем создания собственной партии «досикай» и роспуска парламента. Однако эти меры не привели к должному успеху. Против пагубной гонки вооружений и попыток правительства не считаться даже с весьма ограниченной конституцией 1889 г. боролись демократические слои японского народа. В феврале 1913 г. произошли массовые народные волнения и демонстрации в Токио, Осака, Кобе и других городах, направленные против милитаристского правительства Кацуры.

Продержавшись у власти около двух месяцев, третий кабинет Кацуры вынужден был уйти в отставку. Новое правительство возглавил адмирал Ямамото, выражавший интересы военно-морских кругов. Попытка добиться увеличения сухопутной армии потерпела провал, но правительство Ямамото значительно увеличило ассигнования на строительство военно-морского флота¹⁵). В марте 1914 г. правительство Ямамото ушло в отставку в связи с разоблачением незаконных сделок японского адмиралтейства с немецкой компанией «Сименс Шукерт». Во главе нового кабинета Японии стал Окума, обещавший придерживаться конституционных методов правления и проводивший активную захватническую политику японского империализма в Китае.

¹⁴) «Китай и Япония», 1912, № 109, стр. 3—4.

¹⁵) См. Х а н и Г о р о. История японского народа. М., 1957, стр. 113.

Экономические интересы японского капитализма в Южной Маньчжурии быстро возрастали¹⁶⁾. Используя Южно-Маньчжурскую железную дорогу и Дайренский порт, японские монополии забрали в свои руки подавляющую часть внешней торговли Китая, которая велась через порты Гуаньдунского (Квантунского) полуострова. По данным газеты «Дзи-дзи симпо» в 1910 г. через порты этого полуострова было ввезено иностранных товаров на 50 миллионов иен, из которых 36 миллионов иен приходилось на долю Японии¹⁷⁾. Как уже отмечалось, попытки Японии достигнуть соглашения с Россией, предпринимавшиеся в 1912 г., об аннексии Северо-Восточного Китая не нашли поддержки со стороны царского правительства¹⁸⁾. Тогда правящие круги Японии навязали Китаю новые неравноправные соглашения, направленные на укрепление экономического и политического господства японского империализма в Южной Маньчжурии. Поверенный в делах Франции Клосс сообщал в декабре 1912 г., что «военно-бюрократическая партия, возглавляемая Кацурой» считает необходимым немедленно предпринять решительные шаги для дальнейших захватов в Маньчжурии¹⁹⁾.

В мае 1913 г. было подписано японо-китайское соглашение, по которому на $\frac{1}{3}$ понижались пошлины на товары, ввозившиеся в Китай и вывозившиеся из Китая по ЮМЖД и корейским железным дорогам²⁰⁾. Формально понижение пошлин распространялось на товары всех стран. Но фактически этот путь использовали в основном японские торговцы, которые кроме того добились значительного сокращения транзитных пошлин для морских и железнодорожных перевозок от Осака до Аньдуня. Используя эту и другие льготы японские капиталисты успешно конкурировали с предпринимателями других государств, особенно в области сбыта хлопчато-бумажных тканей.

Первого сентября 1913 г., во время взятия Нанкина войсками Юань Ши-кая, были убиты три японца. Японские империалисты использовали этот факт для нового нажима на Китай. Японское правительство потребовало денежную компенсацию за убитых в 800 тысяч иен и одновременно увеличило свои гарнизоны на железной дороге Пекин — Тяньцзинь

¹⁶⁾ В 1911—1912 финансовом году на Фушуньских каменноугольных копях было добыто 1 343 тысячи тонн каменного угля. ЮМЖД за 1913 г. выплатила держателям акций 7% дивиденда. См. «Japan Weekly Mail», 1914, № 2.

¹⁷⁾ «Китай и Япония», 1912, № 105, стр. 25.

¹⁸⁾ Газета «Джапан кроникл» в статье «Наступил час занять Южную Маньчжурию», ссылаясь на захватнические акты Австро-Венгрии на Балканах и Италии в Триполи, требовала немедленной аннексии Южной Маньчжурии. См. «Китай и Япония», 1912, № 86, стр. 14—15.

¹⁹⁾ «D. D. F.», Serie 3, t. 1, p. 259.

²⁰⁾ J. Mac Murray. Op. cit., v. II, p. 1039—1041.

и в Ханькоу. Правительство Китая вынуждено было принять японский ультиматум. Кроме того, Япония 5 октября 1913 г., используя методы военного и политического давления, в частности дав обещание признать правительство Юань Шикая, навязала Китаю соглашение, по которому последний обязался построить на займы, полученные от Японии, три следующие железные дороги в Маньчжурии и Восточной Монголии: первая железная дорога должна была пройти от Сыпина через Чженцзятун к границам Внутренней Монголии до Таонаня, вторая — от Кайюня на восток до Хайлуна, третья должна была соединить Чанчунь и Таонань. Кроме того, китайское правительство обязалось в случае постройки железных дорог от Таонаня на юго-запад до Чэндэ (Жэхэ) и от Хайлуна на северо-запад до Цилина (Гирина) будут использованы японские капиталы²¹⁾. Все пять линий должны были соединиться с Южно-Маньчжурской железной дорогой и в дальнейшем составить единый комплекс железных дорог, которые должны были связать японскую сферу влияния в Северо-Восточном Китае с ЮМЖД. Соглашение было оформлено в виде обмена нотами и детали его осуществления должны были явиться предметом последующих переговоров. Тем не менее подписание данного соглашения оценивалось как большое достижение японской внешней политики. Акаги писал, что соглашение о постройке пяти железных дорог было «важным и далеко идущим по своим последствиям»²²⁾. В дальнейшем японские империалисты, ссылаясь на соглашение от 5 октября 1913 г., отстаивали свое «право» на полное господство в Южной Маньчжурии.

Наиболее агрессивные круги японского империализма не были удовлетворены достигнутым. Например, газета «Нироку» требовала, чтобы японское правительство ввело войска в Южную Маньчжурию и Внутреннюю Монголию и добилося утверждения японского влияния в долине реки Янцзы²³⁾.

Английский империализм имел наиболее крупные капиталовложения в Китае и сохранял преобладающие экономические и политические позиции на Дальнем Востоке. Правда, конкуренция со стороны японских, немецких и американских монополий приводила к тому, что доля Англии и ее флота во внешней торговле Китая постепенно уменьшалась. Если в 1899 г. $\frac{3}{5}$ внешней торговли Китая обслуживалось кораблями, плававшими под британским флагом, то к 1913 г. уже только $\frac{2}{5}$ внешней торговли Китая осуществлялось на английских судах²⁴⁾.

²¹⁾ Ibid., p. 1054—1055.

²²⁾ H. A k a g i. Op. cit., p. 295.

²³⁾ «Вестник Азии», 1914, № 25—26, стр. 128.

²⁴⁾ C. R e m e r. Op. cit., p. 355.

В связи с приближением первой мировой войны и революцией в Китае правительство Великобритании в своих дальневосточных делах первостепенное внимание стало уделять вопросам политическим. В этом плане английский империализм стремился добиться быстреешего удушения революции в Китае, укрепления своих позиций в Тибете и сохранения Японии как союзника для борьбы против Германии.

Укрепляя свои позиции в Тибете, Великобритания стремилась изолировать Индию от Китая и не допустить революционизирующего влияния китайской революции на народы Индии. Лицемерные заявления членов английского правительства о том, что Великобритания преследовала в Тибете оборонительные цели, не выдерживают никакой критики, так как Китай добивался лишь осуществления своих законных прав в Тибете и был слишком слаб, чтобы угрожать безопасности английских владений в Индии. В декабре 1912 г. Англия ввела свои войска в Лхассу с целью отторжения Тибета от Китая²⁵). Используя меры военного и политического давления, правительство Великобритании не считаясь с протестами Китая, в июле 1914 г. навязало Тибету неравноправное соглашение, по которому английский империализм получал возможность хозяйничать в этой части Китайского государства²⁶).

В своей дальневосточной политике Великобритания продолжала опираться на союз с Японией. Вопрос о досрочном изменении условий англо-японского союзного договора 1905 г. и замене его договором 1911 г. достаточно глубоко освещен в советской исторической литературе²⁷), поэтому в данном случае нет необходимости подробно анализировать эту проблему. Следует прежде всего отметить, что основной причиной пересмотра условий англо-японского договора явилось ухудшение американо-японских отношений и недовольство правящих кругов США тем, что Япония в своей экспансионистской политике на Дальнем Востоке опиралась на союз с Великобританией. Последнее обстоятельство подчеркивают американские и английские авторы²⁸).

Поводом для пересмотра договора явилось предложение правительства США, сделанное Великобритании, о заключении арбитражного договора. Подписание подобного договора означало бы отказ Англии от выполнения своих союзнических обязательств перед Японией в случае японо-американской

²⁵) В. П. Леонтьев. Иностранная экспансия в Тибете. М., 1956, стр. 15.

²⁶) Там же, стр. 171.

²⁷) См. А. Гальперин. Англо-японский союз. М., 1947, стр. 285—304.

²⁸) G. Wood. China, the United States and the Anglo-Japanese Alliance. New York, Chicago, 1921, p. 79; J. T. Pratt. The Expansion of Europe into the Far East. London, 1947, p. 153.

войны. В то же время правительство Великобритании не могло отвергнуть американское предложение, так как сама Великобритания искала путей для сближения с Соединенными Штатами накануне первой мировой войны. Что касается Японии, то она при активной поддержке Англии стала великой державой и стремилась выйти из-под английской опеки для того, чтобы получить большую роль в дальневосточных делах. Но в то же время Япония не меньше Великобритании нуждалась в сохранении союзного договора и в финансовом отношении продолжала зависеть от Англии²⁹). Разрыв союза с Англией лишил бы Японию финансовой поддержки последней, ухудшил ее отношения со странами Антанты, что несомненно ослабило бы позиции японского империализма в борьбе с Соединенными Штатами Америки. В период англо-японских переговоров о пересмотре союзного договора в прессе появились сообщения о том, что Япония форсирует строительство военно-морского флота, опасаясь разрыва союза с Англией³⁰).

В июле 1911 г. был подписан третий англо-японский союзный договор, в который была включена статья, освобождавшая обе стороны от союзнических обязательств против третей державы, с которой одна из сторон вступила бы в договорные отношения о третейском суде. Кроме того, в новый договор не были включены две статьи из договора 1905 г. (третья и четвертая), одна из которых предусматривала свободу действий для Японии по охране ее интересов в Корее, а вторая — свободу действий Великобритании по вопросам «безопасности индийской границы»³¹). Статья о Корее была исключена в связи с аннексией последней Японией, а исключение статьи о безопасности индийской границы стало возможным в результате улучшения русско-английских отношений.

Новый договор лишал Японию поддержки Великобритании в случае войны Японии с Соединенными Штатами Америки, но в то же время предоставил японским дипломатам большую свободу рук для различных комбинаций на Дальнем Востоке. Члены английского правительства и лондонская пресса подчеркивали, что Великобритания придает большое значение новому англо-японскому договору. Постоянный заместитель министра иностранных дел Англии А. Никольсон в беседе с русским послом в Лондоне Бенкендорфом заявил, что договор дает возможность правительству Великобритании смягчить трения в связи с ограничениями против японских иммиг-

²⁹) В 1913 г. английские капиталовложения в Японию составляли 603 млн. иен. См. Ю. И. Винцер. Английские капиталовложения за границей, М., 1960, стр. 41.

³⁰) «The Japan Financial and Economic Monthly», 1911, Nr. 7, p. 2.

³¹) А. Гальперин. Англо-японский союз, М., 1947, стр. 428—431.

рантов в Австралии и сократить военно-морские силы на Тихом океане³²). Министр иностранных дел Англии Э. Грей считал, что если бы договор с Японией не был заключен, то Англии пришлось бы держать на Дальнем Востоке двенадцать тяжелых крейсеров³³). Подписав договор 1911 г. с Японией, Великобритания известным образом гарантировала себя от того, что Япония может вступить в коалицию, враждебную Англии.

Японии союз с Англией давал возможность играть большую роль в делах Дальнего Востока. Летом 1912 г. князь Кацура в беседе с германским послом в Токио Рексом заявил, что англо-японский союз «является базой для взаимоотношений держав в восточно-азиатских вопросах». Здесь же Кацура заметил, что в случае разрыва «Мы (японцы.— С. Г.) немедленно вошли бы в конфликт с англичанами, которые имеют в Восточной Азии наибольшую заинтересованность»³⁴).

Значительная часть японской прессы выражала недовольство ослаблением англо-японского союза. Указывалось, что ослабление союзнических отношений с Англией вызвано проистаками американской дипломатии и что «Япония принесена в жертву английским интересам»³⁵). В то же время в Японии всячески подчеркивалось, что англо-японский союз сохраняется для борьбы с революционным движением на Востоке и что на этом основании Великобритания поддерживает политику Японии в Китае. Генерал Кацура заявлял в 1911 г., что нарастание революционного движения в Китае было основной причиной возобновления англо-японского союзного договора³⁶). Граф Окума писал, что благодаря наличию англо-японского союза ни одна из держав не могла «действовать независимо» в период Синьхайской революции³⁷). В январе 1914 г. министр иностранных дел Японии Макино, выступая на заседании парламента, говорил о том, что подавить революцию в Китае удалось, прежде всего, благодаря существованию англо-японского союза, который, по словам Макино, должен был оказаться в этом отношении «полезным и на будущее время»³⁸).

Представители японского правительства и японская официальная пресса не раз напоминали правящим кругам Велико-

³²) «М. О.», серия II, т. XVIII, ч. I, стр. 293. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову, 17/4 мая 1911 г.

³³) «В. Д.», в. VIII, р. 517.

³⁴) «G. P.», Bd. XXXII, S. 465—466. Рекс Бетман-Гольвегу, 25 июня 1912 г.

³⁵) АВПР, Японский стол, д. 918, лл. 279—280. Делеша русского поверенного в делах в Японии Броневского Нератову, 28/15 июля 1911 г.

³⁶) «Китай и Япония», 1912, № 69, стр. 58.

³⁷) «The Japan Magazine», 1913, Nr. 2, p. 74.

³⁸) «Китай и Япония», 1914, № 176, стр. 39.

«Британии, что Япония будет поддерживать британское господство в Индии и других странах Азии лишь при том условии, что Англия не будет мешать Японии закабалить Китай. Острые третьего англо-японского союзного договора было направлено против народов Китая и Индии. Именно на общности интересов в деле борьбы против угнетенных народов в значительной степени держался этот союз двух империалистических хищников. Наличие союзного договора не устраняло довольно острых англо-японских противоречий. Япония стремилась добиться преобладающего политического и экономического влияния в Китае, но не имела для этого необходимых материальных средств и встречала противодействие других империалистических держав, в том числе и Великобритании. Весной 1913 г. лондонская газета «Таймс» опубликовала статью, в которой критиковалась японская политика в Китае, направленная на установление там преобладающего японского влияния. В связи с подобным выступлением английского официоза, советник японского министерства иностранных дел Ямадза Эндзиро вынужден был отметить охлаждение англо-японских отношений по сравнению с тем временем, «когда обе державы (Япония и Англия — С. Г.) имели общего врага в лице России»³⁹). Здесь же представитель японского министерства иностранных дел довольно резко заметил, что хотя «Россия и Англия стали теперь друзьями», правительству Великобритании не следует забывать, что именно «благодаря союзу с Японией Англия может отозвать свой флот с Тихого океана».

Недостаток свободных капиталов сдерживал японскую экспансию в Китае. Полученные Японией от Китая концессии на строительство железных дорог не реализовались из-за отсутствия денежных средств. В связи с предвоенной гонкой вооружений, сократилось наличие свободных капиталов в странах Запада. Япония сталкивалась со значительными трудностями при размещении внешних займов. В мае 1914 г. премьер-министр граф Окума в беседе с корреспондентом английской газеты «Таймс» говорил о необходимости экономического сближения между Англией и Японией в Китае и выдвинул «формулу» сотрудничества в Китае: «Английские деньги — японский ум»⁴⁰), т. е. глава японского правительства предлагал Англии осуществлять совместно эксплуатацию Китая на английские деньги при помощи японских «специалистов». Но это предложение не было поддержано правящими кругами Великобритании. Тогда в некоторых японских газетах были опубликованы антианглийские статьи, в которых указывалось, что якобы всю выгоду от англо-

³⁹) «Japan Chronicle», April 3, 1913.

⁴⁰) «М. О.», серия III, т. III, стр. 96. Посол в Токио министру иностранных дел, 25/12 мая 1914 г.

японского союза получает Великобритания. В свою очередь в английских газетах появились высказывания в том смысле, что претензия Японии на установление японской гегемонии в Китае не мотивированы, так как британские банки и финансисты имели наибольшие капиталовложения в Китае. Указывалось, что англичане участвовали в китайских займах на сумму 80 млн. фунтов стерлингов, тогда как доля Японии в этих займах не превышала 1,3 млн. фунтов стерлингов. Газеты также отмечали, что англичане вложили громадные капиталы в промышленность и железные дороги Китая, а у Японии, за исключением Маньчжурии, там имелись лишь незначительные правительственные предприятия⁴¹⁾.

Усиливалось англо-японское торговое и политическое соперничество и в других странах Азии, в том числе в британских колониях и доминионах. Например, в 1913 г. начались трения в связи с тем, что японская пароходная компания «Ниппон-Юсен-Кайся» открыла регулярные рейсы в Калькутту и другие порты Индии. Англо-индийская пароходная компания, которая до этого времени сохраняла монополию в осуществлении торгового мореплавания вдоль побережья Индии, стала терпеть убытки. Попытки представителей английской корпорации договориться с японской компанией о прекращении конкуренции потерпела неудачу. После этого, как писала японская газета «Джапан уикли мэйл» в № 23 за 1914 г., английский посол в Токио, по просьбе представителя английской компании, неофициально обратился в японское министерство иностранных дел с просьбой оказать воздействие на японскую пароходную компанию в деле заключения компромиссного соглашения с англо-индийской компанией⁴²⁾. Однако достигнуть договоренности по этому вопросу не удалось.

Следует отметить, что английское правительство стремилось сгладить остроту противоречий с Японией. В начале 1914 г. первый лорд адмиралтейства У. Черчилль, выступая в английском парламенте по вопросу о морском бюджете говорил о дружественных взаимоотношениях между Англией и Японией и тем самым подчеркнул, что увеличение военноморских сил Англии не направлено против Японии⁴³⁾.

Быстрый рост германского империализма и ускоренное строительство военно-морского флота увеличивали роль Германии в мировой политике, в том числе и в дальневосточных делах. Здесь главным объектом германской экспансии продолжал оставаться Китай. Как уже отмечалось, Германия по сумме капиталовложений в Китае стояла на третьем мес-

⁴¹⁾ «Вестник Азии», 1916, кн. I, стр. 173—174.

⁴²⁾ См. журн. «Дальний Восток» (сведения из периодической печати). Иркутск, 1914, № 24, стр. 40—43.

⁴³⁾ Там же, стр. 31.

те, уступая Англии и незначительно — царской России. По подсчетам Ремера, деловые капиталовложения Германии в Китае в 1913 г. оценивались в 144 млн. американских долларов⁴⁴). Объем германской торговли с Китаем быстро увеличился⁴⁵). Правда, по статистике китайских морских таможен, которые использовал Ремер, Германия по сумме прямого товарооборота с Китаем стояла на пятом месте. В данном случае следует учитывать то, что в китайских таможенных национальная принадлежность товара определялась в соответствии с тем, из какого порта данный товар был ввезен в Китай. Поэтому германские товары, ввозившиеся через порты Великобритании и Гонконг учитывались как товары английского происхождения, что значительно занижало фактическую сумму германской торговли с Китаем.

Немецкие товары в Китае успешно конкурировали с английскими, американскими и японскими. Китайский автор отмечает, что «накануне войны влияние Германии на коммерческую жизнь Китая можно было легко почувствовать»⁴⁶). Немецкие монополии, связанные с торгово-предпринимательской деятельностью на Дальнем Востоке, претендовали на большую экономическую и политическую роль в Китае. Из этих сообщений во франкфуртской газете в начале 1914 г. была опубликована статья, посвященная экономическим интересам германского капитала на Дальнем Востоке, которую затем перепечатали в немецкой газете, издававшейся в Китае. Автор статьи пришел к выводу, что с учетом тех товаров, которые ввозились из Германии в Китай и из Китая в Германию через английские порты и Гонконг, доля Германии во внешней торговле Китая составляла 23,5%, а доля Великобритании 21%. Немецкая газета заявляла, что экономические позиции, занятые Германией в Китае, должны обеспечить ей «решающую роль при разрешении различных политических вопросов, возникавших в Китае»⁴⁷). По данным Блоха, германский экспорт в Китай (включая Гонконг и Циндао) в 1913 г. оценивался в 130 млн. марок, а импорт из Китая в 131 млн. марок⁴⁸). Отмечая все возраставшее проникновение германского капитала в Китай, агент царского министерства торговли и промышленности, находившийся при русской миссии в Пекине, писал, что, по данным китайских таможен,

⁴⁴) С. Ремер. *Op. cit.*, p. 641.

⁴⁵) По данным А. А. Губера, германский ввоз в Китай в период с 1902 по 1911 г. увеличился более чем в 10 раз (с 11 млн. марок до 114,9 млн. марок), а ввоз из Китая более чем в 20 раз (с 4,8 млн. марок до 80 млн. марок). См. А. Губер. Германский империализм на Дальнем Востоке, М., 1942, стр. 15.

⁴⁶) Feng Djen Dian g. *Op. cit.*, p. 231.

⁴⁷) «Китай и Япония», 1914, № 181, стр. 24—25.

⁴⁸) K. Bloch. *German Interests and Policies in the Far East*. New York, 1940, p. 4.

германский ввоз в Китай в 1913 г. составлял 28,3 млн. таэлей, однако с учетом немецких товаров, ввозившихся в Китай через порты других стран, указывал он, сумма германского экспорта в Китай достигла 60 млн. таэлей. Германия вышла на первое место по ввозу в Китай железных и стальных изделий, оружия, станков и машин, электрооборудования, химических товаров, красок и т. д.⁴⁹⁾.

Продолжала возрастать экономическая и политическая роль германской колонии Циндао в деле укрепления германского империализма в Китае. После постройки железной дороги Тянцинь-Пукоу, в которую, как уже отмечалось, были вложены немецкие капиталы, порт Циндао при посредстве германской железной дороги, построенной в Шаньдунской провинции, был соединен с крупнейшими китайскими городами Пекином, Тянцином, Нанкином и др. За период с 1904 по 1913 г. ввоз товаров через порт Циндао в Китай увеличился в 5 раз и в 1913 г. составил сумму в 15,5 млн. лян⁵⁰⁾. Германские монополии имели в Шаньдунской провинции, кроме крупных торговых фирм и железной дороги, быстро возраставшие капиталовложения в железорудные и каменноугольные предприятия и приступили к постройке большого металлургического завода.

Тирпиц, отмечая значение Циндао для деятельности немецкого капитала на Дальнем Востоке, писал: «К началу войны за Циндао была закреплена возможность выплавки металла из руд, добываемых в Бошане. Намеченный к постройке металлургический завод со сталеплавильным и прокатным цехами позволил бы основать в Циндао ряд промышленных предприятий. Ни один металлургический завод Азии и западной Америки не имел таких возможностей; тамошние рынки железа и стали перешли бы в наши руки, а это увеличило бы экономическое значение Германии, укрепило бы и наши политические позиции, а также повлияло бы на все другие отрасли германского экспорта»⁵¹⁾. Затем Тирпиц указывает, что используя методы экономического, идеологического и политического внедрения в Китай, «германизм все более укреплял свои позиции в огромной империи»⁵²⁾.

Успешное проникновение германского империализма в Китай обостряло англо-германские противоречия на Дальнем Востоке, тем более, что пангермански настроенные круги Германии не скрывали своих конечных целей — подорвать господство Англии в странах Азии. В марте 1914 г. газета «Магдебургише цейтунг» писала: «Наступает новая эра для

⁴⁹⁾ «Бюллетень справочной части во внешней торговле министерства торговли и промышленности», 1915, № 2.

⁵⁰⁾ «Китай и Япония», 1914, № 216, стр. 44.

⁵¹⁾ А. Тирпиц. Указ. соч., стр. 116.

⁵²⁾ А. Тирпиц. Указ. соч., стр. 124.

нашей культурной миссии на Дальнем Востоке, момент, когда мы окончательно перестанем идти на помочах у англичан»⁵³).

Военно-политические позиции Германии на Дальнем Востоке продолжали оставаться слабыми. Германия не имела возможности держать значительные силы своего флота в водах Тихого океана. Попытки германской дипломатии сблизиться с Соединенными Штатами Америки не давали результата. В силу названных причин правительство Германии добивалось улучшения взаимоотношений с Японией для того, чтобы разбить или ослабить англо-японский союз и обеспечить нейтралитет Японии на случай англо-германского военного конфликта⁵⁴).

В свою очередь, влиятельные военно-бюрократические круги Японии питали симпатии к юнкерско-буржуазному германскому государству. Поверенный в делах Франции в Токио Клосс писал в декабре 1911 г. министру иностранных дел Франции, «что руководители военной и бюрократической партий Японии князь Кацура, генерал Тэраути и другие настроенные пронемецки»⁵⁵), недовольны позицией Великобритании в связи с японской экспансией в Маньчжурии, в то время как Германия, по их мнению, смогла бы положительно отнестись к «этой военной политике» укрепления в Китае. Рассматривая вопрос о возможности японо-германского сближения, Клосс делал вывод о том, что правящие круги Японии пойдут на это сближение лишь при условии если оно окажется выгодным для Японии⁵⁶). В 1911 г. при активном содействии князя Кацуры было создано японо-германское общество, имевшее целью содействовать японо-германскому культурному и экономическому сотрудничеству⁵⁷).

Следует отметить, что в начавшихся предварительных переговорах о возможности согласования дальневосточной политики двух стран, японская и германская стороны преследовали различные цели. Япония стремилась, прежде всего, выйти из под контроля Англии в своей дальневосточной политике. В Японии считали, что угроза японо-германского сближения заставит правительство Великобритании дать

⁵³) «Китай и Япония», 1914, № 185, стр. 62.

⁵⁴) В германской прессе, начиная с 1908 г., периодически помещались статьи о росте англо-японских противоречий и возможности разрыва англо-японского союза. Отмечая причины публикации подобных сообщений, русский представитель в Берлине писал, что «все шаги германской политики направлены в настоящее время к одной только цели — раздробить по возможности морские силы Англии и парализовать ее преобладающее влияние на решение международных вопросов». См. АВПР. Канцелярия, 1909, д. 20, л. 123. Булацель Извольскому, 16/3 апреля 1909 г.

⁵⁵) В 1912 г. Кацура в беседе с послом Германии в Токио Рексом назвал себя учеником Германии. См. «G. P.», Bd. XXXII, S. 465.

⁵⁶) «D. D. F.», Serie 3, t. 1, p. 258.

⁵⁷) Ibid., p. 259.

японскому империализму большую свободу для экспансии в Китае. В июне 1912 г. князь Кацура накануне своей поездки в Европу имел длительную беседу с послом Германии в Токио графом Рексом. В этой беседе Кацура говорил о наличии серьезных разногласий между Великобританией и Японией. Из беседы с Кацурой Рекс вынес впечатление, что первый преследует цель выяснить позицию Германии «по отношению к Японии для того, чтобы позднее направить свою политику в соответствии с этим»⁵⁸).

Германская дипломатия, предпринимавшая отчаянные попытки ослабить блок стран Антанты, очень серьезно отнеслась к идее сближения с Японией. После того, как стала очевидной бесплодность попыток Германии оторвать Россию от союза с Англией и Францией, правительство Германии стремится ухудшить русско-японские отношения и на этой почве сблизиться с Японией. Летом 1912 г. состоялось свидание Вильгельма II и Николая II и сопровождавших их министров на рейде Балтийского порта. Во время беседы с Сазоновым, Вильгельм II говорил «о желательности для России содействовать усилению Китая с тем, чтобы освободив его этим путем от японского влияния, создать из него впоследствии оплот против возможных недружелюбных замыслов Японии» против России⁵⁹).

Таким образом, германская дипломатия, с одной стороны, подталкивала Россию против Японии, а с другой стороны, сама искала сближения с последней. В августе 1912 г. германский посол в Токио Рекс сообщал о возраставшем влиянии военно-бюрократической партии и писал, что Германия «подобным оборотом дела может быть довольна. Князь Кацура станет насколько возможно искать сближения с Германией. Дело за нами, использовать ситуацию соответствующим образом». На этом донесении Рекса Вильгельм II написал: «Правильно. Мы уже начали»⁶⁰).

Вильгельм II и представители военно-морских кругов Германии вынашивали идею заключения военного союза с Японией. Они считали, что подобный союз улучшит позиции Германии на мировой арене. Сближение стран Антанты вызывало беспокойство правящих кругов Германии. В связи с этим Вильгельм II поставил перед своими дипломатами задачу изучить вопрос о заключении с Японией военного союза. Ссылаясь на телеграммы из Токио, император Германии указывал на представляющийся благоприятный слу-

⁵⁸) «G. P.», Bd. XXXII, S. 465—467. Рекс Бетман Гольвегу, 25 июня 1912 г.

⁵⁹) «M. O.», серия II, т. XX, ч. I, стр. 271. Докладная записка Сазонова Николаю II.

⁶⁰) «G. P.», Bd. XXXII, S. 472—473. Рекс Бетман Гольвегу, 22 августа 1912 г.

чай для сближения с Японией и писал, что путем союза с Японией можно будет «схватить скользких русских в клещи, чтобы держать их вдаль от Англии»⁶¹). В конечном итоге попытка Германии оторвать Японию от союза с Англией окончилась неудачно.

Трудно судить, в какой степени военно-бюрократическая партия Японии была готова идти на сближение с Германией. Скорее всего некоторые шаги в этом направлении предпринимались с целью оказать давление на Англию и Россию, которые не соглашались на требование японских правящих кругов относительно аннексии Маньчжурии. Япония продолжала зависеть от англо-французского капитала и была вынуждена идти в фарватере стран Антанты. Кроме того, в Японии серьезные опасения вызывали шаги Германии, направленные на сближение с Соединенными Штатами Америки — врагом Японии. Беспринципность и отсутствие твердой внешнеполитической линии подрывали престиж Германии как великой державы и вызывали недоверие к ее внешней политике, что естественно сказывалось на взаимоотношениях Германии с Японией.

2. Дальнейшее обострение японо-американского антагонизма

В развитии японо-американских отношений наряду с борьбой за господство в Китае все большую роль играло военно-морское соперничество, исход которого в конечном итоге должен был определить преобладающее положение Японии или США в бассейне Тихого океана. В этом соперничестве материальный и технический перевес был на стороне Соединенных Штатов Америки. Однако и Япония имела свои преимущества, заключавшиеся в том, что ее военно-морские базы были расположены недалеко от возможного театра военных действий, кроме того, Япония накануне первой мировой войны все более сближалась со странами Антанты, что укрепляло позиции японского империализма на Дальнем Востоке и ослабляло там позиции США. Нужно также учитывать и тот факт, что американские империалисты держали значительную часть своего флота для борьбы с национально-освободительным движением в странах Латинской Америки и готовили силы на случай мировой войны. В 1911 г. Т. Рузвельт говорил, что если Англия не сможет сохранить равновесие сил в Европе, то «Соединенные Штаты должны будут хотя бы временно вступить в дело... безразлично против какого государства или группы государств» США пришлось бы воевать⁶²).

⁶¹) Ibid., S. 474. Вильгельм II Кидерлену, 14 сентября 1912 г.

В 1911 г. острых конфликтов между США и Японией не было. Больше того, правительства двух стран проводили согласованную политику в борьбе против революции в Китае. Тем не менее милитаристские элементы обоих государств подчеркивали, что увеличение морских вооружений вызывается ростом военно-морского флота другой стороны. В японских военных кругах упорно выдвигалась мысль о необходимости увеличения вооруженных сил Японии к тому времени, когда вступит в строй Панамский канал. Орган деловых кругов «Японский финансовый и экономический ежемесячник» в редакционной статье писал, что стандартом для развития японского военно-морского флота должны послужить флоты Англии и США⁶³). Однако в этом отношении Япония не могла тягаться с более развитыми империалистическими государствами. США по сумме военно-морских расходов в 1910—1911 гг. занимали второе место в мире, уступая лишь Англии, в то время, как Японии из-за финансовых затруднений не удалось полностью выполнить обширную программу строительства флота, намеченную после русско-японской войны.

В октябре 1912 г. газета «Осака майници симбун» опубликовала следующие данные относительно военно-морских расходов великих держав за 1911 г. в млн. фунтов стерлингов⁶⁴):

Великобритания — 44,8	Россия — 13,3
США — 27,8	Япония — 8,8
Германия — 22,0	Италия — 8,4
Франция — 16,7	Австро-Венгрия — 5,15.

В японской прессе появлялись заявления о том, что увеличение американского флота угрожает миру на Дальнем Востоке⁶⁵). В свою очередь представители американской женщины во главе с Л. Вудом вели усиленную пропаганду за увеличение «военной готовности» США в связи с обострением международной обстановки. Президент Тафт под влиянием военных кругов настаивал на дальнейшем усилении американской армии и флота. В 1912 г. он заявил: «Я думаю, что мир еще не достиг такого положения, чтобы не воспользоваться нашей неспособностью отразить нападение или быть равными с другими нациями в войне...»⁶⁶). В результате выборов 1910 г. в американском конгрессе большинство получили демократы, которые из партийных соображений сократили смету военно-морских расходов, представленную президентом — ставленником республиканской партии —

⁶²) T. D ennet. Op. cit., p. 1.

⁶³) «The Japan Financial and Economic Monthly», 1911, Np. 9, p. 7.

⁶⁴) «Китай и Япония», 1912, № 110, стр. 57.

⁶⁵) АВПР. Японский стол, д. 1357, л. 59. Копия допесения русского консула в Дайрене Лебедева.

⁶⁶) O. Cl inard. Op. cit., p. 89.

Тафтом. Конгресс разрешил на 1912 г. закладку только одного линкора вместо двух, которые ежегодно закладывались в предшествующие годы⁶⁷).

Сокращение военно-морских расходов Соединенных Штатов Америки было с удовлетворением встречено в Японии и казалось, что данный факт сможет содействовать улучшению японо-американских отношений, но этого не произошло. Наоборот, с 1913 г., после прихода к власти президента Вильсона⁶⁸), отмечается резкое ухудшение японо-американских отношений. Поводами для нового взрыва японо-американского антагонизма явились: активизация американской политики в Китае и принятие земельного закона в штате Калифорния, направленного против японцев-эмигрантов.

Лидеры демократической партии Соединенных Штатов Америки считали, что путь к американскому господству на Дальнем Востоке лежит через укрепление влияния американского империализма в Китае. Президент Вильсон и государственный секретарь Брайан придавали большое значение укреплению политических позиций США в Китае. Они стремились привлечь на свою сторону Китай для борьбы против Японии и надеялись подобным путем открыть китайский рынок для американской торговли и капиталовложений. Один из биографов Вильсона пишет, что последний проводил на Дальнем Востоке гибкую политику и цель Вильсона «служить Азии... постепенно получила тождество с сохранением американских позиций в Китае»⁶⁹).

В августе 1913 г. Вильсон назначил на пост посланника в Китае близкого к себе человека — профессора Рейнша, который был известен как специалист по истории стран Востока. В связи с назначением Рейнша газета «Нью-Йорк таймс» писала, что президент придает «величайшее значение» миссии Рейнша в Китае и считает последнего человеком, способным справиться с теми трудностями, которые имеются у американской дипломатии на Дальнем Востоке⁷⁰). Рейнш занимал пост посланника США в Китае в течение 6 лет и благодаря своей близости к президенту оказывал большое влияние на американскую политику в Китае. Вильсон поддерживал постоянный контакт с руководителями американских миссио-

⁶⁷) Ibid., p. 66.

⁶⁸) В японской прессе в связи с избранием Вильсона на пост президента выражалась надежда, что он, как представитель демократической партии, будет содействовать понижению таможенных тарифов на товары, ввозимые в США, в чем были заинтересованы торгово-промышленные круги Японии, и примет меры для ослабления ограничений против иностранных рабочих «желтой расы». См. «The Japan Financial and Economic Monthly», 1912, Nr. 11, p. 4.

⁶⁹) R. Curry. Op. cit., p. 7.

⁷⁰) Ibid., p. 38—39.

нерских организаций в Китае, особенно с Джоном Моттом, которого президент характеризовал как «человека особенно хорошо подходящего, чтобы служить целям правительства»⁷¹).

Выход американской банковской группы из консорциума (март 1913 г.), а затем сепаратное признание правительства Юань Ши-кая Соединенными Штатами Америки (май 1913 г.) вызвали серьезные подозрения в Японии относительно целей американской политики в Китае⁷²). Еще большее негодование в Японии вызвал законопроект, внесенный весной 1913 г. в законодательное собрание штата Калифорния, относительно запрещения иностранным подданным владеть землей. Этот закон должен был распространиться на несколько десятков тысяч японских фермеров, имевших земельную собственность в Калифорнии, но не принявших американского подданства. Американский автор Линк считает, что лидеры демократов в калифорнийском законодательном собрании внесли этот законопроект с целью привлечь на свою сторону белых фермеров этого штата⁷³). На наш взгляд, не меньшую роль в данном случае сыграли торговопромышленные круги тихоокеанского побережья США, имевшие значительные интересы в странах Дальнего Востока, и милитаристы, которые стремились искусственно вызвать кризис в японо-американских отношениях и, используя его, добиться увеличения вооруженных сил Соединенных Штатов Америки на Тихом океане.

Известия о новых дискриминационных мерах, предпринятых против японских иммигрантов в Калифорнии, вызвали резкую реакцию в Японии и сильно ухудшили японо-американские отношения. Линк в связи с этим пишет: «Противоречие вскоре перешло в главный международный кризис, потому что лидеры Калифорнии продолжали безжалостно и умышленно унижать японский народ»⁷⁴). Один из японских националистов, депутат парламента Оси требовал, чтобы Япония заявила «решительный протест» США и заставила «вашингтонское правительство вмешаться в действия Калифорнии, хотя бы для этого пришлось объявить Соединенным Штатам войну»⁷⁵). В японских газетах усилилась антиамериканская пропаганда, указывалось, что законопроект относительно владения землей в Калифорнии противоречит условиям японо-американского торгового договора 1911 г.⁷⁶).

71) Ibid., p. 41.

72) См. главу VI.

73) A. Link. Op. cit., p. 84.

74) Ibidem.

75) АВПР. Японский стол, д. 1357, л. 64. Телеграмма Малевского-Малевица из Токио, 17/4 апреля 1913 г.

76) «Japan Chronicle», April 13, 1913.

Официальная реакция правительства Японии на действия калифорнийских властей была первоначально довольно умеренной. В первых нотах, направленных послом Японии в Вашингтоне Чинда в государственный департамент, отмечалось, что земельный законопроект противоречит принципам наибольшего благоприятствования, провозглашенным в англо-американском торговом договоре, а также принципам гуманизма, и выражалась надежда, что конфликт будет разрешен «путем, достойным исторических отношений сердечной дружбы между двумя соседними нациями»⁷⁷). Однако после того, как выяснилось, что закон может войти в силу и японские фермеры в Калифорнии будут лишены земли, тон японских представлений (от 4 июня и 10 августа) правительству США стал более настойчивым и резким⁷⁸). В июне 1913 г. в Токио проводились антиамериканские митинги и демонстрации у посольства США⁷⁹).

Правительство Соединенных Штатов Америки в ответ на японские ноты протеста обещало принять меры и предпринимало некоторые шаги в этом направлении. В Калифорнию ездил с поручением президента государственный секретарь Брайан, пытавшийся воспрепятствовать принятию антияпонского закона. Президент Вильсон дал телеграмму калифорнийскому губернатору с просьбой не подписывать законопроект, принятый законодательным собранием штата. Но попытки центрального правительства не допустить принятия закона успеха не имели, и в августе 1913 г. он вступил в силу.

Антияпонский закон был принят не только потому, что центральное правительство США не могло прямо вмешаться в решение вопроса, относившегося к прерогативе местных властей или под давлением весьма влиятельных расистских кругов⁸⁰). Все это имело место. Но, по нашему мнению, значительную роль сыграли также правительственные и военные круги, считавшие, что ухудшение японо-американских отношений является желанным предлогом для увеличения военных ассигнований.

В ответ на дискриминационные меры по отношению к японскому населению Калифорнии правительство Японии стало поддерживать антиамериканские выступления в Мексике. В 1910 г. в Мексике началась революция, направленная против кровавого диктатора Диаса и его клики. В мае 1911 г. власть Диаса была свергнута. В ходе революции мексиканский народ начал выступать против засилия американского капитала в своей стране. Правительство Тафта и правитель-

⁷⁷) «F. R.», 1913, р. 630—631. Чинда государственному секретарю, 9 мая 1913 г.

⁷⁸) Ibid., р. 631—653.

⁷⁹) АВПР. Японский стол, д. 921, л. 169.

ство Вильсона грубо вмешивались во внутренние дела Мексики, защищая вложения американских монополий в экономику Мексики, стоимость которых в 1911 г. оценивалась в 1,5 млрд. долларов⁸¹). В начале 1911 г. США сосредоточили на мексиканской границе двадцатитысячную армию. Затем президент Тафт отдал приказ увеличить эту армию до 100 тыс. человек.

В это же время японская агентура активизировала свои происки в Мексике. В декабре 1911 г. эскадра японских военных судов посетила порты Мексики. В марте 1911 г. в американской прессе появились сообщения о тайном соглашении, якобы заключенном между правительством Диаса и Японией, по которому Япония должна была оказать Диасу поддержку оружием и в качестве компенсации получить угольную станцию на тихоокеанском побережье Мексики. Указывалось, что японское правительство претендует на получение права якорной стоянки на полуострове Калифорния в заливе Тадос Сантос, расположенном примерно в 100 километрах от границы США⁸²). Эти сообщения несомненно имели под собой определенные основания, так как правительство США к этому времени убедилось в неизбежности поражения клики Диаса, лишило его своей поддержки и начало помогать буржуазно-помещичьей группировке во главе с Мадеро. В таких условиях Диас стал ориентироваться на Японию. Японский посол в Вашингтоне Утида выступил с официальным заявлением, в котором отрицал сообщения газет о тайном соглашении между Диасом и правительством Японии⁸³).

В 1912 г. стало известно, что японская Восточная китобойная компания получила в аренду участок побережья в заливе Магдалены для сооружения рыболовной станции. Залив Магдалены считался одной из лучших естественных гаваней на тихоокеанском побережье Мексики, и правящие круги США в течение нескольких лет пытались получить там концессию и привилегии⁸⁴). В японских газетах появились сообщения, что Япония заключает с Мексикой наступательный и оборонительный союз против Соединенных Штатов Америки, в связи с чем японское правительство получило

⁸⁰) Президент Вильсон, рекламировавший себя как сторонника равенства наций, в одной из речей заявил: «В вопросе об иммиграции китайских и японских кули я стою за национальную политику исключения. Все дело, в сущности, сводится к вопросу об ассимиляции различных рас. Мы не можем создать однородное население с народом, который не хочет смешиваться с нашей расой». См. «Вестник Азии», 1916, № 38—39, стр. 266.

⁸¹) Л. И. Зубоков. Очерки истории США (1877—1918). М., 1956, стр. 395.

⁸²) «М. О.», серия II, т. XX, ч. II, стр. 167 (примечание).

⁸³) АВПР. Тихоокеанский стол, д. 1476, лл. 27, 31. Депеши князя Кудашева из Вашингтона от 29/16 марта и от 12 апреля/30 марта 1911 г.

⁸⁴) E. Chamberlin. The Japanese Scare at Magdalena Bay. «The Pacific Historical Review», 1955, Nr. 4, p. 345.

разрешение на строительство военно-морской базы в заливе Магдалены⁸⁵).

Попытки Японии укрепиться на американском континенте вызвали бурю возмущения в правящих кругах США. При поддержке правительства была создана группа американских капиталистов во главе с неким Блэкманом, которая стала претендовать на то, чтобы взять в «концессию» для рыбной ловли весь залив Магдалены. Американские газеты писали о том, что японская концессия на побережье Мексики является нарушением доктрины Монро. В свою очередь японская пресса обосновывала права японских граждан на владение рыболовной станцией в мексиканских водах⁸⁶). Вопрос о проникновении Японии на американский континент обсуждался в сенате США. Сенатор Лодж, ссылаясь на доктрину Монро, требовал от правительства решительных мер для пресечения японской экспансии⁸⁷). 2 августа 1912 г. сенат единогласно принял резолюцию, в которой отмечалось, что «правительство Соединенных Штатов не может смотреть равнодушно» на захват какой-либо гавани или местности на американском континенте, откуда неамериканское государство могло бы угрожать «коммуникациям или безопасности Соединенных Штатов Америки»⁸⁸). Таким образом, сенат США, дав чрезвычайно широкое толкование доктрине Монро, твердо заявил, что американский империализм не допустит укрепления Японии на американском континенте. В связи с этим официоз японского правительства газета «Джапан таймс» писала, что Япония не намерена оборудовать морскую базу у побережья Мексики, так как подобная база, по ее мнению, не имела бы военного значения, а стремится «приобрести лишь некоторые рыболовные права»⁸⁹).

С февраля 1913 г. по июнь 1914 г. правительство Мексики возглавлял генерал Хуэрта. В то время как Соединенные Штаты Америки не признавали правительства Хуэрты, Япония стала оказывать ему поддержку поставкам оружия. При штабе Хуэрты появились японские офицеры⁹⁰). Япония демонстративно проводила антиамериканскую политику. В ноябре 1913 г. к берегам Мексики был направлен крейсер «Идзумо», который, по заявлению министра иностранных дел Японии Макино, должен был охранять три тысячи японцев, проживавших в Мексике⁹¹). Государственный департамент заявил Японии протест по поводу поставок оружия Хуэрте. Отвечая на этот протест, Макино указал, что контракты на

⁸⁵) Ibid., p. 349.

⁸⁶) «The Far East», Tokio, 1912, Nr. 11, p. 275—276.

⁸⁷) «Congressional Record», vol. 48, part 10, p. 10045.

⁸⁸) Ibid., p. 10046.

⁸⁹) «Китай и Япония», 1912, № 87, стр. 8.

⁹⁰) R. C u g g y. Op. cit., p. 131.

⁹¹) «Китай и Япония», 1914, № 179, стр. 49.

поставку оружия подписаны японскими фирмами публично и поэтому правительство Японии не имеет права их аннулировать. Правда, Макино обещал попытаться «предотвратить перевозку оружия» из Японии в Мексику⁹²).

Обострение японо-американских отношений использовалось милитаристскими кругами обеих стран для шовинистической и военной пропаганды и гонки вооружений. В 1914 г. в Японии была опубликована книга Тацукава (Ото Генкацу) «Будущая война между Америкой и Японией». Автор считал японо-американскую войну неизбежной⁹³). В это же время в США появилось много книг и статей под заголовками: «Расовая война на Тихом океане», «Японский кризис», «Игра с динамитом» и т. д.⁹⁴). В этих книгах также предсказывалась неизбежность японо-американского вооруженного конфликта⁹⁵). Обстановка была настолько напряженной, что в морском министерстве США опасались внезапного нападения Японии на Филиппины.

Правительство Соединенных Штатов Америки в целях борьбы с Японией на Тихом океане ускоренно укрепляло военно-морские базы на Гавайских островах (Пирл-Харбор) и на Аляске. В 1911 г. на оборудование и укрепление Пирл-Харбора было отпущено 2262 тыс. долларов. В американском конгрессе отмечалось, что Пирл-Харбор «вследствие его выдвинутого положения и естественных преимуществ как военно-морской базы практически необходим для нашего флота в любой операции против азиатского государства и для нас представляло бы большую угрозу, если бы она попала в руки врага. Ее следует сделать как можно более неприступной для того, чтобы ее можно было надежно удерживать и чтобы топливо и другие припасы нашего флота и его коммуникации могли сохраняться нетронутыми»⁹⁶). Американские адмиралы планировали соорудить крупную военно-морской базы на Гуме — самом большом острове Марианского архипелага, доказывая, что база даст возможность обеспечить «превосходство Соединенных Штатов на Востоке» и позволит держать под угрозой удара американского флота Японию⁹⁷). Министерство военно-морского флота США энергично готовилось к перебазированию значительных военно-морских сил с Атлантического в Тихий океан, которое предполагалось

⁹²) R. Curry. Op. cit., p. 131.

⁹³) См. «Вестник Азии», 1914, № 30, стр. 31—33.

⁹⁴) См. F. Dulles. Forty Years of American — Japanese Relations. New York — London, 1937, p. 107.

⁹⁵) Американский автор Клиnard считает, что Соединенные Штаты и Япония в 1912—1913 гг. находились «на грани войны». См. O. Clinard. Op. cit., p. 89.

⁹⁶) Ibid., p. 65.

⁹⁷) S. Livermore. American — Base Policy in the Far East 1850—1914. «The Pacific Historical Review», 1944, Nr. 2, p. 131—132.

осуществить после вступления в строй Панамского канала. В январе 1914 г. министр военно-морского флота Даниэльс, ссылаясь на сложившиеся на Тихом океане условия, добился от сенатской комиссии по военно-морским делам экстренного выделения значительных сумм для строительства сухого дока на Тихоокеанском побережье США⁹⁸).

В 1913 г. правительство Соединенных Штатов предприняло меры для укрепления Аляски и использования ее угольных залежей (по реке Беринга и в Матанаска) для снабжения военно-морского флота. Намечалось строительство железной дороги и грунтовых дорог от залива Аляски до реки Юкон. В связи с обострением японо-американских отношений президент Вильсон настаивал на быстрейшем укреплении Аляски, указывая, что это «очень неотложные и очень необходимые меры»⁹⁹). Из стратегических соображений правительство внесло в конгресс законопроект о строительстве железной дороги на Аляске за счет государственных средств. При обсуждении законопроекта в палате представителей депутат от Аляски Джеймс Викаршем заявил, что «существует неотложная необходимость создать военно-морскую базу на Аляске, и железная дорога, предусматриваемая в данном законопроекте, является первым звеном в этом большом предприятии по обороне нашей тихоокеанской границы»¹⁰⁰).

Вильям Хамфри, депутат от Вашингтона, еще более четко определил военное значение Аляски в осуществлении агрессивных замыслов американского империализма на Тихом океане. «Аляска это место, где мы сегодня,— говорил Хамфри,— больше чем в других местах нуждаемся в новой военно-морской станции... Линейный флот на Аляске находится в значительно лучшем положении для нападения на противника на Востоке, чем флот на Гавайях. Это значительно лучшее место для защиты побережья Соединенных Штатов. Оно занимает лучшее положение для перехвата флота с Востока. Уже только из-за военно-морских целей строительство железной дороги на Аляске полностью оправдывается»¹⁰¹). В марте 1914 г. Вильсон подписал закон, дававший право правительству США строить и эксплуатировать железные дороги на Аляске. Несколько месяцев спустя было принято решение передать в распоряжение военно-морского ведомства 12500 акров угольных месторождений по реке Беринг и в Матанаска¹⁰²).

Военно-морское министерство Соединенных Штатов пыталось получить базы для американского военно-морского

⁹⁸) O. Clinard. Op. cit., p. 109—110.

⁹⁹) Ibid., p. 110.

¹⁰⁰) Ibid., p. 111.

¹⁰¹) Ibidem.

¹⁰²) Ibid., p. 112.

флота на побережье Китая. В 1912—1914 гг. в американской иностранной прессе публиковались сообщения о том, что правительство США вело переговоры с Китаем относительно покупки или аренды островов Чжоушань, расположенных к югу от Шанхая¹⁰³). Указывалось, что США согласились уплатить за эти острова до 100 млн. долларов¹⁰⁴).

Летом 1914 г. в газете «Пекин дейли нюс» был опубликован текст договора, подписанного 9 марта 1914 г. между «Беттлхем стил компани» и морским министерством Китая о сооружении военно-морской верфи и укреплений в Фукине и на побережье провинции Фуцзянь около Фучжоу. Американская компания для данной цели обязалась дать Китаю пятипроцентный заем в 30 млн. американских долларов сроком на 30 лет. Строительство верфи и укреплений должно было осуществляться под руководством американских инженеров¹⁰⁵). Когда сведения о соглашении просочились в печать, это вызвало большое недовольство в Японии. Газета «Дзи-дзи симпо» в № 2099 за 1914 г. выражала опасения, что «это дело даст повод к международным осложнениям между Японией, Китаем и Америкой»¹⁰⁶). Японский посланник в Пекине Ямадза заявил протест китайскому министру иностранных дел в связи с попыткой китайского правительства устроить в Тайваньском проливе морскую базу на иностранные капиталы¹⁰⁷). Газета «Дзи-дзи симпо» писала, что «Могущественный флот, имея в качестве морской базы вышеозначенный порт, властвовал бы над восточными морями»¹⁰⁸). Японские военно-морские круги требовали значительного увеличения расходов на строительство флота. Они доказывали, что если Япония не увеличит свою морскую программу, то в 1917 г. она будет иметь всего 13 линейных кораблей против 33 американских¹⁰⁹).

Демократические силы в Китае активно боролись против опиумокурения и ввоза опиума, который со времени опиумных войн середины XIX века находился в руках английских торговцев. Прогрессивная общественность ряда стран резко осуждала опиумокурение и опиумную торговлю. В силу названных причин в январе 1908 г. между правительствами Великобритании и Китая было достигнуто соглашение, оформленное в виде обмена нот, по которому предусматривалось в течение 10 лет прекратить ввоз опиума из Индии в Китай пу-

¹⁰³) «Китай и Япония», 1912, № 113, стр. 37 и № 118, стр. 17.

¹⁰⁴) S. Livermore. Op. cit., p. 134.

¹⁰⁵) Американские дипломаты отрицали существование этого договора. См. J. MacMurray. Op. cit., v. II, p. 1236—1237.

¹⁰⁶) Журн. «Дальний Восток». (Сведения из периодической печати), Иркутск, 1914, № 16, стр. 33.

¹⁰⁷) Там же.

¹⁰⁸) Там же, стр. 34.

¹⁰⁹) «The Japan Magazine», 1914, Nr. 12, p. 709.

тем ежегодного сокращения ввоза на 10%. Пошлины на ввозимый опиум увеличивались на 100%. Подобное решение вопроса не могло удовлетворить ни китайский народ, ни мировую прогрессивную общественность, так как искоренение торговли опиумом затягивалось на многие годы, кроме того оставался незапрещенным ввоз опиума из других стран и не были определены меры борьбы с контрабандной торговлей опиумом.

Правительство США и различные американские организации в Китае приняли активное участие в кампании по искоренению торговли опиумом, рассчитывая подобным путем укрепить американское влияние в Китае. В начале 1909 г. при активном участии американских миссионеров в Шанхае была созвана международная опиумная конференция, на которой приняли резолюцию, призывавшую в возможно более короткий срок искоренить опиумную торговлю и опиумокурение. Делегаты конференции обязывались воздействовать на свои правительства и добиваться заключения соглашений о прекращении торговли опиумом. В декабре 1909 г. президент Тафт в своем годичном послании конгрессу отмечал, что «Китай делает замечательные усилия по искоренению опиумного зла» и выражал надежду, что «заинтересованные правительства» из-за коммерческих интересов не будут препятствовать проведению мер, направленных на прекращение торговли опиумом¹¹⁰). В январе 1911 г. правительство США внесло в конгресс законопроект, запрещающий гражданам США заниматься опиумной торговлей в Китае¹¹¹).

Шанхайская опиумная конференция не дала результатов. Английские фирмы продолжали ввозить в Китай опиум в больших количествах. Тогда по предложению правительства Соединенных Штатов Америки в Гааге была созвана международная опиумная конференция, заседавшая с 1 декабря 1911 г. по 23 января 1912 г.¹¹²). На конференции была выработана международная опиумная конвенция, на основе которой разрешалась торговля опиумом только в медицинских целях. Предусматривались меры, направленные на запрещение ввоза опиума в Китай и запрещение торговли опиумом на арендованных территориях Китая. Конвенция была подписана представителями 12 государств (Великобритании, Германии, США, Китая, Франции, Италии, Японии, Голландии, Персии, Португалии, России, Сиам). Конвенция подлежала ратификации после того, как к ней присоединятся другие государства¹¹³).

¹¹⁰) «F. R.», 1912, p. 182.

¹¹¹) Ibid., p. 183.

¹¹²) «F. R.», 1912, p. 196—204.

¹¹³) J. M а с М и г г а у. Op. cit., v. II, p. 931—940.

В декабре 1912 г. правительство Китая издало декрет, запрещающий продажу и курение опиума на территории Китайской республики. В ответ на это представители крупных английских фирм, занятых торговлей опиумом, обратились к китайским властям и английскому посланнику в Пекине с требованием добиться разрешения на продажу больших запасов опиума, ввезенных в Китай до издания декрета¹¹⁴). При поддержке английского правительства, союз торговцев опиумом Шанхая настоял на подписании соглашения, по которому Китай обязался добиться прекращения нелегальной торговли опиумом и тем самым обеспечить сбыт опиума, принадлежавшего английским фирмам. Под тем предлогом, что Китай не выполнил данное обязательство, Великобритания в январе 1917 г. навязала китайскому правительству новое неравноправное соглашение, по которому последнее обязалось выкупить нераспроданные запасы опиума, оставшиеся на складах английских фирм на сумму более 17 млн. шанхайских таэлей. Ратификация противоопиумной конвенции затянулась, и она вступила в силу лишь после окончания первой мировой войны¹¹⁵). Тем не менее правительство Соединенных Штатов, выступив инициатором в деле запрещения торговли опиумом, сумело нажить на этом некоторый политический капитал.

Известную роль во взаимоотношениях тихоокеанских государств играл вопрос о регулировании котикового промысла, который рассматривался в течение многих лет. Еще в 1897 г. на конференции представителей России, США и Японии было принято решение запретить охоту на котиков в открытом море. Но соглашение не вступило в силу из-за сопротивления Канады и Великобритании, которое было вызвано тем, что предприниматели этих двух стран имели крупные капиталовложения в котиковый промысел. Центром мировой торговли котиковыми шкурками являлся Лондон. В вопросе о запрещении котикового промысла в открытом море интересы Соединенных Штатов Америки и России совпадали, так как подобная охота приводила к резкому уменьшению количества котиков на котиковых лежбищах Прибыловых и Командорских островов, из которых первые принадлежали США, а вторые России.

Царское правительство предпринимало настойчивые попытки достичь международного соглашения о регулировании котикового промысла в связи с тем, что с течением времени увеличивалось хищническое истребление котиков в Охотском и Беринговом морях, где браконьерствовали японские, канадские и американские охотники. В Японии в начале XX века занималось промыслом котиков в открытом море около 40 су-

¹¹⁴) «Китай и Япония», 1913, стр. 25—27.

¹¹⁵) См. «Международная жизнь», 1925, № 4—5, стр. 75.

дов, причем до 1909 г. владельцы этих судов получали правительственную субсидию¹¹⁶). В ежегодном послании президента Т. Рузвельта, направленном конгрессу в декабре 1906 г., ставился вопрос о необходимости быстреешего заключения международной конвенции по охране котиков и отмечалось, что процесс истребления котиков за последние годы был ускорен развитием японского хищнического промысла¹¹⁷).

В конце 1910 г. царское правительство предприняло попытку привлечь Японию к совместному выступлению перед Великобританией и Канадой по вопросу заключения котиковой конвенции. В ответ на соответствующее предложение русского посла в Токио, министр иностранных дел Японии Комура заявил: «Япония не отказывается от участия в международной конференции для выработки общих мер для охраны котиковой породы от истребления в открытом море. Однако, так как за последнее десятилетие промысел этот достиг в Японии значительного развития, то принимать на себя инициативу в этом отношении Японское правительство не считает для себя возможным»¹¹⁸).

Летом 1911 г. в Вашингтоне состоялась международная конференция, созванная по инициативе России и США, в которой приняли участие Япония и Канада. 7 июля 1911 г. была подписана сроком на 15 лет так называемая котиковая конвенция, запрещающая охоту на котиков и бобров севернее 30° северной широты в морях — Беринговом, Охотском и Японском. Конвенция была ратифицирована всеми участниками соглашения и вступила в силу.

Большую роль в развитии русско-американских отношений в предвоенные годы сыграл вопрос о пересмотре торгового договора. Объем русско-американской торговли был относительно невелик. В 1907—1909 гг. ежегодный ввоз американских товаров в Россию оценивался в 64,2 млн. рублей. За эти же годы ежегодный вывоз русских товаров в США оценивался в 7,9 млн. рублей¹¹⁹). В 1910 г. из США в Россию было ввезено товаров на 17829 тыс. долларов, а из России в Соединенные Штаты на 17377 тыс. долларов¹²⁰). За период с 30 июня 1913 г. по 30 июня 1914 г. американский ввоз в Россию составил сумму в 35135 тыс. долларов, а вывоз из России в США за это же время определялся в 23 437 тыс. дол-

¹¹⁶) ЦГАДВ, ф. 702, ж. 6, д. 162, лл. 190—191. Депеша Малевского-Малеви́ча из Токио, 16/3 декабря 1910 г.

¹¹⁷) АВПР, Японский стол, д. 910, л. 110.

¹¹⁸) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 6, д. 162, л. 190. Депеша Малевского-Малеви́ча из Токио, 16/3 декабря 1910 г.

¹¹⁹) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 7, д. 474, л. 6. Министр торговли и промышленности Тимашев в Совет министров, 23/10 декабря 1911 г.

¹²⁰) «Материалы к пересмотру русско-американского торгового договора» СПб, Вып. I, 1912, стр. 13.

ларов¹²¹). Товарооборот между портами русского Дальнего Востока и США составил в 1910 г. 2 млн. долларов. Из Соединенных Штатов Америки в Россию ввозились: хлопок, каучук, сельскохозяйственные и швейные машины и различные металлические изделия. Из России в США вывозились: кожа, лен, шерсть, пушнина, пшеничный спирт, марганцевая руда, солодковый корень и т. д.

В течение восьмидесяти лет торговые взаимоотношения между Россией и Соединенными Штатами Америки регулировались договором 1832 г., который был основан на принципах наибольшего благоприятствования. В начале XX века между правительствами США и России начались трения, вызванные повышением ввозных пошлин на некоторые русские товары и требования пересмотра торгового договора. В 1901 г. американское правительство установило дополнительную пошлину на ввозимый в Соединенные Штаты Америки русский сахар. В ответ на это царское правительство повысило ввозные тарифы на американские изделия из железа, чугуна и стали. Тогда американские власти повысили пошлины на нефтепродукты, вырабатывавшиеся в Англии из русской нефти. В свою очередь в России были повышены тарифы на американские велосипеды, канифоль и некоторые другие товары¹²²).

Вскоре выяснилось, что повышение таможенных ставок нанесло больший ущерб американской торговле, чем русской, и правительство США поставило вопрос об отмене повышенных тарифов. Ослабленная войной с Японией царская Россия вынуждена была пойти на уступки Соединенным Штатам, и в сентябре 1905 г. было издано распоряжение об отмене повышенных пошлин на американские товары, ввозившиеся в Россию. В 1909 г. в США был утвержден новый таможенный тариф (Пэйна-Олдрича), по которому в интересах крупных монополий повышались пошлины на хлопчатобумажные ткани и некоторые другие товары. В связи с этим правительство США вновь поставило вопрос о пересмотре русско-американского торгового договора. Однако опасения того, что односторонние действия в этом вопросе могут нанести ущерб американской торговле, заставили президента Тафта издать распоряжение о применении американских минимальных тарифов к русским товарам, ввозившимся в США¹²³).

В американском конгрессе между лидерами демократов и республиканцев, а также внутри республиканской партии шла острая борьба по вопросам таможенной политики. Республи-

¹²¹) «Бюллетень справочной части по внешней торговле», 1914, № 31.

¹²²) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 7, д. 474, лл. 4—5. Министр торговли и промышленности Тимашев в Совет министров, 23/10 декабря 1911 г.

¹²³) АВПР. Канцелярия, 1910, д. 173, л. 5. Телеграмма Розена из Вашингтона, 14/1 февраля 1910 г.

канцы, стремившиеся укрепить свое влияние среди фермеров, настойчиво добивались отмены закона Пэйна-Олдрича и понижения ввозных таможенных тарифов, доказывая, что это приведет к понижению цен на промышленные товары. В таких условиях вновь всплыл вопрос о пересмотре торгового договора с Россией, причем на этот раз боссы правящих партий Соединенных Штатов использовали его в целях политической борьбы. В марте 1911 г. представители демократической партии в конгрессе внесли законопроект о денонсации торгового договора с Россией, якобы, из-за тех ограничений, которым подвергались американские граждане-евреи в царской России¹²⁴). Предложение было внесено в то время, когда уже фактически началась избирательная кампания в связи с предстоявшими в 1912 г. очередными президентскими выборами и выборами в конгресс. Авторы законопроекта рассчитывали подобным путем привлечь на свою сторону голоса евреев-избирателей.

Американский посол в России Рокхиль выступал против расторжения русско-американского торгового договора, указывая, что этот акт может создать затруднения для американской политики на Дальнем Востоке¹²⁵). Однако в условиях предвыборной кампании, правительство Тафта не решилось открыто выступить против предложения о денонсации русско-американского торгового договора, хотя в беседах с русским послом в Вашингтоне Бахметьевым Тафт и Нокс высказывали свое отрицательное отношение к разрыву торгового договора и обещали принять меры к тому, чтобы не допустить его¹²⁶). В декабре 1911 г. законопроект о денонсации торгового договора с Россией обсуждался в американском конгрессе и был принят палатой представителей¹²⁷). 17 декабря 1911 г. американский посол в Петербурге передал министру иностранных дел России ноту, в которой правительство США заявляло о том, что русско-американский торговый договор теряет силу с 1 января 1913 г. В ноте отмечалось, что договор 1832 г. «...во многих отношениях уже не отвечает полностью требованиям политических и материальных отношений между обеими странами». В этой же ноте правительство Соединенных Штатов предлагало «...возобновить усилия к выработке нового договора о дружбе, торговле и мореплавании на основах, более отвечающих интересам обеих правительств»¹²⁸).

¹²⁴) «М. О.», серия II, т. XIX, ч. I, стр. 129 (примечание).

¹²⁵) «The Shaping of American Diplomacy», Chicago, 1956, p. 494. Рокхилл Ноксу, 30 января 1911 г.

¹²⁶) «М. О.», серия II, т. XIX, ч. I, стр. 202. Посол в Вашингтоне министру иностранных дел, 16/3 декабря 1911 г.

¹²⁷) «Congressional Record», vol. 48, part 1, p. 311—315.

¹²⁸) «М. О.», серия II, т. XIX, ч. I, стр. 202.

Министр иностранных дел Сазонов в письме Бахметьеву отмечал, что правительство России «...остается при несомненном убеждении, что с его стороны не было допущено нарушений трактата 1832 г., что с точки зрения наших интересов настоятельной надобности в пересмотре сего трактата не имеется и что посему оно не намерено самостоятельно выставлять каких-либо предложений или проектов, относящихся к новому договору, а будет выжидать вышеуказанных предложений американского правительства»¹²⁹).

Односторонний разрыв русско-американского торгового договора правительством США вызвал полемику в русской прессе. Орган кадетов газета «Речь» осуждала царское правительство за то, что последнее не смогло разрешить этот вопрос в обоюдных интересах как Соединенных Штатов, так и России, и указывала, что «Дружба с Америкой есть задача всей нашей политики, особенно политики на Дальнем Востоке»¹³⁰). Официозное «Новое Время» поместило статью, в которой осуждался односторонний акт правительства США, разорвавшего торговый договор с Россией. «Новое время» доказывало, что из русско-американской торговли большие выгоды извлекали США, а не Россия, так как, по данным газеты, «за последние 13 лет» в Россию было ввезено американских товаров на 721 млн. рублей, а русских товаров в США всего на 76 млн. рублей¹³¹).

Царское правительство приняло решение добиваться заключения нового торгового договора с Соединенными Штатами Америки не на «принципе конвенционных ставок», «а на базе взаимного и притом возможно широкого наибольшего благоприятствования»¹³²). На случай осложнения в дальнейшем развитии русско-американских торговых связей Совет министров России наметил меры по увеличению посевов хлопка в Средней Азии, так как русская хлопчато-бумажная промышленность в значительной степени зависела от импортируемого из США хлопка¹³³).

В августе 1912 г. государственный секретарь США Нокс предложил, чтобы до выработки нового торгового договора Россия и Соединенные Штаты поддерживали торговые связи на ранее применявшихся принципах наибольшего благоприятствования. Министр торговли и промышленности России согласился с данным предложением¹³⁴). Однако американ-

¹²⁹) «М. О.», серия II, т. XIX, ч. I, стр. 312. Министр иностранных дел послужил в Вашингтоне Бахметьеву, 11 января 1912 г./29 декабря 1911 г.

¹³⁰) «Речь», 6 декабря 1911 г.

¹³¹) «Новое время», 10 декабря 1911 г.

¹³²) «М. О.», серия II, т. XX, ч. II, стр. 142 (примечание).

¹³³) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 7, д. 474, лл. 101—103. Особый журнал Совета министров, 25/12 января 1912 г.

¹³⁴) «М. О.», серия II, т. XX, ч. II, стр. 45. Черновой проект доверительного письма Нокса. ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 7, д. 474, л. 238. Письмо Тимашева от 17/4 ноября 1912 г.

ское правительство в конечном итоге отказалось от принципа наибольшего благоприятствования, сославшись на обязательство президента «не заключать с Россией никаких временных условий или соглашений» до заключения торгового договора. Правда, правительство США согласилось с 1 января 1913 г. взимать с русских товаров, ввозившихся в Соединенные Штаты, минимальные пошлины, при условии, что американские товары, экспортируемые в Россию, будут пользоваться такой же льготой. Но правительство США отказалось представить русским гражданам права наибольшего благоприятствования в торговле, промышленности и мореплавании. Царское правительство приняло американские предложения и решило в дальнейшем занять по этому вопросу «выжидательное положение»¹³⁵). Трения, вызванные денонсацией русско-американского торгового договора, существенно не сказались на объеме торговли двух стран, но отрицательно повлияли на русско-американские отношения на Дальнем Востоке, где сталкивались политические интересы Соединенных Штатов Америки и царской России.

Выход американской банковской группы из консорциума (март 1913 г.) и заявление английского правительства о том, что оно сохраняет свободу рук в деле предоставления Китаю промышленных займов (сентябрь 1913 г.) вызвали новый натиск на Китай со стороны монополистических группировок различных стран, включившихся в борьбу за получение концессий. В марте 1914 г. русский посланник в Пекине писал в министерство иностранных дел: «За последние несколько месяцев замечается чрезвычайное, и давно невиданной в Пекине степени оживление погони за железнодорожными и другими концессиями со стороны предпринимателей различных соперничающих между собой национальностей»¹³⁶).

Правительство Юань Ши-кая, нуждавшееся в деньгах и поддержке великих держав, шло на уступки домогательствам монополистического капитала. В декабре 1913 г. было подписано предварительное соглашение между английской фирмой «Паулинг и К^о» и Китаем о займе для постройки железной дороги протяженностью в 1300 км, которая планировалась от города Шаши, расположенного на реке Янцзыцзян, на юго-западе через Чандэ и Гуйян до Синьи. Окончательное соглашение об условиях финансирования дороги было подписано в июле 1914 г. Фирма «Паулинг и К^о» предоставила заем в 10 млн. фунтов стерлингов сроком на 40 лет. Кроме 5% годовых фирма должна была получить одновременно 7% от всей суммы займа в качестве комис-

¹³⁵) Там же, л. 281, Особый журнал Совета министров от 13 марта/28 февраля 1913 г.

¹³⁶) «М. О.», серия III, т. I, стр. 307. Крупенский Сазонову, 24/11 марта 1914 г.

сионных. По условиям контракта Англия получала преимущественное право на снабжение дороги железнодорожным оборудованием. Все материалы и оборудование, ввезенные из-за границы и из провинций Китая для постройки названной дороги, освобождались от ликина и других сборов¹³⁷).

В марте 1914 г. Британо-Китайская корпорация подписала соглашение с правительством Юань Ши-кая, по которому корпорация предоставляла пятипроцентный заем в 8 млн. фунтов стерлингов сроком на 45 лет для строительства железной дороги Нанкин — Наньчан с рядом веток. По условиям соглашения, дорога должна была сооружаться и эксплуатироваться под контролем английских специалистов¹³⁸).

В январе 1914 г. представитель французского Промышленного банка Китая и правительство Юань Ши-кая подписали соглашение о пятипроцентном займе в 600 млн. франков сроком на 50 лет для строительства железных дорог в юго-западных провинциях Китая. Планировалось построить железную дорогу от Ямчжоу, расположенного на побережье Южно-Китайского моря в провинции Гуандун, на северо-запад через Наньнин и Босэ до Чунцина¹³⁹). Предполагаемая линия должна была соединиться с действовавшей там французской железной дорогой Хайфон — Юньнань.

В марте 1914 г. Япония, используя соглашение от 5 октября 1913 г., добилась выгодных для себя условий относительно постройки железных дорог в Южной Маньчжурии: 1) от Сыпина да Таонаня и 2) от Цицилия (Гирина) до Хориена и вскоре приступила к их сооружению¹⁴⁰). В июне 1914 г. Германия подписала с Китаем дополнительное соглашение о строительстве на немецкие капиталы железных дорог в Шаньдунской провинции. Царское правительство добивалось сохранения за Россией преимущественного права на строительство линии Благовещенск — Харбин с веткой на Цицикар и некоторых других, более коротких железнодорожных веток, которые должны были бы примыкать к КВЖД¹⁴¹).

Кроме перечисленных договоров относительно железнодорожного строительства, империалисты навязали центральному правительству Китая и провинциальным властям в 1914 г. ряд других соглашений и контрактов относительно железнодорожного строительства, займов и эксплуатации природных богатств.

Мировая война привела к тому, что большинство из этих соглашений не были осуществлены и остались на бумаге.

¹³⁷) J. MacMurray. Op. cit., v. II, p. 1130—1143.

¹³⁸) Ibid., p. 1113—1121.

¹³⁹) Ibid., p. 1099—1108.

¹⁴⁰) «Вестник Азии», 1914, № 23—24, стр. 109.

¹⁴¹) «М. О.», серия III, т. I, стр. 306. Сазонов Крупенскому, 14/1 марта 1914 г.

Однако ажиотаж, охвативший монополистические круги великих держав в связи с новым натиском на Китай, привел к обострению международной напряженности на Дальнем Востоке¹⁴²). Французская железнодорожная концессия на постройку железной дороги Ямчжоу — Чунцин срывала планы английского правительства относительно проведения сплошного рельсового пути от Шанхая до северных границ Бирмы. Япония выступала против попыток Великобритании соединить железнодорожным путем Нанкин с линией Кантон — Ханькоу и построить железную дорогу в провинции Жэхэ. Большое недовольство Великобритании и Японии вызывало распространение германского экономического и политического влияния за пределы Шаньдунской провинции, особенно в связи с поставками оружия правительству Юань Ши-кая.

В феврале 1914 г. было подписано соглашение между американским трестом «Стандарт ойл оф Нью Йорк» и Китаем о разведке и эксплуатации нефтяных залежей в провинциях Чжили и Шэньси. По условиям договора, разведку нефти проводила за свой счет компания Стандарт ойл. В случае благоприятных результатов предполагалось создание смешанной американско-китайской компании с капиталом в 15 млн. американских долларов для добычи и переработки нефти. 55% капитала должна была дать Стандарт ойл, 37,5% акций компании подлежало продаже китайским гражданам, а 7,5% акций должно было купить китайское правительство. Компания на 60 лет получала монопольное право на добычу нефти и продажу нефтепродуктов в названных провинциях¹⁴³). Против передачи монопольного права на эксплуатацию нефти американской компании протестовали китайские предприниматели, имевшие в Шэньси небольшие предприятия по продаже и переработке нефти. Японское правительство заявило официальный протест Китаю по поводу концессии, полученной Стандарт ойл¹⁴⁴).

С приближением мировой войны международная обстановка на Дальнем Востоке все больше усложнялась. Основным противоречием здесь продолжал оставаться японо-американский антагонизм. Несмотря на дальнейшее обострение японо-американских противоречий, порожденных экономическим и политическим соперничеством на Тихом океане, ни та ни другая сторона не имели необходимых условий для того, чтобы попытаться разрешить эти противоречия военным путем. В июне 1913 г. был возобновлен на очередное пяти-

¹⁴²) См. «М. О.», серия III, т. I, стр. 296, 307—309, а также «Китай и Япония», 1914, № 189, стр. 32.

¹⁴³) J. MacMurray. Op. cit., v. II, p. 1109—1111.

¹⁴⁴) «Вестник Азии», 1914, № 23—24, стр. 107—108.

летие арбитражный договор, подписанный Соединенными Штатами Америки и Японией 5 мая 1908 года.

В августе 1914 г. для торгового судоходства был открыт Панамский канал, входы в который как со стороны Тихого, так и со стороны Атлантического океана были надежно укреплены. Панамский канал дал США возможность быстро перебрасывать военно-морской флот из Атлантического в Тихий океан и наоборот. В то же время канал значительно сократил морской путь от промышленных центров Атлантического побережья США к берегам Китая и Японии, что поднимало конкурентоспособность американских товаров на рынках Дальнего Востока. Рост военно-морского флота, строительство военных баз и открытие Панамского канала привели к тому, что военно-политические и экономические позиции США на Дальнем Востоке значительно укрепились по сравнению с предшествующим периодом. Не лишен интереса тот факт, что открытие Панамского канала привело к повышению стоимости акций американских предприятий, оперировавших в странах Тихого океана.

ГЛАВА IX

ВЛИЯНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНУЮ ПОЛИТИКУ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ. ЯПОНСКАЯ АГРЕССИЯ В КИТАЕ в 1915 г.

1. Начало первой мировой войны на Дальнем Востоке

Первая мировая война была порождена всей системой противоречий, охвативших империалистические государства. Буржуазные историки, как правило, придерживаются того взгляда, что причины, вызвавшие мировую войну, находились в Европе. В работах буржуазных авторов ответственность за возникновение империалистической войны возлагается либо на Германию, либо на Англию и Францию, либо на царскую Россию. В соответствии с политическими симпатиями авторов, подчеркивается агрессивная политика одних государств, а захватническая политика других оправдывается. Несомненно, что антагонизм между европейскими государствами, прежде всего между Англией и Германией, носил наиболее острый характер, и поводом для возникновения войны явился европейский конфликт, но нельзя не учитывать того факта, что противоречия, приведшие к войне, охватывали весь мир.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что империалистическая война явилась результатом борьбы за передел колоний, за рынки сбыта и сферы приложения капитала. Именно с этой целью создавались различные «мирные союзы», которые «...подготавливают войны и в свою очередь вырастают из войн, обуславливая друг друга, рождая перемену форм мирной и немирной борьбы из одной и той же почвы империалистических связей и взаимоотношении всемирного хозяйства и всемирной политики»¹⁾.

Накануне мировой войны основными империалистическими противоречиями были англо-германские. Англо-германское экономическое, колониальное и военно-морское соперничество усиливалось с каждым годом. Одновременно с этим росли противоречия между другими империалистическими государствами, в частности между Россией и Австро-Венгрией. Англия и Франция были серьезно обеспокоены немецким проникновением на Ближний Восток и в Африку, особенно

¹⁾ В. И. Ленин. Соч., т. 22, изд. 4, стр. 282.

в связи с попытками германского правительства организовать строительство крупных железных дорог. Вслед за строительством Багдадской железной дороги, немецкие монополии настойчиво пытались организовать международный консорциум для строительства железных дорог в центральной Африке. Отмечая усиление экспансии германского капитала в Африке, французский посол в Берлине Жюль Камбон писал, что «активность, развернутая Германией, волнует весь мир»²). Правящие круги США проявляли беспокойство в связи с проникновением Германии в страны Латинской Америки, несмотря на то, что германское правительство одобряло агрессивную политику Соединенных Штатов в Мексике, о чем публично, с трибуны рейхстага, заявил статс-секретарь ведомства иностранных дел Ягов³).

Американский историк Грисуолд пишет: «Как основные, так и ближайшие причины войны были европейскими, влиявшими на Дальний Восток лишь случайно в соответствии с политическими, экономическими и территориальными интересами воюющих держав в этом районе»⁴). Данная оценка роли Дальнего Востока в возникновении войны является слишком односторонней. Дальневосточный узел межимпериалистических противоречий складывался десятилетиями. В последние месяцы кануна первой мировой войны на Дальнем Востоке, как и во всем мире, отмечается резкое обострение империалистических противоречий между великими державами. Это находило свое выражение в японо-американских конфликтах, гонке вооружений, усилении борьбы за господство в Китае.

Американская пресса уделяла большое внимание вопросам экономического и политического проникновения США в Китай. Так, в мартовском номере американского социологического журнала была опубликована статья Ч. Гендерсона «Америка и Китай», в которой автор подводил итоги развитию политических, экономических и культурных связей Соединенных Штатов Америки с Китаем и делал вывод, что американские деловые люди и правительство должны принять решительные меры для упрочения американского влияния в Китае и использовать с этой целью дипломатию, торговлю, филантропию и т. д.⁵). Рост американской экспансии в Китае ухудшал японо-американские отношения. В марте 1914 г. японский посол в Берлине Сугимура в беседе с послом Франции в Германии Жюлем Камбоном говорил о неиз-

²) «D. D. F.», Serie 3, t. X, p. 166—167.

Жюль Камбон министру иностранных дел Франции Думергу, 13 апреля 1914 г.

³) Ibid., p. 364. Жюль Камбон Думергу, 15 мая 1914 г.

⁴) A. Griswold. Op. cit., p. 176.

⁵) См. «American Journal of Sociology», March 1914, Chicago, p. 640—648.

бежности военного столкновения между Японией и США в недалеком будущем⁶).

28 июля 1914 г. Австро-Венгрия начала военные действия против Сербии. 1 августа Германия объявила войну России, а через день Франции. 4 августа в войну против Германии вступила Великобритания. Первая мировая война началась. Вопрос о том, распространится ли война на Дальний Восток и Тихий океан и какой характер она там примет, определялся в значительной степени позицией Японии и Соединенных Штатов Америки. Англия не могла бы рассчитывать на сохранение своих позиций в Восточной Азии, не обеспечив хотя бы нейтралитета двух названных стран. В конце июня 1914 г. министр иностранных дел Великобритании вступил в переписку с Японией относительно позиции последней в случае возникновения войны в Европе. Среди влиятельных военно-бюрократических кругов Японии имелись прогерманские настроения. Но союз с Германией не мог принести должных выгод японскому империализму, так как Германия не обладала значительными силами на Тихом океане. Правящие круги Японии рассчитывали использовать мировую войну для осуществления своих колонизаторских планов в Китае, поэтому японское правительство дало Англии самые категорические заверения в том, что Япония поддержит Великобританию.

В японских газетах различных направлений появились статьи, в которых высказывалась мысль, что в случае вступления Англии в войну, Япония должна выступить на ее стороне. В газете «Иомиури» было опубликовано высказывание министра иностранных дел Като, который заявил, что «если бы участие Англии в войне отразилось на политических интересах Японии на Дальнем Востоке», то Япония выполнила бы «свои союзнические обязательства»⁷). В Англии опасались, что Япония использует вступление в войну для новых захватов в Китае и подрыва там британские позиции. Кроме того, сдерживающее влияние на позицию Великобритании в этом вопросе оказывало правительство США, боявшееся, что совместное участие Англии и Японии в войне против Германии нанесет значительный ущерб американским интересам на Тихом океане. Но в то же время Великобритания нуждалась в поддержке Японии в случае нападения германского флота на колониальные владения Англии в Восточной Азии⁸).

⁶) АВГР. Японский стол, д. 922, лл. 108—109. Малевский-Малевич Сазонову, 30/17 марта 1914 г.

⁷) «М. О.», серия III, т. I, стр. 545. Посол в Токио министру иностранных дел, 3 августа/21 июля 1914 г.

⁸) А. Гальперин. Англо-японский союз, М., 1947, стр. 306—309.

3 августа 1914 г. министр иностранных дел Великобритании телеграфировал британскому послу в Токио Грину, прося последнего довести до сведения японского правительства пожелание Форин-оффис о том, чтобы Япония оказала военную поддержку Англии, если германский флот нападет на Гонконг или Вэйхайвэй⁹⁾. В ответ на это Като заявил, что Япония не объявляет своего нейтралитета, выжидая какую позицию в начавшейся войне займет Великобритания. Като сказал Грину, что Япония окажет немедленную поддержку вооруженным силам Англии в случае нападения Германии на Гонконг или Вэйхайвей и предложил правительству Великобритании вступить в переговоры относительно условий, на которых Япония могла бы объявить войну Германии¹⁰⁾.

Японское правительство стремилось подчеркнуть, что если Япония и вступит в войну, то прежде всего в силу своих союзнических отношений с Англией. Эта формулировка была выгодна, так как она давала возможность Японии потребовать от стран Антанты соответствующей компенсации за свое участие в войне против Германии. Четвертого августа состоялось чрезвычайное заседание японского кабинета министров. Во время заседания была получена телеграмма из Лондона, в которой содержалось сообщение о вступлении в войну Великобритании¹¹⁾. В этот же день было опубликовано заявление японского правительства, в котором, с одной стороны, выражалась надежда, что война не распространится на страны Восточной Азии, но вместе с тем определенно указывалось, что если в войну будет втянута Великобритания, то Япония выполнит свои союзнические обязательства по отношению к Англии, если этого потребуют обстоятельства. Таким образом, Япония упорно подчеркивала, что она выступает как союзник Англии. В ответ на это министр иностранных дел Великобритании Грей заявил японскому послу в Лондоне, что в свое время Япония не обращалась за помощью к Англии во время русско-японской войны, поэтому и английское правительство в свою очередь должно избегать вовлечения Японии «в какую-либо беду»¹²⁾.

Как показали дальнейшие события, правительство Великобритании не было заинтересовано в нейтралитете Японии и данное заявление Грея преследовало цель получить основания для того, чтобы ограничить участие Японии в мировой войне и продемонстрировать перед Соединенными Штатами Америки «непричастность Великобритании к факту вступления Японии в войну. Однако, три дня спустя, когда выясни-

⁹⁾ «В. Д.», v. XI, p. 298.

¹⁰⁾ «В. Д.», v. XI, p. 327—328. Грин Грею, 4 августа 1914 г.

¹¹⁾ T. Takeuchi. Op. cit., p. 168.

¹²⁾ «В. Д.», v. XI, p. 329.

лось, что немецкая Азиатская эскадра может нанести значительный ущерб английскому судоходству, а Австралия отказывается начать операции против германских островов на Тихом океане до тех пор, пока не будут уничтожены военные корабли Германии на Тихом океане, правительство Великобритании вынуждено было попросить поддержки японского военного флота.

6 августа 1914 г. Грей телеграфировал английскому послу в Токио, поручая ему довести до сведения японского правительства просьбу Великобритании о том, чтобы «японцы преследовали и уничтожали немецкие военные корабли в китайских водах», а также вооруженные германские торговые крейсера, которые нападали на английские коммерческие суда. «Это конечно будет означать акт войны против Германии,— писал Грей,— но мы не видим, как этого можно было бы избежать»¹³⁾. Японское правительство, отвечая на просьбу Великобритании, обещало направить соединения своего флота в Корейский пролив для уничтожения германских кораблей и одновременно с этим предложило более широкое участие Японии в войне¹⁴⁾. Япония указала Великобритании, что она готова, основываясь на англо-японском союзном договоре, объявить войну Германии¹⁵⁾ и считает целесообразным занять порт и крепость Циндао. Грей безуспешно пытался ограничить участие Японии в войне операциями против германского флота¹⁶⁾.

Восьмого августа японское правительство приняло решение о вступлении в войну против Германии и, в соответствии с этим, начало подготовительные операции для захвата Циндао, а также направила свои миноносцы для выслеживания японских кораблей. К. Исии отмечает, что премьер Окума, министр иностранных дел Като и подавляющее большинство представителей правящих кругов Японии были решительными сторонниками войны против Германии. К. Исии утверждает, что вступление Японии в войну против Германии объяснялось справедливым характером войны со стороны Антанты, выполнением союзнических обязательств по отношению к Англии, возможностью «свести старые счета с Германией и отплатить ей за унижение во время тройственного вмеша-

¹³⁾ Ibid., v. X, part II, p. 823. Грей Грину, 6 августа 1914 г.

¹⁴⁾ Ibid., 823. Грин Грею, 7 и 8 августа 1914 г.

¹⁵⁾ В данном случае японское правительство преднамеренно давало слишком широкое толкование условиям англо-японского союзного договора 1911 г., в котором предусматривалось оказание взаимной помощи на случай, если одна из договаривающихся сторон «будет вовлечена в войну для защиты своих территориальных прав или специальных интересов», в Восточной Азии.

¹⁶⁾ A. Griswold. Op. cit., p. 182.

тельства¹⁷⁾, а также прогнать Германию из ее базы в Шаньдуне¹⁸⁾. Япония, как и другие империалистические страны, преследовала захватнические цели, и данное высказывание Исии о причинах вступления Японии в первую мировую войну является неуклюжей попыткой их замаскировать.

В августе 1914 г. японское шовинистическое общество «черный дракон» в специальном обращении к японской нации призвало правительство использовать мировую войну для «решения китайского вопроса», т. е. дальнейшего закабаления Китая и указывало, что «такого благоприятного случая может быть не представится в течение тысячи лет»¹⁹⁾. Начальник генерального штаба японской армии писал в октябре 1917 г.: «Наша лучшая политика действия состоит в том, чтобы искусно пользоваться войной с целью создания прочной национальной политики для империи»²⁰⁾.

В связи с началом мировой войны роль Японии на международной арене значительно возросла. Великобритания просила помощи японского флота. Франция и Россия стремились заключить с ней союзный договор. Японский автор Акаги писал, что в первые дни после начала войны Япония заняла такое положение, как будто бы все союзные державы в Европе искали спасения в Токио²¹⁾. 4 августа 1914 г. французский посол в Токио, действуя, якобы, от собственного имени, предложил министру иностранных дел Японии заключить франко-японский союз, однако Като, как пишет Акаги, не отнесся к этому предложению серьезно²²⁾.

Царское правительство считало, что имевшиеся договоры с Японией не обеспечивали должным образом безопасности русских владений на Дальнем Востоке. Поэтому Сазонов еще в июле 1914 г. предложил Великобритании договориться с Японией относительно взаимной гарантии неприкосновенности азиатских владений трех держав²³⁾. После начала мировой войны царское правительство вновь поднимает этот вопрос²⁴⁾. Восьмого августа Сазонов заявил представителю Великобритании в России Бучанану, что наступил момент, ко-

¹⁷⁾ Имеется в виду совместный демарш России, Франции и Германии в апреле 1895 г., в результате которого Японии пришлось отказаться от захваченного по условиям Симонсековского мира Ляодунского полуострова.

¹⁸⁾ И с и К. Дипломатические комментарии, М., 1942, стр. 69.

¹⁹⁾ P. Repouvin. Op. cit., p. 285.

²⁰⁾ H. Borton. Op. cit., p. 279.

²¹⁾ H. Akagi. Op. cit., p. 318.

²²⁾ H. Akagi. Op. cit., p. 318.

²³⁾ «B. D.», v. X, part II, p. 821. Отрывки из частного письма Никольсона Бучанану от 14 июля 1914 г.

²⁴⁾ 7 августа 1914 г. Сазонов писал русскому послу в Лондоне Бенкендорфу, что Э. Грей «сочувственно» отнесся к предложению «заключить англо-русское соглашение, взаимно гарантирующее неприкосновенность наших азиатских владений», поэтому Сазонов решил попытаться договориться с Великобританией и Японией и заключить конвенцию трех госу-

торый надо использовать, чтобы вынудить Японию принять участие в тройственном соглашении. «В настоящее время,— говорил Сазонов,— Англия и Япония являются союзниками по договору, а Англия и Россия союзниками де факто. Положение России по отношению к Японии остается до некоторой степени ненормальным и должно быть поставлено на основе сходной с положением Англии». Присутствовавший при этом посол Франции в России поддержал предложение Сазонова²⁵).

В начале августа 1914 г. Сазонов предложил японскому правительству заключить соглашение с Россией относительно «охраны постоянных интересов России и Японии» на Дальнем Востоке. Сазонов особенно настаивал на том, чтобы вступление Японии в войну сопровождалось обязательствами последней относительно ее целей в войне²⁶). Японское правительство с первых дней возникновения конфликта в Европе занимало по отношению к царской России внешне вполне лояльную позицию. Через 3—4 дня после вступления России в первую мировую войну представитель японского военного министерства заявил военному агенту России в Японии генерал-майору Самойлову, что военное министерство Японии будет всеми мерами содействовать России в войне против Германии и готово помочь русской армии продажей оружия и боеприпасов²⁷). 16 августа военный министр Японии генерал Ахаси в беседе с Самойловым вновь подтвердил готовность Японии помогать России в войне и добавил, что русское правительство может быть спокойным «за сибирскую границу и за порядок в Китае»²⁸).

Япония, таким образом, предложила России помощь вооружением и боеприпасами и дала заверения о безопасности русских дальневосточных границ. Подобная политика японского правительства объяснялась, во-первых тем, что Япония сама собиралась вступить в войну против Германии и, во-вторых, правящие круги Японии надеялись извлечь из подобной политики определенную выгоду. Расчет строился

дарств с целью «сохранения мира в Азии» и обеспечения «территориальных прав и особых интересов договаривающихся сторон в этой части мира». См. «М. О.», серия III, т. VI, ч. 1, стр. 23. Министр иностранных дел послу в Лондоне, 7 августа/25 июля 1914 г.

²⁵) «В. Д.», v. X, part II, p. 821. Бучанан Грею, 8 августа 1914 г.

²⁶) Nakagaki. Op. cit., p. 318. Французский историк П. Ренувен утверждает, что Англия согласилась на вступление Японии в войну «по совету России, которая видела в этом средство обеспечить свое спокойствие на Дальнем Востоке». На наш взгляд, эта точка зрения не мотивирована. Царское правительство добивалось не вступления в войну Японии, а обязательств ее относительно сохранения статус кво на Дальнем Востоке. См. P. Repouvin Op. cit., p. 285.

²⁷) «М. О.», серия III, т. VI, ч. 1, стр. 113. Телеграмма Малевского-Малевица из Токио, 5 августа/23 июля 1914 г.

²⁸) Там же.

на том, что Россия за помощью оружием вынуждена будет пойти на определенные уступки и не препятствовать японской экспансии в Китае. Кроме того, японская дипломатия считала чрезвычайно выгодным для себя отвлечение основных сил России в Европу. Чем больше Россия слабела, увязнув в мировой войне, тем большую свободу рук получала Япония на Дальнем Востоке. Однако попытки Франции и царского правительства добиться японских гарантий неприкосновенности владений Франции и России на Дальнем Востоке не увенчались успехом.

5 августа 1914 г. царский посол в Токио передал в Петроград проект русско-японского соглашения о союзе, состоящий из 4 статей, который, если судить по его содержанию, был составлен в японском министерстве иностранных дел и включал следующие основные положения²⁹⁾: «Ст. 1. Оба правительства подтверждают договоры, конвенции и соглашения, заключенные между ними и сохраняющие в настоящее время свою силу. Ст. 2. Если интересы и права, предусмотренные упомянутыми дипломатическими актами... оказались бы под угрозой, оба правительства договариваются между собой о тех мерах, которые необходимо принять для охраны этих интересов и прав. Ст. 3. Если та или другая из высоких договаривающихся сторон подверглись бы на Дальнем Востоке нападению..., другая сторона должна оказать ей поддержку или при помощи своих армий, или соблюдая самый строгий нейтралитет». В статье 4-й предусматривался порядок введения договора в силу и отмечалось, что он не затрагивает положений англо-японского союзного договора и франко-японского соглашения 1907 г.

Заключение подобного договора было бы выгодным Японии, так как он гарантировал нейтралитет или даже помощь России на случай войны Японии против Китая или Соединенных Штатов Америки. Для России же подобный договор не мог дать существенных выгод, так как взаимная помощь или строгий нейтралитет предусматривались лишь на случай войны на Дальнем Востоке, где на Россию могла в то время напасть лишь Япония. Проект договора не предусматривал никаких обязательств Японии в связи с начавшейся войной России против Германии и Австро-Венгрии, но он мог вовлечь царскую Россию в международные осложнения на Дальнем Востоке, вызванные действиями Японии и поэтому не был принят царским министерством иностранных дел в качестве основы для соглашения. Характерно, что русский посол в Токио в телеграмме от восьмого августа 1914 г. настаивал на подписании договора с Японией, доказывая,

²⁹⁾ См. «М. О.», серия III, т. VI, ч. 1, стр. 11. Посол в Токио министру иностранных дел, 5 августа/23 июля 1914 г.

что Франция ведет переговоры с Японией и в случае подписания союзного соглашения между Францией и Японией положение России на Дальнем Востоке, по мнению Малевско-го-Малевича, могло оказаться «не обеспеченным»³⁰).

Переговоры относительно создания Четверного англо-франко-японо-русского союза, происходившие в августе 1914 г. не привели к конкретным результатам. Такеути пишет, что идея заключения союзных договоров с Россией и Францией пользовалась в Японии поддержкой премьера Окума и членов гэнро³¹), но вскоре выяснилось, что Япония не хотела брать на себя конкретных обязательств, рассчитывая использовать ослабление европейских держав, вызванное войной для установления своей гегемонии на Дальнем Востоке. Союз с Англией обязывал Японию к участию в морских операциях на Тихом океане и давал возможность укрепиться в Шаньдунской провинции; союз с Россией и Францией мог втянуть ее в войну в Европе, что противоречило планам правящих кругов Японии.

Правительство Великобритании считало, что позиции Англии на Тихом океане и в Юго-восточной Азии достаточно обеспечены мощью ее флота и союзом с Японией. Поэтому Э. Грей в вопросе о подписании Четверного соглашения занял уклончивую позицию. 15 августа 1914 г. Э. Грей заявил русскому послу в Токио, что если «Япония объявит войну Германии, английские власти получают немедленно приказ, согласно договору, сговориться с японскими властями, что российское и французское правительство будут безотлагательно об этом осведомлены и что эти правительства будут иметь возможность согласовать свой образ действий с Японией»³²). В правящих кругах Англии считали, что если Япония станет союзником не только Англии, но также Франции и России, то это может ослабить положение Великобритании в блоке стран Антанты.

4 сентября 1914 г. Великобритания, Франция и Россия подписали лондонскую декларацию, по которой они обязались «не заключать сепаратного мира в течение настоящей войны» и «во время мирных переговоров не выдвигать никаких требований без предварительного обмена мнений между союзниками». Сразу же после подписания декларации Э. Грей довел до сведения царского и французского правительств, что Лондонская декларация не может отменить условия англо-японского союзного договора, поэтому правительство Великобритании «должно согласовывать с Японией свой образ

³⁰) «М. О.», серия III, т. VI, ч. I, стр. 99—100 (примечание).

³¹) T. Takeuchi. Op. cit., p. 196.

³²) «М. О.», серия III, т. VI, ч. I, стр. 100. Посол в Лондоне министру иностранных дел, 15/2 августа 1914 г.

действий как во время ведения войны, так и в будущем при заключении мира»³³).

Японский посол в Париже К. Исии советовал своему правительству присоединиться к Лондонской декларации. Но министр иностранных дел Като считал, что Япония, связанная соответствующими обязательствами с Великобританией, сможет отстаивать свои интересы и без присоединения к декларации трех держав³⁴). В то же время Като заверил русского посла в Токио в том, что «Япония не заключит мира с Германией до полного окончания войны на европейском театре военных действий»³⁵). В данном случае правительство Японии считало нецелесообразным связывать себе руки конкретными обязательствами. Войска Германии одерживали временные успехи на европейских театрах сражений, и исход войны был еще не ясен. При таких обстоятельствах Грей и Като предложили Франции и России до окончания войны отложить переговоры о Четверном союзе³⁶).

Правящие круги Соединенных Штатов Америки выражали вполне обоснованные опасения, что вступление Японии в войну на стороне стран Антанты приведет к установлению японской гегемонии на Дальнем Востоке. 4 августа 1914 г. была опубликована прокламация президента Вильсона о нейтралитете США³⁷). Одновременно с этим государственный департамент вступил в дипломатическую переписку с великими державами о сохранении статус кво на Дальнем Востоке и нейтрализации Тихого океана³⁸). Поводом для постановки этого вопроса явилось обращение китайского правительства к Соединенным Штатам от 3 августа 1914 г. с просьбой поддержать предложение Китая и добиться обязательств воюющих сторон не распространять военные операции на китайскую территорию, арендованные районы и территориальные воды Китая³⁹). В это же время правительство Нидерландов, опасавшееся потерять свою колонию Индонезию, подняло вопрос о нейтрализации западной части Тихого океана⁴⁰).

Вопрос о нейтрализации иностранных поселений (сеттль-

³³) «М. О.», серия III, т. VI, ч. 1, стр. 224. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел, 8 сентября/26 августа 1914 г.

³⁴) Исии К. Указ. соч., стр. 79—80.

³⁵) «М. О.», серия III, т. VI, ч. 1, стр. 231. Посол в Токио министру иностранных дел, 9 сентября/27 августа 1914 г.

³⁶) Н. А k a g i. Op. cit. p. 318.

³⁷) Заявление Вильсона о нейтралитете США было передано воюющим странам в период с 4 августа по 6 ноября 1914 г. См. «European War», Nr. 2, Washington, 1915, p. 15—17.

³⁸) A. G r i s w o l d. Op. cit., p. 179.

³⁹) «F. R.», (Lansing Papers), v. 1, p. 1. Меморандум китайской миссии государственному департаменту от 3 августа 1914 г.

⁴⁰) «F. R.» (Lansing Papers), v. I, p. 2.

ментов) в Китае обсуждался дипломатическим корпусом в Пекине, большинство которого высказалось за нейтрализацию всех иностранных поселений за исключением арендованных территорий. 3 августа государственный департамент уполномочил американскую миссию в Пекине участвовать в соглашении относительно нейтрализации иностранных селтльментов в Китае. 7 августа советник государственного департамента Лансинг разработал и направил президенту Вильсону меморандум «О курсе, который следует проводить, чтобы сохранить статус кво в Китае». Кратко изложив историю переговоров по вопросу о нейтрализации Китая и Тихого океана, Лансинг делал вывод о том, что «предложение нейтрализовать любую часть Тихого океана будет отвергнуто некоторыми из воюющих сторон и что следовательно было бы неразумно» пытаться достигнуть такой цели. Лансинг предлагал добиваться нейтрализации договорных портов Китая и обязательства воюющих государств уважать нейтралитет Китая. Кроме того, в меморандуме указывалось, что «сохранение статус кво является наиболее важным для американских интересов», и в связи с этим Лансинг предлагал заручиться обязательством всех воюющих и нейтральных государств, имевших интересы в Китае, сохранять неизменным «статус всех иностранных прав и интересов в Китае»⁴¹).

Лансинг считал, что путем подписания соглашения о статус кво в Китае можно защитить там американские интересы, а заодно сохранить полуколониальное положение Китайской республики. Правительство США не решилось оказать серьезное давление на Японию с целью удержать ее от военных действий на Тихом океане. Это не явилось случайным. Япония была союзником Великобритании, а американский нейтралитет с самого начала войны был проанглийским. Еще накануне войны в американской прессе появлялись высказывания о том, что Соединенные Штаты Америки «для того, чтобы сохранить свою собственную безопасность, должны быть готовыми поддержать Англию» в борьбе против Германии⁴²).

Вскоре выяснилось, что Лансинг, предсказывавший провал планов нейтрализации Тихого океана и Дальнего Востока был прав. Великобритания, претендовавшая на тихоокеанские колонии Германии, отказались поддержать предложение о нейтрализации Тихого океана, но соглашалась признать принцип сохранения статус кво в Китае, а Япония, в свою очередь, не соглашалась на стабилизацию положения в Китае. Только правительство Германии, не имевшее достаточно средств для обороны Циндао и своих тихоокеанских

⁴¹) «F. R.», (Lansing Papers), v. I, p. 1—3.

⁴²) F. Dulles. *America's Rise to World Power 1898—1954*, New York, 1955, p. 62.

владений, 14 августа приняло предложение США⁴³). Переговоры о нейтрализации Дальнего Востока ускорили военное выступление Японии, опасавшейся заключения какого-либо соглашения, которое могло бы явиться препятствием к осуществлению захватнических планов японского империализма в Китае. Вступление Японии в мировую войну было несколько задержано тем, что английские и японские империалисты не смогли быстро договориться о разделе германских дальневосточных колоний. 15 августа 1914 г. японское правительство передало Германии резкую по содержанию ноту, носившую характер ультиматума⁴⁴). Япония требовала немедленно вывести из китайских и японских вод военные корабли и передать Японии не позже 15 сентября 1914 г. арендованную территорию Киаочжоу. Японское правительство предупреждало Германию, что если его «предложения» не будут приняты Германией до 12 часов 23 августа, то Япония «сохраняет за собой право принять все меры, которые она признает необходимыми»⁴⁵).

Посланник Германии в Токио Рекс советовал своему правительству принять японский ультиматум, канцлер Германии Бетман-Гольвег склонен был последовать совету посла, но главное командование флота и армии настояло на том, чтобы оставить ультиматум без ответа. Адмирал Тирпиц пишет, что сражаться с Японией надо было для того, чтобы обеспечить с ней союз в будущем⁴⁶). Дело конечно не в этом. Военная верхушка Германии, исходя из идей «блицкрига», рассчитывала в течение 3—4 месяцев добиться полной победы в Европе и надеялась, что германский гарнизон в Циндао окажется достаточно сильным, чтобы оборонять крепость в течение этого времени.

После получения ультиматума германская дипломатия сделала попытку передать Циндао с арендованной территорией Китаю, оставив за собою право получить этот порт или равноценную арендованную территорию после окончания войны. Китайское правительство согласилось с предложением Германии. Однако Япония и Великобритания потребовали от Китая отказаться от предложения Германии. Тогда правительство Юань Ши-кая, не без участия германских дипломатов, обратилось к правительству Соединенных Штатов с просьбой выступить в качестве посредника и «взять себе права Германии» возвратить арендованную территорию Китаю⁴⁷). Правительство Германии рассчитывало, что пра-

⁴³) A. Griswold. Op. cit., p. 179.

⁴⁴) В памятной записке, переданной японским послом в Петербурге царскому правительству, указывалось, что в данном вопросе Япония действует «по предложению английского правительства». См. «М. О.», серия III, т. VI, ч. 1, стр. 107.

⁴⁵) Там же.

вающие круги США могут соблазниться возможностью сыграть столь большую роль при решении важного вопроса и впадают в конфликт с Японией и Англией, что, несомненно, соответствовало бы интересам Германии. Расчеты германских дипломатов, в данном случае, не оправдались. Государственный департамент отказался удовлетворить просьбу Китая, указав, что подобный шаг скорее «вызовет, чем предотвратит войну»⁴⁸).

23 августа 1914 г. был опубликован рескрипт японского императора об объявлении войны Германии в соответствии с обязательствами по англо-японскому союзу и необходимостью защиты японской торговли, которая, якобы, терпела ущерб от крейсерских операций германских кораблей⁴⁹). На следующий день премьер Японии Окума для того, чтобы обеспечить невмешательство США, обратился с посланием к американскому народу, в котором заявлялось, что Япония не имеет «никаких территориальных претензий» к Китаю⁵⁰).

Вступление Японии в мировую войну произошло в обстановке, когда японо-американские отношения были крайне напряженными. Ф. Даллес писал: США были «настроены не дружелюбно по отношению к Японии и рассматривали с глубоким подозрением каждый шаг, который она делала»⁵¹). В Соединенных Штатах Америки с опасением взирали на перемещение кораблей японского флота к тихоокеанскому побережью американского континента. В это же время в японской прессе появились сообщения о том, что Соединенные Штаты Америки якобы перебрасывают часть американской атлантической эскадры на Дальний Восток⁵²). Государственный департамент счел целесообразным опровергнуть это сообщение. Правительство Великобритании, опасаясь возможности возникновения японо-американского конфликта, направило великим державам меморандум следующего содержания: «Великобританское и Японское правительства, снесясь друг с другом, пришли к заключению, что для обоих необходимо принять меры защиты общих интересов на Дальнем Востоке, которые предусматриваются англо-японским союзом, имея специально в виду, что в этом соглашении ого-

⁴⁶) А. Тирлиц. Воспоминания, М., 1957, стр. 125—126.

⁴⁷) В это же время появились слухи о том, что Германия предлагала Соединенным Штатам Америки купить германскую железную дорогу в Шаньдунской провинции. См. «Вестник Азии», 1914, № 28—29, стр. 120.

⁴⁸) «F. R.», 1914 (Supplement), 173—174. Брайан Макмеррею, 20 августа 1914 г.

⁴⁹) J. Mac Murray. Op. cit., v. II, p. 1153.

⁵⁰) G. Wood. The Shantung Question, New York, Chicago, 1922, p. 46—48.

⁵¹) F. Dulles. Forty Years of American-Japanese Relations, New York—London, 1937, p. 108.

⁵²) «F. R.», 1914 (Supplement), p. 168.

варивается независимость и неприкосновенность Китая. Под этим подразумевается, что действия Японии в Тихом океане не будут распространяться за пределы китайских морей за исключением лишь тех случаев, когда это может оказаться необходимым для защиты японских пароходных линий в этом океане, и за пределы азиатских вод на запад от китайских морей, а также ни на какие бы то ни было иностранные территории, за исключением оккупированной Германией территории на континенте Восточной Азии⁵³).

Обязательство Японии не распространять военные операции своего флота на запад от китайских морей было вскоре нарушено. В сентябре 1914 г. японская эскадра, отправившаяся по просьбе английского морского командования на поиски германских крейсеров, заняла остров Ялуит — наиболее крупный из группы Маршалльских островов. Английский посол в Токио, объясняя причины распространения военных операций японского флота за пределы китайских морей, заявил, что Англия оказалась не в состоянии собственными силами охранять необъятные морские пространства, расположенные между Азией, Америкой и Австралией⁵⁴).

Значительная часть американской прессы требовала от правительства США принятия мер по защите американских интересов на Тихом океане против возможных поползновений Японии. В конгресс был внесен проект резолюции с требованием заявить протест против намерения Японии занять Циндао. Однако президент Вильсон выступил против и заявил, что нет оснований сомневаться в «добросовестности Японии», которая, как утверждал Вильсон, обещала не нарушать неприкосновенность Китая⁵⁵).

Государственный секретарь сообщил японскому послу в Вашингтоне, что внесенная в конгресс резолюция «последствий иметь не будет»⁵⁶). В США великолепно понимали замыслы японского империализма и имели достаточно доказательств относительно агрессивных намерений Японии в Китае. Вскоре после начала войны президент Юань Ши-кай в беседе с американским посланником в Пекине говорил, что Япония имеет «определенный и далеко идущий план использования европейского кризиса для установления контроля над Китаем»⁵⁷), но правительство США не собиралось пред-

⁵³) «М. О.», серия III, т. VI, ч. 1, стр. 124. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел, 19/6 августа 1914 г.

⁵⁴) «М. О.», серия III, т. VI, ч. 1, стр. 407—408. Посол в Токио министру иностранных дел, 17/4 октября 1914 г.

⁵⁵) «М. О.», серия III, т. VI, ч. 1, стр. 118. Телеграмма Бахметьева из Вашингтона, 17/4 августа 1914 г.

⁵⁶) Там же (примечание).

⁵⁷) F. D u l l e s. Forty Years of American — Japanese Relations, New York — London, 1937, p. 103.

принимать серьезных шагов для противодействия японской агрессии, так как правящие круги США надеялись во время войны укрепить позиции американского империализма на Дальнем Востоке, рассчитывая, что участие в войне ослабит Японию и другие великие державы.

15 сентября 1914 г. был подписан американо-китайский арбитражный договор, получивший название договора «О содействии всеобщему миру». Договор предусматривал, что всякие конфликты, возникающие между двумя государствами, в случае если их не удастся урегулировать обычным дипломатическим путем либо посредством обращения к третейскому суду, должны разрешаться специальной комиссией из 5 человек. В данную комиссию должно было войти 2 американца, 2 китайца и один человек по взаимному согласованию двух сторон⁵⁸). Устанавливалась довольно сложная процедура работы комиссии. Государственный департамент, подписывая этот договор, преследовал цель рекламировать США как государство, якобы относившееся к Китаю, как к равной стороне, кроме того, правительство Соединенных Штатов ставило задачу сблизиться с Китаем для борьбы против Японии. После ратификации американским сенатом и правительством Китая договор вступил в силу с 23 октября 1915 г.⁵⁹), но фактически он не применялся до окончания первой мировой войны.

27 августа 1914 г. командующий японским флотом объявил блокаду бухты Киао-Чао, которую к этому времени успели покинуть почти все германские военные корабли — там остались лишь два легких крейсера. Пять дней спустя в Шаньдунской провинции начинают высадку японские воинские части и небольшое подразделение английских войск. Последние были посланы как для контроля за деятельностью японского командования, так и для того, чтобы продемонстрировать видимость совместных действий союзников в Китае⁶⁰). В операциях в Шаньдунской провинции приняло участие 30 тысяч японских солдат и 1350 английских. 3 сентября правительство Китая направило представителям иностранных государств, аккредитованных в Пекине, ноту, в которой указывалось на военные приготовления Японии, Англии и Германии в районе Циндао и объявлялось, что правительство Китая не в состоянии помешать ведению военных операций в области, примыкающей к бухте Киао-Чао, но за пределами этой области Китай брал обязательство принимать все зависящие от него меры для сохранения нейтралитета.

⁵⁸) «F. R.», 1915, p. 41—43.

⁵⁹) Ibid., p. 41.

⁶⁰) Вскоре после занятия Циндао английские солдаты были отозваны из Шаньдунской провинции.

Попытки Китая ограничить военные операции районом, примыкавшим к германской арендованной территории, не имели никакого успеха. Япония и Великобритания не собирались считаться с интересами китайского народа, а правительство Германии даже обвинило правительство Китая в нарушении нейтралитета и заявило, что Китай должен будет нести ответственность за последствия, вызванные действиями японских войск⁶¹). Японское командование спланировало проведение военных действий против крепости Циндао так, что основная тяжесть операций легла на плечи сухопутной армии. Это было не случайно. Правительство Японии хотело сохранить силы флота нетронутыми на случай каких-либо осложнений с Соединенными Штатами. Кроме того, операции с суши давали возможность Японии занять, под предлогом военной необходимости, железную дорогу Циндао-Цзинань и установить свою гегемонию в Шаньдунской провинции.

Правительство Китая 30 сентября 1914 г. заявило официальный протест против оккупации японскими войсками станций, расположенных на Шаньдунской железной дороге⁶²). В ответной ноте правительство Японии утверждало, что оно намерено и имеет право занять железнодорожную линию Циндао — Цзинань потому, что она является германским предприятием⁶³). Правительство Великобритании поддержало Японию⁶⁴). 9 октября китайское правительство передало еще одну ноту протеста против оккупации японскими войсками железной дороги и населенных пунктов Шаньдунской провинции⁶⁵), также оставшуюся без положительного ответа. Китаю пришлось вывести свои войска из района железной дороги, которая перешла под управление японской военной администрации.

В сентябре — октябре 1914 г. германские острова на Тихом океане были заняты военно-морскими силами Японии, Великобритании, Австралии и Новой Зеландии⁶⁶). Крепость Циндао, которую защищало около 5 тысяч немецких солдат, оборонялась до 7 ноября 1914 г.⁶⁷). Военными операциями

61) «М. О.», серия III, т. VI, ч. 1, стр. 300—301. Посланник в Пекине министру иностранных дел, 23/10 сентября 1914 г.

62) J. M а s M u r r a y. Op. cit., v. II, p. 1155.

63) Ibid., p. 1156.

64) Правительство Китая обращалось с просьбой к Великобритании и США не допустить распространения военных действий за пределы Циндао. См. P. C l y d e. Op. cit., p. 176.

65) J. M а s M u r r a y. Op. cit., v. II, p. 1157.

66) Австралийский флот занял архипелаг Бисмарка, Соломоновы острова и германские владения на Новой Гвинее. Острова Самоа заняла Новая Зеландия. Японский флот при поддержке британского захватил Маршалские, Марианские и Каролинские острова.

67) Тирпиц утверждает, что крепость Циндао обороняло 3 500 немецких солдат. См. А. Тирпиц. Указ. соч., стр. 126.

против Циндао и захватом Маршалльских, Маринских и Каролинских островов фактически и ограничилось участие Японии в первой мировой войне. Потеряв около 2 тысяч человек в военных операциях, Япония намного укрепила свои военно-политические позиции на Дальнем Востоке. 19 ноября 1914 г. было опубликовано распоряжение японской администрации об управлении бывшей германской арендованной областью Киао-Чао (Цзяочжоу)⁶⁸). Вся экономическая и политическая жизнь области переходила под контроль японских оккупационных властей, которым передавалась административная власть и право облагать гражданское население налогами. Затем под контроль японской военной администрации были переданы таможенные учреждения порта Циндао. Все права и привилегии, захваченные в свое время Германией в Шаньдуне, перешли в руки Японии.

Японский империализм стремился прочно утвердиться в Шаньдунской провинции, и японское правительство вероломно отказалось от своего обещания возвратить Цзяочжоу Китаю. В декабре 1914 г. министр иностранных дел Като, выступая в японском парламенте, заявил, что Япония не связана какими-либо обязательствами перед Англией или другой страной «относительно возвращения Циндао» Китаю⁶⁹). Газета «Хоци-симбун», выражавшая взгляды премьер-министра Окума, писала: «Когда ультиматум упоминал о возвращении Киао-Чао Китаю, то он имел в виду мирное разрешение конфликта, теперь же после того, как Киао-Чао завоеван силой оружия и орошен японской кровью — создано совершенно другое положение. Япония в настоящее время имеет не только юридическое, но и моральное право задержать Циндао за собой»⁷⁰).

Правительство Японии ставило задачу удержать в своих руках тихоокеанские острова Германии, оккупированные Японией. Вслед за японскими войсками на Маршалльские и Каролинские острова были направлены японские переселенцы и торговцы. Министр иностранных дел Като в беседе с русским послом в Токио Малевским-Малевичем заявил, что «судьба этих островов будет решаться после войны, но во всяком случае мы не намерены возвратить их Германии»⁷¹). Представители военно-морских кругов добивались дальнейшего увеличения морского флота, ссылаясь на то, что Голландия может вступить в войну на стороне Германии и тогда Япония получит возможность занять Индонезию⁷²). Мировая

⁶⁸) J. M a s t i g g a u. Op. cit., v. II, p. 1159—1160.

⁶⁹) T. T a k e u s h i, Op. cit., p. 181.

⁷⁰) «Китай и Япония», 1915, № 224, стр. 95.

⁷¹) «М. О.», серия III, т. VI, ч. I, стр. 408. Посол в Токио министру иностранных дел, 17/4 октября 1914 г.

⁷²) «Китай и Япония», 1915 № 224, стр. 97.

война привела почти к полной ликвидации позиций Германии на Дальнем Востоке и к значительному увеличению роли Японии и Соединенных Штатов Америки в дальневосточных делах.

2. Укрепление экономических и политических позиций японского империализма во время войны. Переговоры об образовании Четверного англо-франко-русско-японского союза

Первая мировая война оказала большое влияние на развитие экономики Японии. Буржуазия и монополии обогащались, увеличивался объем производства, росла внешняя и внутренняя торговля. По официальным японским данным, накануне войны в 1913—1914 финансовом году⁷³⁾ доходы государственного бюджета составляли 721,9 млн. иен, а расходы 573,6 млн. иен. Превышение доходов над расходами равнялось 148,34 млн. иен. В 1916—1917 финансовом году доходы достигли 813,3 млн. иен, а расходы 590,8 млн. иен, т. е. превышение доходов над расходами повысилось до 222,5 млн. иен⁷⁴⁾.

Возросший спрос на японские товары на внешних рынках, военные заказы стран Антанты стимулировали развитие японской промышленности. Оплаченный капитал японских акционерных компаний (в текущих ценах) увеличился с 1195 млн. иен в 1914 г. до 4641 млн. иен в 1919 г.⁷⁵⁾. Число рабочих, занятых в промышленности, увеличилось с 916 тысяч человек в 1913 г. до 1,4 млн. человек в 1918 г.⁷⁶⁾. Особенно быстро развивались металлургия, судостроение, машиностроительная и химическая промышленность. Несмотря на быстрые темпы роста промышленного производства, объем производившихся промышленных товаров, особенно в тяжелой промышленности, был незначительным по сравнению с наиболее развитыми странами. Так, в 1913 г. в Японии было выплавлено 243 тыс. тонн чугуна, а в 1918 г. 606 тыс. тонн. Стали в 1913 г. 255 тыс. тонн, а в 1918 г. 813 тыс. тонн. Тоннаж торгового флота Японии к 1918 г. достиг 3100 тыс. тонн, против 1500 тыс. тонн в 1914 г.⁷⁷⁾.

На доходах от торговли, перевозки грузов и оплаты военных заказов в Японии вырос золотой запас. Если в 1914 г. он равнялся 341 млн. иен, то в 1919 г. достиг 2 млрд. иен⁷⁸⁾. За

⁷³⁾ Финансовый год в Японии начинается 1 апреля и кончается 31 марта следующего года.

⁷⁴⁾ «Annual of Japan». 1928, p. 21.

⁷⁵⁾ И. Я. Бедняк и др. Очерки новой истории Японии (1640—1917). М., 1958, стр. 475.

⁷⁶⁾ Г. И. Болдырев. Указ. соч., стр. 164.

⁷⁷⁾ Х. Эйдуэс. «Япония от первой до второй мировой войны», М., 1946, стр. 51.

⁷⁸⁾ К. Попов. Экономика Японии. М., 1936, стр. 37.

годы войны выросли капиталовложения Японии за границей, в первую очередь в Китае. В 1914 г. инвестиции японского капитала за границей были равны 460 млн. иен, а к 1920 г. достигли 2200 млн. иен⁷⁹⁾.

Японская буржуазия использовала то, что страны Антанты, а затем и США, занятые войной, сократили вывоз товаров на рынки Азии, Африки и Южной Америки. Спрос на японские товары вырос, цены были высокие. Оборот внешней торговли Японии значительно вырос. Перед войной Япония имела пассивный внешнеторговый баланс. В 1913 г. ввоз в Японию заграничных товаров исчислялся в 729,4 млн. иен, а вывоз в 632,4 млн. иен, т. е. превышение ввоза над вывозом достигало 97 млн. иен. В 1917 г. ввоз товаров в Японию увеличился до одного миллиарда иен, а вывоз до 1,6 млрд. иен⁸⁰⁾. В течение четырех лет войны активное внешнеторговое сальдо Японии составило 1,3 млрд. иен⁸¹⁾. С целью поощрения вывоза японское правительство в 1915 г. установило возврат пошлин за промышленные товары, вывозившиеся за границу. Кроме того, с 1 апреля 1915 г. был отменен конвенционный тариф с Германией и другими странами, пользовавшимися правом наибольшего благоприятствования по ввозу в Японию, и введен высокий протекционистский тариф на целый ряд промышленных товаров (цинковые листы, кожи выделанные, салициловая кислота, полушерстяные изделия и т. д.), что привело к росту цен на эти товары и повысило доходы японских капиталистов⁸²⁾.

В среднем дивиденды, выплачиваемые японскими компаниями держателям акций, во второй половине 1914 г. составляли 14,2% от вложенного капитала, а в 1918 г. достигли 63,3%. Особенно разбогатели на войне крупнейшие монополистические объединения: Мицури, Мицубиси, Сумитомо и др. В результате возросшей концентрации капитала несколько гигантских монополий поставили под свой контроль экономику Японии. Обогащение монополий шло за счет жестокой эксплуатации трудящихся масс. В декабре 1916 года премьер-министр Японии Тэраути заявил, что за время войны предметы первой необходимости вздорожали на 25%, а рост зарплат был весьма незначительным⁸³⁾.

⁷⁹⁾ Х. Эйдоус. Указ. соч., стр. 51.

⁸⁰⁾ «Annual of Japan», 1928, p. 118. При исследовании вопроса о росте объема внешней торговли Японии надо учитывать, что в данный период имел место рост цен на товары. И. Г. Болдырев считает, что в сопоставимых ценах объем внешней торговли Японии с 1913 г. по 1918 г. увеличился на 60%. См. Г. Болдырев. Указ. соч., стр. 161.

⁸¹⁾ «Annual of Japan», 1928, p. 118.

⁸²⁾ «Бюллетень справочной части по внешней торговле Министерства торговли и промышленности», 1915 г., № 8.

⁸³⁾ «Харбинский вестник», 3 января 1915 г.

Усилилось торговое соперничество американских и японских монополий на мировых рынках, особенно на рынках Азии. Летом 1914 г. правление ЮМЖД понизило плату за перевозку японских товаров по Южно-Маньчжурской железной дороге на 30% по сравнению с товарами других стран. Американские и английские фирмы, оперировавшие в Китае, усмотрели в этом нарушение принципа «открытых дверей» и добились вмешательства своих правительств. Под давлением США и Великобритании Япония пошла на небольшую уступку. Было разрешено применять пониженный тариф и к товарам других стран, перевозившимся по ЮМЖД⁸⁴). В январе 1915 г. правление ЮМЖД разрешило провоз по пониженному тарифу тех товаров, которые привозились в Дайрен на японских судах и судах тех иностранных компаний, которые заключали соответствующие соглашения с компанией Южно-Маньчжурской дороги. Эти уступки не удовлетворили американских экспортеров. В марте 1915 г. правительство США вновь протестовало против облажения повышенными тарифами американского хлопка, ввозившегося в Южную Маньчжурию, однако безрезультатно⁸⁵).

К концу войны произошло значительное увеличение объема японо-американской торговли.

Стоимость вывоза японских товаров в миллионах иен⁸⁶)

	1914 г.	1915 г.	1917 г.	1918 г.
В страны Азии	277,1	341,5	704,1	935,5
В страны Европы	917,9	126,1	335,2	298,2
В страны Америки	202,3	213,2	505,6	597,2

На первом месте по ввозу японских товаров стояли страны Азии, затем Америки. Наиболее крупным покупателем японских товаров стали Соединенные Штаты Америки, куда ввоз японских товаров в 1918 г. достиг суммы в 530 млн. иен. В Китай вместе с Квантунской провинцией в этом же году было вывезено на 475,5 млн. иен товаров, в Англию — на 143 млн. иен и во Францию — на 142 млн. иен⁸⁷). Основными статьями японского вывоза стали промышленные товары, а также шелк, хлопчато-бумажные ткани и различные виды военного оборудования и снаряжения.

⁸⁴) «F. R.», 1915, р. 606. Лансинг послу в Японии Гутри, 19 ноября 1914 г.

⁸⁵) «F. R.», 1915, р. 614. Гутри барону Като, 6 марта 1915 г.

⁸⁶) «Annual Japan», 1928, р. 120—121.

⁸⁷) «Annual Japan», 1928 р. 120—121.

На первом месте по ввозу товаров в Японию стояли США. Их экспорт в Японию с 97 млн. иен в 1914 г. возрос до 626 млн. иен в 1918 г., что превышало одну треть всего японского ввоза. Япония попала в зависимость от Соединенных Штатов Америки в деле закупок промышленного оборудования и важнейших видов сырья. Параллельно с увеличением экономической силы и ростом мощи финансового капитала росли захватнические планы и вождедения японского империализма.

Стоимость ввоза иностранных товаров в Японию в миллионах иен⁸⁸⁾

	1914 г.	1915 г.	1917 г.	1918 г.
Из Азии	307,5	301,9	475,5	812,7
Из Европы	158,8	79,0	82,2	82,8
Из Америки	—	106,7	376,8	665,0

Наступление германских войск на Францию летом и осенью 1914 г., разгром двух русских армий в Восточной Пруссии в конце августа 1914 г. поставили страны Антанты в довольно тяжелое военное положение, особенно на Западном фронте. В таких условиях правительства Франции и России вновь выдвинули предложение о создании Четверного англо-франко-японского союза, надеясь таким путем добиться отправки японских войск в Европу. С инициативой по этому вопросу выступило правительство Франции, которое было активно поддержано царской Россией. Сазонов в ответ на новые требования французского и английского кабинетов активизировать военные действия против Германии на русско-германском фронте с целью отвлечения немецких войск, наступавших на Париж, предложил быстрее привлечь во Францию японские войска. Английское правительство не поддержало предложение Сазонова. В начале сентября 1914 г. министр иностранных дел Англии Э. Грей говорил русскому послу в Лондоне Бенкендорфу, что он видит в проекте «неудобства» и думает, что понадобилось бы слишком много времени для привлечения во Францию японских войск; одновременно с этим Грей заявил о том, что он просил Японию прислать эскадру в Средиземное море⁸⁹⁾. Английский посол в Петрограде также сообщил Сазонову об отрицательном отношении английского правительства к проекту участия японских войск в операциях на французском фронте и что

⁸⁸⁾ Ibid., p. 118, 122, 123.

⁸⁹⁾ «М. О.», серия III, т. VI, ч. 1, стр. 202. Телеграмма Бенкендорфа Сазонову от 2 сентября/20 августа 1914 г.

Грей предпочитал, чтобы «японские армии сражались на русском фронте»⁹⁰).

После сообщения английского посла Сазонов телеграфировал в Лондон Бенкендорфу: «Нам совершенно не нужна японская помощь, с другой стороны, мы не считаем себя вправе противиться тому, чтобы наши союзники-французы воспользовались помощью японских войск в видах выполнения трудной задачи обороны страны от вражеского нашествия». Сазонов предлагал Бенкендорфу сообщить Грею вышеизложенное и настоятельно просить последнего «безотлагательно снабдить английского посла в Токио инструкциями для тождественного выступления представителей Тройственного соглашения с целью получить согласие японского правительства на отправку его войск во Францию»⁹¹). На следующий день Бенкендорф телеграфировал из Лондона, что Англия готова «поддержать Францию в этом вопросе, но боится, что Японское правительство отнесется к нему не особенно сочувственно»⁹²). В данном случае позиция Англии имела решающее значение, поскольку Великобритания была наиболее тесно связана с Японией и Япония входила в антигерманский блок на основе англо-японского союзного договора. Однако английское правительство опасалось, что за более широкое участие в войне Япония потребует новых уступок на Дальнем Востоке, в том числе за счет английских колоний и доминионов. Поэтому британские дипломаты не поддержали Францию и Россию по вопросу о посылке японских войск на франко-германский фронт.

Японское правительство вскоре после начала войны стало зондировать почву по вопросу о том, как будет реагировать царское правительство на предложение послать японские войска на русско-германский фронт. До сведения начальника генерального штаба Янушкевича было доведено, что японцы на известных условиях согласились бы помочь России присылкой войск⁹³). Но Янушкевич считал, что продвижение значительного японского экспедиционного корпуса через Сибирь не безопасно «ввиду невозможности вполне доверять японцам и отсутствием русских войск в Сибири»⁹⁴). 21 сен-

⁹⁰) Там же, стр. 206.

⁹¹) «М. О.», серия III, т. VI, ч. 1, стр. 206. Телеграмма Сазонова Бенкендорфу от 3 сентября/21 августа 1914 г.

⁹²) Там же, стр. 206 (примечание).

⁹³) Япония имела своего представителя в ставке верховного главнокомандующего русской армии. В сентябре 1914 г. четверем японским офицерам было разрешено выехать в качестве наблюдателей в действующую русскую армию.

⁹⁴) «М. О.», серия III, т. VI, ч. 1, стр. 207. Телеграмма управляющего дипломатической канцелярией при ставке министру иностранных дел от 3 сентября/21 августа 1914 г. В начале сентября 1914 г. до сведения японского правительства было доведено, что войска Приамурского военного округа мобилизуются для отправки на фронт. См. Там же, стр. 222.

тября 1914 г. премьер-министр Японии Окума сообщил русскому послу в Токио о якобы имевшихся многочисленных ходатайствах японских резервистов, желавших принять участие в войне в составе вспомогательного японского корпуса на русском театре военных действий⁹⁵). Подобное заявление японского премьера являлось по сути дела косвенным предложением послать японские войсковые части на русско-германский фронт. Это предложение обсуждалось царским правительством и было решено воспользоваться японским предложением: узнать численность корпуса и японские эшелоны при перевозке войск пускать попеременно с русскими⁹⁶).

Однако японское правительство не предприняло практических шагов для оказания прямой военной помощи России. Отвечая на запрос Сазонова, Малевский-Малевиц сообщил из Токио 30 октября 1914 г., что проект посылки японских войск в Европу не встречает «сочувствия в оппозиционном парламентарном большинстве партии сэйюкай», которая «отрицательно относится к увеличению военных расходов» и ко всяким военным мероприятиям Японии. Здесь же Малевский-Малевиц писал, что японское правительство относится неблагоприятно к посылке добровольческих отрядов в Европу, а что касается посылки японского вспомогательного корпуса в Россию, то он, по мнению русского посла, не обсуждался японским правительством⁹⁷). Сделав свое предложение, Окума, по-видимому, стремился лишь выяснить позицию России и подчеркнуть дружеское отношение Японии к России⁹⁸).

После кровопролитных боев во Франции к концу 1914 г. стал ощущаться недостаток обученных солдат и боеприпасов. Не менее тяжелым было положение на русском фронте. Члены французского правительства выражали опасения, что русская армия окажется не в состоянии сковывать на своем фронте значительные силы немецких войск, что даст возможность Германии обрушить основной удар против Франции. 5 декабря 1914 г. на заседании Совета министров Франции премьер-министр Вавиани заявил, что не видит другого средства спасти Францию от разгрома, кроме как «призвать японцев в Европу, чего бы это не стоило, и уплатить за их помощь любую цену, которую они потребуют, — в случае надобности — Индо-Китай»⁹⁹). Совет министров Франции по предложению министра иностранных дел Делькассе принял

⁹⁵) «М. О.», серия III, т. VI, ч. 1, стр. 285—286.

⁹⁶) Там же, стр. 319.

⁹⁷) «М. О.», серия III, т. VI, ч. 1, стр. 286. (примечание). Телеграмма Малевского-Малевица от 30/17 октября 1914 г.

⁹⁸) В Японии было выявлено 12 тыс. человек, изъявивших желание выехать добровольно на русско-германский фронт. См. «Харбинский вестник», 14 июня 1916 г.

⁹⁹) Р. Пуанкаре. На службе Франции. Воспоминания за девять лет, тт. V и VI, М., 1936, стр. 260.

решение попытаться еще раз привлечь японские войска во Францию, а также убедить Англию и Россию пойти на уступки Японии с целью «заключения, если возможно, союза между четырьмя державами». В качестве таких уступок правительство Франции считало возможным предложить Японии торговые льготы в Индо-Китае, дать кредиты для эксплуатации Маньчжурии и Кореи и оказать давление на Россию с тем, чтобы последняя «согласилась подписать договор о союзе с Японией и признала бы за ней определенные сферы влияния в Китае»¹⁰⁰).

В соответствии с решением своего правительства Делькассе вступил в переговоры с Англией и Россией о привлечении японских сухопутных сил к участию в войне в Европе и созданию Четверного союза¹⁰¹). Переговоры в Токио по этому вопросу вел представитель Англии. Министр иностранных дел Като в ответ на предложение послать японские войска в Европу сказал, что Япония не может этого сделать, так как вынуждена сохранить крупные силы на Востоке для защиты там собственных интересов. Характерно, что в качестве одной из причин отказа послать армию в Европу Като называл напряженные взаимоотношения Японии с Соединенными Штатами Америки¹⁰²). Като просил английского посла в Токио сохранить переговоры об отправке японских войск в тайне. Однако этот вопрос оживленно обсуждался в японской прессе. Идею посылки войск в Европу поддерживали крайние милитаристские и шовинистические круги Японии, надеявшиеся использовать обсуждение этой проблемы в качестве предлога для увеличения армии, и считавшие, что за военную помощь можно будет добиться компенсаций¹⁰³). По сообщению редактора журнала «Вестник Японии» из Токио Е. Евгеньева¹⁰⁴) в Японии было создано «Общество для отправки войск в Европу», развернувшее соответствующую агитацию. Газета «Кокумин» писала о том, что посылке войск должен предшествовать целый ряд союзов, явных и тайных, заключение договоров со всеми заинтересованными государствами, которые «должны будут определить все дальнейшее мировое положение Японии»¹⁰⁵). В японском парламенте был

¹⁰⁰) Р. Пуанкаре. На службе Франции. Воспоминания за девять лет, тт. V и VI, М., 1936, стр. 260.

¹⁰¹) «М. О.», серия III, т. VI, ч. II, стр. 204. Посол в Париже министру иностранных дел, 10 декабря/27 ноября 1914 г.

¹⁰²) Там же, стр. 214. Посол в Лондоне министру иностранных дел, 14/1 декабря 1914 г.

¹⁰³) «М. О.», серия III, т. VII, ч. 1, стр. 12 и т. II, стр. 54.

¹⁰⁴) Журнал «Вестник Японии», издавался в Токио на русском и японском языках. В его издании принимали участие видные японские журналисты, государственные деятели Японии и представители капиталистических кругов.

¹⁰⁵) «Далекая окраина», 3 января 1915 г.

сделан запрос относительно военной помощи Японии союзникам, отвечая на который министр иностранных дел Като заявил, что никаких формальных заявлений со стороны союзников с просьбой послать японские войска в Европу не было и не ожидается¹⁰⁶).

В середине декабря 1914 г. Грей и Делькассе договорились, что при сложившихся обстоятельствах было бы нецелесообразно настаивать перед японским правительством на отправке войск в Европу. Однако этот вопрос не был снят с повестки дня. Одной из причин, в силу которых японское правительство отказалось направить во Францию даже небольшие контингенты своих солдат, было ухудшение англо-японских отношений и то, что правительство Великобритании с самого начала попыталось ограничить участие Японии в мировой войне. Малевский-Малевич сообщал из Токио: «Здесь все сильнее чувствуется неудовольствие тем, что Англия ограничила круг японских военных действий и несочувственно относится ко всяким проектам посылки японских войск на европейский театр военных действий. Неудовольствие это выражается и в печати и в военных кружках; уже слышатся голоса, что союз с Англией устарел, что Япония связана и по рукам и по ногам; что ее военное значение умалено ничтожной ролью ей предоставленной в Киао-Чао»¹⁰⁷).

Не лишен интереса тот факт, что представители Японии при обсуждении вопроса о заключении Четверного союза с представителями Великобритании заявляли, что японское правительство «не считает настоящий момент подходящим для обсуждения вопроса о новых союзах¹⁰⁸), но в то же время японские дипломаты в переговорах с представителями Франции и России высказывали свое положительное отношение к «военной операции с союзниками на европейском театре войны»¹⁰⁹). В данном случае японские политики добивались того, чтобы Франция и Россия оказали давление на Великобританию с целью принудить последнюю пойти на компенсации Японии за счет Англии.

В конце декабря 1914 г. Сазонов, ссылаясь на сообщения русского посла из Токио, о желани японского правительства достичь с Россией «тесного политического соглашения», еще раз ставит вопрос о заключении Четверного союза. «Желая укрепления наших отношений с Японией,— писал Сазонов,—

¹⁰⁶) «М. О.», серия III, т. VI, ч. 2, стр. 214 (примечание).

¹⁰⁷) «М. О.», серия III, т. VI, ч. 2, стр. 25—26. Посол в Токио министр иностранных дел, 4 ноября/22 декабря 1914 г.

¹⁰⁸) Там же, стр. 280 (примечание). Телеграмма Бенкендорфа из Лондона, 4 января 1915 г./22 декабря 1914 г.

¹⁰⁹) Там же, стр. 281 (примечание). Телеграмма Извольского из Парижа, 31/18 декабря 1914 г.

¹¹⁰) «М. О.», серия III, т. VI, ч. 2, стр. 280—281. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу, 28/15 декабря 1914 г.

что позволило бы сосредоточить наши силы в Европе, мы не считаем возможным заключить соглашение, к которому, по видимому, стремятся в Токио, без привлечения к нему наших европейских союзников из опасения быть поставленными перед необходимостью поддерживать японскую политику, которая не согласовывалась бы с французскими и английскими интересами»¹¹⁰). 2 января 1915 г. состоялось совещание Сазонова с послами Англии и Франции в Петрограде. Здесь Бьюкенен ознакомил присутствовавших с телеграммой Э. Грея, из которой явствовало, что правительство Великобритании соглашалось вступить в переговоры о заключении Четверного соглашения. На совещании договорились, что Сазонов будет зондировать почву через японского посла в Петроград Мотоно относительно позиции японского правительства по этому вопросу, а посол Франции в Токио попытается выяснить согласится ли Япония на посылку своих войск на Западный фронт¹¹¹).

В этот же день Сазонов беседовал с Мотоно. Последний поддерживал планы укрепления политических связей с державами Тройственного согласия и выразил недовольство политикой Англии по этому вопросу. Четыре дня спустя посол Франции в Токио Реньо сообщил о результатах своих переговоров с представителями японского правительства. Реньо отметил, что в Японии разочарованы союзом с Великобританией и что просьба англичан о посылке войск в Европу была отклонена потому, что Англия не обеспечила за это реальных выгод Японии. Французский дипломат также сообщал, что японское правительство желает более тесного соглашения с Россией и надеется, что Франция могла бы попытаться «уладить отношения Японии и Англии»¹¹²). Франция оказывала серьезное давление на Великобританию, добиваясь того, чтобы последняя предприняла конкретные меры для привлечения японских войск в Европу. 6 января 1915 г. посол Англии в Париже записал в своем дневнике: «Французы теряют веру в русский «паровоз»: не хватает пара, чтобы пустить его как следует в ход. Газеты и публика страстно желают иметь во Франции 400 тысяч японцев, чтобы очистить страну от немцев. Согласятся ли японцы на это, и если согласятся, то какой ценой? Индо-Китай считается подходящей приманкой, если ни Россия, ни Англия не согласятся уступить что-либо приемлемое для Японии»¹¹³).

10 января в Лондоне состоялось совещание, созванное Греем. На совещании посол Франции в Великобритании П. Камбон сообщил, что японское правительство соглаша-

¹¹¹) Там же, стр. 339. Поденная запись министерства иностранных дел.

¹¹²) «М. О.», серия III, т. VI, ч. II, стр. 340.

¹¹³) Лорд Берти. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже 1914—1919, М.—Л., 1927, стр. 44.

лось послать свои войска во Францию на следующих условиях: «1) неприкосновенность Китая и участие Японии на равных основаниях в экономических предприятиях держав в Китае; 2) заем в 80 млн. фунтов в течение 2 лет по 40 млн. ежегодно, для финансовых нужд Японии; 3) разрешение вопроса о японской иммиграции в английские колонии»¹¹⁴). Французское правительство соглашалось признать два первых пункта этих условий, а принятие третьего пункта зависело от Англии. П. Камбон заявил, что создание Четверного союза «позволило бы России сосредоточить все свои силы, даже азиатские для борьбы с Германией». Бенкендорф заметил, что он не имеет инструкций своего правительства по данному вопросу, однако указал, что «помощь со стороны японской армии в России признается нежелательной и что, следовательно, дело идет о Западном фронте войны».

Министр иностранных дел Англии Грей считал, что правительство Великобритании не сможет положительно решить вопрос о допуске японских иммигрантов в английские колонии, так как против этого будут выступать британские доминионы. Э. Грей на этом совещании, как и ранее, доказывал, что англо-японский союзный договор является достаточным связующим звеном между Японией и странами Антанты. В результате бесед с Греем Бенкендорф сделал вывод о том, что в Англии вероятно считают невозможным возобновить англо-японский союз после окончания войны из-за японо-американских трений¹¹⁵). Фактически так оно и было. Четверной союз, в случае его создания, укрепил бы позиции Японии против Соединенных Штатов Америки, что могло вызвать недовольство правительства США и отрицательно сказаться на американской финансовой и экономической помощи Великобритании.

Обращение союзников за военной помощью к Японии создавало в японских правящих кругах впечатление, что положение войск стран Антанты в Европе тяжелое и что в таких условиях Англия вынуждена будет поступиться своей гегемонией в Китае в пользу Японии. Японское правительство не собиралось посылать войска в Европу, так как победа или поражение стран Антанты не смогли бы существенно изменить позиции Японии на Дальнем Востоке. Однако шума, поднятая в японской прессе при обсуждении вопроса о посылке войск в Европу, была использована японскими империалистами с целью подготовки общественного мнения к новому наступлению на Китай.

¹¹⁴) «М. О.», серия III, т. VI, ч. 2, стр. 342. Посол в Лондоне министру иностранных дел, 10 января/28 декабря 1914 г.

¹¹⁵) «М. О.», серия III, т. VI, ч. 2, стр. 340—345. Посол в Лондоне министру иностранных дел, 10 января 1915 г./28 декабря 1914 г.

3. «Двадцать одно требование» Японии Китаю. Отношение великих держав к японской агрессии

Участие японских вооруженных сил в боевых операциях мировой войны носило ограниченный характер и вскоре фактически прекратилось, но несмотря на это, японское правительство форсировало рост армии и военно-морского флота. Правящие партии Японии одобряли и поддерживали агрессивную политику правительства. 4 сентября 1914 г., в связи с началом войны, была созвана 34 внеочередная сессия японского парламента, которая единогласно утвердила сумму в 53 млн. иен на военные расходы. На заседании парламента лидер оппозиционной партии сэйюкай Оока заявил, что времени для критики действий правительства нет, так как война началась и «доблестные офицеры и солдаты императорской армии и военно-морского флота стоят лицом к лицу с противником»¹¹⁶).

7 декабря 1914 г. открылась 35 сессия японского парламента, ставшая ареной довольно острой политической борьбы. В нижней палате парламента, где большинство принадлежало оппозиционной партии сэйюкай, депутаты подвергли резкую критику правительство премьера Окума за то, что оно якобы шло на поводу у Великобритании, а министерство иностранных дел Японии «превратилось в филиал английского правительства». Отвергая нападки оппозиции, министр иностранных дел Като доказывал, что Япония не связана какими-либо ограничениями со стороны Англии относительно «сферы операций императорской армии и военно-морского флота»¹¹⁷). Правительство Окума внесло в парламент законопроект об отпуске средств: 1) для формирования двух новых армейских дивизий с целью размещения их в Корее¹¹⁸); 2) для строительства 8 эсминцев. После бурных прений нижняя палата большинством голосов отвергла законопроект об увеличении сухопутной армии, но утвердила суммы, планировавшиеся на увеличение военно-морского флота. Таким образом, перевес оказался на стороне морской партии. В этих условиях правительство пошло на роспуск нижней палаты и назначило новые выборы на 25 марта 1915 г. Во вновь избранной палате большинство оказалось за членами партии досикай и другими партийными группировками, поддерживавшими Окума, что позволило правительству без помех осуществлять политику, направленную

¹¹⁶) Т. Takeuchi. Op. cit., p. 177.

¹¹⁷) Ibid., p. 181.

¹¹⁸) При обсуждении в бюджетной комиссии парламента вопроса о формировании двух новых дивизий, представитель военного министерства сделал явные намеки на то, что увеличение армии направлено против России. См. «М. О.», серия III, т. VII, ч. 2, стр. 86—87. Малевский-Малевич Сазонову, 29/16 января 1915 г.

на закабаление Китая и увеличение вооруженных сил Японии¹¹⁹). Результаты выборов предопределили так называемое континентальное направление японской экспансии на ближайшие годы — это означало, что японский империализм сосредоточит свои основные силы на закабаление китайского народа.

В июне 1915 г. на 36 сессии японского парламента был утвержден правительственный законопроект о дополнительных военных расходах, по которому отпускались средства на формирование двух новых дивизий для Кореи, создания которых военная партия добивалась с 1911 г. Военное министерство Японии рассматривало увеличение японской армии на две дивизии как основную часть выполнения большой военной программы, принятой в 1906 г. и добивалось «в ближайшие годы» дальнейшего увеличения японской сухопутной армии мирного времени с 19 до 25 дивизий¹²⁰). Командующий японскими войсками в Корее генерал Игучи, объясняя причины увеличения японских войск в Корее, заявил, что «расширение государственной территории вызывает всегда необходимое усиление военной мощи, и недавние недоразумения Японии с Китаем особенно обнаружили недостаточность японских вооруженных сил в Корее и Южной Маньчжурии...»¹²¹).

Наиболее агрессивные круги японского империализма вскоре после начала мировой войны усилили пропаганду о превращении Китая в колонию Японии. В конце сентября 1914 г. японский колониальный журнал опубликовал статью под заголовком: «Окончательная судьба Китая будет подобна судьбе Кореи», перепечатанную затем в газете «Пекин дейли ньюс». Автор статьи утверждал, что Китай по отношению к Японии занимает такое же положение, как и Корея, поэтому Япония не может удовлетвориться одинаковым с «другими нациями влиянием в Китае», а должна занять там господствующую позицию, направить в Китай своих советников и т. д.¹²²). В ноябре 1914 г. в Токио состоялось совещание представителей политических партий Японии, созванное «Объединенным обществом лиц, интересующихся китайским вопросом». На совещании присутствовало около 200 чел. В его работе приняли участие представители основных политических партий Японии: сэйюкай, кокуминто и до-сикай. Из выступлений ораторов выяснилось, что лидеры буржуазно-помещичьих партий едины в своем стремлении превратить Китай в колонию Японии и использовать войну

¹¹⁹) Т. Такеучи. *Op. cit.*, p. 182.

¹²⁰) «М. О.», серия III, т. VIII, ч. 1, стр. 86—88. Посол в Токио министру иностранных дел, 3 июня/21 мая 1915 г.

¹²¹) Там же (примечание).

¹²²) «Reking. Daily News», October 8, 1914.

для установления японской гегемонии на Дальнем Востоке¹²³).

4 января 1915 г. в газете «Осака Дзи-дзи симпо» была помещена статья, в которой указывалось, что Япония занимает в Китае «преобладающее положение как в политическом, так и в экономическом отношениях», но Китай не признает этого факта, поэтому японские интересы в Китае «не обеспечены». Автор делал вывод, что японское правительство должно предпринять решительные меры для укрепления позиций Японии¹²⁴). Появление подобных агрессивных высказываний в прессе было предвестником нового наступления японского империализма на Китай. Японская милитаристская пресса использовала в качестве предлога для антикитайских выступлений попытки Китая добиться увода японских войск, располагавшихся в Шаньдунской провинции (вне зоны арендованной Германией территории). Эти попытки предпринимались Китаем с ноября 1914 г., т. е. со времени падения Циндао¹²⁵). В Китае опасались, что Япония может использовать 30-тысячную армию, находившуюся на Шаньдунском полуострове, для аннексии Шаньдунской провинции.

7 января 1915 г. министерство иностранных дел Китая вручило японскому и английскому посланникам в Пекине ноту, в которой, ссылаясь на окончание военных действий, просило Японию и Англию вывести свои войска из бывшей военной зоны Шаньдунской провинции¹²⁶). Японское правительство ответило решительным отказом и подчеркнуло, что оно не допустит вступления китайских войск на территорию военной зоны. 16 января китайское правительство передало Японии вторую ноту, в которой настаивало на выводе японских войск со всей территории Шаньдуня за исключением бывшей арендованной германской территории¹²⁷). Последняя нота Китая была использована Японией в качестве повода для решительного наступления на Китай. Японская пресса, как по команде, подняла шумную антикитайскую кампанию и призывала правительство прибегнуть к силе для того, чтобы «отстоять» японские интересы в Шаньдуне.

В Китае поняли, что антикитайские выступления японских газет инспирированы правительством с целью подготовки общественного мнения к возможному агрессивным актам. В таких условиях правительство Китая решило не настаивать на эвакуации японских войск. Посланнику Японии в Пекине, как сообщал Малевский-Малевич, было указано, что «нота отнюдь не носила характера требования, а имела

¹²³) «Китай и Япония», 1914, № 220, стр. 17—21.

¹²⁴) Там же, 1915, № 224, стр. 87—92.

¹²⁵) «М. О.», серия III, т. VII, ч. 1, стр. 41 (примечание).

¹²⁶) J. M a s M u n g a u. Op. cit., v. II, p. 1157.

¹²⁷) Ibidem.

лишь ввиду обсуждение вопроса и что китайское правительство не намерено настаивать на этом предмете»¹²⁸). Однако японские империалисты не собирались удовлетвориться подобной уступкой. К этому времени правительство Японии разработало обширный круг японских притязаний к Китаю, принятие которых должно было установить японскую гегемонию в Китайской республике.

В ночь на 18 января 1915 года японский посланник в Китае Хиоки посетил президента Юань Ши-кая и по поручению своего правительства вручил ноту, в которой в ультимативной форме были сформулированы японские претензии к Китаю. Эта нота стала известна под названием «двадцати одно-го требования». Японские империалисты стремились сохранить втайне от китайского народа и мирового общественно-го мнения свои грабительские притязания к Китаю, поэтому Хиоки настаивал на том, чтобы правительство Китая держало в «строгом секрете» характер начавшихся японо-китайских переговоров. Однако соблюсти тайну не удалось. 23 января в приложении к газете «Асахи» было опубликовано основное содержание «21 требования». Правда, японская полиция конфисковала данный номер газеты и запретила японской прессе обсуждать этот вопрос¹²⁹). Но шила в мешке утаить не удалось, и с этого времени началось всестороннее обсуждение характера японских притязаний к Китаю как в мировой прессе, так и по дипломатическим каналам, хотя японское правительство, угрожая «тяжелыми последствиями», продолжало настаивать на том, чтобы Китай сохранил ход японо-китайских переговоров в тайне¹³⁰).

К. Исии лицемерно утверждал, что в «21 требованиях» нельзя «найти хоть что-нибудь, что оправдывало бы обвинения в империализме и милитаризме», которые выдвигались против Японии¹³¹). Однако, содержание «21 требования» решительно опровергает попытки Исии и других идеологов японского империализма оправдать агрессивную акцию японского правительства. Японские требования были разделены на пять групп следующего содержания¹³²).

¹²⁸) «М. О.», серия III, т. VII, ч. 1, стр. 42 (примечание). Выписка из депеши Малевского-Малевица из Токио от 18 января 1915 г.

¹²⁹) «М. О.», серия III, т. VII, ч. 1, стр. 95. Посол в Токио министру иностранных дел, 24/11 января 1915 г.

¹³⁰) «М. О.», серия III, т. VII, ч. 1 стр. 139. Посланник в Пекине министру иностранных дел, 19/16 января 1915 г.

¹³¹) Исии К. Указ. соч., стр. 74.

¹³²) Содержание японских требований излагается по японской ноте Китаю от 18 января, которая была передана министром иностранных дел Китая русскому посланнику в Пекине Крупенскому 24 февраля 1915 г. и несколько раньше американскому посланнику Рейншу. К. Исии в своей книге приводит основное содержание «21 требования», но опускает при этом некоторые важные пункты. См. «М. О.», серия III, т. VII, ч. 1, стр. 325—327; «Ф. Р.», 1915, р. 93—95; К. Исии. Указ. соч., стр. 73—74.

Первая группа требований касалась Шаньдунской провинции. Китай заранее должен был дать свое согласие признать любое японо-германское соглашение относительно «пользования всеми правами, интересами и концессиями, которыми Германия в силу договоров или на другом основании обладает по отношению к Шаньдунской провинции». Кроме того, Япония добивалась обязательства китайского правительства «не уступать и не сдавать в аренду никакой части территории или островов в пределах провинции Шаньдун... третьей державе», а также согласия Китая на постройку железной дороги от Чифу или Лункоу до соединения ее с линией Циндао-Цзинань и открытия некоторых «важных городов в Шаньдунской провинции» для иностранной торговли. Эта группа требований преследовала цель превратить Шаньдунскую провинцию в сферу влияния Японии. Владея Кореей и Ляодунским полуостровом, японский империализм, захватив военно-морскую базу на Шаньдуне, поставил бы под свой контроль морские связи Тяньцзиня и Пекина с побережьем Китая и внешним миром. Притязания Японии на Шаньдунский полуостров задевали интересы британского империализма, так как Англия имела там военно-морскую базу с арендованной территорией в порту Вэйхайвей.

Вторая группа требований преследовала цель закрепить на длительный срок японское господство в Южной Маньчжурии и в восточной части Внутренней Монголии. Япония добивалась продления срока аренды Порт-Артура, Дайрена, ЮМЖД и Аньдун-Мукденской железной дороги с 25 до 99 лет, а также передачи под «контроль и управление» Японии Гири-Чаньчуньской железной дороги сроком на 99 лет. Китай должен был предоставить японским подданным «право» поселиться в Южной Маньчжурии и восточной части Внутренней Монголии, разрешить японцам владеть там землей в торгово-промышленных или сельскохозяйственных целях, а также дать им «право» на эксплуатацию недр в названных районах. Китай не должен был без согласия японского правительства заключать внешние займы на нужды железнодорожного строительства в Южной Маньчжурии и восточной части Внутренней Монголии или приглашать туда иностранных советников. Особое значение японское правительство придавало статьям, касавшимся прав японцев на покупку земли, считая, что это даст возможность японскому империализму начать колонизацию Южной Маньчжурии.

В соответствии с третьей группой требований Китая предлагалось согласиться на превращение Ханьпинского угольно-металлургического комбината в японо-китайский «объединенный концерн», под контроль которого должны были перейти добыча полезных ископаемых обширного райо-

на в бассейне реки Янцзы. Концерн должен был действовать независимо от китайского правительства.

Четвертая группа требований предусматривала «в целях действительного сохранения территориальной неприкосновенности Китая» обязательство китайского правительства «не уступать и не сдавать в аренду третьей державе какого бы то ни было порта, бухты или острова» на побережье. Навязав эту статью, японские империалисты лишили бы Китай суверенных прав и монополизировали его обширное морское побережье в качестве объекта для собственного колониального проникновения.

В пятую группу требований были включены наиболее далеко идущие притязания японского империализма, добиравшегося превращения Китая в зависимое от Японии государство. Китаю предлагалось взять обязательство приглашать японских советников «по политическим, финансовым и военным делам», а в «важных пунктах» полиция должна была работать под совместным японо-китайским контролем; кроме того, китайское правительство должно было или закупать в Японии до 50% потребного военного снаряжения или согласиться на создание в Китае японо-китайского «арсенала», который должен был бы работать под руководством японских специалистов. Япония добивалась права на постройку железных дорог в провинции Хунань и Цзянси и преимущественного права на постройку железных дорог, портов и доков в провинции Фуцзянь. Япония настаивала на том, чтобы японским госпиталям, религиозным учреждениям и школам было разрешено покупать землю в Китае, а японским подданным проповедывать буддизм.

«21 требование», даже с учетом обычного приема буржуазной дипломатии — запрашивать больше, чем есть надежды получить, беспрецедентно в истории Китая. Принятие их должно бы было повести к установлению японского протектората над Китайской республикой. Японские империалисты в деле закабаления Китая придерживались той же тактики, какую они применяли в Корее. Суть этой тактики заключалась в том, чтобы навязывать неравноправные договоры, лишать страну суверенитета и постепенно превращать ее в колонию Японии. Но в Китае японский империализм столкнулся с мощным сопротивлением народа, которое обрело на неудачу колонизаторские замыслы Японии. Следует также учитывать, что претензии японского империализма на монопольное господство в Китае задевали интересы других великих держав. Страны Антанты и США готовы были расплачиваться с Японией за счет китайского народа, но не собирались поступиться собственными империалистическими интересами в Китае в пользу японских монополий.

«21 требование» Японии угрожало планам американского империализма об установлении своего господства в Китае, поэтому американская дипломатия проявляла большую активность, стремясь не допустить ущемления интересов Соединенных Штатов Америки. 23 января 1915 г. посланник США в Пекине Рейнш сообщил в государственный департамент, что предъявленные Японией Китаю требования угрожают принципу «открытых дверей» и подорвут независимость Китая в «политических и промышленных делах». Рейнш высказывал мнение, что, добываясь осуществления своих замыслов, Япония будет разжигать гражданскую войну в Китае и использует ее в качестве предлога для «военной оккупации» страны¹³³). Реакция американского правительства на «21 требование» была довольно умеренной. Президент Вильсон поручил государственному секретарю Брайану разработать меморандум по этому вопросу, учитывая дружественные взаимоотношения с Японией и обязательства последней, принятые по соглашению Рут-Такахира, предусматривавшие соблюдение политики «открытых дверей» в Китае¹³⁴).

Японское правительство оказывало сильнейший нажим на Китай, добываясь быстрее принятия японских требований. Но правительство Китая намеренно затягивало переговоры, стремясь выиграть время. В конце января под давлением Японии вышел в отставку министр иностранных дел Сун Бао-ци¹³⁵), и в дальнейшем переговоры с японским посланником в Пекине вел новый министр иностранных дел Лу Чжэн-сян. Японская дипломатия использовала с целью давления на Китай и страны Антанты попытки Германии сблизиться с Японией. Германский посланник в Китае Гинце в личной беседе с японским посланником в Пекине Хиоки и в интервью корреспонденту газеты «Асахи симбун» ратовал за заключение японо-германского союза и уверял, что, одержав победу в Европе, Германия предоставила бы Японии свободу рук на Дальнем Востоке¹³⁶). Ссылаясь на подобные высказывания, японские дипломаты вполне определенно намекали, что если союзники не помогут Японии добиться осуществления своих целей в Китае, то Япония может соблазниться посулами Германии. Указывалось также на то, что Китай якобы проявляет неуступчивость по отношению к Японии в результате происков Германии. Правительство Китая опровергло это утверждение. Китайский посланник в Токио сообщил Малевскому-Малевичу, что «китайское правитель-

¹³³) «F. R.», 1915, p. 79.

¹³⁴) «F. R.» (Lansing Papers), v. II, p. 400. Вильсон Брайану, 27 января 1915 г.

¹³⁵) См. «М. О.», серия III, т. VII, ч. I, стр. 139 (примечание).

¹³⁶) «М. О.», серия III, т. VII, ч. I, стр. 94—95. Посланник в Пекине министру иностранных дел, 24/11 января 1915 г.

ство не находится под давлением Германии, «а скорее действует под влиянием» Великобритании¹³⁷⁾.

Японскому правительству не удалось добиться быстрой капитуляции Китая. Японо-китайские переговоры стали затяжными и получили международную огласку. 1 февраля Рейнш сообщил в государственный департамент содержание пяти групп японских требований к Китаю¹³⁸⁾. 5 февраля японское правительство официально передало послам Англии, Франции и России в Токио тождественные тексты японских требований Китаю, в которых было изложено основное содержание первых четырех групп, а пятая группа требований опущена полностью¹³⁹⁾. В японском меморандуме относительно «21 требования», переданном США, также отсутствовала 5-я группа требований¹⁴⁰⁾. К. Иси указывает, что пятая группа выражала «скорее пожелания, чем требования Японии»¹⁴¹⁾, однако это было далеко не так, в ходе переговоров с Китаем японское правительство проявляло большую настойчивость, добиваясь принятия важнейших статей пятой группы требований.

Правительство Китая в начале переговоров соглашалось обсуждать только две первых группы требований и указывало, что три других группы требований затрагивают «самостоятельность и суверенные права Китая»¹⁴²⁾. В таких условиях японское правительство решило продемонстрировать некоторую «уступчивость» относительно пятой группы требований. Как явствует из телеграммы японского посла в Лондоне Иноуэ, министр иностранных дел Като указал японским представителям за границей, что требования пятой группы «основываются главным образом на программе», которую Япония издавна преследует в Китае, переговоры относительно этой группы ведутся отдельно по каждой из ее семи статей. Поэтому, указывал Като, содержание этой группы Япония не сообщила «ни одному из правительств»¹⁴³⁾. Японский посланник в Пекине Хиоки 16 февраля получил указание Като согласиться на значительное изменение пятой группы требований. В частности, Хиоки было предписано: 1) отно-

¹³⁷⁾ Там же, стр. 95. Посол в Токио министру иностранных дел, 24/11¹ января 1915 г.

¹³⁸⁾ «F. R.», 1915, p. 81.

¹³⁹⁾ «M. O.», серия III, т. VII, ч. I, стр. 191. Посол в Токио министру иностранных дел, 5 февраля (23 января 1915 г.; там же, стр. 207 (примечание)).

¹⁴⁰⁾ См. «F. R.», 1915, p. 95. Брайан Рейншу, 19 февраля 1915 г.

¹⁴¹⁾ К. И с и н. Указ. соч., стр. 73.

¹⁴²⁾ «M. O.», серия III, т. VII, ч. 1, стр. 207—208. Посланник в Пекине министру иностранных дел, 8 февраля/26 января 1915 г.

¹⁴³⁾ «M. O.», серия III, т. VII, ч. 1, стр. 287—288. Японский посол в Лондоне Иноуэ японскому послу в Петрограде Мотоно, 18/5 февраля 1915 г.

нительно приглашения японских советников на службу в Китай ограничиться устным заявлением представителям Китая о том, что японское правительство серьезно надеется на осуществление приглашения на службу советников; 2) от статьи, предусматривавшей установление японского контроля над китайской полицией, отказаться; 3) относительно права японских храмов и школ на владение землей и свободы проповедывать буддизм в Китае «ограничиться подтверждением обещания», что эти вопросы «подвергнутся благосклонному рассмотрению»; 4) касательно японских поставок оружия Китаю предполагалось заручиться принципиальным согласием китайского правительства заключить «впоследствии» соглашение по этому вопросу; 5) относительно постройки железных дорог в провинциях Хунань и Цзянси предлагалось добиться подтверждения прав Японии «дать деньги» взаимы для этой цели¹⁴⁴).

В ходе дальнейших переговоров выяснилось, что правительство Китая по-прежнему отказывается принять важнейшие из японских домогательств. К началу марта, как доверительно сообщил министр иностранных дел Китая русскому посланнику в Пекине, японцам удалось добиться согласия китайского правительства на продление аренды Ляодунской территории и железных дорог, но другие вопросы оставались не согласованными¹⁴⁵). В таких условиях японские империалисты решили усилить меры военного давления. Дав указание Хиоки форсировать переговоры, японское правительство, уведомив предварительно Англию, в середине марта, под предлогом смены войск, направило одну дивизию в Южную Манчжурию, а другую на Шаньдунский полуостров, и в то же время были задержаны имевшиеся там войска¹⁴⁶). В общей сложности в Китай дополнительно было направлено около 30 тысяч японских солдат. Значительно были увеличены японские гарнизоны в Мукдене и Дайрене, а также в Пекине и Ханькоу¹⁴⁷).

Большое влияние на позицию Японии в ходе японо-китайских переговоров стал оказывать рост антиимпериалистического движения китайского народа. Грабительские домогательства Японии вызвали возмущение китайцев, которые все более активно выступали против империалистов. В начале 1915 г. начался бойкот японских товаров, вскоре охвативший

¹⁴⁴) «М. О.», серия III, т. VII, ч. 1, стр. 288 (примечание). Дешифрованный текст телеграммы японского министра иностранных дел от 16 февраля 1915 г.

¹⁴⁵) Там же, стр. 388—389. Посланник в Пекине министру иностранных дел, 3 марта/18 февраля 1915 г.

¹⁴⁶) «М. О.», серия III, т. VII, ч. 1, стр. 474—475. Японский министр иностранных дел Като японскому послу в Петрограде Мотоно, 13 марта/28 февраля 1915 г.

¹⁴⁷) G. Wood. The Twenty-One Demands, New York, 1921, p. 85.

основные районы страны. Под давлением Японии президент Юань Ши-кай в марте 1915 г. послал провинциальным властям Китая распоряжение, в котором требовал не допускать антияпонских выступлений¹⁴⁸). Однако антиимпериалистическое движение продолжалось, особенно сильным оно было на юге Китая. Антияпонскую агитацию вели «Патриотическая лига Китая», «Общество памяти национального движения Китайской Республики», «Общество защиты мира в Восточной Азии» и другие патриотические организации, которые проводили антияпонские митинги и демонстрации, посылали агитаторов, выпускали прокламации и в короткий срок собрали 33 млн. долларов в «фонд спасения Китая»¹⁴⁹).

В прокламациях, распространявшихся патриотическими обществами, китайцы призывались к сплочению и борьбе «в защиту интересов родины против покушения иностранцев»¹⁵⁰). В одном из воззваний, которое распространялось среди китайцев, проживавших на русском Дальнем Востоке, было сказано, что Япония стремится закабалить весь Китай, как она уже поработила Корею, и что пришло время всем китайцам «встать, как один человек, на защиту своего отечества. Пришло время, когда надо умереть со славой в борьбе за свободу. Не бойтесь японцев. Япония не так сильна...»¹⁵¹). В некоторых городах Центрального и Южного Китая отмечались столкновения китайцев с японскими торговцами и солдатами¹⁵²). В результате антияпонского бойкота ввоз японских товаров в Китай за первую половину 1915 г. по сравнению с этим же периодом предшествующего года уменьшился на 30 млн. иен¹⁵³). В июне 1915 г. под давлением японского правительства президент Юань Ши-кай опубликовал декрет, в котором осуждался бойкот японских товаров и предписывалось провинциальным властям принимать меры к его прекращению¹⁵⁴).

Реакционное правительство Юань Ши-кай боялось роста антиимпериалистического движения, поэтому оно основную надежду в борьбе против японской агрессии возлагало на противоречия империалистических держав. Как уже отмечалось, в конце февраля 1915 г. правительство Китая передало представителям великих держав полный текст японских тре-

¹⁴⁸) «Китай и Япония», 1915, № 227, стр. 7.

¹⁴⁹) Там же, № 229, стр. 124. См. также «Харбинский вестник», 12 июля 1916 г.

¹⁵⁰) АВПР. Китайский стол, д. 1588, л. 8. Донесение российского генерального консула от 18/5 февраля 1915 г.

¹⁵¹) АВПР. Китайский стол, д. 1584, лл. 158—160. Перевод китайской прокламации, переданной в МИД 10 мая/27 апреля 1915 г.

¹⁵²) «Китай и Япония», 1915, № 229, стр. 124.

¹⁵³) Там же, № 231, стр. 2.

¹⁵⁴) АВПР. Китайский стол, д. 1584, л. 218. Телеграмма русского посланника из Пекина от 30/17 июня 1915 г.

бований. Китайское правительство рассчитывало, что поскольку притязания Японии угрожают позициям других держав в Китае, последние вынуждены будут более активно выступить против японской агрессивной политики. Однако этого не случилось. Правительство Великобритании и США, которые обладали наибольшими возможностями для того, чтобы оказать на Японию соответствующее давление, продолжали проводить по отношению к последней вполне лояльную политику, что в тех конкретных условиях означало попустительство агрессии.

Правда, в Японии довольно открыто выражали недовольство позицией Англии в связи с японскими требованиями Китаю. Но в данном случае правящие круги Японии считали, что Великобритания должна помочь Японии в борьбе против Китая, поскольку Япония помогала Англии в войне против Германии. Следует отметить, что в японской прессе в первой половине 1915 г. было довольно много антибританских высказываний, но цель их заключалась прежде всего в том, чтобы удержать Англию от активного вмешательства в японо-китайский конфликт.

В конце января 1915 г. посол Великобритании в Токио сказал Малевскому-Малевичу, что Англия «в настоящее время не в состоянии вмешаться против желания Японии» в японо-китайские переговоры, «после только что оказанного японскими военными силами и флотом содействия англичанам в уничтожении германской мощи на Дальнем Востоке»¹⁵⁵). 5 февраля Э. Грей заявил русскому послу в Лондоне, что агрессивная политика Японии в Китае не затронула существа англо-японских отношений¹⁵⁶). 24 февраля русский посланник в Пекине Крупенский писал, что надежды китайского правительства на помощь со стороны Великобритании против японских посягательств не оправдались¹⁵⁷). Правительство Великобритании воздерживалось от какого-либо официального заявления относительно японской политики в Китае. В связи с этим постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании Никольсон указывал на «доверительные сношения», которые позволили «английскому правительству получить точное представление о действительных намерениях Японии», которая якобы под влиянием Англии пыталась «смягчить и ограничить» свои требования к Китаю¹⁵⁸).

¹⁵⁵) «М. О.», серия III, т. VII, ч. 1, стр. 188 (примечание). Выдержка из телеграммы Малевского-Малевича от 31/18 января 1915 г.

¹⁵⁶) Там же, стр. 185. Посол в Лондоне министру иностранных дел 5 февраля/23 января 1915 г.

¹⁵⁷) «М. О.», серия III, т. VII, ч. 1, стр. 320. Посланник в Пекине министру иностранных дел, 24/11 февраля 1915 г.

¹⁵⁸) Там же, стр. 331 и 342. Телеграмма Бенкендорфа из Лондона от 25/12 февраля и 27/14 февраля 1915 г.

Правительство Англии в связи с «21 требованием» стремилось не допустить дальнейшего ухудшения англо-японских отношений, но в то же время вынуждено было защищать интересы английских монополий, имевших крупные капиталовложения в Центральном Китае. В лондонских газетах, а также в английской дальневосточной прессе появились статьи, резко критикующие попытки Японии закрепиться в традиционной сфере английского влияния в Китае — бассейне реки Янцзы¹⁵⁹). В связи с этим газета «Осака майници» 11 апреля 1915 г. писала, что японские капиталовложения в бассейне реки Янцзы достигают 27 840 тысяч иен и что это дает Японии право отстаивать свои интересы в названном районе¹⁶⁰). В марте 1915 г., отвечая на запрос в парламенте «относительно позиции Англии в связи с «21 требованием», Э. Грей заявил, что правительство Великобритании не возражает против дальнейшей экспансии Японии в Маньчжурии и Внутренней Монголии, но в то же время он выразил надежду, что Япония откажется от своих притязаний в Центральном Китае¹⁶¹).

Правительство Франции проявило полное безразличие к японской агрессии в Китае. Японский посол в Париже сообщил, что французское правительство «не заявит возражений» Японии в связи с «21 требованием», а французские банки, «имеющие сношения с Дальним Востоком, даже приветствуют желание Японии приобрести в Китае новые права»¹⁶²). В данном случае французские финансисты рассчитывали на то, что, утвердившись в Китае, Япония будет искать средства, необходимые для эксплуатации китайских природных богатств на французском денежном рынке, что позволит теснее привязать Японию к блоку Антанты и принесет новые большие прибыли французским монополиям.

Царское правительство следило за ходом японо-китайских переговоров, но в основном лишь с той целью, чтобы не допустить ущерба «русским интересам» в Северо-Восточном Китае. Правда, Сазонов высказал японскому послу в Петрограде Мотоно свои возражения против первой статьи пятой группы требований относительно приглашения японских соотечественников в состав центрального китайского правительства, указав, что эта статья «производит впечатление, как будто бы Япония желает осуществить контроль над Китайской рес-

¹⁵⁹) Там же, стр. 321. Посланник в Пекине министру иностранных дел, 24/11 февраля 1915 г.

¹⁶⁰) «Китай и Япония», 1915, № 228, стр. 52.

¹⁶¹) «Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949)», М., 1956, стр. 266.

¹⁶²) «М. О.», серия III, т. VII, ч. 1, стр. 313. Японский посол в Петрограде Мотоно японскому министру иностранных дел Като, 23/10 февраля 1915 г.

публикой»¹⁶³). Царское правительство, отправившее войска с русского Дальнего Востока на австро-германский фронт, не могло выступить против агрессивной политики Японии, хотя дальнейшее укрепление японского империализма в Китае угрожало безопасности русских дальневосточных владений. Тем не менее в японской прессе появлялись заметки, в которых выражалось недовольство политикой России в связи с «21 требованием». Так, газета «Асахи» писала, что «политика Японии по отношению к Китаю не встретила поддержки со стороны русского общественного мнения, а русская печать осудила действия Японии»¹⁶⁴).

В начале февраля 1915 г. государственный департамент получил от японского посла в Вашингтоне текст «21 требования», в котором не была указана пятая группа требований. Против основных домогательств первых трех групп правительство США не выдвигало возражений, поэтому государственный департамент не предпринял каких-либо шагов, направленных против японской агрессии в Китае. Однако, получив от посланника Китая в Вашингтоне полный текст японских требований, государственный секретарь Брайан пришел к выводу, что принятие Китаем пятой группы требований «угрожало бы политической целостности и независимости Китая и материально дискриминировало бы другие нации, которые имеют право на равное обращение»¹⁶⁵). Правящие круги Соединенных Штатов Америки не собирались поступиться своими экономическими и политическими позициями в Китае. Ф. Даллес пишет, что «21 требование» было вызовом всей политики США на Дальнем Востоке, «прямым оскорблением» американским «материальным и идейным интересам в Китае»¹⁶⁶). Газета «Нью-Йорк сан» указывала, что «Соединенные Штаты ни при каких обстоятельствах не могут допустить того, чтобы движение Японии вперед происходило при невыполнении ею своих обязательств»¹⁶⁷).

Однако официальная позиция правительства США по отношению к японской агрессии в Китае продолжала оставаться умеренной. Президент Вильсон отверг предложение о том, чтобы оказать на Японию давление путем угрозы применения репрессивных мер по отношению к японцам, проживавшим в Калифорнии, и предложил сообщить в Токио взгляды правительства Соединенных Штатов относительно японских требований Китаю, не привлекая к этому вопросу «вмеща-

¹⁶³) Там же, стр. 328 (примечание).

¹⁶⁴) АВВР. Китайский стол, д. 1588, л. 22. Сообщение токийского корреспондента Петроградского телеграфного агентства от 14 мая 1915 г.

¹⁶⁵) «F. R.», 1915, p. 95. Брайан Рейншу, 19 февраля 1915 г.

¹⁶⁶) F. Dulles. Forty Years of American-Japanese Relations, New York — London, 1937, p. 110.

¹⁶⁷) Ibidem.

тельства прессы»¹⁶⁸). 13 марта государственный секретарь Брайан передал японскому послу в Вашингтоне меморандум, в котором излагалась позиция правительства США относительно «21 требования». Соединенные Штаты Америки выражали свое согласие признать «особые позиции» Японии в Шаньдуне, Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии, которые, как отмечалось в меморандуме, являлись следствием «территориального соприкосновения» этих областей Китая с Японией. Но, в то же время, правительство США выступало против четвертой и пятой групп требований и получения Японией экономических преимуществ, в том числе в провинции Фуцзянь, которые нарушили бы «договорные права» Соединенных Штатов в Китае. Американское правительство выражало пожелание, чтобы Япония воздержалась от «навязывания Китаю» таких предложений, которые могли бы «урезать политическую независимость» Китая и исключить американцев из равноправного участия в экономическом и промышленном развитии» Китайской республики¹⁶⁹).

Официальное заявление американского правительства относительно «21 требования», предпринятое с большим запозданием, носило доброжелательный по отношению к Японии характер и преследовало цель обеспечить интересы американского капитала в Китае от посягательств японского империализма. Выразив согласие признать особые интересы Японии в Шаньдуне, чего не признавал Китай, правительство США тем самым оказывало японскому правительству серьезную услугу. Недаром японские газеты по указанию министра иностранных дел Като отмечали, что американскую ноту от 13 марта «нельзя истолковывать как предупреждение, еще меньше как протест и что нет ни малейшей правды в сообщении, что Соединенные Штаты потребовали от Японии, чтобы она сделала свои требования умеренными»¹⁷⁰).

20 марта состоялась беседа американского посла в Токио с японским министром иностранных дел Като. Во время обмена мнениями Като утверждал, что статьи пятой группы носят характер «просьбы» и «пожелания», а не требований. В то же время Като решительно отстаивал пункт, запрещавший Китаю привлекать иностранный капитал для постройки железных дорог и портов в провинции Фуцзянь. Ссылаясь на то, что Фуцзянь находится недалеко от Тайваня и что американцы дважды (в 1900 и 1914 гг.) делали попытки устроить военноморскую базу в Фукиене, расположенном на побережье этой провинции, министр иностранных дел Японии заявил: «Любая

¹⁶⁸) «F. R.» (Lansing Papers), V. II, p. 402, 407. Письма Вильсона Брайану, от 25 февраля и 8 марта 1915 г.

¹⁶⁹) «F. R.», 1915, p. 105—111.

¹⁷⁰) «F. R.», 1915, p. 115. Посол США в Японии Гутри государственный секретарю, 21 марта 1915 г.

попытка любой страны создать там опорный пункт рассматривалась бы как недружественная и враждебная Японии»¹⁷¹⁾; Като настойчиво убеждал Гутри снять американские возражения относительно провинции Фуцзянь, доказывая, что эта провинция «гористая и бедная», а Япония под давлением США не может отказаться от своих притязаний там, так как это вызвало бы в Японии негодование против Соединенных Штатов, что в свою очередь подорвало бы «растущую сердечность в японо-американских отношениях».

Военно-морское командование Японии опасалось, что правительство США реализует концессию, полученную в марте 1914 г. Беттлхемской стальной компанией на постройку верфей и укреплений в Фукиене (провинция Фуцзянь), которые могли бы быть использованы американским флотом в случае японо-американской войны в качестве базы для операций против японского побережья и Тайваня. Государственный департамент вынужден был уступить Японии в вопросе о провинции Фуцзянь, но в то же время американская дипломатия следила за ходом японо-китайских переговоров, проявляя заботу о защите интересов американского капитала. Так, Брайан запрашивал американского посла в Токио, не приведут ли льготы, полученные японо-китайской Ханьепинской компанией, к тому, что в бассейне реки Янцзы не будут допускаться любые, конкурирующие с японскими, иностранные горнорудные предприятия¹⁷²⁾.

15 апреля, когда японо-китайские переговоры вступили в решающую стадию, государственный департамент по совету президента Вильсона предписал американскому посланнику в Пекине «неофициально» довести до сведения правительства Китая, что правительство Соединенных Штатов «не отказалось от каких-либо своих договорных прав в Китае и не уменьшило ни на йоту своих дружественных интересов во всем том, что касается промышленного и политического благосостояния Китая. Оно ожидает результатов настоящих переговоров с уверенным предположением, что права и обязанности Соединенных Штатов не будут затронуты и их интересам не будет нанесен ущерб»¹⁷³⁾. Цель данной акции государственного департамента заключалась не только в том, чтобы еще раз подтвердить «незыблемость» своих прав в Китае, но и в том, чтобы подтолкнуть правительство Китая к сопротивлению Японии в расчете, что ухудшение японо-китайских отношений создаст более благоприятные условия для укрепления американских позиций на Дальнем Востоке.

¹⁷¹⁾ «F. R.», 1915, p. 114.

¹⁷²⁾ «F. R.», 1915, p. 119, Брайан Гутри, 2 апреля 1915 г.

¹⁷³⁾ «F. R.» (Lansing Papers), v. II p. 417. Брайан Рейншу, 15 апреля 1915 г.

Японские империалисты, используя попустительство со стороны великих держав, усиливали свой нажим на Китай. Милитаристская пресса Японии разжигала военную истерию. Премьер Окума грозил Китаю войной¹⁷⁴). В Осака состоялось собрание представителей торгово-промышленных кругов Японии, которые несли значительные убытки в связи с антияпонским бойкотом. На этом собрании была принята резолюция, призывавшая правительство быстрее урегулировать японо-китайский конфликт, хотя бы для этого пришлось применить оружие¹⁷⁵).

26 апреля 1915 г. Хиоки передал Лу Чжэн-сяню несколько смягченный вариант «21 требования» и заявил, что принятие этих требований Китаем позволило бы Японии вернуть Китайской республике в «соответствующий благоприятный момент» арендованную Германией территорию в Цзяочжоу. Через четыре дня правительство Китая дает отрицательный ответ на предложение Японии. Тогда Япония начинает демонстративно производить подготовку к военным действиям против Китая. Происходит передвижение японского флота и армии. 5 мая Порт-Артур и Дайрен были объявлены на военном положении. Создавалось впечатление, что японский империализм не остановится перед развязыванием большой войны против Китая¹⁷⁶). В американской прессе появились сообщения о том, что Япония готовит Китаю ультиматум. С целью успокоения американской общественности государственный департамент опубликовал в газетах заявление японского посла в Вашингтоне о том, что Япония не покушается на политику «открытых дверей» в Китае и будет защищать американские договорные права¹⁷⁷).

Японо-китайская война ухудшила бы положение стран Антанты на Дальнем Востоке и могла толкнуть Китай на сближение с Германией, а также значительно подорвала бы позиции США на Дальнем Востоке. В таких условиях Великобритания и Соединенные Штаты Америки оказывают давление на правительство Китая и Японии, понуждая их ко взаимным уступкам. 6 мая 1915 г. государственный секретарь Брайан, в соответствии с распоряжением президента Вильсона, дал указание посланнику в Пекине Рейншу посетить министерство иностранных дел Китая «и настоять на том, чтобы переговоры между Китаем и Японией проводились в духе терпения и дружелюбия и продолжались до тех пор, пока не

¹⁷⁴) «Китай и Япония», 1915, № 228, стр. 91.

¹⁷⁵) «Китай и Япония», 1915, № 228, стр. 92.

¹⁷⁶) 7 мая русский генеральный консул в Харбине получил указание царского правительства о том, что в случае русско-китайской войны, КВЖД и полоса отчуждения должны быть объявлены нейтральными. См. АВПР, Китайский стол, д. 1584, л. 187.

¹⁷⁷) R. C и г г у. Op. cit., p. 125.

будет найдено дружеское решение существующих споров»¹⁷⁸). В тех конкретных условиях, когда Япония грозила войной Китаю, подобное заявление США означало прямое давление на Китай с целью принудить его пойти на уступки Японии.

В этот же день Брайан предписал американскому поверенному в делах в Токио сделать премьеру Окума «личное и неофициальное» заявление, в котором государственный секретарь призывал правительство Японии поступить с Китаем «в духе терпения» и «продолжать переговоры до тех пор, пока не будет найдено какое-либо дружеское решение существующих споров»¹⁷⁹). Характер американского обращения к Японии был значительно мягче и предупредительнее, чем характер аналогичного обращения к Китаю. Кроме того, 6 мая государственный департамент направил идентичные послания правительствам Великобритании, Франции и России, в которых правительства названных стран призывались сделать соответствующие представления в Пекине и Токио с целью недопущения японо-китайской войны¹⁸⁰).

6 мая министр иностранных дел Великобритании Э. Грей передал японскому послу в Лондоне меморандум, в котором выражалась «озабоченность» правительства Англии «перспективой войны между Японией и Китаем», которая, как отмечалось в меморандуме, могла бы «поставить под угрозу независимость и целостность Китая», а последние, как говорил Грей, «являлось одной из целей англо-японского союза». Правительство Великобритании выражало надежду, что Япония не откажется от продолжения мирных переговоров с Китаем, и обещало свое содействие в урегулировании японо-китайского конфликта¹⁸¹).

7 мая Э. Грей сообщил американскому послу в Лондоне Пэйджу о том, что японское правительство сняло пятую группу требований, отложив их для последующего обсуждения. В этот же день Грей довел до сведения посланника Китая в Лондоне пожелание правительства Великобритании о том, чтобы Китай принял японские требования¹⁸²). Таким образом, правительства Соединенных Штатов Америки и Великобритании в решающий момент переговоров поддержали японские домогательства, оказав давление на Китай. Англия и США не только не делали разницы между агрессором — Японией и жертвой агрессии — Китаем, но требовали от Китая принятия домогательств японского империализма. Формально по-

¹⁷⁸) «F. R.» (Lansing Papers), v. II, p. 422. Брайан Рейншу, 6 мая 1915 г.

¹⁷⁹) Ibid., p. 422—423.

¹⁸⁰) Ibid., p. 423. Брайан Пэйджу, 6 мая 1915 г.

¹⁸¹) «F. R.» (Lansing Papers), v. II, p. 424—425. Пэйдж Брайану, 7 мая 1915 г.

¹⁸²) Ibid., 425.

лучалось, что Япония отказалась от пятой группы требований под давлением Великобритании и США, но, как уже отмечалось, японское правительство еще в феврале решило отказаться от основных требований этой группы. Японские дипломаты умело славировали, сделав вид, что они идут на какие-то уступки, но в то же время добились осуществления своих замыслов.

7 мая 1915 г. Япония предъявила Китаю «новый вариант» «21 требования», в котором была опущена пятая группа за исключением статьи о включении провинции Фуцзянь в сферу японских интересов. Японское правительство, дав 48 часов на размышление, в ультимативной форме потребовало от правительства Китая принятия «21 требования», угрожая в противном случае прибегнуть к «таким независимым действиям, которые она сочтет необходимыми при данной ситуации»¹⁸³). Это была открытая угроза военного вторжения. Японский ультиматум вызвал новый взрыв возмущения китайского народа. Реакционное правительство Юань Ши-кая, боявшееся своего народа больше, чем империалистов, 9 мая капитулировало, объявив о том, что оно принимает японский ультиматум, но отказывается пересматривать договоры, заключенные с другими государствами и нарушенные вследствие принятия японских требований¹⁸⁴).

Правительство Соединенных Штатов Америки оказывало прямое давление на Китай, понуждая Юань Ши-каю на капитуляцию перед японским империализмом. Но после того, как капитуляция стала фактом, государственный департамент 13 мая 1915 г. передал в Пекин ноту, в которой заявлялось, что США не смогут признать «никакого соглашения или обязательства, в которое вступили или могут вступить правительства Китая и Японии и которое нарушает договорные права Соединенных Штатов и их граждан в Китае, политическую или территориальную целостность Китайской республики или международную политику относительно Китая, общеизвестную как политика «открытых дверей»¹⁸⁵). Идентичная нота была послана в Токио. Нота государственного департамента от 13 мая преследовала цель оградить интересы американского капитала в Китае и сохранить повод для выступления по этому вопросу в будущем, когда для США создадутся более благоприятные условия.

25 мая 1915 г. были подписаны японо-китайские договоры и произведен обмен нотами, уточнявшими некоторые из пунктов этих договоров. Первый договор касался Шаньдунской провинции¹⁸⁶). Китай обязывался признать любое соглашение,

¹⁸³) J. Mac Murray. Op. cit., v. II, p. 1234—1235.

¹⁸⁴) Ibid., p. 1236.

¹⁸⁵) J. Mac Murray. Op. cit., v. II, p. 1236.

¹⁸⁶) Ibid., p. 1216—1219.

которое будет достигнуто между Германией и Японией относительно «передачи всех прав, интересов и концессий, которые Германия имела в Шаньдунской провинции», в пользу Японии (ст. 1). Япония получила право финансировать строительство железной дороги от Чифу или Лукноу до соединения ее с Циндао-Цзинаньской линией (ст. 2). Китай обязывался открыть для иностранной торговли несколько портов в Шаньдунской провинции, а также не уступать и не сдавать в аренду каких-либо пунктов на островах и побережье этой провинции. Устанавливалось, что если после окончания войны Киао-Чао с крепостью Циндао будут переданы Японии, то последняя вернет их Китаю при условии, если Китай, по выбору Японии, разрешит последней создать японский сэттльмент в Шаньдунской провинции. Последнее обязательство Японии было весьма неопределенным и использовалось японской делегацией на Парижской мирной конференции в 1919 г. в качестве предлога для оправдания своих домогательств на господство в Шаньдунской провинции.

Во втором договоре были зафиксированы новые «права» и преимущества, которых японский империализм добивался в Южной Маньчжурии и восточной части Внутренней Монголии в соответствии со второй группой «21 требования»¹⁸⁷). Срок японской аренды Южно-Маньчжурской и Мукден-Аньдунской железных дорог, Порт-Артура и Дайрена был продлен до 99 лет, что предполагало их сохранение за Японией до начала XXI века. Китай обязался пересмотреть в пользу Японии договор о Гирин-Чаньчунской железной дороге. Япония получала преимущественное право на предоставление займов для любой цели на нужды Южной Маньчжурии (Мукденская и Гиринская провинции) и на назначение сюда японских советников. Кроме того, японским предпринимателям предоставлялось право на получение горных концессий и строительство железных дорог в Южной Маньчжурии и восточной части Внутренней Монголии.

Китай признавал господствующую роль японского капитала в Ханьпинской угольно-металлургической компании и отказывался прибегать к иностранным займам (за исключением японских) на нужды этой компании¹⁸⁸). Таким путем японские монополии, вложившие к этому времени в Ханьпинский комбинат около 20 млн. иен, закрепляли там свое преобладание. Китайское правительство обязалось не разрешать другим государствам строить на побережье провинции Фуцзянь угольные станции, верфи и морские базы.

Навязав Китаю основные статьи «21 требования», японский империализм намного укрепил позиции в Южной Маньчжурии и добился от китайского правительства признания

¹⁸⁷) J. M a c M u r r a y. Op. cit., v. II, p. 1220—1221.

¹⁸⁸) Ibid., p. 1229—1230.

в качестве японских сфер влияния восточной части Внутренней Монголии, а также Шаньдунской и Фунцзянской провинций. Соглашением о Ханьпинской компании Япония укрепила свои позиции в Центральном Китае. В свете изложенного нельзя согласиться с американскими авторами, которые в специальном исследовании, посвященном взаимоотношениям Китая с Японией и другими великими державами, утверждают, что «главным результатом «21 требования» было укрепление позиций Японии в Южной Маньчжурии и Восточной Внутренней Монголии»¹⁸⁹).

Через несколько дней после подписания японо-китайских соглашений американский посланник в Китае Рейнш по поручению государственного департамента довел до сведения китайского правительства, что Соединенные Штаты не признают исключительных прав, полученных Японией по договорам от 25 мая 1915 г., и считают, что эти права, на основе принципа наибольшего благоприятствования, «распространяются на американских граждан»¹⁹⁰). Таким образом, американские империалисты стремились воспользоваться плодами японской агрессии в Китае.

8 июня 1915 г. в Токио состоялся обмен грамотами об утверждении японо-китайских соглашений от 25 мая¹⁹¹). Однако эти соглашения не принесли японскому монополистическому капиталу ожидаемых выгод. Спротивление китайского народа японской агрессии усилилось. День 25 мая в Китае стали называть «днем национального позора». Китайский парламент не ратифицировал японо-китайские соглашения. Китайцы справедливо считали Юань Ши-кая виновником капитуляции перед Японией; его позиции в правительстве были ослаблены, усиливалось революционное и патриотическое движение, особенно в южных провинциях Китая. Французский буржуазный историк П. Ренувен вынужден признать, что последствием «21 требования» явился «взрыв китайского национализма, направленный прежде всего против Японии»¹⁹²). Японо-китайские отношения были надолго испорчены. В июне 1915 г. начальник Заамурского отдельного округа пограничной стражи сообщал, что «во всем Китае идет агитация против Японии, почему нельзя быть уверенным, что японо-китайский конфликт разрешен окончательно»¹⁹³).

Японское правительство для того, чтобы несколько успокоить общественное мнение в Китае, согласилось восстано-

¹⁸⁹) См. M. Cameron, T. Mahoney, G. McReynolds. *China, Japan and Powers*, New York, 1952, p. 365.

¹⁹⁰) «Тихий океан, 1936, № 3(9), стр. 234.

¹⁹¹) «М. О.», серия III, т. VIII, ч. I, стр. 174. Посол в Токио министру иностранных дел, 19/6 июня 1915 г.

¹⁹²) P. Renouvin. *Op. cit.*, p. 286.

¹⁹³) АВПР. Китайский стол, д. 1584, л. 217.

вить деятельность китайских морских таможен в Циндао. Договор об этом был подписан в августе 1915 г.¹⁹⁴). По условиям соглашения к Японии переходили таможенные права и привилегии, полученные в свое время Германией. Кроме того, китайское правительство обязалось увеличить число японских таможенных советников, находившихся на китайской службе.

Политика японского правительства в Китае в связи с предъявлением «21 требования» подвергалась критике с двух сторон. Лидеры оппозиционной партии сэйюкай критиковали правительство Окума за агрессивные методы японской экспансии в Китае, которая испортила японо-китайские отношения и привела к антияпонскому бойкоту. В июне 1915 г. лидер партии сэйюкай Хара внес в парламент законопроект, осуждавший внешнеполитическую линию японского правительства. Законопроект не прошел, но за него было подано 130 голосов¹⁹⁵).

Крайние милитаристы критиковали правительство Окума и министра иностранных дел Като за «слабую и нерешительную» политику во время японо-китайского кризиса и медленную реализацию преимуществ, полученных Японией в результате «21 требования». Наиболее агрессивно настроенные идеологи японского империализма выдвигали предложение о разделе Китая. 15 июня в газете «Кокумин симбун» была опубликована статья «Сущность принципа сохранения целостности Китая», автор которой писал, что Япония, «с одной стороны, настаивает на сохранении целостности Китая, а с другой, стремится расширить в нем свои интересы и закрепить их: все это может сойти за самое обычное явление. Одного только следует бояться — именно того, что как бы наша нация не приняла пресловутый принцип сохранения целостности Китая за действительную основу внешней политики Японии и не стала бы стараться для пользы чужой страны — Китая». Затем газета отмечала, что другие великие державы стремятся к разделу Китайской республики¹⁹⁶).

«21 требование» привело к дальнейшему ухудшению англо-японских отношений. Правящие круги Японии обвиняли Великобританию в том, что последняя не оказала Японии должной поддержки в период японо-китайского кризиса, а в Англии все больше убеждались в том, что Япония в своей внешней политике выходит из-под контроля Великобритании в результате отвлечения сил Англии с Дальнего Востока и улучшавшегося финансового положения Японии. Стремясь не допустить японского преобладания в горнодобывающей

¹⁹⁴) J. M a s M u g g a y. Op. cit., v. II, p. 1246.

¹⁹⁵) «Тихий океан», 1936, № 3(9), стр. 232.

¹⁹⁶) «Китай и Япония», 1915, № 230, стр. 93—96.

промышленности Центрального Китая (в связи с созданием Ханпинского комбината), английские монополии добывались там новых концессий. 7 мая 1915 г. было подписано соглашение между английским Пекинским синдикатом и китайскими властями, по которому синдикат получил право на добычу угля в провинции Хэнань. Для торговли углем в провинции Хэнань создавалась англо-китайская смешанная корпорация с капиталом в 1 миллион долларов. Главой корпорации назначался англичанин¹⁹⁷⁾.

В правительственных и торгово-промышленных кругах Англии выражали серьезное недовольство тем, что Япония, хотя и объявила войну Германии, но в то же время продолжала поддерживать торговые сношения с ней, причем германские грузы, ввозившиеся в Японию, облагались льготными пошлинами на основе конвенционного тарифа¹⁹⁸⁾. Германские фирмы продолжали поддерживать торговлю с Японией и Китаем через нейтральные европейские государства. В Китае Германия закупала необходимые ей виды сырья и продовольствия, часто используя в качестве посредников японских торговцев. В связи с этим правительство Великобритании обратилось к Японии с просьбой запретить своим подданным совершать торговые сделки в Китае с немцами и австрийцами¹⁹⁹⁾. В связи с этим газета «Ямато» в номере от 24 мая 1915 г. писала: «Мотив, побуждающий Англию выступить с подобным предложением, есть не что иное, как желание расширить за счет других свою торговлю на Дальнем Востоке. Япония сама знает, что ей предпринимать, и вовсе не намерена разрушать миролюбивые предприятия немцев в пользу Англии. Англичанам неприятно, что японская торговля развивается в Китае, и они предвидят там столкновение своих интересов с японскими»²⁰⁰⁾.

Японское правительство ответило отказом на предложение Англии запретить японским подданным, находившимся в Китае, вступать в торговые сделки с немцами и австрийцами. Правда, японское правительство в июле 1915 г. дало распоряжение японским судовладельцам не перевозить немецких и австрийских грузов. Но последнее распоряжение, по мнению русского посла в Токио, особого значения не имело, так как японские пароходы не справлялись с перевозкой собственно японских грузов в Китай и другие страны. Следует отметить, что в это же время японские власти разрешили не-

¹⁹⁷⁾ J. Mac Millan. Op. cit., v. II, p. 1203—1210.

¹⁹⁸⁾ «Бюллетень справочной части по внешней торговле Министерства торговли и промышленности», 1915, № 8.

¹⁹⁹⁾ «М. О.», серия III, т. VIII, ч. 1, стр. 168. Посол в Токио министерства иностранных дел, 18/5 июня 1915 г.

²⁰⁰⁾ Там же, стр. 85—86. Посол в Токио министру иностранных дел, 3 июня/21 мая 1915 г.

мецким фирмам свободную перевозку и продажу германских товаров, находившихся в Циндао²⁰¹).

Лидеры военно-бюрократических кругов Японии выступали как крайние ультранационалисты и подвергали правительство Окума, особенно министра иностранных дел Като, резким нападкам за неудачные методы подчинения Китая и проанглийскую политику. Ярким противником Като показал себя член гэнро- маркиз Иноуэ, который был главным советником концерна Мицуи, имевшего в Китае обширные капиталовложения²⁰²). Посол Англии в Токио Грин говорил Малевскому-Малевичу о том, что для правительства Великобритании уход в отставку министра иностранных дел Като был бы нежелателен, так как его «твердая политика... внушала доверие английскому общественному мнению»²⁰³). В августе 1915 г. под давлением ультранационалистов Като ушел в отставку²⁰⁴). Министром иностранных дел Японии стал Исии, занимавший до этого пост японского посла в Париже.

Ухудшение англо-японских отношений ускорило присоединение Японии к Лондонской англо-франко-русской декларации от 4 сентября 1914 г. о незаключении сепаратного мира с Германией. Как уже отмечалось, в январе 1915 г. выяснилось, что англо-франко-русско-японские переговоры относительно создания Четверного союза окончились неудачей. Несмотря на это французская и царская дипломатия продолжали зондировать почву относительно такого соглашения с Японией, которое могло бы связать прочнее Японию со странами Антанты. Вновь назначенный министр иностранных дел Японии К. Исии считал, что присоединение к Лондонской декларации сделает Японию союзником Франции и России и усилит ее позиции на мирной конференции после окончания войны. Поэтому он в августе 1915 г. вступил в переговоры с министрами иностранных дел Англии и Франции относительно присоединения Японии к Лондонской декларации, выдвинув условие, чтобы страны Антанты сами официально пригласили Японию подписать Тройственную декларацию²⁰⁵). 18 сентября 1915 г. английский, французский и русский послы в Токио по поручению своих правительств передали японскому правительству приглашение примкнуть к Лондонской декларации. Не лишен интереса тот факт, что правительство Франции еще не теряло надежды привлечь японские войска

²⁰¹) Там же, стр. 499—500. Посол в Токио министру иностранных дел, 27/14 июля 1915 г.

²⁰²) «М. О.», серия III, т. VIII, ч. 1, стр. 389—390. Посол в Токио министру иностранных дел, 12 июля/29 июня 1915 г.

²⁰³) Там же, ч. 2, стр. 16. Посол в Токио министру иностранных дел, 7 августа/25 июля 1915 г.

²⁰⁴) Н. V o r t o n. Op. cit., p. 282.

²⁰⁵) К. Исии. Указ. соч., стр. 80.

в Европу и хотело использовать с этой целью присоединение Японии к Тройственной декларации²⁰⁶).

19 октября правительство Японии официально объявило о своем присоединении к Лондонской декларации. Вскоре к этой декларации присоединилась Италия. То, что Япония затянула на много месяцев свое официальное вступление в блок стран Антанты, было не случайным. Японское правительство подписало Лондонскую декларацию лишь после того, как оно навязало «21 требование» Китаю. В период японо-китайского конфликта 1915 г. японские дипломаты недвусмысленно давали понять представителям стран Антанты, что если они не поддержат Японию в борьбе против Китая, то это может толкнуть японцев на сближение с Германией. Но после того, как японский империализм навязал Китаю новые неравноправные договоры, позиция Японии изменилась. Теперь японское правительство нуждалось в поддержке стран Антанты для того, чтобы добиться от великих держав признания японских захватов в Китае на послевоенной мирной конференции. Акаги писал, что «участие Японии в Лондонской декларации автоматически делало ее членом «Большой пятерки» в возможных мирных переговорах»²⁰⁷).

В октябре — декабре 1915 г. японские банки навязали Китаю несколько новых займов. В их числе был заем в 6,5 миллионов иен на реконструкцию Гирин-Чаньчунской железной дороги, которая на 30 лет переходила под контроль и управление Японии²⁰⁸). Июкогама-спешу банк выдал 5-процентный заем в 5 млн. иен для постройки железной дороги Сыпин-Чженцзятун, которая строилась под руководством японских инженеров и обеспечивалась оборудованием и подвижным составом из Японии²⁰⁹). Эта дорога вступила в строй в 1917 г.

Война улучшила международное положение Японии, которая получила свободу рук на Дальнем Востоке. Японские империалисты использовали мировую войну для установления своего господства в Китае. С начала войны для осуществления этих планов Японии создалась исключительно благоприятная обстановка. Китай был внутренне слаб, а его правители готовы были идти на уступки японскому империализму, дабы сохранить свое господство в стране. Противодействие других империалистических держав, защищавших свои интересы в Китае, как фактор, сдерживавший японскую экспансию, значительно ослабело, так как первая мировая вой-

²⁰⁶) «М. О.», серия III, т. VIII, ч. 2, стр. 351—352. Посол в Токио министру иностранных дел, 23/10 сентября 1915 г.

²⁰⁷) H. A k a g i. Op. cit., p. 320.

²⁰⁸) J. M a c M u r r a y. Op. cit., v. II, p. 1390—1397.

²⁰⁹) Ibid., p. 1249—1257.

на оказалась затяжной и приковала к фронтам войны основные силы великих держав Европы, а затем и США.

Оказать противодействие дальнейшему укреплению позиций Японии в Китае могли либо США, либо Россия в случае выхода последней из войны, например, путем сепаратного мира с Германией, чего опасались в Японии²¹⁰). Правящие круги Соединенных Штатов Америки понимали, какую серьезную опасность для интересов американского империализма будет представлять установление японской гегемонии в Восточной Азии. Газета «Нью-Йорк таймс» в передовой статье писала: «Общепризнано, что политика Японии заключается в том, чтобы провозглашать и поддерживать свой контроль и превосходство в азиатских водах Тихого океана, вероятно, с целью конечного исключения влияния западных наций»²¹¹).

Многие американские буржуазные историки преувеличивают роль Соединенных Штатов Америки в деле сдерживания японской экспансии в Китае в 1915 г. Так, Грисуолд пишет: «В то время, как Британия и ее союзники сражались за то, чтобы сдержать немецкие экспансионистские тенденции в Европе, Соединенные Штаты через увещевания, дипломатическое давление, политическое и военное вмешательство отражали японские экспансионистские тенденции на Дальнем Востоке»²¹²). Кари указывает, что первая мировая война нарушила «равновесие сил на Дальнем Востоке, оставив Японию господствовать в Азии». Он считает, что США не могли должным образом воспрепятствовать японской экспансии в Китае как в силу того, что «Филиппины оставались заложником» для Японии, так и по причине поддержки Японии европейскими государствами²¹³). Вышеизложенные факты опровергают защитников американского империализма и свидетельствуют о том, что Соединенные Штаты Америки, подобно другим империалистическим державам, попустительствовали японской агрессии и стремились использовать Японию в качестве жандарма в борьбе против национально-освободительного движения народов Азии.

²¹⁰) См. К. И с и и. Указ. соч., стр. 84—85.

²¹¹) F. Dulles. Forty Years of American — Japanese Relations, New York — London, 1937, p. 104.

²¹²) A. Griswold. Op. cit., p. 176.

²¹³) R. C. Suggs. Op. cit., p. 7.

**ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА
ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ в 1916—1917 гг.**

**I. Ослабление роли и позиций России на Дальнем Востоке.
Русско-японский союзный договор 1916 г.**

Значительную роль в развитии русско-японских отношений во время мировой войны играли военные поставки из Японии для русской армии. К. Исии пишет, что Япония помогла России вооружением и снаряжением, боясь сепаратного мира между Россией и Германией и возможности заключения русско-германского союза¹). В данном случае К. Исии подчеркивает лишь одну сторону вопроса и не отмечает того факта, что военные поставки оказались весьма прибыльным делом для японского капитала и использовались правительством Японии в целях давления на царскую Россию.

В конце августа 1914 г. русское правительство сделало первую попытку воспользоваться обещанной японцами помощью и обратилось к Японии с просьбой продать тяжелые артиллерийские орудия²). Военный министр Японии ответил, что по закону министерство не может продавать оружие, переданное в армию³). Тогда по предложению верховного главнокомандующего министерство иностранных дел России 4 сентября 1914 г. обратилось к японскому правительству с просьбой направить на русско-германский фронт части японской осадной артиллерии вместе с японскими офицерами и солдатами⁴). Японское правительство отнеслось к этой просьбе отрицательно и, в свою очередь, предложило передать России 16 осадных орудий, взятых японцами во время занятия Порт-Артура. Первоначально командование русской армии отказалось взять эти орудия, так как они устарели и военной ценности не имели. Затем Сазонов и Сухомлинов

¹) К. Исии. Указ. соч., стр. 84—85.

²) 1 сентября 1914 г. Сазонов телеграфировал Малевскому-Малевичу в Токио, прося, чтобы последний спешно поговорил с Като об уступке России тяжелой осадной артиллерии, снарядов и винтовок. См. «М. О.», серия III, т. VI, ч. I, стр. 209 (примечание).

³) Там же, стр. 207.

⁴) Там же, стр. 209. Товарищ министра иностранных дел послу в Токио, 4 сентября/22 августа 1915 г.

согласились принять орудия в качестве символического знака примирения и «залога солидарности» между русской и японской армиями. Передача орудий состоялась в ноябре 1914 г. на станции Куаньченцзы Китайско-Восточной железной дороги⁵). Переговоры о продаже японского оружия русской армии продолжались.

Японское правительство тянуло с оказанием реальной помощи России. Оно выжидало исхода боев на европейских театрах войны и рассматривало вопрос о компенсациях, которые можно было бы потребовать с союзников за оказание им помощи. После того, как в Японии убедились, что Германии не удалось достигнуть решающей победы в 1914 г., и война приняла затяжной характер, японское правительство, предьявившее в 1915 г. известное «21 требование» Китаю и боявшееся противодействия стран Антанты, пошло на оказание помощи России и Англии вооружением, снаряжением и боеприпасами.

В январе 1915 г. представители царских властей в Японии купили и заказали 335 тыс. винтовок и 87,5 млн. патронов к ним, 351 орудие, около 70 тыс. снарядов, более 0,5 млн. шрапнелей и т. д.— всего на 38 млн. иен. Кроме того, было куплено и заказано 10 млн. аршин мундирного и шинельного сукна, более 600 тыс. пар сапог, 30 тыс. седел и другие предметы снаряжения всего на 42 млн. иен. Большая часть вооружения, снаряжения и боеприпасов была закуплена из запасов японского военного министерства. Остальное куплено у частных фирм при содействии представителей японского правительства⁶).

Следует отметить, что японские военные власти продали в Россию значительное количество устаревших винтовок и орудий, которые уже были сняты с вооружения, и получили от этого значительные выгоды. В 1916 г. отмечалось, что Япония продает России оружие по цене на 100% выше действительной стоимости и нажила сотни миллионов⁷). Для японских фирм и монополий продажа снаряжения, обмундирования и других товаров по русским правительственным заказам была также весьма доходным делом и вызвала оживление в японской промышленности. Японская пресса предавала широкой огласке русские военные заказы и стремилась всячески подчеркнуть, что помощь, оказываемая Японией России, в этом отношении исключительно велика.

В 1915 г. командование германо-австрийского блока предприняло крупнейшее наступление на Восточном фронте с целью вывести Россию из войны. Летом 1915 г. русские вой-

⁵) «М. О.», серия III, т. VI, ч. 1, стр. 244—245.

⁶) «М. О.», серия III, т. VII, ч. 1, стр. 156—158. Сообщение посла в Токио министру иностранных дел от 1 февраля/19 января 1915 г.

⁷) «Вестник Азии», 1916, кн. II—III, стр. 13.

ска терпели поражение и несли большие потери в боях против германских и австро-венгерских войск. Число убитых, раненых и пленных в период с мая по октябрь достигло 1 700 тыс. человек. Было утрачено громадное количество оружия. Для формирования новых армий не было даже винтовок. Англия и Франция не торопились с оказанием помощи России, да они и не имели достаточного количества свободного оружия. В таких условиях было решено обратиться к Японии.

11 августа 1915 г. министр иностранных дел России Сазонов через японского посла в Петрограде Мотоно просил Японию, как можно быстрее продать России один миллион винтовок. «Удовлетворением этой нашей просьбы,— заявил Сазонов,— японское правительство окажет нам услугу, которая не забудется в России и определит навсегда дружественное Японию направление русской политики». Здесь же министр иностранных дел России говорил: «Мы искренне убеждены в пользе и необходимости тесного политического единения России и Японии» и подчеркивал, что английское и французское правительство знают о данном обращении к Японии⁸⁾. Царское правительство выразило готовность пойти на серьезные уступки Японии в случае продажи винтовок. Сазонов дал понять Мотоно, что царское правительство может уступить свою часть КВЖД в японской зоне влияния Маньчжурии⁹⁾.

Положение русской армии было тяжелым. Английский посол в Петрограде Бьюкенен в телеграмме Э. Грею сообщал, что «военное положение может через некоторое время стать критическим», а Япония является страной, которая одна могла бы доставить немедленно ружья¹⁰⁾. Одновременно с этим царское правительство вело переговоры о покупке ружей в Италии и даже запрашивало, нельзя ли купить винтовки в Сиаме¹¹⁾.

Просьба России о поставке ружей была поддержана английским и французским правительствами. 22 августа 1915 г. премьер-министр Японии граф Окума имел по этому вопросу продолжительную беседу с русским послом в Токио Малевским-Малевичем. Окума заявил, что просьба России о продаже винтовок обсуждалась на заседании кабинета министров Японии, который принял решение усилить работу государственных оружейных заводов, а также привлечь к делу частных

⁸⁾ «М. О.», серия III, т. VIII, ч. 2, стр. 45—46. Министр иностранных дел послу в Токио Малевскому-Малевичу, 11 августа/29 июля 1915 г.

⁹⁾ Там же, стр. 80. Английский посол в Петрограде Бьюкенен Э. Грею, 14/1 августа 1915 г.

¹⁰⁾ «М. О.», серия III, т. VIII, ч. 2, стр. 66. Английский посол в Петрограде Грею, 12 августа/30 июля 1915 г.

¹¹⁾ Там же, стр. 79—80.

предпринимателей, отказавшись от государственной монополии на производство огнестрельного оружия. Относительно немедленных поставок ружей Окума заявил, что Япония уже передала 430 тыс. ружей России и 200 тысяч другим союзникам, и пока не имеет возможности продать какое-либо количество винтовок из опасения ослабить собственную армию. Здесь же премьер-министр Японии дал заверение в дружественном отношении Японии к России и советовал послать имевшиеся на Дальнем Востоке русские войска на фронт, так как «японская армия,— говорил Окума,— в случае надобности, готова принять на себя поручение поддержать порядок» в русских дальневосточных областях¹²⁾. Последнее заявление Окума относительно «поддержания порядка» свидетельствовало о готовности японского правительства, по распоряжению которого японский флот принял незадолго перед этим участие в подавлении восстания индийских солдат и матросов в Сингапуре, и впредь выступать в роли душителя революционного движения. Кроме того, вывод русских войск с Дальнего Востока предоставил бы Японии почти полную свободу действий в Китае и русских дальневосточных владениях.

Три дня спустя, 25 августа 1915 г., Окума в присутствии английского и французского послов в Токио довел до сведения Малевского-Малевица, что военные власти Японии считают невозможным выделить какое-либо количество ружей немедленно, так как это ослабит японскую армию, и что Япония сможет снабжать Россию ружьями только по мере их изготовления¹³⁾.

Царское правительство попало в зависимость от Японии в деле снабжения оружием и военным снаряжением. Правящие круги Японии хотели извлечь из данного факта возможно большие политические и экономические выгоды, а не ограничиться частной, может быть и весьма значительной, компенсацией. 1 сентября 1915 г. премьер Окума в телеграмме на имя японского посла в Петрограде Мотоно писал, что «русские власти лишь на словах выражают благодарность, и мы немного сомневаемся, оценивают ли они действительно наше лояльное отношение», далее он отмечал, что японское «правительство в настоящее время не может согласиться на какие-либо предложения о компенсациях»¹⁴⁾.

Для осуществления агрессивных замыслов Японии было выгодным возможно большее ослабление России. Чем боль-

¹²⁾ Там же, стр. 120—121. Посол в Токио министру иностранных дел, 22/9 августа 1915 г.

¹³⁾ «М. О.», серия III, т. VIII, ч. 2, стр. 141—142. Посол в Токио министру иностранных дел, 25/12 августа 1915 г.

¹⁴⁾ Там же, стр. 193—194.

шие поражения несла царская армия на фронте, тем уступчивее становились царские дипломаты на Дальнем Востоке. С точки зрения интересов японского империализма поражение царской России в войне было неопасным: в случае необходимости Япония могла переметнуться в германский лагерь и получить компенсацию за счет русских дальневосточных земель. Поэтому в период наиболее тяжелого положения русской армии японское правительство тянуло с оказанием помощи России. Необходимо учитывать и то, что Япония стремилась сохранить достаточное количество оружия для осуществления собственных империалистических замыслов.

В сентябре 1915 г. между представителями Японии и России велась переписка по вопросу о привлечении частной японской промышленности к производству оружия для русской армии. Царское правительство готово было перевести в Токио 15 млн. рублей для этой цели¹⁵⁾. Правительство Японии предложило за счет расширения производства поставить для русской армии в течение 4-х лет 2 млн. японских винтовок. Военный министр Поливанов отнесся отрицательно к данному предложению. Он писал, что русской армии немедленно нужны винтовки¹⁶⁾. Тогда Сазонов выдвинул компромиссное предложение, суть которого заключалась в том, чтобы Япония немедленно передала России 200 тыс. штук винтовок, а остальные 1800 тыс. штук поставила в течение четырех лет. В телеграмме русскому послу в Токио от 28 октября 1915 г. Сазонов писал, что в четырехлетних поставках японских ружей нет особой надобности, однако Россия пойдет на это с целью обеспечить «соответствующим заказом японскую промышленность», если Япония даст возможно быстрее 200 тыс. винтовок¹⁷⁾. «Правительство Японии не пошло на уступки и обещало поставить 200 тыс. винтовок только в период с июня по сентябрь 1917 г. Соглашение не состоялось. В это же время японское правительство ответило отказом на русские военные заявки по поставке боеприпасов, пулеметов и т. д.¹⁸⁾.

По данным А. Маниковского, Россия получила из Японии в период мировой войны 1135 орудий, 400 тыс. винтовок и 80 млн. патронов к ним¹⁹⁾. А. Сидоров считает, что из 2471 тыс. винтовок, поставленных союзниками России, 635 ты-

¹⁵⁾ «М. О.», серия III, т. VIII, ч. 2, стр. 309. Министр иностранных дел послы в Токио, 16/3 сентября 1915 г.

¹⁶⁾ Там же, стр. 479. Военный министр министру иностранных дел, 12 октября/29 сентября 1915 г.

¹⁷⁾ «М. О.», серия III, т. IX, стр. 84—85. Министр иностранных дел послы в Токио, 28/15 октября 1915 г.

¹⁸⁾ Там же, стр. 79, 465—466.

¹⁹⁾ А. А. Маниковский. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1937, стр. 227, 410.

сяч было поставлено Японией²⁰). По данным К. Исии, японское правительство передало за годы войны в Россию вооружения и снаряжения на 300 млн. иен²¹), кроме того значительное количество военных материалов поставляли частные японские предприниматели, получавшие от военных поставок большие барыши.

Русское правительство рассчитывалось за японские военные поставки золотом, перечислением в Токио части английских кредитов и размещением краткосрочных, обычно годовых, займов в Японии. В октябре 1915 г. японское министерство финансов предложило царскому правительству передать до июня 1916 г. в Японию, в счет платы по военным заказам, золота на 30 млн. иен и сообщило о возможности разместить в Японии краткосрочные обязательства русского государственного казначейства на 50—60 млн. иен²²). Ранее указывалось, что подобный заем может быть выпущен со сроком погашения в один год из расчета 5,5% годовых плюс 1% куртажа²³).

К лету 1916 г. на подобных довольно тяжелых условиях в Японии было размещено краткосрочных обязательств русского казначейства на 60 млн. рублей²⁴). Всего царское правительство получило японских кредитов на сумму до 150 млн. иен²⁵).

В правительственных кругах Японии все больше укреплялась мысль о том, чтобы использовать ослабление царской России и ее зависимость от японских кредитов и поставок оружия в целях закрепления японского преобладания на Дальнем Востоке путем подписания русско-японского союзного договора. В январе 1915 г. официоз японского правительства — газета «Джапан таймс» в статье о взаимоотношениях России и Японии писала, что одним из последствий наступающей войны является «окончательное уничтожение гой враждебности, которая продолжалась в течение десяти лет между Японией и Россией»; затем указывалось, что идея русско-японской конвенции 1907 г. исходила больше от Англии и Франции, чем от России, а так как теперь сложилась новая обстановка, то Япония и Россия должны сблизиться и совместно отстаивать свои интересы в Китае, который после войны, как писала «Джапан таймс», вновь «станет

²⁰) А. Л. Сидоров. Отношения России с союзниками и иностранные поставки во время первой мировой войны (1914—1917 гг.) «Исторические записки». 1945, т. 15, стр. 134.

²¹) К. Исии. Указ. соч., стр. 85.

²²) «М. О.», серия III, т. VIII, ч. 2, стр. 469—470. Посол в Токио министру иностранных дел, 11 октября/28 сентября 1915 г.

²³) Там же (примечание).

²⁴) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 12, д. 1534, л. 1.

²⁵) А. Л. Сидоров. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917 гг.). М., 1960, стр. 406.

ареной международных интриг». Затем в статье отмечалось, что Россия страна земледельческая, а Япония быстро становится промышленной, поэтому оба государства будут взаимно дополнять друг друга²⁶⁾). Один из наиболее распространенных в Японии журналов «Тайо» почти весь свой политический отдел январского выпуска 1915 г. посвятил обсуждению вопроса о заключении русско-японского союзного договора²⁷⁾).

В русской прессе также стали появляться статьи о русско-японском сближении. По условиям военного времени, как правило, публиковались лишь статьи авторов, положительно относившихся к данному вопросу, однако среди представителей правящих кругов царской России имелись влиятельные лица, относившиеся к идее русско-японского союза отрицательно. В феврале 1915 г. член Государственного совета, сенатор П. Ф. Унтербергер, бывший ранее приамурским генерал-губернатором, направил председателю Совета министров И. Л. Горемыкину записку по вопросу русско-японских отношений. Унтербергер доказывал, что Япония добивается не только укрепления своих позиций в Китае, но стремится оттеснить Россию от берегов Тихого океана и лишить ее сильного флота. Он считал момент для переговоров с Японией неблагоприятным, так как силы России были отвлечены на европейские фронты, поэтому Япония надеялась на выгодные условия союза. Унтербергер советовал не отказываться от предложенного Японией соглашения, что сразу бы ухудшило русско-японские отношения, а предлагал отложить переговоры по этому вопросу до окончания войны и возвращения русских войск в Сибирь и на Дальний Восток²⁸⁾).

Министр иностранных дел Сазонов не согласился с точкой зрения Унтербергера. В письме на имя Горемыкина Сазонов настаивал на необходимости сближения с Японией. «На Дальнем Востоке в ближайшие годы, а может быть и десятилетия,— писал Сазонов,— нам предстоит искать мира и дружбы с нашими соседями и конечно, прежде всего, с сильнейшим из них — Японией. Вот почему, я полагаю, что нам не следует отталкивать эту державу, и если бы она пожелала войти с нами в более близкие отношения, пойти навстречу такому стремлению. Во что могло бы вылиться наше дальнейшее сближение, пока затруднительно сказать. Едва ли могла бы быть речь об оборонительном и наступательном союзе»²⁹⁾).

1 августа 1915 г., выступая с речью на открытом заседании Государственной думы, Сазонов положительно отозвался о русско-японских отношениях и заявил: «Нынешние наши

²⁶⁾ «Japan Times», January 6, 1915.

²⁷⁾ «М. О.», серия III, т. VII, ч. 1, стр. 86—87. Посол в Токио министру иностранных дел, 22/9 января 1915 г.

²⁸⁾ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, д. 721, лл. 65—68.

²⁹⁾ Там же, лл. 71—72.

фактические союзные отношения с Японией должны явиться преддверием еще более тесного единения»³⁰). Но правительство Японии в связи с поражениями русской армии на фронте не торопилось с началом официальных переговоров с Россией, а вело подготовительную работу, надеясь заключить соглашение на условиях, выгодных для Японии.

В августе 1915 г. посол Японии в Париже барон Исии, уже знавший о своем предстоящем назначении министром иностранных дел, в беседе с министром иностранных дел Франции говорил, что «как общественное мнение Японии, так и японские государственные люди желают самого тесного сближения с Россией». 23 августа Исии имел встречу с русским послом в Париже Извольским, который после своего ухода с поста министра иностранных дел продолжал оказывать значительное влияние на внешнюю политику России. Исии говорил Извольскому о своем намерении всячески «содействовать тесному сближению» между Россией и Японией³¹).

В сентябре 1915 г. близкий к князю Ямагата барон Гото посетил русского посла в Токио и заявил последнему, что по приезде в Токио нового министра иностранных дел К. Исии будет приступлено к обсуждению вопроса о заключении русско-японского союза³²). Характерно, что японское правительство добивалось, чтобы официальное предложение о заключении союза сделало русское правительство. Премьер Японии Граф Окума в сентябре 1915 г. в беседе с английским послом в Токио Грином, а затем в беседе с послами Англии, Франции и России говорил, что русское правительство в любое время может поднять вопрос о заключении союза с Японией³³). Это было не случайно. Японские дипломаты помнили неудачную попытку заключить на выгодных для Японии условиях союзный договор с Россией в августе 1914 г. Японское правительство стало энергично добиваться подписания русско-японского союзного договора после того, как выяснилось, что попытки германского командования нанести решающее поражение русской армии в 1915 г. и вывести Россию из войны потерпели провал.

В декабре 1915 г. по инициативе японского представителя в ставке верховного главнокомандующего царской армии генерала Накасима была организована поездка великого князя Георгия Михайловича в Японию. Официальной целью визита было объявлено желание царского правительства по-

³⁰) «М. О.», серия III, т. VIII, ч. 2, стр. 53 (примечание).

³¹) «М. О.», серия III, т. VIII, ч. 2, стр. 124. Посол в Париже министру иностранных дел, 24/11 августа 1915 г.

³²) Там же, стр. 326—327. Посол в Токио министру иностранных дел, 20/7 сентября 1915 г.

³³) Там же, стр. 413—414.

здравить японского императора с коронацией и выразить японскому правительству благодарность за помощь России в войне против германо-австрийского блока³⁴).

В конце декабря 1915 г. Георгий Михайлович прибыл в Токио. В японских газетах писали о политическом характере его миссии. В это же время начались предварительные переговоры о заключении русско-японского союза. С русской стороны переговоры начал по поручению Сазонова советник министерства иностранных дел Козаков, сопровождавший великого князя в его поездке в Японию. Главным мотивом, по которому царское правительство вступило в переговоры с Японией в этот период, была надежда получить дополнительные поставки оружия. В беседе с Тэраути, ставшим через несколько месяцев премьер-министром, Козаков сказал, что до сих пор Япония поставляла России устаревшее оружие, но русская армия нуждалась в современном оружии, прежде всего винтовках, здесь же Козаков заявил о готовности царского правительства пойти на «компенсации», не затрагивающие суверенных территориальных прав России, если Япония согласится дать винтовки. Исии с одобрения гэнро предложил заключить союзный договор и одновременно с этим решить другие вопросы³⁵).

18 февраля 1916 г. японский посол в Петрограде передал в министерство иностранных дел России ноту, которая содержала официальное предложение вступить в переговоры о заключении русско-японского союзного договора. В ноте отмечалась дружественная политика Японии по отношению к России, результатом которой, якобы, явилась «гарантия неприкосновенности» русских дальневосточных границ, а также поставки оружия и финансовая помощь. В качестве обязательного условия заключения договора японское правительство требовало дальнейших льгот для японских рыбопромышленников и торговцев на русском Дальнем Востоке и передачи Японии части Китайско-Восточной железной дороги от Харбина до Чанчуня³⁶).

Переговоры, которые вели послы двух государств в Петрограде и Токио, продолжались более пяти месяцев. Во время переговоров царские дипломаты пытались включить в договор статью, обязывавшую обе стороны не заключать, без предварительного обмена мнениями соглашений с другими государствами относительно Центрального Китая, однако японское правительство настояло на исключении этой статьи.

³⁴) «М. О.», серия III, т. IX, стр. 540—541. Директор дипломатической канцелярии при ставке министру иностранных дел, 14/1 декабря 1915 г.

³⁵) АВПР. Японский стол, д. 213, лл. 19—20. Записка Козакова на имя Николая II.

³⁶) «Красный архив», 1929, т. 1(32), стр. 10—11. Дневник министерства иностранных дел.

указав на отсутствие подобной статьи в англо-японском договоре и на большую заинтересованность Японии «свободно заключать соглашения с Китаем»³⁷). Таким образом, правящие круги Японии стремились сохранить свободу рук для дальнейшей экспансии в Китае. Было также установлено, что за соответствующие уступки со стороны царского правительства Япония передаст России 120 тысяч винтовок и 80 млн. патронов к ним³⁸).

3 июля (20 июня) 1916 г. в Петрограде между Россией и Японией было подписано соглашение, носившее характер союзного договора. В опубликованных статьях соглашения предусматривалось: 1) взаимное обязательство договаривающихся сторон не принимать участия в политических комбинациях, направленных друг против друга; 2) «В случае, если территориальные права или особые интересы одной из договаривающихся сторон на Дальнем Востоке, признанные другой», окажутся в опасности, «Россия и Япония будут совещаться относительно мер, которые необходимо будет принять для взаимной поддержки и сотрудничества, а также для защиты их прав и интересов»³⁹). Договор подписали министр иностранных дел России Сазонов и посол Японии в Петрограде Мотоно.

Одновременно с этим был подписан секретный русско-японский договор сроком на пять лет. Основное его содержание сводилось к следующему: Ст. I. Обе стороны признавали, что «их жизненные интересы требуют, чтобы Китай не подпадал владычеству какой-либо третьей державы, враждебной России или Японии», и в случае создания подобной угрозы обязывались принимать совместно меры противодействия. Ст. 2. «В случае, если вследствие мер, принятых по взаимному согласию» в соответствии со статьей первой, одна из сторон окажется втянутой в войну, то другая сторона «по просьбе своей союзницы, должна придти на помощь», а мир мог заключаться только с обоюдного согласия. Ст. 3. предусматривала подписание военной конвенции между Россией и Японией. В ст. 4 отмечалось, что ни одна из сторон не обязана оказывать вооруженную помощь, пока не будет обеспечена помощь другой стороны, соответствующая «серьезности грозящего конфликта»⁴⁰). Содержание секретного соглашения не было сообщено даже членам Совета министров России за исключением Штюрмера.

Договор 1916 г. во многом повторял проект, предложенный Японией в августе 1914 г., однако договор 1916 г. шел

³⁷) АВПР. Японский стол, д. 213, л. 74. Телеграмма Крупенского из Токио, 24/11 мая 1916 г.

³⁸) Там же, л. 79.

³⁹) К. И с и и. Указ. соч., стр. 85—86.

⁴⁰) Э. Д. Г р и м. Указ. соч., стр. 191.

значительно дальше в деле конкретизации взаимных обязательств на случай войны. Показательным является также то, что в договоре 1916 г. ничего не говорилось об обязательствах Японии по договорам с Англией и Францией, которые имелись в проекте 1914 г.⁴¹⁾ Взаимное обязательство Японии и России не допустить установления господства «третьей державы» в Китае было направлено прежде всего против Соединенных Штатов Америки, которые продолжали активно укреплять свои позиции в Китайской республике, что вызывало недовольство правящих классов Японии.

В договоре 1916 г. не предусматривалось обязательств по сохранению статус кво в Китае, что давало возможность Японии опираться на царскую Россию для борьбы со своими империалистическими конкурентами США и Англией с целью вытеснения их из Китая. Заключенный без ведома и согласия Китая русско-японский договор рассматривался правящими кругами Японии как опора для дальнейшего закабаления китайского народа. В. И. Ленин писал, что «...между Японией и Россией... заключен уже во время теперешней войны *новый тайный договор, направленный не только против Китая, но до известной степени и против Англии*»⁴²⁾.

Министр иностранных дел Японии К. Исии отмечал, что «в этом соглашении была заинтересована прежде всего Япония», но он ничего не пишет о тех выгодах, которые могли извлечь японские империалисты из русско-японского договора. Исии лишь отмечает, что подписанием договора Япония «не допустила заключения сепаратного мира» России с Германией⁴³⁾. Японская дипломатия подчеркивала, что договор с Россией заключен в общих интересах стран Антанты, но это была лишь уловка для того, чтобы замаскировать антианглийскую и антиамериканскую направленность заключенного соглашения.

В правительственных кругах Великобритании понимали, что Япония будет использовать союз с Россией для укрепления собственных позиций в Восточной Азии в ущерб интересам английского капитала. Однако тяжелое положение на фронтах и опасение того, что царская Россия может пойти на сепаратный мир с Германией, заставили Англию и Францию содействовать заключению русско-японского союза. В прессе стран Антанты отмечалось, что союзный договор между Россией и Японией является связующим звеном между англо-японским и франко-русским союзами и укрепляет антигерман-

⁴¹⁾ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 12, д. 1534, лл. 4—5.

По взаимному соглашению содержание секретарей конвенции Россия должна была сообщить Франции, а Япония Англии. См. АВГР. Японский стол, д. 213, л. 80.

⁴²⁾ В. И. Ленин. Соч. т. 23, изд. 4, стр. 117.

⁴³⁾ К. Исии. Указ. соч., стр. 85.

скую коалицию. 8 июля 1916 г. премьер-министр Японии Окума заявил корреспонденту «Нью-Йорк таймс» в Токио, что «цель русско-японского договора есть расширение англо-японского союза... Имеется полное взаимопонимание с Великобританией, которая приветствует новую конвенцию, находящуюся внутри англо-японского союза»⁴⁴).

В английской прессе особо подчеркивалось, что русско-японский договор положительно разрешит вопрос об усилении японских военных поставок России. Лондонская «Таймс» 7 июля 1916 г. отмечала «...удовлетворительно развивавшиеся русско-японские отношения во время войны и лояльную кооперацию между Японией и ее союзниками в снабжении России оружием и аммуницией»⁴⁵). В другом номере «Таймс» писала, что договор с Россией «вводит Японию на равных правах в мировую политику великих держав» и является косвенным ответом на неоднократные попытки Германии заключить сепаратный мир с Россией и Японией⁴⁶).

В Японии заключение русско-японского договора отмечалось как большое достижение японской дипломатии⁴⁷). 13 июля 1916 г. союз торговых палат Японии дал по этому случаю обед, выступая на котором премьер-министр Окума заявил: «Соглашение это является результатом усилий Японии поднять свой мировой престиж и занять исключительное положение на Дальнем Востоке». Затем он говорил, что территориальные права и особые интересы, которые успела приобрести Япония за время войны, поставлены под охрану русско-японского договора⁴⁸).

Союзный договор с Японией не мог принести царской России существенных выгод. Россия не имела сил для проведения наступательной политики в Восточной Азии, но вынуждена была взять на себя обязательства поддерживать авантюры Японии на Дальнем Востоке, что в дальнейшем могло втянуть Россию в конфликт с Соединенными Штатами Америки или Англией. Кроме того царизм вынужден был идти на серьезные уступки японскому империализму в Маньчжурии и на русском Дальнем Востоке. Русско-японский договор не нашел должной критической оценки в современной русской прессе даже со стороны «оппозиционных» партий. В кадетско-октябристской прессе отмечалось, что подписание союзного договора означает поражение германофилов и что союз с Японией обязывает Россию воевать до победного конца.

⁴⁴) E. P r i s e. Op. cit., p. 88—89.

⁴⁵) Ibid., p. 85.

⁴⁶) «Харбинский вестник», 12 июля 1916 г.

⁴⁷) В связи с подписанием договора в Японии организовались торжественные манифестации. В комиссию по подготовке манифестации вошли: принц Токугава, председатели верхней и нижней палат парламента. См. «Харбинский вестник», 3 июля, 1916 г.

⁴⁸) «Вестник Азии», 1916, кн. II—III, стр. 259—260.

Русско-японский договор 1916 г. вызвал недовольство правящих кругов США. В период переговоров о подписании этого соглашения в американской прессе отмечалось, что Япония стремится обеспечить себя со стороны России, чтобы занять более твердую позицию по отношению к Соединенным Штатам Америки. В июле 1916 г. газета «Нью-Йорк таймс» писала, что точка зрения Японии на политику «открытых дверей» в Китае во многом направлена в ущерб американским торговым интересам, а новая русско-японская конвенция требует большого внимания со стороны Вашингтонского правительства, иначе американцы будут вытеснены с рынков Китая⁴⁹). Значительная часть американской прессы, отражавшей интересы монополий, помещала антияпонские статьи, в которых утверждалось, что русско-японский договор направлен против Соединенных Штатов⁵⁰). Некоторые наиболее шовинистические органы американской прессы призывали правительство США обеспечить защиту прав американских предпринимателей в Китае и предсказывали неизбежность военного столкновения Соединенных Штатов с Японией и Россией⁵¹). В связи с подобной реакцией в США Сазонов в интервью корреспонденту «Ассошиейтед пресс» счел нужным дать «заверение Соединенным Штатам, что новое соглашение не знаменует начала политического курса, опасного для прав и интересов Америки»⁵²).

Правительство США готовилось вступить в войну на стороне стран Антанты и в связи с этим не могло протестовать против русско-японского союза, который был заключен под предлогом укрепления антигерманской группировки. Поэтому, когда в ответ на официальный запрос государственного департамента Россия и Япония заверили США, что русско-японский договор не нарушает принципов «политики открытых дверей» в Китае, американское правительство не предприняло каких-либо шагов, направленных на подрыв русско-японского союза⁵³).

Параллельно с переговорами о заключении нового договора между Японией и Россией шли переговоры «относительно взаимных услуг, которые союзники могли бы оказать друг другу»⁵⁴). Пожелания русской стороны в этом отношении сводились к просьбе усилить поставки оружия и боеприпасов из Японии и предоставления кредитов для оплаты за эти поставки. Японское правительство, встретив сопротивление царской России по вопросу о передаче Японии всей южной части

⁴⁹) «Харбинский вестник», 12 июля 1916 г.

⁵⁰) K. Kawakami. Japan in World Politics, New York, 1919, p. 295.

⁵¹) АВПР. Канцелярия, 1916, д. 53, л. 287. Депеша русского посла в США от 9 августа/27 июля 1916 г.

⁵²) «Харбинский вестник», 6 июля 1916 г.

⁵³) R. C. Suggs. Op. cit., p. 139.

КВЖД от Харбина до Чанчуня, уменьшило свои притязания, но продолжало настаивать на покупке части южной ветки Китайско-Восточной железной дороги протяженностью в 96,5 верст от Куаньченцзы (Чанчунь) до пересечения ее с рекой Сунгари. Кроме того, японское правительство добивалось отмены пошлин на японские товары, ввозившиеся во Владивосток, но, встретив отказ, удовлетворилось согласием России на льготный тариф для некоторых японских товаров, которые вывозились по русским железным дорогам в Европу⁵⁴). Несомненно, что это были минимальные требования, на которые согласилось японское правительство в то время, добиваясь быстрее подписания русско-японского соглашения. Как выяснилось в дальнейшем, планы японского империализма шли значительно дальше.

Вскоре после подписания русско-японского договора 1916 г. в японской печати появились сообщения, что кроме опубликованных статей договора есть секретные статьи, по которым Россия пошла на серьезные уступки Японии. Так, газета «Ници-ници» писала, что Россия уступит Японии ветку КВЖД от Чанчуня до Харбина, то есть всю южную часть дороги протяжением более 200 км и, кроме того, предоставит льготы японским торговцам и промышленникам в Северной Маньчжурии, зоне КВЖД и Восточной Сибири, а также откроет вольную гавань во Владивостоке⁵⁵).

Когда в Совете министров был поставлен вопрос о продаже Японии участка КВЖД, выяснилась ужасающая неразбериха и безответственность, царившие в высших правительственных сферах царской России. Сазонов утверждал, что решение о передаче Японии участка КВЖД в обмен на оружие было принято Советом министров на заседании, состоявшемся 28 июля 1915 г. под председательством царя. На основании этого Сазонов в марте 1916 г. во время переговоров передал записку японскому послу в Петрограде Мотоно о согласии царского правительства на передачу ветки КВЖД и отметил, что эти уступки «подлежат лишь оформлению»⁵⁷).

9 сентября/27 августа 1916 г. состоялось заседание Совета министров по вопросу о продаже участка КВЖД Японии. Сазонов к этому времени вышел в отставку и обязанности министра иностранных дел исполнял председатель Совета министров Штюрмер. При обсуждении вопроса выяснилось, что во время заседания Совета министров 28 июля 1915 г. протокола не вели, поэтому председательствующий предложил министрам попытаться восстановить по памяти решения,

⁵⁴) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 12, д. 1534, л. 1. Сазонов Штюрмеру, 3 июля/20 июня 1916 г.

⁵⁵) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 12, д. 1534, лл. 1—2.

⁵⁶) «Вестник Азии», 1916, кн. II—III, стр. 11.

⁵⁷) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 12, д. 1534, лл. 1, 39.

принятые более года тому назад, однако достигнуть единого мнения не смогли. На заседании отмечалось, что при обсуждении этого вопроса в июле 1915 г. Николай II отклонил предложение одного из министров сделать Японии «территориальные уступки» и что было решено передать Японии участок КВЖД. Морской министр Григорович заявил, что определенного решения по вопросу о уступках Японии принято не было. Министр торговли и промышленности Шаховской и министр финансов Барк выступили против передачи Японии ветки КВЖД. «Уступка этого железнодорожного участка,— заявил Барк,— угрожает нам полным вытеснением, и мы будем вынуждены потерять всякое экономическое влияние на Дальнем Востоке»⁵⁸). Совет министров не смог прийти к согласованному решению и командировал своего представителя к Сазонову, находившемуся тогда в Ессентуках. Однако Сазонов заявил, что он не может сообщить каких-либо дополнительных данных⁵⁹).

Тогда Штюрмер обратился к Николаю II, от которого получил указание еще раз обсудить вопрос об удовлетворении притязаний Японии относительно участка КВЖД и права плавания японских судов по реке Сунгари. Совет министров 14 сентября 1916 г. постановил продать Японии участок КВЖД протяженностью в 96,5 верст от станции Куаньченцзы до разъезда Лаошагоу и предоставить японским торговым судам право плавания по Сунгари в своей сфере влияния⁶⁰). Для того, чтобы не привлекать внимания к этому факту со стороны общественности и избежать противодействия русских торгово-промышленных кругов, решено было провести в жизнь эти уступки «в порядке верховного управления», без обсуждения в Государственной думе. Формально это было возможно осуществить, так как КВЖД считалась частным предприятием, хотя ее правление формировалось министерством финансов и работало под его контролем. Решение относительно плавания японских судов по Сунгари было новой дополнительной уступкой, сделанной уже после ухода Сазонова в отставку. Следует отметить, что уступки царского правительства в Северной Маньчжурии были фактически пересмотром Портсмутского мира в пользу Японии.

В январе—феврале 1917 г. между Россией и Японией все еще продолжались переговоры относительно передачи японского оружия для нужд русской армии. При этом японское правительство выдвинуло еще более далеко идущие требования, предусматривавшие разоружение фортов Владивостокской крепости и ликвидацию военно-морской базы во Влади-

⁵⁸) Там же, лл. 31—35.

⁵⁹) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 12, д. 1534, лл. 43.

⁶⁰) Там же, лл. 79—80. Особый журнал Совета министров от 27 августа и 14 сентября 1916 г.

востоке⁶¹). Встретившись с подобными притязаниями, царское правительство вынуждено было отказаться от своих ходатайств о дополнительных поставках оружия из Японии, однако переговоры о продаже Японии южного участка КВЖД продолжались.

Японское правительство придавало большое значение южному участку Китайско-Восточной железной дороги. Покупкой участка дороги от Куаньченцзы до Лаошагоу японские империалисты надеялись осуществить далеко идущие планы. Они тем самым получили бы прямой железнодорожный путь от своего основного порта в Южной Маньчжурии Дайрена до берегов Сунгари. Купив указанный участок КВЖД, Япония добилась бы победы в многолетней борьбе за отвлечение торговых грузов из Северной Маньчжурии от Владивостока и КВЖД к Дайрену и ЮМЖД, так как, используя этот участок, правление Китайско-Восточной железной дороги устанавливало высокие тарифы на грузы, следовавшие по направлению Харбин-Дайрен.

Правление Китайско-Восточной железной дороги определило стоимость участка, подлежащего продаже Японии, в 64 млн. рублей⁶²). Эта сумма была признана японским правительством высокой и передача участка дороги задержалась. После Февральской революции в России японское правительство вновь подняло этот вопрос и в конце апреля 1917 г. решительно потребовало передачи участка КВЖД между станциями Куаньченцзы и Лаошагоу Японии⁶³). Министр иностранных дел Временного правительства Терещенко в июле 1917 г. заверил японского посла в Петрограде Утида в том, что вопрос о продаже участка дороги Японии будет решен положительно⁶⁴). К августу 1917 г. было достигнуто соглашение относительно продажи участка КВЖД⁶⁵). Временное правительство готово было удовлетвориться суммой в 23 млн. иен⁶⁶). Однако в Японии знали о непрочности положения буржуазного Временного правительства и не торопились с покупкой участка КВЖД, надеясь получить его на более льготных условиях или добиться передачи всей ветки железной дороги от Куаньченцзы до Харбина. Октябрьская социалистическая революция сорвала осуществление этой империалистической сделки.

За годы войны японский империализм намного укрепил свои экономические и политические позиции в Северной

⁶¹) W. Amidon. Op. cit., p. 74.

⁶²) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 12, д. 1534, л. 7.

⁶³) АВПР. Японский стол, д. 925, лл. 107—111.

⁶⁴) «Красный архив», 1927, т. 5/24, стр. 149. Утида министру иностранных дел Мотоно, 28/15 июля 1917 г.

⁶⁵) АВПР. Японский стол, д. 925, л. 238.

⁶⁶) Там же, л. 246.

Маньчжурии. Торговый оборот Харбина в 1916 г. определялся в 100 млн. рублей (включая продажу китайских товаров); более половины этой суммы приходилось на японские товары⁶⁷). Экономическая отсталость и хозяйственный развал дедали бесперспективными попытки торгово-промышленных кругов России вновь укрепиться на рынках Северной Маньчжурии. По сообщению корреспондента «Харбинского вестника», среди московских дельцов, связанных с правящими октябристско-кадетскими кругами Временного правительства, появилась мысль о невозможности возобновить экспорт русских промышленных товаров в связи с конкуренцией импортных товаров из других стран. Представители этих кругов считали, что, построив Амурскую железную дорогу и получив путь к Тихому океану, Россия могла бы продать КВЖД и свои права в Маньчжурии какому-либо международному консорциуму примерно за один миллиард рублей, а полученные деньги употребить на погашение военных долгов⁶⁸).

Возрастала финансовая зависимость России от Японии. Временное правительство продолжало размещать краткосрочные займы в Японии, выплачивая высокие проценты (7% в год). К октябрю 1917 г. задолженность по различным срочным платежам Японии достигла 123,4 млн. иен⁶⁹), а общая задолженность русского правительства Японии к ноябрю 1917 г. превысила 250 млн. иен⁷⁰).

В Японии начинали смотреть на Россию, как на страну выгодного помещения капиталов и предпринимательской деятельности. В январе 1916 г. премьер-министр Японии Окума в беседе с сотрудником газеты «Кокумин» говорил, что немцы имели много предприятий в России, а теперь их могут заменить японцы. Затем Окума заявил о готовности царского правительства предоставить японским капиталистам различные льготы на северной половине острова Сахалина, а также дать лесные, рудные и другие концессии. В заключение Окума сказал, что Япония может создавать свое благосостояние и на чужой территории⁷¹).

В годы войны, в связи с поставками оружия и снаряжения для царской армии и ростом ввоза промышленных товаров, Россия стала важным рынком сбыта для Японии. По японским данным, в 1914 г. в Россию было ввезено товаров из Японии на 12,4 млн. иен, в 1915 г. на 89,5 млн. иен, а в 1916 г. на 151 млн. иен⁷²). Вывоз товаров из России в Японию был

⁶⁷) «Харбинский вестник», 12 октября 1916 г.

⁶⁸) «Харбинский вестник», 19 октября 1917 г.

⁶⁹) АВПР. Японский стол, д. 925, л. 245. Деша послана из Токио, 9 октября/26 сентября 1916 г.

⁷⁰) А. Л. Сидоров. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917 гг.). М., 1960, стр. 503.

⁷¹) «Харбинский вестник», 12 января 1916 г.

⁷²) «Annual of Japan», 1928, p. 122—123.

в эти годы сравнительно незначительным, если не считать вывоза рыбы, добытой японскими рыбопромышленниками в русских дальневосточных водах. В 1914 г. из России в Японию было вывезено товаров на 1 млн. иен, в 1915 г. на 4,2 млн. иен, а в 1917 г. на 5 млн. иен⁷³). Более 70% японского импорта из России и экспорта в Россию шло через порты Дальнего Востока, прежде всего через Владивосток. В 1914 г. из Японии во Владивосток поступило 7 млн. пудов коммерческого груза, а в 1915 г. 9,4 млн. пудов⁷⁴).

Японское правительство добивалось отмены таможенных пошлин на японские товары, ввозившиеся во Владивосток. Царское правительство отказалось удовлетворить это требование Японии под тем предлогом, что Россия нуждается в деньгах и не может отказаться от таможенных доходов⁷⁵). Однако Японии удалось добиться беспошлинного провоза японских овощей, фруктов и льгот по перевозке шелка-сырца по сибирским железным дорогам с целью вывоза их за границу⁷⁶). Японские предприниматели использовали ослабление России в период войны для того, чтобы добиться новых льгот по рыбному промыслу в русских территориальных водах. В 1915 г. при японском министерстве иностранных дел была учреждена комиссия из представителей заинтересованных ведомств и рыбопромышленников для выработки условий пересмотра русско-японской рыболовной конвенции⁷⁷).

В январе 1916 г. японский посол в Петрограде передал в министерство иностранных дел просьбу Японии о предоставлении льгот японским рыбопромышленникам в русских дальневосточных водах. В связи с этим Сазонов писал на имя министра земледелия о необходимости поддержания с Японией наилучших отношений, что, по его мнению, дало бы возможность отозвать русские войска с Дальнего Востока и получить оружие из Японии⁷⁸). Претензии Японии были рассмотрены в срочном порядке, и 17 февраля 1916 г. царь утвердил решение Совета министров о понижении арендной платы с японских рыбопромышленников, разрешении им перевозить с одного участка на другой рыболовные снасти и оборудование без захода в таможенные пункты, что давало возможность избегать контроля со стороны русского рыболовного надзора⁷⁹).

На Камчатке японскими предпринимателями были построены крупные консервные и другие предприятия по переработ-

⁷³) Ibidem.

⁷⁴) ЦГАДВ, ф. 252, оп. 1, д. 77, л. 3.

⁷⁵) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 12, д. 1534, л. 2. Письмо Сазонова Штюмеру от 3 июля/20 июня 1916 г.

⁷⁶) ЦГАДВ, ф. 252, оп. 1, д. 70, л. 3—7.

⁷⁷) «Вестник Азии», 1915, кн. III—IV, стр. 138.

⁷⁸) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 12, д. 1504, л. 5.

⁷⁹) Там же, л. 9.

же рыбы, часто эти предприятия номинально принадлежали русским, но работали на японские деньги и прибыль шла японским капиталистам. Несмотря на то, что в связи с войной вывоз рыбы и консервов за границы⁸⁰⁾ был запрещен, связанная с японцами компания «Демби и Бирич» в 1916 г. вывезла на японских пароходах с Камчатки в Хакодате 106 617 ящиков рыбных консервов⁸¹⁾. Часть этих консервов затем была продана в Англию⁸²⁾. Сосредоточив в своих руках рыбопромышленность в русских дальневосточных водах, японский капитал проявлял большой интерес к угольным и нефтяным залежам Северного Сахалина. Так, концерн Мицубиси добивался концессии на разработку каменного угля и постройку порта в районе Александровска⁸³⁾.

В годы мировой войны японские и американские капиталисты намного укрепили свои позиции на русском Дальнем Востоке. Торговля на побережье крайнего северо-востока Сибири, где сохранилось порто-франко, почти полностью перешла в руки иностранного капитала. На Чукотке, а также в Гижигинском и Анадырском уездах хозяйничали американские торговцы, а в Охотско-Камчатском крае японские⁸⁴⁾. Увеличился ввоз иностранных товаров по КВЖД и через Владивостокский порт. Значение Владивостока как торгового порта резко возросло. Иностранцы и русские капиталы делали крупные обороты. Процветали спекуляция и ажиотаж. В 1916 г. во Владивосток, по сведениям таможи, прибыло 959 кораблей, из них 292 под русским флагом. Всего во Владивосток морем было ввезено 114 млн. пудов грузов, а вывезено 29 млн. пудов⁸⁵⁾, причем ввозились не только военные грузы, прибывшие из-за границы, но и громадное количество товаров, предназначенных для продажи населению. Используя войну, американские и японские монополии усиленно укреплялись на рынках Дальнего Востока и Сибири. Стремясь облегчить ввоз иностранных товаров, Харбинский биржевой комитет в августе 1914 г. возбудил вопрос о восстановлении порто-франко на русском Дальнем Востоке на время войны с целью беспошлинного ввоза товаров из США и Японии⁸⁶⁾. Иностранцы и часть русских фирм, связанных

⁸⁰⁾ Этотⁱ запрет не распространялся на японских подданных, ловивших рыбу в русских дальневосточных водах по условиям русско-японской рыболовной конвенции 1907 г.

⁸¹⁾ ЦГАДВ, ф. 702, оп. 2, д. 513, л. 157.

⁸²⁾ Там же, л. 163.

⁸³⁾ В 1916 г. в газете «Нью-Йорк таймс» была опубликована заметка о предстоящей продаже Сахалина Японии. См. W. Amidon. Op. cit., p. 74

⁸⁴⁾ «Приамурские ведомости», 23 августа 1916 г.

⁸⁵⁾ ЦГАДВ, ф. 25, оп. 2, д. 77, л. 1.

⁸⁶⁾ ЦГАДВ, ф. 252, оп. 1, д. 58, лл. 5—6. Письмо Харбинского биржевого комитета Владивостокскому биржевому комитету, 13 августа/31 июля 1914 г.

с торговыми операциями на Дальнем Востоке и в Сибири. ввели в прессе агитацию за восстановление порто-франко. Как уже отмечалось, японское правительство несколько раз возбуждало вопрос об отмене таможенных пошлин или их понижении на японские товары, ввозившиеся через Владивосток или по Китайско-Восточной железной дороге.

Царское правительство на восстановление порто-франко не пошло, но министерство финансов все же сделало некоторую уступку иностранному капиталу и понизило железнодорожные тарифы на грузы, перевозившиеся по линии железной дороги от Владивостока на запад⁸⁷⁾. Но это не удовлетворяло предприимчивых дельцов, и в 1915 г. был возбужден вопрос об открытии во Владивостоке вольной гавани⁸⁸⁾. В 1915 г. при министерстве торговли и промышленности была образована междудементственная комиссия для обсуждения предложения относительно открытия вольных гаваней, однако решение вопроса затянулось. Но после Февральской революции Временное правительство, стремясь обеспечить поддержку иностранных империалистов в борьбе с нараставшим революционным движением в России, быстро пошло на уступки.

В мае 1917 г. был одобрен специальной правительственной комиссией проект закона о вольных гаванях⁸⁹⁾, в котором отмечалось, что «в Приморских и торговых портах и в других местах морских побережий или в морских устьях рек разрешается выделять особую часть береговой и водной площади, которая будет признаваться находящейся вне государственной таможенной черты и называться вольной гаванью». В районе вольных гаваней допускались без участия и контроля таможенного надзора, кроме случаев особо оговоренных, следующие операции: прием и отпуск судов заграничного плавания, их нагрузка и выгрузка, производство операций по очистке, сортировке и переупаковке товаров, а также по их переработке с изменением природы, судостроение и ремонт судов, а также вывоз товаров за границу⁹⁰⁾.

На основании этого проекта на территории вольной гавани разрешался не только ввоз и хранение иностранных товаров, но и создание промышленных предприятий. В июле 1917 г. во Владивостоке появилось известие об устройстве здесь вскоре вольной гавани⁹¹⁾. Владивостокский биржевой коми-

⁸⁷⁾ Там же, л. 34.

⁸⁸⁾ ЦГАДВ, ф. 252, оп. 1, д. 67, л. 1. Телеграмма Владивостокского биржевого комитета министру финансов, февраль, 1915 г.

⁸⁹⁾ Кроме Владивостока предполагалось открыть вольные гавани в Балтийском и Черном морях.

⁹⁰⁾ ЦГАДВ, ф. 252, оп. 1, д. 67, лл. 9—10.

⁹¹⁾ ЦГАДВ, ф. 252, оп. 1, д. 67 л. 21.

тет усиленно ходатайствовал о быстрейшем ее открытии⁹²). Представители русской дальневосточной буржуазии были тесно связаны с иностранным капиталом и получали большие барыши от перепродажи американских и японских товаров — это и объясняет их активную позицию по вопросу об открытии вольной гавани во Владивостоке. Важное звено дипломатических комбинаций Японии — русско-японский союз, оказался недолговечным. В связи с Октябрьской революцией Японии не удалось использовать Россию в своих империалистических интересах. К. Исии признает провал расчетов японских политиков, когда пишет, что «добрососедская политика» Японии по отношению к России в результате Октябрьской революции «оказалась совершенно напрасной»⁹³).

2. Американская экспансия в Китае в 1916—1917 гг. и обострение японо-американского экономического и политического соперничества на Дальнем Востоке

В годы первой мировой войны Соединенные Штаты Америки прочно закрепили за собой положение самой мощной в экономическом отношении империалистической державы. Для американских капиталистов война оказалась очень доходным делом. В то время, как европейские державы истощали свои силы в кровопролитной войне, монополии Соединенных Штатов Америки развернули большой производственный аппарат, снабжали страны Антанты военными материалами и захватывали новые рынки во всех странах света.

Стоимость зарегистрированного капитала, вложенного в обрабатывающую промышленность США, возросла с 20,8 млрд. долларов в 1914 г. до 40,3 млрд. долларов в 1919 г.⁹⁴). Общая стоимость американского экспорта за границу увеличилась с 2,6 млрд. долларов в 1913 году до 6,7 млрд. долларов в 1917 г.

За эти же годы стоимость импорта возросла с 1,9 млрд. до 3,5 млрд. долларов. Таким образом, в 1917 г. вывоз товаров из Соединенных Штатов в другие страны более чем на 3 млрд. долларов превышал ввоз⁹⁵), что приводило к усиленному притоку золота в США и установлению экономического господства американского империализма в ряде стран.

Общая сумма американских частных капиталовложений за границей возросла с 3,5 млрд. долларов в 1914 г. до 7 млрд.

⁹²) Необходимо отметить, что в период интервенции на Дальнем Востоке в 1918—1922 гг. империалисты США, Японии, Англии и др. соединенными силами пытались добиться осуществления своего требования об объявлении Владивостока «свободным портом».

⁹³) К. Исии. Указ. соч., стр. 86.

⁹⁴) «A Statistical Abstract Supplement Historical Statistics of the United States Colonial Times to 1957», Washington, 1960, p. 410.

⁹⁵) Ibid., p. 537.

долларов в 1919 г.⁹⁶⁾. Чистая прибыль всех американских компаний, составлявшая в 1914 г. 2 684 миллиона долларов, увеличилась в три раза и составила 7 958 миллионов долларов в 1917 г.⁹⁷⁾. «Американские миллиардеры,— писал В. И. Ленин,— были едва ли не всех богаче и находились в самом безопасном географическом положении. Они нажились больше всех. Они сделали своими данниками все, даже самые богатые страны. Они награбили сотни миллиардов долларов»⁹⁸⁾. За четыре года первой мировой войны американские инвестиции в Китае значительно возросли, а число американских предприятий в Китае увеличилось с 70 в 1913 г. до 130 в 1919 г.

В 1914—1918 гг. отмечался рост внешней торговли Соединенных Штатов во всех частях света, но наиболее значительным этот рост был в Европе, где США снабжали страны Ан-

Стоимость американского экспорта в миллионах долларов:

	1912—1913 гг. ¹⁰⁰⁾	1915—1916 гг. ¹⁰¹⁾
Европа	1,479	2999
Северная Америка (включая Мексику)	617,4	733
Южная Америка	146,1	180,2
Азия	115	278,6

танты военным снаряжением, продовольствием и важными видами сырья.

Американский ввоз в Китай возрос за эти три года очень незначительно с 21,3 млн. долларов до 26,2 млн. долларов. Подобный факт объясняется конкуренцией японских товаров в Китае, а также новыми рынками сбыта, которые получила американская промышленность в связи с мировой войной. Следует отметить, что в эти же годы ввоз из Китая в Соединенные Штаты увеличился с 39 млн. долларов до 72,4 млн. долларов.

Во время первой мировой войны продолжалось дальнейшее обострение американо-японского военно-морского соперничества. В декабре 1915 г. президент Вильсон, выступая в конгрессе с ежегодным посланием, предложил большую программу военно-морского строительства. Президент рекомендовал конгрессу утвердить ассигнования на постройку

⁹⁶⁾ Ibid., p. 565.

⁹⁷⁾ Клод. Куда идет американский империализм. М., 1951, стр. 41.

⁹⁸⁾ В. И. Ленин. Соч. т. 28, изд. 4, стр. 46.

⁹⁹⁾ Цинь Бэнь-ли. Указ. соч., стр. 69.

¹⁰⁰⁾ «Statesman's Year-Book», v. 51, 1914, p. 430—431.

¹⁰¹⁾ Ibid., v. 54, 1917, p. 473.

в течение пяти лет десяти линкоров, шести тяжелых и десяти легких крейсеров, пятидесяти эсминцев, ста подводных лодок различного класса и соответствующее количество других военных кораблей. Для этой цели в течение пяти лет надо было израсходовать около 500 млн. долларов¹⁰²). Вильсон заявил в конгрессе, что в результате выполнения данной пятилетней программы флот Соединенных Штатов Америки в 1921 г. будет иметь в строю: 27 линкоров первой линии, 59 крейсеров различного класса, 108 эсминцев, 175 подводных лодок и т. д.¹⁰³). Здесь же Вильсон призывал увеличивать американский торговый флот и с этой целью рекомендовал облегчить формальности, связанные со строительством и покупкой торговых кораблей. Предложения президента Вильсона относительно строительства флота были встречены в конгрессе аплодисментами и утверждены в 1916 г.

Программа военно-морского строительства, принятая в Соединенных Штатах Америки, являлась составной частью целой системы мероприятий американского правительства, направленных на подготовку к войне. Военно-морское министерство США в качестве одной из важнейших причин, вызывавших необходимость увеличения военно-морского флота, указывало на укрепление позиций Японии на Тихом океане в связи с оккупацией ее войсками Маршалльских и Каролинских островов. Обсуждался вопрос об отправке части американского флота в воды Дальнего Востока. В качестве подготовительной меры в этом направлении явилось создание запасов топлива и военного снаряжения на Филиппинских и Гавайских островах¹⁰⁴). Рост американского флота в конечном итоге грозил подорвать английскую морскую гегемонию и привести к американскому господству на Тихом океане вместо японского. О. Клиnard писал: «То, что акт о военно-морском строительстве от 1916 г. был направлен против Японии, почти не вызывает сомнений. Позиция президента и конгресса показывает это ясно»¹⁰⁵). Антияпонская направленность программы строительства флота подчеркивалась в выступлениях руководящих деятелей Соединенных Штатов, конгрессменов в американской прессе. В городах тихоокеанского побережья США шла усиленная агитация за укрепление военной мощи¹⁰⁶).

В мае 1916 г. на ежегодном собрании военно-морской лиги Соединенных Штатов Б. Уолкер, один из деятелей этой лиги, говорил: «Нация стоит перед двумя альтернативами и только двумя. Или мы должны отказаться от Гуантанамо, Пуэрто-

¹⁰²) О. Clinard. Op. cit., p. 149.

¹⁰³) «Congressional Record», v. 53, part I, p. 97.

¹⁰⁴) «The Pacific Historical Review», 1944, Nr. 2, p. 134.

¹⁰⁵) О. Clinard. Op. cit., p. 171.

¹⁰⁶) «Congressional Record», vol. 53, part II, p. 1253—1338.

Риико, Гавайских островов, Гуама и Филиппин, оставить Китай на съедение великим державам, разоружить наши силы в Панамаме, передав канал под объединенный международный контроль... и полностью отойти в пределы наших собственных границ, или мы должны принять бремя великой мировой державы не с колебанием, а скорее с радостью и мужеством...»¹⁰⁷). На этом же собрании военно-морской лиги представитель штата Массачусетс А. Гарднер обвинял военно-морского министра Даниэльса в том, что последний скрывал от общественности тот факт, что флот США потерял свое место среди великих военно-морских флотов мира и оказался «под угрозой оттеснения на третье место»¹⁰⁸).

В 1916 г. в Соединенных Штатах началась избирательная кампания по выборам президента. Вильсон, выдвинутый демократической партией кандидатом в президенты на второй срок, повел избирательную кампанию под лозунгом «подготовки к обороне», что соответствовало интересам магнатов финансового капитала. Отмечая этот факт, русский посол в Вашингтоне Бахметьев писал: «Решая вести свою избирательную кампанию на платформе «готовности», президент из убежденных пацифистов превратился в не менее убежденного сторонника усиленных военных приготовлений... в речах он призывает к деятельному патриотизму для охраны чести страны и ее защиты от нападения врагов»¹⁰⁹).

Американская программа обширного военно-морского строительства вызвала серьезное беспокойство в Японии. В японской прессе подчеркивалось, что Соединенные Штаты Америки стремятся подорвать гегемонию Японии на Дальнем Востоке¹¹⁰). Указывалось, что сумма военно-морских расходов Японии, установленная на 1915/1916 финансовый год в 72 млн. иен, является недостаточной¹¹¹). В печати также отмечалось, что Япония может противопоставить мощи американского флота свое более выгодное географическое положение на Тихом океане, так как, владея цепью островов от Курил до Тайваня, Япония создавала барьер, который давал ей возможность держать под ударом морские пути, ведущие к побережью Азии. Единственный морской путь в этом обширном районе, не контролируемый Японией, лежал через Филиппинский архипелаг¹¹²). Правящие классы США выражали беспокойство в связи с тем, что японские пароходные компании открыли регулярные рейсы между портами Японии

¹⁰⁷) «The Far East», Tokio, 1916, Nr. 7, p. 189.

¹⁰⁸) Ibidem.

¹⁰⁹) АВПП. Канцелярия, 1916, д. 101, л. 7. Телеграмма Бахметьева от 3 февраля/21 января 1916 г.

¹¹⁰) «The Far East», Tokio, 1916, Nr. 6, p. 164.

¹¹¹) «Contemporary Japan. A Review of Japanese Affairs», 1932, v. I, Nr. 2, p. 259—260.

¹¹²) «The Far East», Tokio, 1916, Nr. 10, p. 270.

и западным побережьем Южной Америки. Быстро увеличился экспорт японских товаров в страны Латинской Америки.

В результате навязанного «21 требования» Япония установила свое преимущественное положение в обширных областях Китайской республики. Это наносило ущерб интересам американского империализма, но правящие круги Соединенных Штатов Америки считали в то время нецелесообразным активное политическое выступление против японской экспансии. Американский историк Даллес писал, что правительство президента Вильсона не склонно было идти на конфликт с Японией и что государственный секретарь США Брайан не предпринял никаких других мер, направленных против агрессивной политики Японии в Китае, «кроме отправки умеренной ноты в Токио»¹¹³). Другой автор, Клайд, пишет, что политика американского правительства по отношению к Японии во время событий 1915 г. была «осторожной и корректной во всех отношениях»¹¹⁴).

Уступчивость американского империализма в пользу Японии носила временный характер. Правящие круги Соединенных Штатов готовились к реваншу на почве экономической конкуренции и надеялись договориться с Японией о совместной эксплуатации Китая. В первую очередь была пущена в ход дипломатия доллара. Американский финансовый капитал при поддержке правительства усилил финансово-экономическое проникновение в Китай. Правительство Соединенных Штатов в 1915 г. начало проводить в жизнь программу, которая преследовала цель обеспечить укрепление позиций американского капитала в тех провинциях Китая, которые являлись сферами влияния европейских держав или Японии¹¹⁵). Правящие круги США считали, что мировая война создает благоприятные условия для того, чтобы потеснить конкурентов и занять их позиции в Китае. С этой целью правительство США всячески поощряло экспорт американского капитала в Китай. Должностные лица государственного департамента и представители Соединенных Штатов в Китае получили указание добиваться «благоприятных условий для американского бизнеса», помогать представителям фирм при заключении контрактов и снабжать их всей необходимой информацией¹¹⁶).

¹¹³) F. Dulles. Forty Years of American — Japanese Relations, New York — London, 1937, p. 110.

¹¹⁴) P. Clyde. Op. cit., p. 178.

¹¹⁵) Американский профессор Б. Бирс, не приводя убедительных доказательств, утверждает, что новый период «дипломатии доллара», начатый Вильсоном и Лансингом в 1915 г., был непродолжительным, и правительство прекратило ее поддерживать в начале 1917 г. См. В. Veers. Vain Endeavor, Durham, 1962, p. 72.

¹¹⁶) Ibid., p. 73.

Инициатива, проявленная государственным департаментом в деле экономической экспансии в Китае, соответствовала интересам американского финансового капитала и повела к новому наступлению американских монополий на Китай. В конце 1915 г. группа американских финансистов во главе с президентом Национального городского банка Нью-Йорка Ф. Вандерлипом учредила американскую Международную банковскую корпорацию. Корпорация была создана с целью развития торговых сношений с Китаем, Японией, Индией и другими государствами, а также учреждения в слаборазвитых странах торговых и промышленных предприятий, банков, получения концессий и т. п. Международная банковская корпорация должна была финансировать американские фирмы, занимавшиеся торгово-предпринимательской деятельностью за границей. С этой целью правление корпорации обязалось разместить в США облигации иностранных займов и акций американских заграничных предприятий на сумму до 500 млн. долларов, а если потребуется, то и больше¹¹⁷⁾.

Международная банковская корпорация, кредитовавшая деятельность предпринимателей США за границей, сыграла большую роль в проникновении американского капитала в страны Азии. Третьим вице-президентом Корпорации был назначен известный делец В. Стрейт, считавшийся специалистом по Китаю. Международная банковская корпорация имела свои отделения в Шанхае и четырех других городах Китая. В 1916 г. в США были сняты ограничения на деятельность американских банков за границей. В связи с этим Международная банковская корпорация перешла под непосредственный контроль Национального городского банка Нью-Йорка. На счету Корпорации к этому времени имелось 8 млн. долларов прибыли¹¹⁸⁾.

В декабре 1915 г. русский посланник в Пекине Крупенский писал об усиленной деятельности американских предпринимателей, направленной «к отвоеванию утраченного ими китайского рынка в связи с выходом в 1913 г. американской группы из Шестерного консорциума»¹¹⁹⁾. В качестве примеров проникновения американского капитала в Китай Крупенский приводил попытки американской фирмы «Андерсен, Меер и К^о» монополизировать в своих руках строительство электростанций и устройство электрического освещения в городах Китая, а также образование американо-китайской пароходной компании «Тихоокеанское восточное пароходство» с капиталом в 4 млн. долларов с целью поддержания прямого

¹¹⁷⁾ В. Веерс. *Op. cit.*, p. 74.

¹¹⁸⁾ С. Ретер. *Op. cit.*, p. 264.

¹¹⁹⁾ «М. О.», серия III, т. IX, стр. 548—550. Посланник в Пекине министру иностранных дел, 15/2 декабря 1915 г.

морского сообщения между портами США и Китая. В 1915 г. в Шанхае была создана Американская торговая палата, членами которой стали 32 фирмы, занимавшиеся торгово-предпринимательской деятельностью в Китае¹²⁰).

Весной 1915 г. один из американских советников в Китае призывал американских банкиров дать Китаю заем в сумме от 100 до 200 млн. долларов¹²¹). Американский автор Р. Кари пишет, что «Вильсон в особых случаях лично делал все, что он мог для поощрения американских банковских компаний участвовать в китайских капиталовложениях»¹²²).

Государственный департамент настойчиво добивался осуществления займа на регулирование реки Хуайхэ в сумме 20 млн. юаней из 5% годовых, предварительное соглашение о котором было достигнуто в январе 1914 г. В переговорах о заключении займа активное участие принимал американский Красный крест¹²³). В октябре 1914 г. посланник США в Китае Рейнш в письме Лансингу поставил вопрос о необходимости предоставления в счет этого займа аванса в 5 млн. долларов¹²⁴). Однако, дело затянулось в связи с тем, что оно не было достаточно выгодным с точки зрения американских капиталистов, и государственный департамент не мог быстро найти банкиров, которые согласились бы дать деньги.

28 декабря 1915 г. государственный секретарь Лансинг сообщил в Пекин Рейншу, что делом о займе на регулирование реки Хуайхэ заинтересовалась Международная корпорация¹²⁵). Однако ее руководители, ссылаясь на существовавшее политическое положение на Дальнем Востоке, предлагали отсрочить выдачу аванса на один год. Рейнш, отвечая на телеграмму Лансинга, настаивал на предоставлении денег не позднее января 1916 г. и охарактеризовал значение этого займа для укрепления позиций США в Китае. Если в предыдущих телеграммах Рейнш отмечал «гуманную цель займа», то теперь он писал, что осуществление этого займа будет «способствовать преимуществам Соединенных Штатов» и что пока «к счастью, политическая ситуация не подвергалась еще таким радикальным изменениям, чтобы американским капиталистам нужно было просить разрешения у своих конкурентов прежде чем заняться новым делом в Китае». Затем Рейнш указывал, что не произошло ничего, что повлияло бы «на безопасность иностранных капиталовложений» и предлагал представителям «ведущих американских финансистов» посетить Китай и убедиться в этом. В заключение американский

¹²⁰) С. R e m e r. Op. cit., p. 264.

¹²¹) R. C u r r y. Op. cit., p. 149.

¹²²) Ibid., p. 148.

¹²³) «F. R.», 1916, p. 213.

¹²⁴) «F. R.», 1916, p. 215.

¹²⁵) «F. R.», 1916, p. 215.

посланник отмечал, что имеются все условия, «благоприятные для здорового установления американских деловых интересов в Китае на длительное время в будущем, когда европейские рынки будут заняты»¹²⁶). Таким образом, вывод Рейнша заключался в том, чтобы возможно сильнее укрепиться на рынках Китая ко времени окончания мировой войны.

В апреле 1916 г. банкирский дом «Ли-Хиггинсон и К^о» подписал контракт на размещение в США 6% займа правительства Юань Ши-кая в 5 млн. долларов сроком на 3 года¹²⁷). Китай кроме 6% годовых должен был выплатить банкирам 4% от суммы займа в качестве комиссионных. Заем назывался промышленным, однако первый взнос в сумме 1.100 тысяч долларов¹²⁸) был использован кликой Юань Ши-кая для подавления революционного движения на юге Китая, что вызвало возмущение китайского народа. Банкиры вынуждены были приостановить дальнейшие платежи по займу. В декабре 1917 г. представитель фирмы «Ли-Хиггинсон и К^о» обратился к государственному секретарю с запросом, не будет ли возражать правительство Соединенных Штатов, если фирма пожелает сделать дальнейшие взносы по займу в счет предусмотренной суммы в 5 млн. долларов. Ответ гласил, что с точки зрения государственного департамента «заем желателен»¹²⁹).

17 мая 1916 г. компания «Симс энд Кэри» при поддержке Международной корпорации заключила соглашение с пекинским правительством о постройке пяти железных дорог в различных провинциях Китая протяжением около 2500 км. (1500 миль)¹³⁰). Президент Вильсон и его правительство активно поддержали «усилия американского концерна», направленные на установление американского контроля над железными дорогами Китая¹³¹). Данная попытка американского монополистического капитала имела далеко идущие экономические и политические цели. Осуществление займа дало бы возможность США проникнуть в те районы Китая, которые считались сферами влияния Японии, Англии и Франции. По условиям соглашения американская компания должна была разместить на денежных рынках Соединенных Штатов «железнодорожный заем» в 100 млн. долларов.

Для строительства железных дорог было намечено три района: 1) северный, в провинциях Шаньси и Ганьсу, про-

¹²⁶) Ibid., p. 215—216. Рейнш государственному секретарю, 30 декабря 1915 г.

¹²⁷) J. Mac Murray. Op. cit., v. II, p. 1279—1285.

¹²⁸) «F. R.», 1917, p. 158.

¹²⁹) «F. R.», 1917, p. 158. Государственный секретарь Гесту, 17 декабря 1917 г.

¹³⁰) J. Mac Murray. Op. cit., v. II, p. 1313—1324.

¹³¹) R. Curry. Op. cit., p. 147—148.

«стиравшихся от Пекина до границ Внутренней Монголии; 2) южный, в провинциях Гуанси и Гуандун, расположенных по побережью Южно-Китайского моря от границ Индо-Китая до Шаньтоу (Сватуо); 3) восточный, в провинции Чжецзян, примыкавшей к выходу Великого канала в Восточно-Китайское море и району Шанхая. Компания «Симс энд Кэри» должна была получать от 5 до 8% комиссионных от всех сумм, затраченных на строительство дорог и приобретение необходимых материалов и оборудования и 25%¹³²⁾ доходов от эксплуатации железных дорог после их вступления в строй. Руководить постройкой дорог должны были американские инженеры. Передача обширных районов страны для эксплуатации американскому капиталу вызвала возмущение китайского народа и критику со стороны партии Гоминдан, а также протесты со стороны других империалистических держав: Японии, Англии, Франции и России. В связи с этим газета «Пекин дейли ньюс» писала, что у России шансов противостоять Америке нет, но Япония может пойти на войну¹³²⁾. Вышеозначенные причины заставили американских монополистов пойти на уступки. 29 сентября 1916 г. уполномоченный «Симс энд Кэри» подписал с правительством Китая дополнительное соглашение, по которому длина предполагаемых к постройке железных дорог была сокращена до 1100 миль, а процент дохода американской компании уменьшен с 25 до 20¹³³⁾.

Государственный департамент прилагал все усилия к тому, чтобы отстоять «право» Соединенных Штатов на строительство железных дорог в вышеназванных районах Китая либо, в крайнем случае, добиться создания для железнодорожного строительства смешанных международных компаний с участием американского капитала. Дипломатическая переписка по этому вопросу длилась до конца 1917 г. Японское правительство, ссылаясь на японо-китайское соглашение от 5 октября 1913 г., а также на «21 требование», навязанное Китаю в 1915 г., и свои «специальные интересы», доказывало, что Япония имеет преимущественное право на строительство железных дорог в Южной Маньчжурии и восточной части Внутренней Монголии¹³⁴⁾. Японский посланник в Пекине заявил Рейншу, что он «выступает в пользу общего принципа сотрудничества между японскими и американскими капиталистами» в Китае, но что применение этого принципа в Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии осложняется «особой позицией», занимаемой там Японией¹³⁵⁾.

¹³²⁾ «Peking Daily News», November 23, 1916.

¹³³⁾ J. M a s M u r g a y. Op. cit., v. II, p. 1321.

¹³⁴⁾ «F. R.», 1917, p. 161, 170.

¹³⁵⁾ «F. R.», 1917, p. 170. Посланник США в Пекине Рейнш государственному секретарю, 22 января 1917 г.

Государственный секретарь Лансинг в телеграмме американскому посланнику в Китае Рейншу 16 апреля 1917 г.¹³⁶⁾ отвергал протесты Японии против американского железнодорожного строительства в японских сферах влияния как необоснованные. «Специальные интересы Японии, с точки зрения государственного департамента,— писал Лансинг,— должны пониматься, как ограниченные теми специальными правами и привилегиями, которые были получены японским правительством» в порядке международных соглашений по договорам с Китаем и Россией. Здесь же Лансинг заявил, что американские граждане имеют право на предпринимательскую деятельность в Маньчжурии¹³⁷⁾.

В апреле 1917 г. посланник Франции в Пекине выступил против американского железнодорожного строительства в провинции Гаунси, ссылаясь на секретное соглашение, навязанное Францией Китаю, по которому французский капитал получил предпочтительное право на получение горных и железнодорожных концессий в названной провинции¹³⁸⁾. Государственный департамент решительно отверг притязания французского правительства, ссылаясь на принципы политики «открытых дверей», признанные Францией. «По этой причине,— писал Лансинг,— американское правительство не может признать силу возражения, сделанного Францией по контракту о строительстве железной дороги через Гуанси американской Международной корпорацией»¹³⁹⁾.

Правительство Великобритании выступило против проекта постройки американской железной дороги в провинциях Хубей и Хунань, ссылаясь на секретное соглашение, заключенное 5 сентября 1905 г. между британским генеральным консулом в Ханькоу и местными китайскими властями, по которому английский капитал получал преимущественное право на постройку железных дорог в двух названных провинциях¹⁴⁰⁾. Государственный департамент выступил против притязаний Англии. В меморандуме, переданном государственным департаментом послу Великобритании в Вашингтоне 24 августа 1917 года, отмечалось, что «Резервирование целых провинций и больших площадей в Китае для строительства железных дорог, для горного дела или для другого промышленного предприятия любым государством кажется американскому правительству решительно противоречащим политике «открытых дверей» и равенства коммерческих возможностей, к ко-

¹³⁶⁾ В американской официальной публикации указан 1918 г., но, судя по тексту документа, эта опечатка, и данный документ следует датировать 1917 г.

¹³⁷⁾ «F. R.», 1917, p. 187.

¹³⁸⁾ «F. R.», 1917, p. 183.

¹³⁹⁾ Ibid., p. 192. Лансинг французскому послу в Вашингтоне, 24 августа 1917 г.

¹⁴⁰⁾ Ibid., p. 187. Рейнш государственному секретарю, 14 июля 1917 г.

торой присоединилось британское правительство»¹⁴¹). Затем в Меморандуме отмечалось, что «интересы Соединенных Штатов в Великобритании в Китае тождественны» и выражалось пожелание, чтобы Англия придерживалась политики «открытых дверей».

Английский империализм не был склонен пускать американский капитал в свою сферу влияния в Китае, однако зависимость Великобритании от американских кредитов и военного снабжения, установившаяся к концу войны, заставила Англию проявить известную уступчивость и дать согласие на строительство железных дорог в провинциях Хубей и Хунань смешанным англо-американским капиталом¹⁴²). В конечном итоге американским монополиям не удалось осуществить своих планов обширного железнодорожного строительства, они были сорваны острым межимпериалистическим соперничеством и растущей освободительной борьбой китайского народа. Дело ограничилось только тем, что поисковые партии американских инженеров наметили несколько вариантов направлений, намечавшихся к строительству железных дорог¹⁴³).

16 ноября 1916 г. американский банкирский дом «Континентал энд коммершл траст энд Сейвингс бэнк оф Чикаго» предоставил Китаю заем в 5 млн. долларов для целей промышленного развития и стабилизации валюты. Заем обеспечивался табачным и винным налогами¹⁴⁴). Эта сумма рассматривалась как задаток по планировавшемуся в дальнейшем займу у американских банкиров на 25 млн. долларов. Против американского займа выступили французские и английские банкиры, заявлявшие, что данный заем нарушает монопольное право международного консорциума по финансированию Китая. Японское правительство сделало запрос в Пекине относительно займа у чикагских банкиров и осталось неудовлетворенным ответом китайского правительства¹⁴⁵).

Правительство Соединенных Штатов признало возражения необоснованными. «Это вмешательство со стороны союзных банкиров, — писал президент Вильсон Лансингу, — сильно меня раздражает, и я думаю, мы должны выразить наш протест в довольно ясных выражениях»¹⁴⁶). По указанию Вильсона американский посланник в Пекине Рейнш довел до сведения соответствующих дипломатических миссий, что любые попытки оказать давление на китайское правительство

¹⁴¹) «F. R.», 1917, p. 191—192.

¹⁴²) «F. R.», 1917, p. 195—196. Меморандум британского посла в Вашингтоне государственному секретарю, 8 октября 1917 г.

¹⁴³) R. Сиггу. *Op. cit.*, p. 147.

¹⁴⁴) J. Мас Муггау. *Op. cit.*, v. II, p. 1337—1343.

¹⁴⁵) «F. R.», 1917, p. 129. Лансинг Рейншу, 5 апреля 1917 г.

¹⁴⁶) R. Сиггу. *Op. cit.*, p. 153.

с целью заставить его отказаться от заключенного займа «встретят очень решительное сопротивление со стороны правительства США»¹⁴⁷). В первой половине 1917 г. «Континентал эйд коммершл траст энд Сэйвингс бэнк оф Чикаго», при поддержке государственного департамента, вел переговоры об условиях размещения и гарантиях по заключенному займу. В начале июня эти переговоры завершились подписанием соответствующих соглашений¹⁴⁸).

В ходе войны значительно возросли интересы американского капитала в России, особенно в Сибири и на русском Дальнем Востоке. Ввоз американских товаров в Россию увеличился в несколько раз и в 1915—1916 финансовом году исчислялся в 178,7 млн. долларов. В этом же году вывоз товаров из России в США составил крайне незначительную сумму в 3,6 млн. долларов. Следовательно, американский экспорт в Россию почти в 50 раз превысил импорт из России¹⁴⁹). Недостаток золота и валюты в России сдерживал дальнейшее развитие русско-американской торговли, а возможности увеличения экспорта товаров из России в Соединенные Штаты Америки лимитировались ограничением военного времени, в силу которых экспорт многих товаров был запрещен. Так как царское правительство нуждалось в американских военных поставках, но не имело средств для того, чтобы их оплачивать, то оно пошло на уступки американским предпринимателям. В 1915 г. русский посол в Вашингтоне и государственный секретарь подписали соглашение, по которому с 23 сентября 1915 г. разрешался вывоз в США тех товаров, которые были запрещены к экспорту в другие страны; правда, в отношении вывоза некоторых грузов (важные виды сырья) каждый раз надо было получать особое разрешение царского правительства¹⁵⁰).

Американский крупный капитал получал большие доходы от русско-американской торговли и был заинтересован в ее дальнейшем росте. В связи с этим в американских газетах в 1916 г. стали появляться статьи о необходимости возобновления переговоров о заключении русско-американского торгового договора взамен договора 1832 г., который в 1912 г. был расторгнут по инициативе американской стороны. Американский торговый атташе в Петрограде заявил о желательности заключения нового торгового договора между Соединенными Штатами Америки и Россией¹⁵¹). Во влиятельных ди-

¹⁴⁷) Ibidem.

¹⁴⁸) «F. R.», 1917, p. 128, 130, 132—133.

¹⁴⁹) «Statesman's Years-Book», 1917, Nr. 54, p. 473.

¹⁵⁰) «Бюллетень справочной части по внешней торговле министерства торговли и промышленности», 1915, № 31.

¹⁵¹) АВПР. Канцелярия, 1916, д. 54, л. 140. «К вопросу о сближении с Америкой». Письмо члена Совета МИД Коростовца на имя министра иностранных дел России, 25/12 октября 1916 г.

дипломатических кругах царской России считали, что для успешного противодействия натиску Японии с востока необходимо сблизиться со США и с этой целью дать американскому капиталу льготы для торгово-предпринимательской деятельности в России. Такой же точки зрения придерживалась газета «Новое время»¹⁵²).

Русско-американское соглашение 1915 г. использовалось американскими монополиями для проникновения в горно-рудную промышленность России и создания предприятий по переработке сырья, выделке кож и т. д. В 1916 г. американская акционерная компания открыла в Северо-Восточном Китае фабрику для выделки мехов. Зимой 1917 г. на эту фабрику из Сибири было отправлено пушнины и кож на сумму до 3 миллионов рублей¹⁵³). В 1916 г. американские банкиры образовали консорциум с капиталом в 50 млн. долларов для кредитования американской торгово-предпринимательской деятельности в Сибири и на русском Дальнем Востоке. Ввоз американских товаров через Владивосток и по КВЖД быстро увеличивался. В 1916 г. почти половина американского экспорта в Россию приходилась на азиатскую часть России¹⁵⁴).

После Февральской революции проникновение американского капитала на русский Дальний Восток усиливается. Временное правительство стремилось получить поддержку американского империализма для борьбы с революционным движением в России и с этой целью шло на большие уступки американскому капиталу. В июне 1917 г. Особое совещание в Петрограде высказалось за привлечение американского капитала в нефтепромышленность и добычу угля на Сахалине, горную промышленность Южно-Уссурийского края и т. д.¹⁵⁵). Ориентация Временного правительства на Соединенные Штаты Америки вызвала недовольство правящих кругов Японии. Русский посол в Токио Крупенский писал в Петроград: «Вопрос о том, какое направление примет в будущем политика России на Дальнем Востоке, беспокоит японское правительство, которое не уверено, что мы будем идти по намеченному нами ранее пути совместных действий с Японией», затем Крупенский отмечал, что в Японии «учитывают замечательное у нас течение в пользу сближения с Соединенными Штатами»¹⁵⁶).

¹⁵²) «Новое время», 24 сентября 1916 г.

¹⁵³) «Сибирская жизнь», 15 января 1917 г.

¹⁵⁴) А. А. Лукин. Проникновение американского и английского капитала в Западную Сибирь накануне и в годы первой мировой войны. (Автореферат кандидатской диссертации), Томск, 1959, стр. 13.

¹⁵⁵) П. А. Хромов. Очерки экономики России периода монополистического капитализма, М., 1960, стр. 159—160.

¹⁵⁶) АВПр. Японский стол, д. 925, л. 238. Крупенский Терещенко, 10 сентября/28 августа 1917 г.

Активность американского капитала в Сибири вызывала противодействие со стороны правящих кругов Японии. Однако основным объектом японо-американского соперничества по-прежнему оставался Китай. В связи с тем, что Юань Ши-кай ориентировался на США и Англию, правительство Японии стало инспирировать и поддерживать движение за восстановление цинской династии и одновременно с этим пыталось установить связи с лидерами либерально-националистического движения, развившегося на юге Китая. Особенно ярко проявился характер японо-американского соперничества в Китае в связи с вопросом о реставрации монархии. Юань Ши-Кай и его клика, установив режим военной диктатуры в Китае; с лета 1915 г. развернули усиленную пропаганду о восстановлении монархии, доказывая, что республиканская форма правления для Китая не годится. Первоначально Юань Ши-кай заявлял, что он поддерживает план восстановления монархии, но сам императорского титула не примет, а будет способствовать возведению на престол малолетнего Пу И, последнего императора цинской династии¹⁵⁷). Но вскоре Юань Ши-кай начинает активную борьбу за престол.

В борьбу по вопросу о восстановлении монархии в Китае вмешались империалистические державы. В начале сентября 1915 г. посланник Великобритании в Пекине Джордан довел до сведения Юань Ши-кай отрицательное отношение правительства Англии к планам восстановления монархии. Посланник России Крупенский в ответ на запрос представителей китайского правительства отметил, что он признает «преимущества монархического строя перед республиканским», но считает, что время для перемены государственного строя Китая не является подходящим¹⁵⁸). Английские и русские дипломаты опасались, что провозглашение монархии может привести к гражданской войне, в которую вмешается Япония с целью дальнейшего укрепления в Китае. Подобные опасения были вполне обоснованными. Японский посланник в Пекине Хиоки говорил Крупенскому и Джордану, что «хотя в Японии и считают монархический образ правления наиболее подходящим для Китая, Юань Ши-кай там никакими симпатиями не пользуется и его вступление на китайский престол встречено было бы весьма несочувственно»¹⁵⁹).

Правительство Юань Ши-кай настойчиво добивалось быстрого восстановления монархии. В таких условиях японское правительство решило взять на себя инициативу в деле пресечения династических замыслов Юань Ши-кай. Достиг-

¹⁵⁷) «М. О.», серия III, т. VIII, ч. 2, стр. 261 (примечание). Выдержка из депеши Крупенского от 18/5 августа 1915 г.

¹⁵⁸) «М. О.», серия III, т. VIII, ч. 2, стр. 263. Посланник в Пекине министру иностранных дел, 8 октября/26 августа 1915 г.

¹⁵⁹) Там же, стр. 263.

нув договоренности с Великобританией, министерство иностранных дел Японии 28 октября 1915 г. направило памятные записки правительствам царской России, Франции и США, в которых извещало о своем решении дать совместно с Великобританией совет китайскому правительству «временно отложить изменение формы правления во избежание возможных беспорядков»¹⁶⁰). Характерно, что министр иностранных дел Англии Э. Грей согласился с предложением Японии, чтобы подобный «совет» Японии и Великобритании был доведен до сведения китайского правительства немедленно, не дожидаясь ответа России, Франции Соединенных Штатов Америки¹⁶¹). В тот же день, 28 октября, японский поверенный в делах в Пекине сделал заявление министру иностранных дел Китая в вышеизложенном смысле¹⁶²). Присутствовавшие при этом английский и русский посланники сказали, что им предписано присоединиться к заявлению Японии¹⁶³). Вскоре Франция объявила о своей поддержке выступления Японии.

Форма и характер японской акции свидетельствует о том, что правительство Окума стремилось создать впечатление, что именно от Японии зависит решение вопроса быть или не быть Юань Ши-каю императором. В данном случае японские дипломаты рассчитывали на то, что движимый честолюбивыми замыслами Юань Ши-кай вынужден будет пойти на новые значительные уступки Японии ради того, чтобы получить императорскую корону. Однако сторонники Юань Ши-кая не собрались капитулировать, так как они нашли поддержку у США и Германии. Налицо был явно парадоксальный факт. Монархическая Япония выступала за сохранение республики в Китае, а Американская республика поддерживала китайских монархистов.

В качестве активного сторонника восстановления монархии в Китае выступил советник президента Юань Ши-кай по конституционным вопросам американский профессор Ф. Гудноу. В специальном меморандуме, составленном в июле 1915 г., Гудноу доказывал, что для Китая в связи с «низким культурным уровнем» народа более подходит монархическая форма правления, чем республиканская¹⁶⁴). Эту точку зрения

¹⁶⁰) «М. О.», серия III, т. IX, стр. 84.

¹⁶¹) «М. О.», серия III, т. IX, стр. 83 (примечание).

¹⁶²) Премьер-министр Японии Окума открыто угрожал Китаю, заявляя, что если, «к несчастью, совет Японии будет отклонен Китаем, я приму чрезвычайные меры, чтобы овладеть положением. Я не допущу, чтобы обстоятельства шли своим чередом или чтобы достоинство Японии было нарушено». См. «Вестник Азии», 1915, кн. III—IV, стр. 127.

¹⁶³) «М. О.», серия III, т. IX, стр. 8. Посланник в Пекине министру иностранных дел, 28/15 октября 1915 г.

¹⁶⁴) Е. И. Попов. К вопросу о политике американского империализма в Китае в 1914—1917 гг. «Ученые записки Московского городского педагогического института», т. XIV, вып. 1, 1951 г., стр. 267—268.

поддерживали американский посланник в Китае и правительство США. В ответ на предложение Японии выступить против установления монархии в Китае государственный департамент ответил, что вопрос о форме правления является внутренним и что правительство США сможет вмешаться в это дело лишь при условии, если интересы и привилегии Соединенных Штатов в Китае окажутся под угрозой¹⁶⁵). Подобное заявление государственного департамента являлось поддержкой монархических устремлений Юань Ши-кая. В это же время, как уже отмечалось, американские монополии предоставили Китаю несколько займов, укрепивших позиции правительства Юань Ши-кая.

После того, как стало известно, что Германия поддерживает династические планы Юань Ши-кая, министр иностранных дел России Сазонов дал указание русским послам в Лондоне и Париже выяснить точку зрения правительств Англии и Франции по вопросу признания Юань Ши-ка императором Китая в случае его избрания. Сазонов считал, что союзники должны будут признать монархию. По его мнению японская политика грозила оттолкнуть Юань Ши-ка от союзников и бросить его в объятия Германии¹⁶⁶). Однако Грей категорически отказался поддержать предложение Сазонова, указав, что всякое выступление держав в Пекине без участия Японии «совершенно отдалит последнюю и будет обречено на неудачу...» Грей также сказал, что английское правительство не может действовать в Китае «без Японии» в связи с существованием англо-японского союза¹⁶⁷).

В декабре 1915 г. было официально объявлено о предстоящем вступлении Юань Ши-ка на престол. В связи с этим на повестку дня выплыл вопрос об официальном признании державами монархии в Китае. 21 декабря 1915 г. государственный секретарь США Лансинг дал указание американскому посланнику в Пекине Рейншу признать монархию в Китае в случае если «новый порядок» окажется устойчивым¹⁶⁸). Появились сведения, что Германия и Австро-Венгрия также готовы признать Юань Ши-ка императором. В таких условиях страны Антанты вновь стали обсуждать вопрос о признании монархии в Китае. Вскоре выяснилось, что инициативу по этому вопросу хочет взять в свои руки японское правительство, которое имело намерение сыграть роль посредника между Юань Ши-каем и странами Антанты и получить за это

¹⁶⁵) «F. R.», 1915, р. 76. Меморандум государственного департамента, переданный в японское посольство в Вашингтоне 4 ноября 1915 г.

¹⁶⁶) «M. O.», серия III, т. IX, стр. 331. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне Извольскому и Бенкендорфу, 23/10 ноября 1915 г.

¹⁶⁷) Там же, стр. 354 (примечание).

¹⁶⁸) «F. R.», 1915, р. 79.

соответствующие компенсации от Китая. Указывая на позицию Японии по этому вопросу, Крупенский писал: «Претензия Японии служить посредником между Китаем и державами привела бы, в случае ее одобрения последними, к признанию японского главенства в дальневосточных делах и почти что к установлению протектората Японии над Китаем, что отнюдь не может входить в наши виды»¹⁶⁹). Широкое антимоноархическое движение на юге Китая заставило Юань Ши-кай отказаться от династических планов, а его смерть, последовавшая 6 июля 1916 г., сняла этот вопрос с повестки дня.

Вскоре в японской прессе было опубликовано сообщение о том, что Совет министров Японии принял решение оказать полную моральную поддержку новому президенту Китая Ли Юань-хуну, так как он «дружески относится к Японии»¹⁷⁰). Премьер-министром Китая стал Дуань Ци-жуй, который был известен своими прояпонскими симпатиями. Тем не менее японские империалисты продолжали работу, направленную на ослабление и раздробление Китая. С этой целью японская агентура инспирировала, всячески поощряла и материально поддерживала движение сторонников свергнутой в 1912 г. маньчжурской (цинской) династии. Еще в конце 1915 г. в японских газетах появились сообщения о том, что Китай возможно распадется на две империи: во главе одной станет Юань Ши-кай, а другую, в состав которой войдут Маньчжурия и Монголия, возглавит бывший император Пу И¹⁷¹).

Летом 1916 г. один из агентов цинов в Маньчжурии заявил чиновнику русского консульства, что монархическое движение в Маньчжурии и Монголии, организованное японцами, имело целью «восстановление Маньчжурского царства» в составе трех провинций Северо-Восточного Китая и Внутренней Монголии под протекторатом Японии¹⁷²). Японское правительство снабжало монархистов деньгами, оружием и направляло в их организации офицеров¹⁷³). Формально во главе движения стоял князь Су Цин-ван, штаб которого находился в Дайрене. Как сообщал русский посланник из Пекина Кудашев, Сун Цин-ван действовал полностью под контролем Японии и зависел от нее материально¹⁷⁴).

¹⁶⁹) «М. О.», серия III, т. IX, стр. 684. Посланник в Пекине министру иностранных дел, 29/16 декабря 1915 г.

¹⁷⁰) «Китай и Япония», 1916, № 242, стр. 35.

¹⁷¹) «Китай и Япония», 1915, № 235, стр. 21.

¹⁷²) Японские империалисты осуществили этот план в 1932 г., когда было образовано марионеточное государство — Маньчжоу-го во главе с Пу И, который в 1934 г. был провозглашен императором.

¹⁷³) АВПР. Китайский стол, д. 3239, л. 5. Телеграмма русского генерального консула в Харбине Траушольда, 7 августа/25 июля 1916 г.

¹⁷⁴) АВПР. Китайский стол, д. 3239, л. 48. Телеграмма посланника в Пекине Кудашева от 4 июля/21 июня 1917 г.

Министр иностранных дел Японии в беседе с русским послом в Токио говорил о том, что японское правительство не поддерживает движение за отделение Маньчжурии от Китая и утверждал, что при штабе Сун Цин-вана имеется лишь несколько «мелких японских авантюристов», которых японские власти якобы были намерены в скором времени выслать из Дайрена¹⁷⁵). Вскоре появились новые факты, свидетельствовавшие о том, что движение за восстановление цинской династии развивается под руководством японского правительства; например, в Токио прибыл представитель князя Сун Цин-вана. В феврале 1917 г. министр иностранных дел Японии вновь заверял русского посла в том, что Япония не будет поддерживать движение за отделение Северо-Восточного Китая и что японским офицерам, находившимся при отрядах, сформированных в Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии сторонниками цинской династии, приказано выехать в Японию¹⁷⁶).

В то время японским империалистам не удалось осуществить свои планы расчленения Китая путем создания марионеточного государства. Однако японское правительство использовало движение за восстановление цинской династии для давления на правительство Дуань Ци-жуя и разжигания внутренних беспорядков с целью ослабить Китай. Отмечая этот факт, русский посланник в Пекине писал: «...цель Японии не давать здесь утвердиться безусловно устойчивому порядку, сохранить Китай как поприще для своего политического и коммерческого преобладания»¹⁷⁷). Попытки восстановить цинскую династию вызвали большое недовольство в Китае¹⁷⁸). В городах Китая проходили митинги, на которых выражалось возмущение по поводу помощи сторонникам цинской династии со стороны японского правительства, распространялись прокламации аналогичного содержания¹⁷⁹).

Американские займы Китаю подрывали позиции международного консорциума, претендовавшего на монопольное господство в китайских финансах. Особенно были встревожены английские монополии, игравшие ведущую роль в консорциуме. В таких условиях, по инициативе Англии, американ-

¹⁷⁵) Там же, л. 7. Телеграмма русского посла из Токио, 14/1 августа 1916 г.

¹⁷⁶) АВПР. Китайский стол, д. 3239, л. 35. Телеграмма русского посла из Токио, 28/15 февраля 1917 г.

¹⁷⁷) Там же, л. 42. Делеша посланника в Пекине Кудашева, 16/3 мая 1917 г.

¹⁷⁸) В июле 1917 г. генерал Чжан Сюнь организовал монархический переворот в Пекине и провозгласил Пу И императором Китая. Президент и премьер-министр бежали из столицы. Однако «монархия» продержалась всего 8 дней, несмотря на то, что Япония благожелательно отнеслась к восстановлению цинской династии. См. Г. Ефимов. Очерки по новейшей и новейшей истории Китая, М., 1951, стр. 198—199.

¹⁷⁹) «Китай и Япония», 1916, № 245, стр. 115.

ская банковская группа во главе с Морганом была приглашена вернуться в консорциум¹⁸⁰).

Японское правительство считало, что в случае развертывания дальнейшей конкурентной борьбы между Японией и США за контроль над финансами Китая преимущество должно быть на стороне более мощного американского финансового капитала. Поэтому Япония также высказалась за приглашение американских банкиров в консорциум. В связи с этим газета «Дзи-дзи» писала, что «присоединение Соединенных Штатов к консорциуму желательно», но запретить американским банкирам сепаратные финансовые операции в Китае невозможно. Затем «Дзи-дзи» указывал, что если США будут осуществлять свои сепаратные капиталовложения в Китай, то они могут «остаться в одиночестве на случай, если четырем союзным державам придется спасти свои капиталы, вложенные в Китае»¹⁸¹). Таким образом, газета подчеркивала общность интересов империалистических держав по сохранению полуколониального положения Китая.

Одной из причин приглашения Соединенных Штатов в консорциум было отсутствие «свободных» капиталов в странах Антанты в связи с войной. Вопрос о вступлении Соединенных Штатов в консорциум всплыл в августе 1916 г. в связи с обсуждением вопроса о реализации Второго реорганизационного займа для Китая в 100 млн. долларов. Государственный секретарь Лансинг положительно отнесся к вопросу о возвращении Соединенных Штатов в консорциум. Он считал, что США могли бы использовать консорциум для того, чтобы держать под контролем японскую экспансию в Китае¹⁸²).

В январе 1917 г. в Лондоне, после предварительных переговоров, состоялась конференция представителей англо-франко-русско-японских банковских групп, на которой было принято решение пригласить американскую банковскую группу, во главе с Морганом, вернуться в консорциум и принять участие в выпуске займа¹⁸³). На этой же конференции было предварительно решено, что заем на сумму от 10 до 20 млн. фунтов стерлингов будет размещен равными долями в Соединенных Штатах и Японии. Кроме того, банкиры выдвинули требование, чтобы в качестве гарантии по этому займу китайское правительство передало под контроль консорциума дополнительные налоги на соль и налоги на землю. На пост главного инспектора по осуществлению контроля за поступлением налогов намечался представитель Японии.

¹⁸⁰) Германские банкиры были вытеснены из консорциума в связи с войной. К 1917 г. в консорциум входили Англия, Франция, Япония и Россия.

¹⁸¹) «Китай и Япония», 1916, № 243, стр. 29.

¹⁸²) R. C. C. O. P. cit., p. 152.

¹⁸³) «F. R.», 1917, p. 128.

Правление американской Международной корпорации считало возможным немедленно вступить в консорциум, однако группа Моргана в целях гарантии американских капиталовложений добивалась соответствующего решения правительства США по этому вопросу¹⁸⁴).

8 марта 1917 г. американская группа банкиров, возглавляемая Морганом, в письме на имя государственного секретаря изложила свои условия, на которых она согласилась бы вступить в консорциум¹⁸⁵). Банкиры требовали в целях «лучшей защиты американских держателей облигаций» более определенных гарантий со стороны китайского правительства по Хугуанскому займу, часть которого была выпущена в Соединенных Штатах американской группой в июне 1911 г. Кроме того, американская финансовая группа претендовала на одинаковое с Японией участие в контроле над поступлением китайских земельных налогов и соглашалась принять участие в займе лишь с одобрения и при поддержке своего правительства¹⁸⁶).

В сентябре 1917 г. в Пекине начались переговоры представителей консорциума с министром финансов Китая, который просил заем в 200 млн. мексиканских долларов для проведения денежной реформы¹⁸⁷). Однако пекинское правительство предлагало в качестве гарантии по займу дополнительные доходы от соляного налога и морских таможен, но не соглашалось на включение в число гарантий поземельного налога, как того требовали представители консорциума.

Переговоры затягивались. В таких условиях пекинское правительство в ноябре 1917 г. обратилось к международной банковской группе с просьбой предоставить аванс в 2 млн. фунтов стерлингов¹⁸⁸). Японское правительство поддержало эту просьбу и, ссылаясь на то, что «стоймость банкнот, выпущенных китайским банком, падает», а это ведет к депрессии в торговле и «причиняет огромные потери местным и иностранным купцам», выразило пожелание выдать аванс за счет средств японских банкиров¹⁸⁹). Но против этого выступил государственный департамент США, который обратился к правительствам Англии и Франции с пожеланием, чтобы английские и французские банки приняли участие в представлении Китаю аванса в два млн. фунтов стерлингов и тем самым

¹⁸⁴) АВПР. Канцелярия, 1917, д. 61, л. 37. Телеграмма Бахметьева из Вашингтона, 16/3 февраля 1917 г.

¹⁸⁵) В американскую банковскую группу входили: «Морган и К^о», «Кун, Леб и К^о», «Первый национальный банк Нью-Йорка» и «Национальный городской банк Нью-Йорка».

¹⁸⁶) «F. R.», 1917, p. 126—127.

¹⁸⁷) Ibid., p. 138.

¹⁸⁸) Ibid., p. 153.

¹⁸⁹) Ibid., p. 153—154. Посол США в Великобритании Пэйдж Лансинг, 12 ноября 1917 г.

не допустили нового сепаратного японского займа Китаю до вступления США в консорциум¹⁹⁰).

Государственный департамент затягивал решение вопроса о вступлении американской банковской группы в консорциум, настаивая на выгодных для американского капитала условиях, а затем в 1918 г., в связи с истечением срока действия старого консорциума, правительство США выступило инициатором создания нового консорциума, в котором правящие круги Соединенных Штатов добивались главенствующей роли¹⁹¹). Путем дипломатии доллара американские монополии не смогли значительно подорвать японские позиции в Китае. В 1916—1917 гг. правительство Вильсона принимало энергичные меры к увеличению военно-морских сил США, что вызывало серьезное беспокойство в Японии и заставило последнюю искать соглашения с правительством Соединенных Штатов Америки по вопросам дальневосточной политики.

3. Подъем революционного и национально-освободительного движения в 1917 г. Соглашение Лансинг-Исии

Общий кризис капитализма, начавшийся в годы первой мировой войны, проявлялся в победе революции в России, росте революционного движения во всем мире и усилении национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах. На развитие японо-американских отношений в 1917 г. оказали большое влияние те изменения в международной обстановке, которые вызвала Февральская революция и дальнейший рост революционного движения в нашей стране, а также подъем антиимпериалистической борьбы в Китае и других странах Азии.

Рост антиимпериалистического движения в Китае был прямым ответом на экспансию США и Японии, которая все усиливалась. Японские монополии в борьбе за господство в Китае стали широко использовать финансовое проникновение, противопоставляя дипломатии доллара — дипломатию иены. Японский империализм стремился к установлению собственного контроля над промышленностью, торговлей и финансами Китая.

Усиленное проникновение американского империализма в Китай, а также намечавшиеся перспективы русско-американского сближения вызывали серьезное беспокойство в Японии. Соединенные Штаты Америки создали мощный производственный аппарат и усиленно готовились к войне с Германией, увеличивая армию и флот. Было вполне очевидным, что после окончания войны роль США в международных делах на Дальнем Востоке увеличится. В таких условиях правящие

¹⁹⁰) «F. R.», 1917, p. 159. Лансинг Рейншу, 29 декабря 1917 г.

¹⁹¹) Цинь Бэнь-ли. Указ. соч., стр. 55—57.

круги Японии надеялись сохранить свои позиции путем дальнейшего увеличения военно-морских вооружений, установления в Китае прояпонского правительства и соответствующих соглашений с великими державами.

Наиболее агрессивно настроенная часть японских империалистов выражала недовольство политикой правительства Окума. С июня 1916 г. в японской прессе стали появляться слухи о предстоящей замене Окума на посту премьера графом Тэраути, с именем которого военщина связывала надежды на более активный курс внешней политики¹⁹²). В сентябре 1916 г. ставленник военно-бюрократических кругов маршал Тэраути стал премьер-министром Японии¹⁹³). Министром иностранных дел был назначен виконт Мотоно, бывший в 1906—1916 гг. послом Японии в России. Большинство министров нового правительства являлись членами верхней палаты японского парламента — палаты пэров. Правительство Тэраути развернуло активную внешнеполитическую деятельность, направленную на закрепление позиций, захваченных в Китае, и на укрепление положения Японии на Дальнем Востоке. Японское агентство «Ниппон Демпо» в ноябре 1916 г. опубликовало сообщение о решении японского правительства проводить новую политику относительно Китая, суть которой сводилась к тому, чтобы временно прекратить активное наступление на Китай и попытаться закрепить достигнутое¹⁹⁴). Р. Сторри отмечает, что правительство Тэраути пыталось контролировать Китай скорее путем подкупа правящей верхушки, чем угроз¹⁹⁵). Американский историк Лэнгдон также пишет о провале попыток Тэраути установить контроль над Китаем под маркой улучшения отношений двух стран¹⁹⁶). Подобные методы были обречены на неудачу в связи с ростом национального сознания китайского народа и бесцеремонным вмешательством японских империалистов во внутренние дела Китая.

Наряду с экономической экспансией Япония широко использовала методы военно-политического проникновения, особенно в Шаньдунскую провинцию и Северо-Восточный Китай. Японское правительство продолжало оккупацию значительных районов Шаньдунской провинции. Согласно «21 требованию» Япония обязалась вернуть Китаю Киао-Чао с крепостью Циндао при условии, если китайское правительство разрешит создать японский селтльмент на побережье Шаньдунской про-

¹⁹²) «Харбинский вестник», 3 июля 1916 г.

¹⁹³) Тэраути в 1902—1906 гг., а затем в 1908 г. был военным министром. В 1909—1916 гг., будучи генерал-губернатором Кореи, Тэраути проявил себя как безжалостный колонизатор, душитель свободы корейского народа.

¹⁹⁴) «Харбинский вестник», 24 ноября 1916 г.

¹⁹⁵) R. Storry. A History of Modern Japan, London, 1960, p. 154.

¹⁹⁶) «The Pacific Historical Review», 1957, Nr. 3, p. 248.

винции. Однако в начале 1917 г. представитель японского правительства заявил русскому послу в Токио, что Япония хочет сохранить за собой Циндао в качестве японского сэттл-мента, а рядом с ним построить другой международный сэттлмент¹⁹⁷). Японские империалисты стремились получить от Китая, хотя бы в косвенной форме, признание господствующего положения Японии в Шаньдуне. С этой целью японское правительство в марте 1917 г., после двухлетних переговоров, навязало Китаю соглашение относительно японо-китайских почтово-телеграфных операций в бывшей арендованной Германией области Киао-Чао и в полосе железной дороги Циндао-Цзинань. По этому соглашению все права и привилегии, полученные в свое время Германией в деле почтово-телеграфной связи, признавались перешедшими к Японии¹⁹⁸).

В Южной Маньчжурии и в восточной части Внутренней Монголии японский империализм пытался путем образования марионеточного государства либо путем создания японских органов административной власти и военной оккупации отторгнуть эти районы от Китая. Ссылаясь на то, что по соглашению от 25 мая 1915 г. японцы получили право жить и заниматься торгово-предпринимательской деятельностью в этой части Северо-Восточного Китая, японское правительство предпринимало попытки организовать там японскую администрацию и полицию. В январе 1917 г. министр иностранных дел Японии Мотоно, выступая в нижней палате парламента, говорил о возросших интересах Японии в Китае и о политике в Южной Маньчжурии и Восточной части Внутренней Монголии. «Особое положение» Японии в данных областях, говорил Мотоно, «достигнуто в результате крупных жертв и больших трудов. Япония в силу договоров и соглашений с Китаем приобрела» там «особые интересы и права и она должна их охранять, а Китай в силу принятых на себя обязательств должен уважать эти права и интересы». В этом же выступлении Мотоно выразил притязания японского империализма на господствующее положение в Китае, заявив, что «Япония в силу географических, политических и экономических отложений занимает особое положение в Китае»¹⁹⁹).

Летом 1917 г. японский парламент внес изменения в положение о Восточном колонизационном обществе. Этому обществу, деятельность которого ранее распространялась только на Корею, вменялось в обязанность заниматься переселением японских граждан в Китай, Южную Америку и страны Юго-Восточной Азии. Для нужд колонизации Северо-Восточного

¹⁹⁷) АВПР. Японский стол, д. 925, лл. 50—51. Крупенский Покровскому, 26/13 февраля 1917 г.

¹⁹⁸) J. M a s M i g g a u. Op. cit., v. II, p. 1359.

¹⁹⁹) АВПР. Японский стол, д. 925, лл. 15—16. Русский посол в Токио Крупенский Покровскому, 29/16 января 1917 г.

Китая Восточное колониционное общество располагало суммой в 63 млн. иен²⁰⁰). В это же время японское правительство приняло решение объединить в руках квантунского генерал-губернатора управление Южно-Маньчжурской железной дорогой, японскими поселками в Южной Маньчжурии и корейскими железными дорогами²⁰¹). Подобная централизация власти в руках одного лица была предпринята с целью усиления японской колониаторской политики в Китае.

Дипломатические представители великих держав в Пекине сообщали своим правительствам о росте революционного и антиимпериалистического движения в Китае. Усиливалось недовольство широких масс антинародной политики Юань Ши-кая, которое особенно сильно проявлялось на Юге. Русский посланник в Пекине в январе 1916 г. писал: «Согласно полученным моим французским со товарищем донесения как от многочисленных подведомственных ему консульских представителей на юге Китая, так и от пограничных французских властей, положение во всех южных провинциях вплоть до Шанхая представляется чрезвычайно тревожным. Недовольство нынешним пекинским правительством, независимо от монархической или республиканской формы правления, пустило глубокие корни в населении, и, если теперешняя вспышка и останется локализованной, то в будущем можно ожидать общего восстания, обещающего быть гораздо более серьезным, чем так называемая «вторая революция 1913 г.»²⁰²).

В начале 1916 г. произошло столкновение между китайскими патриотами и японским отрядом в Шаньдунской провинции, в ходе которого был убит один японский солдат. Японское правительство использовало этот факт для усиления натиска на Китай и увеличения своих войск, на линии железной дороги Циндао—Цзинань²⁰³).

Новый взрыв антияпонского движения в Китае вызвал так называемый Чженцятунский инцидент. Японское правительство для укрепления своих позиций в Южной Маньчжурии и получения удобного пути во Внутреннюю Монголию добилось в 1915 г. права на постройку железной дороги от Сыпина (Сыпингай) — станции на ЮМЖД, расположенной к северу от Мукдена, — до Чженцятуна, находящегося примерно в 100 км к востоку от Сыпина. В Чженцятун был направлен японский воинский отряд, и здесь появилось много японцев,

²⁰⁰) АВГР. Миссия в Пекине, д. 181, лл. 101—113. Крупенский Терещенко, Токио, 16/3 июля 1917 г.

²⁰¹) АВГР. Китайский стол, д. 3239, л. 47. Телеграмма посла из Токио, 25/12 июня 1917 г.

²⁰²) «М. О.», серия III, т. IX, стр. 778—779. Посланник в Пекине министру иностранных дел, 12 января 1916 г./30 декабря 1915 г.

²⁰³) АВГР. Канцелярия, 1916, д. 108, л. 31. Телеграмма поверенного в делах в Токио Щекина, 6 мая/23 апреля 1916 г.

занятых на строительстве железной дороги, в торговле и т. д. Спровоцированный японцами конфликт привел к перестрелке между китайскими и японскими солдатами, в которой были убитые и раненые с обеих сторон²⁰⁴). В ходе столкновения японские офицеры вызвали подкрепления, заняли город и арестовали многих китайцев.

Японские милитаристы всячески раздували Чженцзятунский инцидент и пытались его использовать в своих интересах. Согласно сообщению газеты «Мансю Ници-ници» от 28 августа 1916 г. японское правительство требовало отвода китайских войск из этого района, компенсации убытков, отстранения китайского генерала, командовавшего дивизией, солдаты которой принимали участие в столкновении, передачи полицейских функций в китайских поселках, расположенных на линии ЮМЖД, японцам и т. д.²⁰⁵). В Китае начались новые антияпонские выступления, в различных городах были проведены антияпонские митинги и демонстрации²⁰⁶). Произошел ряд столкновений с японцами. Инцидент был урегулирован лишь в январе 1917 г. путем обмена нот. Китайское правительство обязалось объявить выговор командиру дивизии и наказать офицеров, солдаты которых принимали участие в японо-китайском столкновении в Чженцзятуне, а также опубликовать обращение с призывом к китайскому населению «вежливо обращаться» с японцами, проживавшими в Китае. Япония согласилась вывести свои войска из района железной дороги Сыпин—Чженцзятун после того, как Китай выполнит свои обязательства по урегулированию конфликта²⁰⁷).

Следует отметить, что политика правительства США по отношению к Японии в период Чженцзятунского конфликта была доброжелательной, хотя притязания японского правительства явно нарушали принципы политики «открытых дверей»²⁰⁸). Подобная политика правящих кругов США объяснялась тем, что американские империалисты сами боялись народного движения в Китае. Весной 1916 г. в Шанхае шла пропаганда организации антиамериканского бойкота в качестве протеста против американских займов правительству Юань Ши-кая²⁰⁹).

В октябре 1916 г. французская полиция в Тяньцзине арестовала китайских полицейских, и французский консул объявил о расширении французской концессии на 170 гектаров, силой захваченных у Китая. Самоуправство французской полиции вызвало взрыв возмущения. В Тяньцзине состоялся

²⁰⁴) «Китай и Япония», 1916, № 244, стр. 98—100.

²⁰⁵) Там же, 1916, № 245, стр. 116.

²⁰⁶) Там же, стр. 37, 114—115.

²⁰⁷) J. M a s M i g g a u. Op. cit., v. II, p. 1347—1352.

²⁰⁸) См. «F. R.», 1917, p. 241—274.

²⁰⁹) «Китай и Япония», 1916 г., № 239, стр. 37, № 241, стр. 41.

митинг протеста, на котором присутствовало 8 тысяч человек. В Китае начался бойкот французских товаров²¹⁰)

Империалистические державы активно вмешивались во внутривосточную борьбу в Китае, стремясь поставить у власти своих ставленников. С этой целью они поощряли и поддерживали борьбу милитаристских клик²¹¹). Правительства великих держав с тревогой следили за деятельностью правительства Сунь Ят-сена, сформировавшегося в Кантоне. Однако последние вопросы тесно связаны с историей Китая и требуют специального изучения.

Правящие круги империалистических держав с большими опасениями взирали на подъем революционного движения в России. Страны Антанты боялись революционного выхода нашей страны из войны и революционизирующего влияния русской революции на народы Востока. В силу названных причин империалисты Соединенных Штатов Америки и Японии при поддержке других стран Антанты прилагали много сил для того, чтобы задержать дальнейшее развитие революции и не допустить выхода России из войны²¹²). После Февральской революции из России стали поступать сведения о все усиливающейся тяге русского народа к миру. Это весьма беспокоило японское правительство. В апреле 1917 г. японские власти затребовали от своих представителей точных сведений о положении русских войск на фронте²¹³). В это же время синдикат японских банков временно прекратил переговоры, которые шли в Токио, о новом займе для России²¹⁴).

Япония, как и другие страны Антанты, признала Временное правительство, но мало считалась с ним. Правящие круги Японии угрожали нападением на Россию в случае заключения последней сепаратного мира с Германией, тем самым оказывая поддержку контрреволюционным силам в России, стоявшим на позициях продолжения войны до победного конца.

Японский посол в Петрограде Утида 26 апреля сообщал министру иностранных дел Японии, что по полученным им

²¹⁰) «Китай и Япония», 1916, № 247, стр. 23—24.

²¹¹) См. Ху Шен. Указ. соч., стр. 228—229.

²¹²) В ноябре 1916 г. в связи с тем, что председателем Совета министров России стал известный своей прогерманской ориентацией Штюльцер, царское правительство сочло необходимым направить Японии ноту с опровержением появившихся слухов о возможности сепаратного мира России с Германией. См. АВПР. Канцелярия, 1916, д. 108, л. 49. Телеграмма Крупенского из Токио, 27/14 ноября 1916 г.

²¹³) «Красный Архив», 1927, т. 5(24), стр. 128. Мотоно Утида, 5 апреля/23 марта 1917 г.

²¹⁴) АВПР. Японский стол, д. 925, лл. 70—71. Крупенский Милокову, 24/11 марта 1917 г.

данным в Москве, как и в других местах России, есть признаки утомления населения, а «в большинстве уличных речей высказывается нежелание продолжать войну»²¹⁵). В мае 1917 г. итальянский генеральный консул в Москве заявил, что если Россия заключит сепаратный мир с Германией, то союзники предоставят Японии свободу действий в Сибири²¹⁶). В прессе появились сообщения о том, что если русское командование откажется вести наступательные операции на своем фронте, то придется привлечь японских солдат на западный фронт, передав Японии в качестве компенсации всю Маньчжурию и Уссурийский край. Утида считал, что эти слухи распространяются с целью оказать поддержку Временному правительству в его попытках продолжать войну и добавлял, что в настоящее время это — «полезное давление на русских». Последнее замечание сразу же было учтено в Токио. В японской печати в мае 1917 г. появилось несколько сообщений о возможности японского выступления в Сибири²¹⁷). Русский посол в Токио по поручению Временного правительства дал заверения японскому правительству в том, что Россия будет продолжать войну²¹⁸). Япония к этому времени связала свою политику со странами Антанты, хотя сама, по выражению В. И. Ленина «... отсиделась во время империалистической войны...»²¹⁹). Правящие классы Японии оказывали помощь другим странам Антанты в их попытках заставить Россию продолжать войну. Давление Японии было чувствительным. Русский Дальний Восток был наиболее слабым и уязвимым местом, так как вооруженные силы России были переведены отсюда на австро-германский фронт.

Официоз Японии в южной Маньчжурии газета «Манчжуря дейли Ньюс» 16 мая 1917 г. писала, что союзники ведут переговоры о занятии Японией Сибири «в случае если Россия ослабит свои усилия в войне». Издававшаяся американцами в Токио газета «Джапан адвертизер» открыто призвала Японию к вмешательству во внутренние дела России и заявила, что «Япония могла бы оказать особенно сильное влияние на русское решение, если бы она приняла большее участие в деле»²²⁰). Затем высказывалось пожелание, чтобы Япония, как хороший организатор, подобно США направила свою миссию в Россию.

В японских газетах появились статьи, которые выражали точку зрения крайних реакционеров, боявшихся влияния

²¹⁵) «Красный Архив», 1927, т. 5(24), стр. 138.

²¹⁶) Н. Л. Рубинштейн. Внешняя политика Временного правительства. М., 1946, стр. 32.

²¹⁷) «Manchuria Daily News», May 16, 1917.

²¹⁸) АВГПР. Японский стол, д. 925, л. 118. Крупенский Милокову, 16/3 мая 1917 г.

²¹⁹) В. И. Ленин. Соч., т. 30, изд. 4, стр. 368.

²²⁰) «Харбинский вестник», 18 мая 1917 г.

русской революции на Японию. Разжигались антирусские шовинистические настроения. Газета «Мансю Наци-ничи симбун» 16 мая 1917 г. в статье «Текущий момент и положение Японии» писала, что в связи с ростом революционного движения в России и Китае на Японию ложится ответственность за то, чтобы смута в обоих государствах не достигла крайней точки, и что «поддержка хаотического русского правительства и побуждение его довести войну до конца должны быть произведены при помощи силы Японии»²²¹). В то же время японская буржуазная пресса поддерживала и одобряла мероприятия антинародного буржуазного Временного правительства, направленные на ухудшение революции и продолжение империалистической войны²²²).

Широкие слои японского народа симпатизировали революционной борьбе трудящихся России. Это находило выражение и в прессе, часть которой выступала против вмешательства во внутренние дела России и опровергала провокационные сообщения. Однако правящие круги Японии совместно с империалистами других стран продолжали курс, направленный на подготовку интервенции в Россию.

14 июня 1917 г. японское агенство «Асахи» распространило телеграмму из Вашингтона, в которой со ссылкой на высшие дипломатические круги указывалось, что Япония и Англия обмениваются взглядами с Соединенными Штатами относительно шагов, которые должны будут быть предприняты против России в случае, если последняя выйдет из союза, направленного против Германии. При этом указывалось, что если Россия подпишет мир, то «она будет поставлена вне закона или понесет возмездие»²²³). В другом сообщении агенства «Асахи» указывалось, что по мнению Вашингтонских дипломатических кругов «Япония по необходимости может предпринять шаги против России»²²⁴). Подобные официальные и полуофициальные заявления дипломатов Соединенных Штатов и стран Антанты и пропаганда в прессе явно подталкивали Японию на интервенцию против России²²⁵).

О том, что правящие круги США стремились также не допустить выхода России из войны, свидетельствует много факторов, так в мае 1917 г. американское посольство в Петрограде передало министру иностранных дел Временного правительства сообщение относительно посылки чрезвычайной миссии Рута в Россию. В этом сообщении упор делался

²²¹) Там же.

²²²) АВПР. Японский стол, д. 991, л. 11. Перевод статьи из газеты «Июмиури», от 2 июня 1917 г.

²²³) «Харбинский вестник», 7 июня 1917 г.

²²⁴) Там же.

²²⁵) Подробнее о сотрудничестве США и Японии в борьбе против революционного движения см. Е. И. Попов, Сговор американского империализма с японским в 1917 г.: «Вопросы истории», 1952, № 9, стр. 63—86.

зна то, что Россия должна продолжать сражаться, а США «готовы оказать всяческое содействие и помощь русскому народу для доведения до конца войны»²²⁶). Так упорно боролись империалисты за то, чтобы народы России продолжали лить кровь за чужое им дело. Необходимо учитывать, что в тех конкретных условиях, когда партия большевиков во главе с В. И. Лениным взяла курс на пролетарскую революцию и революционный выход из войны, давление на Россию с целью заставить ее продолжать войну было прямой поддержкой внутренней контрреволюции.

В это же время американские и японские империалисты пытались установить сотрудничество в деле совместной эксплуатации китайского народа. Видный представитель японских финансистов барон Сибусава в начале 1916 г., возвратившись из поездки в Соединенные Штаты Америки, заявил, что после окончания мировой войны в японо-американских отношениях может наступить кризис. Сибусава считал, что поводом для кризиса послужит усиление финансового проникновения США в Китай. Для того, чтобы избежать конфликта, он предлагал установить «коммерческое сотрудничество американских и японских предпринимателей в Китае» в деле создания различных торговых промышленных и финансовых предприятий. Сибусава указывал, что его предложение нашло поддержку влиятельных финансистов Нью-Йорка и бизнесменов других американских городов²²⁷).

Так появился новый вариант американо-японского империалистического сотрудничества в Китае, суть которого определялась в японских газетах формулой: «американские деньги — японская организация». Эта идея нашла поддержку у американской дипломатии и среди влиятельных торгово-промышленных кругов США.

В японской прессе начинается агитация в пользу экономического и финансового сотрудничества Японии и США в Китае. Японские империалисты надеялись использовать американские капиталы для закрепления своего политического господства в Китае. В свою очередь американские монополисты, проводившие политику закабаления Китая при помощи доктрины «открытых дверей», считали, что сотрудничество с Японией даст им более широкие возможности для проникновения в Китай и эксплуатации китайского народа. Практическим шагом в деле японо-американского финансового сотрудничества в Китае явилась концессия на реконструкцию Великого канала.

В апреле 1916 г. американская фирма «Симс энд Кэри», входившая в Международную корпорацию, подписала соглашение

²²⁶) «Харбинский вестник», 7 июня 1917 г.

²²⁷) «The Far East», Tokio, 1916, Nr. 16, p. 437.

о предоставлении 7% займа в 3 млн. долларов на расширение и углубление Великого китайского канала, проходившего через провинции Шаньдун и Цзянсу²²⁸). Заем гарантировался особым налогом на землю²²⁹). Заключение займа вызвало недовольство в Китае. Шаньдунское провинциальное собрание заявило протест против условий американского займа²³⁰).

Японское правительство выступило против предоставления концессии на перестройку Великого канала американскому капиталу, ссылаясь на особое положение Японии в Шаньдуне. В таких условиях Международная корпорация предложила Промышленному банку Японии принять участие в займе. По мнению правления корпорации сотрудничество Японии и Соединенных Штатов устранило бы опасения «относительно японской оппозиции по отношению к американским финансам» в Китае²³¹).

Японское правительство и банкиры положительно отнеслись к идее японо-американского сотрудничества в перестройке Великого канала. В январе 1917 г. в Соединенные Штаты выехал вице-президент японского промышленного банка Оно, имевший близкие связи с японским правительством. В США Оно вел переговоры с представителем Международной корпорации Стрейтом²³²). Американский посланник в Пекине Рейнш первоначально выступил против подобного сотрудничества, опасаясь недовольства китайского народа. 2 января 1917 г. он писал в государственный департамент, что если бы китайцы узнали о предполагающейся попытке занести в этот район японцев «на спине американцев их негодование было бы беспредельно и нанесло бы сильный ущерб американским интересам вообще и вызвало бы всеобщий антагонизм к Международной корпорации»²³³).

Государственный секретарь Лансинг не поддержал точку зрения Рейнша, ссылаясь на то, что без согласия Японии вообще не удастся осуществить этот заем. «Департамент никогда не признавал, — писал Лансинг Рейншу, — что Германия или Япония имеют особые права в Шаньдуне, но боится, что оппозиция Японии может помешать осуществлению требуемого займа»²³⁴). Переговоры по данному вопросу длились до ноября 1917 г. 30 августа Рейнш писал государст-

²²⁸) Американо-китайские переговоры о заключении этого займа велись с 1914 г.

²²⁹) J. M а с M и г г а у. Op. cit., v. II, p. 1287—1292.

²³⁰) «Китай и Япония», 1916, № 246, стр. 33.

²³¹) «F. R.», 1917, p. 207. Рейнш государственному секретарю, 2 января 1917 г.

²³²) «Китай и Япония», 1917, № 249, стр. 45.

²³³) «F. R.», 1917, p. 207.

²³⁴) «F. R.», 1917, p. 215. Лансинг Рейншу, 10 апреля 1917 г.

венному секретарю о необходимости быстрее заключения соглашения, указывая, что в случае провала переговоров японцы потребовали бы передачи всего предприятия в свои руки, что, по мнению Рейнша, было бы «очень вредно для американских интересов»²³⁵).

20 ноября 1917 г. между правительством Китая и Международной корпорацией был подписан договор о предоставлении 7% золотого займа на сумму в 6 млн. долларов для перестройки Великого канала. При этом предусматривалось, что облигации этого займа на сумму 3,5 млн. долларов будут выпущены в Соединенных Штатах, а остающаяся сумма в 2,5 млн. долларов может быть размещена «где-либо еще»²³⁶). Особым соглашением, которое от имени Международной корпорации подписал Кэри, а от имени Промышленного банка Японии Оно, предусматривалось, что сумма в 2,5 млн. долларов, место размещения которой не было определено в американо-китайском договоре, будет внесена японскими банкирами. Подобная махинация была проведена не случайно. Она давала возможность американским монополистам сохранить решающую роль в деле предоставления займа и одновременно удовлетворить притязания японских конкурентов. Кроме того, правящие круги Соединенных Штатов стремились скрыть от китайской общечественности японо-американское сотрудничество в деле проникновения в Шаньдунскую провинцию²³⁷).

В начале 1917 г., как сообщал русский посол в Токио Крупенский, был образован целый ряд смешанных японо-американских компаний²³⁸). В целях финансирования Китая была образована Восточная компания вкладов и комиссий с капиталом в 20 млн. иен. Для развития торговли Японии с США и Китаем были образованы Китайская промышленная компания с капиталом в 1 млн. иен и Восточная торговая компания с капиталом в 600 тыс. иен. Для эксплуатации занятых Японией тихоокеанских островов была основана компания южных морей со смешанным японским и американским капиталом в 3 млн. иен. Американо-японская промышленная компания с капиталом в 5 млн. иен должна была заняться операциями с недвижимым имуществом в Нью-Йорке. Интересно, что Япония согласилась допустить американский капитал в Корею и пошла на образование смешанной Корейской

²³⁵) Ibid., 1917, p. 215.

²³⁶) Ibid., p. 225—230.

²³⁷) Американский автор Кэри необоснованно утверждает, что данное соглашение было достигнуто «без согласия или помощи государственного департамента». См. R. C. Sigg. Op. cit., p. 147.

²³⁸) АВГР. Японский стол, д. 925, л. 86. Крупенский Миллюкову, 9 апреля/27 марта 1917 г.

хлопчатобумажной компании с капиталом в 5 млн. иен., которая должна была заняться хлопководством в Корее.

На развитие японо-американских отношений большое влияние оказало вступление Соединенных Штатов Америки в войну на стороне стран Антанты. Вмешательство США в войну было вызвано мировыми интересами американского империализма. Участие в войне давало возможность развернуть создание мощной армии и военно-морского флота, опираясь на которые правящие круги США надеялись принять активное участие в послевоенном перераспределении колоний и сфер влияния. Господствующие классы Соединенных Штатов Америки не могли допустить победы Германии в мировой войне, так как это привело бы к переходу британской и французской колониальных империй в руки Германии и потере крупных капиталов, вложенных американскими монополиями в виде займов, кредитов и различного рода предприятий, связанных со снабжением стран Антанты военными материалами и различными товарами. Стоимость американского экспорта в страны антигерманской коалиции за три года увеличилась в 4 раза и оценивалась в 1916 г. в 3214 млн. долларов²³⁹).

В начале 1917 г. казалось, что военный перевес перешел на сторону Германии как на Западном, так и на Восточном фронтах. Революция в России создала условия для выхода последней из войны, что дало бы возможность германскому командованию направить основной удар своих армий на англо-французский фронт. В таких условиях американские правящие круги, используя прессу, конгресс, различного вида собрания и митинги, развертывают энергичную пропаганду за быстрейшее вступление США в войну для того, чтобы не допустить поражения стран Антанты. Объясняя цели и причины милитаристской пропаганды, известный американский историк Ч. Бирд писал: «Держатели заграничных ценностей, которые сделали ставку на англо-французскую сторону, владельцы военных заводов, которые получали векселя из Лондона и Парижа взамен на военные поставки, торговцы и промышленники, которые имели огромную задолженность Антанты в своих торговых книгах, были поставлены перед серьезной угрозой; им грозила опасность огромных потерь, если правительство Соединенных Штатов не придет к ним на помощь. Несомненно, военная шумиха, поднятая этими эгоистичными группами, надлежащим образом финансировалась»²⁴⁰).

Правительство президента Вильсона, выполняя волю финансовой олигархии, 3 февраля 1917 г. порвало дипломатические отношения с Германией, а 6 апреля 1917 г. объявило ей

²³⁹) F. Dull es. *America's Rise to World Power 1898—1954*, New York, 1955, p. 95.

²⁴⁰) H. W i s h. *The American Historian*, New York, 1960, p. 280.

войну²⁴¹). Участие в войне увеличило роль США на международной арене и в конечном итоге укрепило американские позиции на Дальнем Востоке. Тот факт, что вступление Соединенных Штатов Америки в мировую войну на стороне Антанты укрепляло позиции США в борьбе против Японии, подчеркнул В. И. Ленин, когда он говорил, что «...действительная цель вступления Америки в войну — это подготовка к будущей войне с Японией»²⁴²).

Американские авторы отмечают рост влияния США на Дальнем Востоке в 1917 г. С. Бемис считает, что участие Соединенных Штатов Америки в войне в конечном итоге должно было нанести удар по «японской политике экспансии в Восточной Азии»²⁴³). А. Грисуолд пишет, что война «наложила на Соединенные Штаты более серьезную военную и политическую ответственность на Дальнем Востоке, чем в Европе». По его мнению, война «нарушила дальневосточное равновесие сил, которое существовало до 1914 г., и заменила его японо-американским антагонизмом»²⁴⁴).

Вступление США в мировую войну остро поставило вопрос об участии Китая в войне на стороне стран Антанты. Правительство Юань Ши-кая еще осенью 1914 г. предлагало Великобритании послать китайские воинские части в Киао-Чао для осады крепости Циндао, но против предложения Китая выступила Япония, опасавшаяся, что вступление Китая в войну против Германии может помешать осуществлению агрессивных замыслов японского империализма в Китайской республике. Вопрос о вовлечении Китая в войну стал обсуждаться странами Антанты с осени 1915 г. Русский посланник в Пекине Крупенский писал, что правительство Юань Ши-кай может вступить в войну в надежде принять участие в послевоенной мирной конференции, на которой будет решаться судьба Циндао. Царские дипломаты надеялись, что вступление Китая в войну против германского блока дает возможность использовать китайские военные заводы для снабжения русской армии винтовками²⁴⁵).

Англия и Франция были наиболее активными сторонниками вовлечения Китая в войну против Германии и считали, что наступил подходящий момент для этого, так как Юань Ши-кай, стремившийся осуществить свой династический план, готов был пойти на любые уступки державам в ответ на признание его императором.

²⁴¹) Американский посланник в Китае Рейнш говорил, что основными причинами, побудившими США вступить в войну, были германские интриги в Мексике и революция в России. См. АВПР, Китайский стол, д. 3257, л. 7. Делеша Кудашева из Пекина, 2 мая/19 апреля 1917 г.

²⁴²) В. И. Ленин. Соч., т. 24, изд. 4, стр. 381.

²⁴³) S. Bemis. The United States as a World Power, p. 213.

²⁴⁴) A. Griswold. Op. cit., p. 176.

²⁴⁵) «М. О.», серия III, т. IX, стр. 186—187. Посланник в Пекине министру иностранных дел, 7 ноября/25 октября 1915 г.

В ноябре 1915 г. правительство Великобритании передало японскому послу в Лондоне меморандум, в котором содержалось предложение, чтобы Япония поддержала союзников в вопросе о продаже Китаю оружия царскому правительству. В меморандуме указывалось, что правительство Англии договорилось с китайским правительством по этому вопросу и нужно лишь формальное обращение союзников к Китаю: «Если эта мера будет приведена в исполнение,— заявлялось в меморандуме,— то она несомненно втянет Китай в войну с Германией, а правительство его величества убеждено, что это окажет большое влияние как моральное, так и реальное на общее ведение войны в Европе. Не только ресурсы Китая станут доступны для союзников, но будет нанесен очень сильный удар германскому престижу на Востоке»²⁴⁶). Таким образом, под предлогом продажи оружия царской России правительство Великобритании хотело вовлечь Китай в мировую войну. По просьбе Англии Россия и Франция поддержали ее представление Японии. Правительство Великобритании указывало, что его главная цель в переговорах о вступлении Китая в войну заключается в том, чтобы получить новый источник снабжения русской армии ружьями и добиться прекращения «германских интриг в Китае, направленных против Индии»²⁴⁷). Однако это было не совсем так. Правящие круги Англии надеялись подобным путем парализовать все возраставшее влияние Японии на Дальнем Востоке и ослабить антибританскую пропаганду, которую вела германская агентура в странах Восточной Азии. 22 ноября 1915 г. послы Великобритании, России и Франции в Токио в совместном заявлении министру иностранных дел Японии Исии предложили поддержать выступление трех названных держав в Пекине с целью побудить Китай разорвать дипломатические отношения с Германией и Австро-Венгрией²⁴⁸). Характерно, что по предложению русских дипломатов, узнавших об отрицательном отношении японского правительства к участию в войне Китая, вопрос о снабжении русской армии винтовками из китайских arsenалов в заявлении трех держав не упоминался. Царское правительство не хотело проявлять инициативу в вовлечении Китая в войну, опасаясь ухудшения русско-японских отношений.

Японское правительство первоначально уклонилось от прямого официального ответа на предложение трех держав. Од-

²⁴⁶) «М. О.», серия III, т. IX, стр. 249—251. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел, 14/1 ноября 1915 г.

²⁴⁷) «М. О.», серия III, т. IX, стр. 287. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел, 19/6 ноября 1915 г.

²⁴⁸) Там же, стр. 322—323. Посол в Токио министру иностранных дел, 22/9 ноября 1915 г.

нако, используя различные каналы, японская дипломатия выразила свое крайне отрицательное отношение к нему. Советник японского посольства в Лондоне Писко заявил первому секретарю тамошнего французского посольства, что «японское правительство находится под весьма тягостным впечатлением от намерения принять Китай в союз. Это впечатление столь сильно,— говорил Писко,— что он опасается, как бы Япония, если проект этот осуществится, не вышла из союза, так как она усматривает в этом малодружественный акт»²⁴⁹). В японской официальной прессе появились статьи, в которых указывалось, что Япония, завоевавшая роль «хозяина Дальнего Востока» и «опекуна Китая», не заинтересована в разрыве Китая с Германией²⁵⁰). В данном случае правящие круги Японии опасались, что участие Китая в войне сделает его участником послевоенной мирной конференции и ухудшит шансы Японии в борьбе за господство в Шаньдунской провинции. Правительство Франции предлагало предоставить Японии компенсации, если последняя поддержит предложения союзников по вопросу вовлечения Китая в войну²⁵¹).

6 декабря 1915 г. правительство Окума дало официальный ответ на предложение трех держав. Япония соглашалась рассмотреть вопрос об увеличении производительности китайских arsenалов и «сотрудничестве с Китаем» в деле их усовершенствования. Таким образом, японские дипломаты использовали выступление трех держав для обоснования своих притязаний на контроль над китайскими военными заводами. Правительство Японии соглашалось с тем, чтобы немцы, «действительно виновные» в заговорах и интригах против союзников, выслались бы из Китая, но при условии специального рассмотрения каждого случая высылки отдельно. В то же время Япония решительно высказалась против разрыва дипломатических отношений между Германией и Китаем и участия Китая в войне, и «настойчиво» просила союзные правительства «пересмотреть этот вопрос»²⁵²).

Позиция Японии вызвала недовольство стран Антанты. Посланники трех держав в Пекине пришли к выводу, что предложения Японии, изложенные в меморандуме от 6 декабря 1915 г., в случае их принятия содействовали бы укреплению позиций Японии в Китае, но не привели бы к разрыву

²⁴⁹) «М. О.», серия III, т. IX, стр. 332. Посол в Лондоне министру иностранных дел, 23/10 ноября 1915 г.

²⁵⁰) Там же, стр. 410—411. Посол в Токио министру иностранных дел, 1 декабря/18 ноября 1915 г.

²⁵¹) Там же, стр. 286—388. Нота французского правительства в Петрограде министру иностранных дел, 29/16 ноября 1915 г.

²⁵²) «М. О.», серия III, т. IX, стр. 467—470. Посол в Токио министру иностранных дел, 6 декабря/23 ноября 1915 г. Меморандум японского правительства от 6 декабря 1915 г.

между Германией и Китаем²⁵³). Министр иностранных дел Великобритании Э. Грей заявил Иноуэ: «Ответ японского правительства вызвал крайнее разочарование у правительства его величества, которое было убеждено, что быстрое принятие мер в деле высылки наших врагов из Китая и использование китайских арсеналов имело бы плодотворные результаты для общего блага. Выдвинутое японским правительством предложение относительно высылки лиц, замешанных в интригах против нас, отнюдь не обнимает всего вопроса. Англия гораздо более других союзных держав страдает от германских интриг в Китае ввиду тех последствий, которые они могут иметь в Индии». В этом же заявлении Э. Грей пытался успокоить Японию относительно того, что за участие в войне Китай может потребовать каких-нибудь уступок за счет японских концессий в Китае. «Но нет оснований беспокоиться на этот счет, — уверял Грей Иноуэ, — раз от самих союзников будет зависеть предоставить Китаю те компенсации, которые они сочтут подходящими»²⁵⁴).

Применять какие-либо меры давления на Японию союзники не стали, считая, что это может иметь отрицательные последствия для их интересов на Дальнем Востоке. Было решено передать инициативу по выполнению предложений, содержащихся в японском меморандуме, в руки самой Японии²⁵⁵). Однако правительство Окума не внесло практических рекомендаций и через Великобританию просило союзников: «повременить с переговорами в Токио о привлечении Китая к выступлению против Германии»²⁵⁶). Японские дипломаты считали, что за согласие Японии на участие Китая в войне союзники должны соответствующим образом заплатить, признав японские захваты на Дальнем Востоке. По этому вопросу между Японией и Великобританией шли тайные переговоры. 8 февраля 1917 г. министр иностранных дел Японии Мотоно заявил русскому послу в Токио, что до вступления Китая в войну «Япония должна заручиться» обязательством со стороны союзных держав о том, что они на мирной конференции поддержат притязания Японии на Шаньдунь и тихоокеанские острова Германии²⁵⁷).

В 1916—1917 гг. имели место серьезные англо-японские трения по вопросу о дискриминации японских иммигрантов в английских колониях. Правящие круги Англии противодей-

²⁵³) Там же, стр. 494—495. Посланник в Пекине министру иностранных дел, 9 декабря/26 ноября 1915 г.

²⁵⁴) «М. О.», серия III, т. IX, стр. 555. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел, 16/3 декабря 1915 г.

²⁵⁵) Там же, стр. 556.

²⁵⁶) «М. О.», серия III, т. IX, стр. 579. Посол в Токио министру иностранных дел, 17/4 декабря 1915 г.

²⁵⁷) АВПР. Миссия в Пекине, д. 34, лл. 221—222. Телеграмма послана в Токио Крупенского от 8 февраля/26 января 1917 г.

ствовали японской экспансии в своих колониях, собственных сферах влияния в Китае и странах Юго-Восточной Азии. Ограничения на импорт шелковых и других товаров из Японии в Великобританию, принятые правительством Англии по условиям военного времени, вызывали большое недовольство японских торгово-промышленных кругов. На этой почве в 1916 г. состоялись антианглийские демонстрации в Иокогама и Осака²⁵⁸).

Японская дипломатия долгое время использовала в качестве меры давления на своих союзников угрозу заключения сепаратного мира с Германией. Правда, японское правительство не ставило этот вопрос формально, но делались намеки, что Германия ищет пути к заключению мира с Японией и что путь к японо-германскому соглашению открыт. В январе 1916 г. японский посол в Петрограде Мотоно посетил министра иностранных дел Сазонова и заявил о попытке германского правительства вступить в переговоры с Японией через одного из своих генеральных консулов в Китае²⁵⁹). В это же время японский журнал писал о том, что в среде правящих кругов Японии идет борьба за власть между прогерманской и пробританской группировками²⁶⁰). В январе 1916 г. премьер-министр Японии Окума в интервью корреспонденту газеты «Кокумин» также заявил о попытках Германии заключить сепаратный мир с Японией²⁶¹). Окума заверял, что Япония останется верным союзником Антанты, но в то же время Япония продолжала поддерживать торговые и финансовые связи с Германией через Китай и другие нейтральные страны.

В японской прессе появлялись статьи, в которых осуждалась политика Великобритании в Индии²⁶²). Высказывалась точка зрения, что Япония будет поддерживать английское господство в Индии и не пойдет на разрыв союза с Великобританией лишь при условии, если Англия «будет достаточно мужественной, чтобы поддержать политику Японии в Китае»²⁶³). В конечном итоге путем использования различных методов шантажа и давления японским дипломатам удалось добиться того, что в феврале 1917 г. Великобритания согласилась поддержать на послевоенной мирной конференции притязания Японии на германские владения и собственность в Шаньдуне и на германские островные владения к северу от экватора²⁶⁴). В ответ на эту уступку японское правительство

²⁵⁸) «Тихий океан», 1936, № 3(9), стр. 237.

²⁵⁹) «Красный архив», 1929, № 1(32), стр. 4. Дневник министерства иностранных дел.

²⁶⁰) «The Far East», Tokio, 1916, Nr. 15, p. 409.

²⁶¹) Ibid., p. 412.

²⁶²) Ibid., Nr. 8, p. 213.

²⁶³) Ibid., Nr. 3, p. 67.

²⁶⁴) Э. Г р и м м. Указ. соч., стр. 192.

«обещало оказать помощь Антанте в перевозке военных грузов на японских транспортных судах и выделить военные корабли для несения конвойной службы в Средиземном море и в Атлантическом океане²⁶⁵). Кроме того, Япония должна была поддерживать притязания Великобритании на германские островные владения к югу от экватора. Вскоре эту империалистическую сделку признали царская Россия, Франция и Италия²⁶⁶).

Соглашение Японии со странами Антанты было несомненным дипломатическим успехом японского империализма; в то же время эта сделка должна была теснее связать Японию с антигерманским блоком. В правительственных кругах Японии считали чрезвычайно важным добиться, хотя бы в косвенной форме, признания японских захватов на Дальнем Востоке со стороны Соединенных Штатов Америки. Это была нелегкая задача, поскольку укрепление Японии на Тихом океане противоречило интересам правящих кругов США. Японское правительство, стремясь обеспечить сближение с Соединенными Штатами Америки, перестало препятствовать разрыву отношений между Китаем и Германией. В феврале 1917 г. правительство США, только что порвавшее дипломатические сношения с Германией, рекомендовало Китаю и другим нейтральным странам последовать своему примеру. По указанию президента Вильсона американский посланник в Пекине предложил Китаю «существенную финансовую помощь», если китайское правительство последует примеру Соединенных Штатов Америки и разорвет отношения с Германией²⁶⁷).

Правительство Японии на этот раз не только не возражало против разрыва дипломатических отношений между Китаем и Германией, но наоборот, поддержало предложение США по этому вопросу. Министр иностранных дел Японии Мотоно советовал китайскому правительству последовать примеру Соединенных Штатов Америки и «как можно быстрее порвать с Германией»²⁶⁸). 9 февраля 1917 г. правительство Китая передало немецкому посланнику в Пекине ноту, в которой выражало свой протест против неограниченной подводной войны, объявленной германским правительством, и заявило, что в случае ее осуществления Китай вынужден будет порвать дипломатические отношения с Германией²⁶⁹). Между членами антигерманского блока и Китаем шли довольно длительные переговоры относительно условий, на ко-

²⁶⁵) Н. Вортон. *Op. cit.*, p. 283.

²⁶⁶) Э. Гримм. Указ. соч., стр. 193—194.

²⁶⁷) Ф. Лангдон. *Op. cit.*, p. 249.

²⁶⁸) АВПР. Миссия в Пекине, д. 34, л. 249. Телеграмма Крупенского из Токио, 13 февраля/31 января 1917 г.

²⁶⁹) «Peking Daily News», February 10, 1917.

торых китайское правительство должно было порвать дипломатические отношения с Германией и объявить ей войну.

Правительство Дуань Ци-жуя просило союзников сделать в пользу Китая следующие уступки²⁷⁰⁾: 1) дать гарантированный Соединенными Штатами Америки заем; 2) приостановить уплату боксерской контрибуции на время войны; 3) разрешить Китаю повысить ввозные ставки на иностранные товары, ввозившиеся через морские таможни до 12,5% их стоимости; 4) гарантировать Китаю право участия в послевоенной мирной конференции и конференции по делам Дальнего Востока, если последняя будет созвана. Франция, Япония и Россия соглашались с этими условиями²⁷¹⁾, однако министр иностранных дел Великобритании Бальфур возражал против повышения ввозных пошлин, заявляя, что это подорвет иностранную торговлю в Китае, и предлагал обсудить все эти условия после того, как Китай вступит в войну²⁷²⁾.

Инициативу в деле вовлечения Китая в войну стремилась перехватить в свои руки Япония, которая в конце февраля 1917 г. предложила Великобритании выступить совместно и рекомендовать правительству Китая объявить войну Германии, дав просимые Китаем гарантии²⁷³⁾. Вскоре, согласованное между великими державами, подобное заявление было сделано²⁷⁴⁾. В Пекине среди правящей верхушки шла борьба по вопросу о разрыве дипломатических отношений с Германией. В Китае существовало глубокое недоверие к политике империалистических держав, в частности в политике Японии, которая в 1915 г. воспрепятствовала вступлению Китая в войну, а теперь круто изменила политику и усердно подталкивала китайское правительство к участию в войне. Против вовлечения Китая в военную авантюру выступал Сунь Ят-сен, который в обращении по этому вопросу призывал народы Азии к единению с целью свержения господства империалистических держав²⁷⁵⁾. 14 марта 1917 г. под давлением Японии и стран Антанты правительство Дуань Ци-жуя порвало дипломатические отношения с Германией и Австро-Венгрией.

Дальнейшая борьба по вопросу о вовлечении Китая в войну шла в основном между Японией и Соединенными

²⁷⁰⁾ См: «F. R.», 1917, р. 401—403; АВПР. Миссия в Пекине, д. 34, л. 245. Телеграмма посла в Париже от 12 февраля/30 января 1917 г.; там же, лл. 314—315. Телеграмма поверенного в делах в Лондоне от 28/15 февраля 1917 г.

²⁷¹⁾ АВПР. Миссия в Пекине, д. 34, лл. 245, 278, 281.

²⁷²⁾ Там же, л. 315.

²⁷³⁾ Там же, л. 361. Телеграмма поверенного в делах в Лондоне Набокова от 5 марта/20 февраля 1917 г.

²⁷⁴⁾ Там же, л. 341. Телеграмма Кудашева из Пекина от 3 марта/18 февраля 1917 г.

²⁷⁵⁾ «Peking Gazette», March 13, 1917; АВПР. Миссия в Пекине, д. 34, л. 265, приложение к донесению русского посланника в Пекине.

Штатами Америки. По образному выражению американского историка Лэнгдона, в ней решался вопрос, под чьим «покровительством», США или Японии, Китай вступит в войну²⁷⁶), а, точнее говоря, кто — американский или японский империализм — извлечет из этого большую выгоду. В конце февраля 1917 г., когда в Соединенных Штатах Америки стало известно о том, что японское правительство использует переговоры об участии Китая в войне для того, чтобы поставить под свой контроль правительство Дуань Ци-жуя, государственный департамент дал указание американскому посланнику в Пекине не проявлять активности в этом вопросе, так как правительство США «в случае объявления войны Германии», якобы, не было намерено настаивать на том, чтобы «Китай также объявил войну Германии»²⁷⁷).

В марте 1917 г. в Пекин был направлен представитель министерства иностранных дел Японии Нисихара со специальным заданием добиться таких соглашений с Китаем, которые обеспечили бы установление японской гегемонии в Китайской республике²⁷⁸). Вопрос о войне крайне обострил политическую борьбу в Китае, в которую активно вмешивались Япония и Соединенные Штаты Америки. В начале июня 1917 г. правительство США обратилось к Англии, Франции и Японии с предложением совместно выступить с обращением к китайским генералам, которые отказались подчиняться президенту Ли Юань-хуну в связи с тем, что последний сместил с поста премьера Дуань Ци-жуя, добивавшегося вступления Китая в войну. В это же время американский посланник в Пекине Рейнш вручил министру иностранных дел Китая ноту, в которой выражалось пожелание быстрейшего восстановления власти центрального правительства и указывалось, что вопрос об объявлении войны Германии является второстепенным по сравнению с этой главной задачей²⁷⁹). В данном случае правительство Соединенных Штатов хотело оказать поддержку президенту Ли Юань-хуну, отстранившему от власти прояпонски настроенного Дуань Ци-жуя.

Министр иностранных дел Японии Мотоно говорил русскому послу в Токио, что американский посланник в Китае энергично поддерживает президента Ли Юань-хуна; в случае «нарушения принципа невмешательства во внутренние дела Китая, — заявил Мотоно, — каждая держава может быть вынуждена иметь в виду свои собственные интересы при установлении своего отношения к происходящей в Пекине смуте»²⁸⁰). Японский посол в Вашингтоне Сато в устном ответе

²⁷⁶) F. Langdon. Op. cit., p. 249.

²⁷⁷) «F. R.», 1917, p. 411.

²⁷⁸) F. Langdon. Op. cit., p. 249—250.

²⁷⁹) «F. R.», 1917, p. 48—49.

²⁸⁰) АВПР. Китайский стол, д. 1589, л. 80. Телеграмма в Токио Крупенского от 8 июня / 26 мая 1917 г.

на ноту государственного департамента относительно событий в Китае выразил крайнее недовольство японского правительства акцией США, указав, что данное выступление американского правительства противоречит его собственным заявлениям о том, что американские интересы в Китае носят «не политический характер». Американскому представителю в Токио было указано, что активность Рейнша в Пекине затрудняет правительству Тэраути отказ от наступательной политики в Китае²⁸¹). В конечном итоге победа осталась за Японией. В июле 1917 г. Ли Юань-хун отказался от президентства; его пост занял вице-президент Фын Го-чжан. Премьер-министром вновь стал Дуань Ци-жуй, который опирался на прояпонскую аньфуистскую клику китайских милитаристов.

14 августа 1917 г. правительство Дуань Ци-жуя объявило войну Германии и Австро-Венгрии. Участие Китая в войне выразилось в отправке 175 тысяч рабочих для строительства укреплений в Европе и на Среднем Востоке²⁸²), а также в конфискации и передаче союзникам германских и австрийских кораблей, находившихся в портах Китая. 8 сентября 1917 г. Бельгия, Франция, Англия, Италия, Япония, Россия и Португалия подписали коллективную ноту, на основании которой Китай на пять лет освобождался от выплаты боксерской контрибуции; что касается Германии и Австро-Венгрии, то не выплаченная им доля боксерской контрибуции аннулировалась полностью. Государства, подписавшие ноту, в принципе согласились на повышение таможенных пошлин до 5% от реальной стоимости товара²⁸³).

Вступление Китая в войну способствовало его дальнейшему закабалению империалистами и дало возможность укрепиться в Пекине реакционному правительству Дуань Ци-жуя. Японские монополии навязали Китаю ряд новых кабальных соглашений. В августе 1917 г. Икогама-спеши банк предоставил пекинскому правительству сроком на 1 год заем в 10 млн. иен. Заем был пятипроцентным, кроме того банк получал 1% комиссионных²⁸⁴). В сентябре 1917 г. группа японских банков подписала соглашение с Китайским банком коммуникаций о займе в 20 миллионов иен сроком на 3 года²⁸⁵). В октябре этого же года было подписано соглашение между компанией ЮМЖД и Китаем, по которому Китай получал пятипроцентный заем в 6,5 миллионов иен сроком на 30 лет на расходы по эксплуатации и реконструкции же-

²⁸¹) R. Curry. Op. cit., p. 170.

²⁸²) M. Cameron. T. Mahoney, G. Mc Reynolds.
Op. cit., p. 370.

²⁸³) Ibid., p. 369.

²⁸⁴) J. Mac Murray. Op. cit., v. II, p. 1384.

²⁸⁵) Ibid., p. 1387—1388.

лезной дороги Гиричан-чунь. На основе этого соглашения дорога в течение 30 лет должна была работать под управлением ЮМЖД²⁸⁶). С 1915 г. до октября 1918 г. японские монополии, по объявленным данным, вложили в финансы и экономику Китая 391430 тыс. иен²⁸⁷). Вероятно, японские капиталовложения в Китае за этот период были выше, так как некоторые из них из политических соображений держались втайне.

Примером подобных соглашений может служить контракт, подписанный между военным министром Китая и японской оружейной фабрикой, по которому последняя давала семипроцентный кредит в 5 млн. долларов для закупки японских винтовок. Контракт предусматривал использование японских «специалистов» на китайских военных заводах. Соответствующий пункт соглашения по этому вопросу был сформулирован следующим образом: «В целях установления «союза вооружения» между Китаем и Японией, необходимого ввиду событий в Европе и их взаимных тесных сношений на азиатском Востоке, японские эксперты будут приглашены для переустройства китайских арсеналов»²⁸⁸). Убедившись в том, что реакционное пекинское правительство идет на большие уступки японскому империализму, Япония стала оказывать Дуань Ци-жуню большую помощь в борьбе с правительством Сунь Ят-сена, в частности путем поставок значительного количества оружия.

В июне 1917 г. в Японии был подписан императорский указ об учреждении Чрезвычайного комитета по иностранным делам (Риндзи гайко тэсакай) под председательством премьера Тэраути. В состав комитета вошли министры: иностранных дел, внутренних дел, морской, военный, а также представители аристократической верхушки и лидеры политических партий — сэйюкай и кокуминто. В императорском указе было сказано, что комитет по иностранным делам образован «ввиду необходимости позаботиться об охране долговечных интересов Японии»²⁸⁹). Одним из важнейших внешнеполитических вопросов, которым пришлось заниматься японскому правительству, был вопрос о взаимоотношениях с Соединенными Штатами Америки.

После вступления США в войну против Германии попытки сближения между Соединенными Штатами Америки и Японией происходили под флагом укрепления союзнических отношений. В апреле 1917 г. образовалось японо-американ-

²⁸⁶) J. Mac Murgau. Op. cit., v. II, p. 1390—1394.

²⁸⁷) R. Cingy. Op. cit., p. 154.

²⁸⁸) АВПР. Китайский стол, д. 3239, л. 68. Деша посланника в Пекине Кудашева, 17/4 октября 1917 г.

²⁸⁹) АВПР. Японский стол, д. 925, л. 149. Крупенский Терещенко, 18/5 июня 1917 г.

ское общество. На банкете по случаю открытия общества в Токио присутствовали премьер-министр Тэраути и министр иностранных дел Мотоно. Банкет прошел под знаком экономического и политического сближения Японии и США²⁹⁰). Председатель японо-американского общества виконт Канеко заявил, что при создавшемся положении вещей руководство международными делами на Дальнем Востоке будет в значительной степени принадлежать Японии и Соединенным Штатам, так как эти государства меньше других пострадали от войны. Правительство Японии прилагало много сил для того, чтобы добиться от США признания японских захватов в Китае и тем самым гарантировать себя от американского вмешательства в японо-китайские отношения после окончания войны.

В начале мая 1917 г. японский посол в Вашингтоне Сато во время встречи с личным советником президента Вильсона полковником Хаузом выдвинул предложение обсудить спорные вопросы, существовавшие между двумя правительствами²⁹¹). В частности Сато передал меморандум японского правительства, в котором излагались пожелания последнего по защите земельных и других прав японцев, проживавших в Калифорнии²⁹²). В Японии знали, что правительство президента Вильсона не в состоянии отменить законы, дискриминировавшие японских иммигрантов в США. Постановка этого вопроса правительством Тэраути была предпринята с целью получить предлог для переговоров с Соединенными Штатами относительно признания «специальных интересов» Японии в Китае. В начале июня 1917 г. Сато, ссылаясь на секретную ноту государственного секретаря США Брайана от 13 марта 1915 г. (в которой признавались «особые позиции» Японии в Шаньдуне, Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии), предлагал, чтобы правительство США «каким-либо соответствующим способом подтвердило это заявление Брайана и вновь ясно доказало свое дружеское отношение к Японии»²⁹³).

Американский посол в Токио Гютри указывал на возможность вооруженного конфликта между Соединенными Штатами Америки и Японией из-за Китая и рекомендовал правительству достигнуть соглашения с Японией²⁹⁴). Государственный секретарь Лансинг в январе 1917 г. говорил японскому послу, что США «неофициально» признают «особые интересы» Японии в Шаньдуне²⁹⁵). Государственный департамент искал

²⁹⁰) Там же, л. 116. Крупенский Милюкову, 3 мая /20 апреля 1917 г.

²⁹¹) «Архив полковника Хауза», т. III, М., 1939, стр. 20.

²⁹²) Там же, стр. 23—24.

²⁹³) R. C. H. G. Op. cit., p. 170.

²⁹⁴) Ibid., p. 139.

²⁹⁵) V. Beers. Op. cit., p. VII.

сделки с Японией за счет Китая. Однако вскоре выяснилось, что японский империализм добился в Китае больших успехов, чем американский. В связи с этим президент Вильсон дал указание государственному секретарю «блокировать новые притязания Японии на признание «специальных интересов» и стремиться к уничтожению» монопольных прав Японии в Китае²⁹⁶).

Следует отметить, что к лету 1917 г. японо-американское соперничество в Китае весьма обострилось. Активное проникновение Соединенных Штатов в Китай вызывало серьезное беспокойство правящих кругов Японии. В июне 1917 г. американский представитель в Токио сообщил о том, что по мнению японского правительства «американское влияние в делах Китая все больше и больше угрожает» положению Японии в этой стране²⁹⁷). Однако ни Япония, ни США, находившиеся в состоянии войны с Германией, напуганные революцией в России и ростом антиимпериалистического движения в Китае, не могли решиться на конфликт и вынуждены были искать хотя бы временного соглашения. В таких условиях правительство Тэраути направляет в Соединенные Штаты чрезвычайное посольство, состоявшее из представителей министерства иностранных дел, армии и военно-морского флота во главе с К. Исии. Официально было объявлено, что цель посольства заключалась в том, чтобы «выразить удовлетворение» по поводу вступления США в войну и согласовать действия по совместной борьбе против германо-австрийского блока.

Государственный департамент был информирован о действительных целях посольства Исии. В беседе с русским посланником в Вашингтоне Лансинг говорил, что правительство США не желало приезда Исии и опасалось, что последний попытается добиться признания «каких-либо определенных прав» Японии. Здесь же Лансинг заявил, что он будет уклоняться «от решения всех основных дальневосточных задач до окончания войны»²⁹⁸).

13 августа 1917 г. посольство Исии высадилось в Сан-Франциско. Совершив поездку по стране, Исии 1 сентября прибыл в Вашингтон. Американские власти встречали японскую делегацию с большими почестями. В честь ее организовывались приемы и собрания. Исии выступал в американском конгрессе. Ему был показан Атлантический флот США. Так как Япония почти не принимала фактического участия в войне, то военные вопросы были решены быстро. Договорились, что американский крейсер «Саратога», находившийся в гавайских водах, будет заменен японским судном, а США по-

²⁹⁶) Ibid., p. 57.

²⁹⁷) R. C. Sugg. Op. cit., p. 170.

²⁹⁸) АВПР. Канцелярия, 1917, д. 61, л. 320. Телеграмма посла в Вашингтоне Бахметьева от 13 августа / 31 июля 1917 г.

ставят известное количество стали для японских судостроительных верфей²⁹⁹).

Переговоры относительно политики двух держав в Китае продолжались в течение двух месяцев. В начале сентября состоялась встреча Исии с Вильсоном, во время которой первый поднял вопрос о политике в Китае. Вильсон ратовал за сохранение «принципа открытых дверей и равных возможностей», выразил свое отрицательное отношение к разделу Китая на сферы влияния и поручил дальнейшее ведение переговоров Лансингу³⁰⁰). Переговоры шли в глубокой тайне, даже американский посланник в Пекине ничего не знал об их содержании³⁰¹). Показательным является тот факт, что Исии считал возможным отказаться от японских сфер влияния в Китае, если правительство Соединенных Штатов Америки признает «особые интересы» Японии в Китае³⁰²). В данном случае он рассчитывал под маркой уступок в пользу США получить от американского правительства признание японской гегемонии в Китае. Однако правительство Японии не решилось обсуждать вопрос о сферах влияния, так как его надо было согласовать с другими великими державами.

В ходе переговоров Лансинг предложил Исии подписать совместную декларацию «о территориальной целостности Китая и о принципах открытых дверей и равных возможностей». Исии отверг предложение Лансинга, заявив, что вышеназванные принципы провозглашены в соглашении Рут-Такахира, заключенном в 1908 г. Делегат Японии настаивал на подписании декларации, в которой Соединенные штаты признали бы «особые отношения Японии с Китаем»³⁰³), причем Исии пытался обосновать притязания Японии на господство в Китае, исходя из географической близости двух стран, и проводил параллель между политикой Японии в Китае и взаимоотношениями США со странами Латинской Америки, базировавшимися на доктрине Монро, используя которую американский империализм господствовал в Западном полушарии.

Во время переговоров японские дипломаты стремились обеспечить поддержку своей политике в Китае со стороны тех представителей американского финансового капитала, которые уже сотрудничали с японскими капиталистами в деле эксплуатации китайского народа или собирались вложить капиталы в страны Дальнего Востока. Исии в своих выступлениях в Нью-Йорке пытался прельстить американских бизнесменов возможностями торговых операций в Китае, где Япония, якобы, строго сохраняла политику «открытых две-

²⁹⁹) В. Веерс. *Op. cit.*, p. 100.

³⁰⁰) К. Исии. Указ. соч., стр. 90.

³⁰¹) P. Reinsh. *An American Diplomat in China*, p. 307—308.

³⁰²) К. Исии. Указ. соч., стр. 90—91.

³⁰³) Там же, стр. 92—93.

рей». В США из Японии была послана особая делегация банкиров во главе с бароном Мегата. В связи с приездом Мегата в американской печати писали, что цель этой делегации об-судить с американскими капиталистами возможности «сов-местного развития производительных сил Китая»³⁰⁴).

Японскому империализму удалось добиться поддержки своей политики в Китае со стороны правящих кругов Соеди-ненных Штатов Америки. 18 сентября 1917 г. полковник Хауз, ссылаясь на беседу с вновь назначенным послом США в Японии Моррисом, писал президенту Вильсону: «Мы не мо-жем удовлетворить желаний Японии как в отношении земель-ного вопроса, так и в отношении иммиграции, и если мы не сделаем некоторых уступок, касающихся японской сферы влияния на Востоке, то раздор с Японией рано или поздно неизбежен. Япония отстранена от какого-либо участия в экс-плуатации отставших в своем развитии стран, и если ее влия-ние на Востоке не будет признано в столь же высокой степе-ни, как влияние западных держав, она отомстит за это». Хауз писал Вильсону, что можно сформулировать политику, остав-ляющую «в силе принцип открытых дверей, восстанавливаю-щую в правах Китай и удовлетворяющую Японию»³⁰⁵).

Дальнейшие переговоры Лансинга и Исии были направ-лены к выработке такой компромиссной формулировки, кото-рая удовлетворяла бы обе стороны. Исии предлагал включить в текст декларации положение о том, что Япония имеет в Китае и особенно в соседних с нею областях «важнейшие интересы» или «специальные интересы и влияние». Лансинг не согласился ни с первой, ни со второй формулировкой. В конце концов договорились включить в декларацию пункт о «специальных интересах» Японии в Китае³⁰⁶).

Исии пытался добиться включения в сферу интересов Япо-нии Шаньдунского полуострова, однако Лансинг, ссылаясь на возросшие там интересы американского капитала³⁰⁷), вы-ступил против этого и предложил решать вопрос о Шаньдуне на мирной конференции³⁰⁸). В конечном итоге вопрос о том, на какие территории Китая распространяются «специальные интересы» Японии, был оставлен открытым.

В ходе переговоров Лансинг предложил включить в со-гласшение статью о том, что Соединенные Штаты Америки и Япония обязуются не добиваться «специальных прав или привилегий в Китае», которые ограничивали бы права граждан

³⁰⁴) АВПР. Канцелярия, 1917, д. 61, л. 450. Телеграмма Бахметьева из Вашингтона, 10 октября/27 сентября 1917 г.

³⁰⁵) «Архив полковника Хауза», т. III, 1939, стр. 22.

³⁰⁶) К. И с и и. Указ. соч., стр. 95.

³⁰⁷) «The Pacific Historical Review», 1962, № 3, p. 310.

³⁰⁸) АВПР. Китайский стол, д. 1584, л. 243. Телеграмма посла в Ва-шингтоне Бахметьева от 13 октября/30 сентября 1917 г.

других дружественных государств³⁰⁹). Американская дипломатия рассчитывала использовать эту статью в будущем для того, чтобы ограничивать проникновение японского капитала в те области Китая, где американские монополии получили какие-либо концессии. К. Исии великолепно понимал, что данная статья в любое время может быть использована правительством США для того, чтобы опротестовать те или иные соглашения Японии с китайскими властями под тем предлогом, что они ущемляют права американских граждан. Поэтому японская сторона решительно отвергла данное предложение. После острых споров обе стороны договорились включить статью, предложенную Лансингом, в секретный протокол.

2 ноября 1917 г. в государственном департаменте произошел обмен нотами, в результате которого было оформлено так называемое соглашение Лансинг-Исии. Правительство США признавало, что Япония имеет специальные интересы в Китае, в частности в той его части, с которой граничат ее владения³¹⁰). В соглашении признавался незыблемым «территориальный суверенитет Китая» и содержалось обязательство двух государств придерживаться принципа «открытых дверей» в развитии иностранной торговли и промышленности в Китае. В секретный протокол³¹¹) была включена статья о том, что правительства Соединенных Штатов Америки и Японии «не воспользуются преимуществами настоящих условий, чтобы добиваться специальных прав или привилегий в Китае, которые урезали бы права подданных или граждан других дружественных государств». Не лишен интереса тот факт, что в самом тексте секретного протокола отмечалось, что его опубликование может создать «ошибочное впечатление» относительно характера взаимоотношений двух государств³¹²). Таким образом, правительства двух империалистических государств опасались, что публикация секретного протокола обнаружит серьезные противоречия, имевшиеся между ними.

Соглашение Лансинг-Исии было временной империалистической сделкой, но в тех конкретных условиях оно было более выгодным для Японии, так как последняя получала большую свободу рук для нового натиска на Китай. Японские дипломаты внушили пекинскому правительству, что Соединенные Штаты отказались в «пользу Японии от всякого вмешательства в китайские дела» и на этом основании добились от Китая новых уступок³¹³). Широкие круги китайского народа были возмущены политикой американского

³⁰⁹) «Lansing Papers», v. II, p. 441—442, 450.

³¹⁰) Э. Г р и м м . Указ. соч., стр. 194.

³¹¹) Секретный протокол был опубликован в 1938 г.

³¹²) «Lansing Papers», v. II, p. 450.

³¹³) P. R e n o u v i n . Op. cit., p. 301.

и японского империализма, пытавшегося распоряжаться судьбами Китая. Под нажимом общественного мнения пекинское правительство официально протестовало против японо-американской сделки³¹⁴).

Среди американских буржуазных авторов отсутствует единство в оценке соглашения Лансинг-Исии. Одни из них оправдывают политику президента Вильсона по этому вопросу, другие ее критикуют. Б. Бирс пишет, что соглашение Лансинг-Исии «может считаться удачным только как военная мера. Ноты прикрывали американо-японские разногласия внешним лоском кажущейся гармонии»³¹⁵). С. Бемис называет соглашение «двусмысленным»³¹⁶). Грисволд считает его «временной мерой» со стороны США, «стремлением выиграть время, неохотной уступкой перед угрозой японского империализма»³¹⁷).

Общность реакционных целей толкала правящие классы Соединенных Штатов Америки и Японии к сближению для борьбы с революционным движением в России, Китае и других странах, но не снимала существовавших между ними противоречий. Японское правительство считало, что соглашение Лансинг-Исии дает юридическое признание японской гегемонии в Китае, а правительство США, подписав это соглашение, надеялось выиграть время, так как оно до окончания войны с Германией не располагало свободными силами для того, чтобы успешно выдерживать борьбу с Японией за господство в Китае. Временное улучшение японо-американских отношений дало возможность Соединенным Штатам перебросить часть своего флота из Тихого океана в Атлантический для военных операций против Германии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги изучению дальневосточной политики великих держав в 1906—1917 гг., можно сделать вывод о том, что она определялась, прежде всего, экономическими интересами крупного финансового капитала и другими корыстными целями правящих классов империалистических стран. Следует также отметить тесную взаимосвязь между колониальной политикой на Дальнем Востоке, особенностями развития империализма, характерными для каждой державы, и общим направлением внутренней и внешней политики данного государства. В. И. Ленин писал: «Выделять «внешнюю политику» из политики вообще или тем более противопоставлять внеш-

³¹⁴) «Харбинский вестник», 15 ноября 1917 г.

³¹⁵) В. Веерс. *Op. cit.*, p. 118.

³¹⁶) S. Bemis. *The United States as a World Power*, p. 215.

³¹⁷) A. Griswold. *Op. cit.*, p. 217.

ную политику внутренней есть в корне неправильная, не марксистская, не научная мысль»¹⁾).

Наиболее активную наступательную политику на Дальнем Востоке в начале XX в. проводили Япония и Соединенные Штаты Америки. Китай и Корея были основными объектами японской колониальной агрессии. Сравнительно слабая индустриальная и финансовая база японского империализма приводила к тому, что он не мог рассчитывать на победу в «свободной» конкурентной борьбе со странами «развитого финансового капитализма», поэтому Япония, в первую очередь, добивалась территориальных захватов и военно-политического господства на Дальнем Востоке. Для строительства железных дорог и на другие колониальные предприятия в Китае и Корее широко привлекались не только капиталы японских монополий, но и правительственные средства. Японские империалисты при поддержке Великобритании и США превратили Корею в свою колонию и, опираясь на союз с Англией, укрепили экономические и политические позиции в Южной Маньчжурии и других районах Китая.

Главным объектом американской экспансии в Восточной Азии был Китай. Несмотря на то, что в то время в Соединенных Штатах Америки было меньше избыточного капитала, чем в европейских странах и имелся собственный обширный внутренний рынок, американские монополии в погоне за высокой прибылью, энергично наступали на Дальний Восток. Правящие круги США, добиваясь экономического и политического преобладания в Восточной Азии и на Тихом океане, создавали мощный военно-морской флот и широко использовали «дипломатию доллара». Американский автор К. Бусс пишет, что Соединенные Штаты противопоставляли миллионам солдат своих противников «миллионы долларов»²⁾. В конечном итоге американскому империализму не удалось установить свою гегемонию на Дальнем Востоке, так как ему противостояла Япония, опиравшаяся на группировку стран Антанты.

В 1906—1914 гг. гегемония Великобритании на Дальнем Востоке сохранялась, хотя и была значительно подорвана наступательной политикой Соединенных Штатов Америки, Японии и Германии. Великобритания и Франция во время острых дальневосточных конфликтов стремились к их быстрейшему урегулированию на основе сохранения статус-кво, что являлось удобным прикрытием для сохранения преобладающего положения Антанты на Дальнем Востоке. Англо-французские империалисты в значительной степени контролировали дальневосточную политику царской России и Японии, используя

¹⁾ В. И. Ленин. Соч., т. 23, изд. 4, стр. 31.

²⁾ Cf. Buss. Op. cit., p. 113.

финансовую зависимость последних от английского и французского капиталов. Английские и, в меньшей степени, германские и французские монополии получали наибольшую долю прибылей, извлекаемых за счет эксплуатации народов Восточной Азии. Финансовый капитал империалистических держав предпринимал серьезные попытки установления экономического контроля над Китаем с целью его совместной эксплуатации (создание консорциума, соглашение о хугуанском займе и т. д.), но это не снимало острого соперничества между монополиями различных государств.

Англия, Франция и царская Россия стремились стабилизировать положение, сложившееся на Дальнем Востоке после русско-японской войны для того, чтобы сконцентрировать свои силы для борьбы против германо-австрийского блока.

Германские монополии настойчиво внедрялись в экономику Китая, стремясь расширить немецкую сферу влияния в Шаньдунской провинции и прилегающих районах. В дипломатическом аспекте правительство Германии пыталось использовать японо-американские противоречия для сближения с Соединенными Штатами. Однако германскому империализму не удалось подорвать экономическое и военно-политическое господство стран Антанты на Дальнем Востоке путем соглашения с Соединенными Штатами Америки.

Российский империализм после русско-японской войны вынужден был поступиться рядом позиций на Дальнем Востоке и снизить там свою активность. Принцип сохранения статус-кво, на который опиралась царская дипломатия, был направлен против экспансии Японии, США и Германии. Дальневосточная политика царизма носила реакционный и империалистический характер. Она преследовала цель сохранить позиции, ранее захваченные в Северной Маньчжурии, укрепиться во Внешней Монголии и т. д. Империалистические замыслы царизма и его мероприятия по освоению русского Дальнего Востока в основном потерпели неудачу. Причина этого лежала в экономической отсталости России в прогрессирующем ослаблении царизма, разложении основ военно-феодалного государства, пытавшегося приспособиться к потребностям развивающегося капитализма. С 1906 г. царская Россия могла проводить на Дальнем Востоке активную политику лишь в районах, согласованных со своими союзниками Англией и Францией. В 1914—1916 гг. царизм попал здесь в зависимость от Японии и США.

Царизм, а затем и Временное правительство в своей дальневосточной политике пришли к бесславному концу, а русский Дальний Восток оказался беззащитным в связи с агрессивной политикой Японии, США и других империалистических государств.

Первая мировая война привела к ослаблению экспансии европейских держав в Восточной Азии, но одновременно с этим усилилась колониалистская политика Японии и США. Японская дипломатия довольно умело использовала преимущества, которые ей дала первая мировая война, для осуществления захватнических планов в Китае и установления своей гегемонии в Восточной Азии. Американский империализм прилагал серьезные усилия к тому, чтобы установить собственное господство на Дальнем Востоке. Японо-американские противоречия усиливались, но их дальнейший рост был временно задержан тем, что Япония, а затем и США вступили в войну против Германии и оказались в одном лагере в качестве военных союзников.

К концу войны Япония вынуждена была идти в фарватере политики стран Антанты, но это не снимало острых противоречий между Японией, Соединенными Штатами Америки и Англией. Борьба шла как по вопросам текущей политики, так и по проблемам послевоенного устройства. Японское правительство стремилось еще до окончания войны добиться от великих держав признания ее захватов в Китае и на Тихом океане, а также закрепить свое преобладающее положение на Дальнем Востоке. В этом плане интересы японского империализма сталкивались прежде всего с интересами финансового капитала Великобритании и Соединенных Штатов Америки. Однако страны Антанты и правительство США, исходя из собственных империалистических интересов, признали наиболее существенные захваты японского империализма в Китае и на Тихом океане. В этом отношении весьма показательным является сговор США и Японии, подписавших соглашение Лансинг-Исии.

На примерах истории международных отношений на Дальнем Востоке можно ярко проиллюстрировать влияние революционного движения пролетариата капиталистических государств на национально-освободительное движение народов Востока. В. И. Ленин писал, что союзниками для революционной борьбы против империализма являются: «Угнетенные классы Европы, пролетариат прежде всего; угнетенные империализмом народы, народы Азии, как соседние нам, прежде всего»³⁾.

Фактический материал даст возможность проследить то исключительное большое влияние, которое оказала революция 1905—1907 гг. в России на революционное и национально-освободительное движение в Китае и других странах Азии. Партия большевиков оказывала всемерную поддержку национальному движению народов Востока и разоблачала агрессивную политику империалистических правительств. Газе-

³⁾ В. И. Ленин. Соч., т. 25, изд. 4, стр. 68.

та «Социал-демократ», редакцией которой в то время руководил В. И. Ленин, в 1911 г. в статье «Пролетариат и всеобщий мир» писала о том, что внешняя политика «до сих пор оставалась в почти исключительном ведении правящих классов, а сплошь и рядом — незначительных кучек придворной камарильи и близких к ней групп военно-помещичьей аристократии и хищнической высшей финансовой олигархии и промышленных магнатов (железных, стальных и прочих «королей»). По-прежнему все дипломатические дела вершатся в тайне, хотя они задевают жизненные интересы целых народов и периодически приводят к массовым кровопролитиям»⁴).

За годы первой мировой войны Япония и Соединенные Штаты Америки намного укрепили свои позиции на Дальнем Востоке и, в частности, в Китае. Но победа Великой Октябрьской социалистической революции, вызванный ею революционный подъем во всем мире и рост национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах коренным образом изменили международную обстановку на Дальнем Востоке. Дипломатические комбинации, созданные США и Японией вкупе с другими империалистами с целью укрепления своего господства в Восточной Азии, оказались подорванными. Великая Октябрьская революция укрепила связи между революционным движением пролетариата и национально-освободительным движением народов Азии. Советское государство с первых дней своего существования проводит политику дружбы и равноправия по отношению к народам Востока, оказывает им большую помощь в борьбе за независимость, социальный и культурный прогресс.

Превращение Советского Союза в мощную социалистическую державу, успехи международного рабочего движения, образование мировой системы социализма создали условия, при которых была разрушена колониальная система, созданная империалистами. «Современная эпоха,— отмечается в Программе КПСС,— основное содержание которой составляет переход от капитализма к социализму, есть эпоха борьбы двух противоположных общественных систем, эпоха социалистических и национально-освободительных революций, эпоха крушения империализма, ликвидации колониальной системы, эпоха перехода на путь социализма все новых народов, торжества социализма и коммунизма во всемирном масштабе. В центре современной эпохи стоит международный рабочий класс и его главное детище — мировая система социализма»⁵).

⁴) «Социал-демократ», 18/31 октября 1911 г. «Социал-демократ» (№ 1 — 58), 1908—1917 гг., вып. 4, М., 1934, стр. 48.

⁵) Программа Коммунистической партии Советского Союза. «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1962, стр. 322.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Соч., т. 3.
Ленин В. И. Падение Порт-Артура. Соч., т. 8.
Ленин В. И. О современном политическом положении. Соч., т. 10.
Ленин В. И. Горючий материал в мировой политике. Соч., т. 15.
Ленин В. И. VI («Пражская») Всероссийская конференция РСДРП.
5—17 (18—30) января 1912 г. Соч., т. 17.
Ленин В. И. Политические партии в России. Соч., т. 18.
Ленин В. И. Капитализм и «парламент». Соч., т. 18.
Ленин В. И. Обновленный Китай. Соч., т. 18.
Ленин В. И. Крупный успех Китайской республики. Соч., т. 19.
Ленин В. И. Балканская война и буржуазный шовинизм. Соч., т. 19.
Ленин В. И. Значение переселенческого дела. Соч., т. 19.
Ленин В. И. Пробуждение Азии. Соч., т. 19.
Ленин В. И. Отсталая Европа и передовая Азия. Соч., т. 19.
Ленин В. И. Вооружения и капитализм. Соч., т. 19.
Ленин В. И. Капитализм и иммиграция рабочих. Соч., т. 19.
Ленин В. И. Социализм и война (Отношение РСДРП к войне).
Соч., т. 21.
Ленин В. И. Социалистическая революция и право наций на само-
определение (тезисы). Соч., т. 22.
Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма. Соч.,
т. 22.
Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении. Соч., т. 22.
Ленин В. И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом
экономизме». Соч., т. 23.
Ленин В. И. Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический.
Соч., т. 23.
Ленин В. И. Поворот в мировой политике. Соч., т. 23.
Ленин В. И. Война и революция. Соч., т. 24.
Ленин В. И. Внешняя политика русской революции. Соч., т. 25.
Ленин В. И. Речь на собрании актива Московской организации
РКП(б) 6 декабря 1920 г. Соч., т. 31.
Ленин В. И. Тетради по империализму. Соч., т. 39.

**

- «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов
ЦК», ч. 1, М., 1953 г.
Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1962.
Сэн Катаяма. Япония и Америка. М., 1925.
Сэн Катаяма. Статьи и мемуары. М., 1959.
Фостер У. З. Очерк политической истории Америки. М., 1953.

ИСТОЧНИКИ

1. НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Архив внешней политики России (АВПР)

Фонды: Канцелярия.

Китайский стол.

Миссия в Пекине.

Миссия в Токио.

Тихоокеанский стол.

Японский стол.

Центральный государственный исторический архив Ленинграда
(ЦГИАЛ).

Фонды: 1276 — Совет министров.

917 — Архив Волыарьярского В. М.

1237 — Предварительное совещание для обсуждения вопросов по-
экономическим предприятиям на Дальнем Востоке.

Центральный государственный архив Дальнего Востока (ЦГАДВ).

- Фонды: 1 — Приморское областное управление.
8 — Временная канцелярия наместника на Дальнем Востоке.
25 — Владивостокская таможня.
87 — Военный губернатор Приморской области.
128 — Пограничный комиссар Южно-Уссурийского края.
252 — Владивостокский биржевой комитет.
702 — Канцелярия приамурского генерал-губернатора.
1113 — Канцелярия губернатора Сахалинской области.

2. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

- Гримм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М., 1927.
Документы, касающиеся заключения между Россией и Японией общеполитического соглашения 17/30 июля 1907 г., СПб, 1907.
Документы по истории монополистического капитализма в России. М., 1959.
Китайская революция 1911 г. «Красный архив», 1926, т. 5 (18).
Материалы к пересмотру русско-американского торгового договора, вып. 1, СПб, 1912.
Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств, серия II, тт. XVIII—XX; серия III, тт. I—X.
Монополистический капитал в нефтяной промышленности России (1883—1914). Документы и материалы. М.—Л., 1961.
Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894—1914 гг. М., 1923.
Русско-китайские отношения 1689—1916. Официальные документы. М., 1958.
Сборник дипломатических документов, касающихся переговоров по заключению рыболовной конвенции между Россией и Японией. Август 1906 — июль 1907, СПб, 1907.
Сборник договоров России с другими государствами (1856—1917). М., 1952.
Собрание узаконений и распоряжений правительства. СПб, 1907.
Стенографические отчеты Государственной думы за 1907—1914 гг.
Царская Россия и Монголия в 1913—1914 гг. «Красный архив», т. 6 (37).
Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы, чч. 1—2, М., 1957.
American Foreign Policy. A Documentary Survey 1776—1960. Ed. by D. Goebel, New York, 1961.
British Documents on the Origins of the War 1898—1914. London, 1927—1938 (B. D.).
Congressional Record. The Proceedings and Debates. Washington, 1905—1917.
Documents diplomatiques francais, 1871—1914, 2—3 Serie. Paris, 1929—1955. (D. D. F.).
Diplomatic Correspondence with Belligerent Governments relating to Neutral Rights and Duties, Nr. 2—4. Washington, 1915—1918.
Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914. Berlin, 1922—1927. (G. P.).
Mac Murray J. Treaties and Agreements with and concerning China 1894—1919, v. 1—2, New York, 1921.
Papers Relating to the Foreign Relations of the United States (1912—1917). Washington. (F. R.).
Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Lansing Papers 1914—1920, vol. 1—2, Washington, 1939—1940.

The Shaping of American Diplomacy. Reading and Documents in American Foreign Relations 1750—1955. Ed. by W. Williams, Chicago. 1955.

3. МЕМУАРЫ И ДНЕВНИКИ.

Архив полковника Хауза. Перевод с английского, тт. I—IV. М., 1937—1944.

Витте С. Ю. Воспоминания, тт. 2—3. М., 1960.

Берти. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже 1914—1919. Перевод с английского. М.—Л., 1927.

Бьюкенен Дж. Моя миссия в России. Воспоминания дипломата. Перевод с английского, т. 1. Берлин, 1924.

Бюлов Б. Воспоминания. Перевод с немецкого, М.—Л., 1935.

Извольский А. П. Воспоминания. Перевод с английского. Пг.—М., 1924.

Исии К. Дипломатические комментарии. Перевод с английского. М., 1942.

Пуанкаре Р. На службе Франции. Воспоминания за девять лет. Перевод с французского, тт. V—VI. М., 1936.

Суворин А. С. Дневник. М.—Пг., 1923.

Сухомлинов В. Воспоминания. Берлин, 1924.

Тирпиц А. Воспоминания. Перевод с немецкого. М., 1957.

Федоров В. Г. В поисках оружия. М., 1964.

G é g a r d A. My Mission an Japon (1907—1914). Paris, 1919.

G r e y E. Twenty-Five Years 1892—1916, v. 1. London, 1925.

R e i n s h P. An American Diplomat in China. London, 1922.

Sasonoff S. D. Sechs, schwere Jahre. Berlin, 1927.

4. ПРЕССА

Газеты в комплектах, архивных вырезках, а также переводы из японских газет, имеющиеся в архивах.

«Биржевые ведомости», 1907—1911.

«Голос Сибири», 1910.

«Далекая окраина», 1907, 1915.

«Даль», 1906.

«Дальний Восток», 1906—1917.

«Двадцатый век», 1906.

«Земщина», 1910.

«Новое время», 1906—1917.

«Петербургские ведомости», 1907, 1913.

«Петербургская газета», 1908.

«Петербургские новости», 1908.

«Правительственный вестник», 1904, 1909—1912.

«Приамурские ведомости», 1916.

«Правда», 1912—1913.

«Речь», 1907, 1910.

«Русское слово», 1909—1910.

«Русь», 1908.

«Слово», 1908.

«Современное слово», 1910.

«Социал-демократ», 1911.

«Сибирская жизнь», 1917.

«Тихоокеанский вестник», 1912.

«Харбинский вестник», 1909—1917.

«Уссурийская жизнь», 1906.

«Дзи-дзи».

«Дзи-дзи симпо».

«Йомиури».

- «Кокумин».
- «Майници симбун».
- «Ници-ници».
- «Токио асахи».
- «Ямато».
- «Frakfurter Zeitung», 1910.
- «The Japan Advertiser», 1910, 1917.
- «The Japan Chronicle», 1912—1913.
- «The Japan Times», 1910, 1915.
- «The Korea Daily News», 1906.
- «Kreuzzeitung», 1910.
- «The New York Herald», 1906.
- «The New York Times», 1910.
- «Ostasiatische LLoyd», 1914.
- «The Peking Daily News», 1910, 1912, 1914.
- «The Peking Gazette», 1917.
- «The Seoul Press», 1906, 1912.
- «The Standart», 1910.
- «Temps», 1910.
- «The Times», 1910.
- «The Washington Post», 1906, 1908, 1910.

ЖУРНАЛЫ

- «Бюллетень справочной части по внешней торговле Министерства торговли и промышленности», 1914—1915.
- «Вестник Азии», 1910—1917.
- «Вестник русско-американской торговой палаты», 1916—1917.
- «Дальний Восток», 1913.
- «Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке», 1909—1917.
- «Китай и Япония», 1910—1917.
- «Сведения из газет Дальнего Востока», 1910—1911.
- «Сибирские вопросы», 1907.
- «Современный мир», 1911.
- «The American Jornal of Sociology», 1914—1917.
- «The Annals of the American Academy of Political and Social Science», 1905—1910.
- «The Far East. A Weekly Review of Politics and Commerce Record of Current Events». Tokio, 1912—1916.
- «The Japan Financial and Economic Monthly», 1909—1914.
- «The Japan Magazine», 1913—1914.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ, СПРАВОЧНЫЕ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Библиография Японии. Литература, изданная на русском языке с 1917 по 1958 гг. М., 1960.

История экономического развития Китая 1840—1948 гг. Сборник статистических материалов. Перевод с китайского, М., 1958.

Международные отношения (Библиографический справочник. 1945—1960 гг.). М., 1961.

Мировые экономические кризисы 1848—1935, М., 1937.

Скачков П. Е. Библиография Китая. М., 1960.

Указатель действующих в империи акционерных предприятий. СПб, 1903.

Bulkley M. Bibliographical Survey of Contemporary Sources for the Economic and Social History of the War. Oxford, 1922.

Expenditures of the United States Government 1891—1907. Washington, 1908.

Langer W. and Armstrong H. Foreign Affairs Bibliography. A Selected and annotated List of Books on international Relations 1919—1932. New York, 1960.

Kerner R. Northeastern Asia. A Selected Bibliography Contributions to the Bibliography of the Relations of China, Russia and Japan, with Special Reference to Korea, Manchuria, Mongolia and Eastern Siberia in Oriental and European Languages, v. 1—2. Berkeley, 1939.

Relations (commercial) between the United States and Japan. Philadelphia, 1909.

Statesman's Year-Book. Statistical and Historical Annual of the States of the World. London, 1909—1917.

A Statistical Abstract Supplement Historical Statistics of the United States Colonial Times to 1957. Washington, 1960.

The Twenty-Eight Financial and Economic Annual of Japan, 1928. (Annual of Japan).

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ДРУГИЕ СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аварин В. Я. Империализм в Маньчжурии. М.—Л., 1934.

Аварин В. Я. Борьба за Тихий океан. М., 1952.

Аносов С. Д. Корейцы в Уссурийском крае. Хабаровск—Владивосток, 1928.

Бартель В. Левые в германской социал-демократии в борьбе против милитаризма и войны. Перевод с немецкого. М., 1959.

Бедняк И. Я., Гальперин А. Л., Гришелева Л. Д., Подпалова Г. И., Попов В. А., Топеха П. П., Эйдус Х. Т. Очерки новой истории Японии (1640—1917). М., 1958.

Белов Е. А. Революция 1911—1913 годов в Китае. М., 1958.

Бестужев И. В. Борьба в России по вопросам внешней политики 1906—1910. М., 1961.

Боголепов М. И., Соболев М. Н. Очерки русско-монгольской торговли. Томск, 1910.

Болдырев Г. И. Финансы Японии. М., 1946.

Болховитинов Л. М. Россия на Дальнем Востоке. Сб. «Великая Россия», кн. 1, М., 1910.

Бродский Р. М. «Развитие японо-китайского конфликта в 1915 г. «Ученые записки Львовского госуниверситета им. И. Франко», т. X, серия историческая, вып. III, 1948.

Бродский Р. М. Позиция Германии в японо-китайском конфликте 1915 г. «Ученые записки Львовского гос. университета им. И. Франко», т. XVII, серия историческая, вып. IV, 1949.

Бродский Р. М. Об особенностях колониальной политики американского империализма в Китае накануне и в период Синьхайской революции. Сб. «Против фальсификации истории колониализма», М., 1962.

Виноградов К. Б. Проблемы происхождения первой мировой войны в западногерманской историографии. «Вопросы истории», 1962, № 8.

Виноградов К. Б. Буржуазная историография первой мировой войны. М., 1962.

Винцер Ю. И. Английские капиталовложения за границей в период империализма. М., 1960.

Воитинский Г. Китай и первая мировая империалистическая война. «Труды Института востоковедения», Сб. 2, М., 1940.

Вэй Цзы-чу. Капиталовложения империалистов в Китае (1902—1945). Перевод с китайского. М., 1956.

Гальперин А. Л. Англо-японский союз 1902—1921 годы. М., 1947.

Гальперин А. Л. Корейский вопрос в международных отношениях накануне аннексии Кореи Японией. «Вопросы истории», 1951, № 2.

Гершов З. М. Нейтралитет США в годы первой мировой войны. М., 1962.

Гефтер М. Я. Проникновение американского капитала в царскую Россию до 1914 г. «Исторические записки», № 35, 1950.

Гольдберг Д. И. К вопросу о характерных чертах становления монополистического капитала в Японии. «Вестник Ленинградского университета». Серия истории, языка и литературы, № 8, вып. 2, 1957.

Горо Х. История японского народа. Перевод с японского. М., 1957.

Готлиб В. В. Тайная дипломатия во время первой мировой войны. Перевод с английского. М., 1960.

Гражданцев А. Корея. Перевод с английского. М., 1948.

Григорцевич С. С. Экспансия иностранного капитала на русском Дальнем Востоке во второй половине XIX в. «Ученые записки Томского педагогического института», т. XIII, 1955.

Григорцевич С. С. Экспансия иностранного капитала на русском Дальнем Востоке в начале XX в. «Ученые записки Томского педагогического института», т. XIV, 1955.

Григорцевич С. С. Американская и японская интервенция на Советском Дальнем Востоке и ее разгром (1918—1922 гг.), М., 1957.

Григорцевич С. С. Из истории отечественного востоковедения. «Советское востоковедение», 1957, № 4.

Григорцевич С. С. Участие корейцев русского Дальнего Востока в антияпонской национально-освободительной борьбе (1906—1916 гг.). «Вопросы истории», 1958, № 10.

Григорцевич С. С. Американская экспансия в Северо-Восточном Китае в 1909—1910 гг. «Сборник научных работ кафедр всеобщей истории и СССР. Труды Томского гос. университета», т. 150, 1961.

Григорцевич С. С. Русско-японские отношения в 1906—1907 годах. «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1961, № 3.

Григорцевич С. С. Японская и американская экспансия в Китае в 1916—1917 гг. «Сборник научных работ исторических кафедр. Труды Томского госуниверситета», т. 165, 1963.

Губер А. А. Германский империализм на Дальнем Востоке. М., 1942.

Губер А. А. Международные отношения на Дальнем Востоке (1894—1904). «Ученые записки Тихоокеанского института», т. 1, 1947.

Губер А. А. Русская революция 1905—1907 гг. и пробуждение Азии. «Первая русская революция 1905—1907 гг. и международное революционное движение», часть II, М., 1956.

Данилов В. И. Объединенная революционная лига Китая и ее роль в подготовке революции 1911—1912 гг. М., 1959.

Денисов В. И. Россия на Дальнем Востоке. СПб, 1913.

Добров А. Дальневосточная политика США в период русско-японской войны. М., 1952.

Добрынин А. Ф. США и независимость Кореи (1904—1905 гг.) «Известия Академии наук СССР». Серия истории и философии, т. IV, № 4, М., 1947.

Дулов В. И. Социально-экономическая история Тувы. XIX — начало XX в., М., 1956.

Дыльков С. Д. Демократическое движение монгольского народа в Китае. М., 1953.

Ерусалимский А. С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в. М., 1951.

Ерусалимский А. С. Проникновение германских монополий в Китай на рубеже XIX—XX веков. «Вопросы истории», 1960, № 9.

- Ефимов Г. В. Очерки по новой и новейшей истории Китая. М., 1951.
- Ефимов Г. В. Революционные бои 1906—1908 гг. в Китае. «Ученые записки ЛГУ», № 128. Серия востоковедческих наук, вып. 3, 1952.
- Ефимов Г. В. Происхождение и империалистическая сущность доктрины «открытых дверей». «Ученые записки ЛГУ», № 183, 1955.
- Ефремов П. Н. Внешняя политика России (1907—1914 гг.). М., 1961.
- Жигалов Б. С. Вопрос о строительстве Амурской железной дороги в дальневосточной политике царизма (1906—1908 гг.). «Сборник научных работ кафедр всеобщей истории и истории СССР. Труды Томского университета», т. 150, 1961.
- Жуков Е. М. История Японии. М., 1939.
- Жуков Е. М. Японские буржуазные газеты в конце 1917 года и подготовка антисоветской интервенции. «Из истории общественных движений и международных отношений. Сборник статей в память Е. В. Тарле» М., 1957.
- Зайончковский А. Подготовка России к мировой войне в международном отношении. М., 1926.
- Зив В. С. Иностранные капиталы в русских акционерных предприятиях. Вып. 1. Германские капиталы. Петроград, 1915.
- Златкин И. Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии. М., 1957.
- Златкин И. Я. Национально-освободительное движение в Монголии в 1911—1912 гг. «Первая русская революция 1905—1907 гг. и Международное революционное движение», часть II, М., 1956.
- Зубок Л. И. Империалистическая политика США в странах Караибского бассейна, 1900—1939. М.—Л., 1948.
- Зубок Л. И. Очерки истории США (1877—1918) М., 1956.
- Игнатьев А. В. Русско-английские отношения накануне первой мировой войны (1908—1914 гг.) М., 1962.
- Иноземцев Н. Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960.
- Иоффе А. Е. Миссия Рута в России в 1917 году. «Вопросы истории», 1958, № 9.
- История войны на Тихом океане. Перевод с японского, т. 1, М., 1957.
- История Монгольской Народной Республики. М., 1954.
- Кабанов П. И. Амурский вопрос. Благовещенск, 1959.
- Канторович А. Иностранный капитал и железные дороги Китая. М.—Л., 1926.
- Канторович А. Америка в борьбе за Китай. М., 1935.
- Капица М. С. Советско-китайские отношения. М., 1958.
- Карякин Ю., Плимук Е. Мистер Кон исследует «русский дух». М., 1961.
- Клод А. Куда идет американский империализм. Перевод с французского. М., 1951.
- Косминский Е. А. Реакционная историософия Арнольда Тойнби. Сб. «Против фальсификации истории». М., 1959.
- Кунина А., Марушкин Б., Слезкин Л. Фальсификация истории по заданию американских монополий. «Коммунист», 1960, № 13.
- Куртеев К. Русско-японский товарообмен и экономическое сближение. «Записки Приамурского отдела Императорского общества востоковедения», вып. III, Хабаровск, 1916.
- Кутаков Л. Н. К истории Портсмутского мира 1905 г. «Известия Академии наук СССР», серия истории и философии, т. IX, № 2, 1952.
- Кутаков Л. Н. Портсмутский договор в русско-японских отношениях (1905—1917). Сб. «Китай и Япония. История и филология. К семидесятилетию академика Николая Иосифовича Конрада». М., 1961.
- Кутаков Л. Н. Портсмутский мирный договор. (Из истории отношений Японии с Россией и СССР 1905—1945 гг.) М., 1961.

Кутаков Л. Н. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962.

Кюнер Н. В. Новейшая история стран Дальнего Востока. Владивосток, 1912.

Кюнер Н. В. Статистико-географический очерк Кореи, часть I и II. Владивосток, 1912.

Кюнер Н. В. Современный Китай и современная Япония в истории нашего времени. М., 1917.

Кюнер Н. В. Очерки новейшей политической истории Китая. Хабаровск — Владивосток, 1927.

Ландберг Ф. 60 семейств Америки. Перевод с английского. М., 1948.

Леонтьев В. П. Иностранная экспансия в Тибете в 1888—1919 гг. М., 1956.

Латышев И. А. Японский милитаризм и его тенденциозное освещение в американской литературе. «Вопросы истории», 1954, № 9.

Лиф Ш. Война и экономика Японии. М., 1940.

Ли Чен Вон. Очерки новой истории Кореи. Перевод с корейского. М., 1952.

Ли Шу. Первая русская революция и Китай. Сб. «Первая русская революция и международное рабочее движение», ч. II. М., 1956.

Лукин А. А. Проникновение американского и английского капитала в Западную Сибирь накануне и в годы первой мировой войны. Автореферат канд. дис., Томск, 1959.

Лю Да — нянь. История американской агрессии в Китае. Перевод с китайского. М., 1951.

Лященко П. И. История народного хозяйства СССР, т. II, М., 1950.

Майский И. М. Монголия накануне революции. М., 1960.

Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1937.

Марион Д. Базы и империя. Карта американской экспансии. Перевод с английского. М., 1948.

Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949), под общей редакцией Е. М. Жукова. М., 1956.

Меркулов С. Д. Порто-франко и колонизация Приамурского края русским населением. СПб., 1908.

Монгольская Народная Республика. Сборник статей. М., 1952.

Московская торговая экспедиция в Монголию. М., 1912.

Нарочницкий А. Л. Реакционная американская литература о дальневосточной политике США (1938—1945 годов). «Вопросы истории», 1954, № 4.

Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке (1860—1895). М., 1956.

Ниринг С. Американская империя. Перевод с английского. М.—Л., 1926.

Ниринг С., Фримэн Д. Дипломатия доллара. Перевод с английского. Л., 1926.

Нотович Ф. И. Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. М.—Л., 1947.

Номура. О русско-японских торговых сношениях. «Записки Приамурского отдела Императорского общества востоковедения», вып. III, Хабаровск, 1916.

Оводенко С. О горных богатствах Чукотского и Анадырского уездов. 1911.

Оль П. В. Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России. Л., 1925.

О необходимости сооружения железной дороги в Приамурском крае. СПб., 1906.

Остальцева А. Ф. К вопросу о влиянии русско-японской войны и революции 1905 года на перегруппировку европейских империалистических держав. «Ученые записки Саратовского государственного университета», т. 55, 1956.

Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа. Перевод с корейского. М., 1953.

Очерки истории Китая в новейшее время. М., 1959.

Очерки новой и новейшей истории США, т. I и т. II, М., 1960.

Павлов Т. Опять война. Конец Портсмутскому перемирию. СПб, 1909.

Панов В. Кризис. К дальневосточному положению. Владивосток, 1913.

Панов В. Историческая ошибка. СПб, 1912.

Перло В. Американский империализм. Перевод с английского. М., 1951.

Покровский М. Н. Империалистская война. Сборник статей. М., 1934.

Полевой П. Золото Анадырско-Чукотского края. Петроград, 1916.

Полетика Н. П. Возникновение мировой войны. М.—Л., 1935.

Попов К. Экономика Японии. М., 1936.

Попова Е. И. К вопросу о политике американского империализма в Китае в 1914—1916 гг. «Ученые записки» Московского городского педагогического института им. В. В. Потемкина. Кафедра истории нового времени, вып. 1, 1951.

Попова Е. И. Сговор американского империализма с японским в 1917 году (Соглашение Лансинг—Исии). «Вопросы истории», 1952, № 9.

Попова Е. И. Миссия Стивенса и провал железнодорожной политики США в России и Китае в 1917—1922 гг. «Исторические записки», т. 60, 1957.

Рабинович И. М. Проникновение американского капитала в экономику дореволюционной России 1900—1917 гг. Автореферат канд. дисс. Л., 1957.

Розен А. Кровавое сорокалетие. «Тихий океан», 1935, № 3, № 4.

Розенталь Э. М. Дипломатическая история русско-французского союза в начале XX века. М., 1960.

Романов Б. А. Россия в Маньчжурии. Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928.

Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895—1907). М.—Л., 1955.

Ротштейн Ф. А. Международные отношения в конце XIX века. М.—Л., 1960.

Рубинштейн Н. Л. Внешняя политика Временного правительства. М., 1946.

Сандаг Ш. Образование монгольского феодально-теократического государства и его внешняя политика (1911—1919 гг.) Автореферат канд. диссертации. М., 1958.

Самойлов. Вооруженные силы Японии. СПб., 1913.

Сато К. Япония и Америка в их взаимных отношениях. Перевод с японского. М., 1923.

Севостьянов Г. Н. Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне второй мировой войны. М., 1961.

Севостьянов П. П. Экспансионистская политика США на Дальнем Востоке (в Китае и Корее в 1905—1911 гг.). М., 1958.

Селезнев Г. К. Тень доллара над Россией. М., 1957.

Семенников В. Романовы и германские влияния во время мировой войны. Л., 1929.

Серошевский В. Корея. СПб, 1909.

Сидоров А. Л. В. И. Ленин о русском военно-феодальном империализме. «История СССР», 1961, № 3.

Сидоров А. Л. Отношения России с союзниками и иностранные поставки во время первой мировой войны, «Исторические записки», т. 15, 1945.

Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917). М., 1960.

Симоновская Л. В. Пробуждение Китая и революция 1911 г. Сб. «Первая русская революция и международное рабочее движение». ч. II. М., 1956.

«Синьхайская революция в Китае». Сборник статей. М., 1962.

Скорупский К. Р. Опыты исследования русской импортной торговли в Маньчжурии. Харбин, 1915.

Славин С. Американская экспансия на северо-востоке царской России в начале XX в. «Летопись севера», № 1, 1949.

Сладковский М. И. Очерки развития внешнеэкономических отношений Китая. М., 1953.

Сладковский М. И. Очерки экономических отношений СССР и Китая. М., 1957.

Слюнин Н. Современное положение нашего Дальнего Востока. СПб, 1908.

Современная историография стран зарубежного Востока, выпуск I (Китай). М., 1963.

Современное положение на Дальнем Востоке. СПб, 1909.

Субботич Д. И. Амурская железная дорога и наша политика на Дальнем Востоке. СПб, 1908.

Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма 1871—1919. Соч., т. V, М., 1958.

Текутьева Е. Т. Русско-японские отношения в период первой мировой войны (1915—1916 гг.) «Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. И. Ленина. Кафедра истории нового времени», вып. 6, 1957.

Терентьев Н. Америка в первом туре борьбы за Маньчжурию 1900—1908 гг. «Проблемы Китая», № 14, 1934.

Тимофеев. Порто-франко на Дальнем Востоке и российский космополитизм. М., 1908.

Тутаев М. У истоков русско-китайских революционных связей. Казань, 1961.

Тэйлор А. Борьба за господство в Европе (1848—1918). Перевод с английского. М., 1958.

Унтербергер П. Ф. Приамурский край 1906—1910 гг. СПб, 1912.

Федоров М. П. Реальные основы современной международной политики. Доклад в обществе востоковедения. СПб, 1909.

Фей С. Происхождение мировой войны, т. I и т. II. Перевод с английского. М., 1934.

Фурсенко А. А. Борьба за раздел Китая и американская доктрина открытых дверей (1895—1900). М.—Л., 1956.

Фурсенко А. А. Американская буржуазная историография о происхождении доктрины Хэя. Сб. «Критика новейшей буржуазной историографии». М.—Л., 1961.

Хальгартен Г. Империализм до 1914 года. Социологическое исследование германской внешней политики до первой мировой войны. Перевод с немецкого. М., 1961.

Хвостов В. М. Возникновение первой мировой империалистической войны. «Исторический журнал», 1939, № 7.

Хвостов В. М. Франко-русский союз и его историческое значение. М., 1955.

Хвостов В. М. История дипломатии, т. II, М., 1963.

Хейфец А. Н. Революционные связи народов России и Китая в начале XX века. «Вопросы истории», 1956, № 12.

Хромов П. А. Очерки экономики России периода монополистического капитализма. М., 1960.

Ху Шен. Агрессия империалистических держав в Китае. Перевод с китайского. М., 1951.

Цинь Бэнь-ли. История экономической агрессии американского империализма в Китае. Перевод с китайского. М., 1951.

Черняк Е. Б. Американская историческая ассоциация. «Вопросы истории», 1955, № 6.

Шабшина Ф. И. Освободительное движение корейского народа в 1905—1911 гг. Сб. «Первая русская революция и международное революционное движение», ч. II, М., 1956.

Шепелев Л. Е. Акционерное учредительство в России. «Труды Ленинградского института истории», вып. I. Из истории империализма в России. М.—Л., 1959.

Шиша А. Роль иностранного капитала в экономической жизни Сибири. Новониколаевск, 1922.

Эйдус Х. Т. Япония от первой до второй мировой войны. М., 1946.

Эйдус Х. Т. Очерки новой и новейшей истории Японии. М., 1955.

**

Akagi H. Japan's Foreign Relations 1542—1936. Tokio, 1936.

Allen H. The Anglo-American Relationship since 1783. London, 1959.

Amidon W. The Issue of Sakhalin in Russo-Japanese Relations. «Five Studies in Japanese Politics», Michigan, 1957.

Bailey T. The World Cruise of the American Battleship Fleet, 1907—1909. «The Pacific Historical Review», 1932, Nr. 4.

Bailey T. The Root Takahira Agreement of 1908. «The Pacific Historical Review», 1940, Nr. 1.

Bailey T. America Faces Russia. Russian-American Relations from Early Times to our Day. Ithaca, New York, 1950.

Battistini L. The Rise of American Influence in Asia and the Pacific. Michigan State University Press, 1960.

Bau M. The Open Door Doctrine in Relation to China. New York, 1923.

Beard Ch. The Presidents in American History. New York, 1958.

Beale H. Theodore Roosevelt and the Rise of America to World Power. Baltimore, 1956.

Beers B. Vain Endeavor. Robert Lansing's Attempts to the American-Japanese Rivalry. Durham, 1962.

Bemis S. The United States as a World Power. A Diplomatic History 1900—1950, New York, 1951.

Birnbaum K. Peace Moves and U-boat Warfare. Stockholm, 1958.

Bisson T. America's Far Eastern Policy. New York, 1945.

Bland J. Recent Events and Present Policies in China. Philadelphia—London, 1912.

Bloch K. German Interests and Policies in the Far East. New York, 1940.

Borton H. Japan's Modern Century. New York, 1955.

Braisted W. The United States Navy's Dilemma in the Pacific 1906—1909, «The Pacific Historical Review», 1957, Nr. 3.

Bruce M. The Shaping of the Modern World 1870—1914. New York, 1958.

Buss Cl. The Far East. A History of Recent and Contemporary International Relations in East Asia. New York, 1955.

Byas H. America and Japan: A Trinity of Problems. «Contemporary Japan. A Review of Japanese Affairs», 1932, Nr. 2.

The Cambridge History of the British Empire. Vol. III. The Empire Commonwealth 1870—1919. Cambridge, 1959.

Cameron M. American Recognition Policy toward the Republic of China, 1912—1913. «The Pacific Historical Review», 1933, Nr. 2.

Cameron M., Mahoney P., Mc Reynolds G. China, Japan and the Powers. New York, 1952.

- Chamberlin E. The Japanese Scare at Magdalena Bay. «The Pacific Historical Review», 1955, Nr. 4.
- Chang Kia-ngau. China's Struggle for Railroad Development. New York, 1943.
- Clinard O. Japan's Influence on American Naval Power 1897—1917. Berkeley and Los Angeles, 1947.
- Clyde P. International Rivalries in Manchuria 1689—1922. Columbus, 1926.
- Curry R. Woodrow Wilson and Far Eastern Policy 1913—1921, New York, 1957.
- Dennet T. President Roosevelt and the Russo-Japanese War. New York, 1925.
- Dennis A. Adventures in American Diplomacy 1896—1906. From Unpublished Documents. New York, 1928.
- Dulles F. Forty Years of American-Japanese Relations. New York—London, 1937.
- Dulles F. China and America. The Story of their Relations since 1784. Princeton, 1946.
- Dulles F. America's Rise to World Power 1898—1954. New York, 1955.
- Dulles F. The Imperial Years. New York, 1956.
- Emerson R. Paradoxes of Asian Nationalism. «The Far Eastern Quarterly», 1954, Nr. 2.
- Endacott G. A History of Hong Kong. London, 1958.
- E—ty Zen Sun. Chinese Railways and British Interests 1898—1911. New York, 1954.
- Falls C. The Great War. New York, 1959.
- Feng Djen Djang. The Diplomatic Relations between China and Germany since 1898. Shanghai, 1936.
- Florenz K. Deutschland und Japan. Hamburg, 1915.
- Franke O. Die Großmächte in Ostasien von 1894 bis 1914. Ein Beitrag zur Vorgeschichte des Krieges. Braunschweig und Hamburg, 1923.
- Fox F. The Mastery of the Pacific. Can the British Empire and the United States Agree? London, 1928.
- Greene F. The Military View of American National Policy 1904—1940. «The American Historical Review». 1961, Nr. 2.
- Griswold A. The Far Eastern Policy of the United States. New York, 1938.
- Göhring. M. Bismarcks Erben 1890—1945. Wiesbaden, 1959.
- Gordon. D. Roosevelt's «Smart Yankee Trick». «The Pacific Historical Review». 1961, Nr. 4.
- Hamada K. Prince Ito. Tokio, 1936.
- Harbauch W. Power and Responsibility. The Life and Times of Theodore Roosevelt. New York, 1961.
- Hauser O. Deutschland und der Englisch-Russische Gegensatz 1900—1914. Göttingen, Berlin, Frankfurt, 1958.
- Ike N. Beginnings of Political Democracy in Japan. Baltimore, 1950.
- Inagaki S. Relations between Japan and China. «The Japan Magazine», 1913, Nr. 10.
- Kaneko K. A «Japanese Monroe Doctrine» and Maschuria. «Contemporary Japan. A Review of Japanese Affairs», 1932, Nr. 2.
- Kato T. Japanese Influence in China. «The Japan Magazine», 1913, Nr. 8.
- Kawakami K. Japan in World Politics. New York, 1919.
- Kawakami K. Japan's Pacific Policy. New York, 1922.
- Kawakami K. Japan Speaks on the Sino-Japanese Crisis. New York, 1932.
- Kennan G. American Diplomacy 1900—1950. Chicago, 1952.
- Kent P. Railwai Enterprise in China. London, 1907.

- Kohn H. Basic History of Modern Russia. Political, Cultural and Social Trends. Toronto, New York, London, 1957.
- Kohn H. The Twentieth Century. The Challenge to the West and its Response. New York, 1957.
- Kohn H. The Idea of Nationalism. A Study in its Origins and Background. New York, 1961.
- Kuno Y. Japanese Expansion of the Asiatic Continent, v. II. Berkeley and Los Angeles, 1940.
- Langdon F. Japan's Failure to Establish Friendly Relations with China in 1917—1918. «The Pacific Historical Review», 1957, Nr. 3.
- Lawton L. Empires of the Far East. A Study of Japan and of her Colonial Possessions, of China and Manchuria and of the Political Questions of Eastern Asia and the Pacific, v. II. London, 1912.
- Lea H. If America Fights with Japan. The Horkuseido Press (Australia), 1942.
- LaFargue T. The Entrance of China into the World War. «The Pacific Historical Review», 1936, Nr. 3.
- Livermore S. American-Base Policy in the Far East 1850—1914. «The Pacific Historical Review», 1944, Nr. 2.
- Lockwood W. The Economic Development of Japan. Growth and Structural Change 1868—1938. Princeton, 1954.
- Lord W. The Good Years. From 1900 to the First World War. New York, 1960.
- Malosemoff A. Russian Far Eastern Policy 1881—1904. Berkeley and Los Angeles, 1958.
- May E. The World War and American Isolation 1914—1917. Cambridge, 1959.
- Millard T. The Far Eastern Questions. London — Leipsic, 1909.
- Millard T. Conflict of Policies in Asia. New York and London, 1924.
- Minger R. Taft's Missions to Japan: A Study in Personal Diplomacy. «The Pacific Historical Review», 1961, Nr. 3.
- Mowry G. The Era of Theodore Roosevelt 1900—1912. New York, 1958.
- Muramatsu Y. Nationalism and Communism in China. «Asian Affairs», 1956, Nr. 4.
- Okuma. Japanese Diplomacy. «The Japan Magazine», 1913, Nr. 2.
- Okuma. Japan and the European Armageddon. «The Japan Magazine», 1914, Nr. 7.
- Ostwald P. Japans Expansions Politic 1900—1914. Berlin, 1916.
- Overlach T. Foreign Financial Control in China. New York, 1919.
- Panikkar K. Asia and Western Dominance. London, 1954.
- Pares B. The Fall of Russian Monarchy. New York, 1961.
- Pratt J. T. China and Japan. London, 1944.
- Pratt J. T. The Expansion of Europe into the Far East. London, 1947.
- Pratt J. T. China and Britain. London, 1948.
- Pratt J. W. America's Colonial Experiment. New York, 1960.
- Pratt J. W. A History of the United States Foreign Policy. New York, 1955.
- Price E. The Russo—Japanese Treaties of 1906—1916 concerning Manchuria and Mongolia. Baltimore, 1933.
- Pustau E. and Kirota O. Japan and Deutschland die beiden Weltträtsel. Berlin, 1936.
- Rawley J. American Historians and National Politics from the Civil War to the First World War. «Essays in American Historiography. Papers Presented in Honor of Allan Nevins». New York, 1960.
- Reid J. The Manchu Abdication and the Powers, 1908—1912. Berkeley, California, 1935.
- Reinsch P. Intellectual and Political Currents in the Far East. Boston and New York, 1911.
- Remer C. Foreign Investments in China. New York, 1933.

- Renouvin P. *La Question D'extreme — Orient 1840—1940*. Paris, 1946.
- Royama M. *Asian Nationalism and Japan*. «Asian Affairs», 1956, Nr. 4.
- Savelle M. *The Philosophy of the General: Toynbee versus the Naturalists*. «The Pacific Historical Review», 1956, Nr. 1.
- Schmitt B. «With How Little Wisdom». «The American Historical Review», vol. 66, Nr. 2, 1961.
- Shenton J. *Imperialism and Racism*. «Essays in American Historiography». New York, 1960.
- Shibusawa *Japan's Relations with America*. «The Japan Magazine», 1913, Nr. 5.
- Shiratory K. *The Struggle between East and West*. «The Japan Magazine», 1913, Nr. 7.
- Smith C. *The Russian Struggle for Power 1914—1917*. New York, 1956.
- Spektor I. *The First Russian Revolution. Its Impact on Asia*. New York, 1962.
- Storry R. *The Double Patriots. A Study of Japanese Nationalism*. London, 1957.
- Storry R. *A History of Modern Japan*. London, 1960.
- Soothill W. *China and the West*. London, 1925.
- Soothill W. *China and England*. London, 1928.
- Takeuchi T. *War and Diplomacy in the Japanese Empire*. London, 1935.
- Tannenbaum F. *The American Tradition in Foreign Policy*. Norman, 1955.
- Thorson W. *American Public Opinion and the Portsmouth Peace Conference*. «The American Historical Review», 1948, Nr. 3.
- Tompkins P. *American — Russian Relations in the Far East*. New York, 1949.
- Toynbee A. *The World and the West*. London, New York, Toronto, 1954.
- Toynbee A. *A Study of History*, v. VII. London, New York, Toronto, 1955.
- Treat P. *Japan, America and the Great War*. «A League of Nations», 1918, Nr. 8.
- Treat P. *Japan and the United States 1853—1921*. Stanford, 1928.
- Treat P. *The Far East. A Political and Diplomatic History*. New York and London, 1935.
- Vevier Ch. *The United States and China 1906—1913. A Study of Finance and Diplomacy*. New Brunswick, New Jersey, 1955.
- Williams W. *The Frontier Thesis and American Foreign Policy*. «The Pacific Historical Review», 1955, Nr. 4.
- Williams W. *American — Russian Relations 1781—1947*. New York, Toronto, 1957.
- Williams W. *The Tragedy of American Diplomacy*. Cleveland and New York, 1959.
- Wish H. *The American Historian. A Social — Intellectual History of the Writing of the American Past*. New York, 1960.
- Wood G. *The Twenty — One Demands Japan versus China*. New York, Chicago, 1921.
- Wood G. *China, the United States and the Anglo — Japanese Alliance*. New York, Chicago, 1921.
- Wood G. *The Shantung Question*. New York, Chicago, 1922.
- Young C. *The International Relations of Manchuria*. Chicago, 1929.
- Young C. *Japans Jurisdiction and International Legal Position in Manchuria*. Baltimore, London, Oxford, 1931.
- Zabriskie E. *American — Russian Rivalry in the Far East. 1895—1914*. Philadelphia, 1946.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
Введение	3
Источники, историография и литература	7
Глава I. Японская и американская колониальная экспансия на Дальнем Востоке в 1906—1907 гг.	50
1. Агрессия японского империализма в Южной Маньчжурии и Корее	50
2. Экспансия США на Дальнем Востоке и рост американо-японских противоречий	69
Глава II. Дальневосточная политика империалистических государств и русско-японские отношения в 1906—1907 гг.	96
1. Царская дипломатия и великие державы в первые месяцы после заключения Портсмутского мира	96
2. Политика царского правительства на Дальнем Востоке	107
3. Взаимоотношения Японии и России. Русско-японские соглашения 1907 г.	121
4. Усиление дальневосточных позиций Англии, Франции и Германии	145
Глава III. Усиление агрессивной политики американского империализма на Дальнем Востоке в 1908—1910 гг. Колониальная экспансия западных держав в Китае	160
1. Взаимоотношения Соединенных Штатов Америки с Германией и Японией. Соглашение Рут-Такахира	160
2. Экспансия западных держав в Китае. Англо-франко-германо-американское соглашение о хугуанском займе	181
3. Экспансия американского империализма в Северо-Восточном Китае	196
Глава IV. Агрессивная политика Японии в 1908—1910 гг. Антиимпериалистическая борьба китайского и корейского народов	216
1. Агрессия японского империализма в Южной Маньчжурии. Рост антиимпериалистического движения в Китае	216
2. Аннексия Кореи Японией и позиции держав. Антияпонская борьба корейского народа	236
Глава V. Дальневосточная политика России. Русско-японские отношения в 1908—1910 гг.	257
1. Вопрос об укреплении военно-политического положения царизма на русском Дальнем Востоке	257
2. Экспансия иностранного капитала и отмена порто-франко на русском Дальнем Востоке	272
3. Русско-японское соглашение 1910 г. и его международное значение	293
Глава VI. Агрессивная политика империалистических государств в Китае во время революции 1911—1913 гг.	310
1. Создание Четвертого консорциума	310

2. Политика империалистических держав во время Синьхайской революции (до февраля 1912 г.)	327
3. Консорциум и борьба великих держав за господство в Китае в 1912—1913 гг. Поддержка правительства Юань Ши-кая империалистами	344
Глава VII. Дальневосточная политика России. Русско-китайские и русско-японские отношения в 1911—1913 гг.	370
1. Русско-китайские и русско-монгольские отношения	370
2. Русско-японские отношения	415
Глава VIII. Взаимоотношения Японии с государствами Запада в 1911—1913 гг.	427
1. Дальневосточная политика Японии, Великобритании и Германии	427
2. Дальнейшее обострение японо-американского антагонизма	443
Глава IX. Влияние первой мировой войны на дальневосточную политику великих держав. Японская агрессия в Китае в 1915 г.	463
1. Начало первой мировой войны на Дальнем Востоке	463
2. Укрепление экономических и политических позиций японского империализма во время войны. Переговоры об образовании Четверного англо-франко-русско-японского союза	480
3. «Двадцать одно требование» Японии Китаю. Отношение великих держав к японской агрессии	490
Глава X. Дальневосточная политика империалистических государств в 1916—1917 гг.	515
1. Ослабление роли и позиций России на Дальнем Востоке. Русско-японский союзный договор 1916 г.	515
2. Американская экспансия в Китае в 1916—1917 гг. и обострение японо-американского экономического и политического соперничества на Дальнем Востоке	535
3. Подъем революционного и национально-освободительного движения в 1917 г. Соглашение Лаусинг-Исин	555
Заключение	582
Источники и литература	587
Источники	587

Станислав Селиверстович Григорцевич
ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ
ДЕРЖАВ в 1906—1917 гг.

Томск, Изд. ТГУ. 1965 г. 604 с.

Редактор издательства **Л. Г. Мордовина**
Технический редактор **А. С. Бобренко**
Корректор **Л. Н. Петренко**

К301329 Сдано в набор 13/II-65 г. Подписано к печати 20/X-65 г.
Формат 60×92¹/₁₆, печ. л. 37,75, уч.-изд. л. 37,5.
Заказ 1453. Тираж 700. Цена в переплете № 5 2 руб. 78 коп.

Томск, Издательство ТГУ, проспект Ленина, 34.
Областная типогр. № 1 Управления по печати, Томск, Советская, 47.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
86	10 сверху	Ламсдорфу	Ламздорфу
123	6 снизу	приступными	преступными
137	22 сверху	во внешней Монголии	во Внешней Монголии
322	19 снизу	Фушиньских	Фушуньских
327	2 снизу	66)	67)
328	5 снизу	67)	66)
339	19 снизу	вительство США подчеркивало, что оно стоит за то	ясную политику, а не стремиться послать нас вперед
352	24 сверху	В противном случае, по мнению английского правительства	половину займа. В связи с этим английское правительство
436	7 сверху	чот	что
470	1 сверху	за помощью	за помощь
517	5 снизу	Вьюкнен	Бьюкенен
526	13 сверху	аммуниции	амуницией
549	3 снизу	Е. И. Попов	Е. И. Попова
551	15 снизу	Су Цин-ван	Сун Цин-ван
558	12 сверху	политики	политикой
562	2 снизу	Е. И. Попов	Е. И. Попова
583	5 снизу	статускво	статус кво
584	21 сверху	статускво	статус кво
589	22 сверху	My Mission	Ma mission
590	6 сверху	Frakfurter	Frankfurter

цена 2 руб. 78 коп.

С. С.
Григорьевич

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА
ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ДЕРЖАВ В 1906 — 1917 гг.

1965